343.1
О-29

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

КЪ ПРОЕКТУ

УСТАВА УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

3545.
35015

(К)

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЙ ЗАПИСКИ КЪ ПРОЕКТУ УСТАВА УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

	Стр.
Вступленіе	1.
Составъ уголовнаго отдѣленія коммисіи	—
Приглашенныя лица	2.
Число засѣданій	—
Раздѣленіе проекта	3.
Предметы отдѣльныхъ его книгъ	—

КНИГА ПЕРВАЯ.

ОБЩІЙ ПОРЯДОКЪ УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА.

Раздѣлъ первый.	
Положенія общія.	5.
О преслѣдованіи за преступленія и проступки исключительно по правиламъ сего устава	7.
О допущеніи по нѣкоторымъ дѣламъ начала частнаго обвиненія	8.
О допущеніи совмѣстнаго производства съ уголовнымъ искомъ о наказаніи гражданскаго иска о вознагражденіи	10.
По вопросу: можетъ ли оправданный или осужденный подлежать вторичному суду по тому же дѣлу	11.
Мнѣніе одного члена	12.
Мнѣніе большинства	13.
По вопросу о порядкѣ опредѣленія вознагражденія за вредъ и убытки въ тѣхъ случаяхъ, когда уголовное преслѣдованіе прекращено безъ постановленія приговора по существу дѣла:	
Мнѣніе четырнадцати членовъ	22.
Мнѣніе большинства	26.
О случаяхъ столкновенія подсудностей уголовной и гражданской	29.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О разборѣ дѣлъ у мировыхъ судей и въ мировыхъ съѣздахъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стр.

О подсудности . . . . . 33.

По вопросу: до какой суммы мировые судьи могутъ налагать денежныя взысканія . . . . . —

Мнѣніе двенадцати членовъ . . . . . 34.

Мнѣніе большинства . . . . . —

Объ отношеніяхъ волостныхъ судовъ къ мировымъ учрежденіямъ . . . . . 36.

О пререканіяхъ о подсудности . . . . . 41.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О порядкѣ начатія дѣлъ у мировыхъ судей.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О поводахъ къ начатію дѣлъ . . . . . 41.

По вопросу о возбужденіи дѣлъ по заявленіямъ частныхъ лицъ:

Мнѣніе трехъ членовъ. . . . . . 43.

Мнѣніе большинства . . . . . 46.

По вопросу о правѣ судьи поручать полиціи собраніе свѣдѣній по необстоятельнымъ жалобамъ:

Мнѣніе трехъ членовъ. . . . . . 50.

Мнѣніе большинства . . . . . 52.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О вызовѣ сторонъ и свидѣтелей . . . . . 54.

О приводѣ обвиняемаго . . . . . 55.

Объ отсутствующихъ обвиняемыхъ . . . . . —

О неявкѣ обвинителя . . . . . 56.

О вызовѣ полицейскихъ чиновъ, сообщающихъ о преступныхъ дѣйствіяхъ . . . . . —

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О порядкѣ разбирательства у мировыхъ судей. . . . . . 57.

О гласности разбирательства . . . . . —

О предложеніи обвиняемому вопроса: признаетъ ли онъ себя виновнымъ . . . . . 58.

Стр.

О порядкѣ выслушанія явившихся лицъ . . . . . 58.

О присягѣ свидѣтелей . . . . . —

О предложеніи вопросовъ свидѣтелямъ . . . . . 59.

О распросѣ свидѣтелей и сторонъ самимъ судьею . . . . . —

Объ осмотрахъ и другихъ мѣстныхъ дознаніяхъ . . . . . 64.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О постановленіи и объявленіи приговоровъ . . . . . 65.

По вопросу о замѣнѣ въ окончательныхъ приговорахъ ареста другими взысканіями:

Мнѣніе одиннадцати членовъ . . . . . 66.

Мнѣніе большинства . . . . . 74.

О платѣ за копіи съ приговоровъ и протоколовъ . . . . . —

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Объ исполненіи приговоровъ мировыхъ судей . . . . . 75.

Объ исполненіи приговоровъ надъ лицами, отвѣчавшими чрезъ повѣренныхъ . . . . . —

О разсрочкѣ денежныхъ взысканій и вознагражденія . . . . . 76.

Объ устройствѣ при мировыхъ участкахъ арестантскихъ помѣщеній . . . . . —

Объ извѣщеніи общества о лицахъ, осужденныхъ за кражу или мошенничество . . . . . 77.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О протоколахъ мировыхъ судей . . . . . —

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Объ отзывахъ на приговоры мировыхъ судей. . . . . 79.

О лицахъ, имѣющихъ право на принесеніе отзывовъ . . . . . —

По вопросу о принесеніи отзывовъ полиціею:

Мнѣніе четырнадцати членовъ . . . . . —

Мнѣніе большинства . . . . . 80.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Стр.

О порядкѣ разбирательства въ мировыхъ съѣздахъ . . . . . 83.

По вопросу: въ какихъ дѣлахъ товарищи прокурора даютъ свое заключеніе:

Мнѣніе двѣнадцати членовъ . . . . . 85.

Мнѣніе большинства . . . . . 86.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Объ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ мировыхъ судей и съѣздовъ . 91.

По вопросу объ опредѣленіи существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства:

Мнѣніе семи членовъ . . . . . —

Мнѣніе большинства . . . . . 97.

По вопросу: кому должна быть предоставлена отмѣна окончательныхъ приговоровъ, сенату или судебнымъ палатамъ?

Мнѣніе четырнадцати членовъ . . . . . 103.

Мнѣніе большинства . . . . . 109.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІИ.

О подсудности по дѣламъ, изъятымъ изъ вѣдомства мировыхъ судей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О подсудности по роду преступленій . . . . . 113.

О предоставленіи окружному суду, въ составѣ съ присяжными, полной уголовной подсудности. 114.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О подсудности по мѣсту совершенія преступленій или по мѣсту задержанія обвиняемыхъ . . . . . 115.

О сужденіи всѣхъ соучастниковъ въ преступленіи въ одномъ судѣ . . . . . 116.

О подсудности по преступленіямъ, мѣсто совершенія коихъ представляется сомнительнымъ или спорнымъ . . . . . 117.

О подсудности при совокупности преступленій одинаковой важности, совершенныхъ въ разныхъ судебныхъ округахъ . . . . . 118.

Стр.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О подсудности по принадлежности обвиняемыхъ къ особымъ вѣдомствамъ или по служебнымъ ихъ обязанностямъ . . . . . 119.

Объ ограниченіи случаевъ военной подсудности . . . . . 120.

По вопросу о преданіи военному суду гражданскихъ чиновъ, состоящихъ въ военномъ вѣдомствѣ:

Мнѣніе одного члена . . . . . 122.

Мнѣніе большинства . . . . . —

По вопросу о преданіи суду гражданскаго вѣдомства военныхъ чиновъ, не входящихъ въ составъ войскъ:

Мнѣніе одного члена . . . . . 123.

Мнѣніе большинства . . . . . 124.

О смѣшанной подсудности гражданской и военной . . . . . —

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О порядкѣ разрѣшенія сомнѣній и пререканій о подсудности . . . 125.

О порядкѣ разрѣшенія сомнѣній о подсудности . . . . . —

О послѣдствіяхъ сомнѣній о подсудности . . . . . —

О порядкѣ разрѣшенія пререканій о подсудности . . . . . 126.

О пререканіяхъ между общими и спеціальными судами . . . . . —

О пререканіяхъ между судебною и административными властями . . . . . —

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О перенесеніи уголовныхъ дѣлъ изъ одного суда въ другой той же степени . 127.

РАЗДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

О предварительныхъ слѣдствіяхъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О лицахъ, участвующихъ въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій . . 129.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Объ участіи полиціи въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій . . . . —

Объ ограниченіи круга слѣдственныхъ дѣйствій полиціи . . . . . 130.

Стр.

По вопросу о порядкѣ передачи полицейскихъ дознаній судебному слѣдователю:

Мнѣніе трехъ членовъ . . . . . 131.

Мнѣніе большинства . . . . . 132.

О правѣ полиціи задерживать обвиняемыхъ въ отсутствіе судебнаго слѣдователя . . . . . 133.

По вопросу: можно ли дозволить полиціи снятіе формальныхъ допросовъ?

Мнѣніе четырехъ членовъ . . . . . 134.

Мнѣніе трехъ членовъ . . . . . 138.

Мнѣніе большинства . . . . . 141.

О спеціальныхъ полиціяхъ . . . . . 145.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О существѣ обязанностей и степени власти судебныхъ слѣдователей . . . . —

Объ извѣщеніи прокурора о начатыхъ слѣдствіяхъ . . . . . 146.

Объ отношеніяхъ судебнаго слѣдователя къ полиціи . . . . . —

О цѣли изысканій слѣдователя и принимаемыхъ имъ мѣръ . . . . . 147.

Объ отводѣ слѣдователя и устраненіи имъ себя отъ производства слѣдствія . . . . . 148.

Объ ограниченіи власти слѣдователя въ прекращеніи слѣдствій . . . . . —

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О существѣ обязанностей и степени власти прокуроровъ по производству предварительныхъ слѣдствій . . . . . 149.

О средствахъ къ наблюденію за производствомъ слѣдствій . . . . . 150.

По вопросу о разрѣшеніи разномыслія между прокуроромъ и слѣдователемъ:

Мнѣніе шести членовъ . . . . . —

Мнѣніе большинства . . . . . 154.

Объ отводѣ прокурора отъ наблюденія за предварительнымъ слѣдствіемъ . . . . . 156.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объ условіяхъ производства предварительныхъ слѣдствій.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О мѣстѣ и времени производства слѣдствій . . . . . 157.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О допущеніи гласности и защиты обвиняемыхъ при предварительномъ слѣдствіи . . 158.

О степени гласности предварительнаго слѣдствія . . . . . —

О правѣ слѣдователя устранять гласность, когда окажется это необходимымъ . . . . . 159.

Стр.

О защитѣ обвиняемыхъ при предварительномъ слѣдствіи . . . . . 160.

По вопросу объ условіяхъ, коимъ защитники должны удовлетворять:

Мнѣніе одного члена . . . . . 160.

Мнѣніе десяти членовъ . . . . . 164.

Мнѣніе большинства . . . . . 167.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О законныхъ поводахъ къ начатію предварительныхъ слѣдствій . . . . 175.

О степени обязательности различныхъ поводовъ къ начатію слѣдствія . . . . . 176.

По вопросу: составляетъ ли явка съ повинною безусловный поводъ къ начатію слѣдствія:

Мнѣніе одиннадцати членовъ . . . . . 177.

Мнѣніе большинства . . . . . 178.

О начатіи слѣдствія по собственному усмотрѣнію судебнаго слѣдователя . . . . . 179.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объ изслѣдованіи событія преступленія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Объ осмотрѣ и освидѣтельствованіи . . . . . 180.

О назначеніи понятыхъ . . . . . 181.

По вопросу о порядкѣ наложенія взысканія на понятыхъ за неявку къ слѣдствію:

Мнѣніе семи членовъ . . . . . —

Мнѣніе большинства . . . . . 182.

По вопросу о взысканіи съ свѣдущихъ людей за неявку къ слѣдствію:

Мнѣніе одного члена . . . . . 184.

Мнѣніе большинства . . . . . 186.

По вопросу о поводахъ къ приглашенію слѣдователемъ врача:

Мнѣніе одного члена . . . . . 187.

Мнѣніе девяти членовъ . . . . . 189.

Мнѣніе большинства . . . . . 190.

О порядкѣ удостовѣренія въ безуміи или сумасшествіи обвиняемаго . . . . . 193.

Стр.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О розысканіи предметовъ, обнаруживающихъ преступленіе . . . . . 194.

О порядкѣ производства обысковъ у присяжныхъ повѣренныхъ . . . . . —

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О представленіи обвиняемаго къ слѣдствію, и о допросѣ его.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О призывѣ и приводѣ обвиняемыхъ къ слѣдствію . . . . . 195.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О допросѣ обвиняемыхъ . . . . . 195.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія . . . 196.

Объ опредѣленіи мѣры пресѣченія обвиняемому уклоненія отъ слѣдствія . . . . . —

Объ отвѣтственности поручителей . . . . . 197.

О размѣрахъ залога . . . . . 198.

По вопросу объ огражденіи правильности содержанія подъ стражею:

Мнѣніе семи членовъ . . . . . 199.

Мнѣніе большинства . . . . . 200.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О вызовѣ и допросѣ свидѣтелей . . . . . 203.

По вопросу о допросѣ свидѣтелей на мѣстѣ ихъ жительства:

Мнѣніе четырнадцати членовъ . . . . . 204.

Мнѣніе большинства . . . . . 206.

О предъявленіи свидѣтельскихъ показаній обвиняемому . . . . . 207.

О допросѣ нѣкоторыхъ свидѣтелей подъ присягою . . . . . 208.

По вопросу о порядкѣ собранія свѣдѣній о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни обвиняемаго:

Мнѣніе девяти членовъ . . . . . —

Мнѣніе большинства . . . . . 213.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Стр.

О протоколахъ предварительнаго слѣдствія . . . . . 217.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О заключеніи слѣдствія . . . . . —

По вопросу объ опредѣленіи, когда слѣдствіе надлежитъ считать конченнымъ:

Мнѣніе четырехъ членовъ . . . . . 218.

Мнѣніе большинства . . . . . 219.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Объ отвѣтственности полицейскихъ чиновъ и судебныхъ врачей въ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Объ отвѣтственности полицейскихъ чиновъ. . . . . 221.

Объ отвѣтственности полицейскихъ чиновъ по производству дознаній и принятію первоначальныхъ мѣръ изслѣдованія . . . . . 221.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Объ отвѣтственности судебныхъ врачей . . . . . 223.

По вопросу о порядкѣ наложенія взысканій на судебныхъ врачей. . . . . 223.

Мнѣніе трехъ членовъ . . . . . —

Мнѣніе большинства . . . . . 226.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О порядкѣ обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій вообще. . . . . 227.

РАЗДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

О порядкѣ преданія суду или освобожденія отъ судебнаго преслѣдованія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стр.

О власти и образѣ дѣйствій прокурора окружнаго суда . . 228.

О обязанностяхъ прокурора при разсмотрѣніи предварительныхъ слѣдствій . . . . . 229.

О правѣ прокурора обращать дѣла къ дополненію . . . . . 230.

Объ ограниченіи власти прокурора по отношенію къ дѣйствіямъ судебнаго свойства . . . . . 231.

По вопросу о правѣ прокурора преслѣдовать обвиняемаго на судѣ непосредственнымъ предъявленіемъ обвинительнаго акта:

Мнѣніе трехъ членовъ . . . . . —

Мнѣніе четырнадцати членовъ . . . . . 236.

Мнѣніе большинства . . . . . 240.

О содержаніи обвинительнаго акта . . . . . 241.

По вопросу объ указаніи въ обвинительномъ актѣ причинъ невмѣняемости содѣяннаго въ вину . 242.

Мнѣніе одиннадцати членовъ . . . . . —

Мнѣніе большинства . . . . . 243.

О сообщеніи обвинительнаго акта обвиняемому . . . . . 243.

Объ изъятіи изъ правила о совмѣстномъ сужденіи всѣхъ преступленій обвиняемаго и всѣхъ его соучастниковъ . . . . . 246.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О власти и образѣ дѣйствій судебныхъ мѣстъ и состоящаго при палатѣ прокурора . . . . . 247.

О томъ: стѣсняются ли судебныя мѣста предложеніями прокуроровъ о преданіи суду или о прекращеніи преслѣдованія? . . . . . 248.

О порядкѣ постановленія опредѣленій о преданіи суду или о прекращеніи преслѣдованія . . . 249.

О случаяхъ преданія суду такихъ лицъ, которыхъ прокуроръ полагалъ освободить отъ преслѣдованія . . . . . 250.

По вопросу о вознагражденіи лицъ, неправильно привлеченныхъ къ уголовной отвѣтственности:

Мнѣніе меньшинства . . . . . 251.

Мнѣніе большинства . . . . . 253.

О законной силѣ судебныхъ рѣшеній по прекращенію уголовнаго преслѣдованія . . . . . 253.

РАЗДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Объ уголовномъ судопроизводствѣ въ окружныхъ судахъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стр.

О порядкѣ начатія судопроизводства въ окружныхъ судахъ. . . 257.

О различныхъ способахъ начатія судопроизводства . . . . . 258.

О начатіи судопроизводства безъ предварительнаго слѣдствія . . . . . 259.

О порядкѣ начатія судопроизводства непосредственно . . . . . 260.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О распоряженіяхъ суда . . . . . 262.

По вопросу: слѣдуетъ ли опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ дѣло подлежитъ предварительному разсмотрѣнію:

Мнѣніе восьми членовъ . . . . . 263.

Мнѣніе большинства . . . . . 266.

О порядкѣ призыва присяжныхъ къ судебнымъ засѣданіямъ . . . . . 268.

О гласномъ вынутіи жребія присяжнымъ, призываемымъ къ судебнымъ засѣданіямъ . . . . —

За сколько времени до открытія засѣданій надлежитъ вынимать жребій очереднымъ засѣдателямъ? . . . . . 269.

О призывѣ къ засѣданіямъ, сверхъ очередныхъ, еще запасныхъ засѣдателей. . . . . —

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О распоряженіяхъ предсѣдателя суда . . . . . 270.

О приготовительныхъ дѣйствіяхъ по дѣламъ, назначеннымъ къ слушанію не въ мѣстѣ постояннаго пребыванія суда . . . . . 271.

О назначеніи подсудимымъ защитниковъ . . . . . 273.

По вопросу о назначеніи защитниковъ независимо отъ просьбы о томъ подсудимыхъ:

Мнѣніе десяти членовъ . . . . . 274.

Мнѣніе большинства . . . . . 277.

По вопросу о допущеніи защитниковъ къ объясненіямъ наединѣ съ подсудимыми арестантами: *Стр.*

Мнѣніе десяти членовъ . . . . . 279.

Мнѣніе большинства . . . . . 281.

По вопросу: слѣдуетъ ли опредѣлить, въ чемъ должны состоять приготовленія къ защитѣ:

Мнѣніе тринадцати членовъ . . . . . 283.

Мнѣніе большинства . . . . . 284.

О вызовѣ въ судъ свидѣтелей по требованіямъ сторонъ . . . . . 286.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О составѣ присутствія для судебнаго засѣданія и о предъявленіи отводовъ . . 288.

О случаяхъ выбытія лицъ, необходимыхъ для судебнаго засѣданія . . . . . 289.

Объ отводѣ судей отъ участія въ сужденіи дѣла . . . . . —

По вопросу о предоставленіи прокурору права отводить судей:

Мнѣніе восьми членовъ . . . . . 290.

Мнѣніе большинства . . . . . 292.

Объ отводѣ прокурора . . . . . 294.

Объ отводѣ секретаря . . . . . 295.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объ управленіи ходомъ дѣлъ въ судебномъ засѣданіи. . . . . . —

О предѣлахъ власти предсѣдателя суда въ управленіи ходомъ дѣлъ . . . . . 296.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О существенныхъ условіяхъ производства уголовныхъ дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ . 297.

О гласности по дѣламъ, заключающимъ въ себѣ распространеніе вредныхъ ученій . . . . . 298.

О дозволеніи нѣкоторымъ лицамъ остаться въ судѣ, не смотря на закрытіе дверей засѣданія . . 299.

По вопросу: слѣдуетъ ли опредѣлить права, коими пользуются стороны при судебномъ состязаніи:

Мнѣніе семи членовъ . . . . . 300.

Мнѣніе большинства . . . . . 301.

По вопросу о постановленіи правила относительно непрерывности суда:

Мнѣніе семи членовъ . . . . . 303.

Мнѣніе большинства . . . . . 304.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О дѣйствіяхъ, сопровождающихъ открытіе судебнаго засѣданія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Стр.

Объ открытіи судебнаго засѣданія вообще . . . . . 306.

По вопросу о наставленіи предсѣдателя суда защитнику подсудимаго:

Мнѣніе десяти членовъ . . . . . 307.

Мнѣніе большинства . . . . . 308.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Объ открытіи судебнаго засѣданія съ присяжными . . . . . 309.

О случаяхъ прибытія въ судъ менѣе 30-ти засѣдателей . . . . . 311.

По вопросу объ отводѣ присяжныхъ по законнымъ причинамъ:

Мнѣніе одиннадцати членовъ . . . . . —

Мнѣніе большинства . . . . . 314.

По вопросу о необходимости отвода присяжнымъ прокуроромъ:

Мнѣніе одного члена . . . . . 316.

Мнѣніе большинства . . . . . 318.

О назначеніи къ присутствованію запасныхъ засѣдателей . . . . . 319.

По вопросу о способахъ возстановленія порядка, нарушеннаго при составленіи присутствія присяжныхъ:

Мнѣніе восьми членовъ . . . . . —

Мнѣніе большинства . . . . . 321.

По вопросу о предоставленіи одному и тому же присутствію присяжныхъ разсмотрѣнія нѣсколькихъ дѣлъ:

Мнѣніе десяти членовъ . . . . . 322.

Мнѣніе большинства . . . . . 324.

По вопросу о распространеніи присяги засѣдателей на сохраненіе тайны ихъ совѣщаній:

Мнѣніе пяти членовъ . . . . . 326.

Мнѣніе большинства . . . . . 329.

О случаяхъ привода засѣдателей къ присягѣ не духовнымъ лицомъ, но предсѣдателемъ суда . . 330.

О внушеніи присяжнымъ со стороны духовнаго лица, приводящаго ихъ къ присягѣ, святости клятвеннаго обѣщанія . . . . . 331.

О объясненіи предсѣдателемъ суда присяжнымъ ихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности . —

По вопросу: слѣдуетъ ли предупреждать присяжныхъ о послѣдствіяхъ явнаго невниманія ихъ къ дѣлу:

Мнѣніе двѣнадцати членовъ . . . . . —

Мнѣніе большинства . . . . . 333.

По вопросу о предупрежденіи присяжныхъ на счетъ сохраненія тайны ихъ совѣщаній: Стр.

Мнѣніе восьми членовъ . . . . . 334.

Мнѣніе большинства . . . . . 335.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О порядкѣ производства судебнаго слѣдствія . . . . . 336.

О случаяхъ, когда судебное слѣдствіе, за признаніемъ подсудимаго, не продолжается. . . . 337.

О принятіи за правило, что подсудимому, несознающему своей вины, подробнаго допроса не дѣлается. . . . . 338.

О дополнительномъ изслѣдованіи для повѣрки протоколовъ объ осмотрахъ и освидѣтельствованіяхъ. . . . . 339.

По вопросу: слѣдуетъ ли приводить къ присягѣ свѣдущихъ людей:

Мнѣніе двухъ членовъ . . . . . 340.

Мнѣніе большинства . . . . . 342.

О допущеніи къ свидѣтельству такихъ лицъ, которыя не могутъ быть допрошены подъ присягою . . . . . 344.

О принятіи способа перекрестнаго допроса свидѣтелей . . . . . 346.

О случаяхъ, когда актъ повальнаго обыска читается на судѣ . . . . . 347.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О заключительныхъ преніяхъ по судебному слѣдствію. . . . . 348.

О содержаніи обвинительной рѣчи прокурора . . . . . 350.

О содержаніи объясненій гражданскаго истца . . . . . —

О содержаніи защитительной рѣчи . . . . . 351.

О краткомъ словѣ предсѣдателя суда . . . . . —

По вопросу: должно ли краткое слово предсѣдателя слѣдовать непосредственно за преніями сторонъ:

Мнѣніе одного члена . . . . . 352.

Мнѣніе большинства . . . . . 358.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О постановленіи и объявленіи приговоровъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О постановленіи вопросовъ для рѣшенія дѣлъ . . . . . 359.

Объ основаніяхъ, на которыхъ постановляются вопросы для рѣшенія дѣла. . . . . 360.

О предметахъ, по которымъ постановляются вопросы . . . . . —

Стр.

О вопросѣ: съ разумѣніемъ ли дѣйствовалъ подсудимый . . . . . 361.

О выслушаніи объясненій сторонъ по постановленнымъ вопросамъ. . . . . 362.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О соображеніи судебныхъ доказательствъ . . . . . 363.

По вопросу о обязательной силѣ правилъ о доказательствахъ:

Мнѣніе одиннадцати членовъ . . . . . —

Мнѣніе большинства . . . . . 371.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О порядкѣ постановленія приговоровъ безъ участія присяжныхъ. 386.

О различныхъ родахъ приговоровъ . . . . . 387.

О вознагражденіи подсудимаго за неосновательное привлеченіе его къ суду. . . . . 388.

По вопросу о вознагражденіи такого подсудимаго, который былъ правильно привлеченъ къ дѣлу, но по суду оправданъ:

Мнѣніе восьми членовъ . . . . . 390.

Мнѣніе большинства. . . . . 392.

О порядкѣ, въ которомъ вознагражденіе присуждается . . . . . 394.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О порядкѣ постановленія приговоровъ съ участіемъ присяжныхъ. 395.

По вопросу о сообщеніи присяжнымъ нѣкоторыхъ документовъ:

Мнѣніе десяти членовъ. . . . . 396.

Мнѣніе большинства. . . . . 398.

О порядкѣ подачи голосовъ присяжными . . . . . 400.

О выраженіяхъ, въ которыхъ присяжные разрѣшаютъ предложенные имъ вопросы . . . . . 401.

По вопросу о числѣ голосовъ, необходимыхъ для обвинительнаго приговора присяжныхъ:

Мнѣніе семи членовъ. . . . . 402.

Мнѣніе десяти членовъ. . . . . 405.

Мнѣніе большинства. . . . . 414.

По вопросу о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ:

Мнѣніе восьми членовъ . . . . . 419.

Мнѣніе большинства. . . . . 420.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

О объявленіи приговоровъ. 422.

Объ упрощеніи порядка объявленія приговоровъ . . . . . —

—

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Стр.

О протоколахъ судебныхъ засѣданій. . . . . . 423.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О дѣлахъ, по которымъ обвиняемые уклонились отъ суда. . . . . 424.

О непроизводствѣ заочнаго суда объ уголовной отвѣтственности отсутствующаго обвиняемаго . —

По вопросу о порядкѣ разсмотрѣнія дѣла объ отсутствующемъ обвиняемомъ въ отношеніи къ иску о вознагражденіи:

Мнѣніе девяти членовъ . . . . . 426.

Мнѣніе большинства . . . . . 428.

РАЗДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

О способахъ обжалованія рѣшеній.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія правила . . . . . 431.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объ отзывахъ и протестахъ на приговоры неокончательные.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О порядкѣ подачи апелляціонныхъ отзывовъ и протестовъ . . . . . 433.

О правѣ подачи отзывовъ и протестовъ . . . . . —

О послѣдствіяхъ подачи отзыва или протеста въ отношеніи къ исполненію приговора . . . . . 434.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О порядкѣ разсмотрѣнія апелляціонныхъ отзывовъ и протестовъ . . . . . 435.

О вызовѣ въ судебную палату участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, свидѣтелей и свѣдущихъ людей . —

О предѣлахъ, въ которыхъ палата разсматриваетъ дѣла по отзывамъ и протестамъ . . . . . 436.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

Стр.

О частныхъ жалобахъ и протестахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О порядкѣ подачи частныхъ жалобъ и протестовъ . . . . . 437.

О предметахъ, по которымъ допускаются частныя жалобы и протесты . . . . . 438.

О срокѣ для принесенія частныхъ жалобъ и протестовъ . . . . . —

О послѣдствіяхъ частныхъ жалобъ и протестовъ въ отношеніи къ исполненію обжалованныхъ опредѣленій . . . . . 439.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О порядкѣ разсмотрѣнія частныхъ жалобъ и протестовъ . . . . . 439.

О порядкѣ постановленія и исполненія частныхъ опредѣленій . . . . . —

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О жалобахъ и протестахъ на окончательные приговоры.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О порядкѣ подачи кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ . . . . . 442.

Объ ограниченіяхъ въ правѣ подачи кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ . . . . . —

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О поводахъ къ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ . . . . . 443.

По вопросу объ опредѣленіи поводовъ къ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ:

Мнѣніе восьми членовъ . . . . . 443.

Мнѣніе большинства . . . . . 446.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О порядкѣ разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ. . . . . 449.

О предоставленіи участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ являться въ сенатъ безъ предварительнаго вызова . . . . . —

По вопросу: когда сенатъ выслушиваетъ заключеніе оберъ-прокурора?

Мнѣніе шести членовъ . . . . . 450.

Мнѣніе большинства . . . . . 452.

Объ ограниченіи случаевъ отмѣны окончательныхъ приговоровъ . . . . . 455.

По вопросу: не слѣдуетъ ли разсматривать въ палатахъ а не въ сенатѣ, кассаціонныя жалобы и протесты относительно неправильнаго опредѣленія наказанія:

Мнѣніе двухъ членовъ . . . . . —

Мнѣніе большинства . . . . . 456.

О послѣдствіяхъ отмѣны окончательныхъ приговоровъ . . . . . 457.

По вопросу о взысканіи съ судей, постановившихъ неправильный приговоръ:

Мнѣніе шести членовъ . . . . . —

Мнѣніе большинства . . . . . 458.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О возобновленіи уголовныхъ дѣлъ . . . . . 459.

РАЗДѢЛЪ ВОСЬМОЙ.

Объ исполненіи приговоровъ по дѣламъ уголовнымъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О вступленіи приговоровъ въ законную силу . . . . . 461.

По вопросу о вступленіи въ законную силу приговора, обжалованнаго или протестованнаго въ отношеніи не ко всѣмъ подсудимымъ.

Мнѣніе двѣнадцати членовъ . . . . . 462.

Мнѣніе большинства . . . . . 464.

О вступленіи въ законную силу приговора, обжалованнаго или протестованнаго въ отношеніи не ко всѣмъ преступленіямъ подсудимаго . . . . . 466.

О вступленіи въ законную силу приговора, обжалованнаго только въ отношеніи къ гражданскому иску . . . . . —

О представленіи приговоровъ на Высочайшее усмотрѣніе . . . . . —

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О обязанностяхъ разныхъ властей по исполненію приговоровъ. . . . 467.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О порядкѣ исполненія приговоровъ. . . . . . 470.

О времени исполненія приговоровъ, основанныхъ на рѣшеніи присяжныхъ, оправдывающемъ подсудимыхъ . . . . . 471.

Стр.

О публичности наказаній . . . . . 472.

О томъ, съ какого времени исчисляются сроки наказаній . . . . . 473.

По вопросу о облегченіи наказательныхъ работъ женщинамъ беременнымъ или кормящимъ грудью младенцевъ:

Мнѣніе трехъ членовъ . . . . . 475.

Мнѣніе большинства . . . . . 478.

По вопросу о составленіи справочныхъ книгъ изъ обвинительныхъ приговоровъ:

Мнѣніе четырехъ членовъ . . . . . 480.

Мнѣніе большинства . . . . . 485.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О возмѣщеніи судебныхъ издержекъ по дѣламъ уголовнымъ . . . . 488.

По вопросу о вознагражденіи свидѣтелей и свѣдущихъ людей, призываемыхъ къ слѣдствію или суду въ мѣстѣ ихъ жительства

Мнѣніе четырехъ членовъ . . . . . 489.

Мнѣніе большинства . . . . . 491.

О размѣрѣ взысканія судебныхъ издержекъ . . . . . 493.

О порядкѣ предъявленія требованій о вознагражденіи свидѣтелей и свѣдущихъ людей . . . . 494.

О порядкѣ опредѣленія судебныхъ издержекъ . . . . . 495.

О порядкѣ взысканія судебныхъ издержекъ . . . . . 496.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

КЪ ПРОЕКТУ

УСТАВА УГОЛОВНАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА,

СОСТАВЛЕННОМУ КОММИСІЕЮ, ВЫСОЧАЙШЕ УЧРЕЖДЕННОЮ ПРИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАНЦЕЛЯРІИ ДЛЯ НАЧЕРТАНІЯ ПРОЕКТОВЪ ЗАКОНОПОЛОЖЕНІЙ О ПРЕОБРАЗОВАНІИ СУДЕБНОЙ ЧАСТИ ВООБЩЕ.

Составленіе проекта устава уголовнаго судопроизводства первоначально было возложено на уголовное отдѣленіе коммисіи. При начертаніи его, уголовное отдѣленіе руководствовалось въ точности основными положеніями преобразованія судебной части, Высочайше утвержденными 29 сентября 1862 года, принимая, при развитіи ихъ, въ соображеніе, какъ сужденія государственнаго совѣта, вслѣдствіе коихъ эти положенія постановлены, и замѣчанія, доставленныя на основныя положенія отъ юристовъ и другихъ лицъ, такъ и тотъ проектъ устава уголовнаго судопроизводства, который былъ составленъ во второмъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи и внесенъ въ 1860 и 1861-мъ годахъ въ государственный совѣтъ.

Уголовное отдѣленіе коммисіи состояло, подъ предсѣдательствомъ оберъ-прокурора общаго собранія правительствующаго сената *Буцковскаго*, изъ слѣдующихъ членовъ: исправляющаго должность статсъ-секретаря государственнаго совѣта *Зубова*, оберъ-прокурора правительствующаго сената *Ковалевскаго*, помощниковъ статсъ-секретарей государственнаго совѣта *Есиповича* и *Любимова*, помощника старшаго чиновника втораго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи *Перетца*, губернскихъ прокуроровъ—*Попова* и *Принтца* и со-

стоящаго при государственной канцеляріи профессора училища правовѣдѣнія *Утина;* въ засѣданіяхъ уголовнаго отдѣленія принималъ участіе и предсѣдательствующій въ отдѣленіи судоустройства *Плавскій*.

Составленные въ отдѣленіи проекты разныхъ частей устава уголовнаго судопроизводства обсуждались подробно отдѣленіемъ въ особыхъ его засѣданіяхъ, куда были приглашаемы въ качествѣ экспертовъ: оберъ-прокуроры правительствующаго сената *Гольтгоеръ* и *Чемадуровъ*, чиновникъ за оберъ-прокурорскимъ столомъ *Романовскій*, генералъ-аудиторы *Философовъ* и *Гильбовъ*, начальникъ уголовнаго отдѣленія департамента министерства юстиціи *Розинъ*, вице-директоръ департамента министерства народнаго просвѣщенія *Петерсъ* (бывшій начальникъ отдѣленія департамента министерства юстиціи), вице-директоръ коммисаріатскаго департамента морскаго министерства *Тизенгаузенъ* и чиновникъ особыхъ порученій при томъ же министерствѣ *Яневичъ-Яневскій* (бывшіе оберъ-секретари правительствующаго сената), вице-директоръ медицинскаго департамента министерства внутреннихъ дѣлъ *Розовъ*, профессоръ уголовнаго права *Спасовичъ* и чиновникъ особыхъ порученій при министрѣ внутреннихъ дѣлъ *М. Зарудный* (бывшій членъ отъ правительства при мировыхъ съѣздахъ Екатеринославской губерніи). Сверхъ того, для обсужденія отдѣла устава о порядкѣ производства предварительныхъ слѣдствій, въ засѣданія отдѣленія были приглашаемы: судебные слѣдователи *Александровъ* и *Макалинскій*, Петербургскіе слѣдственные пристава *Куприяновъ* и *Турчаниновъ* и производитель дѣлъ въ канцеляріи морскаго министерства, бывшій Петербургскій слѣдственный приставъ, *Христіановичъ*.

Всего уголовное отдѣленіе, для обсужденія проекта, имѣло, съ 14 Января по 30 Іюня 1863 года, 89-ть засѣданій.

Въ общемъ собраніи коммисіи, кромѣ членовъ всѣхъ отдѣленій и поименованныхъ выше экспертовъ, принимали участіе, при

разсмотрѣніи отдѣла устава о порядкѣ производства дѣлъ у мировыхъ судей, еще слѣдующія лица: управляющій дѣлами комитета для устройства сельскаго состоянія статсъ-секретарь *Жуковскій*, помощникъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта *Домонтовичъ* и управлявшій земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ *Соловьевъ*.

Для разсмотрѣнія этого проекта общее собраніе коммисіи имѣло 14-ть засѣданій, происходившихъ подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря.

По плану, принятому коммисіею, проектъ устава уголовнаго судопроизводства раздѣляется на двѣ книги.

Книга *первая* опредѣляетъ общій порядокъ судопроизводства, а книга *вторая*—особенные роды судопроизводства по дѣламъ уголовнымъ.

Книга *первая* имѣетъ *восемь* раздѣловъ:

раздѣлъ *первый* заключаетъ въ себѣ общія положенія о судопроизводствѣ уголовномъ;

раздѣлъ *второй*—порядокъ разбирательства у мировыхъ судей и въ мировыхъ съѣздахъ;

раздѣлъ *третій*—правила подсудности по преступленіямъ, изъятымъ изъ вѣдомства мировыхъ судей;

раздѣлъ *четвертый*—порядокъ производства предварительныхъ слѣдствій;

раздѣлъ *пятый*—порядокъ преданія суду и освобожденія отъ судебнаго преслѣдованія;

раздѣлъ *шестой* — порядокъ судопроизводства въ окружныхъ судахъ;

раздѣлъ *седьмой*—порядокъ обжалованія и пересмотра рѣшеній;

раздѣлъ *восьмой*—исполненіе приговоровъ и возмѣщеніе судебныхъ издержекъ по дѣламъ уголовнымъ.

Коммисіею представляется при семъ на благоусмотрѣніе соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ государ-

ственнаго совѣта первая книга проекта устава уголовнаго судопроизводства. Книга вторая, объ особенныхъ родахъ судопроизводства по дѣламъ уголовнымъ, не вносится теперь въ государственный совѣтъ потому, что окончательное исправленіе этой работы зависитъ отъ тѣхъ положеній, кои будутъ приняты соединенными департаментами государственнаго совѣта при разсмотрѣніи первой книги устава, опредѣляющей общій порядокъ уголовнаго судопроизводства.

Проектъ устава уголовнаго судопроизводства составленъ по тѣмъ мнѣніямъ, кои приняты общимъ собраніемъ коммисіи или единогласно, или по большинству голосовъ наличныхъ членовъ.

Основанія, принятыя коммисіею при развитіи въ настоящемъ проектѣ устава Высочайше утвержденныхъ 29 сентября 1862 года главныхъ началъ уголовнаго судопроизводства, а также разномыслія, возникшія въ общемъ собраніи коммисіи по этому дѣлу вообще, подробно излагаются въ настоящей объяснительной запискѣ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Общій порядокъ уголовнаго судопроизводства.

РАЗДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Положенія общія (ст. 1—31).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части, Высочайше утвержденныхъ 29 Сентября 1862 года постановлены слѣдующія общія правила:

Никто не можетъ быть наказанъ за преступленія или проступки, подлежащіе вѣдомству судебныхъ мѣстъ, не бывъ присужденъ къ наказанію приговоромъ надлежащаго суда, вошедшимъ въ законную силу (Осн. пол. ч. II ст. 1).

Примѣчаніе. Административная власть принимаетъ, въ установленномъ законами порядкѣ, мѣры для предупрежденія и пресѣченія преступленій и проступковъ.

Преслѣдованіе виновныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ начинается и производится учрежденными для сего властями, кромѣ тѣхъ, означенныхъ въ законѣ, случаевъ, въ которыхъ оно можетъ быть начато не иначе, какъ по жалобѣ частныхъ лицъ (ст. 2).

Власть *обвинительная* отдѣляется отъ *судебной* (ст. 3).

Власть *обвинительная*, т. е. обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ, принадлежитъ прокурорамъ (ст. 4).

Власть *судебная*, т. е. разсмотрѣніе уголовныхъ дѣлъ и постановленіе приговоровъ, принадлежитъ судамъ, безъ всякаго участія властей административныхъ (ст. 5).

Приговоръ постановляется не иначе, какъ по повѣркѣ и дополненіи, въ засѣданіи суда, доказательствъ, обнаруженныхъ предварительнымъ слѣдствіемъ (ст. 6).

Засѣданія суда, кромѣ случаевъ именно указанныхъ въ законѣ, происходятъ публично (ст. 7).

Теорія доказательствъ, основанная единственно на ихъ формальности, отмѣняется. Правила о силѣ судебныхъ доказательствъ должны служить только руководствомъ при опредѣленіи вины или невинности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда (ст. 8).

Приговоръ можетъ быть только или осуждающій, или оправдывающій подсудимаго. Оставленіе въ подозрѣніи не допускается (ст. 9).

По дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, влекущихъ за собою наказанія, соединенныя съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, или съ потерею всѣхъ или нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, опредѣленіе вины или невинности подсудимыхъ предоставляется особымъ присяжнымъ засѣдателямъ. Сіе правило не распространяется на дѣла о преступленіяхъ государственныхъ (ст. 10).

Каждое дѣло рѣшится не болѣе какъ въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ (ст. 11).

Всѣ судебныя мѣста обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ. Останавливать рѣшеніе дѣла подъ предлогомъ неполноты, неясности, недостатка или противорѣчія законовъ воспрещается. За нарушеніе сего правила виновные подвергаются отвѣтственности какъ за отказъ въ правосудіи (ст. 12).

Разсмотрѣніе судебныхъ приговоровъ по силѣ самого закона, порядкомъ ревизіоннымъ, отмѣняется (ст. 13).

Окончательные судебные приговоры могутъ быть отмѣняемы только въ особомъ порядкѣ кассаціи (ст. 14).

Правила, заключающіяся въ приведенныхъ выше статьяхъ основныхъ положеній, большею частью служатъ лишь указаніемъ: на какихъ началахъ должны быть разработаны различныя части устава судопроизводства; но нѣкоторыя изъ этихъ правилъ составляютъ какъ бы введеніе къ уставу судопроизводства, и потому должны быть, по мнѣнію коммисіи, помѣщены въ началѣ сего устава.

При развитіи сихъ послѣднихъ правилъ, въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1. Привлеченіе къ отвѣтственности за преступленія или проступки должно ли происходить исключительно по правиламъ сего устава?

2. Можно ли и по какимъ дѣламъ допустить начало частнаго обвиненія?

3. Слѣдуетъ ли, и при какихъ условіяхъ, гражданскій искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки производить совмѣстно съ уголовнымъ искомъ о наказаніи?

4. Постановлять ли общимъ правиломъ, что оправданный или осужденный не можетъ подлежать вторичному суду по тому же дѣлу, и какія изъ сего правила допустить исключенія?

5. Какому суду (уголовному или гражданскому) слѣдуетъ опредѣлять вознагражденіе за вредъ и убытки, отъ преступленія произшедшіе, когда преслѣдованіе въ уголовномъ порядкѣ прекращено безъ постановленія приговора по существу вины подсудимаго?

6. Какъ избѣгнуть вреднаго для правосудія столкновенія подсудностей уголовной и гражданской или духовной?

О преслѣдованіи за преступленія и проступки исключительно по правиламъ сею устава (ст. 1).

По первому вопросу коммисія находила, что для успѣха въ судебномъ преобразованіи основными положеніями признано необходимымъ отдѣлить судебную власть отъ административной и исполнительной и, опредѣливъ кругъ дѣйствія судебной власти, устранить вмѣшательство другихъ властей въ предметы, предоставленные ея вѣдомству. Вопросъ о томъ, должно ли, по изданіи новаго устава уголовнаго судопроизводства, оставить по прежнему на обязанности административныхъ властей принятіе установленныхъ законами мѣръ предупрежденія и пресѣченія преступленій, былъ въ виду государственнаго совѣта.

При разсмотрѣніи сего вопроса, государственный совѣтъ принялъ во вниманіе существенное различіе мѣръ предупрежденія и пресѣченія противозаконныхъ дѣйствій отъ наказаній, налагаемыхъ по приговору суда на виновныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ. Въ разсужденіяхъ государственнаго совѣта положительно выражено, что отдѣленіе административной власти отъ судебной необходимо не только въ томъ смыслѣ, чтобы административные чины не вмѣшивались въ дѣла, предоставленныя суду, но также и въ томъ, чтобы власть и дѣйствіе суда ограничивались предметами ему свойственными. Принятіе административныхъ мѣръ для исполненія законовъ и для предупрежденія и пресѣченія нарушеній законнаго порядка не есть обязанность судебная,—точно также какъ судъ о

преступленіяхъ и проступкахъ и назначеніе наказанія за нихъ, не можетъ считаться обязанностью административныхъ властей, а предоставляется имъ только въ исключительныхъ случаяхъ, которые должны быть положительно и точно опредѣлены закономъ.—Посему нельзя не признать, что судъ о тѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, которые предоставлены вѣдѣнію судебныхъ мѣстъ, долженъ уже подлежать исключительно его власти и можетъ быть передаваемъ другимъ мѣстамъ только въ особыхъ, именно означенныхъ въ законѣ случаяхъ, а право и обязанность принимать, въ установленномъ законами порядкѣ, мѣры для предупрежденія и пресѣченія противозаконныхъ дѣяній, принадлежитъ полиціи и другимъ административнымъ властямъ, которыя въ дѣйствіяхъ своихъ по симъ предметамъ должны сообразоваться съ правилами, какія установлены, или будутъ впредь опредѣлены въ учрежденіи полиціи и другихъ подлежащихъ уставахъ.

Руководствуясь сими соображеніями государственнаго совѣта, коммисія признала нужнымъ указать въ самомъ началѣ проекта, что никто не можетъ подлежать судебному преслѣдованію за преступленіе или проступокъ, не бывъ привлеченъ къ отвѣтственности въ порядкѣ, установленномъ правилами сего устава.

О допущеніи по нѣкоторымъ дѣламъ начала частнаго обвиненія.

По второму вопросу—допускать ли начало частнаго обвиненія, коммисія приняла во вниманіе, что уголовныя дѣла по проступкамъ и преступленіямъ могутъ заключать въ себѣ или нарушеніе главнѣйшимъ образомъ правъ только извѣстнаго частнаго лица, безъ особеннаго посягательства на безопасность общества, или преимущественно посягательство этого именно рода, болѣе опасное и вредное.

Въ первомъ случаѣ уголовныя дѣла могутъ быть вчинаемы не иначе какъ по жалобѣ частнаго лица, потерпѣвшаго отъ преступленія вредъ, обиду или убытки, а во второмъ они начинаются безъ всякой со стороны частнаго лица жалобы, по силѣ самого закона (Свод. Т. XV улож. нак. ст. 171).

Въ дѣлахъ перваго рода является истцемъ—частное лицо, въ дѣлахъ втораго рода—истцемъ представляется власть обвинительная, преслѣдующая преступленія *во имя закона*.

Первые могутъ прекращаться примиреніемъ истца съ нарушителемъ его права, вторые ни въ какомъ случаѣ.

Такимъ образомъ первые близко подходятъ къ дѣламъ гражданскимъ и подлежатъ болѣе или менѣе порядку производства, для гражданскихъ дѣлъ установленному. Вторые слѣдуютъ особому теченію, однимъ чисто-уголовнымъ дѣламъ свойственному.

Отсюда видно, что обвинители во имя закона—прокуроры—обязаны возбуждать и преслѣдовать только тѣ дѣла, въ которыхъ истцемъ представляется обвинительная власть, но они не могутъ и не должны возбуждать производства уголовныхъ исковъ, касающихся главнымъ образомъ интересовъ одного частнаго лица, и имѣющихъ въ этомъ лицѣ самаго надежнаго цѣнителя своего дѣла, облеченнаго по закону полною властью какъ преслѣдованія преступленія, такъ и прекращенія уголовнаго иска посредствомъ примиренія.

Что же касается до особаго разряда дѣлъ, возбужденіе которыхъ предоставляется частнымъ лицамъ, безъ права прекращать ихъ примиреніемъ, то само собою разумѣется, что право преслѣдованія подобнаго рода дѣлъ, какъ скоро они частными лицами уже возбуждены, входитъ въ обязанность оффиціальной обвинительной власти, по той причинѣ, что только *возбужденіе* этихъ дѣлъ изъято изъ общаго порядка уголовнаго преслѣдованія, а не дальнѣйшее ихъ производство.

По приведеннымъ соображеніямъ въ проектѣ постановлено:

1) Что по дѣламъ, изъятымъ изъ вѣдомства мировыхъ судей, преслѣдованіе и обличеніе обвиняемыхъ предъ судомъ возлагается на прокуроровъ и ихъ товарищей;

2) Что въ видѣ исключенія изъ сего правила, по дѣламъ, производство коихъ законъ (Улож. нак. ст. 171) дозволяетъ прекращать примиреніемъ сторонъ, судебное преслѣдованіе предоставляется частнымъ обвинителямъ, безъ всякаго участія въ томъ лицъ прокурорскаго надзора, и

3) Что по тѣмъ дѣламъ, которыя начинаются не иначе, какъ по жалобамъ частныхъ лицъ, но не могутъ быть прекращаемы примиреніемъ, право возбужденія уголовнаго иска принадлежитъ потерпѣвшимъ отъ преступленія, а дальнѣйшее судебное преслѣдованіе возлагается на лица прокурорскаго надзора.

О допущеніи совмѣстнаго производства съ уголовнымъ искомъ о наказаніи и гражданскаго иска о вознагражденіи (ст. 6 и 7).

По третьему вопросу о совмѣстномъ производствѣ съ уголовнымъ искомъ о наказаніи и гражданскаго иска о вознагражденіи, коммисія разсуждала, что преступленіе, заключающее въ себя посягательство на общественную безопасность и подлежащее наказанію по иску оффиціальнаго обвинителя, можетъ съ тѣмъ вмѣстѣ наносить вредъ и убытки отдѣльному частному лицу. Лицо это, если оно заявило въ установленномъ порядкѣ свое требованіе о вознагражденіи, предполагается именовать гражданскимъ истцомъ.

Въ нашихъ узаконеніяхъ о судопроизводствѣ уголовномъ иногда упоминается о гражданскихъ истцахъ, какъ о лицахъ, отыскивающихъ вознагражденія за причиненные преступленіемъ или проступкомъ вредъ и убытки. (Свод. Т. XV зак. суд. угол. ст. 22 прим., 40, 234, 237, 353, 384 и др.). Въ одномъ изъ сихъ узаконеній (ст. 22 прим.) постановлено: не прекращать по Всемилостивѣйшему Манифесту разсмотрѣнія такихъ слѣдствій, которыя заключаютъ въ себѣ частные иски, и не обращать ихъ къ гражданской формѣ, а напротивъ оканчивать въ установленныхъ судебныхъ мѣстахъ тѣмъ же порядкомъ, коимъ дѣло начато. Изъ сего слѣдуетъ: во 1-хъ, что у насъ иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ, могутъ быть соединяемы съ производствомъ объ изобличеніи и наказаніи виновныхъ въ сихъ преступленіяхъ или проступкахъ, и во 2-хъ, что сіи иски могутъ также быть обращаемы къ формамъ гражданскаго процесса. Самыя постановленія, о вознагражденіи за причиненные преступленіемъ или проступкомъ вредъ и убытки, изложены въ законахъ гражданскихъ (Т. X ч. 1 зак. гражд. ст. 644—682). Но положительныхъ и ясныхъ правилъ, какъ о соединеніи иска о вознагражденіи за вредъ и убытки съ производствомъ уголовнымъ, такъ и обращеніи онаго къ порядку гражданскому, въ дѣйствующихъ нынѣ законахъ не постановлено. Этотъ недостатокъ предполагается исправить въ представляемомъ проектѣ на основаніи слѣдующихъ соображеній:

Требованіе о вознагражденіи за причиненные преступленіемъ или проступкомъ вредъ и убытки имѣетъ нѣкоторыя свойства гражданскаго иска и могло бы подлежать разсмотрѣнію суда гражданскаго.

Но отъ принятія такого правила, нерѣдко одно и тоже дѣло разсматривалось бы два раза, сперва о самомъ преступленіи или проступкѣ, потомъ о

вознагражденіи за причиненные имъ вредъ и убытки. Такой порядокъ, распространяя дѣлопроизводство, замедлялъ бы окончаніе дѣлъ о вознагражденіяхъ, ибо судъ гражданскій не могъ бы приступать къ разсмотрѣнію дѣла, до совершеннаго окончанія уголовнаго производства о самомъ преступленіи или проступкѣ, давшемъ поводъ къ иску о вознагражденіи. Посему въ представляемомъ проектѣ, согласно съ указаніями нашихъ законовъ, и всѣхъ лучшихъ законодательствъ иностранныхъ, постановляется: что уголовный судъ, вѣдающій дѣло о преступленіи, обязанъ разсмотрѣть и вопросъ о вознагражденіи за причиненные имъ вредъ и убытки, если искъ о томъ предъявленъ тому же суду. Но для порядка и огражденія судовъ уголовныхъ отъ двойнаго производства, по предметамъ, которые могутъ быть изслѣдованы и разсмотрѣны совокупно, предполагается допускать искъ о вознагражденіи въ судѣ уголовномъ не иначе, какъ чрезъ формальное о томъ требованіе, предъявляемое въ періодъ времени отъ начала дѣла до открытія судебнаго засѣданія; неисполнившій этого условія теряетъ право иска въ судѣ уголовномъ, но можетъ, буде пожелаетъ, предъявить тотъ же самый искъ порядкомъ гражданскимъ.

О томъ: можетъ ли оправданный или осужденный подлежать вторичному суду по тому же дѣлу (ст. 16—18).

По четвертому вопросу, коммисія имѣла въ виду, что въ государственномъ совѣтѣ возбуждался уже вопросъ о томъ: могутъ ли быть вторично судимы лица, оправданныя или признанныя виновными по приговору надлежащаго суда, вошедшему въ законную силу. При обсужденіи сего вопроса государственный совѣтъ находилъ, что по несовершенству человѣческаго суда едвали возможно признавать всѣ рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ безошибочными и полагать, что, во всѣхъ безъ исключенія случаяхъ, установленныя закономъ формальности и средства, коими ограждается правильность приговоровъ, достаточны для предупрежденія неправильнаго освобожденія преступника или ошибочнаго наказанія невиннаго. По сему государственный совѣтъ призналъ, что можетъ быть и небезполезно было бы допустить, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вторичное разсмотрѣніе дѣла, уже рѣшеннаго, когда откроются обстоятельства, явно обнаруживающія невинность осужденнаго, или виновность лица, неправильно освобожденнаго отъ наказанія. Признавая за тѣмъ, что подробное разсмотрѣніе

всѣхъ относящихся къ сему вопросу предметовъ не можетъ имѣть мѣста при обсужденіи однихъ главныхъ основаній уголовнаго судопроизводства, государственный совѣтъ положилъ: вопросъ о томъ: въ какихъ случаяхъ могутъ быть вторично судимы лица, оправданныя или признанныя виновными по приговору, вошедшему въ законную силу,—подробно разсмотрѣть и разрѣшить при составленіи полнаго устава уголовнаго судопроизводства.

Мнѣніе одного члена.

При обсужденіи этого вопроса, въ коммисіи заявлено было однимъ членомъ (*Тизенгаузеномъ*) мнѣніе слѣдующаго содержанія:

Статья 16-я проекта устава уголовнаго судопроизводства, установляя, что оправданный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ суда не можетъ быть вновь подвергнутъ слѣдствію и суду по тому же самому преступному дѣянію,—распространяетъ это правило и на тѣ случаи, когда открылись бы такія новыя обстоятельства, которыя служили бы къ изобличенію оправданнаго.

Разсматривая проектъ сего узаконенія прежде всего, въ отношеніи къ практической сторонѣ, одинъ членъ признаетъ, что весьма часто могутъ встрѣчаться случаи, въ которыхъ обнаруженіе новыхъ обстоятельствъ, служащихъ къ изобличенію лица, оправданнаго судебнымъ приговоромъ, не только *можетъ*, но непремѣнно *должно* влечь за собою какъ новое слѣдствіе и новый судъ надъ такимъ лицомъ, такъ и осужденіе его къ наказанію; во всѣхъ этихъ случаяхъ, или, по крайней мѣрѣ, въ большей части ихъ, отказъ въ преслѣдованіи и наказаніи виновнаго не только былъ бы нарушеніемъ справедливости, но и угрожалъ бы опасностію цѣлому обществу, охрана коего есть, безъ сомнѣнія, конечная цѣль всякаго закона. Представимъ себѣ, напр. слѣдующій случай: совершено убійство, по обвиненію въ которомъ преданы суду два лица: *А* и *Б*; — судъ, по предъявленнымъ ему доказательствамъ, призналъ подсудимаго *А* виновнымъ въ убійствѣ, а подсудимаго *Б* освободилъ отъ обвиненія;—но по исполненіи приговора и прежде истеченія срока давности, открываются такія новыя обстоятельства (напр. показанія свидѣтелей—очевидцевъ, неимѣвшихъ прежде возможности представить суду свое свидѣтельство), которыя несомнѣнно доказываютъ, что убійцею былъ Б, а не А.—Относительно сего послѣдняго, приговоръ су-

да, безъ сомнѣнія, долженъ быть отмѣненъ;—но неужели преступникъ *Б* долженъ при этомъ остаться неприкосновеннымъ, несмотря на то, что судъ рѣшитъ, что не *А*, а именно этотъ *Б* былъ убійцею? неужели общество должно безпрекословно подчиниться необходимости терпѣть въ своей средѣ присутствіе *изобличеннаго* убійцы,—сознательно подвергаться опасности отъ новыхъ его покушеній? неужели родственники падшей жертвы должны быть обречены нравственной пыткѣ видѣть возлѣ себя свободнымъ и пользующимся всѣми правами гражданина того, кто лишилъ жизни ихъ отца, ихъ мать, или брата, или сестру? неужели стольже покорными ошибочному судебному рѣшенію должны оставаться семья убитаго и все общество даже и тогда, когда этотъ изобличенный *Б* былъ убійцею своего отца, своей матери?—Одному члену представляется несомнѣннымъ, что не можетъ имѣть мѣста законъ, который гражданъ общества, имъ охраняемаго, ставилъ бы въ положеніе столь неестественное, столь противорѣчащее справедливости и нравственному чувству каждаго.

Независимо отъ соображеній, доказывающихъ, по мнѣнію одного члена, несостоятельность разсматриваемаго закона съ практической стороны, онъ находитъ, что и съ теоретической точки зрѣнія законъ этотъ, въ томъ видѣ, какъ онъ проектированъ въ 16-й статьѣ «положеній общихъ», не можетъ быть оправданъ. Кажется что, прежде установленія *частнаго*, только до области уголовнаго суда касающагося, правила о безусловной неотмѣняемости судебнаго приговора, коимъ оправдывается подсудимый,—необходимо усвоить нашему положительному законодательству (подобно законодательствамъ другихъ странъ), точное опредѣленіе, въ какихъ случаяхъ и при какихъ условіяхъ *вообще* судебное рѣшеніе должно безусловно сохранять свою силу для лицъ, въ отношеніи которыхъ оно состоялось,—т. е. усвоить ученіе объ «autorité de la chose jugée». Между тѣмъ, ученіе это вовсе еще не выработано въ нашемъ законодательствѣ, и, относительно уголовныхъ дѣлъ, нынѣ дѣйствующіе законы ограничиваютъ преслѣдованіе обвиняемаго *только* сроками давности (Улож. о наказ. ст. 172—177); впрочемъ и это ограниченіе не допускается относительно нѣкоторыхъ государственныхъ преступленій и умышленнаго убійства отца или матери,—какъ о томъ объяснено въ ст. 175

Улож. Но и при существованіи этого ученія въ нашихъ законахъ, оно, по мнѣнію одного члена, не могло бы въ отношеніи уголовнаго суда имѣть столь обширные предѣлы какъ то правило, которое проектировано въ 16 статьѣ устава. Въ подтвержденіе справедливости этого взгляда на разсматриваемый вопросъ, одинъ членъ ссылается на французское законодательство, какъ на такое, съ которымъ проектируемыя нынѣ узаконенія о производствѣ уголовныхъ дѣлъ имѣютъ, въ главныхъ своихъ основаніяхъ, наиболѣе сходства.

Во французскомъ законодательствѣ существуетъ правило, подобное выраженному въ 16 статьѣ разсматриваемаго проекта, именно статья 360 Code d' instruction criminelle установляетъ слѣдующее: «Toute personne acquittée légalement ne pourra plus «être reprise ni accusée à raison du même fait». Въ этой статьѣ, во 1-хъ не упоминается о случаѣ обнаруженія новыхъ обстоятельствъ, изобличающихъ оправданнаго, и во 2-хъ сдѣлана, въ поясненіе, ссылка на 1351 статью Code civil, гласящую: «L' autorité de la chose jugée n'a lieu qu 'a l' égard de «ce qui a fait *l' objet du jugement*. Il faut *que la chose «demandée soit la même*, que la demande soit fondée «sur la même cause, que *la demande soit entre les «mêmes parties* et formée par elles et contre elles en la «même qualité'».—Изъ этого видно: 1) что во французскомъ законодательствѣ, частное правило о непреслѣдованіи оправданнаго судебнымъ приговоромъ не представляется узаконеніемъ одинокимъ, но проистекаетъ изъ общаго, положительнымъ же закономъ выраженнаго опредѣленія объ autorité de la chose jugée, и 2) что въ границахъ этого опредѣленія правило, содержащееся въ 360 статьѣ Code d' instr. crim., не можетъ имѣть (какъ и слѣдуетъ) такого обширнаго примѣненія, какое усвоивается предположенному въ 16-й статьѣ проекта узаконенію послѣдними словами: «еслибы даже открылись новыя обстоятельства, служащія къ его (оправданнаго) изобличенію»; ибо выраженныя въ 1351 статьѣ Code civil условія: «que la chose demandée soit la même,—«que la demande soit entre les mêmes parties»—даютъ весьма тѣсный смыслъ 360 статьѣ Code d' instr. crim., и допускаютъ толкованіе сей послѣдней, именно въ томъ смыслѣ, что «новыя обстоятельства, служащія къ изобличенію», могутъ дать поводъ къ преслѣдованію оправданнаго лица, если обстоятельства эти (какъ напр. въ приведенномъ выше случаѣ убійства) измѣняютъ существо

дѣла на столько, что ни «la chose demandée», ни «les parties» не представляются уже въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ находились при постановленіи перваго рѣшенія суда.

По всѣмъ изложеннымъ соображеніямъ *одинъ членъ* полагалъ бы: изъ 16-й статьи проекта исключить послѣднія слова, начиная со слова *если бы*, предоставивъ судебной практикѣ выработать точныя правила о томъ, когда и въ какой мѣрѣ должны,—и когда не должны,—новыя обстоятельства, открывающіяся въ дѣлѣ уже рѣшенномъ, влечь за собою преслѣдованіе лица, оправданнаго первымъ рѣшеніемъ;—или же: пояснить 16 статью особымъ постановленіемъ, которое опредѣляло бы, что на извѣстнаго рода преступленія сила той статьи не распространяется. Къ числу такихъ преступленій *одинъ членъ* полагалъ бы отнести: 1) преступленія, означенныя въ 175 ст. улож. о наказ.; 2) умышленное убійство; 3) умышленный поджогъ; 4) разбой, грабежъ и воровство; 5) умышленное нанесеніе тяжкихъ ранъ и увѣчья; 6) важнѣйшіе случаи превышенія и бездѣйствія власти со стороны должностныхъ лицъ; 7) подлоги по службѣ и лихоимство; 8) неправильное присвоеніе правъ состоянія (Улож. ст. 1938—1944); 9) преступленія противъ чести и цѣломудрія женщинъ и 10) преступленія дѣтей противъ родителей.

Мнѣніе большинства.

Тридцать четыре члена (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Кн. Волконскій, Бар. Врангель, Гольдгоеръ, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, М. Зарудный, С. Зарудный, Зубовъ, Калачевъ, Книримъ, Кавалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Неретцъ, Петерсъ, Плавскій, Принтцъ, Поповъ, Розинъ, Розовъ, Романовскій, Рыпинскій, Спасовичъ, Соловьевъ, Чемадуровъ, Шечковъ, Шубинъ, Утинъ и Яневичъ—Яневскій) не убѣдились приведенными доводами и соображеніями одного члена. По мнѣнію ихъ, постановленія, проектированныя въ статьяхъ 16 и 17, принадлежатъ къ числу важнѣйшихъ и, можно сказать, коренныхъ началъ уголовнаго законодательства, принятыхъ во всѣхъ новѣйшихъ и лучшихъ судопроизводствахъ иностранныхъ.

Какъ бы ни были обширны установляемыя закономъ средства для открытія истины, какъ бы ни были многосложны формы и обряды судопроизводства, для сей цѣли учрежденныя, какъ бы ни велико было количество судебныхъ инстанцій, тѣмъ

не менѣе наступаетъ моментъ, когда всѣ эти средства исчерпаны, когда всѣ эти формы соблюдены, когда судъ исполнивъ все то, что въ силахъ человѣческихъ выполнить, торжественно произноситъ свой приговоръ. Съ этого момента приговоръ суда получаетъ значеніе непоколебимаго памятника человѣческаго правосудія, съ этого момента ему безусловно должны подчиниться и подсудимый и общество: какъ подсудимый не вправѣ уже оспоривать свою невинность, такъ и общество не вправѣ уже доказывать его виновность. Наступаетъ время, когда судебное рѣшеніе должно почесться истиною. Отвергать въ это время истину судебнаго рѣшенія, значило бы отвергать пользу правосудія, сомнѣваться въ его необходимости, обращать его въ пустое слово.

Въ самомъ дѣлѣ, куда же бы дѣвалась общественная безопасность и спокойствіе, какое бы могло существовать довѣріе къ правосудію, еслибы, послѣ долгихъ и торжественныхъ судебныхъ преній, подсудимый могъ бы быть осужденъ по тому же обвиненію, по которому онъ, быть можетъ, весьма недавно, былъ гласно оправданъ?

Конечно, невозможно предполагать безусловно, что всѣ рѣшенія по уголовнымъ дѣламъ будутъ безошибочны, но развѣ изъ того, что въ самыхъ рѣдкихъ, при правильномъ устройствѣ судебнаго дѣла, случаяхъ можетъ вкрасться ошибка; изъ того, что одинъ подсудимый будетъ неправильно оправданъ, можно всѣхъ подсудимыхъ вообще подчинять вѣчному опасенію подвергнуться новому преслѣдованію, — опасенію безвыходному, часто несравненно болѣе тяжкому, нежели то наказаніе, которому они могутъ подвергнуться. Должно ли и самое общество, по поводу одной возможной рѣдкой ошибки, держать себя въ вѣчно враждебномъ настроеніи противъ всѣхъ лицъ, оправданныхъ судомъ?

По мнѣнію *тридцати четырехъ* членовъ, въ ряду, такъ называемыхъ, законныхъ поводовъ къ прекращенію уголовнаго преслѣдованія, начало непоколебимости разъ состоявшагося судебнаго приговора оправдывается и съ теоретической и съ практической точки зрѣнія; во всякомъ случаѣ давность и милостивый манифестъ представляются поводами къ прекращенію преслѣдованія далеко не столь необходимыми, а между тѣмъ противъ основательности сихъ послѣднихъ никто не возражаетъ.

Далѣе если, какъ полагаетъ одинъ членъ, допу-

скать пересмотръ судебныхъ рѣшеній, то почему же допускать пересмотръ этотъ не по отношенію ко всѣмъ неправильно оправданнымъ подсудимымъ, а только по отношенію къ нѣкоторымъ, обвиняемымъ въ болѣе тяжкихъ преступленіяхъ. Если, по мнѣнію одного члена, непоколебимость судебнаго рѣшенія обусловливается одною только его безошибочностью, то послѣдовательность требуетъ пересмотра всѣхъ ошибочныхъ судебныхъ рѣшеній безъ различія: состоялись ли они по болѣе, или по менѣе тяжкимъ преступленіямъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, пересмотръ судебныхъ рѣшеній допускается и теоріею и лучшими Европейскими законодательствами только въ томъ единственномъ случаѣ, когда ошибка въ судебномъ рѣшеніи послужила къ осужденію невиннаго или же къ отягченію его участи. Но и въ этихъ случаяхъ этотъ пересмотръ допускается со всевозможною осторожностью и крайнею осмотрительностью, потому что малѣйшее снисхожденіе въ этомъ отношеніи имѣло бы послѣдствіемъ то, что на дѣлѣ правосудія вовсе несуществовало бы, что его замѣнилъ бы безграничный произволъ.

Обращаясь отъ положеній науки и лучшихъ законодательствъ Европы къ дѣйствующимъ у насъ доселѣ законамъ, нельзя не убѣдиться въ томъ, что начало твердости и непоколебимости судебныхъ рѣшеній вполнѣ усвоено и нашимъ законодательствомъ. По ст. 414 Т. XV, Зак. Угол. Суд., пересмотръ окончательныхъ рѣшеній допускается только для облегченія участи осужденныхъ, и ни въ какомъ случаѣ для усугубленія мѣры наказанія, опредѣленнаго приговоромъ. Прямымъ послѣдствіемъ сего правила представляется невозможность подвергнуть наказанію того, кто оправданъ приговоромъ, вошедшимъ въ законную силу. Такого-же направленія по предложенному вопросу держалась и наша судебная практика. Если наши законы столь строго ограждаютъ силу судебныхъ рѣшеній, при существованіи порядка не вполнѣ удовлетворительнаго, при которомъ, вслѣдствіе несовершенства теоріи доказательствъ, письменнаго и не гласнаго производства, и отсутствія обвинительной власти, легко могли состояться неправильныя рѣшенія объ освобожденіи отъ слѣдствія и суда, или о наказаніи менѣе строгомъ, нежели слѣдовало по закону, то нѣтъ достаточнаго повода, при введеніи гласности, обвинительнаго начала, повѣрки

слѣдствія въ судѣ и рѣшенія дѣлъ присяжными и судьями по внутреннему убѣжденію, отступать отъ кореннаго правила, что никто не долженъ быть привлекаемъ нѣсколько разъ къ отвѣтственности за одно и тоже дѣяніе. По вновь предполагаемымъ началамъ, судебному разсмотрѣнію должны быть подвергаемы не всѣ безъ исключенія слѣдствія по уголовнымъ дѣламъ, а только такія дѣла о преступленіяхъ или проступкахъ, по которымъ собраны улики, достаточно сильныя для преданія кого либо суду. По симъ дѣламъ прокуроры обязаны предъявлять суду обвиненіе не прежде, какъ собравъ всѣ необходимыя для правильнаго рѣшенія свѣдѣнія и, безъ сомнѣнія,—при надлежащемъ исполненіи прокурорами своихъ обязанностей,—случаи освобожденія отъ суда, вслѣдствіе неполноты дѣла, будутъ чрезвычайно рѣдки. По сему, дозволеніе, въ случаѣ вновь открывшихся, противъ оправданнаго или наказаннаго подсудимаго уликъ, возобновить новое слѣдствіе и судъ, для рѣшенія: какую степень важности имѣютъ эти улики, не принесло бы существенной пользы правосудію, а только поколебало бы твердость и значеніе судебныхъ рѣшеній и лишило бы ихъ должнаго къ нимъ уваженія. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что введеніе въ наше законодательство подобнаго правила не только уничтожило бы значеніе предполагаемой отмѣны оставленія въ подозрѣніи, но, какъ выше было доказано, распространило бы на всѣ безъ исключенія оправдательные и обвинительные приговоры тѣ стѣсненія, которымъ можетъ подвергаться оподозрѣнный при дѣйствіи закона, дозволяющаго возобновленіе противъ такихъ лицъ слѣдствія по вновь открытымъ уликамъ (Т. XV зак. суд. угол. ст. 313 п. 2).

Что касается до постановленій французскаго законодательства, на которыя ссылается одинъ членъ, то по этому предмету необходимы нѣкоторыя поясненія.

Во Французскомъ code d'instr. Crim. содержатся два постановленія, заключающія въ себѣ все ученіе о непоколебимости судебныхъ рѣшеній.

Въ первомъ изъ нихъ,—выраженномъ въ ст. 360, говорится: Toute personne acquittée légalement ne pourra plus être reprise, ni accusée, à raison du même fait. Это то, которое приведено однимъ членомъ.

Затѣмъ есть и другое постановленіе (ст. 246), въ которомъ объяснено: Le prévenu, à l'ègard duquel la cour impèriale aura décidé, qu'il n'y a pas lieu

au renvoi à la cour d'assises, ne pourra plus y être traduit à raison du même fait, à moins qu' il ne survienne de nouvelles charges.

Первое изъ сихъ постановленій относится къ судебнымъ рѣшеніямъ, по существу дѣла постановленнымъ (décisions des juridictions de jugement), а второе къ судебнымъ опредѣленіямъ обвинительныхъ камеръ (décisions des juridictions d'instruction). А такъ какъ правило, выраженное въ ст. 360, о томъ «*что рѣшенія судебныхъ мѣстъ, по существу дѣла постановленныя, входятъ въ законную силу*» не допускаетъ никакого исключенія; условнымъ же, дозволяющимъ пересмотръ рѣшеній въ случаѣ nouvelles charges, представляется не это, какъ полагаетъ одинъ членъ, а другое постановленіе французскаго кодекса, въ 246 ст. выраженное, и относящееся къ рѣшеніямъ обвинительныхъ камеръ,—то нельзя не придти къ положительному убѣжденію, что и французское законодательство усвоило себѣ начало непоколебимости судебныхъ рѣшеній, по существу дѣла постановленныхъ, наравнѣ съ другими законодательствами и въ тѣхъ же самыхъ широкихъ размѣрахъ.

За симъ остается сказать нѣсколько словъ по поводу приведенной однимъ членомъ 1351 ст. франц. Code civil, на которую въ означенной выше 360 ст. Code d'ilnstr. crim., сдѣлана ссылка.

Въ ст. 1351 говорится: l'autorité de la chose jugée n'a lieu qu'à l'égard de ce qui a fait l'objet du jugement.

Далѣе слѣдуетъ подробное разъясненіе выраженія l'objet du jugement, на которое и указано въ мнѣніи одного члена.

Всякое преступленіе, заключаясь въ одномъ преступномъ фактѣ, можетъ быть разсматриваемо съ совершенно различныхъ юридическихъ точекъ зрѣнія. Такъ, лишеніе жизни человѣка можетъ представляться и убійствомъ, и нанесеніемъ смерти по неосторожности, или даже случайно; *обезчещеніе женщины* можетъ имѣть характеръ изнасилованія, или употребленія во зло невинности, *или прелюбодѣянія;* присвоеніе чужаго имущества можетъ представляться подъ видомъ кражи, или подъ видомъ утайки находки, или наконецъ подъ видомъ присвоенія ввѣреннаго имущества.

Соображеніе 1351 ст. показываетъ, что французское законодательство допускаетъ начало autorité de la chose jugée только по отношенію къ тому именно обвиненію, которое было предметомъ су-

дебнаго разсмотрѣнія, но не распространяетъ его силы на всѣ прочія обвиненія, которыя хотя и вытекаютъ изъ одного и того же факта, но не были въ виду и обсужденіи суда.

Эта особенность французскаго законодательства объясняется способомъ узаконеннаго тамъ разсмотрѣнія и рѣшенія уголовныхъ дѣлъ.

Обсудить всѣ тѣ обвиненія, которыя истекаютъ изъ одного и того же преступнаго факта, можно или послѣдовательно одно за другимъ, или въ совокупности всѣ вмѣстѣ.

Законодатель можетъ вмѣнить судьѣ въ обязанность,—при рѣшеніи дѣла объ обезчещеніи женщины,—держаться рамки постановленнаго въ обвинительномъ актѣ обвиненія и рѣшить сначала одинъ только вопросъ: было ли изнасилованіе или нѣтъ? не касаясь другихъ, возможныхъ на то преступленіе точекъ зрѣнія. Потомъ, по новому требованію обвинительной власти, и новому разслѣдованію дѣла, рѣшить другой вопросъ: было ли обольщеніе или нѣтъ и т. д.; или на оборотъ, законодатель можетъ вмѣнить въ обязанность судьѣ разсмотрѣть преступленіе со всевозможныхъ точекъ зрѣнія и рѣшить качество вины подсудимаго по обсужденіи всѣхъ обвиненій въ совокупности, за одинъ разъ.

Первый способъ разсмотрѣнія, принятый во Франціи, имѣетъ то преимущество, что судьѣ предстоитъ разсмотрѣніе и разрѣшеніе обвиненія съ одной только извѣстной точки зрѣнія, что все его вниманіе сосредоточено на этой точкѣ и ни чѣмъ другимъ не развлекается.

Второй способъ совокупнаго разсмотрѣнія обвиненія со всевозможныхъ на него точекъ зрѣнія,—котораго держится англійское законодательство и держалось доселѣ и наше,—не можетъ конечно имѣть приведенныхъ, не особенно важныхъ достоинствъ, но за то имѣетъ то весьма значительное преимущество, что не подвергаетъ одного и того же подсудимаго двукратному или троекратному, одному за другимъ преслѣдованію, а исчерпываетъ вопросъ о его винѣ со всевозможныхъ на нее точекъ зрѣнія за одинъ разъ.

Впрочемъ, для примѣненія ученія о непоколебимости судебнаго рѣшенія, безразлично: той, или другой системы держится законодательство. Какъ при той, такъ и при другой системѣ разсмотрѣнія уголовныхъ дѣлъ, судебныя рѣшенія одинаково могутъ и должны входить въ законную силу, съ тою лишъ разницею, что по системѣ совокупнаго

во всей подробности разсмотрѣнія всѣхъ обвиненій состоится одно рѣшеніе, которое исчерпываетъ всю вину подсудимаго и немедленно получаетъ значеніе вошедшаго въ законную силу приговора и составляетъ законный поводъ къ прекращенію новаго преслѣдованія, на томъ же фактѣ основаннаго; а по системѣ послѣдовательнаго разсмотрѣнія обвиненій, изъ одного и того же факта вытекающихъ, достигается таже цѣль не прежде, какъ по послѣдовательномъ разсмотрѣніи одного и того же дѣла на судѣ нѣсколько разъ.

Изъ всего сказаннаго легко убѣдиться можно, что и указанныя особенности французскаго законодательства нисколько не ослабляютъ значенія принципа объ autorité de la chose jugée, который оставался и остается ненарушимымъ.

Согласно приведеннымъ соображеніямъ въ проектѣ постановлено:

1) что оправданный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ надлежащаго суда не можетъ быть вторично подвергнутъ слѣдствію и суду по тому же самому преступленію, если бы даже открылись новыя обстоятельства, служащія къ его изобличенію, и

2) что присужденный вошедшимъ въ законную силу приговоромъ къ наказанію или взысканію не можетъ быть вновь судимъ по тому же дѣлу, хотя бы впослѣдствіи были обнаружены обстоятельства, увеличивающія его вину.

Но какъ ни важно для правосудія охраненіе твердости судебныхъ рѣшеній, какъ ни священно то начало, что подсудимый отвѣчаетъ за свою вину одинъ только разъ и не можетъ подвергаться за нее нескончаемому преслѣдованію, при всемъ томъ однако же возвести это начало на степень никогда и ни по какому поводу непоколебимаго, было бы, какъ замѣтилъ государственный совѣтъ въ разсужденіяхъ своихъ по сему вопросу, и не справедливо, и опасно.

Такъ, могутъ быть случаи, правда рѣдкіе, что судебное рѣшеніе въ пользу обвиняемаго представляется послѣдствіемъ положительно доказаннаго подлога, подкупа или инаго преступленія. Кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что подобное рѣшеніе, въ самомъ корнѣ своемъ незаконное и преступленіемъ опороченное, не можетъ почитаться вошедшимъ въ законную силу. Если преступленіе допущено судьями,—значитъ законнаго суда во-

все несостоялось; если преступленіе допущено постороннимъ лицомъ,—значитъ судьи умышленно вовлечены были въ ошибку, были обмануты. Въ томъ и другомъ случаѣ рѣшеніе суда ничтожно.

По симъ послѣднимъ соображеніямъ въ проектѣ постановлено не распространять правила о твердости вошедшихъ въ законную силу приговоровъ на тѣ случаи, когда приговоръ былъ послѣдствіемъ подкупа, подлога или иного преступленія.

О порядкѣ опредѣленія вознагражденія за вредъ и убытки въ тѣхъ случаяхъ, когда уголовное преслѣдованіе прекращено безъ постановленія приговора по существу дѣла (ст. 24 и 25).

Пятый вопросъ, возбудившій въ коммиссіи разногласіе, заключается въ томъ: какому суду (уголовному или гражданскому) опредѣлять вознагражденіе за вредъ и убытки, отъ преступленія произшедшіе, когда за смертью подсудимаго, за давностью, или Всемилостивѣйшимъ Манифестомъ, преслѣдованіе въ уголовномъ порядкѣ прекращено безъ постановленія приговора по существу вины подсудимаго, т. е. безъ разрѣшенія вопроса о виновности въ дѣяніи, отъ котораго послѣдовали вредъ и убытки?

Мнѣніе меньшинства.

Четырнадцать членовъ (Баршевскій, Бычковъ, Гольтгоеръ, М. Зарудный, С. Зарудный, Любимовъ, Перетцъ, Петерсъ, Плавскій, Принтцъ, Розинъ, Розовъ, Соловьевъ и Утинъ) признаютъ, что въ случаяхъ подобнаго рода вопросъ о вознагражденіи долженъ быть рѣшенъ въ судѣ гражданскомъ и по правиламъ судопроизводства гражданскаго. По мнѣнію этихъ членовъ, при разсмотрѣніи и рѣшеніи вопроса о вознагражденіи въ указанныхъ случаяхъ, судъ уголовный долженъ былъ бы дѣйствовать, или на правахъ суда гражданскаго и по правиламъ судопроизводства гражданскаго, или же на правахъ свойственной ему уголовной подсудности.

Посему надлежитъ сначала рѣшить первое сомнѣніе: возможно ли уголовному суду дѣйствовать когда бы то ни было на правахъ гражданскаго суда?—и за тѣмъ обратиться къ разрѣшенію другаго сомнѣнія: можетъ ли въ данныхъ случаяхъ уголовный судъ разсмотрѣть вопросъ о вознагражденіи на правахъ свойственной ему уголовной подсудности?

По первому сомнѣнію, четырнадцать членовъ признаютъ, что задачею уголовнаго суда есть преслѣдованіе и наказаніе преступленій.—Это его прямая обязанность.—Въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ требованію о наказаніи обвиняемаго присоединяется гра-

жданскій искъ о вознагражденіи, но не въ качествѣ главнаго иска, а въ качествѣ иска второстепеннаго, который можетъ существовать только потому, что существуетъ уголовный искъ о наказаніи; безъ уголовнаго иска о наказаніи, гражданскій искъ о вознагражденіи—въ порядкѣ уголовномъ—невозможенъ и немыслимъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы уголовный судъ постановилъ рѣшеніе объ отобраніи отъ лица *А* часовъ или иной вещи, украденной у лица *Б*, не касаясь вопроса о винѣ А, то онъ могъ бы сіе сдѣлать не иначе, какъ по разсмотрѣніи чисто гражданскаго вопроса о правѣ собственности на эти вещи Б, слѣдовательно онъ вышелъ бы изъ круга вѣдомства дѣлъ уголовныхъ, ему подсудныхъ, и перешелъ бы въ область и предѣлы вѣдомства суда гражданскаго;—однимъ словомъ изъ суда уголовнаго онъ сдѣлался бы судомъ гражданскимъ,—по подобное смѣшеніе подсудностей не допускается ни теоріей, ни законодательствами. Оно возможно было бы только въ такомъ случаѣ, когда и уголовное преслѣдованіе преступленій, и гражданское разрѣшеніе спорныхъ правъ собственности,—возлагалось бы на одинъ общій уголовно-гражданскій судъ, никакою спеціальною подсудностью необязанный и отправляющій не отдѣльную часть правосудія, а всѣ отрасли правосудія въ совокупности.

Далѣе, если по особеннымъ уваженіямъ удобства, близости суда и пр. допустить отступленіе отъ кореннаго начала отдѣленія подсудности гражданской и уголовной въ пользу суда уголовнаго, то послѣдовательность требуетъ сдѣлать ту же уступку и по отношенію къ суду гражданскому. Почему и суду гражданскому, облеченному полнымъ довѣріемъ общества и на столько конечно знакомому съ дѣломъ уголовнымъ, на сколько судъ уголовный знакомъ съ дѣломъ гражданскимъ,—не предоставитъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ разсмотрѣніе дѣлъ уголовныхъ. Такъ если, на основаніи 7-й ст. проекта, понесшій отъ преступленія вредъ и убытки обратился не къ суду уголовному, а къ суду гражданскому, по чему бы вмѣсто того, чтобы обязывать гражданскій судъ выжидать рѣшенія по дѣлу суда уголовнаго, не предоставить первому, въ видахъ скорѣйшаго удовлетворенія понесшаго вредъ и убытки,—рѣшить и уголовный вопросъ о винѣ?

Вотъ къ какому результату неминуемо должно повести отступленіе отъ кореннаго начала отдѣленія подсудностей.

Приведенныя соображенія убѣждаютъ четырнад-

цать членовъ, что вопросъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, по существу своему чисто гражданскій,—не можетъ быть разрѣшаемъ уголовнымъ судомъ, на правахъ суда гражданскаго, т. е. отдѣльно отъ уголовнаго вопроса о винѣ.

Переходя за тѣмъ ко второму сомнѣнію о томъ: можетъ ли въ данныхъ случаяхъ, судъ уголовный рѣшить вопросъ о вознагражденіи въ порядкѣ свойственной ему уголовной подсудности, по разрѣшеніи вопроса о винѣ и осужденіи подсудимаго?—необходимо имѣть въ виду слѣдующія общія соображенія, до уголовнаго преслѣдованія относящіяся.

Извѣстно, что основною гарантіею правильнаго отправленія правосудія есть начало защиты подсудимаго,—начало, по которому подсудимый не можетъ быть осужденъ, безъ выслушанія его оправданія, безъ опроверженія на судѣ всѣхъ представленныхъ имъ доводовъ его невинности.

Но въ данномъ случаѣ, рѣчь идетъ о подсудимомъ умершемъ,—умершемъ до судебнаго о немъ приговора, до повѣрки показаній его на судѣ, до защитительной его рѣчи.

Скажутъ, что произведено предварительное слѣдствіе, которымъ можетъ быть раскрыто преступленіе умершаго; но это слѣдствіе, безъ судебной повѣрки со всѣми къ ней принадлежащими гарантіями, ничтожно, — далеко не представляетъ и не можетъ представлять прочнаго основанія для разрѣшенія вопроса о винѣ!

Скажутъ, что это предварительное слѣдствіе достаточно для осужденія умершаго; въ такомъ случаѣ оно достаточно и для осужденія живаго;—честь того и другаго охраняется закономъ одинаково; позоръ осужденія чувствителенъ если не для самого умершаго, то для всего его семейства!

Въ проектѣ,—по приведеннымъ соображеніямъ необходимости защиты со стороны подсудимаго,—устраняется всякая тѣнь суда заочнаго. Какъ же допустить подобный судъ по отношенію къ лицу умершему? Заочный судъ надъ лицемъ бѣжавшимъ и скрывшимся отъ правосудія можетъ еще быть оправданъ побѣгомъ преступника, но чѣмъ же онъ можетъ быть оправданъ по отношенію къ такому лицу, котораго похитила изъ рукъ правосудія одна смерть?

Тѣже самыя соображенія примѣняются и къ тѣмъ случаямъ, когда дѣйствія подсудимаго под-

ведены подъ милостивый манифестъ или подъ давность, безъ разрѣшенія вопроса: виновенъ ли онъ въ нихъ или нѣтъ. Подсудимый и въ этихъ случаяхъ не воспользовался святымъ правомъ защиты, слѣдовательно и осужденъ быть не можетъ.

Хотя по дѣйствующему закону (прим. къ ст. 22 Т. XV, Зак. суд. угол.) тѣ дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, съ коими соединены частные иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, сими преступленіями или проступками причиненные, не прекращаются по милостивому манифесту и не обращаются къ гражданской формѣ, но должны быть оканчиваемы уголовнымъ порядкомъ, тѣмъ не менѣе, однакоже, сіе правило не вполнѣ согласно съ общими основаніями справедливости. Формы уголовнаго судопроизводства, всегда болѣе или менѣе многосложныя и стѣснительныя для подсудимыхъ, установлены по необходимости для дознанія вины и преданія виновныхъ заслуженному наказанію; по прощеніи жъ вины и отмѣнѣ наказанія, не можетъ быть основанія подвергать прощеннаго тягостнымъ для него, иногда болѣе чувствительнымъ нежели самое наказаніе, обрядамъ уголовнаго слѣдствія и суда, единственно для разрѣшенія чисто гражданскаго вопроса о вознагражденіи за вредъ и убытки.

Что же касается въ особенности случая примѣненія къ винѣ подсудимаго законовъ о давности, то тѣмъ болѣе представляется основаній предоставить искъ о вознагражденіи разрѣшенію суда гражданскаго, а не уголовнаго, что по смыслу дѣйствующаго улож. о нак. (ст. 179), подъ сроки давности, прекращающей уголовное преслѣдованіе, искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки не подходитъ, а подчиняется общимъ правиламъ о давности въ законахъ гражданскихъ, примѣненіе которыхъ, конечно, ближе предоставить самому суду гражданскому.

Остается сказать нѣсколько словъ по вопросу о томъ: не коснется ли гражданскій судъ, при рѣшеніи вопроса о вознагражденіи,—вопроса о винѣ, не будетъ ли онъ въ необходимости наложить на подсудимаго и притомъ въ порядкѣ гражданскаго суда, то пятно позора и обвиненія, которое не можетъ быть наложено въ данныхъ случаяхъ даже судомъ уголовнымъ?

Вопросъ этотъ, по мнѣнію четырнадцать членовъ, разрѣшается отрицательно.

Допустимъ, что гражданскому суду предстоитъ рѣшить искъ о возвращеніи похищенныхъ часовъ.

Какъ поступитъ гражданскій судъ?—Онъ войдетъ въ разсмотрѣніе предъявленныхъ истцемъ правъ собственности на часы и по доказаннымъ правамъ этимъ постановитъ заключеніе о возвращеніи ихъ собственнику! При этомъ гражданскій судъ вовсе не предрѣшаетъ вопроса о томъ, какъ эти часы достались лицу, противъ котораго направленъ искъ, достались ли они путемъ преступленія, самовольно ли захвачены, или наконецъ отданы ему съ согласія хозяина на подержаніе, въ залогъ и т. п.

Другой примѣръ: предъявленъ гражданскому суду искъ о вознагражденіи съ лица А, за нанесеніе смерти лицу Б.—Какъ поступитъ гражданскій судъ?—По мнѣнію четырнадцати членовъ, судъ долженъ убѣдиться въ дѣйствительности факта причиненія смерти, и если дѣйствительно этотъ фактъ не сомнѣненъ, постановить заключеніе о вознагражденіи; но при этомъ судъ нисколько не предрѣшаетъ того вопроса (какъ бы состоялъ въ обязанности сдѣлать судъ уголовный)—причиненіе смерти было ли умышленное, неосторожное или случайное, вызвано ли оно было правомъ личной обороны и т. п.

Наконецъ остается упомянуть о томъ, что въ гражданскомъ судѣ лицо умершаго, къ имуществу котораго направленъ искъ, могутъ вполнѣ представлять его наслѣдники.

По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ *четырнадцать членовъ* полагаютъ принять слѣдующія правила:

Въ случаѣ смерти подсудимаго до судебнаго о его винѣ приговора, вознагражденіе за вредъ и убытки можетъ быть отыскиваемо съ имущества его или его наслѣдниковъ, не иначе какъ въ судѣ гражданскомъ.

Въ случаѣ прекращенія дѣлъ о преступленіяхъ или проступкахъ на основаніи общаго Всемилостивѣйшаго Манифеста, или же за давностью, начатые въ судахъ уголовныхъ иски о вознагражденіи за причиненные сими преступленіями или проступками вредъ или убытки прекращаются и могутъ быть возобновлены не иначе, какъ въ судахъ гражданскихъ.

Мнѣніе большинства.

Двадцать одинъ членъ (Буцковскій, Вилинбаховъ, Князь Волконскій, Баронъ Врангель, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, Зубовъ, Калачевъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Поповъ, Романовскій, Рѣпинскій, Спасовичъ, Тизенгаузенъ, Чемадуровъ, Шечковъ, Шубинъ и Яневичъ-Яневскій) признаютъ совершенно излишнимъ входить въ пространныя

разсужденія о томъ, какимъ порядкомъ уголовный судъ долженъ разсматривать искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, отъ преступленія происшедшіе, т. е. по правиламъ ли судопроизводства гражданскаго, или же на основаніи тѣхъ формъ и обрядовъ, которые установлены для судопроизводства уголовнаго. По мнѣнію ихъ, вопросъ этотъ разрѣшенъ окончательно въ 1851 году изданнымъ по настоящему предмету положеніемъ, которымъ право на вознагражденіе обусловливается виновностію отвѣтчика въ совершеніи преступленія или проступка (Свод. т. X ч. I зак. гражд. ст. 644 и 647); по которому вознагражденіе опредѣляется за убытки и потери, *болье или менье непосредственно отъ преступнаго дѣянія произшедшіе,* смотря по свойству и степени злаго умысла (зак. гражд. ст. 645), и которымъ гражданская отвѣтственность участниковъ въ одномъ итомъ же преступленіи соразмѣряется съ тѣмъ: учинено ли преступленіе по предварительному ихъ уговору или безъ взаимнаго соглашенія, и обращается не только на совершившихъ преступленіе, но также на попустителей и укрывателей, если главные виновные несостоятельны (зак. гражд. ст. 648—652). Очевидно, что всѣ эти соображенія свойственны только суду уголовному. Вотъ почему законъ обращаетъ къ гражданскому суду лишь иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, послѣдовавшіе отъ дѣяній, не признаваемыхъ преступленіями и проступками (зак. гражд. ст. 675 и 689). Измѣнить этотъ порядокъ не возможно безъ измѣненія самыхъ основаній, на которыхъ опредѣляется вознагражденіе, а на пересмотръ законовъ гражданскихъ о вознагражденіи коммисія вовсе не уполномочена. Впрочемъ едва ли и существуютъ какія либо раціональныя основанія къ измѣненію такого порядка.

Причины, побудившія законодательство постановить приведенныя выше правила, очевидны. Онѣ, конечно, заключаются въ томъ, что для безошибочнаго опредѣленія права на вознагражденіе убытковъ, отъ преступленія произшедшихъ, необходимо разрѣшить вопросы: дѣйствительно ли это преступленіе совершилось, признанъ ли въ ономъ виновнымъ тотъ, съ кого убытки отыскиваются, и если признанъ виновнымъ, то въ какой мѣрѣ участвовалъ онъ въ совершеніи преступленія, такъ какъ, по общему правилу уголовнаго права, мѣра вознагражденія за ущербъ должна быть въ зависимости отъ мѣры вины, или отъ степени

участія обвиненнаго въ преступленіи. Все это такіе вопросы, которые могутъ быть правильно разрѣшены только судомъ уголовнымъ; возлагать же разрѣшеніе ихъ на обязанность судовъ гражданскихъ, въ кругъ дѣятельности которыхъ вовсе не входитъ сужденіе о винѣ или невинности обвиняемаго, значило бы поставить сіи суды въ положеніе, имъ не свойственное и во всякомъ случаѣ сопряженное съ большимъ затрудненіемъ. Это затрудненіе представилось бы еще несравненно въ большей степени въ тѣхъ случаяхъ, когда въ одномъ и томъ же преступленіи участвовало, въ различной степени, нѣсколько лицъ. Посему не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что въ присужденіи вознагражденія понесшему отъ преступленія вредъ или убытки гражданскій судъ или вовсе не долженъ имѣть мѣста (когда это разрѣшаетъ судъ уголовный), или же можетъ постановить свое заключеніе лишь по окончаніи дѣла уголовнаго. Приводимый четырнадцатью членами примѣръ нисколько не убѣждаетъ въ противномъ. Уголовный судъ не иначе могъ бы постановить рѣшеніе объ отобраніи отъ лица А часовъ или иной вещи, принадлежащихъ Б, какъ доказавъ (конечно въ порядкѣ уголовномъ): 1) что у Б дѣйствительно были часы или иная вещь; 2) что они дѣйствительно украдены, и 3) что кража эта совершена лицомъ А. За тѣмъ никакое разсмотрѣніе гражданскаго вопроса о правѣ собственности на эти вещи Б не могло бы имѣть мѣста.

Приведенныя выше правила, по мнѣнію большинства, должны имѣть полное примѣненіе и въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимый по уголовному дѣлу умеръ до судебнаго о немъ приговора. Здѣсь, конечно, встрѣчается важное неудобство: умершій подсудимый не воспользовался предоставленнымъ каждому подсудимому правомъ защиты. Но не говоря уже о томъ, что могутъ быть случаи, когда подсудимый умершій и до судебнаго о немъ приговора, воспользовался правомъ защиты, нельзя не замѣтить, что при производствѣ предварительнаго слѣдствія преступленіе его можетъ быть раскрыто и вина обнаружена съ достаточною ясностію и что во всякомъ случаѣ, и въ такомъ исключительномъ положеніи дѣла, когда защита не можетъ быть допущена по силѣ особаго обстоятельства, ни отъ кого независящаго, вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго скорѣе и правильнѣе можетъ быть разрѣшенъ все-таки уголовнымъ судомъ, нежели судомъ гражданскимъ.

По тѣмъ же самымъ основаніямъ большинство

членовъ коммисіи признаетъ, что иски о вознагражденіи за вредъ и убытки, преступленіемъ нанесенные, должны производиться въ судахъ уголовныхъ и тогда, когда вина подсудимаго подведена подъ дѣйствіе Всемилостивѣйшаго манифеста, или же покрывается давностію. Къ устраненію сего правила въ настоящемъ случаѣ не представляется уже рѣшительно никакого справедливаго основанія, потому что и то единственное неудобство, встрѣчаемое судомъ при постановленіи приговора объ умершемъ и заключающееся въ лишеніи средствъ защиты, здѣсь не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ подсудимый находится на лицо и можетъ воспользоваться всѣми, закономъ предоставленными способами доказывать свою невинность. Такое правило, въ существѣ своемъ вполнѣ справедливое, заключается и въ дѣйствующихъ нынѣ постановленіяхъ, въ которыхъ именно сказано: 1) что дѣла уголовныя, соединенныя съ исками объ убыткахъ, не прекращаются по всемилостивѣйшему манифесту и не обращаются къ гражданской формѣ, но должны быть оканчиваемы уголовнымъ порядкомъ (примѣч. къ статьѣ 22 зак. суд. угол.т. XV), и 2) что во избѣжаніе двукратнаго разсмотрѣнія однихъ и тѣхъ же дѣлъ, слѣдуетъ означать въ приговорахъ: какому именно подлежали бы подсудимые личному наказанію, если бы манифеста не состоялось или смерти ихъ не послѣдовало (ст. 693).

Согласно приведеннымъ соображеніямъ большинства членовъ коммисіи, въ проектѣ постановлено:

1) Что въ случаѣ смерти подсудимаго до судебнаго о его винѣ приговора, вознагражденіе за вредъ и убытки можетъ быть отыскиваемо съ имущества его или его наслѣдниковъ; и

2) Что въ случаѣ прекращенія дѣла, на основаніи всемилостивѣйшаго манифеста или за давностію, начатый въ судѣ уголовномъ искъ о вознагражденіи потерпѣвшаго отъ преступленія разрѣшается тѣмъ же уголовнымъ судомъ.

О случаяхъ столкновенія подсудностей уголовной и гражданской (ст. 26 и 27).

По шестому вопросу, о случаяхъ столкновенія подсудностей уголовной и гражданской, коммисія приняла на видъ слѣдующее:

Въ проектѣ устава (ст. 7) постановляется правиломъ, что гражданскій искъ объ удовлетвореніи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ или проступкомъ, можетъ быть предъявленъ или

въ уголовномъ судѣ, при самомъ производствѣ уголовнаго дѣла, или въ судѣ гражданскомъ.

При обсужденіи вопроса: какъ избѣжать столкновенія двухъ подсудностей, уголовной и гражданской, необходимо обратить вниманіе на тѣ случаи, при которыхъ это столкновеніе неминуемо.

Гражданскій искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки можетъ быть предъявленъ въ гражданскомъ судѣ до рѣшенія еще въ судѣ уголовномъ вопроса о преступленіи, причинившемъ означенный вредъ.

Для устраненія возможнаго при этомъ случаѣ разнорѣчія между судами уголовнымъ и гражданскимъ, достаточно постановить, что по вопросамъ, тѣсно между собою связаннымъ, гражданскій судъ не прежде приступаетъ къ рѣшенію предъявленнаго ему гражданскаго иска о вознагражденіи, какъ по рѣшеніи уголовнаго дѣла въ судѣ уголовномъ.

Это положеніе, которое во французскомъ правѣ выражается формулою: le criminel tient le civil en état, le criminel emporte le civil, принято и въ проектѣ судопроизводства уголовнаго въ ст. 7, и слѣдовательно, за тѣмъ всякое опасеніе о столкновеніи подсудностей въ данномъ случаѣ устраняется.

Возможенъ и такой случай, что гражданскій искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки предъявленъ въ гражданскомъ судѣ послѣ рѣшенія судомъ уголовнымъ вопросовъ о преступленіи, причинившемъ вредъ и убытки.

Здѣсь необходимо обсудить: въ какой мѣрѣ рѣшеніе въ уголовномъ судѣ главнаго вопроса—о преступленіи, можетъ и должно имѣть вліяніе на рѣшеніе въ судѣ гражданскомъ второстепеннаго вопроса о вознагражденіи.

Уголовный судъ, при разсмотрѣніи преступленія, причинившаго вредъ и убытки, или обвинитъ подсудимаго, или же оправдаетъ его.

За признаніемъ уголовнымъ судомъ подсудимаго виновнымъ въ совершеніи извѣстнаго преступленія, право на вознагражденіе вреда и убытковъ, причиненныхъ этимъ преступленіемъ, не можетъ быть оспариваемо обвиненнымъ; онъ не можетъ доказывать, что преступнаго дѣянія не было, или что оно не имъ совершено. По этому и судъ гражданскій обстоятельства эти новому судебному пересмотру подвергать не долженъ, но можетъ только разсмотрѣть вопросъ: понесены ли отъ преступленія убытки и опредѣлить размѣръ ихъ.

Допустить иное толкованіе о предѣлахъ правъ гражданскаго суда по рѣшенію предъявленнаго ему гражданскаго иска, значило бы допустить правосудіе къ противорѣчію самому себѣ,—къ оглашенію, напримѣръ, въ уголовномъ порядкѣ судопроизводства, что подсудимый дѣйствительно совершилъ кражу, убійство или иное преступленіе, а въ гражданскомъ порядкѣ судопроизводства, что тотъ же подсудимый, можетъ быть уже наказанный, никакого преступленія не совершилъ. Но такимъ образомъ можно разрушить въ обществѣ всякое къ правосудію довѣріе.

Съ другой стороны, уголовный судъ, по соображеніи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, можетъ признать, что событія преступленія вовсе не было, или что оно совершилось, но подсудимый никакого участія въ немъ не принималъ.

Само собою разумѣется, что и въ этомъ случаѣ положеніе уголовнаго суда о томъ, что событія преступленія,—напр. поврежденія здоровья нанесеніемъ раны,—вовсе не совершилось, или же, что подсудимый въ нанесеніи раны вовсе не участвовалъ,—вполнѣ обязательно для гражданскаго суда, къ которому обращаются съ искомъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, отъ означеннаго поврежденія здоровья происшедшіе. Какъ въ случаѣ обвинительнаго приговора уголовнаго суда, обвиненный не вправѣ оспаривать дѣйствительность совершенія преступленія, причинившаго вредъ и убытки, и свое въ этомъ преступленіи участіе, такъ точно и гражданскій истецъ, въ случаѣ оправданія уголовнымъ судомъ подсудимаго на приведенныхъ здѣсь основаніяхъ, не вправѣ доказывать ни дѣйствительность совершенія преступленія, ни участія подсудимаго въ причинившемъ вредъ дѣяніи, потому что то и другое уголовнымъ судомъ отвергнуто.

Иначе, одно и тоже дѣяніе по рѣшенію суда уголовнаго признано было бы вовсе несуществовавшимъ, а по рѣшенію гражданскаго суда, признавалось бы содѣяннымъ или совершившимся; по рѣшенію одного суда подсудимый признанъ былъ бы не участвовавшимъ въ совершеніи дѣянія, причинившаго вредъ и убытки, а по рѣшенію другаго суда, подвергнутъ былъ бы вознагражденію за вредъ и убытки, т. е. признанъ былъ бы виновникомъ или участникомъ въ этомъ дѣяніи. Однимъ словомъ, рѣшеніе суда уголовнаго, и въ этомъ данномъ случаѣ, потеряло бы всякое нравственное значеніе и силу, если бы могло быть опровергаемо въ порядкѣ гражданскомъ.

Вслѣдствіе сихъ соображеній въ проектѣ постановлено, что окончательное рѣшеніе суда уголовнаго по вопросамъ: совершилось ли событіе преступленія, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и какого свойства это дѣяніе, обязательно для суда гражданскаго во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда гражданскія послѣдствія дѣянія, бывшаго предметомъ уголовнаго суда, разсматриваются судомъ гражданскимъ.

За тѣмъ, входя въ дальнѣйшія сужденія по настоящему предмету, коммисія находила, что уголовный судъ можетъ оправдать подсудимаго по соображеніямъ, на вопросахъ права основаннымъ, напримѣръ, по уваженію тому, что событіе, причинившее вредъ и убытки, само по себѣ непреступно, или что содѣянное по законнымъ причинамъ не вмѣняется въ вину подсудимому, или же что, за силою Всемилостивѣйшаго Манифеста, или за давностью, преступное дѣяніе не можетъ подвергать подсудимаго уголовной отвѣтственности.

Разрѣшая дѣло по соображеніямъ права, уголовный судъ можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать дѣйствительность событія, причинившаго вредъ и убытки, и въ такомъ случаѣ, рѣшеніе его въ отношеніи къ этому вопросу вполнѣ обязательно для суда гражданскаго.

Но въ тѣхъ случаяхъ, когда уголовный судъ прекратитъ судебное противъ подсудимаго преслѣдованіе по соображеніямъ права, не входя въ разсмотрѣніе существа вины подсудимаго, т. е. за силою Всемилостивѣйшаго Манифеста, за давностью и тому подобными причинами къ прекращенію дѣла, гражданскій судъ сохраняетъ полную самостоятельность въ разрѣшеніи гражданскаго иска, основаннаго на томъ или другомъ дѣйствіи или преступленіи, судебное преслѣдованіе котораго въ уголовномъ порядкѣ прекращено въ силу закона. Противорѣчія въ рѣшеніи по одному и тому же дѣлу судомъ гражданскимъ и уголовнымъ, въ данныхъ случаяхъ опасаться нечего, потому что гражданскій судъ разсматриваетъ дѣло въ тѣхъ его частяхъ, которыя не были обсуждены и разрѣшены судомъ уголовнымъ.

Вслѣдствіе сего въ проектѣ постановлено, что гражданскій судъ можетъ присудить истцу вознагражденіе даже и въ томъ случаѣ, когда дѣяніе, отъ котораго послѣдовали вредъ или убытки, не признано преступнымъ, или не вмѣнено въ вину подсудимому.

РАЗДѢЛЪ ВТОРОЙ.

О РАЗБОРѢ ДѢЛЪ У МИРОВЫХЪ СУДЕЙ И ВЪ МИРОВЫХЪ СЪѢЗДАХЪ.

Раздѣлъ этотъ содержитъ въ себѣ девять слѣдующихъ главъ: 1) о подсудности, 2) о порядкѣ начатія дѣлъ, 3) о порядкѣ разбирательства у мировыхъ судей, 4) о постановленіи и объявленіи приговоровъ, 5) объ исполненіи ихъ, 6) о протоколахъ, 7) объ отзывахъ на приговоры, 8) о порядкѣ разбирательсва въ мировыхъ съѣздахъ, и 9) объ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ мировыхъ судей и съѣздовъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О подсудности (ст. 32—38).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлено по настоящему предмету слѣдующее правило:

Мировымъ судьямъ подсудны:

1) дѣла о менѣе важныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, за которые въ законахъ опредѣлены:

выговоры, замѣчанія и внушенія;

денежныя взысканія, которыхъ высшая мѣра не превосходитъ 300 рублей;

арестъ или замѣняющія оный наказанія;

2) дѣла о тѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, о коихъ производство, начинаясь не иначе, какъ по жалобамъ лицъ обиженныхъ или потерпѣвшихъ вредъ, можетъ быть прекращаемо примиреніемъ (Улож. о нак. ст. 171), и

3) дѣла о кражѣ, мошенничествѣ, лѣсныхъ порубкахъ, присвоеніи найденныхъ вещей и другихъ преступленіяхъ сего рода, совершенныхъ лицами, подлежащими за эти противозаконныя дѣянія заключенію въ рабочемъ домѣ (Осн. пол. ч. II, ст. 19).

О томъ: до какой суммы мировые судьи могутъ налагать денежныя взысканія (ст. 32).

При развитіи сего основнаго положенія, въ коммисіи произошло разногласіе относительно того, слѣдуетъ ли предоставить мировымъ судьямъ всѣ дѣла, за которыя опредѣлены въ законѣ денежныя взысканія до трехъ сотъ рублей?

Мнѣніе двѣнадцати членовъ.

Двѣнадцать членовъ (Буцковскій, Баронъ Врангель, Гольтгоеръ, Есиповичъ, Зубовъ, Ковалевскій, Петерсъ, Поповъ, Розинъ, Романовскій, Тизенгаузенъ и Яневичъ-Яневскій) находятъ, что въ пунктѣ 1-мъ приведенной выше статьи основныхъ положеній выражено положительно, что мировымъ судьямъ подсудны дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, за которые въ законахъ опредѣлены денежныя взысканія, коихъ высшая мѣра не превосходитъ трехсотъ рублей. Признавая это правило вполнѣ опредѣлительнымъ и не требующимъ никакихъ поясненій, *двѣнадцать членовъ* полагаютъ изложить его въ проектѣ безъ малѣйшаго измѣненія. Всякое уменьшеніе предѣловъ вѣдомства мироваго суда могло бы имѣть весьма вредное вліяніе на успѣхъ преобразованія судебной части, потому что этимъ, естественно, расширился бы кругъ дѣйствія судовъ окружныхъ, которые необходимо было бы учредить въ несравненно бо̀льшемъ числѣ, а для сего потребовалось бы и болѣе людей юридически образованныхъ, нежели мы имѣемъ, и болѣе денежныхъ средствъ, нежели тѣ, которыми можно въ настоящее время располагать.

Мнѣніе большинства.

Двадцать три члена (Баршевскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Князь Волконскій, Гуринъ, Даневскій, М. Зарудный, С. Зарудный, Калачевъ, Книримъ, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Принтцъ, Розовъ, Рѣпинскій, Соловьевъ, Спасовичъ, Утинъ, Чемадуровъ, Шечковъ и Шубинъ) не могли убѣдиться этими соображеніями. При разсмотрѣніи составленнаго гражданскимъ отдѣленіемъ проекта указано, что въ замѣчаніяхъ о развитіи основныхъ положеній о преобразованіи судебной части приводится весьма многими практиками, что мировымъ судьямъ дается слишкомъ много власти въ рѣшеніи дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ; что предоставленіе единоличному судьѣ, и притомъ не юристу, всѣхъ тяжебъ на сумму до пятисотъ рублей было бы крайне опасно, такъ какъ сумма эта, для нѣкоторыхъ хотя и незначительная, для большинства населенія составляетъ все достояніе, лишеніе котораго одинаково тягостно,

будетъ ли это слѣдствіемъ недобросовѣстности, какъ нерѣдко бывало до сихъ поръ, или по недостатку юридическихъ свѣдѣній въ лицахъ, отъ коихъ зависитъ рѣшеніе; посему, при сохраненіи означенныхъ выше цифръ для всѣхъ вообще дѣлъ, преобразованіе судебной части не принесло бы ожидаемыхъ отъ него благодѣтельныхъ плодовъ.

Замѣчанія эти большинствомъ коммисіи признаны вполнѣ справедливыми и потому, при разсмотрѣніи проекта гражданскаго отдѣленія, принято было, что общій размѣръ предоставленныхъ мировымъ судьямъ исковъ до *пятисотъ* рублей долженъ быть сохраненъ только по дѣламъ, требующимъ немедленнаго рѣшенія и при томъ такимъ, для обсужденія которыхъ не нужно спеціальныхъ юридическихъ свѣдѣній, именно по дѣламъ о потравахъ, о спорахъ между трактирщиками и нанимателями и т. п., а остальныя дѣла предоставить мировымъ судьямъ лишь въ томъ случаѣ, когда сумма иска не превышаетъ ста рублей.

При установленіи такого размѣра для дѣлъ гражданскихъ, необходимо принять его и по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, потому что въ этихъ дѣлахъ, независимо отъ опредѣленныхъ закономъ денежныхъ взысканій, виновные въ бо́льшей части случаевъ приговариваются и къ уплатѣ вознагражденія за причиненные преступнымъ дѣяніемъ вредъ и убытки.

По симъ соображеніямъ, большинство коммисіи полагаетъ изъ дѣлъ о проступкахъ, влекущихъ за собою денежныя взысканія, отнесть къ мировому суду лишь тѣ, коихъ размѣръ не превышаетъ ста рублей, за исключеніемъ однако требующихъ быстраго рѣшенія дѣлъ о лѣсныхъ порубкахъ, по которымъ предоставить мировымъ судьямъ наложеніе взысканій до трехсотъ рублей.

Этимъ, по мнѣнію большинства, нисколько не потребуется увеличенія числа окружныхъ судовъ, потому что, какъ извѣстно изъ практики, дѣла, по которымъ денежныя взысканія полагаются въ размѣрѣ болѣе ста рублей, встрѣчаются весьма рѣдко.

Впрочемъ, по единогласному заключенію коммисіи, статья 32-я не можетъ быть обсуждена окончательно безъ соображенія проекта особаго

устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ. Проектъ сей составляется, по особому Высочайшему повелѣнію, вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и коммисіи неизвѣстно, какіе именно проступки будутъ внесены въ этотъ уставъ и какая система будетъ принята при его составленіи: по размѣру ли взысканій, опредѣленныхъ въ уложеніи о наказаніяхъ, или же по свойству преступныхъ дѣяній, преимущественно подлежащихъ мѣстному разбирательству.

Объ отношеніяхъ волостныхъ судовъ къ мировымъ учрежденіямъ (ст. 32).

При опредѣленіи правилъ о подсудности мировымъ судьямъ дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ, возникло также сомнѣніе: всѣ ли противозаконныя дѣйствія, за которыя въ законѣ опредѣлены наказанія, невыходящія изъ означенныхъ въ статьѣ 32-й предѣловъ, должны быть отнесены къ вѣдомству мировыхъ судей? Поводомъ къ этому сомнѣнію послужила статья 102-я общаго положенія 19-го Февраля 1861-го года, предоставляющая волостнымъ судамъ право налагать взысканія на виновныхъ въ маловажныхъ проступкахъ.

Учрежденіе волостныхъ судовъ имѣетъ весьма важное значеніе. Съ отмѣною крѣпостнаго состоянія и дарованіемъ крестьянамъ личныхъ и имущественныхъ правъ, коихъ они прежде не имѣли, необходимо было предоставить имъ возможность разбираться въ своихъ домашнихъ дѣлахъ по обычаямъ ихъ, а не по общимъ законамъ, которые, какъ извѣстно, писались у насъ до сего времени почти исключительно для образованныхъ классовъ, живущихъ совершенно иною жизнью, нежели населеніе сельское. Если бы послѣ смерти домохозяина, выдѣлять вдовѣ его, на основаніи закона, изъ недвижимаго имущества седьмую часть, а изъ движимости—четвертую, то это значило бы насильственно навязывать нашему народу понятія, ему вовсе чуждыя. Если бы у крестьянина, ищущаго съ сосѣда уплаты долга, спросить заемное письмо или вексель, то это было бы равносильно прямому отказу въ правосудіи. Съ учрежденіемъ сельскихъ судовъ, руководствующихся мѣстными обычаями, подобныя, непонятныя для

крестьянъ рѣшенія становятся невозможными и должно надѣяться, что благодаря этимъ судамъ, мало по малу разовьется у насъ свое народное гражданское право.

Но вѣдомство волостныхъ судовъ не ограничивается разбирательствомъ однихъ гражданскихъ споровъ и тяжебъ, ибо положеніемъ 19-го Февраля имъ предоставлена и нѣкоторая доля уголовной расправы. Во времена крѣпостной зависимости вся власть надъ крестьянами сосредоточена была въ рукахъ помѣщика, отъ котораго она должна была перейти къ полиціи. Но какъ постоянное наблюденіе и вмѣшательство сей послѣдней въ дѣла сельскаго населенія было бы невозможно и при томъ едва ли желательно, то предоставленіе крестьянскимъ судамъ, сверхъ разбора дѣлъ гражданскихъ, права налагать нѣкоторыя взысканія за проступки имѣло въ прежнее время весьма полезную сторону. Нельзя того же сказать на счетъ этой мѣры въ настоящемъ положеніи крестьянъ.

По статьѣ 102-й положенія 19-го Февраля 1861-го года, волостные суды могутъ подвергать виновныхъ общественнымъ работамъ до шести дней, денежному взысканію до трехъ рублей, аресту до семи дней, или наказанію розгами до двадцати ударовъ; но при томъ не опредѣлено, за какія именно преступныя дѣйствія взысканія эти могутъ быть налагаемы, а въ примѣчаніи къ статьѣ 102-й сказано только, что, впредь до изданія общаго сельскаго судебнаго устава, волостные суды, при опредѣленіи мѣры наказаній за маловажныя преступленія и проступки, должны примѣняться къ правиламъ, по сему предмету установленнымъ въ уставѣ сельскомъ судебномъ для государственныхъ крестьянъ. Однако исполненіе такого предписанія на дѣлѣ едвали возможно. Трудно представить себѣ, чтобы судьи-крестьяне, бо́льшею частью неграмотные, основывали свои приговоры на правилахъ писаннаго закона. Требовать этого—значило бы отдать волостныхъ судей въ полную зависимость писаря, который, по усмотрѣнію своему, указывалъ бы и толковалъ имъ статьи сельскаго судебнаго устава. Справедливость сей мысли подтверждается опытомъ: сколько извѣстно

изъ оффиціальныхъ свѣдѣній и частныхъ наблюденій, въ приговорахъ волостныхъ судовъ объ уставѣ этомъ вовсе и не упоминается.

Итакъ, по невозможности знать законъ, волостные суды должны и въ дѣлахъ о проступкахъ руководствоваться обычаями. Но это совсѣмъ не утѣшительно. На сколько въ гражданскомъ правѣ обычаи заслуживаютъ уваженія и изученія, на столько же они, по принципу, вредны, когда касаются дѣлъ уголовныхъ. Въ дѣлахъ этого рода обычаи всегда отличаются жестокостью, потому что люди необразованные обыкновенно руководствуются въ семъ отношеніи правиломъ: «око за око, зубъ за зубъ». Такое воззрѣніе, конечно, не можетъ быть терпимо въ обществѣ, сколько нибудь благоустроенномъ. Со вступленіемъ различныхъ государствъ на одну изъ первыхъ ступеней гражданскаго развитія, обычаи въ уголовныхъ дѣлахъ замѣнялись всегда положительными предписаніями законодательной власти, которыя, если и не чужды господствующимъ въ народѣ понятіямъ и взглядамъ, то по крайней мѣрѣ представляютъ обычай исправленный, очищенный, прошедшій чрезъ критику образованныхъ классовъ населенія, руководящихъ умственнымъ движеніемъ общества. Но и такая степень вліянія обычаевъ на писанный уголовный законъ возможна только тамъ, гдѣ, по условіямъ общественнаго быта, обычаи имѣлъ дѣйствительно случай образоваться и окрѣпнуть. У нашего же сельскаго населенія нѣтъ и того, ибо власть налагать взысканія не была предоставляема ему самому, а принадлежала всегда правительству и помѣщику.

Такимъ образомъ, не зная закона и не имѣя твердо установившихся обычаевъ, волостные суды, по необходимости, должны прибѣгать къ произволу и, слѣдовательно, постоянно нарушать то основное и всюду признаваемое начало, по которому никто не можетъ быть наказанъ за дѣяніе, закономъ не запрещенное.

Независимо отъ сего, предоставленіе волостнымъ судамъ права налагать на виновныхъ взысканія, безъ указанія имъ самыхъ дѣяній, подлежащихъ ихъ вѣдѣнію, влечетъ за собою еще и другое, болѣе важное неудобство. Естественно рождается здѣсь вопросъ: какіе же собственно

проступки подвѣдомы волостнымъ судамъ? Положеніемъ 19-го Февраля 1861 года имъ предоставлено руководствоваться сельскимъ судебнымъ уставомъ для государственныхъ крестьянъ; но въ уставѣ этомъ помѣщены, между прочимъ, кража и мошенничество, а нельзя полагать, чтобы законъ допускалъ наказаніе этихъ посягательствъ на чужую собственность, этихъ преступленій въ полномъ смыслѣ слова, только тремя днями ареста, денежнымъ взысканіемъ до трехъ рублей, общественными работами до шести дней, или розгами до двадцати ударовъ. Между тѣмъ извѣстно, что на дѣлѣ волостные суды постоянно принимаютъ къ своему разсмотрѣнію и рѣшаютъ окончательно дѣла о воровствѣ, иногда даже сопровождавшемся увеличивающими вину обстоятельствами. Отсюда возникаетъ явное неправосудіе: одинъ признанъ виновнымъ въ кражѣ и приговоренъ за то къ заключенію въ рабочемъ домѣ или къ отдачѣ въ арестантскія роты, а другой, виновный въ томъ же самомъ, подвергается легкому лишь взысканію, единственно по той причинѣ, что судился не общимъ, а волостнымъ судомъ. Несправедливость тутъ очевидна, но сверхъ того это вредно и для общественной безопасности, потому что преступники избавляются такимъ образомъ отъ заслуженнаго ими наказанія.

Зло, могущее произойти отъ подобной безнаказанности, положеніемъ 19-го Февраля отчасти предусмотрѣно, ибо въ статьѣ 101-й сказано, что волостнымъ судамъ подвѣдомы лишь дѣла, не находящіяся въ связи съ уголовными преступленіями, кои подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ. Но это правило не можетъ устранить зла вполнѣ, такъ какъ отъ крестьянъ нельзя требовать юридическаго пониманія довольно тонкаго у насъ различія между преступленіями и проступками, а по своему простому здравому смыслу, они весьма естественно будутъ относить къ уголовнымъ преступленіямъ только разбои, убійства, зажигательства и другія страшныя злодѣйства.

Нельзя, наконецъ, оставить безъ вниманія и то обстоятельство, что при изданіи положеній 19 Февраля 1861 года, судебнымъ мѣстамъ подсудна была только часть уголовныхъ дѣлъ, имен-

но болѣе важныхъ, а другія дѣла, менѣе значительныя, предоставлены были полиціи. Съ приведеніемъ же въ дѣйствіе предстоящей судебной реформы, полиція не будетъ уже имѣть никакого участія въ отправленіи правосудія и всѣ вообще дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ подвѣдомы будутъ общимъ судебнымъ мѣстамъ; слѣдовательно, и по буквѣ закона, дѣла эти должны бы на будущее время быть изъяты изъ вѣдомства волостныхъ судовъ.

Останавливаясь на такомъ заключеніи, коммисія не могла однако не принять во вниманіе, что вопросъ о сельскихъ судахъ былъ уже возбуждаемъ въ государственномъ совѣтѣ при разсмотрѣніи основныхъ положеній о преобразованіи судебной части, при чемъ въ журналѣ соединенныхъ департаментовъ (стр. 20) было сказано: «Мировой судья, въ особенности съ перваго разу, не можетъ вполнѣ замѣнить этихъ мелкихъ судовъ, которые останутся, какъ и теперь, не въ видѣ самостоятельнаго суда, а въ видѣ предварительной мѣстной расправы, съ тѣмъ, чтобы крестьяне, вышедшіе изъ крѣпостной зависимости, въ случаяхъ указанныхъ въ статьѣ 97-й общаго о сихъ крестьянахъ положенія и въ другихъ случаяхъ, законами опредѣленныхъ, а всѣ прочіе сельскіе и городскіе обыватели, въ случаѣ неудовольствія на рѣшенія этихъ учрежденій, имѣли право обратиться къ мировому судьѣ».

На этомъ основаніи, коммисія, подчиняясь сужденіямъ государственнаго совѣта, признала, что если на первое время нельзя будетъ отнять вовсе у волостныхъ судовъ право налагать взысканія за проступки, то необходимо по крайней мѣрѣ предоставить недовольнымъ ихъ приговорами приносить отзывы мировому судьѣ. Тоже самое должно быть постановлено и относительно взысканій, налагаемыхъ волостными старшинами и сельскими старостами. Но какъ по отзыву участвовавшаго въ сужденіяхъ коммисіи управлявшаго земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ настоящее время возбужденъ уже въ законодательномъ порядкѣ вопросъ о обжалованіи приговоровъ сельскихъ и волостныхъ судовъ, то коммисіею признано излиш-

нимъ вносить о томъ особое правило въ проектъ устава уголовнаго судопроизводства.

О прекаиіяхъ подсудности (ст. 35—38).

Переходя за тѣмъ къ вопросу о прекаиіяхъ, могущихъ возникнуть между мировыми судьями о подсудности подвѣдомыхъ имъ дѣлъ, коммисіею примѣнено въ отношеніи къ нимъ общее правило, по которому всякія прекаиія подлежатъ разсмотрѣнію высшаго суда, т. е. въ данномъ случаѣ мироваго съѣзда. Но относительно прекаиій между мировымъ судьею и судебнымъ слѣдователемъ правило это не могло бы имѣть примѣненія, ибо высшимъ судомъ въ отношеніи къ мировому судьѣ представляется мировой съѣздъ, а относительно слѣдователя—окружной судъ. Безъ всякаго сомнѣнія, сей послѣдній долженъ имѣть преимущество передъ съѣздомъ, какъ по своему составу, такъ и потому, что онъ есть присутствіе не временное, а постоянное. Наконецъ, разрѣшеніе всѣхъ прекаиій между мировыми съѣздами и между мировымъ судьею или съѣздомъ и окружнымъ судомъ предположено предоставить судебной палатѣ, которая хотя и не можетъ считаться, по основнымъ положеніямъ, высшимъ надъ мировыми учрежденіями судебнымъ мѣстомъ, но представляетъ то важное преимущество, что ею прекаиія будутъ разрѣшаться несравненно скорѣе, нежели правительствующимъ сенатомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О порядкѣ начатія дѣлъ у мировыхъ судей. (ст. 39—64).

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О поводахъ къ начатію дѣлъ.

Относительно поводовъ къ начатію дѣлъ у мироваго судьи, въ основныхъ положеніяхъ постановлено:

Мировой судья приступаетъ къ разбору подвѣдомыхъ ему дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ:

1) по жалобамъ лицъ, понесшихъ отъ преступленія или проступка вредъ, убытки или обиду;

2) по сообщеніямъ полицейскихъ и другихъ властей объ обнаруженныхъ ими, или дошедшихъ до ихъ свѣдѣнія преступленіяхъ и проступкахъ, подлежащихъ преслѣдованію независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ, и

3) непосредственно по лично усмотрѣннымъ судьею преступленіямъ и проступкамъ, ему подвѣдомымъ, нарушающимъ общественный порядокъ и благочиніе (Осн. пол. ч. II ст. 24).

Въ разсмотрѣнномъ соединенными департаментами проектѣ основныхъ положеній не было послѣдняго, третьяго пункта статьи 24-й, который прибавленъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, а самое означеніе случаевъ, въ коихъ мировой судья можетъ или обязанъ самъ начинать изслѣдованіе, отнесено къ составленію проекта устава уголовнаго судопроизводства.

При исполненіи этого порученія, коммисія сочла необходимымъ обратиться къ дѣйствующему у насъ уголовному закону, для точнаго опредѣленія, о какихъ именно преступныхъ дѣйствіяхъ дѣла могутъ быть возбуждаемы самимъ судьею.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что тѣ дѣла, коихъ возбужденіе предоставлено единственно усмотрѣнію частныхъ лицъ и оглашеніе которыхъ могло бы быть оскорбительно для ихъ чести, не должны ни въ какомъ случаѣ подлежать преслѣдованію безъ жалобы о томъ со стороны самихъ обиженныхъ. Всѣ же остальныя преступныя дѣйствія, вредныя для всего общества, могутъ подлежать такому преслѣдованію, независимо отъ того, направлены ли они противъ собственности или противъ общественнаго порядка, здравія, безопасности, благоустройства и т. п. Мировой судья одинаково долженъ привлекать къ отвѣтственности какъ вора, или самовольнаго порубщика, такъ и торговца, продающаго вредные для здоровья припасы, или человѣка, намѣренно повреждающаго дорогу или мостъ,—какъ купца, употребляющаго невѣрные вѣсы и мѣры, или нищаго, испрашивающаго подаяніе по лѣни и привычкѣ къ праздности, такъ и буяна или человѣка, являющагося въ публичное мѣсто въ соблазнительномъ видѣ.

Всѣхъ случаевъ не перечесть; но причина преслѣдованія ихъ всегда одна и таже—вредъ для общественнаго порядка, безопасности и благочинія. Въ этихъ видахъ, коммисіею признано единогласно, что мировой судья можетъ привлекать къ отвѣтственности всѣхъ виновныхъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ, подлежащихъ преслѣдованію независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ.

О возбужденіи дѣлъ по заявленіямъ частныхъ лицъ (ст. 39, п. 3).

Но затѣмъ возникъ вопросъ: слѣдуетъ ли подъ непосредственнымъ усмотрѣніемъ судьи понимать только то, что̀ онъ видѣлъ собственными своими глазами, или же и заявленное ему свидѣтелями преступнаго дѣянія?

Мнѣнія по этому вопросу раздѣлились.

Мнѣніе трехъ членовъ.

Три члена (Плавскій, Принцъ и Спасовичъ) признаютъ неизлишнимъ, для разъясненія сего предмета, обратиться къ разсужденіямъ, происходившимъ неоднократно по вопросу о порядкѣ начатія дѣлъ у мировыхъ судей, какъ при составленіи первоначальнаго о томъ проекта во второмъ отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, такъ и при начертаніи проекта основныхъ положеній и, наконецъ, при разсмотрѣніи сего проекта въ государственномъ совѣтѣ.

Съ самаго начала, второе отдѣленіе объясняло, что изъ числа маловажныхъ преступленій и проступковъ, подлежащихъ вѣдомству мировыхъ судей, одни касаются исключительно правъ частныхъ лицъ, другія же нарушаютъ права общественныя, публичный порядокъ и спокойствіе. Преслѣдованіе первыхъ можетъ, какъ сіе впрочемъ и постановлено въ дѣйствующихъ законахъ, быть начато не иначе, какъ по жалобамъ лицъ, понесшихъ вредъ, убытки или оскорбленіе; а начатіе дѣлъ о вторыхъ должно составлять прямую обязанность властей и лицъ, установленныхъ для охраненія правъ общественныхъ, порядка и спокойствія. Кромѣ сихъ двухъ способовъ начатія дѣлъ у мировыхъ судей, не слѣдуетъ допускать никакого иного. Извѣщенія и объявленія частныхъ лицъ, не понесшихъ отъ преступленія или проступка ни

личнаго оскорбленія, ниже какого либо ущерба или убытка, слѣдовательно не имѣющихъ личнаго въ томъ интереса, обыкновенно бываютъ неполныя и неточныя, и по нимъ почти всегда нужно производить особыя дознанія и розысканія. Невозможно возложить сіи розысканія на мироваго судью, ибо это затруднило бы его до крайности, обращая его въ обыкновеннаго полицейскаго чиновника, и отвлекло бы отъ настоящихъ его обязанностей. Если дозволить мировому судьѣ употреблять для сего полицію, то и въ семъ случаѣ, одни распоряженія о предпринятіи какихъ либо розысканій, направленіе ихъ, полученіе и разсмотрѣніе донесеній объ оказавшемся, отняло бы у мироваго судьи весьма много времени. Сверхъ того, отъ частныхъ лицъ, извѣщающихъ о нарушеніи, не касающемся ихъ правъ, нельзя требовать доказательствъ въ томъ, о чемъ они извѣщаютъ, а между тѣмъ въ дѣлахъ о преступленіяхъ и проступкахъ, особливо маловажныхъ, для правильнаго рѣшенія дѣла едва ли не необходимо, чтобы предъ судьею были поставлены лицомъ къ лицу и обвиняемый и его обвинитель. Что̀ касается доносовъ, заключающихъ въ себѣ явное обвиненіе кого либо со стороны лица, не понесшаго отъ преступленія или проступка ни ущерба и убытка, ни обиды, то, конечно, всякій гражданинъ обязанъ заботиться о благосостояніи общества и содѣйствовать прекращенію и искорененію всякаго причиняемаго оному зла; но для исполненія сей обязанности, онъ можетъ свои свѣдѣнія, хотя бы они и не были совершенно положительныя, передать начальству, установленному именно для охраненія общественнаго порядка, то есть полиціи, отъ которой зависитъ, разсмотрѣвъ, повѣривъ и дополнивъ эти свѣдѣнія, сообщить ихъ мировому судьѣ.

Согласно съ сими соображеніями, въ проектѣ основныхъ положеній было принято, что дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ могутъ быть вчинаемы у мировыхъ судей *только двоякимъ* образомъ:

или 1-е, по жалобамъ лицъ, понесшихъ отъ преступленія или проступка вредъ, убытки или обиду;

или 2-е, по сообщеніямъ полицейскихъ и другихъ властей о обнаруженныхъ въ кругѣ ихъ вѣдомства маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ, подлежащихъ преслѣдованію независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ.

Соединенные департаменты законовъ и гражданскій государственнаго совѣта, признавая также съ своей стороны, что *мировому судьѣ не предстоитъ возможности производить розысканія о менѣе важныхъ преступленіяхъ и проступкахъ по всякому, какимъ бы то ни было образомъ дошедшему до него свѣдѣнію*, вполнѣ одобрили вышеозначенныя предположенія (журн. соед. департ. стр. 205).

Наконецъ, въ общемъ собраніи государственнаго совѣта положено, во 1-хъ, что мировой судья приступаетъ къ разбору подвѣдомыхъ ему дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ, *не только* въ слѣдствіе жалобъ частныхъ лицъ или сообщеній полицейскихъ и другихъ властей, *но и непосредственно по лично усмотрѣннымъ имъ преступленіямъ и проступкамъ, ему подвѣдомымъ и нарушающимъ общественный порядокъ или благочиніе*, и во 2-хъ, подробное исчисленіе случаевъ, въ которыхъ мировой судья можетъ или обязанъ самъ начинать и производить изслѣдованіе по подвѣдомымъ ему преступленіямъ и проступкамъ, отнести къ составленію проекта новаго устава уголовнаго судопроизводства (журн. общ. собр. госуд. совѣта 3 сентября 1862 г., стран. 6).

На сихъ основаніяхъ, составлена статья 24-я основныхъ положеній.

Изъ сего, по мнѣнію *трехъ членовъ*, явствуетъ, что означенная 24-я статья основныхъ положеній составлена подъ вліяніемъ постоянно имѣвшейся въ виду и всѣми одобренной мысли о невозможности вчинанія у мироваго судьи дѣлъ по заявленіямъ частныхъ лицъ, не потерпѣвшихъ отъ преступленія или проступка ни обиды, ниже какого либо вреда. Это подтверждается и самою редакціею пункта 2-го означенной статьи, въ которомъ говорится о начатіи у мироваго судьи дѣлъ по сообщеніямъ полицейскихъ и другихъ властей объ обнаруженныхъ ими *или дошедшихъ до ихъ свѣдѣнія*

преступленіяхъ и проступкахъ. Въ семъ изложеніи три члена усматриваютъ прямое указаніе, что заявленія частныхъ лицъ, не заинтересованныхъ въ дѣлѣ, должны быть обращаемы не къ мировому судьѣ, а къ полицейскимъ и другимъ властямъ. Нѣтъ никакого основанія отступать отъ прямаго смысла приведенной 24-й статьи, такое отступленіе, не представляя никакой пользы, будетъ имѣть вышеуказанныя вредныя послѣдствія, именно обременитъ мироваго судью принятіемъ неопредѣленныхъ, иногда голословныхъ и неосновательныхъ заявленій, распоряженіями о розысканіяхъ, разсмотрѣніемъ сихъ розысканій и, если они окажутся неудовлетворительными, новыми распоряженіями о дополненіи ихъ. Это нерѣдко вовлекло бы мироваго судью въ неизбѣжную и обременительную для него переписку и въ пререканія съ полицейскими чинами. Это обратитъ мироваго судью какъ бы въ полицейскаго чиновника, ибо если онъ и не будетъ производить розысканіе лично, то во всякомъ случаѣ долженъ будетъ распоряжаться о производствѣ розысканій и направлять ихъ, для полученія всѣхъ тѣхъ по дѣлу свѣдѣній, которыя онъ признаетъ нужными для рѣшенія сего дѣла. Въ слѣдствіе сего, онъ можетъ даже невольно потерять характеръ безпристрастнаго судьи.

Наконецъ нельзя не замѣтить, что введеніе такого порядка усложнитъ и замедлитъ производство. Заявленіе, которое могло быть сдѣлано прямо полиціи, будетъ доходить до нея чрезъ посредство мироваго судьи, слѣдовательно по истеченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, отъ чего розысканіе нерѣдко сдѣлается затруднительнѣе и самые признаки происшествія и доказательства вины могутъ утратиться.

По симъ уваженіямъ, *три члена* полагаютъ, начало выраженное въ статьѣ 24-й основныхъ положеній оставить въ своей силѣ.

Мнѣніе большинства. *Тридцать два члена (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Князь Волконскій, Баронъ Врангель, Гольтгоеръ, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, М. Зарудный, С. Зарудный, Зубовъ, Ка-*

*лачевъ, Книрим*ъ*, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Петерсъ, Поповъ, Розинъ, Розовъ, Романовскій, Рѣпинскій, Соловьевъ, Тизенгаузенъ, Утинъ, Чемадуровъ, Шечковъ, Шубинъ и Яневичъ-Яневскій)* находятъ, что мнѣніе трехъ членовъ могло бы быть убѣдительнымъ только въ томъ случаѣ, если бы при каждомъ мировомъ судьѣ состоялъ, какъ во Франціи, особый органъ обвинительной власти для преслѣдованія заявляемыхъ ему нарушеній. У насъ же, за неимѣніемъ людей и недостаткомъ денежныхъ средствъ, это оказывается рѣшительно невозможнымъ, и потому въ мировомъ судѣ, вмѣсто оффиціальнаго, принято существующее въ Англіи частное обвиненіе. Конечно, въ дѣлахъ объ оскорбленіяхъ никто не можетъ быть обвинителемъ, кромѣ самого обиженнаго и лицъ заступающихъ его права; во всѣхъ же прочихъ дѣлахъ, опасныхъ для общественнаго блага, каждый членъ общества не только заинтересованъ лично въ обнаруженіи преступленій, но даже обязанъ къ тому закономъ. Къ сожалѣнію, важная и святая эта обязанность до сего времени у насъ никѣмъ почти не исполнялась. Причинъ тому весьма много и на первомъ планѣ—врожденныя въ насъ безпечность и равнодушіе къ общему дѣлу; но въ ряду этихъ причинъ не послѣднее мѣсто занимаетъ и то обстоятельство, что объявленія, дѣлаемыя полиціи, бо́льшею частью остаются безъ всякихъ послѣдствій и служатъ только источникомъ безконечныхъ непріятностей самому объявителю. Для избѣжанія сего необходимо, по возможности, облегчить частнымъ лицамъ исполненіе возложенной на нихъ закономъ обязанности, а не заставлять ихъ обращаться, безъ всякой нужды, къ полиціи въ тѣхъ случаяхъ, когда можно, а для успѣха дѣла даже и лучше, обратиться прямо къ мировому судьѣ.

Мнѣніе трехъ членовъ основано главнымъ образомъ какъ на соображеніяхъ, имѣвшихся въ виду при составленіи первоначальнаго проекта, такъ и на разсужденіяхъ соединенныхъ департаментовъ, полагавшихъ, что поводами къ начатію дѣла могутъ служить только сообщенія

полиціи и жалобы потерпѣвшихъ отъ преступнаго дѣйствія лицъ. Но соображенія и разсужденія эти не могутъ уже имѣть никакой силы, потому что общимъ собраніемъ государственнаго совѣта указанные выше два повода признаны недостаточными, причемъ коммисіи поручено означить случаи, когда мировой судья можетъ возбуждать дѣла непосредственно. Ограниченіе этихъ случаевъ лишь нарушеніями, застигнутыми самимъ судьею, не соотвѣтствовало бы вовсе мысли, выраженной государственнымъ совѣтомъ, который, очевидно, имѣлъ въ виду возможность преслѣдованія преступленій и тогда, когда полиціи нѣтъ на мѣстѣ, или она о томъ не заботится. Самъ мировой судья, не находящійся постоянно на улицѣ или большой дорогѣ, рѣдко застигнетъ совершеніе преступнаго дѣянія; напротивъ того, весьма часто онъ можетъ быть извѣщаемъ о семъ лицами, заслуживающими полнаго довѣрія, и едвали желательно, чтобы такія заявленія имъ оставляемы были безъ всякаго вниманія. Отъ этого выиграли бы одни нарушители общественнаго порядка, но никакъ не общество.

Находятъ, что невозможность начатія дѣлъ у мироваго судьи по заявленіямъ лицъ, не потерпѣвшихъ вреда или убытковъ, подтверждается редакціею втораго пункта статьи 24-й, въ которомъ говорится о начатіи дѣлъ по сообщеніямъ полицейскихъ и другихъ властей о обнаруженныхъ ими, или *дошедшихъ до ихъ свѣдѣнія преступленіяхъ и проступкахъ*. Но во 1-хъ, это далеко не одно и тоже: доходить до чьего либо свѣдѣнія дѣла могутъ по молвѣ или по слухамъ, а заявлять можетъ только извѣстное опредѣленное лицо, имѣющее о событіи положительныя свѣдѣнія; и во 2-хъ, одно другому не мѣшаетъ: можно сдѣлать заявленіе, смотря по удобству, или полиціи или мировому судьѣ.

Напрасны были бы по сему опасенія той переписки и тѣхъ пререканій съ полиціею, которыя предвидятся тремя членами. Впрочемъ, даже и при необходимости дополнительныхъ розысканій, пререканія эти невозможны, ибо 26-ю статьею основныхъ положеній мировому судьѣ

предоставлено поручать полиціи производство мѣстныхъ дознаній; а для того, чтобы это право было дѣйствительное и не осталось одною мертвою буквою, проектомъ принято, въ развитіе сего, что при неисполненіи полицейскими чинами возложенныхъ на нихъ обязаностей, мировой судья можетъ дѣлать имъ предостереженія, а о важныхъ съ ихъ стороны упущеніяхъ сообщать прокурору или его товарищу.

Далѣе говорятъ, что предлагаемый порядокъ начатія дѣлъ обратилъ бы самаго судью въ полицейскаго чиновника и лишилъ бы его необходимаго безпристрастія. По мнѣнію большинства, это возможно лишь при начатіи дѣлъ по нарушеніямъ, усмотрѣннымъ самимъ судьею, потому что въ этомъ случаѣ онъ и судья и обвинитель. При заявленіяхъ же дѣло совершенно иное: обвинителемъ является здѣсь лицо, заявившее о преступленіи, а мировой судья, разсматривая только дѣло и рѣшая его, можетъ вполнѣ сохранить свой безпристрастный судейскій характеръ.

Приводятъ, наконецъ, что заявленія частныхъ лицъ усложнили бы и замедлили производство. Но и это опасеніе едва ли основательно. Выше уже замѣчено, что заявленія дѣлаются очевидцами преступныхъ дѣяній, а сообщаемыя ими свѣдѣнія обыкновенно бываютъ весьма обстоятельны и даже болѣе точны, нежели тѣ, кои могутъ быть представлены полиціею. Къ чему же требовать непремѣнно и въ этихъ случаяхъ предварительнаго розысканія, которое, можетъ быть, совершенно не нужно и повело бы только къ потерѣ времени? Зачѣмъ же въ судѣ мировомъ, по преимуществу несложномъ и требующемъ разбора немедленнаго, установлять лишнюю инстанцію, не всегда обязательную даже и въ общемъ порядкѣ судопроизводства, ибо на основаніи пункта 3-го статьи 37-й основныхъ положеній, судебный слѣдователь долженъ приступать къ слѣдствію какъ по жалобамъ, такъ и по объявленіямъ частныхъ лицъ.

По всѣмъ симъ уваженіямъ, *тридцать два члена* полагаютъ оставить статью 39-ю безъ всякаго измѣненія.

О правѣ судьи поручать полиціи собраніе свѣдѣній по необстоятельнымъ жалобамъ (ст. 44 и 45).

Соотвѣтственно изложенному выше разногласію, произошли разныя мнѣнія и по вопросу о томъ, можетъ ли мировой судья поручать полиціи собраніе свѣдѣній по необстоятельнымъ жалобамъ частныхъ лицъ?

Мнѣніе трехъ членовъ.

Три члена (Плавскій, Спасовичъ и Утинъ) находятъ, что на основаніи статьи 44-й, жалующійся можетъ вовсе не указать, на кого онъ жалуется, и въ семъ случаѣ, а равно когда доказательства, подтверждающія обвиненіе, недостаточны, мировой судья можетъ поручить мѣстной полиціи собрать и представить ему всѣ необходимыя свѣдѣнія. Затѣмъ статьею 45-ю дозволяется частнымъ лицамъ обращаться съ жалобами и прямо въ полицію, которая обязана произвесть розысканіе и о послѣдствіяхъ представить мировому судьѣ.

Въ отношеніи этихъ правилъ три члена встрѣчаютъ слѣдующія затрудненія:

Статья 44-я весьма неудобна: во первыхъ, она предоставляетъ произволу судьи требовать или не требовать отъ полиціи собранія свѣдѣній о неуказанномъ въ жалобѣ обвиняемомъ, или о недостаточныхъ доказательствахъ, и слѣдовательно дать дѣлу такой ходъ, какой судьѣ заблагоразсудится. Во вторыхъ, заключеніе мироваго судьи, при самомъ принятіи жалобы, о достаточности или недостаточности указанныхъ въ ней доказательствъ, будетъ также произвольное, ибо онъ можетъ убѣдиться въ томъ только тогда, когда разсмотритъ возраженія и доказательства обвиняемаго; всякое же заключеніе его о томъ въ началѣ дѣла было бы преждевременное. Притомъ простое предписаніе полиціи дополнить недостаточныя доказательства, безъ указанія, въ чемъ они должны быть дополнены, не имѣло бы никакого смысла; а указаніе мировымъ судьею, въ чемъ именно доказательство должно быть дополнено, имѣло бы видъ пристрастія въ пользу жалобщика и было бы почти предрѣшеніемъ дѣла. Наконецъ при такомъ правилѣ, каждый могъ бы обращаться къ мировому судьѣ съ жалобами бездоказательными, даже отзываясь незнаніемъ о томъ, на кого онъ жалуется, и такимъ образомъ слагать

съ себя всякую отвѣтственность за неосновательное обвиненіе. Мировой судья былъ бы до крайности обремененъ принятіемъ такихъ жалобъ, соображеніями о достаточности указанныхъ въ нихъ доказательствъ, распоряженіями о собраніи чрезъ полицію нужныхъ свѣдѣній, разсмотрѣніемъ получаемыхъ отъ нея свѣдѣній и, если они окажутся также недостаточными, повтореніемъ распоряженій о дополненіи ихъ и т. д. Эти занятія отвлекли бы мироваго судью отъ исполненія болѣе существенныхъ его обязанностей.

По понятіямъ трехъ членовъ, мировой судья долженъ прежде всего и преимущественно быть судьею, разбирать и рѣшать дѣла. Нельзя заставлять его хлопотать за ту или другую изъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ, ибо онъ чрезъ то потерялъ бы характеръ безпристрастнаго судьи и сдѣлался бы простымъ розыщикомъ, если не лично, то посредствомъ полиціи. Согласно сей мысли, къ нему не должны поступать такія жалобы, изъ коихъ невидно, на кого жалуются, или на чемъ основывается обвиненіе. Жалобщикъ болѣе всѣхъ заинтересованъ въ томъ, чтобы указать виновнаго и удостовѣрить въ его винѣ и, слѣдовательно, надобно ему самому предоставить заботу о собраніи нужныхъ для сего свѣдѣній. За этимъ онъ можетъ самъ обратиться въ полицію, къ прямымъ обязанностямъ коей принадлежитъ прекращеніе нарушеній закона и разузнаваніе о нарушеніяхъ. Но объ этихъ обязанностяхъ полиціи и о правѣ частныхъ лицъ требовать ея содѣйствія, неумѣстно постановлять въ уставѣ судопроизводства; это составляетъ предметъ полицейскаго учрежденія. Нѣтъ никакого основанія предписывать, какъ это сдѣлано въ ст. 45-й проекта, что полиція о собранныхъ, по просьбамъ частныхъ лицъ, свѣдѣніяхъ представляетъ мировому судьѣ, ибо этимъ измѣнилось бы коренное правило о начатіи нѣкоторыхъ дѣлъ у мироваго судьи *не иначе, какъ по жалобамъ лицъ, понесшихъ отъ преступленія или проступка вредъ, убытокъ или обиду* (осн. полож. ч. II, ст. 24, п. 1).

Можетъ представиться опасеніе, что полиція не будетъ исполнять просьбы частныхъ лицъ о

собраніи нужныхъ по ихъ дѣламъ свѣдѣній. Подобные случаи доказали бы только неисполненіе полиціею своихъ обязанностей, на что каждый имѣетъ право жаловаться въ установленномъ порядкѣ. Это зло не отвратится и статьею 45-ю проекта, ибо и при существованіи оной, полиція можетъ вовсе не уважить просьбы частнаго лица, или же представить мировому судьѣ свѣдѣнія не вѣрныя или не полныя, и такимъ образомъ вызвать и жалобу со стороны неудовлетвореннаго ею частнаго лица, и обвиненіе ея мировымъ судьею предъ прокуроромъ, по статьѣ 50-й проекта.

По симъ уваженіямъ, *три члена* полагаютъ: статью 44-ю отнести исключительно къ дѣламъ, вчинаемымъ у мироваго судьи по сообщеніямъ полицейскихъ или другихъ властей и должностныхъ лицъ, и помѣстить ее послѣ 48-й статьи проекта, а статью 45-ю исключить.

Мнѣніе большинства.

Тридцать два члена (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, князь Волконской, Баронъ Вранель, Гольтгоеръ, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, М. Зарудный, С. Зарудный, Зубовъ, Калачевъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Петерсъ, Поповъ, Принтцъ, Розинъ, Розовъ, Романовскій, Рѣпинскій, Соловьевъ, Тизенгаузенъ, Чемадуровъ, Шечковъ, Шубинъ и Яневичъ-Яневскій) не могли убѣдиться сими соображеніями. Статья 44-я проекта не установляетъ вовсе общимъ правиломъ, чтобы мировой судья самъ доискивался доказательствъ и сдѣлался розыщикомъ; она не предписываетъ, а только дозволяетъ судьѣ, вмѣсто простаго отказа въ жалобѣ, поручить полиціи собраніе и представленіе ему необходимыхъ по дѣлу свѣдѣній, которыя безъ того весьма часто не были бы собраны. Значеніе этой статьи чисто практическое. Дѣло тутъ не въ пристрастіи къ жалобщику, какъ полагаютъ три члена, но единственно въ томъ, что порученіе мироваго судьи, человѣка всѣми уважаемаго и пользующагося въ своемъ участкѣ значительнымъ авторитетомъ, будетъ исполнено несравненно скорѣе и лучше, нежели просьба частнаго лица, иногда простаго крестьянина.

Говорятъ, что на неисправность полиціи можно жаловаться въ установленномъ порядкѣ. Это, конечно, не подлежитъ сомнѣнію; но не подлежитъ сомнѣнію и то, что пока жалоба будетъ подана, можетъ быть, за сотню верстъ, пока потребуется по ней объясненіе, пока все это будетъ разсмотрѣно, разрѣшено и объявлено,— слѣды преступленія давнымъ давно изгладятся, а частное лицо останется при понесенныхъ убыткахъ, да сверхъ того навлечетъ на себя неудовольствіе полиціи, которое для людей незначительныхъ, при постоянномъ столкновеніи съ нею, бываетъ иногда тягостнѣе покражи или пожара и отобьетъ навѣрное охоту жаловаться въ другой разъ.

Полагаютъ, что нельзя заставить судью хлопотать за ту или другую изъ участвующихъ въ дѣлѣ сторонъ. Правило это, вполнѣ справедливое въ отношеніи къ гражданскому состязательному процессу, не можетъ однако быть примѣняемо къ обвинительному порядку въ дѣлахъ уголовныхъ, въ преслѣдованіи которыхъ государство заинтересовано не менѣе, чѣмъ частныя лица. Не только мировой судья, но и общій судъ можетъ потребовать дополнительныхъ свѣдѣній, когда слѣдствіе оказывается недостаточнымъ. Разница только въ томъ, что судъ поручаетъ это слѣдователямъ, а мировой судья, за неимѣніемъ ихъ, полиціи.

Опасаются бездоказательныхъ жалобъ, не влекущихъ за собой никакой отвѣтственности за неосновательное обвиненіе. Но, во первыхъ, съ такою же бездоказательною жалобою всякій можетъ обратиться къ полиціи, прокурору или судебному слѣдователю; а во вторыхъ, въ проектѣ единогласно принято, что обвинитель подвергается отвѣтственности только въ томъ случаѣ, когда онъ дѣйствовалъ недобросовѣстно, т. е. искажалъ обстоятельства происшествія, дѣлалъ ложныя показанія, подговаривалъ къ тому другихъ, или же употреблялъ какія нибудь иныя незаконныя и предосудительныя средства. Всѣ эти условія недобросовѣстнаго обвиненія, конечно, не могутъ быть относимы къ лицу, даже не указывающему положительно, кѣмъ именно преступное дѣяніе совершено.

По этимъ причинамъ, *тридцать два члена* остаются при томъ убѣжденіи, что статья 44-я вреда принести не можетъ, а напротивъ того во многихъ случаяхъ окажетъ благодѣтельныя послѣдствія, дозволяя мировому судьѣ не прекращать иногда дѣло единственно по недостаточности представленныхъ обвинителемъ доказательствъ. Съ принятіемъ же 44-й статьи, 45-я становится необходимою, ибо въ противномъ случаѣ можно было бы предположить, что по дѣламъ, подвѣдомымъ мировому судьѣ, понесшіе вредъ, убытки или обиду обязаны всегда обращаться къ нему непосредственно, минуя полицію.

Наконецъ, помѣщеніе 44-й статьи послѣ 48-й рѣшительно неудобно, потому что допускаемое въ первой изъ нихъ снисхожденіе можетъ относиться исключительно къ частнымъ лицамъ, не имѣющимъ въ рукахъ своихъ способовъ къ открытію виновнаго. Напротивъ того, полиція обязана сообщать положительно: кѣмъ, когда и гдѣ преступное дѣяніе совершено.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О вызовѣ сторонъ и свидѣтелей (ст. 51—64).

Въ основныхъ положеніяхъ не постановлено въ этомъ отношеніи никакихъ особыхъ правилъ. Посему вызовъ предположено производить на общемъ основаніи. Но по разнообразію подвѣдомыхъ мировому судьѣ дѣлъ, изъ коихъ одни весьма близки къ нарушеніямъ гражданскимъ, а другія имѣютъ всѣ свойства преступленій, необходимо было сдѣлать различіе въ послѣдствіяхъ вызова. Такъ, относительно проступковъ, за которые въ законѣ опредѣлены лишь выговоры, замѣчанія и внушенія, денежныя взысканія или арестъ, признано возможнымъ, примѣняясь къ порядку судопроизводства гражданскаго, дозволить обвиняемому, по усмотрѣнію его, или явиться лично, или прислать вмѣсто себя повѣреннаго. Основаніе къ сему заключается въ томъ, что безусловное требованіе личной явки по обвиненіямъ, столь неважнымъ по своимъ послѣдствіямъ, могло бы, для весьма многихъ, вслѣдствіе потери времени и отвлеченія отъ за-

нятіи, быть несравненно тягостнѣе, нежели самое даже осужденіе въ проступкахъ, за которые опредѣляются исчисленныя выше взысканія. Но какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ оказаться необходимымъ распросить и самого обвиняемаго, то проектомъ предоставляется мировому судьѣ право потребовать личной явки вызываемаго лица.

О приводѣ обвиняемаго (ст. 53 и 54).

Для предупрежденія уклоненія отъ суда обвиняемыхъ въ важныхъ преступныхъ дѣйствіяхъ, необходимо дозволить мировому судьѣ, въ тѣхъ случаяхъ, когда есть поводъ предполагать, что обвиняемый скроется, распорядиться о приводѣ его и безъ предварительнаго вызова. Къ числу такихъ преступленій отнесены въ проектѣ воровство-кража и воровство-мошенничество, влекущія за собою по закону содержаніе въ рабочемъ домѣ; но независимо отъ ворювства, изъ числа важныхъ преступленій у мироваго судьи, должны производиться, по основнымъ положеніямъ, всѣ тѣ дѣла, кои начинаются не иначе какъ по жалобѣ и могутъ быть прекращаемы примиреніемъ. Бо́льшая часть этихъ дѣлъ влечетъ за собою взысканія, не выходящія изъ предѣловъ власти, предоставляемой мировому судьѣ; но за нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. за угрозы въ подметномъ письмѣ, соединенныя съ вымогательствомъ денегъ или вещей (улож. ст. 2113), законъ опредѣляетъ даже лишеніе всѣхъ правъ состоянія и ссылку въ каторжныя работы. Безъ сомнѣнія, важность сего наказанія не дозволяетъ предоставить рѣшеніе такихъ дѣлъ единоличному судьѣ; но въ виду допускаемой закономъ возможности прекращать ихъ примиреніемъ, они должны начинаться путемъ мироваго разбирательства и только въ случаѣ неуспѣха въ примиреніи, слѣдуетъ передавать ихъ по принадлежности. Обвиняемые въ такихъ преступленіяхъ, конечно, могутъ быть приводимы безъ предварительнаго вызова и потому въ статьѣ 54-й упомянуто о преступленіяхъ, за которыя въ законѣ опредѣлено наказаніе болѣе строгое, нежели содержаніе въ рабочемъ домѣ.

Объ отсутствующихъ обвиняемыхъ (ст. 55).

Въ случаѣ неотысканія подлежавшаго приводу лица, сужденіе о слѣдующемъ ему наказаніи

необходимо должно быть отложено впредь до его прибытія, такъ какъ при явной невозможности выслушать его оправданія, въ высшей степени несправедливо было бы запятнать честь отсутствующаго и всѣхъ ему близкихъ признаніемъ его виновнымъ въ столь позорномъ преступленіи, какъ напр. воровство. Впрочемъ въ подобномъ заочномъ приговорѣ не можетъ быть и надобности, ибо за отсутствіемъ осужденнаго, приговоръ этотъ все таки не могъ бы быть исполненъ. Но совершенно въ иномъ видѣ представляется вопросъ о вознагражденіи лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступнаго дѣйствія. Они не виноваты нисколько въ неявкѣ причинившаго имъ вредъ, и справедливость требуетъ разрѣшенія гражданскаго ихъ иска, не смотря на отсутствіе обвиняемаго, который, по явкѣ своей, будетъ имѣть всю возможность обжаловать постановленное противъ него рѣшеніе о вознагражденіи въ томъ же порядкѣ, какъ предоставляется вообще принесеніе отзывовъ на заочныя рѣшенія по гражданскимъ дѣламъ.

О неявкѣ обвинителя (ст. 57).

Неявка обвинителя ни лично, ни чрезъ повѣреннаго, и притомъ безъ извѣщенія о причинѣ препятствовавшей явиться, должна быть почитаема, по мнѣнію коммисіи, за изъявленіе намѣренія прекратить такое дѣло, которое можетъ быть окончено примиреніемъ. По всѣмъ же прочимъ дѣламъ, коихъ прекращеніе не зависитъ отъ воли частныхъ лицъ, обвинитель долженъ быть подвергаемъ взысканію за неисполненіе законнаго требованія мироваго судьи.

О вызовѣ полицейскихъ чиновъ, сообщающихъ о преступныхъ дѣйствіяхъ (ст. 58).

При допущеніи въ мировомъ судѣ начала частнаго обвиненія, бо́льшая часть преступныхъ дѣяній, по всей вѣроятности, будетъ преслѣдоваться непосредственно самими потерпѣвшими вредъ, убытки или обиду. Но за полиціею останется все таки сообщеніе мировому судьѣ о тѣхъ нарушеніяхъ общественнаго порядка, которыя не затрогиваютъ непосредственно интересовъ частныхъ людей. Со введеніемъ устнаго суда, разбирательство по однѣмъ бумагамъ было бы невозможно, точно такъ же, какъ невозможно было бы съ одной стороны лишить обвиняемаго весьма

важнаго права стать лицомъ къ лицу съ его обвинителемъ, а съ другой,—возложить обязанности послѣдняго на самаго судью. По этому вызовъ полицейскихъ чиновъ, сообщающихъ о преступныхъ дѣйствіяхъ, становится неизбѣжнымъ. Но чтобы не отвлекать ихъ слишкомъ часто отъ исполненія другихъ обязанностей, въ проектѣ предоставляется имъ право присылать вмѣсто себя своихъ представителей; личная же явка дѣлается обязательною для нихъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда, по обстоятельствамъ дѣла, судьею это признано будетъ необходимымъ. Должно надѣяться, что практика разовьетъ это начало и установитъ со временемъ при мировыхъ судьяхъ особыхъ полицейскихъ повѣренныхъ или стряпчихъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О порядкѣ разбирательства у мировыхъ судей (65—88).

Въ отношеніи къ порядку разбирательства, въ основныхъ положеніяхъ постановлено:

Засѣданія суда, кромѣ случаевъ именно указанныхъ въ законѣ, происходятъ публично (осн. пол. ч. II ст. 7).

Мировой судья разбираетъ всѣ дѣла словесно, внося приговоры свои въ установленную для сего книгу (ст. 27).

О гласности разбирательства (ст. 65 и 66).

При развитіи этихъ основныхъ положеній, въ коммисіи возбуждены были преніи о примѣненіи начала гласности къ мировому разбирательству. Въ этомъ отношеніи коммисія находила, что при рѣшеніи дѣлъ единоличнымъ судьею, основное начало гласности должно быть примѣняемо даже строже, нежели въ общихъ судахъ. Посему въ статьѣ 65-й проекта принято общимъ правиломъ, что разборъ дѣлъ производится мировымъ судьею публично. Но какъ по свойству нѣкоторыхъ изъ предоставленныхъ мировому разбирательству дѣлъ, именно дѣлъ семейныхъ, гласное разсмотрѣніе ихъ не всегда было бы желательно и даже во многихъ случаяхъ могло бы удержать стороны отъ обращенія къ мировому судьѣ, то коммисіею признано необходимымъ допустить, по отношенію къ симъ

дѣламъ, изъятіе въ томъ случаѣ, когда обѣ стороны будутъ просить о разборѣ дѣла при закрытыхъ дверяхъ. Другое изъятіе, не обусловливаемое даже взаимнымъ согласіемъ обѣихъ сторонъ, предположено по дѣламъ объ оскорбленіяхъ женской чести, непубличное разбирательство коихъ допускается какъ по просьбѣ одной обиженной стороны, такъ и по усмотрѣнію самаго судьи.

О предложеніи обвиняемому вопроса: признаетъ ли онъ себя виновнымъ? (ст. 69).

Лучшее и самое простое средство къ ускоренію производства есть предложеніе самому обвиняемому вопроса: признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ приписываемыхъ ему дѣйствіяхъ? При сознаніи его въ самомъ началѣ дѣла, все дальнѣйшее производство становится излишнимъ и время значительно сберегается. Такой порядокъ издавна существуетъ въ Англіи и заимствованъ оттуда весьма многими законодательствами. Преимущества его очевидны; но съ принятіемъ этого порядка необходимо озаботиться, чтобы достигаемое такимъ образомъ упрощеніе производства не было въ ущербъ правосудію. Извѣстно, что собственное сознаніе обвиняемаго можетъ быть принимаемо за доказательство противъ него только съ крайнею осторожностью. По этому во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый или не дастъ никакого отвѣта, или же дастъ отвѣтъ неясный, или несогласный съ обстоятельствами дѣла, мировой судья обязанъ продолжать разбирательство точно такъ же, какъ если бы обвиняемый не призналъ себя виновнымъ.

О порядкѣ выслушанія явившихся лицъ (ст. 70 и 71).

Порядокъ производства установляется, по возможности, несложный. Сначала выслушиваются свидѣтели, представленные обвинителемъ; за тѣмъ мировой судья спрашиваетъ обвиняемаго, что̀ можетъ онъ привести въ свое оправданіе, и выслушиваетъ какъ его самаго, такъ и свидѣтелей, которые имъ указаны.

О присягѣ свидѣтелей (ст. 72 и 73).

Передъ допросомъ, свидѣтели должны быть приводимы къ присягѣ, за исключеніемъ лишь случая, когда обѣ стороны, по взаимному согласію, освободятъ ихъ отъ оной. Это принято по тому уваженію, что нѣтъ никакой надобности,

при разбирательствѣ нарушеній, затрогивающихъ преимущественно частные интересы, приводить къ присягѣ свидѣтелей, коихъ правдивость и безпристрастіе никѣмъ не заподозрѣны; а между тѣмъ постоянное приведеніе къ присягѣ, особенно по дѣламъ маловажнымъ, могло бы поколебать значеніе священнаго этого обряда. Впрочемъ это не составляетъ даже нововведенія, ибо по статьѣ 234-й дѣйствующихъ законовъ о судопроизводствѣ уголовномъ, истецъ и отвѣтчикъ могутъ освобождать свидѣтеля отъ присяги, и тогда показаніе его принимается въ такой же силѣ, какъ бы дано было подъ присягою.

Самое приведеніе къ присягѣ предположено производить на общемъ основаніи, по обряду того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ свидѣтель. Но какъ въ селеніяхъ весьма часто случается, что на мѣстѣ нѣтъ священника, а приглашеніе его, иногда за нѣсколько десятковъ верстъ, повело бы къ значительному замедленію производства и, сверхъ того, увеличило бы судебныя издержки, то допускается по необходимости, чтобы въ такихъ случаяхъ отъ свидѣтелей отбиралъ клятвенное обѣщаніе самъ мировой судья, напомнивъ имъ предварительно какъ объ обязанности показать по чистой совѣсти все имъ извѣстное, такъ и о наказаніи, опредѣленномъ въ законѣ за клятвопреступленіе.

О предложеніи вопросовъ свидѣтелямъ (ст. 74).

Для бо̀льшаго еще убѣжденія въ правдивости свидѣтелей, по выслушаніи каждаго изъ нихъ предоставляется противной сторонѣ предложить ему вопросы. Это право весьма важно въ томъ отношеніи, что свидѣтель, сообщающій не все извѣстное ему по разсматриваемому дѣлу, долженъ будетъ высказать все, что̀ знаетъ, а показывающій не такъ, какъ случилось событіе, или утверждающій то, чего онъ видѣть не могъ, отвѣчая на предложенные ему противною сторопою вопросы, въ бо̀льшей части случаевъ обнаружитъ незнаніе свое или недобросовѣстность.

О распросѣ свидѣтелей и сторонъ самимъ судьею (ст. 75 и 76).

Но показаніями свидѣтелей и вопросами, предложенными имъ противною сторопою, предметъ не всегда исчерпывается вполнѣ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходитъ даже разнорѣчіе и

дѣло запутывается. Для разъясненія его въ подобныхъ случаяхъ, необходимо предоставить самому судьѣ право предлагать вопросы какъ свидѣтелямъ, такъ обвинителю и обвиняемому. Однако въ отношеніи къ вопросамъ, предлагаемымъ сему послѣднему, надобно быть весьма осторожнымъ. По важности этого предмета для значенія и характера всего уголовнаго судопроизводства, не безполезно будетъ войти въ нѣсколько подробныя о томъ соображенія.

До сего времени у насъ въ уголовныхъ дѣлахъ постоянно имѣлось въ виду правило, заимствованное изъ краткаго изображенія процессовъ 1716-го года, по которому собственное признаніе подсудимаго есть лучшее свидѣтельство всего свѣта (зак. суд. угол. ст. 316). Выходя изъ этого начала, составляющаго краеугольный камень слѣдственнаго или инквизиціоннаго судопроизводства, означенный законъ Императора Петра I-го, хотя и считалъ необходимымъ, «чтобъ оное признаніе вольное было (ч. II, гл. II, ст. 2, п. 2-й)», но вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалъ «того, на котораго есть подозрѣніе и оный добровольно повиниться не хощетъ, предъ пыткою спрашивать, испытуя отъ него правды и признанія въ дѣлѣ (гл. VI, ст. 1). Буде же кто по довольному подозрѣнію пытанъ будетъ и на пыткѣ въ своемъ злодѣйствѣ повинится, потомъ же въ судѣ паки отъ своей сказки отречется, предлагая, что онъ отъ пытки въ томъ повиниться принужденъ былъ, тогда можетъ онъ паки пытанъ быть, понеже учиненное признаніе паки приводитъ его въ новое подозрѣніе и такимъ образомъ можетъ и въ третій разъ пытанъ быть; а ежели трижды пытку снесетъ и паки отречется, то уже онаго болѣе допрашивать не надлежитъ . . . . (ст. 7).»

Изъ сего видно, что въ началѣ восемнадцатаго вѣка инквизиціонный процессъ существовалъ у насъ съ неизбѣжными и естественными своими атрибутами—пыткою и такъ называвшимся пристрастнымъ допросомъ. Съ распространеніемъ въ обществѣ понятій болѣе просвѣщенныхъ, всѣ эти ужасы не могли уже оставаться въ полной своей силѣ. Въ 1763 году Императрица Екатерина II-я, присутствуя въ сенатѣ, повелѣла: «всѣхъ тѣхъ, кои въ разныя преступленія

впадаютъ, обратить къ чистому признанію болѣе милосердіемъ и увѣщаніемъ, а особливо изысканіемъ по происшедшимъ въ разныя времена околичностямъ, нежели строгостью и истязаніемъ; но стараться какъ возможно при такихъ обстоятельствахъ кровопролитіе умепьшить; если же всѣ способы не предуспѣютъ, въ такомъ уже случаѣ дошедшихъ къ пыткамъ по законамъ пытать.» Тоже самое подтверждено, и еще сильнѣе, въ 1775 году. Наконецъ, въ знаменитомъ указѣ 27 сентября 1801 года Императоромъ Александромъ I-мъ повелѣно было: «чтобъ нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, ни въ вышнихъ, ни въ нижнихъ правительствахъ и судахъ, никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допущать, ни исполнять никакихъ истязаній, подъ страхомъ неминуемаго и строгаго наказанія; чтобъ присутственныя мѣста, коимъ закономъ предоставлена ревизія дѣлъ уголовныхъ, въ основаніе своихъ сужденій и приговоровъ полагали личное обвиняемыхъ предъ судомъ сознаніе, что въ теченіи слѣдствія не были они подвержены какимъ либо пристрастнымъ допросамъ, и чтобъ наконецъ самое названіе пытки, стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее, изглажено было навсегда изъ памяти народной.»

Нельзя не благоговѣть передъ высокими стремленіями, руководившими законодательною властью при изданіи приведенныхъ здѣсь мѣръ; но въ тоже время нельзя, къ сожалѣнію, не сознаться, что мѣры эти вызваны были единственно желаніемъ избавить человѣчество отъ тѣхъ жестокихъ мученій, которымъ подвергались, во имя закона и правосудія, люди не признанные даже виновными. Запрещеніемъ пытать подсудимыхъ не измѣнена нисколько основная мысль уголовнаго судопроизводства: инквизиціонный процессъ остался тотъ же, только безъ видимой своей санкціи—физическихъ истязаній.

Нравственная же пытка допускается и дѣйствующимъ нынѣ закономъ, ибо хотя уложеніемъ (ст. 477) положено наказаніе за употребленіе угрозъ или другихъ противозаконныхъ средствъ для принужденія обвиняемаго къ признанію, а статьею 319-ю законовъ о судопроизводствѣ уголовномъ запрещено домогаться такого

признанія, какъ не составляющаго единственнаго способа къ обвиненію, однако тою же самою 319-ю статьею предписывается приводить обвиняемаго къ признанію увѣщаніями и уликами.

Правиломъ симъ, особенно при трудности пріисканія другихъ доказательствъ, допускаемыхъ дѣйствующимъ закономъ, вполнѣ объясняется постоянное стремленіе нашихъ слѣдователей— добиться сознанія обвиняемаго. Съ этою цѣлью предлагаютъ ему хитро поставленные вопросы, стараются сбить его съ толку и, если не удастся довести до сознанія, то по крайней мѣрѣ запутать въ противорѣчіяхъ, однимъ словомъ, добыть изъ него самаго готовый матеріалъ для его осужденія. Безспорно, такой образъ дѣйствія несравненно легче, нежели собраніе положительныхъ доказательствъ и уликъ. Но соотвѣтствуетъ ли онъ цѣли и требованіямъ правосудія? Опытнаго и ловкаго плута не собьютъ съ толку никакіе вопросы, какъ бы хитры они не были; что бы ни спрашивали его, онъ будетъ все твердить свое непзмѣнное: «знать не знаю, вѣдать не вѣдаю», и получить отъ него другой отвѣтъ можно было бы развѣ съ помощію давно забытаго застѣнка. Посему въ отношеніи къ истиннымъ преступникамъ допросъ вовсе не достигаетъ цѣли своей. Совсѣмъ не то съ людьми невинными, ибо въ отношеніи къ нимъ это средство становится даже опаснымъ: взволнованные обвиненіемъ въ безчестномъ поступкѣ, они обыкновенно робѣютъ, теряются, путаютъ обстоятельства дѣла и, вслѣдствіе того, нерѣдко становятся жертвами превратно понимаемаго усердія и искусства слѣдователя. Примѣровъ тому много какъ у насъ, такъ и въ другихъ государствахъ; но достаточно указать на случай, бывшій недавно во Франціи, гдѣ, не смотря на положительное ученіе законовѣдовъ, что допросъ есть средство защиты обвиняемаго, несчастная Rosalie Douase довсдена была до сознанія въ небываломъ отцеубійствѣ и чуть не подверглась всей строгости незаслуженной ею кары.

Чуждый инквизиціоннаго начала, англійскій уголовный судъ не знаетъ подобныхъ примѣровъ. Въ этой странѣ съ давнихъ временъ признавалось, что никто не можетъ быть вынуж-

даемъ къ свидѣтельству противъ самого себя. Но этого мало: благодаря всегдашнему практическому своему смыслу, англичане не могли удовольствоваться однимъ громкимъ изрѣченіемъ; они понимали, что для дѣйствительнаго исполненія сего важнаго правила и для полнаго убѣжденія въ добровольности признанія, необходимо оградить какъ обвиняемаго, такъ и самаго слѣдователя отъ возможнаго съ его стороны увлеченія. Въ этихъ видахъ, предоставляется обвиняемому право не отвѣчать на дѣлаемые ему вопросы. Сначала это принято было обычаемъ, который въ послѣднее время освященъ и закономъ: на основаніи статута 14 Августа 1848 года (Vict. Reg. 12. 13, ch. XLII, s. 18), разбирающій дѣло или производящій предварительное слѣдствіе мировой судья обязанъ, по выслушаніи обвиненія и подтверждающихъ его доказательствъ, обратиться къ обвиняемому съ слѣдующими словами: «что можете «вы привести въ свое оправданіе? Если вы не «хотите отвѣчать, то имѣете на это полное пра«во; но все сказанное вами будетъ занесено въ «протоколъ и можетъ служить доказательствомъ «противъ васъ». Понятно, что послѣ такого предваренія, обвиняемый не будетъ уже застигнутъ въ расплохъ и если сознается, то сдѣлаетъ это безъ всякаго принужденія.

При соблюденіи этой предосторожности, собственное сознаніе обвиняемаго можетъ дѣйствительно служить основаніемъ уголовнаго приговора; но безъ нея правило, что допросъ есть средство защиты,—останется всегда одною только фразою.

Съ преобразованіемъ у насъ судебной части, желательно бы по возможности держаться начала обвинительнаго, отрѣшившись вовсе отъ инквизиціоннаго процесса, который подвергается теперь единогласнымъ и вполнѣ справедливымъ осужденіямъ всей Западной Европы, не исключая и самой Франціи, приступившей уже къ пересмотру своего кодекса уголовнаго судопроизводства. Основное же правило обвинительнаго порядка заключается именно въ томъ, чтобы никто не только пыткою или угрозами, но

даже хитростью не могъ быть вынуждаемъ къ признанію въ преступленіи.

Сознавая всю важность этого основнаго правила, коммисія пришла къ единогласному заключенію о необходимости выразить въ проектѣ, что обвиняемый имѣетъ право не отвѣчать на предлагаемые ему вопросы.

Объ осмотрахъ и другихъ мѣстныхъ дознаніяхъ (ст. 79—82).

Относительно осмотровъ и другихъ мѣстныхъ дознаній, въ статьѣ 26-й основныхъ положеній постановлено, что сіи дѣйствія производятся или самимъ мировымъ судьею или, по его порученію, чинами мѣстной полиціи. При развитіи этой статьи, возбуждался вопросъ, не слѣдуетъ ли установить въ мировомъ судѣ особый сокращенный порядокъ производства сихъ слѣдственныхъ дѣйствій? Вопросъ этотъ разрѣшенъ отрицательно, потому что всякое упрощеніе и безъ того весьма несложныхъ общихъ по сему предмету правилъ повело бы только къ лишенію обвиняемаго и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ тѣхъ существенныхъ гарантій, которыя, по тѣмъ же самымъ дѣламъ, какъ напримѣръ о кражѣ, признаются необходимыми въ общемъ порядкѣ судопроизводства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при означеніи случаевъ, въ коихъ судья можетъ поручать полиціи производство слѣдственныхъ дѣйствій, обращено вниманіе на весьма малую степень образованности, а слѣдовательно, и благонадежности подвѣдомственныхъ мировому судьѣ, преимущественно сельскихъ полицейскихъ чиновъ. Посему предположено, чтобы судья поручалъ полиціи производство мѣстныхъ дознаній только въ тѣхъ случаяхъ, когда, по какимъ либо особымъ обстоятельствамъ, дѣйствія эти не могутъ быть исполнены имъ лично и не представляется возможности отложить ихъ до другаго времени. Но и въ этихъ, по всей вѣроятности, исключительныхъ случаяхъ, судья долженъ лично провѣрить произведенное полиціею дознаніе, если какою либо изъ сторонъ указаны будутъ уважительныя причины сомнѣнія въ достовѣрности представленныхъ свѣдѣній. Это весьма важно для сокращенія производства, ибо если обжалованное дознаніе принято будетъ судьею

въ основаніе своего приговора, то можно быть увѣреннымъ, что въ бо́льшей части случаевъ недовольною стороною принесенъ будетъ отзывъ мировому съѣзду, въ которомъ дѣло не можетъ быть разрѣшено удовлетворительно безъ производства новаго осмотра, а это необходимо потребуетъ особой командировки одного изъ мировыхъ судей и, вслѣдствіе сего, отсрочки самаго дѣла до слѣдующаго съѣзда.

Сверхъ того, мировой судья долженъ самъ производить дознаніе, когда обвиняемаго нѣтъ на лицо, а слѣды преступленія могутъ изгладиться, такъ какъ въ этихъ случаяхъ неправильныя и клонящіяся ко вреду обвиняемаго дѣйствія полиціи никѣмъ не были бы обжалованы.

Одна изъ самыхъ важныхъ причинъ медленности нынѣшняго порядка судопроизводства заключается въ томъ, что судъ по всякому дѣлу собираетъ свѣдѣнія о званіи и лѣтахъ подсудимаго. Это требуетъ обыкновенно значительнаго времени и распложаетъ переписку, а между тѣмъ бо́льшею частію бываетъ совершенно излишне. По этому въ проектѣ принято, чтобы мировой судья собиралъ такія справки только въ тѣхъ случаяхъ, когда возрастъ и званіе обвиняемаго могутъ имѣть вліяніе на слѣдующее ему наказаніе.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О постановленіи и объявленіи приговоровъ (ст. 89—99).

Въ основныхъ положеніяхъ постановлено по настоящему предмету слѣдующее правило:

Приговоры мироваго судьи, которыми опредѣляются: внушенія, замѣчанія и выговоры, денежныя взысканія не свыше пятнадцати рублей съ одного лица и арестъ до трехъ дней или замѣняющія оный наказанія, считаются окончательными и не могутъ быть обжалованы. На всѣ прочіе приговоры допускаются отзывы (Осн. пол. Ч. II ст. 30).

Перенося это правило въ статью 96-ю проекта, коммисія сочла полезнымъ дополнить его по-

становленіемъ, что окончательными не считаются приговоры, коими опредѣлено вознагражденіе за причиненный обвиняемымъ вредъ и убытки въ размѣрѣ болѣе тридцати рублей. Это необходимо для согласованія правилъ о производствѣ у мировыхъ судей дѣлъ уголовныхъ и гражданскихъ, изъ которыхъ послѣднія, по статьѣ 3-й основныхъ положеній гражданскаго судопроизводства, рѣшаются имъ окончательно только тогда, когда сумма иска не свыше тридцати рублей. Всѣ же остальныя его рѣшенія могутъ быть обжалованы мировому съѣзду. Съ установленіемъ сего правила по гражданскимъ искамъ, не можетъ быть никакого основанія предоставлять мировому судьѣ право рѣшать окончательно гражданскіе же иски о вознагражденіи на всякую сумму только по той причинѣ, что, сверхъ уплаты вознагражденія, обвиненный приговоренъ еще и къ наказанію.

О замѣнѣ въ окончательныхъ приговорахъ ареста другими взысканіями (ст. 96).

Но независимо отъ этого дополненія, принятаго единогласно, по статьѣ 96-й произошли разныя мнѣнія по вопросу: долженъ ли мировой судья въ окончательныхъ своихъ приговорахъ замѣнять всегда арестъ другими взысканіями?

Мнѣніе одиннадцати членовъ.

Одиннадцать членовъ (Даневскій, Есиповичъ, М. Зарудный, С. Зарудный, Ковалевскій, Любимовъ, Поповъ, Принцъ, Розовъ, Шечковъ и Шубинъ) находятъ, что въ статьѣ 30-й основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства сказано: приговоры мировыхъ судей, которыми опредѣляются внушенія, замѣчанія, выговоры, денежныя взысканія не свыше 15 рублей съ одного лица и *арестъ до трехъ дней, или замѣняющія оный наказанія*, считаются окончательными. При разсмотрѣніи въ коммиссіи правилъ о разборѣ уголовныхъ дѣлъ мировыми судьями, возникъ вопросъ: не слѣдуетъ ли въ окончательныхъ приговорахъ сихъ судей замѣнять арестъ другими наказаніями?

Противъ предположенія о обязательности такого замѣна были высказаны слѣдующія возраженія: 1) что это будетъ противно основнымъ положеніямъ, 2) что замѣнъ ареста другими на-

казаніями, напримѣръ денежными штрафами, лишитъ приговоры мировыхъ судей всякаго значенія въ отношеніи къ людямъ богатымъ; и 3) что о замѣнѣ одного наказанія другимъ слѣдуетъ разсуждать въ уставѣ о преступленіяхъ и проступкахъ, подлежащихъ вѣдомству мировыхъ судей, а не въ уставѣ судопроизводства.

Всѣ эти возраженія опровергаются однакожъ слѣдующими соображеніями:

Въ основныхъ положеніяхъ не только не содержится запрещенія замѣнять арестъ въ окончательныхъ приговорахъ мировыхъ судей другими наказаніями, но напротивъ словами *арестъ, или замѣняющія оный наказанія* дается коммисіи прямое и положительное указаніе на то, что ей слѣдуетъ обсудить, должно ли окончательными приговорами мировыхъ судей опредѣлять арестъ или замѣняющія оный наказанія. Посему едвали коммисія исполнила бы свою обязанность, еслибы оставила этотъ вопросъ безъ обсужденія и разрѣшенія.

Считая въ слѣдствіе сего обязательнымъ приступить къ разрѣшенію этого вопроса, одинадцать членовъ признаютъ необходимымъ разрѣшить прежде всего вопросъ: соотвѣтствуетъ ли арестъ нормѣ наказаній, предоставляемыхъ окончательнымъ приговорамъ мировыхъ судей?

Разсматривая этотъ вопросъ съ экономической точки зрѣнія, нельзя не признать, что арестъ есть безъ сомнѣнія лишеніе того, кто ему подвергается, возможности употреблять свое время и свой трудъ производительно. Производительность труда опредѣляется суммою цѣнностей, пріобрѣтаемыхъ трудящимся; производительность эта бываетъ разнообразна до безконечности: одинъ человѣкъ пріобрѣтаетъ въ день 30 коп., другой 3 руб., третій 30 руб. и т. д.; если лишить возможности трудиться или заключить подъ арестъ перваго, то онъ потеряетъ 30 коп., если арестовать втораго, то онъ потеряетъ 3 руб., если третьяго, то онъ лишится 30 руб. и т. д. Во всякомъ случаѣ, въ экономическомъ отношеніи, это наказаніе будетъ равняться денежному взысканію.

Норма денежныхъ взысканій, до которыхъ могутъ доходить окончательные приговоры ми-

ровыхъ судей, опредѣлена въ основныхъ положеніяхъ не свыше 15 руб. Арестъ человѣка, могущаго пріобрѣсти въ продолженіе времени, на которое онъ подвергается заключенію, болѣе 15 руб., уже выходитъ изъ этой нормы и, слѣдовательно, совершенно противорѣчитъ основнымъ положеніямъ, а потому и допущенъ быть не можетъ.

Опредѣлить съ математическою точностью, кто сколько пріобрѣтаетъ своими трудами и своею дѣятельностію въ извѣстный періодъ времени, нѣтъ никакой возможности; часто лишеніе свободы промышленнаго, торговаго, коммерческаго человѣка на три дня можетъ лишить его не 15 руб., а всего его состоянія, ибо поставить его въ невозможность исполнить такія дѣйствія, которыя не терпятъ никакого отлагательства; заключеніе подъ арестъ врача лишитъ его не только плодовъ его практики, но можетъ быть причиною смерти нѣкоторыхъ изъ его паціентовъ, оставленныхъ безъ помощи; смерть же сихъ послѣднихъ можетъ довести до нищеты ихъ семейства.

Подобныхъ примѣровъ можно бы насчитать множество, но кажется и приведенныхъ достаточно для того, чтобъ убѣдиться, что послѣдствія ареста, даже въ экономическомъ отношеніи, опредѣлены быть съ точностію не могутъ, а потому почти никогда не возможно убѣдиться въ томъ, не выходитъ ли арестъ изъ нормы, назначенной для наказаній, которыя могутъ быть опредѣлены окончательными приговорами мировыхъ судей, слѣдовательно оставленіе ареста въ числѣ этихъ наказаній, было бы равносильно предоставленію на произволъ мироваго судьи подчиняться, или не подчиняться этой нормѣ, ибо онъ всегда могъ бы, не нарушая буквально закона, выдти изъ этой нормы присужденіемъ къ аресту человѣка, для котораго лишеніе свободы, въ одномъ даже экономическомъ отношеніи, далеко превышаетъ 15 рублевый штрафъ.

Признавать возможность и даже законность такого произвола со стороны мироваго судьи, который за какой нибудь ничтожный проступокъ можетъ по одному личному предубѣжденію назначать наказанія, далеко превышающія тѣ, кото-

рыя назначены самимъ закономъ, было бы невозможно. Если за какой нибудь проступокъ въ законѣ назначена высшая мѣра наказанія, равняющаяся штрафу въ 15 руб., а мировой судья за этотъ проступокъ окончательнымъ приговоромъ присудитъ къ трехдневному аресту лицо, которое отъ этого лишится 150 или 1.500 руб. сер., то законъ дастъ такимъ образомъ мировому судьѣ право превышать норму предоставленныхъ ему наказаній въ 10, въ 100 разъ и такъ далѣе до безконечности.

Сверхъ того, между волею закона и волею мироваго судьи будетъ постоянное противорѣчіе: законъ установляетъ, что извѣстные проступки нельзя наказывать свыше 15 рублеваго штрафа, а мировой судья будетъ за тѣ же проступки назначать аресты, далеко превышающіе, съ одной даже экономической точки зрѣнія, наказанія, опредѣленныя закономъ.

Такое значеніе закона, который зависѣлъ бы отъ произвола одноличнаго судьи, допущено быть не можетъ; но именно къ такому значенію привело бы предоставленіе мировому судьѣ права опредѣлять окончательными приговорами арестъ, т. е. такое наказаніе, значеніе котораго, даже съ одной экономической точки зрѣнія, разнообразно до безконечности.

Изъ всего этого необходимо заключить, что арестъ въ окончательныхъ приговорахъ мировыхъ судей долженъ быть всегда замыняемъ другими наказаніями.

Вопросъ о томъ, какими именно наказаніями долженъ быть замѣняемъ арестъ, долженъ подлежать разрѣшенію въ уставѣ о преступленіяхъ и проступкахъ, подлежащихъ вѣдомству мировыхъ судей; но въ уставѣ судопроизводства, должно быть постановлено правило о необходимости замѣна ареста другими наказаніями: ибо правило это съ одной стороны ограничиваетъ права мироваго судьи, а съ другой опредѣляетъ формы судопроизводства.

Одиннадцать членовъ, не предрѣшая сущности самаго замѣна, считаютъ необходимымъ разрѣшить и вопросъ о томъ, не представляется ли какихъ-либо препятствій къ замѣну ареста въ дѣ-

лахъ, подлежащихъ вѣдомству мироваго судьи, другими наказаніями?

Въ числѣ наказаній, которыми можетъ быть замѣненъ арестъ, главное мѣсто занимаютъ, безъ сомнѣнія, денежныя взысканія. Относительно этихъ взысканій было заявлено сомнѣніе, что они будутъ неравномѣрны для всѣхъ подсудимыхъ, а именно для богатыхъ слишкомъ легки, для бѣдныхъ слишкомъ тяжелы.

Противъ этого нельзя не возразить: во 1-хъ, что богатство есть понятіе относительное: человѣка, получающаго двѣ тысячи руб. въ годъ, обыкновенно считаютъ богаче того, который получаетъ только тысячу рублей, но часто это мнѣніе ошибочно, ибо если получающій двѣ тысячи, по своему положенію, по условіямъ, въ которыхъ находится, долженъ проживать все, что получаетъ, то онъ конечно бѣднѣе того, который, получая тысячу, можетъ сберегать сто рублей; и во 2-хъ, что еще ни одно законодательство не пріискало такихъ наказаній, которыя были бы равно чувствительны для всѣхъ.

По безконечному разнообразію матеріальныхъ, нравственныхъ и умственныхъ силъ и условій подсудимыхъ, одно и тоже наказаніе можетъ производить и обыкновенно производитъ на каждаго изъ нихъ совершенно различное впечатлѣніе; что тяжело для одного, то легко для другаго; законодательство устранить этого не можетъ, оно должно стремиться только къ тому, чтобъ наказанія, назначаемыя за одно и тоже преступленіе, не выходили изъ общей и справедливой нормы возмездія, чтобъ за проступокъ, за который считается достаточнымъ налагать 15 рублевые штрафы, не могли быть назначаемы наказанія, далеко превышающія эту норму, и чтобъ такимъ образомъ произволъ или предубѣжденіе и пристрастіе судьи не замѣнили воли безстрастнаго закона.

Необходимо, чтобъ судья соразмѣрялъ наказаніе, назначенное закономъ за какое либо преступленіе или проступокъ, съ силами и средствами подсудимаго въ предѣлахъ этого наказанія, а не внѣ ихъ: если за куреніе сигары на улицѣ былъ бы назначенъ штрафъ напримѣръ отъ 10 коп. до 1 руб. сер., то судья не долженъ раз-

суждать, что для милліонера ничего не стоитъ заплатить 1 руб. сер., онъ долженъ назначить за этотъ проступокъ съ самаго богатаго человѣка не болѣе 1 рубля сер., потому, что законъ не находитъ необходимымъ подвергать за это нарушеніе кого бы то ни было бо́льшему наказанію. Тѣ только наказанія справедливы, которыя соразмѣрны съ сущностью самыхъ преступленій, а не съ случайными отличіями подсудимыхъ, не имѣющими никакого отношенія къ бо́льшей или ме́ньшей важности проступка, или преступленія. Относительно денежныхъ взысканій нельзя однакожъ не замѣтить, что они, по безконечной дробимости своей, болѣе всѣхъ другихъ наказаній могутъ быть соразмѣряемы съ средствами подсудимыхъ и потому наиболѣе достигаютъ цѣли быть равно чувствительными для всѣхъ; если мировому судьѣ предоставляется присуждать окончательными приговорами къ денежнымъ взысканіямъ не свыше 15 руб., то и въ этихъ предѣлахъ онъ можетъ, начиная съ штрафа въ 15 коп. (каковые штрафы чаще всего налагаются мировыми посредниками на крестьянъ), дойти до штрафавъ сто разъ бо́льшаго, т. е. до предѣла предоставленныхъ ему наказаній— 15 руб. сер.; скорбѣть о томъ, что и этотъ высшій штрафъ будетъ для кого нибудь нечувствителенъ, можетъ только жестокій судья, несогласный съ оцѣнкою, сдѣланною въ законѣ для проступка, подлежащаго его обсужденію; но если законъ признаетъ такое наказаніе достаточнымъ для извѣстнаго проступка, то судья не имѣетъ права считать его недостаточнымъ. Это общее правило, не подлежащее исключенію.

Слѣдовательно не представляется никакого препятствія въ этомъ отношеніи замѣнять арестъ денежными штрафами; если же препятствіе встрѣтится въ томъ, что подсудимому не изъ чего заплатить даже и небольшаго штрафа, тогда можно замѣнить арестъ общественными или другими работами, соотвѣтствующими обычнымъ занятіямъ осужденнаго. И этотъ способъ замѣна будетъ самымъ полезнымъ для общества: у насъ такъ мало рабочихъ силъ, и такъ много нужно ихъ для осушенія болотъ, поправки дорогъ, починки мостовъ и т. п., что въ высшей степени

вредно было бы, если бы мировые судьи, вмѣсто такой полезной дѣятельности, осуждали своихъ подсудимыхъ на безполезную праздность подъ арестомъ.

Впрочемъ мало сказать, что подобная праздность была бы только безполезна,—нѣтъ, она была бы вредна и гибельна въ высшей степени. Выше было замѣчено, что арестъ есть лишеніе возможности употреблять свой трудъ производительно. Послѣдствія этого лишенія распространяются не только на осужденнаго, но и на его семью, которую онъ кормилъ своими трудами и которая безъ его поддержки должна голодать или прибѣгнуть къ незаконному добыванію себѣ хлѣба; послѣдствія эти распространяются и на все общество, которое такимъ образомъ теряетъ часть своихъ производительныхъ силъ въ безплодномъ заключеніи ихъ подъ арестомъ. Слѣдовательно, арестъ наказываетъ не только виновныхъ, но и невинныхъ—семью и общество.

Но что еще важнѣе—арестъ, при небрежной его организаціи, можетъ быть школою для образованія преступниковъ, подсудныхъ уже не мировому судьѣ, а окружному суду съ присяжными. Если за мелкіе проступки, подвѣдомые мировому судьѣ, необразованные подсудимые, неимѣющіе достаточной силы противодѣйствовать безнравственнымъ вліяніямъ, будутъ высиживать по три дня въ заключеніи вмѣстѣ съ отъявленными негодяями, то многіе изъ нихъ, безъ сомнѣнія, выйдутъ изъ-подъ ареста даже и послѣ трехдневнаго, т. е. непродолжительнаго повидимому ареста, готовыми кандидатами для каторжныхъ работъ. Какое же основаніе предоставлять мировому судьѣ право назначать окончательными приговорами за мелкіе проступки, исключительно подлежащіе этимъ приговорамъ, наказанія, которыя ведутъ къ такимъ ужаснымъ послѣдствіямъ?

Говорятъ, что безъ этого права приговоры мировыхъ судей не будутъ имѣть никакой силы; но странно было бы искать силу судебнаго рѣшенія въ великости зла, которое оно можетъ сдѣлать, а не въ справедливости его, странно было бы основывать силу закона на жестокости наказанія, а не на соразмѣрности послѣдняго съ

тѣмъ, за что наказываютъ, тогда какъ именно это условіе, если оно соединяется съ неизбѣжностью наказанія за преступленіе, наиболѣе предохраняетъ общество отъ преступленій.

Тѣ только законы тверды и прочны, которые назначаютъ за преступленія и проступки наказанія, соотвѣтствующія сущности этихъ преступленій и проступковъ; тѣ только судебныя рѣшенія безукоризненны и безупречны, которыя основаны на законѣ, а не на произволѣ судьи. Произволъ въ этомъ случаѣ подорвалъ бы и силу судебнаго рѣшенія, и авторитетъ судьи.

Предоставленіе мировому судьѣ назначать арестъ окончательными приговорами—предастъ всѣхъ безъ различія жителей его участка безграничному произволу и сдѣлаетъ самаго судью предметомъ всеобщей ненависти и негодованія, вмѣсто того уваженія, которое онъ безъ сомнѣнія пріобрѣтетъ, если дѣятельность его будетъ поставлена въ законные и приличные ей предѣлы.

Но главная причина, почему арестъ не можетъ быть налагаемъ безотчетными и безконтрольными окончательными приговорами одноличнаго судьи, заключается въ дѣйствительной сущности ареста. Арестъ есть лишеніе свободы—величайшаго блага каждаго гражданина, распоряженіе которымъ нельзя предоставить одноличному мировому судьѣ, способному, какъ всякій человѣкъ, увлекаться и страстями и пристрастіями. Въ случаѣ несправедливости этого наказанія, уже невозможно вознаградить сдѣланное имъ зло.

Арестъ есть вычетъ изъ жизни, пополнить который не въ состояніи никакая сила человѣческая. Предоставлять такое безвозвратное неисправимое наказаніе произволу одного судьи—нѣтъ никакой возможности. Распоряженіе имъ можетъ быть предоставлено только суду коллегіальному, но никакъ не одному судьѣ. Гражданская свобода—такое великое право, которое должно быть ограждено самыми дѣйствительными гарантіями.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, *одиннадцать членовъ* признаютъ необходимымъ постановить правило, что аресты, опредѣляемые окончательными приговорами мировыхъ судей, *должны быть*

всегда замѣняемы другими наказаніями, вопросъ же о томъ *какими именно наказаніями* должны быть замѣняемы означенные аресты, обсудить при соображеніи проекта устава о взысканіяхъ за преступленія и проступки, подлежащіе вѣдомству мировыхъ судей.

Мнѣніе большинства.

Двадцать два члена (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Князь Волконскій, Баронъ Врангель, Домонтовичъ, Гольтгоеръ, Гуринъ, Жуковскій, Зубовъ, Калачевъ, Книримъ, Крейтеръ, Перетцъ, Плавскій, Розинъ, Романовскій, Рѣпинскій, Тизенгаузенъ, Утинъ и Чемадуровъ) не могли убѣдиться этими соображеніями. При всемъ сочувствіи къ мыслямъ, выше сего заявленнымъ, двадцать два члена находятъ однако, что, при разсмотрѣніи проекта устава о судопроизводствѣ, неумѣстно было бы входить въ сужденіе о недостаткахъ ареста, какъ наказанія, и о преимуществахъ денежныхъ взысканій. Вопросы эти относятся прямо къ уставу о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ, а проектъ этого устава составляется въ настоящее время вторымъ отдѣленіемъ собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и коммисіи еще не извѣстно, будетъ ли допущено, за маловажные проступки, наказаніе трехдневнымъ арестомъ. Посему установлять обязательный замѣнъ его, равносильный совершенной отмѣнѣ этого вида наказанія, было бы преждевременно.

На этомъ основаніи, *двадцать два члена* полагаютъ оставить статью 96-ю безъ измѣненія, впредь до соображенія проекта устава о взысканіяхъ за проступки, подвѣдомые мировымъ судьямъ.

О платѣ за копіи съ приговоровъ и протоколовъ (ст. 99).

По статьѣ 99-й проекта, каждая изъ сторонъ вправѣ просить мироваго судью о выдачѣ копіи съ приговора и со всѣхъ составленныхъ по дѣлу протоколовъ. При обсужденіи сей статьи, возбуждался вопросъ: слѣдуетъ ли за выдаваемыя копіи взыскивать плату и если слѣдуетъ, то въ какомъ именно размѣрѣ? Для успѣшнаго отправ-

ленія уголовнаго правосудія, конечно, было бы весьма желательно выдавать эти копіи безденежно и предоставить такимъ образомъ людямъ небогатымъ полную возможность обжалованія приговоровъ, почитаемыхъ ими несправедливыми. Однако, сколь ни желательно это, на дѣлѣ оно неисполнимо, ибо при незначительномъ содержаніи, которое можетъ быть опредѣлено мировымъ судьямъ, они не въ состояніи будутъ держать особыхъ переписчиковъ на свой счетъ. По этому за выдаваемыя сторонамъ копіи должна быть взыскиваема плата; размѣръ же ея не можетъ быть установленъ въ законѣ, такъ какъ въ различныхъ мѣстахъ имперіи вознагражденіе за трудъ не можетъ быть вполнѣ одинаковое и постоянное, а напротивъ того, должно измѣняться сообразно съ обстоятельствами времени и мѣста. На этомъ основаніи, признано болѣе удобнымъ, опредѣленіе размѣра платы за копіи предоставить мѣстнымъ мировымъ съѣздамъ, съ утвержденія судебной палаты.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Объ исполненіи приговоровъ мировыхъ судей (ст. 100—108).

Въ основныхъ положеніяхъ постановлено по настоящему предмету слѣдующее правило:

Окончательные приговоры мироваго судьи приводятся въ исполненіе по его распоряженію (Осн. пол. ч. II ст. 32).

Въ развитіе сей основной мысли, признано необходимымъ постановить въ этой главѣ правила о порядкѣ исполненія каждаго изъ предоставленныхъ мировому судьѣ взысканій.

Объ исполненіи приговоровъ надъ лицами, отвѣчавшими чрезъ повѣренныхъ (ст. 102).

Вслѣдствіе предоставленія обвиняемому права присылать вмѣсто себя, по извѣстнымъ дѣламъ, повѣреннаго, необходимо было опредѣлить, что если для исполненія приговора нужно личное присутствіе осужденнаго, отвѣчавшаго на судѣ чрезъ повѣреннаго, то онъ вызывается мировымъ судьею, а въ случаѣ неявки безъ уважительныхъ причинъ, приводится чрезъ поли-

цію. Если же осужденный жительствуетъ въ другомъ мировомъ участкѣ, то для избѣжанія дальнихъ переѣздовъ, предположено исполненіе такого приговора поручать мѣстному мировому судьѣ.

О разсрочкѣ денежныхъ взысканій и вознагражденія (ст. 104). Дабы облегчить людей небогатыхъ въ уплатѣ наложенныхъ на нихъ денежныхъ взысканій, признано полезнымъ не требовать всегда немедленнаго ихъ взноса, а предоставить мировому судьѣ право назначать сроки, въ которые взысканіе должно быть уплачено. Это правило имѣетъ еще и то весьма важное преимущество, что съ принятіемъ его, по всей вѣроятности, уменьшится число несостоятельныхъ къ уплатѣ денежныхъ взысканій, а вслѣдствіе того потребуется и менѣе мѣстъ заключенія для содержанія такихъ несостоятельныхъ лицъ. Тоже самое начало примѣняется и къ вознагражденію за вредъ и убытки; но какъ оно есть требованіе чисто гражданское, то разсрочка уплаты его поставлена въ зависимость отъ взаимнаго соглашенія сторонъ, съ тѣмъ однакожъ, что въ случаѣ неисправности виновнаго, оно взыскивается по распоряженію мироваго судьи.

Объ устройствѣ при мировыхъ участкахъ арестантскихъ помѣщеній (ст. 107). По статьѣ 107-й, осужденные къ аресту должны содержаться въ помѣщеніяхъ, устроенныхъ для того при мировыхъ участкахъ. На первое время исполненіе сего, можетъ быть, и представитъ нѣкоторыя неудобства. Но тѣмъ не менѣе такое правило совершенно необходимо, потому что въ противномъ случаѣ осужденныхъ къ заключенію, хотя бы самому кратковременному, пришлось бы отсылать въ города, бо́льшею частью за нѣсколько десятковъ, а иногда и за сотню верстъ, и тѣмъ значительно усиливать строгость взысканія, положеннаго за проступокъ въ законѣ. Неимѣніе при мировыхъ участкахъ особыхъ помѣщеній для содержанія приговоренныхъ къ аресту повлекло бы за собою еще и то крайне грустное и даже опасное послѣдствіе, что лица, виновныя въ нарушеніяхъ незначительныхъ и совсѣмъ не безчестныхъ, подвергались бы заключенію въ общей тюрьмѣ или при полиціи, вмѣстѣ съ отъявленными ворами и

состоящими подъ слѣдствіемъ по самымъ важнымъ и позорнымъ преступленіямъ.

Объ извѣщеніи общества о лицахъ, осужденныхъ за кражу или мошенничество (ст. 108).

Объ отдаваемыхъ въ рабочій домъ, т. е. признанныхъ виновными въ кражѣ и мошенничествѣ, предположено сообщать ихъ обществамъ. Предосторожность эта нужна для того, чтобы такія лица, хотя и не подвергнутыя лишенію или ограниченію принадлежащихъ имъ правъ и преимуществъ, не избирались въ общественныя должности и не вносились въ списки присяжныхъ засѣдателей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О протоколахъ мировыхъ судей (ст. 109—111).

Въ основныхъ положеніяхъ не содержится никакихъ правилъ о протоколахъ мировыхъ судей. Коммисія, съ своей стороны, хотя и признавала, что мировое разбирательство должно быть, по возможности, просто и освобождено отъ всякихъ излишнихъ формальностей, однако сочла необходимымъ, чтобы мировые судьи записывали у себя — или въ одной общей книгѣ или въ отдѣльныхъ тетрадяхъ, смотря по удобству, — все имѣющее существенное значеніе для производства дѣла. Безъ этого невозможно было бы обжалованіе неправильныхъ распоряженій судьи; при томъ нельзя упускать изъ виду, что и самъ судья записывая важнѣйшія дѣйствія по разбору дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ, будетъ осмотрительнѣе и не станетъ руководствоваться произволомъ. По симъ уваженіямъ, въ статьѣ 109-й предположено, чтобы мировой судья отмѣчалъ въ своемъ протоколѣ время начатія дѣла, вызовъ сторонъ и свидѣтелей, неявку ихъ, наложеніе взысканій, распоряженія о приводѣ, случаи закрытія дверей засѣданія и т. п.

Еще важнѣе представляется записываніе сущности словесныхъ жалобъ и сообщеній, свидѣтельскихъ показаній, осмотровъ, освидѣтельствованій, обысковъ и оцѣнокъ. Если бы все это не было заносимо въ протоколъ, то разсмотрѣніе

мировымъ съѣздомъ отзывовъ на приговоры мировыхъ судей сдѣлалось бы въ высшей степени затруднительно и потребовало бы неоднократныхъ отсрочекъ, какъ по случаю неявки сторонъ или свидѣтелей, такъ и для производства осмотровъ, а каждая отсрочка отдаляла бы рѣшеніе дѣла по крайней мѣрѣ на мѣсяцъ.

Наконецъ, необходимость занесенія въ протоколъ условій примиренія, приговора судьи, изъявленія или неизъявленія сторонами неудовольствія и представленія ими отзыва—не требуютъ, кажется, объясненія.

Не смотря на всю важность подобнаго протокола, естественно возникаетъ опасеніе, не слишкомъ ли затруднитъ онъ мироваго судью? Но опасеніе это едва ли можетъ оправдаться. Отмѣчать двумя словами о вызовѣ или приводѣ къ такому-то числу, о наложеніи взысканія, о мѣрахъ для пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда, о найденномъ при осмотрѣ или оцѣнкѣ, о причинѣ непубличнаго разбора дѣла и другихъ подобныхъ тому обстоятельствахъ, вовсе не трудно. Обременительнѣе всего будетъ записка сущности свидѣтельскихъ показаній; но во первыхъ, съ небольшимъ навыкомъ судья дѣйствительно будетъ записывать одну сущность, а во вторыхъ, даже и обстоятельное занесеніе въ протоколъ свидѣтельскихъ показаній есть дѣло возможное и оправданное опытомъ: въ Англіи каждый судья, какъ бы высоко ни стоялъ онъ на лѣстницѣ судебной іерархіи, записываетъ у себя въ книгѣ, на случай обжалованія приговора, всякое показаніе представленныхъ по дѣлу свидѣтелей. Оно считается тамъ даже одною изъ гарантій внимательнаго и всесторонняго разсмотрѣнія всѣхъ обстоятельствъ, представленныхъ какъ противъ обвиняемаго, такъ и въ пользу его.

Все это привело коммисію къ убѣжденію, что веденіе подобнаго протокола, хотя можетъ быть и сопряженное съ нѣкоторыми трудностями, на дѣлѣ будетъ возможно, а главное,—для успѣха мировыхъ учрежденій, даже необходимо.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Объ отзывахъ на приговоры мировыхъ судей (ст. 112—117).

Относительно обжалованія приговоровъ въ статьѣ 30-й основныхъ положеній постановлено только, что на всѣ неокончательные приговоры мировыхъ судей допускаются отзывы. При развитіи этого правила, надлежало разрѣшить вопросъ, кѣмъ именно отзывы могутъ быть приносимы?

О лицахъ, имѣющихъ право на принесеніе отзывовъ (ст. 112).

Въ общемъ порядкѣ судопроизводства, приговоры по уголовнымъ дѣламъ могутъ быть обжалованы съ одной стороны осужденнымъ, а съ другой обвинительною властью; гражданскому же истцу принадлежитъ право приносить отзывъ лишь относительно вознагражденія за понесенные имъ вредъ и убытки. Съ допущеніемъ въ мировомъ судѣ начала частнаго обвиненія, права приносящихъ жалобы частныхъ лицъ, естественно, должны расшириться: за отсутствіемъ обвинителя оффиціальнаго, имъ должно быть предоставлено обжалованіе рѣшеній не объ одномъ вознагражденіи, но также и о наказаніи виновнаго, ибо судъ тогда только можетъ быть вполнѣ справедливымъ, когда объ стороны пользуются совершенно одинаковыми правами. На этомъ основаніи въ статьѣ 112-й выражено, что по неокончательнымъ приговорамъ мироваго судьи объ стороны могутъ приносить отзывы какъ относительно наказанія, такъ и о вознагражденіи за вредъ и убытки. Право же отзыва объ одномъ вознагражденіи предоставлено гражданскому истцу въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло начато не имъ самимъ, а по сообщенію полиціи.

О принесеніи отзывовъ полиціею (ст. 113).

За симъ по статьѣ 113-й возникло разногласіе о томъ: должна ли сама полиція приносить непосредственно отзывы на приговоры мироваго судьи?

Мнѣніе четырнадцати членовъ.

Четырнадцать членовъ (Вилинбаховъ, Даневскій, Есиповичъ, Жуковскій, Ковалевскій, Плавскій, Поповъ, Принцъ, Розинъ, Розовъ, Романовскій, Тизенгаузенъ, Чемадуровъ и Шубинъ) нахо-

дятъ, что на основаніи сей статьи, полиція, начавшая дѣло у мироваго судьи и недовольная его приговоромъ, не вправѣ сама обжаловать онаго, но должна представить о томъ товарищу прокурора, который можетъ или предъявить отзывъ мировому судьѣ, или же оставить заявленное полиціею неудовольствіе безъ послѣдствій.

Это правило, по мнѣнію четырнадцати членовъ, представляетъ слѣдующія главныя неудобства:

во 1-хъ, оно *непослѣдовательно*, ибо если полиція не нуждается въ разрѣшеніи товарища прокурора начать дѣло у мироваго судьи, то нѣтъ никакого основанія ставить ее въ зависимость отъ товарища прокурора по предмету обжалованія приговоровъ сего суда;

во 2-хъ, оно *неудобно въ примѣненіи*, какъ потому, что вмѣсто одной бумаги, то есть отзыва полиціи, нерѣдко потребуетъ двухъ, именно представленія ея къ товарищу прокурора и потомъ отзыва сего послѣдняго, со всѣми затрудненіями двойной пересылки, такъ и потому, что при нѣкоторомъ разстояніи, нужное для сей двойной пересылки время можетъ быть продолжительнѣе срока, установленнаго для подачи отзыва, и чрезъ то или будетъ пропущенъ срокъ, или же необходимо останавливать исполненіе приговора, къ напрасному замедленію дѣла.

Наконецъ въ 3-хъ, оно *можетъ произвести весьма вредныя послѣдствія*, а именно ослабить дѣятельность и власть полиціи въ охраненіи порядка и спокойствія, а въ случаѣ различія взглядовъ товарища прокурора и полицейскаго начальства о правахъ и обязанностяхъ сего послѣдняго, можетъ даже парализировать распоряженія и самое значеніе полицейской власти.

По сему *четырнадцать членовъ* вмѣсто означенной статьи 113-й, полагаютъ постановить, что полицейскія и другія власти, по сообщеніямъ коихъ начаты дѣла (ст. 46), имѣютъ право приносить отзывы на приговоры мироваго судьи въ томъ же порядкѣ, какъ это предоставлено частнымъ обвинителямъ.

Мнѣніе большинства. *Девятнадцать членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Князь Волконскій, Баронъ Врангель*

Гольтгоеръ, Гуринъ, Домонтовичъ, М. Зарудный, С. Зарудный, Зубовъ, Калачевъ, Книрimъ, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Рѣпинскій, Утинъ и Шечковъ) полагаютъ, что обвиненіе самою полиціею лицъ, виновныхъ въ преступленіяхъ и проступкахъ, допускается въ мировомъ судѣ только въ видѣ изъятія изъ общаго правила, вслѣдствіе физической невозможности имѣть при каждомъ судѣ особаго органа обвинительной власти. Въ отношеніи къ мировымъ съѣздамъ этого препятствія быть не можетъ, ибо въ каждомъ уѣздномъ городѣ долженъ и безъ того состоять товарищъ прокурора окружнаго суда, какъ для наблюденія за производящимися въ уѣздѣ слѣдствіями, такъ и для предъявленія съѣзду заключеній по уголовнымъ и нѣкоторымъ гражданскимъ дѣламъ.

Указываютъ, что недозволеніе полиціи приносить отзывы на приговоры мироваго судьи было бы непослѣдовательно. Но съ этимъ нельзя согласиться. Если, по необходимости, на полицію возлагается преслѣдованіе виновныхъ передъ мировымъ судьею, то изъ сего не вытекаетъ еще нисколько, чтобы она имѣла право непосредственно изъявлять неудовольствіе на рѣшенія самого мироваго судьи, которому, при нашихъ условіяхъ, полиція необходимо должна быть подчинена во многихъ отношеніяхъ. По этому предоставленіе ей самой права обжалованія было бы несравненно непослѣдовательнѣе.

Полагаютъ, что принятый въ проектѣ порядокъ неудобенъ по своей сложности. Дѣйствительно, онъ могъ бы представить затрудненія, если бы полиція постоянно жаловалась на рѣшенія мировыхъ судей. На дѣлѣ сего не будетъ, да едва ли оно и желательно. Полиція исполнитъ обязанность свою, представивъ мировому судьѣ о застигнутомъ ею нарушеніи общественнаго порядка, точно также, какъ по другимъ дѣламъ она ограничится заявленіемъ о томъ судебному слѣдователю, котораго дѣйствія обжаловать ей не позволено. Странно было бы послѣ того давать ей право постояннаго контроля надъ рѣшеніями мироваго судьи. Конечно, могутъ быть случаи, въ коихъ приговоры сего

послѣдняго по начатымъ полиціею дѣламъ будутъ неправильны и, вслѣдствіе того, нельзя лишать ее вовсе возможности доводить такія дѣла до мироваго съѣзда. Но случаи эти исключительные; объ нихъ полиція, находясь даже и за сто верстъ отъ уѣзднаго города, успѣетъ всегда, безъ особаго затрудненія, представить въ двухнедѣльный срокъ товарищу прокурора и получить отъ него отзывъ на неправильный приговоръ. Если для этого и нужно будетъ иногда послать нарочнаго, то предлагаемый меньшинствомъ порядокъ повлечетъ за собою еще бо̀льшія неудобства. Съ предоставленіемъ полиціи права непосредственнаго обжалованія приговоровъ мироваго судьи, необходимо будетъ присутствіе ея на мировомъ съѣздѣ для объясненій по принесенному отзыву. Не говоря уже объ издержкахъ и тратѣ времени, нельзя не замѣтить, что это отвлекло бы полицейскихъ чиновъ отъ исполненія прямыхъ ихъ обязанностей и оставило бы уѣзды безъ полиціи, по нѣскольку дней въ мѣсяцъ, именно во время отсутствія мировыхъ судей. Не будетъ ли это опасно для общественнаго спокойствія?

Замѣчаютъ также, что въ случаѣ различія взглядовъ товарища прокурора и полицейскаго начальства о правахъ и обязанностяхъ сего послѣдняго, могутъ даже быть парализированы распоряженія и самое значеніе полицейской власти. При такомъ опасеніи, не слѣдовало бы подчинять полиціи прокурору, какъ это сдѣлано основными положеніями уголовнаго судопроизводства; не слѣдовало бы также допускать и усмотрѣнія обвинительной власти въ преслѣдованіи или непреслѣдованіи передъ судомъ заявленныхъ полиціею и несравненно болѣе важныхъ преступленій нежели тѣ, которыя подвѣдомы мировымъ учрежденіямъ. Не раздѣляя вовсе приведеннаго опасенія, большинство полагаетъ напротивъ того, что участіе прокуроровъ, какъ представителей закона и людей, по образованію своему, стоящихъ значительно выше полицейскихъ чиновниковъ, можетъ имѣть только благодѣтельное вліяніе на пониманіе ими истинныхъ своихъ служебныхъ правъ и обязанностей. Во всякомъ случаѣ оно не можетъ быть

опасно, когда товарищъ прокурора находитъ неуважительнымъ такое требованіе полиціи, неправильность котораго признана уже и мировымъ судьею. Допущеніе же преслѣдованія дѣлъ, отвергнутыхъ и судебною и обвинительною властью, повело бы только къ обремененію съѣздовъ и къ напрасному безпокойству частныхъ людей.

По всѣмъ этимъ уваженіямъ, *девятнадцать членовъ* полагаютъ оставить статью 113-ю безъ всякаго измѣненія.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О порядкѣ разбирательства въ мировыхъ съѣздахъ. (ст. 118—137).

Въ основныхъ положеніяхъ постановлено по настоящему предмету слѣдующее правило:

Дѣла по отзывамъ на неокончательные приговоры мировыхъ судей разсматриваются мировымъ съѣздомъ (Осн. Пол. ч. II ст. 31).

При развитіи этого положенія, коммисія имѣла въ виду, что по совершенной однородности дѣлъ, подвѣдомыхъ мировымъ судьямъ и съѣздамъ ихъ, принятый выше порядокъ разбирательства долженъ быть распространенъ и на мировые съѣзды, съ нѣкоторыми лишь необходимыми отъ него отступленіями. Самыя важныя изъ нихъ заключаются въ томъ, во первыхъ, что стороны и свидѣтели не вызываются особо, и во вторыхъ, что прежде постановленія рѣшенія выслушивается заключеніе присутствующаго на съѣздѣ товарища прокурора.

Вызовъ сторонъ и свидѣтелей по каждому дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію мироваго съѣзда, представилъ бы большія неудобства, а между тѣмъ въ немъ нѣтъ и особенной надобности, потому что, на основаніи статьи 98-й, въ случаѣ изъявленія на приговоръ неудовольствія, судья обязанъ объяснить, въ какой срокъ и какимъ порядкомъ приговоръ можетъ быть обжалованъ, а по проекту учрежденія судебныхъ мѣстъ, время и мѣсто собранія мироваго съѣзда должны быть заранѣе опредѣлены, объявлены по волостямъ и приходамъ и распубликованы во

всеобщее извѣстіе припечатаніемъ въ мѣстныхъ вѣдомостяхъ. Посему всякій, имѣющій интересъ въ дѣлѣ, будетъ имѣть возможность знать, когда и куда онъ долженъ явиться. За неявкою же сторонъ, разсмотрѣніе дѣла не можетъ быть отлагаемо, такъ какъ въ противномъ случаѣ, при періодическихъ засѣданіяхъ съѣзда, дѣла могли бы быть затягиваемы виновною стороною до безконечности, а этимъ нарушилось бы одно изъ самыхъ важныхъ условій сокращеннаго производства, его непродолжительность. Впрочемъ, въ бо̀льшей части дѣлъ, предоставленныхъ мировымъ судьямъ, нѣтъ и необходимости въ личномъ присутствіи сторонъ, высказавшихъ всѣ свои требованія и доводы какъ при разборѣ дѣла у мироваго судьи, такъ и въ поданныхъ ему отзывахъ и объясненіяхъ. Относительно же лицъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ важныхъ, т. е. въ кражѣ и мошенничествѣ, статьею 120-ю требуется, чтобы они всегда были на лицо. Что̀ касается до свидѣтельскихъ показаній, то, какъ объяснено выше, сущность ихъ должна быть записываема въ протоколъ мироваго судьи. Сверхъ того, статьею 122-ю сторонамъ предоставляется приводить свидѣтелей своихъ и на мировой съѣздъ, а въ случаяхъ чрезвычайныхъ, даже просить о вызовѣ неявившихся лицъ. Но во избѣжаніе напрасныхъ проволочекъ, исполненіе такой просьбы не можетъ быть обязательно и должно зависѣть отъ усмотрѣнія съѣзда.

Въ какихъ дѣлахъ товарищи прокурора даютъ свое заключеніе (ст. 129).

Второе важное отступленіе отъ общаго порядка производства у мировыхъ судей—выслушаніе заключенія товарища прокурора—вызывается необходимостью всесторонняго и правильнаго разсмотрѣнія дѣлъ, влекущихъ за собой наказаніе виновнаго, и по которымъ одною изъ сторонъ изъявлено уже неудовольствіе на рѣшеніе мироваго судьи. Польза такого заключенія признана коммисіею единогласно; но при семъ произошли разныя мнѣнія по вопросу: слѣдуетъ ли выслушивать товарища прокурора по всѣмъ вообще дѣламъ, или за исключеніемъ тѣхъ, которыя могутъ быть окончены примиреніемъ?

Мнѣніе двѣнадцати членовъ. По мнѣнію *двѣнадцати членовъ* (*Буцковскаго*, *Барона Врангеля*, *Домонтовича*, *Есиповича*, *Зубова*, *Книрима*, *Ковалевскаго*, *Плавскаго*, *Розинга*, *Романовскаго*, *Рѣпинскаго и Чемадурова*), при начертаніи учрежденія мировыхъ судей въ Россіи, когда оно не извѣдано еще опытомъ, едвали основательно пріискивать для нихъ руководителя, въ лицѣ товарища прокурора, потому что еще неизвѣстно, нуженъ ли будетъ этотъ руководитель, усилія же коммисіи должны стремиться не къ тому, чтобъ онъ былъ нуженъ, а къ тому, чтобъ мировые судьи могли обойтись и безъ него. Признавать теперь, что мировымъ судьямъ руководитель будетъ необходимъ, значитъ сомнѣваться въ успѣхѣ мировыхъ учрежденій, только еще предначертанныхъ, сомнѣваться не смотря на то, что для этого нѣтъ еще ни повода, ни основанія. Дѣла уголовныя, которыя и начинаются не иначе, какъ по жалобамъ частныхъ обвинителей, и могутъ быть ими прекращаемы, поставлены самимъ закономъ въ такое положеніе, что веденіе ихъ предоставляется на волю частныхъ лицъ, а не возлагается на оффиціальныхъ обвинителей во имя закона. По гражданскимъ дѣламъ не считается необходимымъ, чтобъ товарищъ прокурора давалъ заключенія мировому съѣзду, не смотря на то, что для правильнаго рѣшенія сихъ дѣлъ требуется болѣе спеціальныхъ юридическихъ свѣдѣній, нежели для рѣшенія дѣлъ уголовныхъ. Слѣдовательно, не трудность задачи, предстоящей мировому съѣзду въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, по какое либо иное соображеніе навело на мысль, что прокуроръ долженъ предлагать заключенія свои по всѣмъ этимъ дѣламъ не исключая и тѣхъ, которыя, начинаясь и прекращаясь по волѣ частныхъ лицъ, имѣютъ характеръ гражданскаго процесса. Трудно понять, въ чемъ состоитъ это соображеніе, но во всякомъ случаѣ нельзя не замѣтить, что если въ дѣлахъ послѣдняго рода по одному и тому же предмету будутъ давать заключеніе и частный обвинитель и прокуроръ, то такимъ образомъ противъ одного обвиняемаго будутъ два совершенно разнородныхъ обвинителя, и не только нарушено будетъ равновѣсіе между обвиненіемъ и защитою,

но и произойдетъ, во первыхъ, смѣшеніе различныхъ обязанностей, а во вторыхъ, столкновеніе между требованіями частнаго и оффиціальнаго обвинителей. Прокуроръ долженъ настаивать на томъ, чтобы подсудимый былъ наказанъ по силѣ закона, а частный обвинитель, которому предоставляется самое обширное право прощенія обвиняемаго и прекращенія преслѣдованія его, можетъ и, по всей вѣроятности, во многихъ случаяхъ будетъ просить объ уменьшеніи наказанія подсудимому. Такое ходатайство весьма естественно въ томъ родѣ дѣлъ, къ числу которыхъ принадлежатъ преступныя дѣйствія по отношеніямъ между родителями и дѣтьми и между супругами, и судъ не можетъ оставить безъ вниманія подобное ходатайство, такъ какъ въ этихъ дѣлахъ отъ частнаго обвинителя зависитъ даже совершенное прощеніе обвиняемаго. За чѣмъ же тутъ нуженъ оффиціальный обвинитель, когда воля частнаго обвинителя имѣетъ и не можетъ не имѣть рѣшительнаго вліянія на исходъ дѣла? за чѣмъ по одному и тому же дѣлу выставлять противъ одного обвиняемаго двухъ обвинителей, возбуждать между ними пререканія, затруднять защиту и усложнять процессъ?

По всѣмъ этимъ соображеніямъ находя, что по дѣламъ, подлежащимъ прекращенію примиреніемъ частныхъ лицъ, товарищъ прокурора не долженъ давать заключеній, *двѣнадцать членовъ полагаютъ:* 129-ю статью изложить такъ: «по дѣламъ, подлежащимъ преслѣдованію *независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ*, товарищъ прокурора объясняетъ силу доказательствъ, указываетъ на относящіеся къ дѣлу законы и даетъ заключеніе о примѣненіи ихъ въ данномъ случаѣ».

Мнѣніе большинства. *Двадцать одинъ членъ (Баршевскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Князь Волконскій, Гольтгоеръ, Гуринъ, Даневскій, Жуковскій, М. Зарудный, С. Зарудный, Калачевъ, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Поповъ, Принцъ, Розовъ, Тизенгаузенъ, Утинъ, Шечковъ и Шубинъ)* не могли убѣдиться приведенными выше соображеніями. Не сомнѣваясь ни сколько въ успѣхѣ мировыхъ учрежденій, они считаютъ однако необходимымъ,

именно для достиженія желаемаго успѣха, обставить мировые съѣзды такими гарантіями, безъ которыхъ надежды, возлагаемыя на нихъ, могли бы не осуществиться.

По статьѣ 14-й основныхъ положеній о судоустройствѣ «въ мировые судьи могутъ быть избраны мѣстные жители, имѣющіе не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, неопороченные по суду или общественному приговору, несостоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ, владѣющіе, хотя бы въ разныхъ мѣстахъ, недвижимою собственностію, приносящею чистый годовой доходъ въ размѣрѣ, закономъ опредѣленномъ, и получившіе образованіе въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же прослужившіе, преимущественно по судебной части, не менѣе трехъ лѣтъ». Слѣдовательно, отъ нихъ не требуется юридическаго образованія, что впрочемъ было бы и невозможно при относительно маломъ еще распространеніи у насъ юридическихъ свѣдѣній. Но тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться, что удовлетворительное рѣшеніе уголовныхъ дѣлъ, безъ основательнаго знанія законовъ, едвали возможно. Если каждый судья не можетъ быть юристомъ, то желательно по крайней мѣрѣ, чтобы всякій, недовольный приговоромъ мироваго судьи, могъ приносить отзывъ такому собранію, которое въ средѣ своей имѣло бы хотя одно лицо, свѣдущее въ законахъ. Съ этою цѣлью въ проектѣ предположено, чтобы прежде постановленія рѣшенія выслушано было заключеніе присутствующаго на съѣздѣ товарища прокурора.

Заключеніе это для съѣзда нисколько не обязательно, но важно въ томъ отношеніи, что мировые судьи, рѣшающіе дѣло, будутъ имѣть въ виду объясненія лица, знакомаго съ судебною практикою.

Весьма желательно, чтобы будущія наши мировыя учрежденія дѣйствовали съ такимъ же успѣхомъ, какъ англійскіе мировые съѣзды, послужившіе имъ первообразомъ. Но тамъ ставляется необходимымъ условіемъ, чтобы предсѣдатель съѣзда (chairman) былъ непремѣнно юристъ, получившій образованіе въ университетѣ и знакомый съ судебною практикою; по

этой причинѣ, старшіе сыновья богатыхъ земле-владѣльцевъ, которымъ предстоитъ въ послѣдствіи предсѣдательствовать на мѣстныхъ съѣздахъ, поступаютъ обыкновенно, по окончаніи университетскаго курса, на нѣкоторое время въ сословіе адвокатовъ, не изъ-за насущнаго хлѣба, а единственно для практическаго ознакомленія съ законами. Независимо отъ сего, при каждомъ съѣздѣ непремѣнно долженъ состоять секретарь-юристъ (clerk of the peace), избираемый самими мировыми судьями и обязанность котораго заключается главнымъ образомъ въ объясненіи съѣзду встрѣчающихся спорныхъ юридическихъ вопросовъ. Если все это считается необходимымъ въ Англіи, на почвѣ которой взросли мировыя учрежденія и гдѣ юридическое образованіе распространено несравненно болѣе нежели у насъ, то, кажется, выслушаніе заключенія юриста и на нашихъ съѣздахъ не можетъ быть почитаемо излишнимъ.

Мысль эта въ существѣ принята и меньшинствомъ коммисіи. Разногласіе же заключается лишь въ томъ, долженъ ли товарищъ прокурора давать заключеніе по всѣмъ вообще уголовнымъ дѣламъ, или же кромѣ тѣхъ, которыя могутъ быть прекращены примиреніемъ.

Говорятъ, что эти послѣднія дѣла должны быть производимы безъ всякаго участія прокуроровъ. Дѣйствительно, правило это принято въ проектѣ относительно окружныхъ судовъ. Но тамъ участіе прокурора излишне: онъ могъ бы явиться только обвинителемъ, потому что въ представителѣ закона судъ, состоящій изъ юристовъ, конечно, не нуждается. Совсѣмъ иначе представляется вопросъ на съѣздѣ мировыхъ судей-не юристовъ.

Утверждаютъ, что дѣла, которыя могутъ быть окончены примиреніемъ, имѣютъ характеръ гражданскаго процесса и, слѣдовательно, могутъ быть рѣшаемы безъ участія прокурора точно такъ же, какъ дѣла гражданскія. Сравненіе это едвали вѣрно. Оканчиваемыя примиреніемъ дѣла, имѣютъ съ гражданскими лишь то сходство, что они могутъ быть возбуждаемы и прекращаемы по волѣ сторонъ; но если дѣло уже возбуждено и, не смотря на двукратныя

увѣщанія сначала у мироваго судьи, а потомъ на съѣздѣ, примиренія все таки не послѣдовало, то такое дѣло совершенно теряетъ гражданскій свой характеръ и становится уголовнымъ въ полномъ смыслѣ слова, ибо судьямъ остается только рѣшить вопросъ о невинности или винѣ подсудимаго и въ послѣднемъ случаѣ примѣнить къ нему законъ о наказаніи.

Далѣе приводятъ, что не слѣдуетъ выставлять противъ обвиняемаго двухъ обвинителей. Но при этомъ забываютъ, что по статьѣ 51-ой основныхъ положеній о судоустройствѣ, «сущность прокурорской обязанности заключается: 1) *въ наблюденіи за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ закона;* 2) въ обнаруженіи и преслѣдованіи передъ судомъ всякаго нарушенія законнаго порядка и въ требованіи распоряженій къ его возстановленію, и 3) *въ предложеніи суду предварительныхъ заключеній въ случаяхъ, означенныхъ въ уставахъ гражданскаго и уголовнаго судопроизводства.*» Посему роль обвинителя не есть вовсе исключительное призваніе прокурора и даже не поставляется на первомъ планѣ его обязанностей. При развитіи этой мысли въ проектѣ устава уголовнаго судопроизводства и для избѣжанія зла, столь часто встрѣчаемаго во Франціи, коммисіею единогласно признано необходимымъ, чтобы прокуроръ, даже являющійся въ качествѣ обвинителя, не былъ имъ во что̀ бы то ни стало и имѣлъ не только право, но и обязанность отказаться отъ обвиненія, когда оно противно убѣжденію его или опровергается представленными на судѣ доказательствами. Если возможность подобнаго безпристрастія допускается въ прокурорѣ, начавшемъ дѣло и преслѣдующемъ его передъ судомъ, то почему же предполагать, что лицо постороннее обвиненію и котораго самолюбіе вовсе не затронуто, непремѣнно будетъ настаивать на томъ, чтобы незаслуживній наказанія подсудимый былъ наказанъ по всей строгости закона? Не раздѣляя вовсе этого опасенія, большинство коммисіи полагаетъ напротивъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинителемъ явится на съѣздѣ лицо вліятельное или имѣющее ловкаго и свѣдущаго повѣреннаго, а подсудимый не въ состояніи будетъ предста-

вить удовлетворительной защиты, то товарищъ прокурора всегда сочтетъ долгомъ обратить вниманіе съѣзда на всѣ обстоятельства, оправдывающія подсудимаго или уменьшающія его вину. Говорятъ, что обиженный можетъ простить обидчика или просить о смягченіи ему наказанія; но, во первыхъ, эти случаи будутъ крайне рѣдки, ибо трудно предполагать такія чувства въ лицахъ, постоянно отвергавшихъ примиреніе и преслѣдующихъ публично на съѣздѣ оскорбительное для чести ихъ дѣло. Съ другой же стороны, принадлежащее обиженному право прекратить искъ, хотя бы въ моментъ рѣшенія или даже и послѣ того, не должно нисколько препятствовать правильности приговоровъ въ бо̀льшей части дѣлъ, по которымъ примиренія не послѣдуетъ.

Нельзя, наконецъ, не замѣтить, что если считать прокурора безполезнымъ для съѣзда руководителемъ, то напрасно было бы установлять правило о выслушаніи его заключенія по всѣмъ дѣламъ, исключая немногихъ. Если же напротивъ того онъ только обвинитель, то слѣдовало бы предоставить ему давать заключеніе лишь тогда, когда дѣло начато полиціею. Между тѣмъ, при допущеніи въ мировыхъ учрежденіяхъ начала частнаго обвиненія, оно почти всегда будетъ поддерживаться на съѣздѣ лицомъ потерпѣвшимъ вредъ и убытки, или его повѣреннымъ. Однако не смотря на это, *двѣнадцать членовъ* полагаютъ, что товарищъ прокурора обязанъ давать заключеніе по всѣмъ дѣламъ за исключеніемъ лишь тѣхъ, кои могутъ быть оканчиваемы примиреніемъ: слѣдовательно, въ бо̀льшей части случаевъ они допускаютъ, съ своей точки зрѣнія, д в у х ъ о б в и н и т е л е й.

На основаніи всѣхъ сихъ соображеній, *двадцать одинъ членъ* признаютъ необходимымъ, чтобы товарищъ прокурора, въ качествѣ представителя закона, давалъ на мировомъ съѣздѣ заключеніе по всѣмъ вообще дѣламъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Объ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ мировыхъ судей и съѣздовъ (ст. 138—147).

Въ основныхъ положеніяхъ постановлены по настоящему предмету слѣдующія правила:

Поводами къ отмѣнѣ (кассаціи) приговора могутъ быть только:

1) нарушеніе существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства;

2) явное нарушеніе прямаго смысла закона и неправильное толкованіе его при опредѣленіи преступленія или проступка и рода наказанія, и

3) вновь открытыя обстоятельства, обнаруживающія невинность осужденнаго или подложность доказательствъ, на которыхъ основанъ приговоръ. (Осн. пол. ч. II ст. 104).

Правительствующій сенатъ разсматриваетъ, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, окончательные уголовные приговоры: по просьбамъ осужденныхъ и потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ, или по протестамъ и представленіямъ лицъ, коимъ ввѣренъ прокурорскій надзоръ (ст. 103.

При примѣненіи этихъ основныхъ положеній къ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ мировыхъ судей, въ коммисіи произошли разногласія по двумъ существеннымъ въ семъ отношеніи вопросамъ: 1) слѣдуетъ ли исчислять въ законѣ тѣ формы судопроизводства, нарушеніе коихъ можетъ служить поводомъ къ отмѣнѣ приговора, и 2) кому слѣдуетъ предоставить право отмѣны окончательныхъ приговоровъ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ: правительствующему ли сенату, или судебнымъ палатамъ?

Объ опредѣленіи существенныхъ формъ и обрядовъ (ст. 139—141).

По первому вопросу, объ означеніи существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, заявленныя въ коммисіи соображенія состояли въ слѣдующемъ:

Мнѣніе семи членовъ.

Семь членовъ (Баршевскій, Гуринъ, М. Зарудный, С. Зарудный, Утинъ, Шубинъ, и Шечковъ) находятъ, что статьи 139—141 проекта составлены съ цѣлью ограничить случаи кассаціи точнымъ опредѣленіемъ явнаго нарушенія законовъ и формъ судопроизводства. Къ этой цѣли

стремятся всѣ законодатели тѣхъ государствъ, гдѣ кассаціонная палата поставлена въ главѣ судебной власти, и гдѣ кассація установлена съ цѣлью оживотворить законъ неукоснительнымъ и единообразнымъ его исполненіемъ на всемъ пространствѣ единаго государства. Но къ глубокой скорби великихъ мыслителей прошедшаго и настоящаго столѣтія, эта цѣль до нынѣ еще ни кѣмъ не достигнута.

Внутренняя цѣль кассаціи есть водвореніе правды и оживотвореніе закона, который ей дастъ *внѣшнюю* форму, отсюда и *внѣшняя цѣль кассаціи*: опредѣленіе формъ и обрядовъ судопроизводства, ограждающихъ внѣшнимъ образомъ эту правду. Отсюда возникли и статьи 139—241. Если бы возможно было закрѣпленными въ этихъ статьяхъ формами и обрядами судопроизводства въ дѣйствительности отвратить случаи несправедливыхъ рѣшеній и дать подобныя статьи въ неуклонное руководство какъ судей и сторонъ, такъ и кассаціонной инстанціи,—тогда и на землѣ возможно было бы совершенство, и въ юридическомъ мірѣ не было бы противниковъ кассаціи.

Но на дѣлѣ выходитъ иначе: даже въ тѣхъ государствахъ, гдѣ законы гражданскаго и уголовнаго права развиты и соглашены съ общими потребностями, болѣе чѣмъ у насъ, признано невозможнымъ означить въ законѣ съ точностію всѣ случаи кассаціи рѣшеній, и законодатели стараются опредѣлить только главныя условія, отъ коихъ кассація зависитъ въ общихъ, но ясныхъ терминахъ, не вдаваясь въ подробности.

Во французскомъ уголовномъ судопроизводствѣ законъ о случаяхъ допущенія кассаціи рѣшеній (ст. 408 уст. фр. угол. судопр.) изложенъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Если обвиняемый осужденъ въ рѣшеніи о преданіи его суду, или въ послѣдующихъ актахъ, или при инструкціи дѣла, или во время производства дѣла, или наконецъ въ самомъ рѣшеніи, осуждающемъ подсудимаго, сдѣлано нарушеніе или опущеніе какой либо формы, *установленной закономъ подъ страхомъ недѣйствительности*,—то это нарушеніе или опущеніе можетъ служить основаніемъ обвиненному или публичному ми-

нистерству просить объ уничтоженіи рѣшенія и всѣхъ актовъ ему предшествовавшихъ, начиная съ перваго недѣйствительнаго акта.»

«Основаніемъ къ уничтоженію рѣшенія принимается равнымъ образомъ оставленіе безъ вниманія или отказъ въ просьбѣ или въ просьбахъ обвиняемаго или публичнаго министерства о предоставленіи имъ свободы совершить дѣйствіе или воспользоваться правомъ, предоставленнымъ ему по закону, хотя бы по закону нарушеніе этого права или дѣйствія и не влекло за собою недѣйствительности» (ст. 408 cod. de proc.). Правила ст. 408 распространяются, на основаніи ст. 413 того же кодекса, на всѣ дѣла о маловажныхъ преступленіяхъ.

Въ италіанскомъ законодательствѣ принятъ французскій законъ, но съ слѣдующими дополненіями:

Кассація рѣшеній допускается также:

во 1-хъ, когда нарушены установленныя закономъ правила о подсудности, и

во 2-хъ, въ случаяхъ превышенія власти.

Французскіе криминалисты: *Faustin Hèlie* и Буатаръ объясняютъ, что по смыслу 408 ст. уголовнаго судопроизводства, кассація допускается въ слѣдующихъ случаяхъ:

1) неправильной квалификаціи фактовъ;

2) нарушенія формъ, законами предписанныхъ;

3) правилъ о подсудности;

4) неправильнаго толкованія законовъ;

5) отказа или принятія возраженія, предрѣшающихъ существо дѣла;

6) опущенія или отказа въ разрѣшеніи просьбы;

7) неправильнаго изложенія рѣшеній и опущенія въ семъ изложеніи тѣхъ дѣйствій или актовъ, которые должны быть по закону помѣщаемы въ рѣшеніи.

Изъ этого видно, что хотя въ изложеніи французскаго уголовнаго судопроизводства проведена довольно строго *теорія дѣйствительности (peine de nullité)*, такъ что въ каждой почти статьѣ, предписывающей какую либо существенную форму судопроизводства, повторяется, что форма эта установлена *подъ страхомъ недѣй-*

ствительности, но тѣмъ не менѣе и законодатели и практики допускаютъ кассацію и въ другихъ случаяхъ, истекающихъ изъ самаго духа законовъ.

Изложеніе въ общихъ выраженіяхъ закона о случаяхъ допущенія кассаціи не имѣло до сихъ поръ во Франціи тѣхъ послѣдствій, на которыя обыкновенно указываютъ, т. е. число кассаціонныхъ жалобъ чрезъ это вовсе не увеличивалось до крайности.

Изъ таблицъ, составленныхъ уголовнымъ отдѣленіемъ, о числѣ кассаціонныхъ прошеній во Франціи, видно, что вообще число этихъ прошеній, не взирая на дѣйствіе столь общаго закона, весьма не велико—и хотя это слѣдуетъ приписать болѣе всего тому, что уголовное право тамъ лучше обработано, чѣмъ у насъ, и что судебная практика выработала тамъ уже для кассаціи опредѣлительныя начала, но тѣмъ не менѣе нельзя упускать изъ виду того, что самая практика могла такъ разработать этотъ вопросъ только потому, что общія выраженія закона не стѣсняютъ ее въ примѣненіи къ случаямъ, истекающимъ изъ самой жизни. Вотъ почему у насъ полезно было бы удержать сначала лишь общія выраженія закона о случаяхъ кассаціи и дать нашей практикѣ возможность разработать этотъ вопросъ согласно съ потребностями и условіями русскаго юридическаго быта. Если же мы желаемъ, во чтобы то ни стало, обозначить положительно въ законѣ всѣ случаи кассаціи,—то это исчисленіе непремѣнно должно быть полное и точное, и обнимать всѣ тѣ формы судопроизводства, нарушеніе коихъ дѣйствительно заключаетъ въ себѣ нарушеніе права и справедливости. Но статья 139—141 проекта этому условію не удовлетворяютъ. Не говоря уже о томъ, что въ нихъ для кассаціи рѣшеній мировыхъ *судей* установлены *одни* случаи, а для кассаціи рѣшенія *съѣздовъ*,—другіе, нѣсколько полнѣе первыхъ—и обращаясь къ разсмотрѣнію послѣднихъ, нельзя не замѣтить, что исчисленные въ ст. 140 и 141 случаи кассаціи рѣшеній чрезвычайно не полны.

Подъ эти статьи не подходятъ напримѣръ слѣдующіе случаи:

1) нарушеніе правилъ о вызовѣ подсудимаго и о срокѣ на его явку;

2) нарушеніе правилъ о принятіи отзывовъ и вообще жалобъ;

3) нарушеніе силы и значенія протоколовъ;

4) нарушеніе правилъ о свойствѣ доказательствъ;

5) неправильное участіе полицейскихъ чиновниковъ въ дѣлѣ;

6) лишеніе права имѣть повѣреннаго;

7) нарушеніе правилъ объявленія рѣшеній и постановленій о срокахъ на ихъ обжалованіе;

8) нарушеніе правилъ о составленіи протоколовъ и о ихъ подписяхъ;

9) нарушеніе *правъ*, закономъ данныхъ, и

10) превышеніе власти.

Трудно объяснить причины, почему превышеніе власти, по 4 п. ст. 139, приведено въ числѣ поводовъ кассаціи рѣшенія мировыхъ судей, но не упомянуто въ ст. 140 и 141 въ числѣ поводовъ кассаціи рѣшеній мировыхъ съѣздовъ. Неужели съѣздамъ будетъ у насъ разрѣшено право превышенія власти. Это тѣмъ опаснѣе, что пункты 2, 3, 4, 5, 6 и 7 статьи 141 составляютъ не что иное, какъ *видоизмѣненія превышенія власти*, и означеніе ихъ въ законѣ дастъ прямой поводъ предполагать, *что всѣ прочіе виды превышенія власти*, въ этой статьѣ необозначенные, разрѣшаются мировымъ съѣздомъ. Толкованіе страшное по своимъ послѣдствіямъ, но возможно въ судебной практикѣ, если редакція статей 139—141 будетъ оставлена безъ измѣненія.

Независимо отъ сего, при поверхностномъ даже обозрѣніи статей проекта о мировомъ судѣ, можно остановить вниманіе на нѣкоторыхъ весьма важныхъ статьяхъ, нарушеніе коихъ, при извѣстныхъ обстоятельствахъ дѣла, можетъ быть поводомъ кассаціи.

Сюда относятся вообще всѣ статьи, ограждающія право судебной защиты.

Такимъ образомъ:

1) Ст. 52 и 67 узаконяютъ весьма важное право обвиняемаго прислать за себя повѣреннаго, и нарушеніе этого права есть поводъ кассаціи.

2) Ст. 54 допускаетъ въ извѣстныхъ только случаяхъ приводъ обвиняемаго въ судъ безъ предварительнаго вызова, и нарушеніе этого права есть поводъ кассаціи.

3) Нарушеніе правила ст. 61, объ отсрочкѣ въ извѣстныхъ случаяхъ разбора дѣла, есть поводъ кассаціи.

4) Превышеніе власти, при опредѣленіи допускаемыхъ по закону мѣръ для пресѣченія обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ суда, составляетъ вездѣ одинъ изъ важныхъ поводовъ къ кассаціи.

5) Нарушеніе весьма важныхъ правилъ ст. 69 и 70 о порядкѣ распроса обвиняемыхъ и свидѣтелей, при извѣстныхъ обстоятельствахъ дѣла, можетъ быть поводомъ къ кассаціи,

6) Нарушеніе кореннаго правила ст. 76 ограждающаго право судебной защиты, т. е. правила о томъ, что судья не долженъ домогаться сознанія обвиняемаго, есть одинъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ кассаціи.

Можно бы было умножить эти примѣры, но кажется, что и вышеприведенные показываютъ всю трудность задачи, предположенной къ рѣшенію въ ст. 139—141.

Полное и точное исчисленіе всѣхъ формъ судопроизводства, ограждающихъ право судебной защиты, невозможно, а неполное и неточное поведетъ къ развитію формализма въ однихъ случаяхъ на счетъ другихъ и дастъ полную возможность прикрыть формою всякую неправду. Однимъ словомъ ст. 139—141, далеко не исчерпывая всѣхъ случаевъ нарушенія справедливости со стороны судебной власти, которая будетъ находиться въ ежедневномъ соприкосновеніи съ большинствомъ общества и народа, должны необходимо водворить въ обществѣ убѣжденіе, что рѣшенія мироваго суда, который наименѣе связанъ строгими формами обыкновеннаго процесса, могутъ быть обжалованы только по самому утонченному формализму, введенному уставомъ уже заранѣе, на всякій случай и безъ всякихъ узаконеній со стороны жизни и практики. Ужели желательно, чтобы и о нашей мировой юстиціи сказали, что прежде говорилось про француз-

скій гражданскій процессъ: «форма въ немъ важнѣе дѣла» (*la forme emporte le fond*).

На основаніи сихъ соображеній *семь членовъ полагаютъ*, въ замѣнъ ст. 139—141, сказать: жалобы и протесты на окончательные приговоры мировыхъ судей и на приговоры мировыхъ съѣздовъ, могутъ быть приносимы въ случаѣ яснаго неправосудія, превышенія власти и нарушенія существенныхъ формъ судопроизводства.

Мнѣніе большинства.

Двадцать шесть членовъ (Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Кн. Волконской, Бар. Врангель, Гольтгоеръ, Даневскій, Домонтовичъ, Есиповичъ, Жуковскій, Зубовъ, Калачевъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Принцъ, Розинъ, Розовъ, Романовскій, Рѣпинскій, Тизенгаузенъ и Чемадуровъ) нисколько не отвергаютъ мысли о предоставленіи сторонамъ обжалованія приговора во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда при постановленіи его нарушено какое либо, хотя бы малѣйшее ихъ право; но вмѣстѣ съ тѣмъ находятъ, что для этого и установляется широкое право апелляціи. Распространеніе того же правила и на кассацію было бы рѣшительно неисполнимо и повело бы прямо къ нарушенію основной мысли кассаціи—единообразія въ примѣненіи закона. Спрашивается: какой судъ въ состояніи былъ бы въ такомъ случаѣ разсмотрѣть и разрѣшить основательно всѣ приносимыя на судебныя мѣста жалобы? Для возможности исполненія этой громадной задачи, необходимо было бы раздѣлить кассаціонный судъ на нѣсколько департаментовъ, изъ которыхъ каждый дѣйствовалъ бы самостоятельно, толковалъ бы законъ по своему и постановлялъ бы рѣшенія, несогласныя съ рѣшеніями другихъ департаментовъ.

Въ общемъ порядкѣ судопроизводства, установляемомъ для разсмотрѣнія дѣлъ болѣе важныхъ, коммисіею допущено и болѣе широкое право сторонъ на принесеніе просьбъ объ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ. Относительно же мировыхъ учрежденій, сохранены всѣ поводы къ кассаціи по случаю яснаго нарушенія прямаго смысла закона и неправильнаго его толкова-

нія, но ограничены нѣсколько случаи недѣйствительности вслѣдствіе нарушенія формъ, которыя въ мировомъ разбирательствѣ, конечно, не столь важны какъ въ общемъ судѣ.

Возражаютъ противъ принятаго проектомъ различія въ поводахъ къ отмѣнѣ приговоровъ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ. Но различіе это необходимо. Не говоря уже объ огромномъ числѣ мировыхъ судей всей Имперіи, нельзя оставить безъ вниманія, что въ бо̀льшей части случаевъ недовольные ихъ приговорами могутъ жаловаться мировому съѣзду; окончательное же рѣшеніе дѣлъ предоставлено мировымъ судьямъ только по проступкамъ самымъ незначительнымъ, для правильнаго разбора которыхъ весьма важными гарантіями представляется уже и то, что судьями будутъ лица выборныя и что самый судъ будетъ гласный. Общія эти гарантіи признаны однако еще недостаточными и, для предупрежденія беззаконій, сторонамъ предоставляется право приносить отзывы какъ въ случаѣ произвольныхъ приговоровъ судьи, такъ и тогда, когда имъ нарушены будутъ самыя основныя правила судопроизводства, какъ напр. въ случаѣ рѣшенія дѣла ему не подсуднаго, неуваженія правильнаго отвода, или опредѣленія наказанія безъ выслушанія обвиняемаго и безъ разсмотрѣнія представленныхъ имъ доказательствъ. Идти далѣе было бы невозможно, не только изъ опасенія расплодить жалобы до безконечности, но главное потому, что нѣтъ никакихъ средствъ къ удостовѣренію, дѣйствительно ли соблюдены судьею предписанныя ему формы судопроизводства. Единственнымъ слѣдомъ его дѣйствій представляется протоколъ, который ведется имъ же самимъ. Какъ, напримѣръ, доказать наиболѣе важное изъ указанныхъ семью членами нарушеній, именно, что судья домогался сознанія обвиняемаго? Самъ судья, разумѣется, этого не запишетъ и кассаціонному суду надлежало бы наряжать каждый разъ особое слѣдствіе для допроса бывшихъ при томъ свидѣтелей. Но возможно ли это по столь незначительнымъ дѣламъ? А весьма часто случится, что и свидѣтелей при этомъ не

будетъ. Посему, не прибѣгая къ кассаціи, обвиняемому лучше воспользоваться въ такомъ случаѣ правомъ своимъ не отвѣчать на предложенные ему вопросы.

Семь членовъ считаютъ недостаточными и поводы къ отмѣнѣ приговоровъ мировыхъ съѣздовъ, при чемъ указывается на десять случаевъ, въ проектѣ не предусмотрѣнныхъ. Обсудимъ каждый изъ нихъ отдѣльно.

Нарушеніе правилъ о вызовѣ подсудимаго и о срокѣ на его явку. Это совершенно излишне, ибо по статьѣ 120-й, принятой коммисіею единогласно, стороны хотя и могутъ явиться къ разбору дѣла лично или чрезъ повѣренныхъ, но особо къ тому не вызываются.

Нарушеніе правилъ о принятіи отзывовъ и вообще жалобъ, и *нарушеніе правилъ объявленія рѣшеній и постановленій о срокахъ на ихъ обжалованіе.* Если самый отзывъ принятъ, то, при отсутствіи другихъ причинъ недѣйствительности, едва ли есть поводъ къ отмѣнѣ всего производства, единственно вслѣдствіе несоблюденія правилъ, не имѣвшихъ вліянія на справедливость рѣшенія.

Нарушеніе правилъ о свойствѣ доказательствъ. Эти случаи не могутъ быть поводомъ кассаціи, потому что правила о силѣ доказательствъ должны служить только руководствомъ при опредѣленіи вины или невинности подсудимыхъ, по внутреннему убѣжденію судей.

Неправильное участіе полицейскихъ чиновниковъ въ дѣлѣ. Не ссылаясь даже на происшедшее въ коммисіи разногласіе о правѣ полиціи преслѣдовать виновныхъ передъ мировымъ съѣздомъ, необходимо обратить вниманіе на крайне широкій смыслъ выраженія: *«неправильное участіе полицейскихъ чиновниковъ».* Трудно даже представить себѣ, въ чемъ можетъ заключаться эта неправильность, ибо законъ не запрещаетъ, да и не можетъ запретить полицейскимъ чиновникамъ быть свидѣтелями, гражданскими истцами, повѣренными и т. п.

Лишеніе права имѣть повѣреннаго. Это заключается въ пунктѣ 3-мъ 141-й статьи, въ ко-

торомъ сказано между прочимъ: «недопущеніе объясненій сторонъ или ихъ *повѣренныхъ*».

Нарушеніе правилъ о составленіи протоколовъ и о ихъ подписяхъ. Самое главное изъ сихъ нарушеній, т. е. неприведеніе въ приговорѣ основаній его и закона, по которому приговоръ постановленъ, принято въ п. 7 статьи 141-й.

Нарушеніе правъ закономъ данныхъ есть одинъ изъ видовъ предусмотрѣннаго во второмъ пунктѣ статьи 140-й явнаго нарушенія прямаго смысла закона и неправильнаго его толкованія.

Наконецъ, наиболѣе важный изъ приводимыхъ семью членами случаевъ, именно *о превышеніи власти* можетъ состоять исключительно въ рѣшеніи дѣла съѣзду неподсуднаго или подлежавшаго прекращенію по указаннымъ въ законѣ причинамъ (ст. 141, п. 2). Недопущеніе же объясненій сторонъ, постановленіе приговора въ неузаконенномъ составѣ присутствія, невыслушаніе заключенія товарища прокурора и другія тому подобныя упущенія должны быть признаваемы не превышеніемъ власти, а нарушеніемъ существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства. Если все это называть превышеніемъ власти, то не зачѣмъ было бы и говорить о нарушеніи формъ, о которыхъ однако семь членовъ упоминаютъ особо.

Въ виду такого толкованія превышенія власти, не безполезно будетъ взглянуть на объясненія знаменитаго криминалиста Берлье, представленныя имъ законодательному собранію Франціи въ запискѣ, при которой внесенъ былъ проектъ дѣйствующаго нынѣ кодекса уголовнаго судопроизводства.

По отзыву сего редактора проекта, глава о кассаціи основана на существовавшихъ уже правилахъ. За тѣмъ онъ прибавляетъ:

«Поводы къ отмѣнѣ приговоровъ означены довольно точно и въ дѣйствующемъ законѣ. Бо̀льшею частью они сохранены; но въ числѣ случаевъ недѣйствительности вы не найдете въ проектѣ случая превышенія власти. Широкое это выраженіе, котораго смыслъ никогда не былъ опредѣленъ точнымъ образомъ, замѣняется

вполнѣ случаемъ недѣйствительности приговора вслѣдствіе рѣшенія дѣла неподсуднаго. Громкія и неопредѣлительныя выраженія должны быть всегда избѣгаемы, особенно въ законѣ. Я бы могъ здѣсь окончить объясненія мои по поводу случаевъ недѣйствительности, если бы слова эти не возобновили въ моей памяти замѣчаній, постоянно выражаемыхъ людьми, наиболѣе свѣдущими по сему предмету, а именно о необходимости исключить изъ нашего законодательства множество пустыхъ случаевъ недѣйствительности, болѣе способствующихъ къ проволочкѣ дѣлъ, нежели къ назиданію правосудія и правильности его приговоровъ. На замѣчанія эти обращено надлежащее вниманіе. Доказательствомъ сего служитъ не только разсматриваемая теперь глава, но и весь проектъ новаго кодекса. При разсмотрѣніи его, вы уже имѣли случай убѣдиться, съ какой осторожностью взвѣшены вопросы объ удержаніи полезныхъ случаевъ недѣйствительности и объ исключеніи излишнихъ». Далѣе Берлье говоритъ: «Въ одобренномъ вами проектѣ не всѣ нарушенія обрядовъ судопроизводства признаются однозначущими: справедливость требуетъ различія между ними. Въ числѣ предписанныхъ закономъ формъ, однѣ считаются главными и имѣющими вліяніе на рѣшеніе дѣла. Другія, хотя и признаются полезными, но упущеніе ихъ не можетъ имѣть тѣхъ же послѣдствій, какъ нарушеніе первыхъ. Несоблюденіе обрядовъ менѣе важныхъ можетъ влечь за собою только взысканіе съ виновныхъ въ томъ полицейскихъ чиновъ и лицъ прокурорскаго вѣдомства, а также внушеніе судьямъ, позволившимъ себѣ или допустившимъ нарушеніе предписанной закономъ формы. Такимъ образомъ устраняются слишкомъ частые поводы къ отмѣнѣ приговоровъ вслѣдствіе упущеній несущественныхъ. Этимъ проектъ избѣгаетъ двойнаго и справедливо порицаемаго неудобства дѣйствующаго закона, на основаніи котораго весьма часто, даже по ничтожной причинѣ, возобновляется все производство со всѣми его издержками, а вмѣстѣ съ тѣмъ допускается оправданіе виновныхъ единственно потому, что при-

веденныя противъ нихъ доказательства уже изгладились».

Эти объясненія были вполнѣ уважены законодательнымъ собраніемъ: въ новомъ законѣ не только не упомянуто о превышеніи власти, но и число случаевъ недѣйствительности по нарушенію формъ и обрядовъ судопроизводства значительно сокращено.

Если Франція, родина кассаціи, путемъ опыта пришла къ убѣжденію о необходимости ограничить поводы къ отмѣнѣ приговоровъ только самыми существенными нарушеніями, то неужели же намъ, изъ одного желанія достичь недостижимаго, слѣдуетъ съ перваго разу уронить вводимый въ Россіи кассаціонный порядокъ?

Говорятъ, что если бы возможно было закрѣпленными въ статьяхъ 139—141 формами и обрядами судопроизводства отвратить случаи несправедливыхъ рѣшеній, тогда и на землѣ возможно было бы совершенство и въ юридическомъ мірѣ не было бы противниковъ кассаціи. Трудно спорить противъ такой аксіомы; но трудно также не признать, что кассація, какъ и все въ мірѣ, не можетъ достичь высоты идеальной. Стремиться къ ея совершенствованію необходимо; но исправлять недостатки кассаціи принятіемъ того именно, отъ чего опытъ заставилъ уже отказаться, значило бы не совершенствовать это учрежденіе, а напротивъ того оставлять безъ вниманія и устранять сдѣланные имъ въ другихъ государствахъ успѣхи. Допустить отмѣну приговоровъ въ случаѣ явнаго неправосудія, превышенія власти и нарушенія существенныхъ формъ, особенно при томъ неопредѣленномъ и широкомъ смыслѣ, который придается этимъ выраженіямъ, было бы равносильно допущенію просьбъ объ отмѣнѣ приговоровъ во всѣхъ рѣшительно случаяхъ; а это значило бы почти отступить отъ предположеннаго кассаціоннаго порядка и установить вновь третью апелляціонную инстанцію, которой отмѣна встрѣчена столь единодушною и повсемѣстною радостью.

Опасаются, чтобы о будущей нашей мировой юстиціи, наименѣе связанной строгими формами, не сказали того же, что̀ прежде говорилось про французскій гражданскій процессъ: «форма въ

немъ важнѣе дѣла (la forme emporte le fond)». Опасеніе это совершенно напрасное. Въ статьяхъ 139 и 140 (п. 2) помѣщены всѣ предусмотрѣнные коммисіею случаи возможныхъ неправильностей по существу дѣла, которые не признаются неполными.

Но если бы даже приведенное выше опасеніе дѣйствительно грозило намъ, то и предложеніе семи членовъ его нисколько бы не устранило, ибо съ принятіемъ этого предложенія вовсе не расширилось бы право сторонъ жаловаться на существо дѣла, а предоставилась бы только возможность приносить просьбы объ отмѣнѣ приговоровъ и въ случаѣ нарушенія какой либо, даже неважной, формы судопроизводства. Какъ согласить это заявленною въ мнѣніи семи членовъ мыслію, что мировой судъ долженъ быть наименѣе связанъ строгими формами обыкновеннаго процесса? А между тѣмъ громадное число жалобъ, естественно, привело бы къ невозможности серіознаго и внимательнаго разсмотрѣнія ихъ. По неволѣ пришлось бы ограничиваться лишь внѣшнимъ, поверхностнымъ ихъ разборомъ и отмѣнять только тѣ рѣшенія, при постановленіи которыхъ видимо нарушены были обряды судопроизводства. И такъ, не статьи проекта, а скорѣе болѣе общее въ семъ отношеніи правило могло бы подать поводъ къ упреку, что въ мировомъ судѣ форма важнѣе дѣла.

По симъ уваженіямъ, *двадцать шесть членовъ* полагаютъ не измѣнять статей 139—141.

Кому должна быть предоставлена отмѣна окончательныхъ приговоровъ (ст. 145).

По второму вопросу, а именно о томъ, кому слѣдуетъ предоставить право отмѣны окончательныхъ приговоровъ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ: правительствующему сенату или судебнымъ палатамъ, произошли также разныя мнѣнія.

Мнѣніе четырнадцати членовъ.

Четырнадцать членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Кн. Волконскій, Гольтгоеръ, Есиповичъ, Зубовъ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Принцъ, Розовъ, Гизенгаузенъ и Чемадуровъ) находятъ, что просьбы объ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судей и съѣздовъ должны быть приносимы не судебнымъ палатамъ,

а правительствующему сенату, по слѣдующимъ причинамъ:

Власть отмѣнять окончательныя рѣшенія судебныхъ мѣстъ, въ опредѣленныхъ закономъ случаяхъ, можетъ принадлежать только одному верховному въ государствѣ судилищу, которое и учреждается для того именно, чтобы, не рѣшая дѣлъ по существу, наблюдать за охраненіемъ точной силы закона и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными мѣстами Имперіи. Раздробленіе этой власти между палатами, т. е. предоставленіе имъ права толкованія законовъ и существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства умалило бы совершенно значеніе высшаго судилища, и вмѣстѣ съ тѣмъ дало бы неизбѣжно поводъ къ различнымъ объясненіямъ закона, а сила и значеніе всякаго закона необходимо обусловливаются единообразнымъ его исполненіемъ. Дозволить принесеніе жалобъ на окончательныя рѣшенія въ палаты, а не въ сенатъ, значитъ установить столько же различныхъ толкованій одного и того же закона, сколько будетъ палатъ, а разнообразное толкованіе закона поставитъ гражданъ въ такое положеніе, что имъ нельзя будетъ разсчитывать на силу закона, на его неприкосновенность и ненарушимость. Возможно ли допустить разнообразное толкованіе законовъ уголовныхъ, особенно при отнесеніи къ вѣдомству нашихъ мировыхъ судовъ не только простыхъ нарушеній, но также воровства, обидъ, угрозъ, клеветы и другихъ весьма важныхъ дѣлъ. Если въ одномъ случаѣ будетъ признано преступленіемъ дѣяніе, не имѣющее преступнаго характера, а въ другомъ случаѣ не сочтено будетъ преступнымъ дѣяніе, заключающее въ себѣ всѣ элементы преступности; если въ одномъ случаѣ маловажный проступокъ признанъ будетъ важнымъ злодѣяніемъ, а въ другомъ важное злодѣяніе принято будетъ за маловажный проступокъ; если одно и тоже дѣяніе будетъ различно опредѣляемо и подвергать будетъ различному наказанію лицъ, одинаково виновныхъ,—и все это будетъ оправдываемо только тѣмъ, что такія дѣла производились въ вѣдомствѣ разныхъ палатъ: то не утратится ли такимъ образомъ одна изъ самыхъ проч-

ныхъ связей единства и цѣлости имперіи, состоящая въ единствѣ суда и расправы. Кромѣ того, при разнообразномъ толкованіи закона, власть судебная перестанетъ быть въ глазахъ народа властію законною, а будетъ представляться произволомъ. Тогда, вмѣсто ожидаемыхъ отъ судебнаго преобразованія улучшеній, явится самое ужасное зло, потому что для гражданъ не можетъ быть большаго зла, какъ невозможность знать, что законно и что противно закону, когда они теряютъ сознаніе о своихъ правахъ и обязанностяхъ, между тѣмъ какъ всякое гражданское общество существуетъ прочно только подъ управленіемъ на твердомъ основаніи закона. Наконецъ, дробленіе власти сената лишило бы его того высокаго значенія, которое такъ ясно очерчено въ основныхъ положеніяхъ, сосредоточивающихъ въ сенатѣ власть верховнаго судилища, поставленнаго на стражѣ ненарушимости закона на всемъ пространствѣ его дѣйствія. Мысль о такомъ высокомъ значеніи сената всегда присуща была его учрежденію, которое, при всѣхъ частныхъ въ немъ перемѣнахъ, всегда оставалось верховнымъ мѣстомъ и средоточіемъ судебнаго управленія, куда стекались всѣ представленія о сомнѣніяхъ и недоразумѣніяхъ въ смыслѣ закона. Понятно, что такое важное въ государственномъ организмѣ отправленіе, какъ охраненіе силы и истиннаго смысла закона, можетъ быть ввѣрено только верховному мѣсту судебнаго управленія,—только лицамъ, пользующимся особеннымъ довѣріемъ верховной власти.

Существенныя возраженія противъ сосредоточенія кассаціоннаго производства по мировымъ учрежденіямъ въ правительствующемъ сенатѣ состоятъ въ отдаленности сената отъ нѣкоторыхъ мѣстъ имперіи и въ обремененіи его количествомъ дѣлъ, несоразмѣрнымъ съ его составомъ. Но стоитъ только обратить вниманіе на особенныя свойства кассаціоннаго производства и на тѣ поводы, по которымъ допускается отмѣна окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судей и съѣздовъ, чтобы удостовѣриться, до какой степени преувеличены затрудненія, происходящія отъ предоставленія права отмѣны этихъ рѣшеній одному сенату.

Нѣтъ сомнѣнія, что для разсмотрѣнія дѣлъ въ существѣ и притомъ въ формѣ обвинительнаго процесса, необходимо присутствіе сторонъ или ихъ повѣренныхъ, почему близость суда вообще, а въ особенности суда первой степени есть одно изъ условій правильнаго отправленія правосудія. Но подъ это условіе не подходитъ въ данномъ случаѣ кассаціонное производство. Трудно себѣ представить необходимость какъ личной явки сторонъ, такъ и состязанія ихъ, для обнаруженія и объясненія поводовъ къ отмѣнѣ окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судей и съѣздовъ. Неужели для доказательства того, что дѣло не подлежитъ вѣдомству мировыхъ учрежденій, что стороны не были выслушаны, что въ производствѣ дѣла принималъ участіе отведенный судья, что въ рѣшеніи не приведено основаній, на коихъ оно постановлено, или что невыслушано было заключеніе товарища прокурора, необходимо присутствіе и состязаніе сторонъ? Казалось бы, что для разрѣшенія жалобы, поданной по одному изъ такихъ поводовъ, достаточно имѣть въ виду обжалованное рѣшеніе и протоколы, составленные по дѣлу. Такъ какъ кассаціонныя жалобы на окончательныя рѣшенія мировыхъ учрежденій допускаются только по самымъ очевиднымъ нарушеніямъ судебнаго порядка и закона, то поддержаніе или опроверженіе такихъ жалобъ особымъ состязаніемъ представляется роскошью судопроизводства, которую можно допустить, но которую нельзя считать необходимою, при тѣхъ гарантіяхъ въ правосудіи, какія представляетъ верховное судилище. Ссылаться на то, что сенатъ будетъ обремененъ просьбами объ отмѣнѣ послѣдовавшихъ въ мировыхъ учрежденіяхъ окончательныхъ рѣшеній, значитъ не имѣть никакого довѣрія къ этимъ учрежденіямъ и заподозрѣвать заранѣе здравый смыслъ или честность нашихъ выборныхъ мировыхъ судей, потому что только такое предположеніе и можетъ навести на мысль объ огромномъ количествѣ жалобъ на *очевидныя* нарушенія судебнаго порядка и закона. Даже во Франціи, гдѣ мировые судьи не представляютъ важной гарантіи выборнаго начала, гдѣ число ихъ весьма значительно (2846) и едва ли не болѣе

того, которое можетъ быть учреждено у насъ, количество кассаціонныхъ жалобъ на окончательныя ихъ рѣшенія совершенно ничтожно (въ 1850 году поступило въ кассаціонный судъ 24 жалобы по дѣламъ гражданскимъ и 136 по дѣламъ уголовнымъ. Изъ отчетовъ французскаго министра юстиціи за 1834 и 1841 года видно, что число подобныхъ жалобъ было нѣсколько меньше противъ итога 1850 года): именно потому, что окончательныя рѣшенія мировыхъ судей могутъ быть отмѣняемы только по поводу самыхъ важныхъ нарушеній судебнаго порядка и закона.

Говорятъ, что отмѣнять приговоры мировыхъ учрежденій долженъ непремѣнно судъ мѣстный. При возможности исполненія, это было бы, разумѣется, весьма желательно. Но преимущества мѣстнаго суда будутъ дѣйствительныя, а не воображаемыя только въ томъ случаѣ, если судъ будетъ въ самомъ дѣлѣ мѣстный. Судебная же палата не можетъ быть признаваема такимъ судомъ.

Посылать ли дѣло за пятьсотъ, или за тысячу верстъ почти все равно, ибо практика убѣждаетъ, что у насъ медленность въ окончаніи дѣлъ происходила не отъ дальней пересылки ихъ изъ одного мѣста въ другое, для которой нужны не болѣе какъ дни и—много—недѣли, а отъ того, что дѣла, прибывъ на мѣсто, лежали иногда неподвижно мѣсяцы и годы, за пустыми справками и даже безъ этого предлога. Должно надѣяться, что съ преобразованіемъ судебной части, такіе порядки измѣнятся. Если же при этомъ принять въ соображеніе, что въ непродолжительномъ времени столицы наши будутъ соединены желѣзными дорогами со всѣми концами Европейской Россіи, и что такимъ образомъ сообщеніе съ столицами сдѣлается и скорѣе и удобнѣе и дешевле, чѣмъ сообщеніе со многими изъ тѣхъ городовъ, въ которыхъ откроются судебныя палаты, то за тѣмъ окажется, что возраженія, представляемыя противъ сосредоточенія въ правительствующемъ сенатѣ кассаціоннаго производства по окончательнымъ рѣшеніямъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ, состоятъ бо́льшею частію въ мнимыхъ затрудненіяхъ, которыя не мо-

гутъ служить основаніемъ къ установленію небывалыхъ на Руси толкователей закона, тѣмъ болѣе опасныхъ, что въ ихъ рукахъ соединялись бы двѣ власти: апелляціонная и кассаціонная. Тутъ нельзя не видѣть поводовъ къ злоупотребленіямъ, потому что палата сама устанавливала бы въ кассаціонномъ порядкѣ смыслъ тѣхъ законовъ, которые она примѣняла бы въ апелляціонномъ порядкѣ къ окончательному рѣшенію дѣлъ. Съ другой стороны, примѣняя законы къ рѣшенію дѣлъ въ апелляціонномъ порядкѣ, палата была бы несвободна при толкованіи тѣхъ же законовъ въ порядкѣ кассаціонномъ, потому что она постоянно стѣснялась бы своими рѣшеніями по существу дѣлъ.

Вообще нельзя не замѣтить, что всякое преобразованіе, а тѣмъ болѣе судебное, должно состоять преимущественно не въ созданіи какихъ либо новыхъ учрежденій, а въ улучшеніи существующихъ и если бо́льшая часть европейскихъ законодательствъ признаетъ необходимость такого суда, который, не составляя судебной инстанціи и не разсматривая дѣлъ по существу, сосредоточиваетъ въ себѣ лишь надзоръ за порядкомъ судопроизводства и правильнымъ толкованіемъ законовъ, то верховное это судилище у насъ не можетъ быть иное, кромѣ правительствующаго сената, который имѣлъ уже отчасти это значеніе и до нынѣ, и въ которомъ въ настоящее время, за отдѣленіемъ отъ него власти судебной инстанціи, должна сосредоточиваться вполнѣ и всецѣло власть кассаціонная.

Отправленіе правосудія въ государствѣ, какъ своего рода священнодѣйствіе, должно быть всюду одинаково. Всѣ органы суда должны дѣйствовать подъ надзоромъ одной и нераздѣльной власти верховнаго судилища. Только при такомъ единствѣ толкованія закона, судебная доктрина можетъ сдѣлаться достояніемъ каждаго, и въ нашей русской жизни установится тотъ духъ законности, при которомъ только и можемъ мы ожидать общественнаго благоустройства и настоящаго, а не мнимаго прогресса.

По всѣмъ симъ соображеніямъ, *четырнадцать членовъ* считаютъ необходимымъ, чтобы отмѣна окончательныхъ рѣшеній мировыхъ судей и

съѣздовъ предоставлена была исключительно одному правительствующему сенату, безъ всякаго участія въ томъ судебныхъ палатъ.

Мнѣніе большинства.

Девятнадцать членовъ (*Бычковъ, Вилинбаховъ, Баронъ Врангель, Гуринъ, Даневскій, Домонтовичъ, Жуковскій, М. Зарудный, С. Зарудный, Калачевъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Розинъ, Романовскій, Рѣпинскій, Утинъ, Шечковъ и Шубинъ*), съ своей стороны, находятъ, что въ основныхъ положеніяхъ 29 сентября 1862 г. вопросъ о томъ: подлежатъ ли окончательныя рѣшенія и приговоры мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ *кассаціи* не былъ разрѣшенъ положительно, съ тою между прочимъ цѣлью, чтобы этотъ важный вопросъ былъ подвергнутъ новому всестороннему соображенію и былъ бы разрѣшенъ сообразно съ условіями нашей гражданской жизни.

Когда основныя положенія были распубликованы во всеобщее извѣстіе и разосланы ко всѣмъ русскимъ практикамъ—то эта внутренняя цѣль основныхъ положеній вовсе не была понята: всѣ подумали, что мировые судьи и ихъ съѣзды учреждаются на совершенно независимомъ основаніи и останутся *безъ всякаго судебнаго контроля*. Противъ этого неправильнаго предположенія, которое вовсе не было высказано въ основныхъ положеніяхъ, поднялся, можно сказать, общій вопль.

Почти всѣ, имѣвшіе возможность высказать свои мысли оффиціально или неоффиціально, доказывали необходимость подчиненія нашихъ будущихъ мировыхъ учрежденій *общему судебному контролю* и выражали опасеніе, что въ противномъ случаѣ будущіе мировые судьи сдѣлаются воплощеніемъ произвола, — который именно основныя положенія и стараются искоренить въ Россіи.

Для отклоненія этого неправильнаго воззрѣнія на основныя положенія, предложены правила объ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ мировыхъ судей и изъ съѣздовъ, (статьи 138—144 проекта), но при обсужденіи статьи 145-й въ коей заключается правило о разсмотрѣніи подаваемыхъ о семъ жалобъ и протестовъ су-

дебною палатою, заявлено было предположеніе предоставить разсмотрѣніе прошеній по этому предмету кассаціонному департаменту сената.

Девятнадцать членовъ, имѣя въ виду *практическую* возможность дать нашимъ судебнымъ учрежденіямъ правильную организацію, считаютъ необходимымъ желаемый всею Россіею *контроль судебнаго вѣдомства надъ мировыми учрежденіями* возложить на судебную палату.

Внутренняя цѣль отмѣны приговоровъ, по мнѣнію *девятнадцати членовъ*, состоитъ не только въ охраненіи внѣшней формы судопроизводства, но и въ возможномъ достиженіи справедливости—и потому-то первое условіе отмѣны приговоровъ и состоитъ въ томъ чтобы дать *возможность* суду, имѣющему право уничтожать приговоры мировыхъ учрежденій, разсматривать дѣла не съ *формальной* только, но и съ *справедливой* точки зрѣнія. У насъ, въ виду обширности государства, разнообразія мѣстныхъ условій, неразвитости большей части народонаселенія, отдаленности столицы государства отъ крайнихъ его оконечностей, и даже отъ самаго его центра, неудобства путей сообщенія, недостаточнаго развитія общихъ средствъ нравственнаго общенія и истекающей отсюда неизвѣстности въ Петербургѣ потребностей мѣстной жизни, предполагается учредить въ каждой *мѣстности ближайшій мѣстный судъ*, существенною основою коего есть идея правды.

Слѣдовательно, чѣмъ ближе къ мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ будетъ *то судебное мѣсто*, на которое будетъ возложена обязанность отмѣны ихъ приговоровъ, чѣмъ оно болѣе будетъ имѣть возможности *выслушать обѣ стороны* и *разрѣшить дѣло справедливо*,—тѣмъ болѣе оно заслужитъ уваженія, тѣмъ болѣе оно принесетъ пользы Россіи и тѣмъ болѣе оно поддержитъ коренную задачу судебной реформы.

Наконецъ, не можетъ быть спора о томъ, что основныя положенія вводятъ у насъ процессъ словесный: слѣдовательно, эта форма процесса должна быть проведена одинаково во всѣхъ судахъ, какъ въ низшихъ, такъ и высшихъ, какъ у мировыхъ судей, такъ и въ сенатѣ. Но не довольно было бы лишь сказать объ этомъ въ

законѣ, нужно обставить дѣло такъ, дабы выраженное въ законѣ непреложное начало нашло бы возможность осуществиться на практикѣ и принесть ту пользу, которая, не безъ основанія, всѣми отъ него ожидается. Поэтому дѣло не въ томъ только, что можно будетъ опасаться медленности въ производствѣ дѣлъ по случаю пересылки ихъ за сотни или тысячи верстъ; хотя и очевидно, что дѣло, отосланное за двѣсти или триста верстъ, скорѣе должно разрѣшиться, чѣмъ дѣло, посланное за тысячу или полторы тысячи верстъ. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы предоставить обѣимъ сторонамъ: и обвинителю и обвиняемому полную возможность защитить себя передъ каждымъ судомъ, въ который поступитъ его дѣло и защитить себя не тѣмъ только, что можетъ быть изложено на письмѣ, а живымъ словомъ, живою рѣчью, непосредственно слѣдующею за рѣчью противной стороны, опровергая ее и указывая ея противорѣчіе истинѣ. Соблюденіе этихъ коренныхъ условій судебной защиты тѣмъ необходимѣе, чѣмъ выше судебное мѣсто и чѣмъ непреложнѣе должны быть его приговоры.

Стараясь по возможности облегчить практическое развитіе высокихъ отвлеченныхъ началъ, обставитъ ихъ такими условіями, отъ коихъ зависитъ ихъ польза на самомъ дѣлѣ и проложить имъ тѣ практическіе пути, чрезъ которые они дѣйствительно могутъ войти въ жизнь народа; наконецъ, имѣя въ виду кромѣ того, что всѣ рѣшенія объ отмѣнѣ приговоровъ должны быть окончательными, *девятнадцать членовъ* не могутъ не обратить особеннаго вниманія на громадное различіе, въ практическихъ послѣдствіяхъ разсмотрѣнія жалобъ объ отмѣнѣ приговоровъ мировыхъ учрежденій въ сенатѣ или судебной палатѣ. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что такъ какъ палата ближе къ мировому учрежденію, коего приговоръ уничтожается, и къ участвовавшимъ въ дѣлѣ сторонамъ, то и самая возможность для послѣднихъ защитить себя, съ соблюденіемъ коренныхъ условій суда гласнаго и словеснаго, не только значительно облегчается, но примѣняется къ положенію тѣхъ лицъ, которыя, по бо́льшей части, будутъ под-

чинены суду мировыхъ учрежденій. За тысячу или полторы тысячи верстъ не всегда можно ѣхать бѣдному человѣку, такъ какъ на это нужно не мало средствъ; на поѣздку же за сто или двѣсти верстъ этихъ средствъ потребуется, во всякомъ случаѣ, несравненно менѣе.

Въ виду этихъ практическихъ условій, въ которыхъ находится большинство русскаго народонаселенія, *девятнадцать членовъ*, признавая необходимымъ возложить разсмотрѣніе прошеній объ отмѣнѣ приговоровъ мировыхъ судей и ихъ съѣздовъ на мѣстныя судебныя палаты *полагаютъ:* статью 145 проекта оставить безъ всякой перемѣны.

Въ заключеніе коммисія признала нужнымъ помѣстить, въ концѣ сего раздѣла, правило, что во всѣхъ случаяхъ, въ немъ не указанныхъ, примѣняются общія правила уголовнаго судопроизводства въ той мѣрѣ, въ какой они могутъ быть согласованы съ производствомъ въ мировыхъ учрежденіяхъ. Такое правило, по мнѣнію коммисіи, составляетъ необходимое дополненіе этого раздѣла, потому что хотя предположенный въ немъ порядокъ суда и будетъ весьма достаточенъ для бо́льшей части дѣлъ, но все таки онъ не объемлетъ собою всѣхъ могущихъ представиться случаевъ, по возможности указанныхъ въ общемъ порядкѣ судопроизводства.

РАЗДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

О подсудности по дѣламъ, изъятымъ изъ вѣдомства мировыхъ судей.

Раздѣлъ этотъ состоитъ изъ слѣдующихъ пяти главъ: 1) о подсудности по роду преступленій и проступковъ, 2) о подсудности по мѣсту совершенія преступленій или по мѣсту задержанія обвиняемыхъ, 3) о подсудности по принадлежности обвиняемыхъ къ особымъ вѣдомствамъ или по служебнымъ ихъ обязанностямъ, 4) о порядкѣ разрѣшенія пререканій о подсудности, и 5) о перенесеніи дѣлъ по преступленіямъ и проступкамъ изъ одного судебнаго мѣста въ другое той же степени.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О подсудности по роду преступленій (150—161).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлены слѣдующія по настоящему предмету правила:

Дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ, не изъятыхъ особыми постановленіями отъ общей подсудности, вѣдаются: мировыми судьями, ихъ съѣздами, окружными судами, судебными палатами и кассаціонными департаментами правительствующаго сената (Осн. пол. ч. II ст. 18).

Вѣдомству окружнаго суда подлежатъ дѣла о всѣхъ преступленіяхъ и проступкахъ, не подсудныхъ мировымъ судьямъ (ст. 21).

Вѣдомству судебной палаты подлежатъ:

1) дѣла по отзывамъ и протестамъ противъ приговоровъ окружнаго суда, и

2) вчинаемыя въ палатѣ, по особенному порядку судопроизводства, дѣла: а) о преступленіяхъ государственныхъ, и б) о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ (ст. 22).

Кассаціонные департаменты правительствующаго сената вѣдаютъ:

1) дѣла по жалобамъ и протестамъ на явное нарушеніе, при постановленіи окончательныхъ приговоровъ, прямаго смысла закона;

2) просьбы и представленія о пересмотрѣ, по вновь открывшимся обстоятельствамъ, приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу, и

3) тѣ дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ по службѣ, которыя именно предоставлены разсмотрѣнію кассаціонныхъ департаментовъ въ особомъ порядкѣ судопроизводства (ст. 23).

При совокупности преступленій и проступковъ, дѣло разсматривается тѣмъ судомъ, которому подсудно важнѣйшее изъ нихъ (ст. 16).

О предоставленіи окружному суду, въ составѣ съ присяжными, полной уголовной подсудности (ст. 155).

При развитіи этихъ основныхъ положеній, въ коммисіи возбужденъ былъ вопросъ: должно ли изъ общаго правила объ обязанности каждаго суда держаться предѣловъ опредѣленной ему подсудности допускать какія либо изъятія?

По этому вопросу коммисія находила, что дѣла, подлежащія въ особенномъ порядкѣ судопроизводства разсмотрѣнію судебной палаты или кассаціоннаго департамента сената, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть рѣшаемы окружнымъ судомъ, по тѣмъ самымъ причинамъ, по которымъ признано необходимымъ изъять ихъ изъ общаго порядка судопроизводства. Равномѣрно дѣла, подлежащія разбирательству въ общемъ порядкѣ судопроизводства, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть вчинаемы ни въ судебной палатѣ, составляющей для этихъ дѣлъ апелляціонную инстанцію, ни тѣмъ менѣе въ кассаціонномъ департаментѣ сената, который по дѣламъ этого рода вѣдаетъ только случаи отмѣны окончательныхъ приговоровъ. Наконецъ, нельзя допустить, чтобы мировой судья рѣшалъ дѣла, оказавшіяся по разбирательству подсудными окружному суду, или чтобы окружный судъ присвоивалъ себѣ одному рѣшеніе такихъ дѣлъ, которыя подлежатъ разсмотрѣнію не иначе, какъ съ участіемъ присяжныхъ; иначе отъ произвола судей зависѣло бы устранять тѣ гарантіи, которыя установлены для правосуднаго рѣшенія наиболѣе важныхъ дѣлъ. Но за тѣмъ, въ виду того, что окружному суду, въ составѣ съ присяжными, принадлежитъ важнѣйшая часть уголовной подсудности, и что такой составъ суда есть высшая гарантія для правосудія, нѣтъ никакого препятствія допустить, чтобы дѣло, разсмотрѣнное въ окружномъ судѣ съ участіемъ

присяжныхъ, получило окончаніе въ этомъ же порядкѣ судопроизводства, хотя бы по судебному слѣдствію оказалось, что подсудимый можетъ быть признанъ виновнымъ только въ такомъ преступленіи, которое подлежало разбирательству у мироваго судьи или разсмотрѣнію въ окружномъ судѣ безъ присяжныхъ.

На этомъ основаніи коммисія признала нужнымъ постановить, что дѣло, разсмотрѣнное окружнымъ судомъ съ присяжными, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ обращено къ производству ни въ томъ же судѣ безъ участія присяжныхъ, ни въ судѣ мировомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О подсудности по мѣсту совершенія преступленій или по мѣсту задержанія обвиняемыхъ (*ст. 162—173*).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлены слѣдующія по настоящему предмету правила:

Всякое противузаконное дѣяніе изслѣдывается въ той мѣстности, гдѣ оно учинено, и судится въ томъ судѣ, коему та мѣстность подсудна (Осн. пол. ч. II, ст. 15).

При совокупности преступленій и проступковъ, дѣло разсматривается тѣмъ судомъ, которому подсудно важнѣйшее изъ нихъ (ст. 16).

Дѣла по совершенію преступленій въ Имперіи жителями Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго, и въ сихъ краяхъ жителями Имперіи, производятся въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе, и приговоръ постановляется по законамъ того края, гдѣ рѣшено дѣло, но при этомъ судебныя мѣста принимаютъ въ соображеніе права и преимущества, коими подсудимые пользуются въ своемъ краѣ. При совокупности преступленій и проступковъ, совершенныхъ однимъ и тѣмъ же лицомъ въ частяхъ государства, управляемыхъ различными законами, дѣло подлежитъ разсмотрѣнію въ томъ судѣ, коему подсудно важнѣйшее преступленіе (ст. 118).

При развитіи приведенныхъ основныхъ положе-

ній, въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) Слѣдуетъ ли постановлять какія либо исключенія изъ общаго правила о подсудности дѣлъ по мѣсту совершенія преступленія?

2) Должны ли всѣ соучастники въ преступленіи судиться въ одномъ судѣ и какія отступленія отъ сего правила могутъ быть допущены?

3) Какъ надлежитъ опредѣлять подсудность дѣлъ по такимъ преступленіямъ, мѣсто совершенія которыхъ представляется сомнительнымъ или спорнымъ?

4) При совокупности преступленій, совершенныхъ въ вѣдомствѣ разныхъ судовъ, которому изъ нихъ слѣдуетъ предоставить производство дѣла?

О подсудности по мѣсту совершенія преступленій (ст. 162 и 165).

По первому вопросу коммисія находила, что по статьѣ 15 ч. II осн. пол., разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣлъ о всякомъ преступленіи должно принадлежать суду того мѣста, въ вѣдомствѣ коего оно учинено. На семъ основаніи подсудимый, если онъ задержанъ и внѣ судебнаго округа, въ которомъ совершилъ преступленіе, долженъ быть препровожденъ въ надлежащій уголовный судъ того округа. Въ большей части случаевъ, слѣдствіе не можетъ нигдѣ быть произведено съ такимъ успѣхомъ и такою скоростію, какъ въ мѣстѣ, гдѣ учинено преступленіе, не только потому, что явка свидѣтелей къ слѣдствію, по близости ихъ мѣста жительства, не представляетъ затрудненій, но также и потому, что при мѣстномъ розыскѣ удобнѣе усмотрѣть слѣды преступленія и собрать улики и доказательства вины или невинности подсудимаго.

Изъ сего общаго правила можно допустить одно только изъятіе: относительно бродягъ и другихъ людей, отправленныхъ въ тѣ мѣста, изъ коихъ они показали себя бѣжавшими, или гдѣ, по словамъ ихъ, учинены ими преступленія, если сіи показанія окажутся лживыми. По проекту коммисіи, такія лица не возвращаются въ мѣста своего задержанія, а предаются слѣдствію и суду въ томъ мѣстѣ, въ которое препровождены.

О сужденіи всѣхъ соучастниковъ въ преступленіи въ одномъ судѣ (ст. 16 и 17).

По второму вопросу коммисія пришла къ заключенію, что необходимо удержать нынѣ существующее правило (т. XV зак. суд. угол. ст. 20) о сужденіи вмѣстѣ всѣхъ соучастниковъ въ преступленіи. Польза этого правила не подлежитъ сомнѣнію. Если предоставить одно и тоже престу-

пленіе разсмотрѣнію различныхъ судовъ; если соучастниковъ судить не вмѣстѣ, а порознь, то раскрытіе истины затруднено будетъ отрывочнымъ разсмотрѣніемъ дѣла и въ рѣшеніяхъ судебныхъ мѣстъ встрѣтятся неизбѣжно противорѣчія. Этимъ же правиломъ надлежитъ руководствоваться, по мнѣнію коммисіи, и въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ и тотъ же подсудимый участвовалъ въ преступныхъ дѣяніяхъ, различными лицами совершенныхъ и подсудныхъ разнымъ судамъ. Если одинъ и тотъ же подсудимый подлежитъ суду: по соучастію въ разбоѣ — въ одномъ судебномъ округѣ, а по соучастію въ поджигательствѣ—въ другомъ, то для сужденія всѣхъ соучастниковъ въ преступленіи въ одномъ мѣстѣ, предполагается подобнаго подсудимаго судить по разбою—въ томъ судѣ, которому подвѣдомы его соучастники по разбою, а по поджигательству—въ томъ судѣ, которому подсудно дѣло о всѣхъ участникахъ въ поджигательствѣ. Такимъ образомъ цѣль совмѣстнаго о всѣхъ соучастникахъ сужденія вполнѣ достигается, и при томъ безъ вреда для подсудимаго, потому что примѣненіе къ винѣ его законовъ о совокупности преступленій предоставлено будетъ одному суду, и именно тому, который разсматривалъ важнѣйшее преступленіе. Соотвѣтствующія сему постановленію правила находятся въ нѣкоторыхъ Германскихъ законодательствахъ.

О подсудности по преступленіямъ, мѣсто совершенія коихъ представляется сомнительнымъ или спорнымъ (ст. 19 и 20).

При разрѣшеніи третьяго вопроса, коммисія, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствъ, признала не безполезнымъ, въ развитіе начала подсудности по мѣсту совершенія преступленія, разрѣшить и вопросы о подсудности дѣлъ: а) когда противозаконное дѣяніе, начатое въ одномъ мѣстѣ, было продолжаемо въ другомъ, подвѣдомственномъ иному суду, и б) когда преступленіе совершено на границѣ двухъ судебныхъ вѣдомствъ.

Опредѣленіе мѣста совершенія преступленія, для разрѣшенія вопроса о подсудности, не всегда представляется дѣломъ безспорнымъ, сомнѣнію неподлежащимъ. Конечно, если преступленіе совершено единовременно, то затрудненія въ опредѣленіи мѣста его совершенія представляться не можетъ. Если даже подобное преступленіе началось въ одномъ мѣстѣ и продолжалось въ другомъ, то само собою разумѣется, что совершеніе его должно быть признано (какъ предполагается и въ проектѣ) въ томъ мѣстѣ, гдѣ производились послѣднія преступныя

дѣйствія, потому, что если они и не достигаютъ вполнѣ преднамѣреннаго зла, то по крайней мѣрѣ представляются болѣе близкими къ совершенію преступленія. Но если преступленіе, хотя бы и не сложное, совершено на границѣ двухъ судебныхъ округовъ, то вопросъ объ опредѣленіи мѣста его совершенія можетъ представляться весьма спорнымъ. По ученію теоретиковъ, если преступленіе совершено на границѣ двухъ судебныхъ округовъ единовременно и притомъ такъ, что преступникъ, произведшій выстрѣлъ въ другаго, находился въ одномъ округѣ, а жертва его преступленія въ другомъ, то мѣсто совершенія преступленія считается тамъ, гдѣ палъ убитый. Напротивъ того, если подобнаго рода преступленіе не перешло предѣловъ покушенія или же не удалось, — то мѣсто совершенія его должно считаться тамъ, гдѣ стояло дѣйствующее лицо. Не вдаваясь въ тонкости такого ученія,—весьма еще спорнаго,—коммисія въ данномъ случаѣ предпочла держаться соображеній болѣе практическихъ, на удобствѣ и быстротѣ отправленія правосудія основанныхъ.

Въ слѣдствіе сего коммисія постановила, что по преступленію, совершенному на границѣ двухъ судебныхъ округовъ, дѣло производится тѣмъ судомъ, въ вѣдомствѣ котораго прежде приступлено къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ, а если дѣйствія эти предприняты обоими судами одновременно, или вовсе еще не были начаты, то производство дѣла предоставляется или тому суду, въ округѣ коего обвиняемый открытъ или задержанъ, или же суду, который ближе къ мѣсту задержанія обвиняемаго.

О подсудности при совокупности преступленій одинаковой важности, совершенныхъ въ разныхъ судебныхъ округахъ (ст. 168).

Случай, на который указываетъ четвертый вопросъ, не предусмотрѣнъ въ нашихъ узаконеніяхъ о судопроизводствѣ по преступленіямъ и проступкамъ.

Примѣняясь къ общему правилу, постановленному въ 15 статьѣ II ч. осн. полож., коммисія признала, что и въ настоящемъ случаѣ, въ видахъ ускоренія производства и для предотвращенія пересылки обвиняемаго изъ одного мѣста въ другое, дѣло должно быть производимо тѣмъ судомъ, которымъ прежде начато преслѣдованіе, или въ вѣдомствѣ котораго обвиняемый открытъ или задержанъ, или же, наконецъ, тѣмъ судомъ, который ближе къ мѣсту обвиняемаго.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О подсудности по принадлежности обвиняемыхъ къ особымъ вѣдомствамъ, или по служебнымъ ихъ обязанностямъ (ст. 174—191).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлены слѣдующія по настоящему предмету правила:

Въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ, въ которыхъ будетъ введенъ въ дѣйствіе новый уставъ уголовнаго судопроизводства, лица гражданскаго вѣдомства предаются военному суду только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи (Осн. пол. ч. II, ст. 116).

Гражданскіе чины, состоящіе въ военномъ (сухопутномъ или морскомъ) вѣдомствѣ, подсудны общему уголовному суду за всѣ преступленія, неотносящіяся до нарушенія законовъ дисциплины и военной службы, а за преступленія сего послѣдняго рода подлежатъ военному суду (ст. 117).

Дѣла по преступленіямъ должности лицъ гражданскаго вѣдомства подлежатъ сужденію или судовъ окружныхъ, или судебныхъ палатъ, или кассаціонныхъ департаментовъ сената (ст. 141).

Когда преступленіе, не относящееся до нарушенія законовъ военной дисциплины и военной службы, совершено нѣсколькими лицами, изъ коихъ одни гражданскаго, а другія военнаго вѣдомства (сухопутнаго или морскаго), то дѣло о тѣхъ и другихъ разсматривается въ общемъ уголовномъ судѣ, который преступникамъ военнаго званія назначаетъ наказаніе по военно-уголовнымъ законамъ (ст. 146).

Когда въ преступленіи, касающемся нарушенія законовъ дисциплины и военной службы, вмѣстѣ съ лицами военнаго вѣдомства, сухопутнаго или морскаго, участвовали и лица вѣдомства гражданскаго, то дѣло о тѣхъ и другихъ подлежитъ обсужденію военнаго суда, по сухопутному или морскому вѣдомству, но преступникамъ гражданскаго вѣдомства наказаніе опредѣляется по общимъ уголовнымъ законамъ (ст. 147).

Когда кто либо обвиняется въ двухъ или болѣе преступленіяхъ, изъ коихъ одни подсудны общему уголовному суду, а другія подлежатъ вѣдѣнію суда военнаго, то дѣло, во всемъ его объемѣ, подвергается разсмотрѣнію въ томъ судѣ, коему подсудно важнѣйшее изъ приписываемыхъ об-

виняемому преступленій, и наказаніе осужденному опредѣляется по правиламъ о совокупности преступленій (ст. 148).

Объ ограниченіи случаевъ военной подсудности (ст. 176—188).

При развитіи приведенныхъ основныхъ положеній, коммисія остановилась на вопросѣ о необходимости ограничить военную подсудность уголовныхъ дѣлъ.

При обсужденіи основныхъ началъ уголовнаго судопроизводства по дѣламъ смѣшанной подсудности гражданской и военной, въ присутствіи военнаго министра и управляющаго морскимъ министерствомъ, соединенные департаменты законовъ и гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта находили, (*) что существующій нынѣ порядокъ, по которому лица гражданскаго вѣдомства предаются весьма часто суду военному, не оправдывается необходимостію и чрезвычайно обременяетъ военные суды.

При этомъ въ виду государственнаго совѣта были свѣдѣнія о предначертаніяхъ по преобразованію судебной части въ военномъ вѣдомствѣ.

Свѣдѣнія эти указывали, что военное министерство признавало возможнымъ ограничить военно-уголовную подсудность лицами, принадлежащими исключительно военному вѣдомству, и для этого предполагало:

«а) всѣхъ лицъ, къ вѣдомству сему не принадлежащихъ, но предаваемыхъ нынѣ военному суду, обратить къ подсудности общаго уголовнаго суда за всѣ роды преступленій;»

«б) лицъ всякаго званія и чиновъ, принадлежащихъ къ составу иррегулярныхъ войскъ, предавать военному суду лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленія ихъ будутъ касаться нарушенія обязанностей военной службы;»

«в) равнымъ образомъ предавать обыкновенному суду нижнихъ чиновъ и офицеровъ, находящихся въ безсрочномъ отпуску или занимающихъ въ гражданскомъ быту какія либо общественныя должности, если только преступленія ихъ не имѣютъ никакого отношенія къ нарушенію обязанностей военной службы;»

«г) въ тѣхъ случаяхъ, когда въ преступленіи участвовали лица, изъ коихъ одни подлежатъ военному суду, а другія гражданскому, если только преступленіе это не касается нарушенія дисциплины и

(*) Жур. Деп. Гос. Сов. стр. 244—249.

какихъ либо обязанностей службы, тѣхъ и другихъ предавать уголовному суду обыкновенному (какъ это принято во французскомъ и другихъ иностранныхъ военно-уголовныхъ законодательствахъ), съ тѣмъ, чтобы судъ обыкновенный назначалъ преступникамъ военнаго званія наказанія по военно-уголовнымъ законамъ,—и обратно, если преступленіе относится до нарушенія военной дисциплины и обязанностей военной службы, то обвиняемыхъ того и другаго вѣдомства судить военнымъ судомъ.»

Независимо отъ сего, военный министръ объяснилъ, что, по его мнѣнію, преданіе военному суду должно быть допускаемо только въ трехъ случаяхъ: 1) когда въ мѣстѣ совершенія преступленія нѣтъ другихъ судовъ, кромѣ военнаго, напримѣръ въ арміи, во время войны; 2) когда преступленія такого рода, что не могутъ быть правильно обсуждены ни кѣмъ, кромѣ военныхъ судей, и 3) когда судъ общій становится невозможнымъ, напримѣръ потому, что весь край въ такомъ волненіи, что нельзя положиться даже на мѣстные суды. Устройство военнаго суда, не смотря на всѣ усовершенствованія, никогда не можетъ сравняться съ достоинствомъ хорошо устроеннаго общаго суда, потому что въ общемъ судѣ производство и рѣшеніе дѣлъ возлагается на опытныхъ постоянныхъ судей и присяжныхъ засѣдателей, избираемыхъ изъ лучшихъ гражданъ всего населенія, а военный судъ составляется временно изъ лицъ, могущихъ вполнѣ оцѣнить значеніе преступленія противъ обязанностей военнаго званія, но по большей части не обладающихъ такими юридическими свѣдѣніями, которыя необходимы судьѣ при разсмотрѣніи разнородныхъ преступленій, встрѣчающихся въ гражданской жизни.

Соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, соединенные департаменты положили: въ новомъ уставѣ судопроизводства должно быть постановлено общимъ правиломъ, что какъ лица гражданскаго вѣдомства вообще, такъ и гражданскіе чины, состоящіе въ военномъ (сухопутномъ и морскомъ) вѣдомствѣ, подлежатъ за всѣ преступленія общему уголовному суду, кромѣ того единственнаго случая, когда мѣстность, гдѣ совершено преступленіе объявлена на военномъ положеніи.

Государственный Совѣтъ въ общемъ собраніи, мнѣніемъ, удостоеннымъ Высочайшаго утвержде-

нія, постановилъ: (*) 1) что лица гражданскаго вѣдомства, а также гражданскіе чины, состоящіе въ военномъ (сухопутномъ и морскомъ) вѣдомствѣ, должны подлежать общему уголовному суду за всѣ преступленія, отъ сей подсудности именно изъятыя, и 2) что въ тѣхъ губерніяхъ и областяхъ, въ которыхъ будетъ введенъ въ дѣйствіе новый уставъ судопроизводства, лица гражданскаго вѣдомства должны быть предаваемы военному суду только въ мѣстностяхъ, объявленныхъ на военномъ положеніи.

На основаніи вышеизложенныхъ сужденій государственнаго совѣта предначертаны коммисіею статьи 176—178, 180 и 182—184, при изложеніи коихъ принимаемъ былъ въ соображеніе и составленный особою коммисіею проектъ объ основныхъ положеніяхъ преобразованія военносудной части.

О преданіи военному суду гражданскихъ чиновъ, состоящихъ въ военномъ вѣдомствѣ (ст. 182).

При обсужденіи настоящаго предмета въ уголовномъ отдѣленіи коммисіи, *однимъ членомъ (Философовымъ)* заявлено было мнѣніе, что гражданскихъ чиновъ, состоящихъ въ военномъ вѣдомствѣ по частямъ коммисаріатской, провіантской и пр., слѣдовало бы предавать военному суду не только за преступленія, относящіяся до нарушенія законовъ дисциплины, но и за преступное нарушеніе обязанностей по должности. Въ подкрѣпленіе этого мнѣнія было указано на то, что для разбора дѣлъ о преступленіяхъ по должности необходимы спеціальныя свѣдѣнія о военной администраціи и военномъ хозяйствѣ, весьма хорошо извѣстныя каждому военному и совершенно недоступныя судьямъ гражданскаго вѣдомства.

Мнѣніе большинства.

Но въ общемъ собраніи коммисіи *тридцать пять членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Кн. Волконскій, Баронъ Врангель, Гольтгоеръ, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, М. Зарудный, С. Зарудный, Зубовъ, Калачевъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Петерсъ, Плавскій, Поповъ, Принтцъ, Розинъ, Розовъ, Романовскій, Рѣпинскій, Соловьевъ, Спасовичъ, Тизенгаузенъ, Чемадуровъ, Утинъ, Шечковъ, Шубинъ, и Яневичъ-Яневскій)* (*) не убѣдились этимъ мнѣніемъ по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) выказываемое неудобство въ

(*) Журн. Общ. Собр. Гос. Сов. стр. 23—27.

(**) Генералъ-Аудиторъ Философовъ въ общемъ собраніи коммисіи не присутствовалъ.

разборѣ общими судами дѣлъ о преступленіяхъ по коммисаріатской или провіантской части не относится исключительно къ этому случаю, но и ко многимъ другимъ, напр. къ дѣламъ о нарушеніи законовъ торговаго мореплаванія, заводской промышленности и т. п., для которыхъ также требуются спеціальныя свѣдѣнія, но во всѣхъ этихъ случаяхъ судьи могутъ призывать экспертовъ, если встрѣтятъ надобность въ объясненіи совершенно спеціальныхъ предметовъ, и 2) подчиненіе дѣлъ о преступленіяхъ по должности гражданскихъ чиновниковъ, служащихъ въ военномъ вѣдомствѣ, исключительно военному суду неудобно было бы потому, что военные суды, по особенностямъ военнаго быта, воинской дисциплины и пр. всегда находятся въ большей или меньшей зависимости отъ вліянія начальства, а сіе послѣднее не рѣдко можетъ быть причастно къ обнаруженнымъ злоупотребленіямъ.

О предании суду гражданскаго вѣдомства военныхъ чиновъ, не входящихъ въ составъ войскъ (ст. 181).

Руководствуясь соображеніями государственнаго совѣта о необходимости ограничить военноуголовную подсудность только кругомъ лицъ, обязанныхъ по своему военному званію подчиняться особой военной дисциплинѣ, коммисія признала нужнымъ постановить (ст. 181), что военные чины, не входящіе въ составъ войскъ, какъ-то: состоящіе по вѣдомствамъ межевому, лѣсному, горному, путей сообщенія, телеграфному, карантинному и пограничной стражи, за всѣ преступленія и проступки, судятся уголовнымъ судомъ гражданскаго вѣдомства. По мнѣнію коммисіи, означенныя вѣдомства имѣютъ характеръ гражданскій и принадлежащіе къ составу ихъ военные чины исполняютъ или обязанности гражданской службы вообще, или обязанности полицейскія въ особенности; обязанностей же исключительно воинскихъ на нихъ не возлагается.

Мнѣніе одного члена.

При обсужденіи этого предмета въ уголовномъ отдѣленіи коммисіи, *однимъ членомъ* (*Философовымъ*) было заявлено, что нижніе чины нѣкоторыхъ изъ упоминаемыхъ въ ст. 181-й вѣдомствъ комплектуются рекрутами, поступающими по набору и управляются совершенно тѣмъ же порядкомъ и по тѣмъже правиламъ военной дисциплины, какія установлены для строевыхъ нижнихъ чиновъ военнаго вѣдомства, почему означенныхъ нижнихъ чиновъ и слѣдовало бы подчинить военному суду за всѣ роды преступныхъ дѣяній, на томъ же основаніи, какъ подвергаются сему суду военнослужащіе

во время состоянія на дѣйствительной военной службѣ.

Мнѣніе большинства.

Но въ общемъ собраніи коммисіи тридцать пять членовъ (*Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Кн. Волконскій, Баронъ Врангель, Гольтгоеръ, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, М. Зарудный, С. Зарудный, Зубовъ, Калачевъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Петерсъ, Плавскій, Принтцъ, Поповъ, Розинъ, Розовъ, Романовскій, Рѣпинскій, Соловьевъ, Спасовичъ, Тизенгаузенъ, Чемадуровъ, Утинъ, Шечковъ Шубинъ, и Яневичъ - Яневскій*) (*) не убѣдились приведенными соображеніями, въ виду главнымъ образомъ того: 1) что порядокъ пополненія нѣкоторыхъ вѣдомствъ не можетъ вліять на военный или гражданскій характеръ, этимъ вѣдомствамъ принадлежащій; 2) что существовавшій доселѣ порядокъ пополненія нижнихъ чиновъ означенныхъ вѣдомствъ рекрутами, по многимъ изъ нихъ уже замѣненъ другимъ порядкомъ комплектованія,— порядкомъ пополненія по найму, и 3) что правительство неоднократно заявляло желаніе комплектовать наймомъ всѣ вѣдомства, не входящія въ составъ строевыхъ войскъ.

О смѣшанной подсудности гражданской и военной (ст. 185—18),

Въ нашихъ законахъ не было особеннаго постановленія о подсудности дѣлъ по тѣмъ преступленіямъ и проступкамъ, кои совершены лицами гражданскаго вѣдомства вмѣстѣ съ лицами вѣдомства военнаго. По принятому порядку, они судились отдѣльно: первыя общимъ уголовнымъ судомъ, послѣдніе судомъ военнымъ. При такомъ отдѣльномъ разсмотрѣніи одного и тогоже дѣла въ разныхъ судахъ, бывали случаи, что о соучастникахъ въ преступленіи, безъ яснаго различія въ винѣ ихъ, постановлялись не согласные, а иногда и совершенно разнорѣчащіе приговоры. Для устраненія этого неудобства, коммисія въ статьяхъ 185—188 помѣстила правила, постановленныя по этому предмету въ основныхъ положеніяхъ (ч. II ст. 146—148), но не упомянула при этомъ, что общій уголовный судъ преступникамъ военнаго званія назначаетъ наказаніе по военно-уголовнымъ законамъ, такъ какъ правила объ этомъ входятъ въ составъ книги II, объ особенныхъ родахъ судопроизводства.

(*) Генералъ-Аудиторъ Философовъ въ общемъ собраніи коммисіи не присутствовалъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О порядкѣ разрѣшенія сомнѣній и пререканій о подсудности (ст. 192—206).

Къ числу самыхъ необходимыхъ основаній порядка судопроизводства принадлежитъ то правило, что никакой судъ не долженъ выходить изъ предѣловъ опредѣленной ему закономъ подсудности, безъ чего стройное и правильное отправленіе правосудія невозможно. Правило это выражено въ 192-й статьѣ проекта.

О порядкѣ разрѣшенія сомнѣній о подсудности (ст. 193).

Прямымъ послѣдствіемъ этого правила есть то, что всякій судъ, приступая къ разсмотрѣнію дѣла, долженъ повѣрить, подсудно ли ему дошедшее до него дѣло, и тогда только можетъ принять его къ своему разсмотрѣнію, когда по повѣркѣ вопросъ этотъ разрѣшится положительно.

Но, при этой повѣркѣ, могутъ родиться, по вопросу о подсудности дѣла, нѣкоторыя сомнѣнія.

Въ виду возможности подобныхъ сомнѣній проектирована ст. 193, которая обязываетъ каждое судебное мѣсто разрѣшать самому эти сомнѣнія, не обращаясь, какъ постановлено въ законахъ, нынѣ дѣйствующихъ (свод. Т. XV зак. суд. угол. ст. 23), къ высшему суду. По мнѣнію коммиссіи, это необходимо для устраненія напрасной проволочки дѣла и совершенно безопасно потому, что обѣимъ въ процессѣ сторонамъ предположено предоставить право жалобы или протеста на неправильное распоряженіе по вопросу о подсудности (ст. проекта 197).

О послѣдствіяхъ сомнѣній о подсудности (ст. 198).

Въ дополненіе вышеизложеннаго правила, коммисія признала необходимымъ означить съ точностію послѣдствія сомнѣній о подсудности въ отношеніи къ дальнѣйшему ходу дѣла. Сомнѣнія эти могутъ иногда быть неосновательны, а остановка въ производствѣ, особенно во время слѣдствія, препятствовала бы успѣху въ открытіи истины. По этому въ проектѣ постановляется, что сомнѣнія о подсудности не останавливаютъ начатаго производства, но къ преданію суду и постановленію приговора можетъ быть приступлено только по окончательномъ рѣшеніи вопроса о подсудности. Сіи дѣйствія, какъ рѣшающія участь подсудимаго, могутъ быть предоставлены лишь тому судебному мѣсту, которое будетъ признано *надлежащимъ* для производства дѣла сомнительной подсудности.

О порядкѣ разрѣшенія пререканій о подсудности (ст. 194 и 195).

Независимо отъ сомнѣній, встрѣчаемыхъ иногда судомъ при повѣркѣ своей подсудности, можетъ возникнуть пререканіе или споръ о подсудности.

Пререканіе о подсудности можетъ имѣть мѣсто не иначе, какъ между двумя юрисдикціями, безъ всякаго впрочемъ различія—принадлежатъ ли эти юрисдикціи къ общимъ или же къ спеціальнымъ, и за тѣмъ пререканіе представляется въ двоякомъ видѣ:

или нѣсколько судовъ приняли къ своему разсмотрѣнію одно и тоже дѣло, и ни одинъ изъ нихъ не признаетъ себя вправѣ отказаться отъ разсмотрѣнія онаго;

или же нѣсколько судовъ, отказываясь отъ разсмотрѣнія дѣла, не считаютъ его себѣ подсуднымъ.

Въ первомъ случаѣ, могутъ быть постановлены по одному и тому же дѣлу нѣсколько различныхъ и совершенно противорѣчивыхъ рѣшеній. Во второмъ случаѣ самое отправленіе правосудія прерывается.

Очевидно, что въ томъ и другомъ случаѣ необходимо разрѣшить пререканіе, и обратить дѣло къ законному порядку.

Такъ какъ ни одна изъ спорящихъ сторонъ судьею въ собственномъ спорѣ быть не можетъ, то комиссіею постановлено, что разрѣшать споры этого рода долженъ высшій судъ, который можетъ и долженъ обращать уголовныя дѣла къ надлежащей подсудности не только по представленіямъ подчиненныхъ ему мѣстъ, по предложеніямъ прокуроровъ и жалобамъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, но также и по тѣмъ отступленіямъ отъ законнаго порядка, которыя непосредственно имъ усмотрѣны.

О пререканіяхъ между общими и спеціальными судами (ст. 199).

Пререканіе о подсудности можетъ имѣть мѣсто не только между общими судами, но и между судами: общимъ съ одной стороны и спеціальнымъ съ другой.

Разрѣшеніе подобнаго пререканія коммисія полагаетъ предоставить кассаціонному суду, въ виду того, что только верховному въ Имперіи суду можетъ и долженъ подчиняться судъ спеціальный.

О пререканіяхъ между судебною и административными властями (ст. 200—206).

Хотя по теоріи пререканіе о подсудности представляется возможнымъ не иначе, какъ между двумя юрисдикціями, между двумя судебными мѣстами, но такъ-какъ въ дѣйствующихъ у насъ законахъ кругъ вѣдомствъ власти административной и

судебной не вполнѣ еще разграниченъ, то могутъ встрѣтиться случаи, гдѣ эти двѣ власти придутъ въ столкновеніе.

Административная власть, въ кругъ вѣдомства которой никакая уголовная подсудность, въ строгомъ смыслѣ этого слова, входить не можетъ, должна, въ случаѣ подобнаго столкновенія, подчиниться постановленію суда и ни въ какомъ случаѣ не можетъ ему противодѣйствовать. Впрочемъ коммисія признала возможнымъ и полезнымъ предоставить административной власти право представлять свои сомнѣнія, чрезъ прокурора, на разсмотрѣніе высшаго суда, а въ случаѣ несогласія съ постановленіемъ сего послѣдняго, вносить свои соображенія тѣмъ же порядкомъ на разсмотрѣніе кассаціоннаго сената.

Въ кассаціонномъ сенатѣ права власти административной будутъ, по мнѣнію коммисіи, достаточно гарантированы тѣмъ, что рѣшеніе спорнаго вопроса предполагается предоставить общему собранію сената, состоящему изъ кассаціонныхъ и перваго департамента, въ которомъ сосредоточивается верховный надзоръ за дѣлами управленія и администраціи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О перенесеніи уголовныхъ дѣлъ изъ одного суда въ другой той же степени (ст. 207—209).

По предмету настоящей главы, коммисія приняла въ соображеніе, что начало перенесенія дѣлъ изъ одного суда въ другой допущено и въ законахъ, нынѣ дѣйствующихъ. На основаніи примѣчанія къ 18 ст. зак. суд. угол. Т. XV свод. зак., переводъ уголовныхъ дѣлъ изъ одного въ другое мѣсто суда первой инстанціи одной и той же губерніи разрѣшается правительствующимъ сенатомъ, съ согласія министра юстиціи.

Предполагаемое въ проектѣ развитіе допущеннаго уже въ дѣйствующихъ законахъ начала не можетъ быть почитаемо отступленіемъ отъ порядка подсудности, потому что всѣ правила подсудности въ дѣлахъ уголовныхъ должны имѣть цѣлію удобство судопроизводства и огражденіе правъ сторонъ и интересовъ правосудія. Подобныя сему правила находятся во многихъ и въ самыхъ лучшихъ уголовныхъ судопроизводствахъ иностранныхъ.

Во французскомъ и нѣкоторыхъ другихъ законодательствахъ начало перенесенія дѣлъ допускается въ обширныхъ размѣрахъ и самимъ закономъ обусловливается лишь весьма общимъ условіемъ общественной безопасности (demande en renvoi pour cause de sureté publique). Коммисія, съ своей стороны, признала полезнымъ опредѣлить случаи перенесенія дѣлъ, болѣе положительными и точными указаніями, предоставивъ разрѣшенія этой мѣры судебной палатѣ, когда перенесеніе дѣла требуется въ видахъ большаго удобства въ его производствѣ, и правительствующему сенату, когда перенесеніе дѣла представляется полезнымъ въ видахъ огражденія безпристрастнаго разсмотрѣнія его.

РАЗДѢЛЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

О предварительныхъ слѣдствіяхъ.

Раздѣлъ IV-й проекта устава уголовнаго судопроизводства состоитъ изъ 11 главъ:

1) о лицахъ, участвующихъ въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій;

2) объ условіяхъ производства предварительныхъ слѣдствій;

3) о законныхъ поводахъ къ начатію слѣдствій;

4) объ изслѣдованіи событія преступленія;

5) о представленіи обвиняемаго къ слѣдствію и о допросѣ его;

6) о пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія;

7) о вызовѣ и допросѣ свидѣтелей;

8) о протоколахъ предварительнаго слѣдствія;

9) о заключеніи слѣдствія;

10) объ отвѣтственности полицейскихъ чиновъ и судебныхъ врачей въ дѣйствіяхъ ихъ по предварительному слѣдствію, и

11) о порядкѣ обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій вообще.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О лицахъ, участвующихъ въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій (ст. 240—245).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлено:

Для производства слѣдствій по уголовнымъ дѣламъ состоятъ, въ опредѣленныхъ участкахъ, судебные слѣдователи, кои считаются членами окружнаго суда (Осн. пол. ч. II ст. 7).

При развитіи сего положенія, коммисія признала нужнымъ въ самомъ началѣ настоящей главы постановить, что предварительныя слѣдствія производятся судебными слѣдователями, при содѣйствіи полиціи и при наблюденіи прокуроровъ.

За тѣмъ, имѣя въ виду, что успѣхъ въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій зависитъ ближе всего отъ точнаго опредѣленія круга обязанностей каждаго изъ лицъ, принимающихъ участіе въ этомъ дѣлѣ, коммисія подраздѣлила 1-ю главу на три отдѣленія и опредѣлила въ нихъ подробно: 1) участіе полиціи въ производствѣ предварительныхъ изслѣдованій; 2) существо обязанностей и степень власти судебныхъ слѣдователей, и 3) существо обязанностей и степень власти прокуроровъ въ отношеніи къ предварительнымъ слѣдствіямъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Объ участіи полиціи въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій.

Въ основныхъ положеніяхъ участіе полиціи въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій опредѣляется слѣдующими правилами:

Полиція производитъ только дознанія о преступленіяхъ и проступкахъ (Осн. пол. ч. II ст. 33).

Учиненное полиціею дознаніе передается ею непосредственно мѣстному судебному слѣдователю (ст. 34).

Полиція, при производствѣ дознанія, можетъ задерживать подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ только въ случаяхъ, законами опредѣленныхъ, и, по задержаніи кого либо, должна немедленно увѣдомить о семъ судебнаго слѣдователя и прокурора (ст. 35).

При развитіи означенныхъ положеній, въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) не слѣдуетъ ли ограничить кругъ слѣдственныхъ дѣйствій полиціи?

2) какимъ порядкомъ дознанія полиціи должны быть передаваемы судебнымъ слѣдователямъ?

3) слѣдуетъ ли предоставить полиціи право задерживать подозрѣваемыхъ въ преступленіяхъ?

4) можно ли дозволить полиціи снятіе формальныхъ допросовъ?

5) не слѣдуетъ ли упомянуть, что права и обязанности общей полиціи распространяются и на полиціи спеціальныя?

Объ ограниченіи круга слѣдственныхъ дѣйствій полиціи (ст. 211—216).

Въ отношеніи къ первому вопросу коммисія находила, что по дѣйствующему нынѣ наказу полиціи, на обязанности ея лежитъ производство дознаній, т. е. собраніе свѣдѣній о томъ, что происшествіе было и что оно соединено съ преступленіемъ или проступкомъ (ст. 3 нак. полиціи). Полиція приступаетъ къ дознанію, какъ по непосредственному усмотрѣнію, такъ и по всякому дошедшему до нея свѣдѣнію о происшествіи, заключающемъ или *могущемъ заключать* въ себѣ преступленіе или проступокъ.

Не совсѣмъ точное опредѣленіе *дознанія* и широкое право, предоставленное полиціи, вчинать дѣла, по непосредственному ея усмотрѣнію, много повредили успѣху учрежденія судебныхъ слѣдователей. Отовсюду слышались жалобы, что полиція, или сообщала судебной власти *о всякомъ* происшествіи, въ томъ только предположеніи, что оно можетъ заключать въ себѣ преступленіе, отъ чего судебные слѣдователи теряли много времени на безполезныя розысканія, или переходила границы дознанія, приступая къ изслѣдованію обнаруженнаго преступнаго дѣянія, и производя для сего формальные допросы обвиняемымъ и свидѣтелямъ, вмѣсто того, чтобы сообщить о преступленіи, ею усмотрѣнномъ, судебному слѣдователю, или же, наконецъ, передавала собранныя ею свѣдѣнія несвоевременно, такъ что слѣдователь брался за дѣло тогда, когда слѣды преступленія уже были сокрыты.

Коммисія, имѣя въ виду всѣ эти неудобства, признала нужнымъ указать съ точностію тѣ случаи, въ которыхъ полиція, по необходимости, замѣняетъ судебнаго слѣдователя, а за тѣмъ во всѣхъ прочихъ случаяхъ поставить ей въ обязанность,

чтобы она, въ теченіе 24-хъ часовъ, сообщала судебному слѣдователю свѣдѣнія о происшествіяхъ, заключающихъ въ себѣ *признаки* преступнаго дѣянія,—чтобы она собирала эти свѣдѣнія *негласно, и словесно*, и чтобы къ дальнѣйшему розыску она приступала *лишь по порученію прокурора или слѣдователя* и только въ случаяхъ *безотлагательной надобности* дѣлала это по своему усмотрѣнію.

О порядкѣ передачи полицейскихъ дознаній судебному слѣдователю (ст. 211—217).

По вопросу о порядкѣ передачи дознаній судебному слѣдователю въ коммисіи произошло разномысліе:

Мнѣніе трехъ членовъ.

Три члена (Любимовъ, Поповъ и Спасовичъ) объявили слѣдующее мнѣніе:

По дѣйствующимъ нынѣ законамъ, возбужденіе уголовныхъ дѣлъ, обвиненіе подозрѣваемыхъ и защита ихъ возложены были на слѣдователей, судебныя мѣста, прокуроровъ и стряпчихъ. Само собою разумѣется, что такое смѣшеніе обязанностей порождало невозможность удовлетворительнаго исполненія ихъ. Основныя положенія, вводя коренную реформу въ систему уголовнаго преслѣдованія, постановили, между прочимъ, отдѣленіе, на сколько это возможно, власти обвинительной отъ судебной. Обнаруженіе преступленій, привлеченіе заподозрѣнныхъ лицъ къ слѣдствію и дальнѣйшее предъ судомъ преслѣдованіе ихъ отнесены къ обязанностямъ прокуроровъ. Но если принять за правило, что дознанія о преступленіяхъ сообщаются непосредственно судебнымъ слѣдователямъ, то оцѣнка поводовъ къ уголовному преслѣдованію, или возбужденіе уголовныхъ дѣлъ будетъ принадлежать не прокурорамъ, а судебнымъ слѣдователямъ. По этому, чтобы провести послѣдовательно начало отдѣленія обвинительной власти отъ судебной, надлежало бы установить, что полиція, узнавъ о происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія, должна свѣдѣнія свои передать представителю обвинительной власти, прокурору, который разсмотрѣвъ эти свѣдѣнія, обязанъ опредѣлить: есть-ли въ происшествіи поводъ къ возбужденію дѣла и привлеченію кого-либо къ слѣдствію и за тѣмъ уже передать слѣдователю свои соображенія и требовать отъ него собранія матеріаловъ, для обвиненія или оправданія заподозрѣннаго лица. Но, имѣя въ виду, что предоставленіе прокурорамъ исключительнаго права возбужденія уголовныхъ дѣлъ, при па-

шихъ разстояніяхъ и сообщеніяхъ, повело-бы во многихъ случаяхъ къ замедленію хода дѣла,—*три члена* считаютъ необходимымъ допустить исключеніе изъ этого правила на тѣ случаи, когда прокуроръ находится въ отсутствіи, и потому полагаютъ постановить, что полиція дознанія о преступленіяхъ сообщаетъ прокурорамъ, а когда ихъ нѣтъ на мѣстѣ, то судебнымъ слѣдователямъ.

Мнѣніе большинства. *Семнадцать членовъ (Александровъ, Буцковскій, Гольтгоеръ, Есиповичъ, М. Зарудный, Зубовъ, Ковалевскій, Макалинскій, Перетцъ, Плавскій, Принтцъ, Розинъ, Розовъ, Романовскій, Утинъ, Турчаниновъ и Чемадуровъ)* находятъ, что основными положеніями обвинительная власть отдѣлена отъ судебной только при разсмотрѣніи дѣла на судѣ, а не при производствѣ предварительнаго слѣдствія, къ которому судебный слѣдователь приступаетъ не только по требованію прокурора, но также по дознаніямъ полиціи, по сообщеніямъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, по жалобамъ и объявленіямъ частныхъ лицъ и даже по собственному своему усмотрѣнію (осн. пол. ч. II ст. 34 и 37). По основнымъ положеніямъ, судебные слѣдователи имѣютъ своеобразный характеръ и составляютъ какъ бы среднее звѣно между обвинительною и судебною властію. Хотя они считаются членами окружнаго суда, но призываются въ его засѣданія только въ случаѣ недостатка наличныхъ членовъ, и не могутъ участвовать въ рѣшеніи тѣхъ дѣлъ, по коимъ производили слѣдствіе (ч. I, ст. 26).

Принятая основными положеніями непосредственная передача дознаній судебному слѣдователю, какъ видно изъ журнала соединенныхъ департаментовъ законовъ и гражданскихъ дѣлъ государственнаго совѣта, установлена для выигрыша времени, а въ этихъ видахъ еще настоятельнѣе, чтобы при самомъ сообщеніи полиціею о происшествіи не тратилось бы напрасно то время, въ которое всего удобнѣе можетъ быть раскрыто преступленіе и которое, при предлагаемомъ меньшинствомъ порядкѣ, уйдетъ на совершенно безполезную переписку между полиціею, прокуроромъ и судебнымъ слѣдователемъ. Мнѣніе трехъ членовъ имѣло бы нѣкоторое основаніе, если бы въ предначертанномъ проектѣ уголовнаго судопроизводства предполагалось, подобно какъ во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ странахъ, предоставить прокурору предпринимать своимъ лицомъ различныя слѣдственныя дѣйствія, но

какъ власть прокурора, по основнымъ положеніямъ, ограничена однимъ наблюденіемъ за производствомъ слѣдствій, безъ права непосредственнаго участія въ ихъ производствѣ, то и порядокъ, предлагаемый тремя членами, не поведетъ ни къ какимъ другимъ практическимъ послѣдствіямъ, кромѣ замедленія въ производствѣ слѣдствія.

Нельзя не обратить еще вниманіе на то, что прокуроръ, имѣя у себя только донесеніе о случившемся происшествіи, безъ обстоятельнаго о немъ дознанія, былъ бы лишенъ возможности въ каждомъ случаѣ вѣрно опредѣлить, необходимо ли производство слѣдствія по сдѣланному ему донесенію. Наконецъ едва ли удобно порядокъ подобныхъ сообщеній ставить въ зависимость отъ такого случайнаго обстоятельства,—какъ нахожденіе прокурора на мѣстѣ, гдѣ совершилось происшествіе. Для устраненія этихъ неудобствъ, а съ другой стороны, чтобы подчинить наблюденію прокурора дѣйствія слѣдователя, немедленно по обнаруженіи преступленія, *семнадцать членовъ* признаютъ необходимымъ обязать полицію о всякомъ происшествіи, заключающемъ въ себѣ признаки преступленія, немедленно и никакъ не позже 24 часовъ по полученіи о томъ свѣдѣнія, сообщать одновременно судебному слѣдователю и прокурору, а произведенныя дознанія передавать непосредственному слѣдователю, донося о томъ прокурору.

О правѣ полиціи задерживать обвиняемыхъ въ отсутствіи судебнаго слѣдователя (ст. 218—220).

По вопросу о томъ, слѣдуетъ ли предоставить полиціи право задерживать обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, коммисія находила, что безъ ущерба справедливости и дѣлу, въ виду могущаго послѣдовать сокрытія преступника или слѣдовъ преступленія, нельзя устранить полицію отъ принятія первоначальныхъ мѣръ изслѣдованія, и потому необходимо возложить на нее обязанность, за отсутствіемъ слѣдователя, предпринимать нѣкоторыя слѣдственныя дѣйствія, нетерпящія никакого отлагательства.—Къ числу такихъ дѣйствій принадлежитъ и задержаніе подозрѣваемыхъ.

Чтобы предупредить произволъ полиціи и оградить личную свободу гражданъ, коммисія нашла необходимымъ ограничить это право полиціи случаями, когда съ вѣроятностію можно предполагать виновность подозрѣваемаго лица, а именно:

1) когда подозрѣваемый застигнутъ при совершеніи преступнаго дѣянія или тотчасъ послѣ совершенія онаго;

2) когда очевидцы или лица, противъ которыхъ совершено преступленіе или сдѣлано покушеніе, укажутъ прямо на подозрѣваемое лицо;

3) когда на подозрѣваемомъ или въ его жилищѣ найдены будутъ явные слѣды преступленія;

4) когда вещи, служащія доказательствомъ преступнаго дѣянія, несомнѣнно принадлежатъ подозрѣваемому;

5) когда онъ сдѣлалъ покушеніе на побѣгъ или пойманъ во время или послѣ побѣга;

6) когда подозрѣваемый явился съ повинною, и

7) когда подозрѣваемый не имѣетъ постояннаго жительства или осѣдлости.

О томъ: можноли дозволить полиціи снятіе формальныхъ допросовъ (ст. 221).

По вопросу о томъ: слѣдуетъ ли предоставить полиціи право снимать формальные допросы съ обвиняемыхъ и свидѣтелей мнѣнія раздѣлились:

Мнѣніе четырехъ членовъ.

Четыре члена (*Есиповичъ*, *Ковалевскій*, *Плавскій* и *Поповъ*) предъявили слѣдующія соображенія:

Статья 221 проекта, коею запрещается полиціи дѣлать *формальные* допросы, относится къ тѣмъ только случаямъ, въ которыхъ полиція замѣняетъ собою судебнаго слѣдователя (ст. 218—220). Это явствуетъ какъ изъ помѣщенія сей статьи непосредственно за статьями 218—220, въ коихъ именно говорится о случаяхъ замѣны полиціею судебнаго слѣдователя, такъ и изъ того, что для прочихъ случаевъ, то есть когда полиція не замѣняетъ слѣдователя, уже постановлено выше (ст. 215 и 216), что она, въ этихъ послѣднихъ случаяхъ, собираетъ свѣдѣнія посредствомъ розысковъ, словесными распросами и негласнымъ образомъ, не имѣя права отбирать письменныхъ показаній и требовать кого либо къ себѣ.

Такимъ образомъ, изъ соображенія статьи 221 съ другими оказывается, что по смыслу проекта, полиція, *замѣняя собою*, въ извѣстныхъ случаяхъ, *судебнаго слѣдователя* (ст. 218), приступаетъ къ первоначальнымъ мѣрамъ изслѣдованія *по общимъ правиламъ* (ст. 219), установленнымъ для слѣдователя, и *принимаетъ мѣры къ пресѣченію подозрѣваемымъ средствъ уклоняться отъ слѣдствія* (ст. 220), то есть можетъ даже взять ихъ подъ стражу, но *не вправѣ дѣлать формальныхъ допросовъ* (ст. 221).

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что въ проектѣ не объяснено, что должно разумѣть подъ слова-

ми: *формальные допросы*. При нынѣшнемъ порядкѣ судопроизводства, это выраженіе еще могло бы быть понятно, потому что теперь слѣдствіе раздѣляется на *предварительное* и *формальное*. Но по проекту, слѣдствіе бываетъ или *предварительное* (ст. 210), или *судебное* (ст. 616—668); о допросахъ же сказано, что судебный слѣдователь снимаетъ *первоначальный* допросъ (ст. 356), а въ судѣ, подсудимому, сознающему свою вину, предлагаются *дальнѣйшіе вопросы* (ст. 618).

Можно бы полагать, что статьею 221 запрещается полиціи производить такіе допросы, какіе снимаетъ судебный слѣдователь. Но, по разсмотрѣніи относящихся къ сему предмету правилъ, оказывается, что въ числѣ ихъ есть слѣдующія:

1) Прежде допроса обвиняемаго, судебный слѣдователь удостовѣряется въ его самоличности и объявляетъ ему, въ чемъ онъ обвиняется (ст. 359). *Четыре члена* полагаютъ, что это не только не можетъ быть запрещено полиціи, но напротивъ слѣдуетъ поставить ей въ непремѣнную обязанность удостовѣряться въ самоличности подозрѣваемаго и объявлять ему, въ чемъ онъ подозрѣвается, какъ въ случаѣ когда полиція замѣняетъ собою судебнаго слѣдователя, такъ и во всѣхъ прочихъ случаяхъ.

2) Предлагаемые обвиняемому вопросы должны быть кратки и ясны (ст. 360). Трудно, кажется, запретить полиціи спрашивать подозрѣваемаго о обстоятельствахъ, касающихся обвиненія его, и весьма желательно, чтобъ ея вопросы были кратки и ясны.

3) Слѣдователь не долженъ домогаться сознанія обвиняемаго ни обѣщаніями, ни ухищреніями, ни угрозами или тому подобными мѣрами вымогательства (361).

4) Каждый обвиняемый допрашивается порознь, *съ принятіемъ мѣръ, чтобы подозрѣваемые въ одномъ и томъ же преступленіи не могли имѣть стачки между собою* (ст. 362).

3) Если обвиняемый объясняется на языкѣ, не понятномъ для судебнаго слѣдователя, то приглашается лицо, свѣдущее въ этомъ языкѣ (ст. 365).

Кажется, что и эти три правила не могутъ принадлежать къ числу запрещенныхъ полиціи.

Изъ соображенія остальныхъ затѣмъ постановленій проекта о допросахъ, производимыхъ судебнымъ слѣдователемъ, можно бы развѣ прійти къ заключенію, что статьею 221 запрещается полиціи

только,—записывать въ протоколъ о полученныхъ ею отъ кого-либо показаніяхъ и свѣдѣніяхъ.

Все вышесказанное приводится *четырьмя членами* единственно для указанія, какія недоразумѣнія можетъ возбудить неопредѣлительность употребленнаго въ ст. 221 проекта выраженія: «полиція не дѣлаетъ *формальныхъ допросовъ*».

Обращаясь къ существу предмета, *четыре члена* находятъ, что если бы нужно было подробно означать, что именно полиція должна дѣлать, замѣняя собою судебнаго слѣдователя, и чего не вправѣ дѣлать, то было бы недостаточно ограничиться указаніемъ на одни только допросы. Не менѣе важны, а иногда можетъ и важнѣе для дѣла: осмотры, обыски, выемки, сохраненіе слѣдовъ и другихъ вещественныхъ доказательствъ. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, статьею 219 предписывается полиціи поступать *по общимъ правиламъ*, слѣдовательно, приглашать понятыхъ, экспертовъ, составлять формальные протоколы, которые, за невозможностію иногда повторить дѣйствіе, будутъ играть важную роль въ дѣлѣ. По мнѣнію *четырехъ членовъ*, нѣтъ никакой надобности постановлять что либо особое о допросахъ. Полиція, застигнувъ кого либо при совершеніи преступленія, или непосредственно по совершеніи имъ онаго (въ этомъ именно случаѣ, по ст. 218, она и замѣняетъ судебнаго слѣдователя), должна спросить: кто онъ такой, онъ ли это сдѣлалъ, почему и т. д., то есть распросить его о всемъ указываемомъ обстоятельствами. Если при этомъ были другіе люди, то и ихъ необходимо спросить. Если бы подозрѣваемый объявилъ, что это сдѣлалъ не онъ, а кто либо другой, убѣжавшій тотчасъ оттуда, и въ подтвержденіе сего указывалъ на свидѣтелей,—то необходимо и ихъ спросить. Безъ соблюденія всего этого, не возможно кого бы то ни было останавливать, брать подъ стражу и отправлять къ слѣдователю. А дабы все, дознанное на этомъ основаніи полиціею, не забылось и не исказилось и дабы сообщеніе, дѣлаемое полиціею слѣдователю, не было голословное, необходимо, чтобы обо всемъ этомъ было ею записано тогда же въ протоколъ; иначе для слѣдователя не было бы никакой точки опоры къ начатію слѣдствія. *Четыре члена* признаютъ не только полезнымъ, но и необходимымъ, чтобы и протоколы составлялись полиціею *по общимъ правиламъ*, то есть за подписью составлявшихъ протоколъ, съ прочтеніемъ онаго подозрѣ-

ваемому и бывшимъ при томъ свидѣтелямъ и, по возможности, и за ихъ подписаніемъ. Этого требуютъ порядокъ и самая важность предмета, ибо никакъ нельзя допустить, чтобы не только полиція, но и сами судебные слѣдователи, задерживали кого либо и сажали подъ стражу безъ составленія о томъ акта, изъ коего было бы видно о поводахъ и основаніяхъ къ задержанію, тѣмъ болѣе, что и дѣйствующими нынѣ законами предписано С.-Петербургской полиціи о взятіи кого-либо подъ стражу составлять особые акты и представлять ихъ въ Управу Благочинія (Св. Зак. т. II, ч. 1 ст. 4426 примѣч.).

Поводомъ къ воспрещенію полиціи дѣлать формальные допросы приводятъ то уваженіе, что на основаніи актовъ предварительнаго слѣдствія будетъ разрѣшаться вопросъ о преданіи обвиняемаго суду, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ показанія, отобранныя при предварительномъ слѣдствіи, могутъ имѣть вліяніе на рѣшеніе дѣла. Эти соображенія, по мнѣнію *четырехъ членовъ*, неуважительны, ибо во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, проектъ имѣетъ въ виду предварительное слѣдствіе, *произведенное судебнымъ слѣдователемъ*, а ни какъ не первоначальныя мѣры изслѣдованія, принимаемыя полиціею, когда она замѣняетъ собою слѣдователя, и которыя, по статьѣ 219, исполняются полиціею только въ продолженіи 24 часовъ, такъ, что составленные полиціею акты сами по себѣ не составляютъ актовъ предварительнаго слѣдствія.

По всѣмъ симъ уваженіямъ, находя, что статья 221 проекта, въ слѣдствіе ея неясности и неопредѣлительности, можетъ съ одной стороны возбудить много недоразумѣній, а съ другой дать поводъ къ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ къ сокрытію обнаруживаемыхъ въ самомъ началѣ дѣла, иногда весьма важныхъ свѣдѣній и фактовъ, или къ произвольному и неосновательному задержанію всякаго, на кого только можетъ пасть хотя тѣнь подозрѣнія, *четыре* члена полагаютъ: за силою статьи 219, предписывающей полиціи, когда она замѣняетъ слѣдователя, дѣйствовать по общимъ правиламъ,— означенную 221 статью изъ проекта исключить.

Къ сему *четыре члена* долгомъ считаютъ присовокупить, что исключеніе 221-й статьи изъ проекта сдѣлало бы возможнымъ исключеніе и 357-й статьи, объ отводѣ обвиняемаго, для допроса, въ случаѣ отсутствія судебнаго слѣдователя, къ мировому судьѣ, такъ какъ сія послѣдняя статья

проэктирована съ единственною цѣлію лишить полицію естественнаго ея права спросить задержаннаго ею человѣка, кто онъ такой и дѣйствительно ли онъ то лицо, которое подозрѣвается, или обвиняется въ совершеніи извѣстнаго преступнаго дѣянія.

Мнѣніе трехъ членовъ.

Три члена (Александровъ, Турчаниновъ и Христіановичъ) представили слѣдующія соображенія:

Въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 214 и 218 проекта, полиція обязана производить дознаніе, сохранять слѣды преступленія и даже замѣнять собою судебнаго слѣдователя, до его прибытія. Затѣмъ полиція, на основ. ст. 220, принимаетъ мѣры къ пресѣченію подозрѣваемымъ средствъ уклоняться отъ слѣдствія.

При удостовѣреніи въ преступленіи и избраніи мѣры содержанія подозрѣваемаго, полиція должна приводить въ извѣстность, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе признаки преступленія. Такимъ образомъ на долю полиціи выпадаетъ важная, существенная часть уголовнаго процесса; въ уголовномъ дѣлѣ весьма часто первоначальныя дѣйствія по производству слѣдствія обусловливаютъ характеръ дѣла, составляютъ основаніе его дальнѣйшаго развитія. Какъ бы ни былъ искусенъ слѣдователь-юристъ онъ, становясь продолжателемъ начатаго полиціею дѣла, находится подъ вліяніемъ ея дѣйствій, по крайней мѣрѣ сначала, потому невольно слѣдуетъ данному ею направленію. Не всегда возможно въ послѣдствіи измѣнить это направленіе, еще рѣже возстановить упущенное вначалѣ, и во всякомъ случаѣ стѣсненіе личности подозрѣваемаго, какъ фактъ уже совершившійся, невозвратимо. При такомъ взглядѣ на это дѣло, кажется, было бы несправедливо лишать подозрѣваемое лицо средствъ личнымъ участіемъ въ полицейскомъ дознаніи, какъ защищать себя въ данный моментъ, такъ и запасаться средствами защиты при дальнѣйшемъ движеніи дѣла. Съ другой стороны нельзя, лишать и власть слѣдственную возможности воспользоваться тѣми указаніями къ обнаруженію истины и тѣми средствами къ удостовѣренію правильности ея распоряженій, которыя даются ей самимъ обвиняемымъ. Если признать послѣднюю мысль правильною, то тѣмъ самымъ будетъ признано необходимымъ сохранять въ дѣлѣ заявленія, сдѣланныя подозрѣваемымъ, во всей ихъ цѣлости и неприкосновенности. Сказанное здѣсь нисколько не можетъ однако вести къ заключенію о необходимости отобра-

нія полиціею письменнаго показанія отъ обвиняемаго во всякомъ случаѣ, т. е. и безъ собственнаго его желанія, ибо тогда она будетъ имѣть право допроса, что конечно не можетъ имѣть мѣста.

Справедливость изложенныхъ здѣсь въ общихъ чертахъ соображеній яснѣе обнаруживается при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла уголовнаго изслѣдованія. Возстановленіе упущеннаго изъ вида, при дознаніи, признака преступленія часто невозможно; это замѣчаніе относится какъ къ внѣшнимъ, такъ и къ внутреннимъ признакамъ преступленія, а между тѣмъ убѣжденіе въ необходимости удостовѣренія открываемаго признака, въ особенности внутренняго, зависитъ не только отъ добросовѣстности слѣдователя (которымъ при первоначальномъ дознаніи является полиція), но и отъ степени его юридическаго развитія. Какимъ же образомъ, напримѣръ, возстановить для судебнаго слѣдователя и для суда тѣ внутренніе признаки преступленія, которые открываются изъ первоначальнаго показанія подозрѣваемаго лица, показанія, гдѣ онъ выражаетъ отношеніе свое къ изслѣдуемому дѣйствію? а въ немъ кроется для защитника на судѣ и для судебнаго слѣдователя къ раскрытію истины богатый матеріалъ. Трудно предполагать, чтобы человѣкъ при первоначальномъ спросѣ его могъ сообразить всѣ обстоятельства своего показанія такъ, чтобы на объявленіе его можно было смотрѣть, какъ на полное выраженіе сознанія его о винѣ или невинности своей, и потому невозможно придавать ему силы судебнаго доказательства, въ особенности противъ него,—испугъ, неожиданность могутъ лишить его возможности высказаться вполнѣ сознательно; но какой судъ не обратитъ вниманія на тѣ подробности, которыя въ минуту совершенія преступленія или вскорѣ послѣ того или въ моментъ возбужденія подозрѣнія на лицо, будутъ высказаны имъ? Впослѣдствіи, по хладнокровномъ обдуманіи своего положенія и обстоятельствъ дѣла, обвиняемый, изъ опасенія проговориться, легко можетъ скрыть при дачѣ показанія даже такія подробности, которыя говорятъ въ его пользу (на практикѣ это бываетъ нерѣдко); обвиняемый, припоминая и соображая обстоятельства дѣла съ цѣлію найти въ нихъ свое оправданіе, естественно до того увлекается чувствомъ самозащиты, что невольно затемняетъ самъ для себя истину и лишаетъ себя такимъ образомъ средствъ защиты. Съ другой стороны, подозрѣваемое лицо, при первоначальномъ спросѣ его, дѣлаетъ

указанія, по которымъ производящій дознаніе можетъ дойти до обнаруженія какъ самаго преступленія, такъ и участниковъ въ немъ; указанія эти могутъ, по умыслу подозрѣваемаго, а иногда по случайнымъ обстоятельствамъ, не привести его къ полезному результату или даже прямо отвести слѣдователя отъ настоящихъ слѣдовъ преступленія; затѣмъ подозрѣваемое лицо (какъ это весьма часто бываетъ) отпирается отъ даннаго имъ показанія; что тогда оправдаетъ слѣдователя въ глазахъ суда? Чѣмъ добросовѣстный чиновникъ, воспользовавшійся всѣми указаніями для открытія истины, объяснитъ свои дѣйствія,—одной голословной ссылкой на данное ему обвиняемымъ словесное показаніе, но это еще недостаточно, или наоборотъ, чѣмъ докажетъ обвиняемый, что онъ далъ полиціи всѣ средства открыть истину, но она не воспользовалась ими? Не менѣе важно предоставленіе обвиняемому права заявить прочнымъ неизгладимымъ образомъ обстоятельства, касающіяся лично его или дѣла, обстоятельства, которыя въ случаяхъ (п. 1, 2, 3, 4 и 5 ст. 220), когда полиція обязана принять мѣры къ пресѣченію лицу средствъ уклониться отъ слѣдствія, могутъ имѣть вліяніе на избраніе той или другой мѣры, или сдѣлать ее вовсе лишнею, не смотря на кажущуюся необходимость ея. Обстоятельства эти могутъ быть напримѣръ: указаніе на дѣйствительнаго преступника, который извѣстенъ только подозрѣваемому въ преступленіи (п. 1 и 2); разъясненіе обстоятельствъ существованія слѣдовъ преступленія, безъ вины подозрѣваемаго (п. 3); удостовѣреніе никому неизвѣстнаго отчужденія подозрѣваемымъ принадлежащей ему вещи, составляющей улику противъ него (п. 4); объясненіе побужденія отлучиться изъ мѣста жительства не съ цѣлью уклониться отъ слѣдствія, а по необходимости (п. 5); наконецъ въ самой личности обвиняемаго могутъ заключаться условія, требующія снисхожденія къ нему, напр. беременность въ такомъ періодѣ, когда обвиняемыя и въ уголовномъ преступленіи по закону остаются на порукахъ и подъ полицейскимъ присмотромъ. Одно словесное заявленіе можетъ быть не принято или безнаказанно неуважено, и подозрѣваемый не будетъ въ состояніи доказать это заявленіе, если на полицію не будетъ возложено обязанности составлять протоколы о показаніи, въ случаѣ желанія самого подозрѣваемаго, такъ что послѣдній можетъ быть поставленъ въ положеніе лица, отъ котораго

не принимаютъ оправданія. Напротивъ того, предоставленіемъ ему права требовать составленія протокола о его показаніи будетъ удовлетворено коренное правило предоставленія обвиняемому всѣхъ средствъ защиты, будетъ обезпечена личная безопасность его и дана возможность искать вознагражденія за понесенные имъ убытки и оскорбленіе, когда онъ посредствомъ неизгладимаго удостовѣренія своего заявленія будетъ въ состояніи доказать, что его или неосновательно привлекли къ дѣлу, или подвергли личность его напрасному стѣсненію, не уваживъ его показанія.

Мнѣніе большинства.

Двѣнадцать членовъ (Буцковскій, Гольдіоеръ, Зарудный М. Куприяновъ, Любимовъ, Макалинскій, Перетцъ, Принцъ, Розовъ, Романовскій, Спасовичъ, и Утинъ) вовсе не полагаютъ лишать полицію возможности распросить подозрѣваемое лицо и отпустить его въ тѣхъ случаяхъ, когда оно задержано по явной и неподлежащей сомнѣнію ошибкѣ. Лучшимъ доказательствомъ сего служитъ предоставленіе подозрѣваемому права дать объясненіе и требовать занесенія его въ протоколъ. (ст. 221). Но изъ объясненій 4-хъ членовъ явствуетъ, что на полицію предполагается возложить, по производству слѣдствій, обязанности несравненно болѣе важныя и сопряженныя съ такою властію, которая можетъ принадлежать лишь одному судебному слѣдователю. Человѣкъ, прямо обвиняемый въ воровствѣ-кражѣ, считаетъ себя напрасно задержаннымъ и приводитъ свидѣтелей въ доказательство непричастія своего ко взводимому на него преступленію. Если бы, въ отсутствіи судебнаго слѣдователя, полиціи предстояло принять одну изъ мѣръ пресѣченія обвиняемому уклоненія отъ слѣдствія, и если бы при этомъ полиція должна была руководствоваться не одними внѣшними признаками преступности, но и опредѣленіемъ внутренняго ихъ существа, раскрываемаго лишь разборомъ дѣла, то для удовлетворительнаго разрѣшенія такой задачи, полиціи надлежало бы не только осмотрѣть мѣсто, изъ коего сдѣлана покража, и обыскать жилище обвиняемаго, но, сверхъ того, допросить какъ его—самаго и указанныхъ имъ свидѣтелей, такъ и тѣхъ, на которыхъ сослался обвинитель, — однимъ словомъ произвести цѣлое слѣдствіе. Если это должно быть такъ, то для чего же учреждены судебные слѣдователи? Не для того ли, чтобы только облекать въ законныя формы то, что сдѣлано полиціею? Въ

такомъ случаѣ не полицейскіе чиновники были бы помощниками судебныхъ слѣдователей, но, напротивъ того, судебные слѣдователи были бы помощниками или секретарями полицейскихъ чиновниковъ. Не слѣдуетъ забывать, что учрежденіе судебныхъ слѣдователей было вызвано неудовлетворительностію производства слѣдствій лицами несвѣдущими въ законахъ уголовныхъ, не опытными по судебной части и развлеченными множествомъ разнообразныхъ занятій. Извѣстно, что ни какія дослѣдованія и переслѣдованія недостигали своей цѣли потому именно, что упущеній и неправильныхъ дѣйствій первоначальнаго слѣдователя невозможно исправить въ то время, когда изчезли горячіе слѣды преступленія и когда слѣдствіе получило уже извѣстное направленіе. Въ этомъ отношеніи учрежденіе судебныхъ слѣдователей принесло большую пользу, потому что въ значительной степени пресѣкло порчу слѣдствій въ самомъ ихъ началѣ; но оно не достаточно устранило это зло, по той причинѣ, что малое число судебныхъ слѣдователей не соотвѣтствуетъ тому громадному количеству дѣлъ, которое подлежитъ ихъ изслѣдованію, отъ чего полиція, по необходимости, оставляется еще слишкомъ большой просторъ въ производствѣ первоначальныхъ изслѣдованій. Но со введеніемъ въ дѣйствіе судебнаго преобразованія, когда значительная часть дѣлъ отойдетъ къ мировымъ судьямъ и когда по остальнымъ дѣламъ судебные слѣдователи будутъ производить только предварительныя слѣдствія, имъ предстоитъ полная возможность приступать своевременно къ предварительнымъ слѣдствіямъ и давать направленіе дѣламъ по слѣдственнымъ дѣйствіямъ, произведеннымъ ими самими, а не полиціею. Въ этомъ именно смыслѣ опредѣлены коммисіею отношенія полиціи и судебныхъ слѣдователей, какъ это видно изъ проектированныхъ ею единогласно постановленій о степени участія полиціи въ производствѣ слѣдствій. Въ числѣ такихъ постановленій находится и правило: въ какихъ случаяхъ, за отсутствіемъ судебнаго слѣдователя, полиція принимаетъ мѣры къ пресѣченію обвиняемому уклоненія отъ слѣдствія (ст. 220). По этому правилу, принятіе означенныхъ мѣръ обусловливается только внѣшними и самыми простыми признаками, при которыхъ полиціи нѣтъ ни какой надобности входить въ разбирательство существа дѣла и производить допросы обвиняемымъ и тѣмъ менѣе еще свидѣтелямъ. Довольно

того, если полиція посредствомъ словесныхъ распросовъ убѣдится, что въ обвиненіи или подозрѣніи нѣтъ ошибки или недоразумѣнія и что видимые признаки относятся именно къ тому лицу, которое обвиняется или подозрѣвается. Хотя обвиняемому неможетъ быть отказано въ требованіи, чтобы заявленіе его относительно ошибки или недоразумѣнія въ его обвиненіи, было внесено въ протоколъ, но отъ этого дѣйствія до формальныхъ допросовъ еще далеко.

Говорятъ, что такимъ образомъ обвиняемые или подозрѣваемые подвергнутся по однимъ внѣшнимъ признакамъ, иногда обманчивымъ, напраснымъ стѣсненіямъ, отъ которыхъ они могли бы избавиться, если бы полиція вошла немедленно въ разбирательство дѣла. Но противъ этого нельзя незамѣтить, что разбирательство дѣла невозможно безъ его изслѣдованія, а самое поверхностное слѣдствіе потребуетъ болѣе того времени, въ теченіе котораго обвиняемый можетъ оставаться безъ формальнаго допроса, такъ какъ по единогласному заключенію коммисіи, каждый обвиняемый долженъ быть допрошенъ судебнымъ слѣдователямъ, или мировымъ судьею, не позже 24 часовъ послѣ его явки или привода (ст. 356 и 357).

Нѣтъ сомнѣнія, что полиціи предстоитъ еще менѣе надобности въ снятіи формальныхъ допросовъ въ тѣхъ случаяхъ, когда она, за отсутствіемъ судебнаго слѣдователя, приводитъ въ извѣстность событіе преступленія и слѣды его, такъ какъ при обыкновенномъ ходѣ слѣдствія, дѣйствія эти предшествуютъ допросамъ и служатъ имъ основаніемъ.

Замѣчаютъ, что за ограниченіемъ круга дѣйствій судебнаго слѣдователя только слѣдствіемъ предварительнымъ, формальными допросами могутъ быть названы лишь тѣ, которые будутъ производимы въ судѣ, при слѣдствіи судебномъ, и что по этому статья проекта, воспрещающая полиціи снимать формальные допросы, не послѣдовательна и неимѣетъ надлежащаго основанія. Но противъ этого можно сказать, что допросы, снимаемые въ опредѣленной закономъ формѣ, или въ установленномъ порядкѣ, и входящіе въ составъ актовъ слѣдствія, почитались доселѣ и не могутъ быть иначе признаваемы какъ формальными, въ отличіе именно отъ тѣхъ распросовъ, которые предоставляется дѣлать полиціи.

Правда, что со введеніемъ новаго порядка судопроизводства, акты предварительнаго слѣдствія

не могутъ уже имѣть прежней силы, потому что не будутъ составлять исключительныхъ доказательствъ, какъ было до сей поры; но за всѣмъ тѣмъ и при новомъ порядкѣ, акты эти могутъ имѣть весьма важное вліяніе на исходъ дѣла, по слѣдующимъ причинамъ:

1) на основаніи свѣдѣній, собранныхъ слѣдствіемъ, будетъ разрѣшаться весьма существенный вопросъ о томъ, долженъ ли обвиняемый быть преданъ суду и по какому именно преступленію?

2) при неявкѣ свидѣтелей къ разсмотрѣнію дѣла на судѣ, данныя ими при слѣдствіи показанія могутъ быть прочитаны и служить доказательствомъ какъ противъ, такъ и въ пользу обвиняемаго;

3) въ случаѣ противорѣчія изустныхъ показаній свидѣтеля съ письменными, отобранными при предварительномъ слѣдствіи, сіи послѣднія прочитываются, а этимъ, естественно, ослабляется сила показаннаго на судѣ, и наконецъ

4) собственное признаніе подсудимаго можетъ служить доказательствомъ, хотя бы и было сдѣлано при предварительномъ слѣдствіи, если только оно записано въ протоколъ и неопровергнуто на судѣ. Но какія можетъ имѣть подсудимый средства къ опроверженію признанія, записаннаго въ протоколъ? Голословный же отказъ отъ сдѣланнаго признанія, по единогласному заключенію коммиссіи, не можетъ быть принимаемъ въ уваженіе.

Изъ вышеизложеннаго очевидно, что по важности формальныхъ допросовъ, производство ихъ должно быть отнесено къ обязанностямъ судебныхъ слѣдователей, а не полицейскихъ чиновниковъ, отъ которыхъ вовсе нетребуется качествъ, необходимыхъ для судьи, а снятіе допросовъ принадлежитъ къ дѣйствіямъ чисто судебнаго свойства.

Въ Англіи ни одинъ полицейскій чиновникъ, въ томъ числѣ и инспекторъ, не имѣетъ права дѣлать допросъ подозрѣваемому въ преступленіи, но онъ обязанъ объявить ему, въ чемъ его подозрѣваютъ; нерѣдко случается, что задержанный даетъ немедленно объясненіе, которое или открываетъ ошибку полицейскихъ чиновниковъ и сопровождается освобожденіемъ, или служитъ подтвержденіемъ подозрѣнія, или наконецъ указываетъ на другихъ виновныхъ въ преступленіи. Если это ограниченіе полицейской власти установлено въ Англіи, гдѣ полиція пользуется заслуженнымъ уваженіемъ, то можно ли считать его излишнимъ у насъ?

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, *двѣнадцать членовъ* не признали возможнымъ согласиться съ предположеніемъ о предоставленіи полиціи права производить формальные допросы по дѣламъ уголовнымъ.

О спеціальныхъ полиціяхъ (ст. 223).

По вопросу о спеціальныхъ полиціяхъ коммисія находила, что при опредѣленіи мѣры участія полиціи въ производствѣ предварительныхъ изслѣдованій, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что полицейскія обязанности не сосредоточены исключительно на такъ называемой общей полиціи. Наравнѣ съ нею существуютъ особыя полиціи въ различныхъ вѣдомствахъ и, кромѣ того, предоставлена значительная полицейская власть выборнымъ лицамъ крестьянскихъ обществъ. При такомъ разъединеніи полицейской власти, коммисія признала нужнымъ постановить, что какъ волостные и сельскіе начальники, такъ и другія должностныя лица, исполняющія въ кругу ихъ вѣдомства полицейскія обязанности, должны наравнѣ съ общею полиціею и въ тѣхъ-же самыхъ предѣлахъ оказывать свое содѣйствіе судебной власти въ производствѣ предварительныхъ изслѣдованій.

Въ дополненіе къ предположеніямъ о дѣйствіяхъ полиціи въ производствѣ предварительныхъ слѣдствій, коммисія нашла полезнымъ указать въ особомъ примѣчаніи, что въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ полиціи предоставляется замѣнять собою судебнаго слѣдователя, за отсутствіемъ полицейскихъ чиновниковъ или при бездѣйствіи ихъ, первоначальныя мѣры изслѣдованія относятся къ обязанностямъ мировыхъ судей. Принятіе такого правила представлялось коммисіи полезнымъ не только въ виду недостаточнаго у насъ числа полицейскихъ чиновниковъ, но также и для того, чтобы поставить дѣйствія полиціи вообще и сельской въ особенности подъ ближайшій контроль мировыхъ судей, какъ хранителей міра въ ихъ участкахъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О существѣ обязанностей и степени власти судебныхъ слѣдователей.

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части существо обязанностей и степень власти судебныхъ слѣдователей опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Судебный слѣдователь о всякомъ начатомъ имъ слѣдствіи доводитъ до свѣдѣнія прокурора (Осн. пол. ч. II, ст. 38).

Всѣ необходимыя по предварительному слѣдствію дѣйствія и мѣры судебный слѣдователь предпринимаетъ собственною властію (ст. 39).

Судебный слѣдователь можетъ быть отводимъ, по законнымъ причинамъ, какъ лицомъ обвиняемымъ, такъ и подавшимъ жалобу (ст. 41).

При развитіи этихъ общихъ правилъ, коммисія обратила особенное вниманіе на слѣдующіе вопросы:

1) когда слѣдователь долженъ доводить до свѣдѣнія прокурора о начатыхъ имъ слѣдствіяхъ?

2) въ какихъ отношеніяхъ къ судебному слѣдователю должна состоять полиція?

3) къ чему должны быть направлены изысканія слѣдователя и мѣры, имъ принимаемыя?

4) какъ слѣдователь обязанъ поступать въ случаѣ предъявленія отвода или устраненія имъ себя отъ производства слѣдствія?

5) можетъ ли слѣдователь прекратить слѣдствіе собственною властію?

Объ извѣщеніи прокурора о начатыхъ слѣдствіяхъ (ст. 225).

Разсуждая по этимъ вопросамъ, коммисія признала нужнымъ постановить, что судебный слѣдователь доводитъ до свѣдѣнія прокурора о тѣхъ начатыхъ имъ слѣдствіяхъ, которыя возбуждены не по сообщенію полиціи и не по жалобѣ частнаго обвинителя. Въ первомъ случаѣ прокуроръ имѣетъ уже увѣдомленіе отъ полиціи, какъ о происшествіи, заявленномъ судебному слѣдователю, такъ и о дознаніи ею произведенномъ и ему переданномъ, а во второмъ прокурору нѣтъ надобности знать о слѣдствіи, начатомъ по жалобѣ частнаго обвинителя, потому что блюстительная власть прокурора на дѣла этого рода не простирается.

Объ отношеніяхъ судебнаго слѣдователя къ полиціи (ст. 229—232).

За тѣмъ коммисія вошла въ обсужденіе: въ какихъ отношеніяхъ должны состоять полицейскія власти къ судебному слѣдователю по производству предварительныхъ слѣдствій.

Нѣтъ сомнѣнія, что содѣйствіе полиціи будетъ нерѣдко необходимо судебному слѣдователю какъ для первоначальнаго удостовѣренія о томъ, что дошедшія до него свѣдѣнія о преступныхъ происшествіяхъ дѣйствительно основательны такъ и для собранія разнаго рода

справокъ о подозрѣваемыхъ, прикосновенныхъ къ дѣлу лицахъ и свидѣтеляхъ. По этому, судебному слѣдователю должно быть предоставлено право возлагать собраніе всѣхъ этихъ свѣдѣній на полицію, которая, по самому существу своихъ обязанностей, поставлена въ постоянное и непосредственное соприкосновеніе съ народонаселеніемъ. Равномѣрно нельзя не предоставить судебному слѣдователю права повѣрять, дополнять и отмѣнять тѣ дѣйствія полиціи по производству первоначальныхъ изслѣдованій, которыя предприняты ею до прибытія его на мѣсто. Только при предоставленіи такой власти судебному слѣдователю, можно установить между нимъ и полиціею надлежащія отношенія, недопускающія безплодныхъ пререканій и противодѣйствія.

Вообще коммисія имѣла въ виду, по возможности, облегчить задачу слѣдователя, и потому признала необходимымъ выразить въ проектѣ устава, что требованія судебнаго слѣдователя исполняются полиціями и другими присутственными мѣстами, должностными и частными лицами безъ замедленія, и что если онъ встрѣтитъ сопротивленіе въ исполненіи своихъ обязанностей, то имѣетъ право требовать содѣйствія не только гражданскаго или военнаго начальства, но и окольныхъ людей.

О цѣли изысканій слѣдователя и принимаемыхъ имъ мѣръ (ст. 227 и 228).

Чтобы устранить односторонность направленія слѣдователя въ изысканіи однихъ только обстоятельствъ, уличающихъ подозрѣваемыхъ лицъ, коммисія нашла неизлишнимъ постановить, что на обязанности его лежитъ приводить въ извѣстность съ полнымъ безпристрастіемъ, какъ обстоятельства, уличающія обвиняемаго, такъ и обстоятельства, его оправдывающія.

Изъ отзывовъ приглашенныхъ въ засѣданіе коммисіи практиковъ оказывается, что въ настоящее время судебные слѣдователи не обращаютъ должнаго вниманія на своевременное собраніе доказательствъ и еще менѣе заботятся объ обезпеченіи вознагражденія лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія вредъ, обиды или убытки. По этому коммисіею признано полезнымъ обязать слѣдователей принимать своевременно необходимыя для того мѣры.

Объ отводѣ слѣдователя и устраненіи имъ себя отъ

Государственный совѣтъ, при обсужденіи основныхъ положеній, находилъ, что слѣдуетъ сохра-

производства слѣдствія (ст. 233 и 234).

нить и на будущее время правило, постановленное въ учрежденіи судебныхъ слѣдователей, о правѣ обвиняемаго и лица, подавшаго жалобу, отводить слѣдователя, но отнесъ къ уставу уголовнаго судопроизводства какъ опредѣленіе того, кто долженъ разрѣшать вопросъ о правильности отвода, такъ и указаніе средствъ къ предупрежденію остановки слѣдствія по этому случаю. Войдя въ обсужденіе этого предмета, коммисія признала, что при новомъ порядкѣ судопроизводства, предварительное слѣдствіе будетъ только собраніемъ данныхъ къ формальному слѣдствію на судѣ, и потому дѣйствія слѣдователя не могутъ имѣть того рѣшительнаго вліянія на судьбу обвиняемаго, какое они имѣютъ по правиламъ нынѣ дѣйствующаго уголовнаго судопроизводства. На этомъ основаніи, предъявленіе отвода не должно вести за собою остановку самаго производства слѣдствія. Въ видахъ практическаго удобства, отводъ надлежитъ предъявлять самому судебному слѣдователю, который обязанъ представить его суду. Въ случаѣ, когда слѣдователь, по предъявленіи ему отвода, признаетъ необходимымъ устранить себя, онъ долженъ впредь до разрѣшенія суда ограничить свои дѣйствія принятіемъ только мѣръ, не терпящихъ отлагательства.

Объ ограниченіи власти слѣдователя въ прекращеніи слѣдствій (ст. 235 и 236).

На практикѣ весьма часто будутъ случаи, что судебный слѣдователь, начавъ производство слѣдствія, не найдетъ основанія продолжать его, по недостатку-ли уликъ, или потому, что происшествіе, подавшее поводъ къ слѣдствію, не имѣетъ преступнаго характера. Между тѣмъ понятно, что прекращеніе производства слѣдствій не можетъ быть предоставлено усмотрѣнію слѣдователя, отъ котораго во многихъ случаяхъ зависитъ и самое начатіе дѣлъ, потому что сосредоточеніе такой власти въ однѣхъ рукахъ было бы небезопасно. Въ слѣдствіе сего коммисія признала нужнымъ постановить, что производство предварительнаго слѣдствія можетъ быть прекращено только судомъ и что представленія о томъ слѣдователя должны восходить на разрѣшеніе суда чрезъ прокурора. Вмѣстѣ съ тѣмъ объяснено, что неимѣніе въ виду подозрѣваемаго въ совершеніи преступленія, или уклоненіе его отъ преслѣдованія, не составляетъ достаточной причины для прекращенія предварительнаго слѣдствія.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

О существѣ обязанностей и степени власти прокуроровъ по производству предварительныхъ слѣдствій.

Въ основныхъ положеніяхъ отношенія прокурора къ слѣдственной части опредѣляются слѣдующими правилами:

Постоянный надзоръ за производствомъ слѣдствій принадлежитъ исключительно прокурору (Осн. пол. ч. II ст. 47).

Прокуроръ имѣетъ право присутствовать по своему усмотрѣнію при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и разсматривать подлинное слѣдствіе, не останавливая однако теченія онаго (ст. 49).

По всѣмъ предметамъ, относящимся къ изслѣдованію преступленія и къ собранію доказательствъ, слѣдователи исполняютъ требованія прокурора, съ отмѣткою въ протоколахъ, какія именно мѣры приняты по его требованію (ст. 50).

Когда судебный слѣдователь возьметъ обвиняемаго подъ стражу, то немедленно увѣдомляетъ прокурора объ основаніяхъ, по которымъ это сдѣлалъ. Прокуроръ можетъ требовать, чтобы слѣдователь ограничился мѣрою менѣе строгою, если обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ такомъ преступленіи, которое влечетъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія, или потерю всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ (ст. 51).

Прокуроръ имѣетъ право предложить слѣдователю о задержаніи обвиняемаго, оставленнаго слѣдователемъ на свободѣ, или освобожденнаго имъ изъ подъ стражи. Если слѣдователь признаетъ сіе требованіе не подлежащимъ исполненію, потому что обвиняемый не навлекаетъ на себя достаточнаго подозрѣнія въ преступленіи, подвергающемъ лишенію всѣхъ правъ состоянія или потерѣ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, то онъ обязанъ представить о томъ суду (ст. 52).

При развитіи вышеозначенныхъ основныхъ положеній, въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) можно ли допустить, чтобы прокуроръ, для наблюденія за слѣдствіемъ, требовалъ къ себѣ слѣдственное производство?

2) какъ долженъ поступать слѣдователь, когда признаетъ требованія прокурора неимѣющими надлежащаго основанія?

3) слѣдуетъ ли отношенія прокурора къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ принимать за основаніе къ отводу его отъ надзора по производству слѣдствія?

О средствахъ къ наблюденію за производствомъ слѣдствій (ст. 239).

По первому вопросу коммисія находила, что хотя нѣкоторыми законодательствами, какъ напримѣръ Французскимъ, предоставляется прокурору требовать къ себѣ на опредѣленный срокъ слѣдственное производство; но безусловное принятіе этого правила у насъ было бы сопряжено съ большими неудобствами, потому что судебные слѣдователи бо́льшею частію будутъ находиться въ значительной отдаленности отъ мѣстопребыванія прокуроровъ и ихъ товарищей. Какъ бы ни былъ коротокъ срокъ, на который прокурору дозволено будетъ вытребовать къ себѣ слѣдствіе, во всякомъ случаѣ пересылка дѣла изъ одного мѣста въ другое потребуетъ не мало времени и затруднитъ продолженіе слѣдственныхъ дѣйствій. Кромѣ того, такая пересылка дѣлъ неминуемо поведетъ къ тому, что личное наблюденіе прокурора за производствомъ слѣдствій превратится въ наблюденіе канцелярское. По этимъ соображеніямъ, коммисія признала нужнымъ положительно выразить, что прокуроры имѣютъ право присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ и разсматривать *на мѣстѣ* подлинное производство, не останавливая хода слѣдствія.

О разрѣшеніи разномыслія между прокуроромъ и слѣдователемъ (ст. 241).

По второму вопросу произошло разногласіе.

Мнѣніе шести членовъ.

Шесть членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Вилинбаховъ, Есиповичъ Плавскій и Принцъ) заявили слѣдующее мнѣніе:

По 4-й статьѣ 2-й ч. осн. полож. власть обвинительная, т. е. обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ, сосредоточена въ рукахъ прокуроровъ.

Существо этой власти, по производству предварительныхъ изслѣдованій, проявляется въ постоянномъ наблюденіи прокуроровъ за производствомъ слѣдствій, съ правомъ присутствовать при всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, разсматривать во всякое время производство слѣдствія и предъявлять требованія по всѣмъ предметамъ, относящимся къ изслѣдованію преступленія и собранію доказательствъ.

Чтобы обвинительная власть, ввѣренная прокурорамъ, имѣла надлежащее значеніе, необходимо, чтобы требованія ея пользовались должнымъ уваженіемъ.—Если предоставить слѣдователю, каждый разъ, когда онъ признаетъ, что требованіе прокурора не имѣетъ надлежащаго основанія, оставлять его безъ исполненія, сообщая только о томъ на усмотрѣніе суда, то въ существѣ предоставленный прокурорамъ надзоръ за производствомъ слѣдствій превратится въ надзоръ слѣдователей за дѣйствіями обвинительной власти. Но такой надзоръ не совмѣстенъ ни съ обязанностями слѣдователя, ни съ достоинствомъ обвинительной власти. Положимъ, напримѣръ, что прокуроръ, собравъ свѣдѣнія о какомъ либо преступленіи, требуетъ производства слѣдствія или дополненія слѣдствія, уже произведеннаго. Слѣдователь, находя, что это требованіе не имѣетъ надлежащаго основанія, не исполняетъ его и представляетъ о томъ суду. Очевидно, что въ этомъ случаѣ слѣдователь вступаетъ въ права обвинительной власти, которой принадлежитъ возбужденіе преслѣдованія преступленій, и потому всякое противодѣйствіе ей въ этомъ отношеніи есть нарушеніе ея права. Въ противуположность этому, приведемъ другой примѣръ. Слѣдователь началъ дѣло, по собственному усмотрѣнію въ такомъ случаѣ, когда онъ не имѣлъ права приступать къ изслѣдованію безъ предложенія прокурора или другаго законнаго повода. Прокуроръ, получивъ объ этомъ свѣдѣніе и находя производство слѣдствія незаконнымъ, требуетъ отъ слѣдователя, чтобы онъ пріостановился дальнѣйшими дѣйствіями, но слѣдователь, не исполняя этого требованія, продолжаетъ слѣдствіе и представляетъ о томъ суду. Здѣсь слѣдователь выйдетъ вновь изъ предѣловъ своихъ обязанностей и опять вступитъ въ кругъ дѣйствій обвинительной власти.

Если предоставить слѣдователю, по собственному его усмотрѣнію, отказывать въ исполненіи требованій прокурора, то нельзя не опасаться, что между этими лицами будутъ весьма часто возникать столкновенія и пререканія, которыя расплодятъ переписку, безъ всякой пользы для правосудія, усложнятъ производство и затрудпятъ не только слѣдователя и прокурора, но и самый судъ, а главное—будутъ имѣть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ несвоевременность слѣдственныхъ дѣйствій и утрату слѣдовъ преступленія.

Защитники полной независимости слѣдователя

отъ прокурора обыкновенно ставятъ въ примѣръ Францію, въ которой разногласіе слѣдователя съ прокуроромъ подлежитъ въ каждомъ случаѣ разрѣшенію суда. Но во Франціи прокурору въ нѣкоторыхъ случаяхъ предоставлено предпринимать своимъ лицомъ слѣдственныя дѣйствія, чего ни основныя положенія, ни проектъ устава не предоставляютъ нашимъ прокурорамъ. Равномѣрно забываютъ и то, что во Франціи судьи-слѣдователи избираются обыкновенно изъ старшихъ членовъ суда, имѣющихъ долголѣтнюю судебную опытность при высшемъ юридическомъ образованіи, и что разстояніе суда отъ слѣдователя незначительно. Между тѣмъ наши слѣдователи хотя и считаются членами окружнаго суда, но по служебнымъ ихъ отношеніямъ могутъ быть признаны только младшими его членами, а суды наши, по огромности нашихъ пространствъ, малонаселенности ихъ и значительной юрисдикціи мировыхъ учрежденій, будутъ размѣщены рѣдко, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ верстъ, почему испрашиваніе разрѣшенія отъ суда по поводу каждаго разномыслія между прокуроромъ и слѣдователемъ повлекло бы за собою неминуемо проволочку въ производствѣ слѣдствій. Отсюда видно, что дѣйствующія во Франціи начала о взаимныхъ отношеніяхъ между слѣдователемъ и прокуроромъ не приложимы къ нашему отечеству.

У насъ между слѣдователемъ и прокуроромъ должны быть болѣе простыя и сообразныя съ мѣстными условіями Россіи отношенія, которыя установятся весьма легко, если обязать слѣдователя о встрѣченныхъ имъ препятствіяхъ къ выполненію требованій прокурора поставлять его въ извѣстность, а при дальнѣйшемъ настояніи прокурора приступать къ исполненію его требованія съ правомъ представить случай, подавшій поводъ къ разномыслію, на усмотрѣніе суда. При опредѣленіи въ этомъ смыслѣ отношеній прокурора къ слѣдователю, обвинительной власти будутъ преподаны необходимые способы къ ея дѣйствію, слѣдователь и прокуроръ не будутъ поставлены во враждебныя отношенія другъ къ другу и возможность пререканій устранится во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ они основаны не на различныхъ взглядахъ на самый предметъ изслѣдованія, а на одномъ только недоразумѣніи. Наконецъ судъ освободится отъ необходимости подвергать большую часть этихъ вопросовъ своему обсужденію, и тѣмъ будетъ поставленъ

въ возможность посвятить болѣе времени прямому отправленію правосудія.

Нѣтъ основанія думать, что предполагаемыя отношенія между прокуроромъ и судебнымъ слѣдователемъ уронятъ достоинство сего послѣдняго. Обязанность исполнить требованіе обвинительной власти возлагается на него только въ томъ случаѣ, когда власть эта будетъ настаивать на исполненіи своего требованія, не смотря на встрѣтившіяся затрудненія, слѣдовательно, когда обвинительная власть принимаетъ на себя всю отвѣтственность за послѣдствія, не лишая въ тоже время слѣдователя права представить о томъ суду.

Между тѣмъ затрудненія, встрѣченныя слѣдователемъ, будутъ разрѣшаться гораздо скорѣе прокуроромъ, нежели судомъ въ коллегіальномъ его составѣ, тѣмъ болѣе, что во многихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ суда, будутъ товарищи прокуроровъ, почему сношенія между ними потребуютъ менѣе времени, нежели сношенія слѣдователя съ судомъ, который, кромѣ того, обязанъ будетъ истребовать заключеніе прокурора. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда слѣдователь признаетъ не возможнымъ исполнить требованіе прокурора, не смотря на его настоянія, тамъ замедленіе не важно, такъ какъ вмѣстѣ съ представленіемъ суду слѣдователь обязанъ будетъ приступить къ самому исполненію.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ *шесть членовъ* коммисіи не находятъ никакого основанія отступать отъ точнаго смысла предначертанныхъ основными положеніями правилъ (ч. II ст. 50—52), по которымъ слѣдователь обязанъ исполнять всѣ требованія прокурора, относящіеся къ изслѣдованію преступленія и къ собранію доказательствъ. Изъ правила этого допущено изъятіе только въ отношеніи къ требованію о взятіи обвиняемаго подъ стражу, и лишь одно это изъятіе и должно быть удержано въ уставѣ. Вслѣдствіе сего *шесть членовъ* полагали бы ст. 241 проекта о предварительныхъ слѣдствіяхъ изложить слѣдующимъ образомъ:

Если въ исполненіи требованія прокурора встрѣтится препятствіе, то судебный слѣдователь увѣдомляетъ о томъ прокурора. Если же и за тѣмъ прокуроръ будетъ настаивать на своемъ требованіи, то судебный слѣдователь обязанъ приступить къ исполненію онаго, но можетъ представить на усмотрѣніе суда о случаѣ, подавшемъ поводъ къ разномыслію.

Мнѣніе большинства.

Четырнадцать членовъ (Александровъ, Гольтгоеръ, М. Зарудный, Ковалевскій, Куприяновъ, Любимовъ, Макалинскій, Перетцъ, Поповъ, Розинъ, Розовъ, Романовскій, Спасовичъ и Утинъ) находятъ, что вышеизложенное правило, въ самомъ корнѣ своемъ, противно основаніямъ вводимаго у насъ уголовнаго судопроизводства.

Основными положеніями о преобразованіи судебной части власть обвинительная отдѣлена отъ судебной и каждая изъ нихъ поставлена независимо другъ отъ друга. Власть обвинительная, т. е. обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ, принадлежитъ прокурорамъ; но имъ вовсе не дано право производить и самыя слѣдствія. По важности ихъ, слѣдственныя дѣйствія возлагаются на судебныхъ слѣдователей, особыхъ органовъ судебной власти, подчиненныхъ исключительно окружнымъ судамъ, при которыхъ они состоятъ членами.

Отсюда очевидно, что судебный слѣдователь долженъ быть независимъ отъ власти обвинительной. Онъ долженъ имѣть право взвѣшивать необходимость дѣйствій, требуемыхъ отъ него прокуроромъ; все слѣдствіе поручено ему и отъ него должно зависѣть какъ избраніе средствъ, нужныхъ для открытія истины, такъ и представленіе суду объ отклоненіи тѣхъ, которыя, по мнѣнію его, притѣснительны и безполезны.

Если понимать иначе значеніе судебныхъ слѣдователей, то къ чему же учреждать ихъ? Если считать ихъ обязанными исполнять въ точности и безпрекословно всѣ требованія прокурора, то это значило бы обратить ихъ въ слѣпое орудіе обвинительной власти, это значило бы только избавить прокуроровъ отъ черной работы, но оставить въ ихъ же рукахъ все производство слѣдствій. Если такъ, то почему же не постановить этого прямо и не сказать, что слѣдствія производятся прокурорами и ихъ товарищами? Но это было бы невозможно: законъ не можетъ допустить, чтобы самъ обвинитель былъ и слѣдователемъ. Слѣдствіе можетъ быть производимо только лицемъ безпристрастнымъ, судьею, который, будучи поставленъ выше обѣихъ сторонъ: обвиненія и защиты, не увлекается односторонними и пристрастными требованіями ихъ и взглядами. Несмѣняемость судебнаго слѣдователя и подчиненіе его одному лишь суду служатъ обществу лучшимъ ручательствомъ какъ въ огражденіи его интересовъ, такъ и въ защитѣ частныхъ людей отъ напрасныхъ безпокойствъ и стѣсненій.

Возражаютъ, что принятымъ въ проектѣ порядкомъ прокуроръ подчиняется слѣдователю. Нисколько: каждый изъ нихъ сохраняетъ вполнѣ свою независимость, но разногласія между ними разрѣшаются судомъ.

Опасаются пререканій между прокуроромъ и слѣдователемъ. Но, для избѣжанія ихъ, предлагаютъ мѣру, слишкомъ уже простую: подчинить судебную власть обвинительной. Это значитъ не распутать, а разсѣчь гордіевъ узелъ. Впрочемъ, по мнѣнію большинства, опасенія о такихъ пререканіяхъ совершенно напрасны; они устранятся единственно возможнымъ противъ нихъ средствомъ отвѣтственностью слѣдователя за всякое своевольное неисполненіе правильныхъ требованій прокурора.

Приводятъ, что прокуроръ будетъ лишенъ даже права обратить дѣло къ дослѣдованію. Это несправедливо, ибо въ статьѣ 244-й, выражено положительно, что прокуроръ можетъ требовать дополненія предварительнаго слѣдствія по сдѣланнымъ имъ указаніямъ, хотя бы судебный слѣдователь и призналъ то слѣдствіе конченнымъ.

Говорятъ, что наши судебные слѣдователи не могутъ быть приравниваемы къ французскимъ судьямъ-слѣдователямъ. Но если бы это замѣчаніе и дѣйствительно было вѣрно, то и въ такомъ случаѣ нельзя оставить безъ вниманія: 1) что практической опытности скорѣе можно ожидать отъ лица, постоянно производящаго слѣдствія, нежели отъ прокурора, возбуждающаго только дѣла и преслѣдующаго ихъ передъ судомъ; 2) что въ случаѣ обращенія слѣдователей въ подчиненныхъ прокурорамъ полицейскихъ чиновниковъ, у насъ, навѣрное, не только въ первое время, но и вообще не будетъ настоящихъ судебныхъ слѣдователей; и наконецъ, 3) что неизвѣстно еще, каковы будутъ у насъ прокуроры, а въ особенности низшее звено обвинительной власти—имѣющіе состоять въ уѣздныхъ городахъ товарищи прокуроровъ, съ которыми именно слѣдователи и будутъ въ постоянныхъ сношеніяхъ.

Полагаютъ, что принятая въ проектѣ статья 241-я заимствована изъ французскаго законодательства. Дѣйствительно, такое правило существуетъ во Франціи; но только не въ ней одной, а во всѣхъ извѣстныхъ большинству коммисіи законодательствахъ, установляющихъ оффиціальную обвинитель-

пую власть (*). Слѣпое во всемъ подражаніе другимъ государствамъ, безъ соображенія съ потребностями нашего отечества, конечно, было бы вредно. Но заимствуя, почти всецѣло, выработавшіяся у народовъ болѣе образованныхъ общія формы суда, возможно-ли отступить отъ принятаго всюду, самаго коренпаго начала: независимости судебной власти отъ обвинительной, и, несмотря на всеобщій голосъ противъ огромнаго значенія сей послѣдней въ нѣкоторыхъ странахъ, создать у насъ прокуратуру съ бо̀льшими даже правами, нежели французское ministère public?

Наконецъ, нельзя не замѣтить, что если относительно самаго важнаго момента слѣдствія,— задержанія обвиняемаго, признано необходимымъ дать слѣдователю право представить суду о неосновательности прокурорскаго требованія, то какое же можетъ быть основаніе къ установленію общаго правила, чтобы во всѣхъ другихъ случаяхъ, менѣе важныхъ, производящій слѣдствіе и находящійся на мѣстѣ судебный слѣдователь исполнялъ всѣ требованія отсутствующаго прокурора, знакомаго съ дѣломъ только по бумагамъ?

По всѣмъ симъ уваженіямъ, большинство членовъ полагаетъ постановить слѣдующее правило: Если судебный слѣдователь признаетъ требованіе прокурора не имѣющимъ надлежащаго основанія, то, не исполняя его, представляетъ о томъ на усмотрѣніе суда.

Объ отводѣ прокурора отъ наблюденія за предварительнымъ слѣдствіемъ (ст. 245).

По третьему вопросу коммисія находила, что прокуроръ, по огромному вліянію своему, какъ на полицейскихъ чиновниковъ, чрезъ которыхъ онъ вправѣ собирать по дѣлу всевозможныя свѣдѣнія, такъ и на самаго судебнаго слѣдователя, а чрезъ него и на ходъ дѣла, никакъ не менѣе опасенъ для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, чѣмъ слѣдователь, подъ наблюденіемъ прокурора собирающій матеріалы слѣдствія. Хотя дѣйствія обвинителя всегда будутъ представляться обвиняемому болѣе

(*) См. Кодексы: Французскій (ст. 135), Бельгійскій (ст. 83), Италіанскій (ст. 97), Австрійскій (ст. 92), Саксонскій (ст. 115), Баварскій (ст. 24), Брауншвейгскій (ст. 36), Тюрингенскій (ст. 76), Баденскій (ст. 25), Ганноверскій (ст. 77), Нассаускій), (ст. 37); Прусскій законъ 17 Окт. 1856 г., Шотландскій законъ 1765 г. § IV. Американскія законодательства идутъ еще далѣе: въ нихъ опредѣлены даже случаи, въ которыхъ судья можетъ дозволить производство нѣкоторыхъ слѣдственныхъ дѣйствій, какъ напр. обысковъ. Ср. законы (Нью-Іоркскій ст. 861—866), Массачусетскій (ст. 774), Виргинскій (ст. 203).

или менѣе стѣснительнымп, почему дозволеніе сему послѣднему предъявлять формальные противъ прокурора отводы привело бы къ размноженію ябедническихъ просьбъ, но за всѣмъ тѣмъ пе подлежитъ сомнѣнію, что если прокуроръ находится съ обвиняемымъ или гражданскимъ истцомъ въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя служатъ поводомъ къ отводу судей, то онъ обязанъ самъ себя устранить, и что на дѣйствія его, въ противность сему правилу, могутъ быть подаваемы жалобы прокурору судебной палаты.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объ условіяхъ производства предварительныхъ слѣдствій (ст. 247—259).

Эта глава раздѣлена коммисіею на два отдѣленія, въ коихъ помѣщены правила: 1) о мѣстѣ и времени производства предварительныхъ слѣдствій, и 2) о допущеніи гласности и защиты обвиняемыхъ при предварительныхъ слѣдствіяхъ.

Въ основныхъ положеніяхъ не предначертано по настоящему предмету никакихъ новыхъ правилъ, но только въ отмѣну существующаго правила постановлено, что слѣдствіе производится безъ депутатовъ отъ сословій или вѣдомствъ (ч. II, ст. 42).

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О мѣстѣ и времени производства слѣдствій.

Сущность правилъ, изложенныхъ въ первомъ отдѣленіи главы второй, заключается въ томъ, что каждый слѣдователь производитъ предварительныя слѣдствія въ назначенномъ ему участкѣ, и что если по дѣламъ, ему ввѣреннымъ, встрѣтится надобность въ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ внѣ его участка, то онъ, или требуетъ исполненія этихъ дѣйствій отъ слѣдователя, въ участкѣ коего они должны быть произведены, или самъ отправляется въ тотъ участокъ, если признаетъ необходимымъ сохранить единство и непрерывность въ дѣйствіяхъ. Правила эти составляютъ только развитіе того, что принято уже отчасти существующими законами и допускается судебною практикою.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О допущеніи гласности и защиты обвиняемыхъ при предварительномъ слѣдствіи.

Правила, помѣщенныя во второмъ отдѣленіи второй главы, предначертаны коммисіею въ разрѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ:

1) не слѣдуетъ ли гласность судопроизводства распространить и на предварительныя слѣдствія?

2) не должно ли предоставить слѣдователю право устранять гласность, когда это окажется необходимымъ?

3) не слѣдуетъ ли допустить защиту обвиненныхъ при предварительномъ слѣдствіи?

4) какимъ условіямъ защитники должны удовлетворять?

О степени гласности предварительнаго слѣдствія (ст. 252).

Давно и отовсюду слышались у насъ жалобы на то, что права обвиняемаго, по дѣйствующему нынѣ закону, не имѣютъ, при слѣдствіи, достаточнаго огражденія. Сознавая всю справедливость этихъ жалобъ, подтверждаемыхъ даже и самими слѣдователями, и принимая за несомнѣнную истину, что всякому лицу, подвергшемуся уголовному преслѣдованію, должны быть предоставлены надлежащія ограждения, необходимыя въ особенности тогда, когда интересы общества будутъ защищаемы оффиціальными обвинителями, — коммисія находила, что самымъ дѣйствительнымъ для этого средствомъ было бы допущеніе, въ извѣстной степени, гласности въ производствѣ предварительнаго слѣдствія. Средство это полезно тѣмъ болѣе, что кромѣ огражденія обвиняемыхъ отъ могущихъ быть притѣсненій, оно способствуетъ также и къ раскрытію истины, потому что нерѣдко приводитъ къ слѣдствію такихъ свидѣтелей, кои слѣдователю даже неизвѣстны.

Гласность слѣдствія имѣетъ еще и то весьма важное преимущество, что устраняетъ несправедливыя нареканія на добросовѣстныхъ слѣдователей, внушаетъ полное довѣріе къ уголовному суду, и предупреждаетъ возможность голословнаго отказа подсудимыхъ отъ сдѣланнаго ими признанія въ преступленіи. Практика наша сплошь и рядомъ указываетъ на случаи, въ которыхъ обвиняемый, чистосердечно сознавшійся въ преступленіи на первомъ допросѣ, потомъ отказывается отъ сдѣланнаго признанія, ссылается на свою неграмот-

ность, на незнаніе вовсе того лица, которое, за неграмотностію его, росписалось, и обвиняетъ слѣдователя въ недобросовѣстности. Нынѣшній судъ дѣлаетъ въ такомъ случаѣ запросъ слѣдователю, который обыкновенно отвѣчаетъ, что извѣтъ обвиняемаго неоснователенъ, въ слѣдствіе чего первое сознаніе признается совершеннымъ доказательствомъ и обвиняемый, справедливо или нѣтъ, по большею частью осуждается. Все это возможно и понятно при закрытомъ судѣ, но если такое же отреченіе отъ признанія будетъ сдѣлано обвиняемымъ въ судѣ открытомъ и слѣдователь, снимавшій показаніе келейно и съ глазу на глазъ, приведетъ присяжнымъ и суду лишь то, что извѣтъ не основателенъ, то едва-ли такой отзывъ можетъ убѣдить присяжныхъ въ несправедливости словъ обвиняемаго. Часто случится совершенно противное и присяжные будутъ скорѣе вѣрить невинности подсудимаго и недобросовѣстности слѣдователя. Такіе извѣты, могущіе повториться чуть ли не въ каждомъ судебномъ засѣданіи, произвели бы на публику и на присяжныхъ впечатлѣніе далеко не въ пользу учрежденія судебныхъ слѣдователей, а главное повели бы къ оправданію самыхъ закоренѣлыхъ преступниковъ, наиболѣе искусныхъ въ различныхъ изворотахъ на судѣ.

О правѣ слѣдователя устранять гласность, когда окажется это необходимымъ (ст. 252—254).

Но при всѣхъ преимуществахъ гласности предварительнаго слѣдствія, коммисія не могла не предвидѣть, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ гласность можетъ воспрепятствовать открытію истины. Поэтому признано необходимымъ предоставить судебному слѣдователю право закрывать двери своей камеры, обязавъ его однако составлять каждый разъ протоколъ о побудительныхъ къ тому причинахъ. При начертаніи этихъ предположеній, коммисія придерживалась существующаго въ Англіи порядка. Тамъ публичность слѣдствія обязательна по закону только тогда, когда мировой судья или полицейскій магистратъ рѣшаютъ уголовный случай, принадлежащій къ разряду незначительныхъ полицейскихъ проступковъ; при изслѣдованіи же важныхъ преступленій какъ древнее право, такъ и законъ 1848 г. допущеніе публики предоставляютъ на волю судьи. Впрочемъ, по свидѣтельству Миттермайера, судья-слѣдователь очень рѣдко дѣлаетъ употребленіе изъ своего права, и никогда не случается, чтобы все предварительное слѣдствіе отъ начала до конца совершалось тайно. Если

судья не допускаетъ присутствовать публику, то только при отдѣльныхъ судебныхъ дѣйствіяхъ, напримѣръ при допросѣ важныхъ свидѣтелей, которыхъ могло бы присутствіе постороннихъ удержать отъ искреннихъ показаній.

О защитѣ обвиняемыхъ при предварительномъ слѣдствіи (ст. 255 и 257—259).

Одно допущеніе гласности въ производствѣ предварительнаго слѣдствія не можетъ служить достаточнымъ огражденіемъ для обвиняемыхъ, потому, что гласность не вездѣ и не всегда примѣнима, какъ по закрытію дверей самимъ слѣдователемъ, такъ и по той причинѣ, что въ деревняхъ и захолустьяхъ, гдѣ часто совершаются слѣдственныя дѣйствія, слѣдователь по неволѣ останется на единѣ съ обвиняемымъ. Единственное въ такихъ случаяхъ огражденіе обвиняемаго есть предоставленіе ему права защиты, которое является неизбѣжнымъ послѣдствіемъ допущенія представителей обвинительной власти къ присутствію при всѣхъ дѣйствіяхъ судебнаго слѣдователя. Какъ на судѣ, такъ и при слѣдствіи права обѣихъ сторонъ должны быть одинаковы. Если же при собираніи необходимыхъ для суда матеріаловъ, слѣдователь постоянно будетъ побуждаемъ только прокуроромъ, лицомъ опытнымъ и вліятельнымъ, то конечно онъ сдѣлается одностороннимъ и будетъ оставлять безъ вниманія интересы обвиняемаго, весьма часто не имѣющаго ни смѣлости, ни умѣнья представить все то, что можетъ служить къ его оправданію. По этимъ уваженіямъ, коммисіею единогласно признана необходимость допущенія защиты при слѣдствіи. Но по вопросу о томъ, кто можетъ быть допускаемъ въ защитники, образовались три мнѣнія:

Объ условіяхъ, коимъ защитники должны удовлетворить (ст. 256).

Мнѣніе одного члена.

Одинъ членъ (*Александровъ*) представилъ по этому вопросу слѣдующія соображенія:

Защитникъ при предварительномъ слѣдствіи несомнѣнно полезенъ какъ *для подсудимаго*, такъ и *для слѣдователя*. Способствуя подсудимому въ представленіи всего клонящагося къ его оправданію, онъ тѣмъ самымъ предохраняетъ слѣдователя отъ односторонности и помогаетъ безпристрастному разсмотрѣнію дѣла и всестороннему раскрытію истины,—что составляетъ цѣль и важнѣйшее достоинство слѣдствія. Но эта помощь защитника подсудимому и слѣдователю—тогда только можетъ быть вполнѣ надежна и успѣшна, когда защитникъ достаточно приготовленъ—теоретически и практиче-

ски—къ роду своихъ занятій, когда онъ знаніемъ дѣла и искусствомъ можетъ состязаться съ публичнымъ обвинителемъ, или слѣдователемъ, когда онъ владѣетъ умѣньемъ противопоставить препоны ихъ одностороннему увлеченію. Нѣтъ сомнѣнія что нельзя подобное знаніе и искусство предполагать разлитымъ въ массѣ народа, откуда безъ разбора хотятъ брать защитниковъ для предварительнаго слѣдствія. Случайно взятый изъ массы народа защитникъ не въ состояніи будетъ пойти въ защитѣ далѣе самыхъ простыхъ и очевидныхъ фактовъ, которые по большей части и безъ защитника, при добросовѣстности слѣдователя, не будутъ камнемъ преткновенія и поводомъ къ односторонности. При недобросовѣстности же, слѣдователь, искусный въ своемъ дѣлѣ, всегда съумѣетъ обойти и отвести глаза неискусному защитнику. Защитникъ-дилетантъ можетъ разумѣется замѣтить и заявить очевидную недобросовѣстность, очевидное упущеніе, очевидное пристрастіе слѣдователя; но съ одной стороны странно было бы, если бы уставъ предварительнаго слѣдствія ставилъ своею исходною точкою недобросовѣстность слѣдователя, а съ другой для предотвращенія очевидныхъ упущеній и злоупотребленій и безъ присутствія защитника—есть много гарантій: это—гласность до извѣстной степени предварительнаго слѣдствія, присутствіе при нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ понятыхъ, имѣющихъ право обращать вниманіе слѣдователя на относящіяся къ дѣлу обстоятельства, право и даже обязанность всякаго доводить до свѣдѣнія слѣдователя все относящееся къ дѣлу, наконецъ—повѣрка предварительнаго слѣдствія и неотъемлемое право подсудимаго приносить жалобу на слѣдователя, отказывающаго подсудимому въ предоставленіи ему всѣхъ способовъ къ его оправданію. Разумѣется и при существованіи этихъ гарантій для защитника найдется дѣло; но его занятія перейдутъ уже изъ сферы очевидныхъ и всякому понятныхъ фактовъ—въ сферу спеціальнаго юридическаго знанія и искусства, въ сферу тонкостей законодательства и уголовной практики, въ ту именно сферу, гдѣ хорошо можетъ дѣйствовать только спеціально подготовленный человѣкъ, которыхъ не много въ массѣ народа. Нынѣшніе депутаты не потому только не приносили пользы, что были небрежны въ исполненіи своихъ обязанностей, но и потому,—и это главное, что были несвѣдущи въ законахъ и не имѣли никакой спеціальной подготовки къ испол-

нію своихъ обязанностей,—были безсильны, по своему незнанію и неискусству.

Но можно бы было не спорить о дарованіи всѣмъ права быть защитниками на предварительномъ слѣдствіи, если бы только можно было сомнѣваться въ полезности такихъ защитниковъ. Рѣшать полезность или неполезность такого защитника—можно было бы предоставить самому подсудимому, котораго въ этомъ дѣлѣ—ближайшій интересъ, и отъ котораго такимъ образомъ зависѣло бы брать или не брать себѣ защитника. Можно было бы не спорить, если бы не было опасенія, что допущеніе неограниченнаго выбора защитниковъ можетъ нерѣдко вредить успѣху предварительнаго слѣдствія.

Проектъ устава о предварительныхъ слѣдствіяхъ, допуская гласность этихъ слѣдствій, нашелъ однако нужнымъ—по единогласному мнѣнію всѣхъ членовъ коммисіи—допустить, чтобы въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствія предварительнаго слѣдствія производились негласно. Такимъ образомъ проектъ признаетъ въ иныхъ случаяхъ секретность необходимымъ условіемъ успѣха слѣдствія. Дѣйствительно, всякій занимавшійся производствомъ слѣдствій можетъ указать нѣсколько случаевъ, гдѣ успѣшное открытіе истины имѣло своимъ условіемъ секретность извѣстныхъ слѣдственныхъ дѣйствій и распоряженій. Хотя бы такіе случаи и были не многочисленны, но тѣмъ не менѣе они существуютъ и чаще всего выпадаютъ на долю важнѣйшихъ уголовныхъ дѣлъ. Для защитника, если хотятъ, чтобы защита была не номинальная, а дѣйствительная, совершенная и всесторонняя,—не должно быть ничего секретнаго въ предварительномъ слѣдствіи, ему должны быть вполнѣ извѣстны всѣ дѣйствія слѣдователя по данному дѣлу и всѣ его распоряженія, ему должны быть открыты всѣ бумаги предварительнаго слѣдствія. Но кто станетъ утверждать, что защитникъ подсудимаго, выбранный изъ лицъ, непредставляющихъ гарантій своей добросовѣстности, не воспользуется извлеченнымъ имъ изъ дѣла секретнымъ свѣдѣніемъ именно къ тому, чтобы коварнымъ и недобросовѣстнымъ образомъ закрыть истину въ дѣлѣ. Защита обратится не въ изысканіе обстоятельствъ, оправдывающихъ подсудимаго, а къ сокрытію слѣдовъ, по которымъ можно дойти до убѣжденія въ виновности подсудимаго, къ воспрепятствованію всѣми способами успѣшному изысканію истины. Такая защита не можетъ быть желаема. А при до-

пущенін защитниковъ, безъ ограниченія выбора ихъ, именно будетъ создана такого рода защита. Подсудимые обратятся къ лицамъ, искусившимся въ канцелярскихъ злоупотребленіяхъ,—подобнымъ нынѣ существующимъ у насъ ходатаямъ по дѣламъ, а эти, имѣя единственною цѣлію свои денежныя выгоды, будутъ стремиться къ оправданію обвиняемаго, не представленіемъ вниманію слѣдователя дѣйствительно оправдывающихъ обвиняемаго обстоятельствъ, а стараніемъ скрыть слѣды преступленія и поставить дѣйствительно виновнаго въ положеніе, гдѣ преслѣдованіе совершеннаго имъ преступленія сдѣлается невозможнымъ,—въ слѣдствіе искусно поставленныхъ къ тому препятствій. Защита подобнаго рода не есть что либо новое, вводимое проектомъ; она существуетъ и теперь. Подсудимый находитъ себѣ защитника, какъ только поступаетъ въ тюрьму,—въ лицѣ своихъ сотоварищей, и слѣдователи-практики знаютъ, съ какими трудностями соединяется борьба съ подсудимымъ, какъ только онъ успѣетъ запастись совѣтами и опытностію отъ товарищей своей участи. А если подсудимый успѣваетъ еще запастись и особымъ ходатаемъ—въ лицѣ отставленнаго отъ службы полицейскаго или другаго чиновника, то истина по большей части или достается слѣдователю цѣною долгой и трудной борьбы, или же и совершенно изчезаетъ подъ вліяніемъ искусныхъ маневровъ ходатая. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство членовъ не желаетъ узаконить подобнаго рода защиту; а между тѣмъ, неограничивая подсудимаго въ выборѣ защитника, оно именно создаетъ такую защиту. При этой защитѣ роль слѣдователя, какъ посредника, изчезнетъ; ему напротивъ придется вести двойную борьбу—не только съ подсудимымъ, но и съ коварствомъ и недобросовѣстностію защитника. Едва ли результатомъ этого будетъ безпристрастное разъясненіе дѣла.

Нѣсколько членовъ, предвидя возможность злоупотребленій со стороны защитника, хотятъ дать слѣдователю право отводить иногда защитника. Но право это, если не будетъ строго и точно опредѣлено, что сдѣлать впрочемъ едвали возможно, обратится въ орудіе произвола, или останется неприложимымъ, такъ какъ не всегда очевиднымъ образомъ можно доказать недобросовѣстность и злоупотребленіе защитника.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ къ защитѣ на предварительномъ слѣдствіи можно допускать толь-

ко присяжныхъ повѣренныхъ и мировыхъ судей, какъ лицъ, которыя по условіямъ ихъ выбора и по ихъ общественному положенію, представляютъ надлежащія гаранттіи въ истинномъ пониманіи своего долга, въ знаніи дѣла и въ добросовѣстности своихъ дѣйствій при защитѣ.

Говорятъ, что при строгихъ, предлагаемыхъ здѣсь условіяхъ выбора, защитники будутъ существовать только на бумагѣ, но ихъ не будетъ на дѣлѣ. Но противъ этого возраженія можно замѣтить, что при широкихъ условіяхъ выбора защитниковъ, принимаемыхъ проектомъ, будутъ защитники, но не будетъ истинной и дѣйствительной защиты. Правда, что нельзя надѣяться располагать большимъ количествомъ присяжныхъ повѣренныхъ и мировыхъ судей, но нужно принять во вниманіе и то, что далеко не всѣ предварительныя слѣдствія могутъ нуждаться въ присутствіи защитника. Многія изъ дѣлъ такъ просты и не сложны въ своихъ обстоятельствахъ, что они легко могутъ быть разслѣдованы и разъяснены съ совершеннымъ безпристрастіемъ и безъ помощи защитника, и что не могутъ представить для слѣдователя камня преткновенія и увлечь его въ односторонность. Въ такихъ дѣлахъ, а они составляютъ большинство, судьба подсудимаго удобно можетъ быть довѣрена добросовѣстности, безпристрастію и проницательности слѣдователя, тѣмъ болѣе, что большая часть упущеній и односторонностей предварительнаго слѣдствія можетъ быть исправлена при слѣдствіи формальномъ. Останутся немногія дѣла, которыя по своей сложности, трудности, важности и особымъ случайностямъ, могутъ привести слѣдователя къ одностороннему взгляду или увлечь его на сторону обвиненія—въ ущербъ оправданію, но такія дѣла, по своей немногочисленности, могутъ найти защитниковъ и изъ присяжныхъ повѣренныхъ и мировыхъ судей, и въ этихъ то дѣлахъ особенно и необходимо знаніе и искусство хорошо приготовленнаго юриста. Затѣмъ нѣтъ сомнѣнія, что, съ развитіемъ юридической жизни въ народѣ и пониманія духа новаго судопроизводства, общества и корпорацій постараются имѣть для защиты своихъ членовъ особыхъ присяжныхъ повѣренныхъ, подобно тому, какъ въ настоящее время, въ силу закона, имѣютъ они своихъ депутатовъ.

Мнѣніе десяти членовъ.

Десять членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Вилинбаховъ, Есиповичъ, Ковалевскій, Макалинскій,

Плавскій, Поповъ, Принтцъ и Спасовичъ), объявили слѣдующее мнѣніе:

Нѣтъ сомнѣнія, что допущеніе защиты обвиняемыхъ, при предварительномъ слѣдствіи, можетъ устранить въ изысканіи обстоятельствъ дѣла то одностороннее направленіе, котораго трудно избѣгнуть при производствѣ изслѣдованія подъ вліяніемъ одной обвинительной власти. Изъ этого однако неслѣдуетъ, чтобы къ защитѣ обвиняемаго при предварительномъ слѣдствіи могло быть допущено, безъ разбора, всякое лице, которому закономъ не воспрещено ходатайство по чужимъ дѣламъ. Такое широкое право выбора защитниковъ можетъ быть предоставлено обвиняемымъ только на судѣ, гдѣ недобросовѣстность защиты обезоружена собранными уже по дѣлу доказательствами. Но въ то время, когда доказательства только еще изыскиваются и собираются, недобросовѣстный защитникъ всегда можетъ воспрепятствовать раскрытію истины. Говорятъ, что можетъ сдѣлать недобросовѣстный защитникъ? Тоже, что и самъ обвиняемый, который, въ опредѣленныхъ законами случаяхъ, берется подъ стражу не изъ одного опасенія побѣга, а также для того, чтобы лишить его возможности противодѣйствовать раскрытію истины въ томъ дѣлѣ, къ которому онъ привлеченъ. Предупрежденіе тѣхъ лицъ, у которыхъ по ходу слѣдствія должны быть сдѣланы осмотры, обыски или выемки, передача показаній допрошенныхъ лицъ тѣмъ, которымъ допросъ еще предстоитъ, отклоненіе слѣдствія отъ настоящаго пути указаніемъ ложныхъ признаковъ преступленія, подача ябедническихъ заявленій и жалобъ, для запутанія дѣла—вотъ какими средствами недобросовѣстный защитникъ можетъ совершенно парализировать дѣйствія слѣдователя. Напрасно думаютъ, что отъ слѣдователя зависитъ предупреждать такія продѣлки быстротою слѣдственныхъ дѣйствій. При нашихъ огромныхъ разстояніяхъ, дурныхъ средствахъ сообщенія и неудовлетворительной организаціи полиціи, не отъ воли слѣдователя зависитъ, чтобы слѣдственныя дѣйствія слѣдовали одно за другимъ непрерывно. Равномѣрно не во власти слѣдователя привлечь къ отвѣтственности всякого недобросовѣстнаго защитника и устранить его по этому поводу отъ защиты. Видя ясно, что защитникъ обвиняемаго втайнѣ противодѣйствуетъ открытію истины, слѣдователь можетъ не имѣть на то положительныхъ доказательствъ,

для привлеченія его къ отвѣтственности и для устраненія отъ защиты. Вообще, можно ли поставлять судебнаго слѣдователя въ такое положеніе, что онъ долженъ будетъ производить изслѣдованія не только о преступленіи обвиняемаго, но и объ укрывательствѣ этого преступленія его защитникомъ? Такимъ образомъ предварительныя слѣдствія не имѣли бы конца и приводили бы не къ открытію, но къ закрытію преступленій.

Въ подкрѣпленіе предположенія о допущеніи неограниченнаго права защиты при предварительномъ слѣдствіи, ссылаются обыкновенно на англійское судопроизводство; но при этомъ упускаютъ изъ виду, что въ Англіи розыскъ и собраніе доказательствъ производятся совокупными силами обвинителя и полиціи, а слѣдователь имѣетъ характеръ настоящаго судьи. Если онъ находитъ обвиненіе голословнымъ, но вѣроятнымъ, то, не производя самъ никакого розыска, только указываетъ на средства доказать преступленіе, а полиція и обвинитель стараются восполнить тѣ пробѣлы въ доказательствахъ, на которыя указалъ судья. Въ Англіи предварительное слѣдствіе не есть необходимое производство и случается не рѣдко, что обвинитель, собравъ доказательства, при содѣйствіи полиціи, обращается къ судьѣ только для окончательныхъ слѣдственныхъ дѣйствій, имѣющихъ судебное свойство. Обвинителю не возбраняется даже прямо обратиться къ большему суду присяжныхъ, для преданія обвиняемаго суду. Понятно послѣ этого, что въ Англіи защита обвиняемаго при предварительномъ слѣдствіи имѣетъ иное значеніе, чѣмъ въ другихъ государствахъ, а именно значеніе защиты на судѣ. Не смотря на это, въ Англіи разрѣшеніе вопроса, можетъ ли обвиняемый при предварительномъ слѣдствіи пользоваться помощью другаго, законъ предоставляетъ усмотрѣнію судьи. Впрочемъ, по свидѣтельству Миттермайера, наблюдавшаго на мѣстѣ англійскій процессъ, ни въ одномъ изъ уголовныхъ случаевъ, при изслѣдованіи которыхъ онъ присутствовалъ, обвиняемому не было отказано въ защитникѣ, но въ большей части случаевъ не было никакого защитника.

Примѣняясь именно къ порядку, существующему въ Англіи, десять членовъ полагаютъ: допустивъ избраніе въ защитники всякое лице, пелишенное права ходатайствовать по чужимъ дѣламъ, уполномочить слѣдователей на устраненіе тѣхъ защитниковъ, которые признаны будутъ ими недо-

статочно благонадежными, или которые навлекутъ на себя подозрѣніе въ противодѣйствіи открытію истины, о чемъ слѣдователь долженъ объяснить въ протоколѣ. Идти далѣе этого въ огражденіи правъ обвиняемаго при предварительномъ слѣдствіи было бы крайне неосторожно, да едвали и нужно. Защита можетъ принести пользу не въ обузданіи злонамѣреннаго слѣдователя, который всегда найдетъ средства провести защитника, но въ обращеніи вниманія добросовѣстнаго слѣдователя на обстоятельства, изслѣдованіе которыхъ можетъ послужить къ оправданію или ослабленію виновности подозрѣваемаго, и въ устраненіи поводовъ къ одностороннему взгляду на дѣло вообще.

Слѣдователь долженъ смотрѣть на обвинителя и защитника обвиняемаго, какъ на сотрудниковъ своихъ во всестороннемъ изысканіи истины. Едва ли сколько нибудь добросовѣстный слѣдователь станетъ препятствовать избранію обвиняемымъ защитника, или дозволитъ себѣ устранить избраннаго защитника, безъ основательныхъ причинъ, тѣмъ болѣе, что всѣ дѣйствія его будутъ подлежать контролю и суда, и цѣлаго общества, отъ вниманія котораго, при дѣйствіи гласности, не ускользнетъ ни одно недобросовѣстное дѣйствіе судьи. Надо надѣяться, напротивъ того, что со временемъ и про нашихъ судебныхъ слѣдователей скажутъ тоже, что говорятъ о судьяхъ - слѣдователяхъ въ Англіи, а именно, что хотя по закону они имѣютъ право устранять защитниковъ при предварительномъ слѣдствіи, но пользуются этимъ правомъ весьма рѣдко и только въ случаяхъ явной недобросовѣстности защитниковъ.

Мнѣніе большинства.

Пятнадцать членовъ (Бычковъ, Гуринъ, Ланевскій, Калачевъ, Кирилъ, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Розинъ, Розовъ, Романовскій, Рыпинскій, Турчаниновъ, Шечковъ и Шубинъ) несогласились съ вышеизложенными мнѣніями по слѣдующимъ соображеніямъ:

При единогласно сознаваемой пользѣ и даже необходимости защиты обвиняемаго во время предварительнаго слѣдствія, нельзя признать удовлетворительнымъ ни правило, предлагаемое однимъ членомъ, о допущеніи въ защитники только присяжныхъ повѣренныхъ и мировыхъ судей, ни мнѣніе десяти членовъ о дозволеніи слѣдователю устранять отъ защиты всѣхъ тѣхъ, которые могутъ имѣть

какое либо побужденіе къ закрытію по дѣлу истины.

Въ случаѣ принятія перваго предложенія, у насъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства помѣщено было бы громкое правило о допущеніи защиты при слѣдствіи, а на дѣлѣ этой защиты бы не было, потому что мировые судьи, при всемъ желаніи своемъ быть полезными и въ этомъ отношеніи, возлагаемыми на нихъ обязанностями, столь многочисленными и разнородными, поставлены будутъ въ рѣшительную невозможность принимать на себя защиту обвиняемыхъ. Что же касается присяжныхъ повѣренныхъ, то по всей вѣроятности, весьма долгое еще время мы не будемъ имѣть достаточнаго числа ихъ даже и въ городахъ, не говоря уже объ уѣздахъ, гдѣ именно производится бо́льшая часть уголовныхъ слѣдствій. Притомъ ограниченіе защиты одними присяжными повѣренными имѣло бы послѣдствіемъ предоставленіе столь важнаго права только людямъ богатымъ.

Полагаютъ, что лица, неимѣющія юридическихъ свѣдѣній, будутъ плохими защитниками, ибо не въ состояніи будутъ состязаться съ публичнымъ обвинителемъ или слѣдователемъ. Но такого состязанія и не нужно; оно скорѣе вредило бы дѣлу. Роль защитника при слѣдствіи должна ограничиваться лишь указаніемъ обстоятельствъ, могущихъ служить въ пользу обвиняемаго, и нѣкоторымъ участіемъ въ допросѣ свидѣтелей, а для сего достаточно простаго здраваго смысла и нѣтъ особой необходимости въ юридическомъ образованіи.

Говорятъ, что для большей части дѣлъ, по простотѣ и несложности ихъ, нѣтъ вовсе надобности въ защитѣ. Съ этимъ нельзя согласиться. Дѣло, отъ котораго зависитъ участь человѣка, какъ бы ни казалось оно просто, требуетъ во всякомъ случаѣ внима́тельнаго и всесторонняго изслѣдованія и собранія для суда возможно полныхъ доказательствъ, какъ обличающихъ обвиняемаго, такъ и оправдывающихъ его. Самъ же обвиняемый, особенно, если онъ невиненъ, въ большей части случаевъ смущенный взводимымъ на него преступленіемъ, не въ состояніи ни указать всего служащаго въ его пользу, ни даже предложить выставленнымъ противною стороною свидѣтелямъ вопросовъ, ослабляющихъ или ограничивающихъ значеніе ихъ показаній. При множествѣ дѣлъ, возложенныхъ на судебнаго слѣдователя, и при постоянныхъ требованіяхъ обвинительной власти, онъ, естественно, будетъ менѣе заботиться

объ оправданіи обвиняемаго, нежели о собраніи доказательствъ къ его изобличенію. Присутствіе защитника оградитъ слѣдователя отъ подобной односторонности, а вмѣстѣ съ тѣмъ предупредитъ нерѣдко необходимость откладывать разсмотрѣніе на судѣ приготовленныхъ уже къ слушанію дѣлъ, вслѣдствіе ссылки обвиняемаго или его защитника на обстоятельства, еще неразслѣдованныя.

По этимъ уваженіямъ, большинство коммиссіи не могло согласиться съ предложеніемъ одного члена, полагающаго допускать въ защитники при слѣдствіи только мировыхъ судей и присяжныхъ повѣренныхъ.

Мнѣніе десяти членовъ представляетъ въ семъ отношеніи обвиняемому несравненно болѣе широкое право. Оно не ставитъ защиты въ столь узкія рамки, не дѣлаетъ ее воображаемою. Но въ тоже время предложеніе десяти членовъ влечетъ за собою то важное неудобство, что предоставляетъ слѣдователю недобросовѣстному, при которомъ защита особенно нужна, всю возможность лишить обвиняемаго этого важнаго права.

Возражаютъ, что объ устраненіи защитника должно быть заносимо въ протоколъ, съ объясненіемъ побудившихъ къ тому причинъ, и что необходимо имѣть довѣріе къ добросовѣстности самаго слѣдователя. Оба довода эти, по мнѣнію большинства, едва ли имѣютъ твердое основаніе. Означивъ въ протоколѣ, что представленный обвиняемымъ защитникъ могъ имѣть побужденіе къ закрытію истины, слѣдователь будетъ совершенно вправѣ устранить всякаго, а въ особенности лучшихъ защитниковъ, т. е. людей, по родству или дружбѣ принимающихъ истинное участіе въ обвиняемомъ. Что же касается до довѣрія къ судебнымъ слѣдователямъ, то, безспорно, весьма желательно было бы видѣть ихъ и на дѣлѣ такими, какъ рисуетъ ихъ часто наше воображеніе. Но во первыхъ, трудно надѣяться, чтобы всѣ слѣдователи, безъ исключенія, были люди вполнѣ безупречные и лишенные даже весьма естественныхъ человѣческихъ слабостей; а во вторыхъ, если въ столь важныхъ дѣлахъ основывать все на довѣріи къ добросовѣстности слѣдователя, то вмѣсто подробныхъ правилъ о производствѣ слѣдствій, достаточно было бы сказать только, что они производятся судебными слѣдователями.

Не безполезно будетъ, по этому поводу, взглянуть на объясненія Faustin Hèlie, члена кассаціоннаго суда и знаменитаго комментатора французскаго

кодекса уголовнаго судопроизводства. Въ томѣ V-омъ своихъ комментаріевъ (стр. 61 и слѣд.) онъ говоритъ:

«Лучшій видъ судопроизводства есть тотъ, который вѣрнѣе другихъ ведетъ къ обнаруженію истины; но къ этому необходимо прибавить: не нарушая ни чьихъ правъ и не допуская неисправимой ошибки—неправильнаго осужденія. Мало еще, чтобы судопроизводство открывало истину; нужно, чтобы оно достигало ее съ помощью однихъ средствъ справедливыхъ и, стремясь къ возстановленію нарушеннаго права, не нарушало притомъ другихъ еще болѣе важныхъ правъ. Пытка была въ прежнія времена весьма дѣйствительнымъ средствомъ къ открытію истины; но польза, приносимая сю, могла ли препятствовать отмѣнѣ этого зла? Арестованіе всѣхъ подозрѣваемыхъ лицъ, содержаніе ихъ втайнѣ и въ теченіи продолжительнаго времени, вторженіе въ жилища частныхъ людей, ловкій и хитрый допросъ суть также средства надежныя. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что они должны быть постоянно употребляемы? Должно ли правосудіе, для достиженія своей цѣли, пользоваться мѣрами, наиболѣе притѣснительными? Нѣтъ; ибо въ такомъ случаѣ оно перестало бы быть правосудіемъ.

«Инквизиціонное начало, столь сильное и дѣйствительное съ одной стороны, представляетъ съ другой большую опасность—возможность злоупотребленія. Слѣдователь, имѣющій всѣ средства въ своихъ рукахъ, естественно злоупотребляетъ ими, оправдывая это благою цѣлью. Воодушевленный лучшими намѣреніями, онъ переходитъ границу необходимости, почти не замѣчая того. Отсюда постоянное стремленіе къ мѣрамъ наиболѣе строгимъ, отсюда постоянное превышеніе власти.

«Нашъ кодексъ, непостановившій въ правилахъ о предварительномъ слѣдствіи никакихъ мѣръ для удержанія слѣдователя отъ подобныхъ увлеченій, ограничился предоставленіемъ ему власти, почти безпредѣльной. Всѣ права слѣдователя обозначены; но нигдѣ не сказано, когда именно они могутъ быть приводимы въ дѣйствіе. Ему открыты всѣ средства, но не поставлено никакихъ условій ихъ примѣненію. Законъ счелъ достаточнымъ дать слѣдователю власть для открытія всѣхъ виновныхъ и для одолѣнія всякихъ препятствій; но не предвидѣлъ возможности превышенія этой власти. Законъ вѣрился вполнѣ благоразумію и умѣренности слѣ-

дователя, заботясь только о порядкѣ и жертвуя правами и свободою гражданъ.

«Но неужели подобная неограниченная власть слѣдователя есть послѣднее слово закона? Неужели частные люди не будутъ ограждены ничѣмъ, кромѣ благоразумія и умѣренности слѣдователя? Задача законодателя заключается именно въ томъ, чтобы предусмотрѣть возможность злоупотребленія власти и, не вѣряясь вполнѣ исполнителямъ, разрѣшить самому вопросы, наиболѣе важные. Общество должно видѣть обезпеченіе своихъ правъ не въ случайности, а въ законѣ. Правила судопроизводства должны быть одинаковы для всѣхъ, а не разнообразны, смотря по тому, кѣмъ они примѣняются.

«Съ этой точки зрѣнія, нашъ кодексъ представляетъ важные недостатки. Имъ создана сильная власть слѣдователя; въ немъ предписано содѣйствіе публичнаго обвинителя и допущено участіе потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ; однимъ словомъ, преподаны всѣ средства къ обнаруженію преступленій, къ собранію уличающихъ доказательствъ и къ открытію виновныхъ. Въ этомъ отношеніи наше судопроизводство достигаетъ вполнѣ своей цѣли. Но установляя его, законодатель не позаботился достаточно обо всѣхъ другихъ интересахъ, которыхъ совокупность составляетъ высшую цѣль правосудія. Онъ оставилъ безъ вниманія гарантіи, необходимыя для охраненія святыхъ правъ общества въ лицѣ каждаго гражданина. Имъ неопредѣлено съ достаточною твердостью, что слѣдствіе, какъ одно изъ средствъ правосудія, не можетъ никогда быть обращаемо въ орудіе притѣсненія».

Такая оцѣнка французскаго инквизиціоннаго процесса особенно важна въ устахъ человѣка прошедшаго, какъ Faustin Hélie, всѣ степени судебнаго поприща. Произносимая имъ, она представляется не плодомъ отвлеченныхъ умозрѣній пылкаго юноши, а напротивъ того результатомъ долгаго опыта. Справедливость этой оцѣнки подтверждается весьма многими примѣрами французской уголовной практики, обнаружившими весь вредъ беззащитнаго положенія обвиняемаго во время предварительнаго слѣдствія. Законодательною властью Франціи обращено уже на это надлежащее вниманіе и въ прошедшемъ году приступлено къ пересмотру всего кодекса уголовнаго судопроизводства.

Для избѣжанія у насъ, при коренномъ преобразованіи судебной части, тѣхъ же гибельныхъ послѣдствій инквизиціоннаго порядка, большин-

ствомъ коммисіи признано необходимымъ дать обвиняемому возможность имѣть при слѣдствіи защитника, безъ предоставленія притомъ слѣдователю права устранять его по своему усмотрѣнію.

Противъ этого десятью членами приводится, что неограниченное право защиты можетъ способствовать закрытію истины. Но опасность эта только воображаемая, ибо въ проектѣ приняты всѣ мѣры къ предупрежденію могущаго произойти зла. Защитнику предоставляется значеніе самое ограниченное. По статьѣ 259-ой онъ, хотя и можетъ присутствовать при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ, происходящихъ при закрытыхъ дверяхъ, но имѣетъ лишь право обращать вниманіе слѣдователя на обстоятельства, служащія къ оправданію обвиняемаго, и просить его о предложеніи вопросовъ свидѣтелямъ. На основаніи статьи 257-ой, во время предварительнаго слѣдствія совѣщаніе обвиняемаго съ защитникомъ не дозволяется наединѣ и ни въ какомъ случаѣ не допускается прежде первоначальнаго допроса обвиняемаго, а по статьѣ 259-ой, неприбытіе защитника не останавливаетъ производства слѣдствія.

При столь ограниченной дѣятельности защитника, опасенія могутъ клониться развѣ къ тому, что онъ, пользуясь извѣстными ему по дѣлу свѣдѣніями, будетъ способствовать уничтоженію слѣдовъ преступленія, предупреждая людей, у которыхъ должно быть произведено какое либо важное слѣдственное дѣйствіе, какъ напр. обыскъ. Но и противъ этого слѣдователь всегда будетъ имѣть средство: въ сомнительныхъ случаяхъ, онъ не извѣститъ защитника заранѣе о намѣреніи своемъ произвести это дѣйствіе, а пригласитъ его лишь въ послѣднее время, вмѣстѣ съ понятыми и участвующими въ дѣлѣ сторонами. Если же необходимость обыска обнаружится при защитникѣ изъ показаній какого либо свидѣтеля, то и въ такомъ даже случаѣ слѣдователь можетъ произвесть его немедленно, не давая заподозрѣнному защитнику времени и способовъ сообщаться съ кѣмъ бы то ни было. Опасаются также, что защитникъ будетъ передавать сдѣланныя при слѣдствіи показанія. Но при гласности слѣдствія, они и не могутъ быть тайною, а въ случаѣ закрытія дверей слѣдственной камеры, не можетъ ли тоже самое быть сдѣлано самими свидѣтелями, давшими показаніе, или другими участвующими въ дѣлѣ лицами? Говорятъ наконецъ, что недобросовѣстный защитникъ будетъ отклонять слѣд-

ствіе отъ настоящаго пути. Трудно согласиться и съ этимъ; потому что слѣдствіе производится не защитникомъ, а слѣдователемъ, отъ котораго всегда будетъ зависѣть принять или не принять указанія защитника.

Впрочемъ опытъ другихъ государствъ лучше всего убѣждаетъ насъ въ недѣйствительности всѣхъ такихъ опасеній. Въ Англіи, гдѣ строго и послѣдовательно проведена основная мысль обвинительнаго судопроизводства, по которой обѣ стороны должны пользоваться совершенно одинаковыми правами,— обвиняемый имѣетъ при слѣдствіи неограниченное право защиты. Хотя старинный законъ и предоставляетъ судьямъ право не допускать иногда защитниковъ, но по единогласному засвидѣтельствованію какъ англійскихъ, такъ и иностранныхъ юристовъ, производящіе слѣдствіе мировые и полицейскіе судьи не пользуются никогда этимъ правомъ, которое съ давнихъ поръ предано забвенію, ибо признается несправедливымъ стѣсненіемъ обвиняемыхъ. Между тѣмъ, отъ этого нисколько не страдаетъ тамъ дѣйствительность уголовнаго правосудія; оно нетолько не слабѣе, но даже строже французскаго: среднимъ числомъ изъ тысячи подсудимыхъ осуждается: въ Англіи 755, а во Франціи всего 750 (*). Говорятъ, что Англія не можетъ служить намъ примѣромъ, потому что у насъ нѣтъ еще того сознанія долга и того уваженія къ закону, какое существуетъ въ этой странѣ. Но, во первыхъ, не слѣдуетъ забывать, что уваженіе къ закону, которымъ справедливо всѣ такъ восхищаются въ Англіи, есть именно плодъ самаго закона, уважающаго права каждаго гражданина и предоставляющаго обвиняемому всѣ средства къ его оправданію. Сверхъ того, необходимо замѣтить, что чувство сознанія долга и уваженія къ закону, неотъемлемая принадлежность бо́льшей части британскаго населенія, едва ли можетъ быть приписываема и тому жалкому, но многочисленному классу народа, съ которымъ уголовные суды имѣютъ постоянное дѣло. Извѣстно, что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ плутовъ и мошенниковъ болѣе отважныхъ и ловкихъ, чѣмъ въ Англіи, а несмотря на то, тамъ не боятся давать имъ при слѣдствіи неограниченное право защиты.

Тоже самое начало перешло и въ Сѣверную Америку, но здѣсь оно получило еще бо́льшее развитіе.

(*) M. Block. Statistique comparée, t. I, p. 140.

Если обвиняемый, явившійся или приведенный къ слѣдствію, не имѣетъ защитника, то производящій слѣдствіе судья обязанъ предварить его объ этомъ правѣ и дать ему, не приступая къ допросу, достаточное время (reasonable time)и всѣ средства необходимыя для приглашенія защитника (*). Между тѣмъ, по свидѣтельству знатока американской жизни Токвиля, въ рѣдкой странѣ преступленію такъ трудно укрыться отъ наказанія, какъ въ Америкѣ (**).

Изъ новѣйшихъ европейскихъ законодательствъ право свободной защиты при слѣдствіи допущено уже въ Даніи, Брауншвейгѣ и Нассау (***), причемъ въ послѣднемъ изъ этихъ государствъ, по важнѣйшимъ преступленіямъ, назначается даже защитникъ отъ правительства. Законы эти дѣйствуютъ съ 1851 и 1853 годовъ и до сихъ поръ не повели еще къ безнаказанности преступленій.

Въ Россіи менѣе, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, можно опасаться вреда отъ защиты при слѣдствіи, такъ какъ у насъ есть уже ея зачатки: дѣйствующими законами судопроизводства уголовнаго предоставляется каждому имѣть при слѣдствіи депутата отъ своего вѣдомства или сословія. Депутаты эти могли бы быть столь же опасны, какъ и предлагаемые на будущее время защитники, ибо, какъ извѣстно, назначаются они далеко не всегда изъ самыхъ благонадежныхъ людей: однако практика наша не видитъ никакого отъ нихъ вреда и въ послѣднее еще время для одного изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Россіи. населеннаго людьми, прошедшими, такъ сказать, чрезъ огонь и воду, Высочайше утвержденнымъ 21 Декабря 1861 года положеніемъ Сибирскаго Комитета постановлено, что въ случаѣ надобности въ депутатѣ къ пропзводству слѣдствій въ Амурской области, выборъ депутата предоставляется тому лицу, интересы коего онъ долженъ защищать. При обсужденіи этой мѣры, ни въ Совѣтѣ Главнаго Управленія Восточной Сибири, ни въ Общемъ Собраніи Правительствующаго Сената, ни въ высшемъ относительно Сибирскаго края законодательномъ учрежденіи, не подано даже голоса про-

---

(*) Code of New-Iork, art. 188, 189; Revised Statutes of Massachusets, p. 753; Penal Code of Rhode Island, ch. IX; Code of Virginia, p. 762.

(**) Tocqueville. Histoire de la démocratie en Amérique, tome I, p. 134.

(***) Braunschweig, Strafprocess, §§ 7, 8; Nassau, Processord. §§ 70—74.

тивъ обращенія слѣдственныхъ депутатовъ въ настоящихъ защитниковъ въ полномъ смыслѣ слова.

Нельзя, наконецъ, оставить безъ вниманія многочисленныхъ и заслуживающихъ полнаго уваженія замѣчаній, служащихъ къ развитію основныхъ положеній о преобразованіи судебной части, изъ которыхъ весьма многія (*) указываютъ на необходимость озаботиться огражденіемъ правъ обвиняемаго во время предварительнаго слѣдствія. Дѣйствительно, если не допустить защиты въ теченіе важнаго сего періода уголовнаго процесса, то, не смотря на всю благодѣтельность предпринимаемой реформы, положеніе обвиняемаго нѣсколько ухудшится сравнительно съ нынѣшнимъ, потому что съ одной стороны не будетъ уже депутата, обязаннаго наблюдать интересы состоящаго подъ слѣдствіемъ лица, а съ другой будетъ постоянное участіе представителей обвинительной власти, которой у насъ до сего времени не было. Между тѣмъ весь юридическій міръ признаетъ за непреложную истину необходимость равновѣсія въ правахъ обвиненія и защиты не только на самомъ судѣ, но и при слѣдствіи, акты котораго имѣютъ существенное вліяніе на весь дальнѣйшій ходъ дѣла.

На основаніи всѣхъ приведенныхъ выше соображеній, *пятнадцать членовъ* полагаютъ постановить слѣдующія правила:

Обвиняемый можетъ имѣть при слѣдствіи защитника, о чемъ ему объявляется при самомъ начатіи слѣдствія.

Защитниками при слѣдствіи могутъ быть всѣ лица, коимъ не воспрещено ходатайство по чужимъ дѣламъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О законныхъ поводахъ къ начатію предварительныхъ слѣдствій (ст. 260—278).

Въ основныхъ положеніяхъ о законныхъ поводахъ къ начатію слѣдствія постановлено слѣдующее правило:

Судебный слѣдователь приступаетъ къ предварительному слѣдствію: 1) по требованіямъ про-

---

(*) Наиболѣе важное—Тамбовскаго Губернскаго Предводителя Дворянства Никифорова (Замѣчанія, Т. II, стр. 201—203).

куроровъ, 2) по сообщеніямъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, 3) по жалобамъ и объявленіямъ частныхъ лицъ, и 4) по собственному усмотрѣнію (Осн. полож. ч. II, ст. 37).

При развитіи этого правила, въ коммисіи возникли слѣдующіе вопросы:

1) всѣ ли означенные поводы безусловно обязываютъ слѣдователя начать слѣдствіе?

2) принадлежитъ ли къ числу такихъ поводовъ явка съ повинною, о которой въ основныхъ положеніяхъ не упоминается?

3) въ какихъ случаяхъ слѣдователь можетъ начать слѣдствіе по собственному усмотрѣнію?

О степени обязательности различныхъ поводовъ къ начатію слѣдствія. (ст. 261, 262, 266, 271 и 274).

По первому вопросу коммисія находила, что требованія прокурора, какъ представителя обвинительной власти, должны быть признаваемы во всякомъ случаѣ достаточнымъ поводомъ къ начатію слѣдствія, возбужденіе коего безъ надлежащихъ основаній лежитъ на отвѣтственности не слѣдователя, но самаго прокурора. Равномѣрно судебный слѣдователь не можетъ отказать лицу, потерпѣвшему отъ преступленія, въ изслѣдованіи его жалобы, какъ имѣющей свойство судебнаго иска. Но по сообщеніямъ полицейскихъ и другихъ присутственныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, а равно по объявленіямъ частныхъ лицъ, судебный слѣдователь не обязанъ приступать безусловно къ изслѣдованію. Онъ не имѣетъ права отказаться отъ производства слѣдствія по сообщеніямъ и объявленіямъ, удостовѣряющимъ о преступленіи, застигнутомъ при самомъ его совершеніи, но во всѣхъ прочихъ случаяхъ можетъ оставить сообщенія или объявленія безъ послѣдствій, если въ доставленныхъ свѣдѣніяхъ не найдетъ достаточнаго основанія къ начатію слѣдствія. Различіе это коммисія признала необходимымъ допустить, для огражденія отъ несправедливыхъ стѣсненій и позорнаго привлеченія къ слѣдствію лицъ, неосновательно обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ тѣми, кои не были очевидцами преступленія, до нихъ некасающагося; но свидѣтельствуютъ о немъ по наслышкѣ или по однимъ догадкамъ и предположеніямъ.

О томъ: составляетъ ли явка съ повинною безусловный поводъ къ начатію слѣдствія (ст. 273).

По второму вопросу коммисія не встрѣтила ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что явка съ повинною должна быть причислена къ законнымъ поводамъ начатія слѣдствія. Но относительно того, обязанъ ли слѣдователь приступать по этому поводу къ

слѣдствію безусловно, или во всякомъ случаѣ, мнѣнія раздѣлились.

Мнѣніе одиннадцати членовъ.

Одиннадцать членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Есиповичъ, Калачевъ, Крейтеръ, Принцъ, Романовскій и Шечковъ) находятъ, что по законамъ, нынѣ дѣйствующимъ, явка съ повинною составляетъ достаточный поводъ къ начатію слѣдствія, и нѣтъ основанія къ измѣненію этого порядка. Собственное признаніе обвиняемаго всегда почиталось однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ виновности и, по выраженію нашего законодательства, есть лучшее свидѣтельство всего свѣта (т. XV зак. суд. угол. ст. 316). Надо имѣть несомнѣнныя удостовѣренія въ неискренности или невѣроятности признанія, чтобы оставить его безъ послѣдствій, а такія удостовѣренія можно получить только путемъ изслѣдованія. Если объявленіе лица, называющаго себя очевидцемъ преступнаго дѣянія, признается достаточнымъ поводомъ къ начатію слѣдствія, то тѣмъ болѣе надо признать такое же значеніе за объявленіемъ лица, называющаго себя самого совершителемъ преступленія. Возложеніе на слѣдователя обязанности въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ признаетъ сознаніе повинившагося лица лишеннымъ основанія, составить протоколъ и сообщать его прокурору, не можетъ имѣть практическихъ послѣдствій, такъ какъ, безъ обслѣдованія самаго сознанія, прокурору, по одному протоколу, еще менѣе возможно составить себѣ убѣжденіе о степени достовѣрности сознанія повиннаго лица, нежели судебному слѣдователю. Замѣчаютъ, что явка съ повинною въ большей части случаевъ направлена къ тому, чтобы или отвести подозрѣніе отъ лица дѣйствительно виновнаго въ совершеніи преступленія, или чрезъ взведеніе на себя новаго злодѣянія отдалить время сужденія по обнаруженной уже предшествовавшимъ слѣдствіемъ виновности, и на этомъ основаніи утверждаютъ, что слѣдователю долженъ быть предоставленъ возможно большій просторъ въ оцѣнкѣ сознанія повинившагося лица, съ правомъ оставить повинную безъ послѣдствій. Но въ томъ и заключается задача слѣдователя, чтобы обслѣдовать достовѣрность обнаруженныхъ по дѣлу обстоятельствъ, а не оставлять ихъ неразъясненными. Что же касается до признанія въ одномъ преступленіи, при производствѣ слѣдствія о другомъ преступленіи признающагося лица, то случай этотъ во-

все не относится къ предмету происшедшаго разногласія, касающагося только вопроса, можетъ ли явка съ повинною составлять достаточный поводъ къ начатію слѣдствія, когда еще вовсе не начато преслѣдованія виновнаго; когда же повинная сдѣлана лицомъ уже, состоящимъ подъ слѣдствіемъ, то, конечно, долженъ соблюдаться тотъ порядокъ, который единогласно установленъ на этотъ случай въ статьѣ 278-й.

На этомъ основаніи *одиннадцать членовъ* полагаютъ статью 273 изложить въ слѣдующей редакціи:

Явка съ повинною составляетъ достаточный поводъ къ начатію слѣдствія. Но если бы по слѣдствію оказалось, что повинная сдѣлана ложно, то слѣдователь можетъ войти въ судъ съ представленіемъ о прекращеніи дальнѣйшаго производства дѣла.

Мнѣніе большинства.

Четырнадцать членовъ (*Александровъ, Даневскій, Кнримъ, Ковалевскій, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Розовъ, Рѣпинскій, Спасовичъ, Турчаниновъ, Утинъ и Шубинъ*) не согласились съ этимъ мнѣніемъ на основаніи слѣдующихъ соображеній.

Сознаніе въ совершеніи извѣстнаго преступленія является въ нашей практикѣ весьма часто, и почти всегда оказывается ложнымъ. Преступникъ, находящійся подъ судомъ за извѣстное преступленіе, желая на сколько возможно отдалить отъ себя возмездіе, которое ему неминуемо должно слѣдовать, принимаетъ на себя или чужое, или вымышленное дѣяніе, и приноситъ повинную.—Въ большей части случаевъ, принимая на себя чужое преступленіе, онъ знаетъ о немъ лишь по слуху, и слѣдователь, распрашивая его, тотчасъ же, изъ подробностей распроса, убѣждается что сознаніе ложно; случается даже такъ, что преступленіе, въ которомъ сознается явившійся съ повинною, вовсе не совершалось: лицо, по разсказу его, убитое—живо, для чего же тутъ приступъ къ слѣдствію и зачѣмъ еще переписка съ судомъ о прекращеніи дѣла, когда его и начинать нѣтъ нужды. Въ этомъ отношеніи можно вполнѣ положиться на благоразуміе слѣдователя, который не можетъ имѣть никакого основанія оставить безъ послѣдствій заявленіе, имѣющее хотя бы малѣйшую степень достовѣрности. По мнѣнію *четырнадцати членовъ*, сознаніе, при явкѣ съ повинною, когда оно *явно вымышлено* или *не правдоподобно*, не должно слу-

жить поводомъ къ начатію какихъ либо слѣдственныхъ дѣйствій; въ этомъ случаѣ слѣдователь долженъ имѣть право оставить такое сознаніе безъ послѣдствій, составивъ лишь о томъ протоколъ и сообщивъ его прокурору. Эта мѣра достаточно обезпечиваетъ общество въ томъ, что преступленіе, дѣйствительно совершенное, не можетъ быть покрыто слѣдователемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не вынуждаетъ слѣдователя предпринимать ни къ чему не ведущія слѣдственныя дѣйствія и входить въ безполезную переписку съ судомъ.

О начатіи слѣдствія по собственному усмотрѣнію судебнаго слѣдователя (ст. 277 и 278).

По третьему вопросу коммисія находила, что съ принятіемъ за одно изъ коренныхъ началъ судебнаго преобразованія отдѣленіе въ уголовномъ судопроизводствѣ власти обвинительной отъ судебной (Осн. пол. ч. II ст. 3), судебному слѣдователю, какъ представителю судебной власти, не должно было бы вовсе предоставлять права возбуждать уголовное преслѣдованіе по собственному его усмотрѣнію, потому что это право составляетъ принадлежность обвинительной власти. Хотя начало это, при существующихъ условіяхъ нашей государственной и общественной жизни, не можетъ быть проведено со всею строгостію въ правилахъ о предварительныхъ слѣдствіяхъ, почему въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части допущено отступленіе отъ этого начала; однако не подлежитъ сомнѣнію, что такое отступленіе отъ раціональнаго начала судопроизводства слѣдуетъ ограничить только случаями крайней въ томъ необходимости. Въ этихъ видахъ коммисія признала нужнымъ постановить, что судебный слѣдователь приступаетъ къ слѣдствію, по собственному усмотрѣнію, лишь въ томъ случаѣ, когда преступленіе усмотрѣно имъ во время совершенія онаго или непосредственно вслѣдъ за тѣмъ. Къ сему коммисія присовокупила, что если при производствѣ слѣдствія обнаружены будутъ признаки другаго преступленія, неимѣющаго существенной связи съ производимымъ изслѣдованіемъ, то слѣдователь, принявъ мѣры къ сохраненію сихъ признаковъ, а въ случаяхъ, закономъ указанныхъ, и къ пресѣченію подозрѣваемому лицу способовъ уклоняться отъ слѣдствія, доводитъ о томъ до свѣдѣнія прокурора и приступаетъ къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ не иначе, какъ по предложенію сего послѣдняго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объ изслѣдованіи событія преступленія (ст. 279—335).

Въ основныхъ положеніяхъ, относительно изслѣдованія событія преступленія, сдѣлано только одно указаніе, состоящее въ томъ, что «осмотры, обыски и выемки производятся въ присутствіи понятыхъ» (Осн. пол. ч. II ст. 43).

Краткость основныхъ положеній по этому предмету объясняется тѣмъ, что не задолго до обнародованія ихъ издано было учрежденіе судебныхъ слѣдователей съ подробнымъ для нихъ наказомъ. Правила этого наказа послужили главнымъ основаніемъ для предначертаній коммисіи по раздѣлу о предварительныхъ слѣдствіяхъ. Въ отношеніи къ изслѣдованію событія преступленія, въ правилахъ наказа сдѣланы только тѣ измѣненія и дополненія, которыя вызваны были согласованіемъ этихъ правилъ съ новыми началами судопроизводства и съ замѣчаніями юристовъ-практиковъ.

На этомъ основаніи коммисія раздѣлила главу объ изслѣдованіи событія преступленія на два отдѣленія: 1) объ осмотрѣ и освидѣтельствованіи и 2) о розысканіи предметовъ, обнаруживающихъ преступленіе.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Объ осмотрѣ и освидѣтельствованіи.

Въ первомъ отдѣленіи помѣщены правила объ осмотрѣ и освидѣтельствованіи: а) чрезъ слѣдователя; б) чрезъ свѣдущихъ людей вообще; в) чрезъ врачей, и г) особеннымъ порядкомъ, относящимся къ производству о сумасшествіи или безуміи обвиняемаго.

При развитіи этихъ правилъ въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) не полезно ли будетъ опредѣлить какихъ лицъ слѣдуетъ назначать въ понятые?

2) кто долженъ подвергать понятыхъ взысканію за неявку къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ по назначенію?

3) подлежатъ ли взысканію свѣдущіе люди, за неявку къ слѣдствію, по требованію слѣдователя?

4) въ какихъ случаяхъ для осмотровъ и освидѣтельствованій должны быть приглашаемы врачи?

5) не слѣдуетъ ли измѣнить порядокъ удостовѣренія въ безуміи или сумасшествіи обвиняемыхъ?

О назначеніи понятыхъ (ст. 284—286).

По первому вопросу коммисія единогласно признала, что оставленіе дѣйствующими законами безъ опредѣленія, какихъ лицъ слѣдователь можетъ призывать въ понятые, должно быть отнесено къ числу недостатковъ нашего уголовнаго законодательства. Судебная практика показываетъ, что въ понятые приглашаются большею частію люди низшихъ слоевъ общества, люди совершенно безгласные, которые присутствуютъ при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ машинально и часто подписываютъ составленныя о томъ протоколы, не зная ихъ содержанія. Доселѣ слѣдователи обращались съ понятыми какъ съ людьми подначальными, не удостоивали ихъ никакихъ объясненій и иногда отбирали подписи и отъ такихъ понятыхъ, которые вовсе не видѣли удостовѣряемыхъ ими слѣдственныхъ дѣйствій. Чтобы присутствіе понятыхъ при слѣдственныхъ дѣйствіяхъ было дѣйствительною гарантіею достовѣрности и добросовѣстнаго исполненія этихъ дѣйствій, коммисія признала необходимымъ назначать понятыхъ изъ лицъ, имѣющихъ нѣкоторое значеніе по своему состоянію или общественному положенію. Въ слѣдствіе сего коммисія положила приглашать въ понятые: въ городахъ—хозяевъ домовъ, лавокъ, промышленныхъ и торговыхъ заведеній, или ихъ управляющихъ и повѣренныхъ, а въ селахъ и деревняхъ, сверхъ того, землевладѣльцевъ, волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ и церковныхъ старостъ; въ случаяхъ же, нетерпящихъ отлагательства, призывать и другихъ лицъ, пользующихся общественнымъ довѣріемъ.

О порядкѣ наложенія взысканія на понятыхъ за неявку къ слѣдствію (ст. 287).

По второму вопросу произошло разногласіе.

Мнѣніе семи членовъ.

Семь членовъ (*Александровъ, Буцковскій, Есиповичъ, Калачевъ, Розовъ, Романовскій* и *Чемадуровъ*) предъявили слѣдующее мнѣніе:

Ежели судебный слѣдователь самъ будетъ назначать взысканіе за неисполненіе, или несвоевременное исполненіе его требованій понятыми о явкѣ къ слѣдствію, то онъ самъ будетъ судьею въ своемъ дѣлѣ и можетъ назначать взысканія очень часто произвольно, хотя бы неисполненіе его требованія произошло не по винѣ неявившагося, а вслѣд-

ствіе неправильныхъ распоряженій самого слѣдователя. Назначеніе взысканій на понятыхъ самимъ слѣдователемъ поставитъ ихъ въ такую отъ него зависимость, которая не только не желательна, а напротивъ, въ высшей степени вредна. Понятые должны быть не безгласными исполнителями воли судебнаго слѣдователя или безмолвными рукоприкладчиками составляемыхъ имъ актовъ, а свободными и независимыми наблюдателями за ходомъ всего того, при чемъ они присутствуютъ. Но всякой ли понятой въ состояніи хранить свободу своихъ дѣйствій отъ внушеній слѣдователя, когда онъ знаетъ, что завтра же слѣдователь, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, можетъ наложить на него штрафъ? Неявка понятаго къ слѣдствію есть такой проступокъ, который по существу своему и по мѣрѣ назначаемыхъ за него взысканій, не можетъ подлежать никакой другой подсудности какъ у мироваго судьи, на точномъ основаніи 1 п. 19 ст. основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства. Назначеніе взысканій за этотъ проступокъ судебнымъ слѣдователемъ, безъ всякаго суда, въ видѣ административнаго распоряженія, повело-бы къ нарушенію стоящаго во главѣ основныхъ положеній уголовнаго судопроизводства правила, по которому никто не можетъ быть наказанъ безъ приговора надлежащаго суда.

По всѣмъ этимъ причинамъ *семь членовъ* полагаютъ постановить, что понятые за неявку, или несвоевременное прибытіе къ слѣдствію, безъ законной причины, могутъ быть подвергнуты мѣстнымъ мировымъ судьею денежному взысканію отъ 50 к. до 25 р. серебр. Дѣла о сихъ проступкахъ начинаются у мировыхъ судей по сообщеніямъ судебныхъ слѣдователей.

Мнѣніе большинства.

Семнадцать членовъ (*Вилинбаховъ, Баронъ Врангель, Гуринъ, Даневскій, Книримъ, Крейтеръ, Любимовъ, Макалинскій, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Рѣпинскій, Спасовичъ, Турчаниновъ, Утинъ* и *Шубинъ*) не согласились съ этимъ мнѣніемъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

При опредѣленіи взысканія съ понятыхъ, за неявку ихъ къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ, слѣдователь не есть судья въ своемъ дѣлѣ. Судьею въ своемъ дѣлѣ можно назвать лишь того, кто имѣетъ въ оном личный интересъ, неявка же понятаго не можетъ быть поводомъ нарушенія какихъ либо личныхъ отношеній между слѣдовате-

лемъ и призываемымъ, а есть простое нарушеніе однимъ лицомъ требованія закона, дающее право другому лицу наложить за это взысканіе. Здѣсь не требуется никакого суда, ибо нарушеніе закона такъ ясно, законныя причины неявки опредѣлены съ такою точностію (ст. 339), что слѣдователю остается только приложить извѣстный законъ къ несомнѣнно явному нарушенію. Да если бы даже это право слѣдователя имѣло видъ суда въ собственномъ дѣлѣ, то такое изъятіе изъ общаго правила слѣдовало бы допустить на томъ же основаніи на какомъ оно допускается для мироваго судьи, который также налагаетъ взысканіе, за неявку къ его суду, и для окружнаго суда, налагающаго взысканія за неявку присяжныхъ засѣдателей, свидѣтелей и другихъ лицъ, требуемыхъ въ судъ.—Произвола слѣдователя, на которое указываетъ семь членовъ, быть не можетъ, какъ потому, что есть прокуроръ, наблюдающій за дѣйствіями его, такъ и потому, что неправильно обвиненный не лишенъ права жалобы; слѣдовательно не можетъ быть и зависимости понятыхъ отъ слѣдователя.

Всякая понудительная мѣра воспроизводитъ свое дѣйствіе лишь тогда, когда взысканіе за неисполненіе какого либо предписанія дѣйствуетъ непосредственно. Зная, что немедленно за неявкою послѣдуетъ взысканіе, вызываемый не такъ легко рѣшится ослушаться, какъ въ томъ случаѣ, когда взысканіе налагается лишь по суду, формальности котораго всегда оставляютъ у виновнаго надежду какъ нибудь избѣжать взысканія. Принявъ предложеніе семи членовъ, мы пришли бы къ нынѣ существующему порядку, по которому судъ налагаетъ подобныя взысканія, чего, какъ извѣстно, мало боятся виновные, потому-что доселѣ судъ смотрѣлъ обыкновенно болѣе чѣмъ снисходительно на неявку и ослушаніе, не ему оказанное, и иногда, какъ замѣчаютъ наши практики, отбивалъ у слѣдователя всякую охоту искать возстановленія уваженія къ его требованіямъ, а послѣдствіемъ этого было то, что призываемые не являлись на призывъ слѣдователя и замедляли ходъ дѣла.

Наконецъ нельзя не замѣтить, что предположеніе семи членовъ, направленное, по видимому, къ огражденію понятыхъ отъ притѣсненій, въ сущности не доставитъ имъ никакого особеннаго огражденія.—Если обвиняемый въ неявкѣ по призыву слѣдователя дѣйствительно виновенъ, то мы должны предположить, что взысканія онъ не избѣгнетъ, какъ въ

томъ случаѣ, когда его долженъ будетъ оштрафовать слѣдователь, такъ и въ томъ, когда это сдѣлаетъ мировой судья. Еслижъ онъ не виновенъ, то опять таки ему все равно, кто бы ни наложилъ на него неправильно взысканіе; онъ имѣетъ право жалобы и неосновательно или произвольно примѣненное къ нему взысканіе будетъ съ него снято. Между тѣмъ и другимъ способомъ наложенія взысканій разница только въ большой или меньшей формальности производства, которое будетъ сопряжено съ меньшими стѣсненіями для обвиняемаго, когда самъ слѣдователь будетъ налагать взысканіе дискреціонною своею властью, потому что такимъ образомъ обвиняемый избавится отъ явки къ мировому судьѣ, что можетъ стоить ему дороже какого нибудь рублеваго штрафа, который наложилъ бы на него самъ слѣдователь. Предлагаемое семью членами правило имѣетъ еще то неудобство, что ставитъ слѣдователя въ неправильное отношеніе къ мировому судьѣ, который, по объясненіямъ понятыхъ, былъ бы иногда вынужденъ требовать объясненій и отъ слѣдователя, входя такимъ образомъ въ обсужденіе служебныхъ его дѣйствій, несмотря на то, что слѣдователь, за вины по службѣ, подлежитъ суду палаты.

Высказавъ свои доводы, большинство членовъ постановило правиломъ: что взысканіе за неявку свѣдущихъ людей налагается судебнымъ слѣдователемъ.

О взысканіи съ свѣдущихъ людей за неявку къ слѣдствію (ст. 292).

По третьему вопросу мнѣнія тоже раздѣлились.

Мнѣніе одного члена.

Одинъ членъ (Розовъ) предъявилъ слѣдующія соображенія:

По ст. 292 проекта, свѣдущіе люди, по требованію судебнаго слѣдователя, обязаны являться немедленно. По ст. 290, въ качествѣ свѣдущихъ людей могутъ быть приглашены врачи, фармацевты, профессоры, казначеи и т. д.,—по большей части такія лица, коимъ служба или родъ занятій не дозволяетъ прерывать немедленно и во всякое время исполненіе прямыхъ ихъ обязанностей. По ст. 287, объ отвѣтственности понятыхъ, къ коей приравнена и отвѣтственность свѣдущихъ людей,—неявка къ слѣдствію, безъ законныхъ причинъ, подвергаетъ свѣдущихъ людей взысканію отъ 50 коп. до 25 рублей. По ст. 339, законными причинами неявки къ слѣдствію

признаются: лишеніе свободы, прекращеніе сообщеній и. т. д., вообще такія случайности, которыя рѣдко встрѣчаются; между тѣмъ особенныя занятія, напр. казначея при экстренныхъ и ежедневныхъ выдачахъ или пріемѣ суммъ, врача при прекращеніи повальныхъ болѣзней или поданіи помощи умирающему, акушера при пособіи въ трудныхъ родахъ и т. д., въ числѣ законныхъ причинъ не поименованы, хотя неисполненіе этихъ обязанностей подвергаетъ эксперта бо̀льшей отвѣтственности, нежели налагаемый за неявку или несвоевременное прибытіе къ слѣдствію штрафъ.

Изъ этого простаго сближенія проектируемыхъ правилъ, касательно отвѣтственности свѣдущихъ людей по исполненію ими слѣдственно-судебныхъ требованій, нельзя не усмотрѣть:

1) *Неопредѣлительнаго значенія* неявки, при которой дается право примѣнять законъ о денежномъ взысканіи и къ случаю, когда свѣдущій человѣкъ, по полученіи повѣстки, промедлитъ нѣкоторое время, и когда вовсе не явится; потому нѣтъ возможности быть правымъ свѣдущему человѣку передъ требованіемъ закона.

2) Установленіе обязанности для свѣдущихъ людей являться *немедленно* по требованію судебнаго слѣдователя предоставляетъ послѣднему право распоряжаться трудомъ и временемъ свѣдущихъ людей и ставитъ ихъ въ зависимость отъ слѣдователя, тѣмъ бо̀льшую, чѣмъ меньше находится экспертовъ въ его округѣ, чѣмъ требованія будутъ чаще, чѣмъ экспертъ бѣднѣе и взысканіе штрафа чувствительнѣе.

3) Такая зависимость свѣдущихъ людей, неограниченная даже очередью въ исполненіи требованій слѣдователя, будетъ имѣть ближайшимъ послѣдствіемъ то, что экспертъ, находясь въ полномъ распоряженіи слѣдователя, и сознавая, что по неопредѣлительности закона, онъ легко можетъ быть подвергнутъ штрафу при всякомъ требованіи,—лишится сомостоятельности мнѣнія и будетъ давать свои заключенія не такъ, какъ указываетъ ему фактъ и знаніе, а какъ смотритъ на предметъ и чего желаетъ слѣдователь.

4) Такимъ образомъ кромѣ очевидности вреда для дѣла, установленіемъ штрафа едва ли можно достигнуть цѣли «обезпечить правосудіе» что единственно имѣется въ виду такого закона. Тамъ, гдѣ экспертовъ мало и вся тяжесть исполненія требованій должна пасть на долю одного или двухъ лицъ въ

уѣздѣ, штрафъ только раззоритъ эксперта, заставитъ выѣхать изъ этой мѣстности и лишитъ правосудіе послѣдней возможности быть ему полезнымъ. Тамъ же, гдѣ экспертовъ достаточно, какъ въ столицахъ и нѣкоторыхъ губернскихъ городахъ, узаконеніе штрафа излишне потому, что одинъ экспертъ можетъ быть замѣненъ другимъ, и потому, что затрудненій и случаевъ отказа со стороны свѣдущихъ людей предшествующая практика не представляетъ.

5) Вообще, разсматривая этотъ предметъ съ точки зрѣнія права, нѣтъ никакого основанія установлять закономъ особую повинность для свѣдущихъ людей, повинность натурой за знаніе всякаго рода, которое должно быть всячески поощряемо, а не стѣсняемо. И вотъ причина, почему ни въ въ какомъ законодательствѣ не встрѣчается узаконенія о штрафованіи свѣдущихъ людей; исполненіе съ ихъ стороны требованій судопроизводства разсматривается вездѣ какъ обязанность нравственная, огражденная единственно сознаніемъ гражданскаго долга содѣйствовать по мѣрѣ силъ и возможности отправленію правосудія.

6) Что же касается до наложенія штрафа въ частности на уѣзднаго врача, котораго по проекту новаго судоустройства могутъ требовать въ разные концы уѣзда одновременно по крайней мѣрѣ 3 мировыхъ судьи, 3 становыхъ пристава и 3 слѣдователя, да сверхъ того мировый съѣздъ и окружный судъ, то не представляется никакой возможности ему быть правымъ передъ закономъ какъ относительно своевременнаго прибытія къ слѣдствію, такъ и въ удовлетвореніи, изъ 194 руб. годоваго жалованья, взысканій по штрафамъ.

По симъ соображеніямъ представляется возможнымъ и справедливымъ замѣнить ст. 292 слѣдующимъ постановленіемъ:

«Свѣдущіе люди исполняютъ требованія судебныхъ слѣдователей, по возможности, безъ промедленія времени».

Мнѣніе большинства.

Двадцать два члена (Александровъ, Буцковскій, Вилинбаховъ, Баронъ Врангель, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, Калачевъ, Книримъ, Крейтеръ, Любимовъ, Макалинскій, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Романовскій, Рѣпинскій, Спасовичъ, Турчаниновъ, Утинъ, Чемадуровъ и Шубинъ), находятъ, что вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли подвергать взысканію, за неявку къ слѣдствію безъ законныхъ причинъ, свѣдущихъ

людей вообще и врачей въ особенности, разрѣшенъ положительно постановленіями уложенія о наказаніяхъ (ст. 310 и 1123). Въ настоящее время можетъ быть рѣчь только о согласованіи этого взысканія съ другими однородными, вызванными новымъ порядкомъ судопроизводства; но идти далѣе этого и снимать уголовную санкцію, наложенную уложеніемъ о наказаніяхъ, коммисія не считаетъ себя вправѣ, да и не усматриваетъ надлежащихъ къ тому основаній.

Хотя во многихъ иностранныхъ законодательствахъ эксперты не штрафуются за неявку или несвоевременное прибытіе на призывъ слѣдователя; но изъ этого еще ничего не слѣдуетъ въ отношеніи къ существующему у насъ порядку. Освобожденіе отъ отвѣтственности свѣдущихъ людей, за неявку ихъ на призывъ слѣдователя, понятно только при двухъ условіяхъ: 1) когда въ обществѣ развито строгое чувство долга гражданскаго, при чемъ нѣтъ повода ожидать отказа со стороны экспертовъ въ явкѣ по первому призыву, и 2) когда призываемый и неявившійся экспертъ можетъ быть немедленно замѣненъ другимъ. Но, очевидно, что наша общественная жизнь не развилась еще до порядка, такимъ образомъ обусловленнаго. Изъ замѣчаній нашихъ практиковъ, видно, что у насъ весьма часто, даже и при существованіи отвѣтственности за неявку свѣдущихъ людей, лица эти не являлись во время, не смотря на то, что изслѣдованіе эксперта часто составляетъ по дѣлу главное средство къ открытію истины, и что неявка эксперта ведетъ нерѣдко къ изглаженію слѣдовъ преступленія.

Вслѣдствіе сего *двадцать два члена* признали необходимымъ постановить, что свѣдущіе люди, по требованію судебнаго слѣдователя, обязаны являться немедленно къ слѣдствію, и что за неявку, безъ законныхъ причинъ, они подвергаются той же отвѣтственности, какъ и понятые.

О поводахъ къ приглашенію слѣдователемъ врача (ст. 298).

По четвертому вопросу образовались три различныя мнѣнія.

Мнѣніе одного члена.

Одинъ членъ (Розовъ), предъявилъ слѣдующія соображенія:

Въ ст. 298 проекта говорится о предметахъ, подлежащихъ осмотру и освидѣтельствованію чрезъ врачей. Такъ какъ врача приглашаетъ судебный слѣдователь, производящій слѣдствіе; то случаи, въ ко-

торыхъ долженъ быть приглашенъ врачъ, по мнѣнію большинства, всякій разъ опредѣляетъ уже самъ судебный слѣдователь. Но можетъ ли слѣдователь не приглашать врача къ осмотру и освидѣтельствованію поименованныхъ въ означенной статьѣ предметовъ и ограничиться собственнымъ осмотромъ? Статья 298 этого прямо не разрѣшаетъ, но даетъ къ тому возможность и право. Въ поясненіе этого недоразумѣнія нѣкоторые члены полагаютъ: не приглашать врача къ осмотру только мертвыхъ тѣлъ въ случаѣ скоропостижной смерти, когда нѣтъ повода и основанія подозрѣвать, что скоропостижно умершій подвергся насильственной смерти, въ слѣдствіе преступнаго дѣянія. Очевидно, что поводы и основанія къ подозрѣнію въ насильственной смерти и преступномъ дѣяніи здѣсь разумѣются тѣ, кои слѣдователь можетъ получить изъ обстоятельствъ, ему сообщенныхъ, результатовъ его собственнаго дознанія и личнаго осмотра мертваго тѣла, безъ врачебнаго вскрытія и опредѣленія ближайшей причины смерти.

Бываютъ однако случаи скоропостижной смерти, гдѣ, изъ обстоятельствъ, сообщенныхъ и дознанныхъ, слѣдователь не можетъ получить основаній къ подозрѣнію въ насиліи,—гдѣ слѣды преступнаго дѣянія тщательно скрыты, гдѣ нѣтъ признаковъ наружнаго насилія на тѣлѣ,—словомъ, гдѣ остается причина смерти неизвѣстна. Между тѣмъ произведенное вскрытіе тѣла скоропостижно умершаго отъ неизвѣстной причины иногда обнаруживаетъ отравленіе, разрывы внутреннихъ органовъ, даже переломы реберъ (при давленіи на животъ и грудь сквозь платье) и трещины черепныхъ костей (при ударѣ сквозь шапку).

По симъ соображеніямъ одинъ членъ полагаетъ неприглашеніе врача по отсутствію поводовъ и основаній подозрѣнія въ насиліи и преступномъ дѣяніи допускать токмо въ слѣдующихъ случаяхъ: а) когда при очевидцахъ происшествія, смерть произошла отъ понятной всякому и видимой причины, напр. отъ пораженія молніей, паденія съ высоты, паденія въ воду, придавленія землей, срубленнымъ деревомъ, опрокинувшимся возомъ, наѣхавшимъ экипажемъ, смятія механизмомъ машины и. т. п.; б) когда смерть послѣдовала неожиданно у человѣка, страдавшаго на столько продолжительной болѣзнію, что посторонніе (достовѣрные) люди видѣли его въ болѣзни или слышали о томъ, и могутъ сообщить о ея припадкахъ (сюда принадлежатъ всѣ тѣ слу-

чаи, изъ ряда многочисленныхъ болѣзней, которые подавали поводъ ко вскрытію только потому, что родные, не ожидая скорой смерти, не успѣвали пріобщить больнаго Св. Таинъ); в) когда женщина умерла въ родахъ или родила младенца мертвымъ послѣ трудныхъ и долгихъ мукъ; сюда относятся неразрѣшившіяся отъ бремени рожепицы и мертворожденныя дѣти, изъ коихъ первыя нерѣдко подвергались вскрытію (безъ всякой надобности), какъ скоропостижно умершія, а вторыя какъ умершіе отъ непзвѣстной причины. Грубыя пособія, употребляемыя въ простомъ народѣ, какъ напр. встряхиваніе родильницы вверхъ ногами, подвѣшиваніе животомъ на кушакѣ, давленіе на животъ, насильственное вытягиваніе младенца за ручку или ножку, и разныя средства внутрь, кромѣ извѣстныхъ по своей невинности, не могутъ быть оставлены, по своимъ вреднымъ и даже смертельнымъ послѣдствіямъ для матери или ребенка, безъ законнаго преслѣдованія за неправильное леченіе.

Мнѣніе десяти членовъ.

Десять членовъ (Александровъ, Баронъ Врангель, Есиповичъ, Книримъ, Любимовъ, Макалинскій, Перетцъ, Поповъ, Турчаниновъ и Чемадуровъ) находятъ, что было бы совершенно безполезно производить судебно-медицинскій осмотръ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по поводу найденнаго, напримѣръ, трупа въ рѣкѣ, или скоропостижно умершаго, заявлено будетъ кѣмъ либо неосновательно или даже и умышленно сомнѣніе въ томъ, что смерть лицамъ этимъ послѣдовала не отъ причины естественной, т. е. когда будетъ поданъ поводъ къ изслѣдованію. Очень можетъ быть, что слѣдователь при самомъ приступѣ къ слѣдствію, изъ собранныхъ свѣдѣній убѣдится, что найденный трупъ принадлежитъ человѣку, при свидѣтеляхъ бросившемуся въ рѣку и утонувшему, а тѣло, скоропостижно будто умершаго—человѣку, страдавшему завѣдомо продолжительною болѣзнью. За тѣмъ же послѣ розыска или даже и самаго слѣдствія, когда слѣдователю совершенно ясно, что причиною смерти былъ естественный законъ природы, и что извѣтъ сдѣланъ безъ основанія, призывать врача для осмотра и вскрытія.

На практикѣ подобные случаи встрѣчаются весьма часто, и кому не извѣстно, какъ много жалобъ возбуждали, особенно у нашихъ простолюдиновъ, осмотры и вскрытія всѣхъ безъ исключенія труповъ. По этому представляется положительно вред-

нымъ освящать закономъ этотъ непужный для дѣла и стѣснительный для всѣхъ обрядъ.

Надо еще принять въ соображеніе то обстоятельство, что при нашихъ разстояніяхъ и маломъ числѣ врачей, всякое распространеніе смысла закона о случаяхъ вскрытія мертвыхъ тѣлъ сдѣлало бы такой законъ невозможнымъ въ исполненіи, и несогласнымъ съ тѣмъ полезнымъ правиломъ, которое принято въ наказѣ полиціи, изданномъ въ 1860 году, и по которому даже полиціи предоставлено право, при видимыхъ и несомнѣнныхъ причинахъ естественной смерти, предавать тѣла землѣ, безъ приглашенія врачей. Странно было бы послѣ этого, лишить судебныхъ слѣдователей права предоставленнаго полиціи.

Склоняясь къ мнѣнію одного члена въ главныхъ основаніяхъ его предложенія, десять членовъ не приняли этого предложенія единственно потому, что въ немъ перечисляются случаи, въ которыхъ врачъ не долженъ быть приглашаемъ, тогда какъ подобное перечисленіе едвали возможно и нужно. Невозможно оно потому, что пересчитать всѣ случаи трудно, и забыть какой либо изъ нихъ легко, —нужды же въ этомъ не предвидится, въ виду того соображенія, что предоставляя болѣе важныя права власти слѣдователя, нѣтъ необходимости лишать его этой власти въ данномъ случаѣ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ *десять членовъ* полагаютъ выразить положительно въ законѣ, что судебный врачъ не приглашается вовсе, когда нѣтъ повода и основанія подозрѣвать, что скоропостижно умершій подвергся насильственной смерти вслѣдствіе преступнаго дѣянія.

Мнѣніе большинства.

Тринадцать членовъ (Буцковскій, Вилинбаховъ, Гуринъ, Даневскій, Калачевъ, Крейтеръ, Плавскій, Принцъ, Романовскій, Рѣпинскій, Спасовичъ, Утинъ и Шубинъ) не нашли возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ объ означеніи въ проектѣ устава тѣхъ случаевъ, въ которыхъ при предварительномъ слѣдствіи не должно приглашать судебнаго врача къ осмотру и освидѣтельствованію скоропостижно умершихъ.

Случаи скоропостижной смерти входятъ въ общій рядъ ежедневно повторяющихся происшествій. Пока нѣтъ поводовъ предполагать, что скоропостижно умершій подвергся насильственной смерти отъ преступнаго дѣянія, нѣтъ и основанія приглашать судебнаго врача къ освидѣтельствованію, и начинать производство слѣдствія. Свѣ-

дѣнія о скоропостижно умершихъ не будутъ даже доходить до прокурора и судебнаго слѣдователя, такъ какъ по 211-й ст. проекта устава полиціи вмѣняется въ обязанность сообщать имъ о тѣхъ только произшествіяхъ, которыя заключаютъ въ себѣ признаки преступленій и проступковъ. Если бы даже судебному слѣдователю сдѣлались извѣстны подобные случаи, то и тогда онъ не имѣлъ бы права приступить къ слѣдствію, безъ законнаго повода предполагать, что смерть послѣдовала чрезъ преступленіе. Съ другой стороны опасно было бы дозволить слѣдователю не приглашать врача, для судебно-медицинскаго осмотра, даже и въ томъ случаѣ, когда о насильственной смерти скоропостижно умершаго сдѣлано заявленіе, представляющееся слѣдователю не вполнѣ основательнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что основательность заявленія о насильственной смерти скоропостижно умершаго можетъ быть опредѣлена съ достовѣрностію только по судебно-медицинскому осмотру, и если отъ усмотрѣнія слѣдователя будетъ зависѣть требовать или не требовать такого осмотра, не взирая на сдѣланное ему заявленіе, какъ полагаютъ десять членовъ, то такимъ образомъ самонадѣянный или недобросовѣстный слѣдователь можетъ скрыть всякое смертоубійство, потому что за упущеніемъ времени признаки насильственной смерти трудно будетъ обнаружить, по совершенной гнилости трупа. Поэтому включеніе въ проектъ статьи, предлагаемой десятью членами, могло бы только навести на неправильныя предположенія двоякаго рода: во 1-хъ, что о каждомъ случаѣ скоропостижной смерти должно быть произведено слѣдствіе, даже при отсутствіи поводовъ подозрѣвать, что скоропостижно умершій подвергся насильственной смерти, и во 2-хъ, что и при существованіи такихъ поводовъ, какъ напримѣръ заявленія о насильственной смерти или народной о томъ молвы, слѣдователь самъ можетъ опредѣлить основательность ихъ, не прибѣгая къ судебно-медицинскому изслѣдованію.

Что касается до предложенія одного члена, то включеніемъ его въ проектъ освѣтилось бы начало вполнѣ чуждое той цѣли, для которой установлено уголовное слѣдствіе. Тогда какъ мнѣніе десяти членовъ только наводитъ на мысль, что о каждомъ случаѣ скоропостижной смерти должно быть произведено слѣдствіе, въ мнѣніи одного члена эта

мысль высказывается положительно. Но разслѣдованіе произшествій, въ которыхъ пѣтъ элементовъ преступности, не входитъ въ предѣлы уголовнаго слѣдствія. Даже въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ есть такіе элементы, стремленіе и нашего и другихъ законодательствъ клонится къ тому, чтобы оградить частныя лица отъ привлеченія къ слѣдствію безъ основательныхъ къ тому поводовъ. Предположеніе одного члена ниспровергаетъ разомъ всё сдѣланное въ этомъ направленіи, расширяя кругъ предметовъ, подлежащихъ уголовному разслѣдованію едва ли не далѣе того, который оно имѣло въ періодъ полнаго преобладанія инквизиціоннаго процесса. Принятіе этого предложенія повело бы только къ ужасающему стѣсненію и безпокойству значительнаго числа лицъ, безъ всякой надобности. Оно дало бы слѣдователю много лишняго и безполезнаго труда и отняло бы большую часть его времени и силъ отъ разслѣдованія дѣйствительно преступныхъ дѣйствій. Наконецъ оно потребовало бы увеличенія въ нѣсколько разъ того числа судебныхъ слѣдователей, которое необходимо для преданія въ руки правосудія нарушителей общественнаго спокойствія. Съ другой стороны предложеніе одного члена ставитъ судебнаго слѣдователя судьею въ такомъ дѣлѣ, для котораго онъ не обладаетъ нужными свѣдѣніями. Такъ, возможно ли слѣдователю, въ случаѣ скоропостижной смерти женщины въ родахъ или въ случаѣ рожденія ею мертваго младенца, придти, безъ пособія врача, къ правильному убѣжденію въ томъ, были ли употребляемы грубыя пособія снаружи или вредныя средства внутрь. Можно ли тоже предположить, чтобы онъ безошибочно съумѣлъ опредѣлить, послѣдовала ли смерть отъ продолжительной болѣзни, несчастнаго случая, или отъ преступнаго дѣйствія. Судебная практика богата примѣрами, какъ самимъ экспертамъ бываетъ трудно, во многихъ случаяхъ, дать вѣрное по этому предмету заключеніе.

Говорятъ, что правило, сходное съ предложеніями одного и десяти членовъ, существуетъ въ нынѣ дѣйствующемъ законодательствѣ. Дѣйствительно 12 ст. наказа полиціи о производствѣ предварительныхъ дознаній о произшествіяхъ, собственной власти ея предоставлено дозволять преданіе скоропостижно умершихъ и вообще найденныхъ мертвыхъ тѣлъ землѣ, если обнаружатся видимыя и несомнѣнныя причины естественной смерти. Но большинство членовъ никогда не предполагало отнять это право у полиціи. Напротивъ, оно признаетъ

необходимымъ оставить его по прежнему за нею. По этому предложеніямъ одного и десяти членовъ не можетъ быть мѣста въ проектѣ устава о предварительныхъ слѣдствіяхъ, какъ не дано нынѣ дѣйствующему объ этомъ предметѣ правилу мѣста въ изданномъ въ 1861 г. наказѣ судебнымъ слѣдователямъ.

На сихъ основаніяхъ *тринадцать членовъ* полагаютъ ограничиться постановленіемъ слѣдующаго правила:

Для осмотра и освидѣтельствованія мертвыхъ тѣлъ, различнаго рода поврежденій, слѣдовъ насилія и состоянія здоровья потерпѣвшаго отъ преступленія или самаго обвиняемаго судебный слѣдователь приглашаетъ судебнаго врача.

О порядкѣ удостовѣренія въ безуміи или сумасшествіи обвиняемаго (ст. 312—314).

По пятому вопросу коммисія находила, что существующій нынѣ порядокъ освидѣтельствованія обвиняемыхъ, оказывающихся безумными или сумасшедшими, чрезъ врачебную управу въ особомъ присутствіи губернскаго правленія, безъ всякаго участія въ томъ уголовнаго суда (свод. т. X, ч. 1, зак. гражд. ст. 368—370; т. XV улож. о наказ. ст. 107 прилож. и зак. суд. угол. ст. 189), несогласенъ ни съ началомъ отдѣленія судебной власти отъ административной, ни съ началомъ повѣрки въ присутствіи суда главныхъ фактовъ изслѣдованія. По основнымъ положеніямъ (ч. II ст. 54 и 58) прекращеніе слѣдствія по законнымъ къ тому поводамъ, слѣдовательно и по поводу безумія или сумасшествія обвиняемаго, можетъ послѣдовать иначе, какъ по рѣшенію суда, а для этого судъ долженъ убѣдиться въ дѣйствительности того повода, по которому слѣдствіе предполагается прекратить, слѣдовательно и въ дѣйствительности безумія или сумасшествія обвиняемаго, для чего освидѣтельствованіе его должно быть производимо не въ губернскомъ правленіи, а въ присутствіи суда, съ соблюденіемъ во всемъ прочемъ правилъ, установленныхъ въ законахъ гражданскихъ. Соблюденіе этихъ правилъ представляется необходимымъ потому, что освидѣтельствованіе по поводу безумія или сумасшествія обвиняемаго должно быть производимо не только для разрѣшенія вопроса объ уголовной отвѣтственности его, но также для опредѣленія его гражданскихъ правъ. На сихъ основаніяхъ предначертаны статьи проекта 312—314.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О розысканіи предметовъ, обнаруживающихъ преступленіе.

Въ этомъ отдѣленіи изложены правила: 1) о выемкахъ и обыскахъ въ домахъ, и 2) о собраніи и сохраненіи вещественныхъ доказательствъ.

При обсужденіи этихъ правилъ въ коммисіи возбужденъ былъ вопросъ: не слѣдуетъ ли установить особенный порядокъ для производства обысковъ у присяжныхъ повѣренныхъ?

О порядкѣ производства обысковъ у присяжныхъ повѣренныхъ (ст. 328—330).

По этому вопросу коммисія разсуждала, что для поддержанія довѣрія къ присяжнымъ повѣреннымъ, въ рукахъ которыхъ могутъ находиться документы, доказывающіе личныя и имущественныя права ихъ довѣрителей, а не рѣдко и такіе, которые заключаютъ въ себѣ тайны семейныя или относящіяся къ какимъ либо промышленнымъ или торговымъ оборотамъ, необходимо, чтобы обыски у присяжныхъ повѣренныхъ производились не только безъ утраты, но даже и безъ огласки такихъ документовъ. Въ слѣдствіе сего коммисія признала нужнымъ постановить, что, при обыскѣ, бумаги присяжнаго повѣреннаго только опечатываются слѣдователя и повѣреннаго печатями, а самое разсмотрѣніе этихъ бумагъ и выдача тѣхъ изъ нихъ, которыя относятся къ дѣлу, производятся совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ, или непосредственно, или чрезъ назначенныхъ для сего двухъ членовъ совѣта.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О представленіи обвиняемаго къ слѣдствію, и о допросѣ его (ст. 336—368).

Въ основныхъ положеніяхъ сдѣланы по настоящему предмету слѣдующія указанія:

Лица, призываемыя къ слѣдствію, должны быть допрошены немедленно по ихъ явкѣ (Осн. пол. ч. II ст. 44).

Обвиняемый, подвергнутый задержанію, долженъ быть допрошенъ въ теченіе сутокъ (45).

Такъ какъ указанія эти не измѣняютъ ни въ чемъ относящихся сюда правилъ наказа судебнымъ слѣдователямъ, изданнаго въ 1860 году, то коммисія удержала всѣ тѣ изъ помянутыхъ правилъ,

которыя могутъ быть примѣнены къ новому порядку судопроизводства, и раздѣлила ихъ на два отдѣленія: 1) о призывѣ и приводѣ обвиняемыхъ къ слѣдствію, и 2) о допросѣ обвиняемыхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О призывѣ и приводѣ обвиняемыхъ къ слѣдствію.

Въ первомъ отдѣленіи коммисія признала нужнымъ дополнить существующія правила опредѣленіемъ съ большею точностію: законныхъ причинъ неявки къ слѣдствію обвиняемыхъ, случаевъ непосредственнаго привода ихъ, безъ предварительнаго призыва, и порядка врученія обвиняемымъ повѣстокъ о призывѣ или приводѣ ихъ къ слѣдствію. При этомъ, имѣя въ виду важность этихъ мѣръ для обвиняемыхъ и необходимость устранить, съ одной стороны, позорный призывъ или приводъ къ слѣдствію, въ качествѣ обвиняемыхъ, такихъ лицъ, которыя къ дѣлу не причастны, а съ другой нерѣдко встрѣчающіяся нынѣ оскорбительныя выходки и насильственныя дѣйствія полиціи противъ задерживаемыхъ сю лицъ, коммисія неизлишнимъ нашла постановить: во 1-хъ, что повѣстка, въ которой несоблюдена какая либо изъ указанныхъ въ законѣ существенныхъ формъ, считается недѣйствительною и возвращается полиціею судебному слѣдователю, и во 2-хъ, что всякое, при приводѣ обвиняемыхъ, оскорбленіе личности ихъ, влечетъ за собою законную отвѣтственность.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О допросѣ обвиняемыхъ.

Во второмъ отдѣленіи этой главы коммисія обратила особенное вниманіе на неизбѣжные, при недостаточномъ числѣ судебныхъ слѣдователей и при обширности ихъ участковъ, случаи промедленія въ снятіи первоначальныхъ допросовъ съ обвиняемыхъ. Въ слѣдствіе сего коммисія признала нужнымъ постановить, что если слѣдователь окажется въ отсутствіи и не прибудетъ въ теченіе 24 часовъ, то первопачальный допросъ обвиняемаго, подвергшагося приводу, производится въ предположеніи тѣхъ членовъ, которые не ограничиваютъ полиціи въ снятіи формальныхъ допросовъ — мѣстнымъ полицейскимъ чиновникомъ, а

въ предположеніи остальныхъ членовъ, не предоставляющихъ полиціи этого права (стр. 134—145) мѣстнымъ мировымъ судьею, который можетъ отпустить приведеннаго не по распоряженію слѣдователя, когда не найдетъ законныхъ причинъ къ его задержанію. Чтоже касается лицъ, являющихся по повѣсткамъ о призывѣ, то въ случаѣ предварительнаго отсутствія слѣдователя, они могутъ быть увольняемы ближайшимъ полицейскимъ начальствомъ, отъ котораго и должны получить удостовѣреніе о своевременной ихъ явкѣ. Въ отношеніи къ порядку снятія допроса съ обвиняемаго, комиссія придерживалась существующихъ нынѣ правилъ, но сочла не излишнимъ объяснить, что слѣдователь не долженъ домогаться признанія обвиняемаго ни обѣщаніями, ни ухищреніями, ни угрозами или тому подобными мѣрами вымогательства.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О пресѣченіи обвиняемымъ способовъ уклоняться отъ слѣдствія (ст. 369—389).

Въ основныхъ положеніяхъ въ отношеніи къ настоящему предмету постановлено слѣдующее правило:

Для воспрепятствованія обвиняемымъ уклоняться отъ слѣдствія, принимаются слѣдующія мѣры: 1) отобраніе вида на жительство; 2) отдача подъ особый надзоръ полиціи; 3) взятіе залога; 4) отдача на поруки; 5) домашній арестъ и 6) взятіе подъ стражу (Осн. пол. ч. II ст. 40).

При развитіи этого правила, въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) въ какихъ случаяхъ должна быть принимаема каждая изъ вышеозначенныхъ мѣръ?

2) въ чемъ должна состоять отвѣтственность поручителей?

3) въ какомъ размѣрѣ и какимъ порядкомъ слѣдуетъ установить взятіе залога?

4) не предстоитъ ли возможности оградить правильность содержанія обвиняемыхъ подъ стражею учрежденіемъ за симъ особаго надзора со стороны судей и прокуроровъ?

Объ опредѣленіи мѣры пресѣченія обвиняемому уклоненія отъ слѣдствія (ст. 370—375).

По первому вопросу коммисія находила, что главнымъ основаніемъ опредѣленія мѣры пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія должны служить свойство преступленія, въ которомъ онъ обвиняется, и родъ наказанія, кото-

рому онъ можетъ подвергнуться; всѣ же другія соображенія могутъ быть принимаемы во вниманіе лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ. Въ этихъ видахъ, раздѣливъ всѣ преступленія, подлежащія вѣдомству окружныхъ судовъ, на три разряда, коммисія постановила: 1) что по преступленіямъ, подвергающимъ заключенію въ тюрьмѣ, смирительномъ домѣ или крѣпости, безъ ограниченія правъ состоянія (улож. наказ. ст. 39, 41 и 42), высшею мѣрою обезпеченія должна быть отдача на поруки; 2) что по преступленіямъ, подвергающимъ заключенію въ смирительномъ домѣ или крѣпости съ ограниченіемъ правъ состоянія, или ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, кромѣ Сибирскихъ, или содержанію въ рабочемъ домѣ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, высшею мѣрою обезпеченія полагается требованіе залога (улож. наказ. ст. 37, 38 и 40), и 3) что по преступленіямъ, подвергающимъ ссылкѣ на житье въ Сибирь или содержанію въ арестантскихъ ротахъ, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или ссылкѣ на поселеніе или въ каторжныя работы съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія (улож. наказ. ст. 19, 21, 22 и 35), высшею мѣрою обезпеченія должно быть содержаніе подъ стражею. Такимъ образомъ по каждому разряду преступленій власть слѣдователя ограничивается токмо въ опредѣленіи высшей мѣры обезпеченія, а избраніе одной изъ низшихъ мѣръ предоставляется на его усмотрѣніе, съ тѣмъ, чтобы онъ принималъ при этомъ въ соображеніе силу уликъ противъ обвиняемаго лица, положеніе его въ обществѣ и состояніе его здоровья, а также полъ и возрастъ его. Сверхъ того, коммисія признала нужнымъ постановить: во 1-хъ, что обвиняемые, не имѣющіе осѣдлости, могутъ быть содержимы подъ стражею, хотя бы они обвинялись въ преступленіяхъ, не требующихъ этой мѣры обезпеченія, и во 2-хъ, что если обвиняемые, которыхъ слѣдователь признаетъ возможнымъ оставить на свободѣ лишь подъ условіемъ поручительства или залога, не представятъ ни того, ни другаго, то они подвергаются домашнему аресту или содержанію подъ стражею.

Объ отвѣтственности поручителей (ст. 376, 378 и 383).

По второму вопросу коммисія находила, что поручительство тогда только будетъ дѣйствительною гарантіею, когда оно сдѣлается отвѣтственнымъ. Всѣмъ извѣстно, что за неопредѣленіемъ въ дѣйствующихъ законахъ отвѣтственности по-

ручителя, отдача на поруки обратилась у насъ въ одну пустую формальность. Есть лица, которыя взятіе арестантовъ на поруки обратили въ постоянный промыслъ, и безъ всякаго риску для себя даютъ поручительство за всякое неизвѣстное имъ лице, лишь бы оно внесло условленную за то плату. Принимая во вниманіе, что отвѣтственность поручителя, согласно общепринятому въ иностранныхъ законодательствахъ правилу, можетъ быть только денежная, коммисія признала необходимымъ принять за правило, что при отдачѣ на поруки составляется постановленіе, въ которомъ опредѣляется сумма денежной отвѣтственности поручителя, и что постановленіе это подписывается поручителемъ и слѣдователемъ.

О размѣрахъ залога (ст. 377—379 и 383).

По третьему вопросу коммисія приняла во вниманіе, что опредѣленіе въ законѣ размѣра залога, со внесеніемъ котораго обвиняемый можетъ быть оставленъ на свободѣ, имѣла бы то неудобство, что невозможно было бы соразмѣрять его съ обстоятельствами каждаго даннаго случая, и иной разъ и низшій размѣръ залога оказался бы слишкомъ стѣснительнымъ или даже недоступнымъ для бѣдняка условіемъ свободы, въ другой же разъ и самый высшій размѣръ залога представлялся бы совершенно недѣйствительною гарантіею въ отношеніи къ обвиняемому богачу. По этому коммисія остановилась на той мысли, чтобы сумма залога опредѣляема была каждый разъ судебнымъ слѣдователемъ, сообразно съ важностію преступнаго дѣянія и съ состояніемъ залогодателя, и притомъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы потеря залога была для него чувствительна. По мнѣнію коммисіи, залогъ можетъ быть представленъ въ движимомъ или недвижимомъ имуществѣ, какъ самимъ обвиняемымъ, такъ и всякимъ другимъ лицомъ. Принимая въ залогъ имущество недвижимое, слѣдователь дѣлаетъ распоряженіе о наложеніи запрещенія на то имущество въ суммѣ, которою опредѣленъ размѣръ залога въ составленномъ о томъ, за подписью залогодателя и слѣдователя, постановленіи.

Объ ограждении правильности содержанія подъ стражею (ст. 384—389).

По четвертому вопросу произошло разногласіе:

Мнѣніе семи членовъ.

Семь членовъ (Александровъ, Вилинбаховъ, Боронъ Вранель, Даневскій, Есиповичъ, Плавскій и Поповъ) находятъ, что если каждому судьѣ и каждому прокурору предоставлено будетъ право освобождать неправильно лишеннаго свободы, или принимать мѣры къ содержанію его въ установленномъ порядкѣ, то отсюда произойдутъ безпрерывныя пререканія властей. Мировой или иной судья, посѣтивъ острогъ, признаетъ, что такой-то арестантъ содержится незаконно и отдастъ приказъ о немедленномъ его освобожденіи, а прокуроръ или слѣдователь, производящій слѣдствіе, найдутъ совершенно противное и прикажутъ его содержать подъ стражею. Кого же придется слушать?

Практика указываетъ, что порядокъ содержанія арестантовъ въ нашихъ тюрьмахъ весьма неудовлетворителенъ, и одною изъ причинъ этого зла именно то, что попеченіе о содержащихся ввѣрено слишкомъ многимъ лицамъ, какъ-то: и смотрителю мѣста заключенія, и полиціи, и вице-губернаторамъ, и стряпчимъ, и прокурорамъ. Всѣ эти лица, надѣясь одинъ на другаго, и зная, что каждое изъ распоряженій ихъ можетъ быть отмѣнено другимъ лицомъ, мало заботятся объ исполненіи своего долга, и выходитъ въ результатѣ то, что большое число надзирателей вовсе не служитъ къ охранѣ правъ и интересовъ арестованныхъ. Притомъ, если немедленное пресѣченіе неправильнаго содержанія подъ стражею требуетъ того, чтобы каждому судьѣ, хотябы и не онъ производилъ дѣло, предоставлено было право освободить арестованнаго, то эта мѣра справедливости должна простираться на всѣхъ арестантовъ, въ какомъ бы преступленіи они ни обвинялись, но на это однако большинство не рѣшается и для важныхъ преступленій дѣлаетъ изъятіе.

Проводя послѣдовательно мысль большинства членовъ, нельзя ни чѣмъ оправдать это изъятіе, ибо чѣмъ важнѣе преступленіе, по подозрѣнію въ которомъ кто либо задержанъ, тѣмъ обыкновенно строже бываютъ мѣры содержанія и тѣмъ тягостнѣе оно для задержаннаго, если онъ невиновенъ.

Если слѣдователи на столько недобросовѣстны или плохи, что могутъ оказываться виновными въ противузаконныхъ распоряженіяхъ по аресту, то по чему же не допустить мысли, что тѣ же лица, или другіе имъ равные судьи не будутъ дѣйствовать ошибочно или съ умышленнымъ вредомъ для общества, освобождая тѣхъ, которые должны

содержаться. По редакціи статьи 387, каждый проѣзжій мировой судья, прокуроръ или товарищъ его, лишь бы они были того судебнаго округа могутъ освободить всѣхъ содержащихся въ какой либо тюрьмѣ. Признавая съ своей стороны, что ни судьямъ, ни прокурорамъ не можетъ быть предоставлено право освобождать арестантовъ независимо отъ производства дѣлъ о нихъ, потому-что такое право было бы не безопасно и даже безполезно, при тѣхъ гарантіяхъ, которыя предполагается предоставить обвиняемымъ, семь членовъ полагаютъ статьи 387 и 389 исключить изъ проекта.

Мнѣніе большинства.

Двьнадцать членовъ (Буцковскій, Гольтгоеръ, Зарудный 2, Ковалевскій, Любимовъ, Макалинскій, Перетцъ, Розинъ, Розовъ, Спасовичъ, Утинъ и Яневичъ-Яневскій) находятъ, что 387 и 389 статьи проекта составляютъ естественное послѣдствіе основнаго положенія «что никто не можетъ быть задержанъ иначе, какъ въ случаяхъ указанныхъ закономъ и въ установленномъ имъ порядкѣ». Въ силу этого основнаго начала задержаніе кого бы то ни было *внѣ законнаго порядка* составляетъ преступленіе, требующее немедленнаго пресѣченія. Вотъ почему во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ законодательство постановляетъ самыя строгія правила въ огражденіе личной свободы каждаго изъ членовъ общества. Не говоря уже о всемъ извѣстномъ англійскомъ «Habeas corpus», по которому освобожденіе неправильно арестованныхъ производится королевскимъ судомъ, нельзя не замѣтить, что англійское право представляетъ еще болѣе простое средство отвращенія незаконныхъ арестовъ. По закону, каждый судья, который имѣетъ право судить извѣстное лицо или предсѣдательствовать въ томъ судѣ, который долженъ его судить, въ правѣ отпустить арестованнаго подъ поручительство, если замѣтитъ, что противъ него нѣтъ никакого обвинительнаго акта, или что онъ содержится не по силѣ такъ называемаго commitment, приговора объ отсылкѣ къ присяжнымъ, или же, если судья клятвою обвиняемаго удостовѣрится въ незаконности ареста, или изъ доказательствъ увидитъ неосновательность отказа въ поручительствѣ. Французскій кодексъ также ограждаетъ частныя лица отъ противозаконнаго задержанія. Въ этомъ отношеніи французскій кодексъ дѣлаетъ различіе между задержаніемъ неправильнымъ *по мьсту* заключенія

и задержаніемъ неправильнымъ *по своей причинѣ*. Въ первомъ случаѣ всякій извѣстившійся о задержаніи кого либо въ мѣстѣ, не предназначенномъ закономъ для тюремнаго заключенія, обязанъ донести о томъ мировому судьѣ, или судебному слѣдователю, или кому либо изъ лицъ прокурорскаго надзора, и затѣмъ каждое изъ этихъ лицъ обязано, по личномъ удостовѣреніи дѣйствительности событія, или освободить неправильно заключеннаго, или же распорядиться о немедленномъ представленіи его въ подлежащій судъ. Непринятіе такихъ мѣръ разсматривается какъ соучастіе въ неправильномъ задержаніи и влечетъ за собою уголовное наказаніе. Что касается задержанія неправильнаго *по своей причинѣ*, то въ этомъ случаѣ французскій кодексъ ограничивается вмѣненіемъ въ обязанность должностнымъ лицамъ исполнительной или судебной полиціи представлять высшему начальству всякое требованіе, клонящееся къ удостовѣренію неправильности задержанія. По неопредѣленности этого закона, не разъясняющаго въ точности, къ какому именно начальству слѣдуетъ обращаться въ подобномъ случаѣ, и что слѣдуетъ разумѣть подъ *законностію требованія*, на практикѣ не рѣдко встрѣчаются затрудненія и злоупотребленія, сознаваемыя самими французскими юристами.

Между тѣмъ въ предполагаемыхъ правилахъ ясно и положительно опредѣляется, въ какомъ случаѣ задержаніе частнаго лица представляется неправильнымъ. Не касаясь причинъ, на коихъ можетъ быть основано задержаніе, двѣнадцать членовъ находятъ, что оно должно быть во всякомъ случаѣ основано на постановленіи уполномоченныхъ къ тому закономъ властей и должно состоять-ся въ установленномъ для сего закономъ мѣстѣ. Засимъ всякое произвольное задержаніе кого либо неподлежащею властію, равно и задержаніе въ частномъ домѣ, сараѣ, подвалѣ и вообще въ иномъ мѣстѣ, кромѣ тѣхъ, которыя именно предназначены для сего закономъ, составляетъ преступное насиліе противъ личности гражданъ. Отсюда ясно, что обязанность пресѣкать подобное насиліе должна лежать безразлично на каждомъ судьѣ, судебномъ слѣдователѣ или лицѣ прокурорскаго надзора, имѣющемъ къ тому возможность. Противъ этого возражаютъ, что по смыслу дѣйствующихъ узаконеній, обязанность пресѣкать преступленія лежитъ не только на всѣхъ вообще должностныхъ, но и на частныхъ лицахъ, и

что засимъ непредставляется надобности къ положительному опредѣленію въ законѣ этой обязанности именно въ отношеніи къ неправильному задержанію, тѣмъ болѣе, что задержанное лицо можетъ само просить кого слѣдуетъ о своемъ освобожденіи. Приводятъ притомъ, что вмѣненіе судьямъ, слѣдователямъ и прокурорамъ въ обязанность пресѣкать неправильныя задержанія можетъ произвести на практикѣ столкновенія и пререканія между этими властями; такъ напр. задержанный по распоряженію слѣдователя можетъ быть освобожденъ мировымъ судьею и обратно. Означенные доводы опровергаются тѣмъ соображеніемъ, что хотя по смыслу дѣйствующихъ законовъ, на каждомъ частномъ лицѣ дѣйствительно лежитъ обязанность пресѣкать преступленія, но подъ вліяніемъ различныхъ условій, обязанность эта почти никогда не осуществляется на практикѣ. Всѣмъ извѣстно равнодушіе и даже отчужденіе нашего общества въ дѣлѣ суда и полиціи; всѣмъ извѣстно, какъ трудно бываетъ пріискать свидѣтелей преступленія, такъ какъ всякій старается избѣжать непріятности быть привлеченнымъ къ суду и слѣдствію. Если подобное уклоненіе проявляется въ случаяхъ важныхъ, и такъ сказать осязательныхъ преступленій, то его слѣдуетъ опасаться тѣмъ болѣе въ случаяхъ неправильнаго задержанія, жестокаго по своему существу, но не столь ужаснаго по своимъ внѣшнимъ признакамъ. Притомъ нельзя не замѣтить, что подъ вліяніемъ вѣковыхъ злоупотребленій задержаніе частныхъ лицъ внѣ законнаго порядка сдѣлалось у насъ обыденнымъ явленіемъ, не возбуждающимъ ни особеннаго ропота, ни особеннаго негодованія. До сей поры правомъ задержанія пользовались не только всякая власть и всякое начальство, но и частныя лица, занимавшія выгодное положеніе въ обществѣ. Судебная реформа должна положить предѣлъ подобному произволу. По этому въ законѣ слѣдуетъ выразить положительно, что каждый судья и каждый прокуроръ, который, въ предѣлахъ своего участка или округа, удостовѣрится въ задержаніи кого либо подъ стражею безъ надлежащаго постановленія уполномоченной на то власти, или по такому постановленію, которое явно обнаруживаетъ свою противозаконность, обязанъ: или немедленно освободить неправильно лишеннаго свободы, или принять мѣры къ содержанію его въ установленномъ порядкѣ. Такое правило необходимо, тѣмъ болѣе, что при произ-

вольномъ задержаніи въ мѣстѣ, не предназначенномъ для того закономъ, задержанное лице естественно можетъ быть лишено физической возможности подать жалобу или просьбу о своемъ освобожденіи. Исключеніе изъ этого правила должно относиться только къ обвиняемымъ въ тяжкихъ преступленіяхъ, которыхъ безнаказанность угрожаетъ такою опасностію для общества, что было бы крайне неосторожно, въ видахъ возстановленія правильности задержанія, предоставлять возможность укрываться отъ правосудія тяжкимъ преступникамъ. Въ отношеніи къ этимъ лицамъ возстановленіе порядка въ задержаніи должно происходить неиначе, какъ по сношеніи съ тою властію, которою дѣла о нихъ производятся. Что касается предположенія о пререканіяхъ, которыя могутъ возникнуть между лицами, уполномочиваемыми освобождать неправильно задержанныхъ, то въ этомъ отношеніи слѣдуетъ имѣть въ виду, что настоящими правилами ограждается лишь соблюденіе внѣшнихъ условій при задержаніи, независимо отъ причинъ, на которыхъ оно можетъ быть основано. Столкновеніе между судебными властями могло бы имѣть мѣсто въ томъ случаѣ, если бы каждому изъ нихъ было предоставлено право контролировать распоряженія другаго, оцѣнивать правильность или неправильность причины, послужившей поводомъ къ распоряженію о задержаніи. Но такъ какъ настоящія правила клонятся лишь къ устраненію произвола лицъ, не уполномоченныхъ закономъ къ задержанію, и къ огражденію частныхъ лицъ отъ заключенія въ мѣстахъ, не предназначенныхъ къ тому закономъ, то слѣдовательно нѣтъ никакого основанія опасаться столкновеній между судебными властями. Въ этихъ видахъ представляется необходимымъ вмѣнить мировымъ судьямъ, слѣдователямъ и прокурорамъ въ обязанность посѣщать мѣста заключенія и лично повѣрять законность произведенныхъ арестовъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О вызовѣ и допросѣ свидѣтелей (ст. 390—412).

Въ основныхъ положеніяхъ по настоящему предмету сдѣланы слѣдующія указанія:

Лица, призываемыя къ слѣдствію, должны быть допрашиваемы немедленно по ихъ явкѣ (Осн. пол. ч. II ст. 44).

Судебный слѣдователь не приводитъ къ присягѣ ни свѣдущихъ людей (экспертовъ), ни свидѣтелей, но напоминаетъ имъ, что они будутъ спрошены подъ присягою въ судѣ (ст. 46).

При развитіи, согласно симъ указаніямъ, существующихъ нынѣ правилъ о вызовѣ и допросѣ свидѣтелей, въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) гдѣ слѣдователь обязанъ допрашивать свидѣтелей, на мѣстѣ ли производства слѣдствія или въ мѣстахъ ихъ жительства?

2) не слѣдуетъ ли показаніе свидѣтеля предъявлять обвиняемому, для предложенія по его возраженіямъ новыхъ вопросовъ свидѣтелю?

3) не предстоитъ ли необходимости допустить нѣкоторыя изъятія изъ общаго правила о томъ, что слѣдователь не приводитъ къ присягѣ свидѣтелей?

4) свѣдѣнія о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни обвиняемаго должны ли быть собираемы чрезъ свидѣтельскія показанія или посредствомъ повальнаго обыска?

О допросѣ свидѣтелей на мѣстѣ ихъ жительства (ст. 390).

По первому вопросу мнѣнія раздѣлились:

Мнѣніе четырнадцати членовъ.

Четырнадцать членовъ (Буцковскій, Даневскій, Калачевъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Плавскій, Принцъ, Ровинскій, Розовъ, Рѣпинскій, Спасовичъ, Христіановичъ и Шечковъ) находятъ, что со введеніемъ у насъ формальнаго на судѣ слѣдствія обязанность свидѣтелей сдѣлается гораздо многосложнѣе и затруднительнѣе, вслѣдствіе необходимости давать свидѣтельскія показанія не только во время производства предварительнаго слѣдствія, но и въ судѣ.

При существующемъ и въ настоящее время въ нашемъ народѣ стремленіи уклоняться, при всякомъ удобномъ случаѣ, отъ свидѣтельства, нельзя ожидать, чтобы въ первое по крайней мѣрѣ время по введеніи судебной реформы не встрѣчались бы подобныя уклоненія, если не въ большей, то въ той же степени. Уклоненія этого рода могутъ не мало противодѣйствовать новому порядку уголовнаго суда, и потому благоразуміе требуетъ, чтобы при самомъ начертаніи устава были изысканы мѣры, которыя

бы облегчили свидѣтелямъ исполненіе возлагаемыхъ на нихъ закономъ обязанностей. Имѣя въ виду, что основаніемъ приговора на будущее время будетъ служить не предварительное, но судебное слѣдствіе, невозможно предоставить свидѣтелямъ какія либо облегченія въ исполненіи обязанностей по явкѣ ихъ въ судъ, безъ кореннаго нарушенія этого начала. По этому эти облегченія, если они должны имѣть мѣсто, возможны только при предварительномъ слѣдствіи. Въ этомъ отношеніи нельзя не признать, что чѣмъ рѣже свидѣтели будутъ отрываемы отъ своихъ обычныхъ занятій и отвлекаемы съ мѣста своего жительства, тѣмъ болѣе можно надѣяться, что они чистосердечнѣе будутъ давать свои показанія. Достичь этого возможно, обязавъ слѣдователя во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда свидѣтели живутъ внѣ того мирового участка, гдѣ производится слѣдствіе, допрашивать ихъ въ мѣстахъ ихъ жительства и только по особенной надобности вызывать на мѣсто производства слѣдствія.

Замѣчаютъ, что при такомъ порядкѣ судебному слѣдователю потребуется болѣе времени на производство слѣдствія и не рѣдко представится необходимость лишнихъ разъѣздовъ. Но участки слѣдователя едва ли будутъ столь обширны, чтобы по этой причинѣ могъ замедлиться ходъ слѣдствія и чтобы произошло обремененіе слѣдователя разъѣздами. Если бы иногда и встрѣтились эти неудобства, то справедливѣе, чтобы они достались на долю лица, спеціально предназначеннаго для производства слѣдствія, нежели причинять безпокойство частнымъ лицамъ въ то время, когда еще неизвѣстно, имѣютъ ли ихъ показанія прямое отношеніе къ разслѣдуемому происшествію. Замѣчаютъ также, что если слѣдователь долженъ отправляться въ мѣста жительства свидѣтелей, для снятія съ нихъ допросовъ, то ему необходимо будетъ брать съ собою и обвиняемаго, которому предполагается предъявлять показанія свидѣтелей, съ тѣмъ, чтобы по возраженіямъ его могли быть сдѣланы дополнительные вопросы свидѣтелямъ. Но противъ этого можно сказать, что свидѣтели по большей части находятся въ мѣстѣ или около мѣста происшествія, куда обыкновенно вызывается или приводится и самъ обвиняемый; въ тѣхъ же рѣдкихъ случаяхъ, когда свидѣтели находятся въ отдаленности можно сначала показанія свидѣтелей предъявить обвиняемому, а потомъ по возраженіямъ обвиняемаго сдѣлать свидѣтелямъ дополнительный допросъ.

Наконецъ замѣчаютъ, что переѣзды слѣдователя будутъ стоить дороже вознагражденія вызываемыхъ къ слѣдствію свидѣтелей. Но едва ли это такъ. Слѣдователь будетъ безпрестанно разъѣзжать то въ томъ, то въ другомъ направленіи своего участка, и, отправляясь въ какомъ либо извѣстномъ направленіи, онъ будетъ производить слѣдственныя дѣйствія не по одному происшествію, а по всѣмъ происшествіямъ, случившимся въ этой сторонѣ. Словомъ сказать, слѣдователь можетъ получать деньги на путевыя издержки только общею воловою суммою, составляющею постоянную прибавку къ его содержанію.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ *четырнадцать членовъ* полагаютъ статью 390 изложить въ слѣдующемъ видѣ: свидѣтели допрашиваются на мѣстѣ производства слѣдствія, если они живутъ въ предѣлахъ того мироваго участка, гдѣ оно производится; въ противномъ же случаѣ въ мѣстахъ ихъ жительства, и только по особенной надобности вызываются на мѣсто производства слѣдствія.

Мнѣніе большинства.

Шестнадцать членовъ (Александровъ, Вилинбаховъ, Баронъ Врангель, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, С. Зарудный, М. Зарудный, Зубовъ, Книрим, Макалинскій, Перетцъ, Поповъ, Розинъ, Романовскій и Турчаниновъ) не согласились съ вышеизложеннымъ мнѣніемъ на основаніи слѣдующихъ соображеній:

Постановить правиломъ, чтобы каждаго свидѣтеля, живущаго внѣ предѣловъ того мироваго участка, гдѣ производится слѣдствіе, допрашивать на мѣстѣ его жительства, было бы крайне неудобно потому, что это замедлило бы ходъ дѣла. Слѣдователь имѣлъ бы двойную работу: прежде всего, чтобы не проѣхаться даромъ, онъ обязанъ былъ бы посылать впередъ оповѣщеніе свидѣтелю быть на мѣстѣ тогда то и ожидать его пріѣзда, а между тѣмъ опредѣлить свой пріѣздъ едва ли всегда можетъ слѣдователь; внезапно возникшее дѣло особой важности удержитъ его на мѣстѣ, или вынудитъ отправиться въ другую сторону, и свидѣтель совершенно напрасно прождетъ его. За тѣмъ, послѣ посылки оповѣщенія и послѣ полученія свѣдѣнія о томъ, что свидѣтель находится на мѣстѣ и ждетъ его, слѣдователь обязанъ былъ бы пускаться въ путь, сопряженный съ потерею времени и множествомъ всякаго рода неудобствъ, а для такихъ поѣздокъ, необходимо было бы отпускать разъѣздныя деньги въ такомъ

количествѣ, что сумма ихъ далеко превзошла бы ту, которою пришлось бы вознаграждать призванныхъ свидѣтелей. Наконецъ слѣдователь, допросивъ одного свидѣтеля, живущаго въ 15, напримѣръ, верстахъ отъ мѣста производства слѣдствія, могъ бы признать необходимымъ дать ему очную ставку съ обвиняемымъ или другимъ свидѣтелемъ, имъ уже допрошеннымъ, а для этого долженъ былъ бы сводить ихъ гдѣ нибудь, слѣдовательно, за потерею времени и денегъ на поѣздку, въ результатѣ все таки будетъ вызовъ ихъ куда либо вмѣстѣ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что настоящимъ проектомъ (ст. 405) предполагается прочитывать обвиняемому показаніе свидѣтеля, съ тѣмъ, чтобы можно было предложить свидѣтелю дополнительные вопросы. Если обвиняемый представляетъ такія возраженія, которыя необходимо предъявить спрошенному на мѣстѣ его жительства свидѣтелю и потребовать отъ него пояснепія, то слѣдователь не можетъ лишить обвиняемаго этой гарантіи и долженъ будетъ предпринять путешествіе въ сопровожденіи обвиняемаго.

Ко всему вышеизложенному надо присовокупить, что предлагаемое правило возбудило бы множество жалобъ и пререканій потому, что свидѣтели стали бы сплошь и рядомъ отказываться отъ явки къ слѣдователю, когда онъ, въ случаяхъ особенной важности, признавъ это необходимымъ, призывалъ бы ихъ къ себѣ, къ чему не рѣдкимъ поводомъ послужило бы и то, что въ законѣ трудно опредѣлить, что такое случай особенной важности.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ большинство членовъ полагаетъ постановить, что свидѣтели допрашиваются на мѣстѣ производства слѣдствія, кромѣ случаевъ, когда слѣдователь признаетъ болѣе удобнымъ допросить ихъ на мѣстѣ ихъ жительства.

О предъявленіи свидѣтельскихъ показаній обвиняемому (ст. 405 и 406).

По второму вопросу коммисія находила, что формальное слѣдствіе въ судебномъ засѣданіи тогда только можетъ быть успѣшно, когда при слѣдствіи предварительномъ произведены уже были всѣ мѣстныя розысканія, необходимыя для собранія доказательствъ, а для этого необходимо, чтобы показанія свидѣтелей были своевременно предъявляемы обвиняемому, дабы по возраженіямъ его можно было сдѣлать свидѣтелямъ дополнительные вопросы и произвести розысканія по тѣмъ обстоя-

тельствамъ, которыя должны служить разрѣшеніемъ разнорѣчія между свидѣтелемъ и обвиняемымъ. Если бы показанія свидѣтелей были предъявляемы обвиняемому только на судѣ, то возраженія его весьма часто останавливали бы ходъ судебнаго слѣдствія, для провзводства дополнительныхъ розысканій, которыя за потерею времени были бы затруднительны. Вслѣдствіе сего коммисія признала нужнымъ постановить:

1) Что допросъ, снятый съ свидѣтеля, прочитывается обвиняемому, который имѣетъ право опровергать сдѣланныя противъ него показанія, и просить слѣдователя о предложеніи свидѣтелю новыхъ вопросовъ, и

2) Что обстоятельства, приведенныя обвиняемымъ въ опроверженіе показаній свидѣтеля, должны быть изслѣдованы, если имѣютъ существенное въ дѣлѣ значеніе.

О допросѣ нѣкоторыхъ свидѣтелей подъ присягою (ст. 399).

По третьему вопросу коммисія остановилась на томъ соображеніи, что хотя вообще свидѣтели должны быть приводимы къ присягѣ не при слѣдствіи предварительномъ, а на судѣ, однако изъ этого правила нельзя не допустить изъятій на тѣ случаи, въ которыхъ съ вѣроятностію можно предполагать, что нѣкоторые свидѣтели не въ состояніи будутъ явиться къ судебному слѣдствію, для подтвержденія своихъ показаній,—нельзя потому, что несправедливо было бы лишать обвиняемаго той гарантіи, которую представляетъ для него отобраніе показанія отъ свидѣтеля подъ присягою. На этихъ основаніяхъ коммисія признала нужнымъ постановить, что свидѣтели приводятся къ присягѣ при предварительномъ слѣдствіи въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда свидѣтель опасно боленъ и о выздоровленіи его можно сомнѣваться; 2) когда свидѣтель собрался въ дальній путь и возвращеніе его можетъ замедлиться, и 3) когда свидѣтель имѣетъ жительство внѣ округа того суда, которому дѣло подсудно.

О порядкѣ собранія свѣдѣній о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни обвиняемаго.

По четвертому вопросу произошло разногласіе:

Мнѣніе девяти членовъ.

Девять членовъ (Буцковскій, Есиповичъ, Ковалевскій, Макалинскій, Романовскій, Рѣпинскій, Спасовичъ, Турчаниновъ и Христіановичъ) предъявили слѣдующія соображенія:

Прежде, нежели рѣшиться на исключеніе повальнаго обыска изъ числа средствъ, употребляемыхъ въ судопроизводствѣ для достиженія цѣли уголовнаго правосудія, необходимо тщательно обсудить: дѣйствительно ли онъ неимѣетъ никакого значенія и составляетъ лишь одну обвѣтшалую формальность?

По мнѣнію девяти членовъ, повальный обыскъ имѣетъ весьма важное значеніе и не въ одномъ какомъ либо отношеніи, а по многимъ предметамъ уголовнаго судопроизводства.

Первое значеніе повальнаго обыска состоитъ въ томъ, что онъ уясняетъ собранныя по дѣлу доказательства. Когда подсудимый подозрѣвается въ преступленіи на основаніи доказательствъ, непосредственно относящихся къ данному случаю, то польза повальнаго обыска въ томъ развитіи, какое ему дано въ наказѣ судебнымъ слѣдователямъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію. Въ наказѣ этомъ именно постановлено, чтобы при распросахъ о поведеніи неограничиваться неопредѣленными и неточными отвѣтами, а стараться получить подробныя и ясныя свѣдѣнія о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни подозрѣваемаго въ преступленіи (Свод. Т. XV Прилож. къ продолж. IV, № 2 Зак. Суд. Угол. ст. 106). Свѣдѣнія эти не могутъ не имѣть значенія въ опредѣленіи большей или меньшей вѣроятности какъ оправдательныхъ, такъ и обвинительныхъ уликъ, *не потому, что подозрѣваемый былъ прежде хорошаго или дурнаго поведенія*, но потому, что его занятія, связи и образъ жизни, или подходятъ, или вовсе не подходятъ къ обстоятельствамъ, выставляемымъ обвиненіемъ или защитою. Безъ этихъ свѣдѣній, дѣла, въ которыхъ нѣтъ прямыхъ доказательствъ, а существуютъ только одинѣ улики, были бы большею частію не ясны для судей и присяжныхъ засѣдателей. Опасаются, что предъявленіе такихъ свѣдѣній можетъ ввести въ заблужденіе; но развѣ предсѣдатель суда не обязанъ предостеречь присяжныхъ отъ неосторожныхъ заключеній по этому предмету. Мало ли какія свѣдѣнія могутъ ввести въ заблужденіе, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы можно было исключать ихъ изъ дѣла и оставлять судъ въ потемкахъ.

Второе еще болѣе важное и неоспоримое значеніе повальный обыскъ имѣетъ при опредѣленіи степени вины подсудимаго и соотвѣтствующаго ей наказанія. Очевидно, что при сужденіи объ этомъ предметѣ невозможно обойтись безъ соображенія поступка, за который подсудимый подлежитъ от-

вѣтственности, съ жизнью его прошедшею. Судомъ всегда судится не отдѣльный поступокъ подсудимаго, но вся его личность, на сколько она проявилась въ извѣстномъ противузаконномъ поступкѣ. Потому то почти всѣ наши законы уголовные принадлежатъ къ разряду относительно опредѣленныхъ, предоставляющихъ судьѣ выборъ мѣры наказанія, въ предѣлахъ *maximum* и *minimum*, чтобы соображать наказаніе съ личными свойствами преступника. Судъ не можетъ не смотрѣть иначе на преступленіе, если оно есть изолированный фактъ въ жизни подсудимаго, нежели если оно проистекаетъ изъ глубоко укоренившейся въ немъ наклонности ко злу. Въ первомъ случаѣ оно заслуживаетъ снисхожденія потому, что могло быть послѣдствіемъ мгновеннаго увлеченія, во второмъ его надобно преслѣдовать безъ пощады. По всему нашему уголовному законодательству проведено начало болѣе строгой наказуемости повторенія. Это начало основано на предположеніи, что человѣкъ, многократно покушавшійся на преступленіе, требуетъ болѣе энергическихъ мѣръ противудѣйствія со стороны общества, нежели человѣкъ въ первый разъ преступившій законъ положительный, потому что онъ болѣе испорченъ; но большая его испорченность въ сравненіи съ другими можетъ явствовать не только изъ справки о томъ, что подсудимый когда то прежде судился: она можетъ доказываться и другими предосудительными его поступками, не подлежавшими разбирательству судебному, по отзывамъ людей коротко его знающихъ и заслуживающихъ довѣрія. Если бы и хотѣлъ законодатель воспретить всякіе намеки на образъ жизни и связи подсудимаго при разборѣ дѣла въ судѣ, то едвали бы могла быть достигнута эта цѣль. Трудно, не подвергаясь нареканіямъ въ стѣсненіи свободы судебной защиты, лишить защитника подсудимаго возможности сослаться на людей, знающихъ подсудимаго съ хорошей стороны, если только эта ссылка можетъ расположить судей въ пользу подсудимаго; но если защитнику допустить дѣлать подобнаго рода ссылки, то нельзя не дозволить и прокурору опровергать ихъ, противупоставляя имъ иные отзывы, менѣе благопріятные для подсудимаго.

Третье значеніе повальнаго обыска, и едва ли не самое важное, состоитъ въ томъ, что свѣдѣнія о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни подозрѣваемаго могутъ служить пособіемъ въ розыскѣ и путеводи-

тельною пытью предварительнаго слѣдствія. Для этого повальный обыскъ долженъ быть производимъ не при концѣ слѣдствія, какъ это дѣлалось въ новѣйшее время, но при началѣ послѣдованія, какъ бывало въ старину.

Наконецъ, нельзя не замѣтить, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ повальный обыскъ можетъ имѣть еще одно—четвертое—значеніе: когда доказательства, собранныя предварительнымъ слѣдствіемъ до того сомнительны, что возбуждаютъ вопросъ, слѣдуетъ ли предать обвиняемаго суду, то повальный обыскъ, какъ опредѣляющій болѣе или менѣе личность обвиняемаго, можетъ и долженъ быть принимаемъ въ соображеніе при разрѣшеніи этого вопроса.

Вообще, съ какой бы точки зрѣнія мы ни смотрѣли на повальный обыскъ, нельзя ни придти къ заключенію, что основательныя возраженія могутъ быть только противъ неправильнаго производства или неблагоразумнаго употребленія повальнаго обыска, а не противъ самой идеи этого учрежденія, которая при надлежащемъ ея развитіи можетъ быть только благотворною. Мы тѣмъ болѣе должны дорожить повальнымъ обыскомъ, что это одно изъ немногихъ нашихъ учрежденій, которое можетъ быть согласовано съ раціональными началами судопроизводства, и что это учрежденіе пустило у насъ корни еще до Петровской реформы, что оно не заносное, а наше туземное учрежденіе. Это наше большое жюри, съ которымъ нельзя обращаться такъ безцеремонно, чтобы уничтожить его при первыхъ противъ него возраженіяхъ. Слѣдуя примѣру Англіи, надо десять разъ выслушать возраженія противъ повальнаго обыска и десять разъ оставить его въ силѣ. Если законодательная власть не будетъ дорожить туземными учрежденіями и, вмѣсто исправленія ихъ, станетъ искоренять, то никакое преобразованіе не принесетъ существенной пользы.

Говорятъ, что свѣдѣнія о личности подсудимаго можно почерпать изъ свидѣтельскихъ показаній; но это только представляется такъ въ теоріи, а въ дѣйствительности нельзя разсчитывать на возможность пользоваться для этой цѣли вышеупомянутымъ источникомъ. Обязанность личной явки въ судъ, лежащая на свидѣтеляхъ, столь тягостна вообще и столь обременительна въ особенности въ Россіи, при нашихъ разстояніяхъ, что число вызываемыхъ въ судъ будетъ

по необходимости самое ограниченное и что будутъ требуемы для личной явки только лица, могущія сообщить свѣдѣнія, которыя относятся прямо къ существу разсматриваемаго преступленія. По невозможности вызывать свидѣтелей для дачи показаній о характерѣ и нравственности подсудимаго, судъ долженъ будетъ полагаться на свѣдѣнія, сообщаемыя ему по этимъ предметамъ защитникомъ, которыя не могутъ внушать полнаго довѣрія къ себѣ по односторонности своей и по тому, что они передаются изъ вторыхъ рукъ. При такихъ условіяхъ едва ли благоразумно отказываться отъ повальнаго обыска, какъ учрежденія, оказывающагося и нынѣ полезнымъ, по отзывамъ практиковъ, въ особенности при слѣдствіяхъ надъ крестьянами, и необременительнаго для обыскныхъ людей потому, что они могутъ быть допрашиваемы на мѣстѣ жительства и не обязаны являться въ судъ для дачи показаній. Замѣчаютъ, что неудобно было удерживать постановленное въ наказѣ судебнымъ слѣдователямъ правило о допросѣ на повальномъ обыскѣ, гдѣ это возможно, не менѣе 12 лицъ (Наказа ст. 106 п. 3), потому что это количественное исчисленіе вводитъ формальную оцѣнку собранныхъ свѣдѣній. Но противъ этого замѣчанія можно возразить, что указаніе, какое число лицъ должно быть допрашиваемо на повальномъ обыскѣ, совсѣмъ не то, что опредѣленіе достовѣрности показаній по числу допрошенныхъ обыскныхъ людей. По этому правило это, какъ неимѣющее никакого отношенія къ опредѣленію силы доказательствъ, не можетъ вводить формальной оцѣнки собранныхъ свѣдѣній.

Повальный обыскъ въ теперешнемъ его видѣ не всегда достигаетъ цѣли, потому, что нынѣ допрашиваются исключительно сосѣди подсудимаго, между тѣмъ какъ во многихъ случаяхъ, въ особенности въ городскомъ быту, сосѣди могутъ и не знать, каковъ человѣкъ подсудимый. Не измѣняя повальнаго обыска въ существѣ, можно бы сдѣлать его болѣе дѣйствительнымъ, расширивъ кругъ лицъ, допрашиваемыхъ повальнымъ обыскомъ, и потребовавъ отъ слѣдователя, чтобы онъ прежде всего обращался съ распросами о подсудимомъ къ его товарищамъ по сословію, званію, службѣ, занятіямъ и вообще къ лицамъ, имѣвшимъ частыя съ нимъ сношенія. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, и принимая во вниманіе, что въ основныхъ положеніяхъ нѣтъ даже и намека на отмѣну повальнаго обыска, чего не мог-

ло бы случиться, если бы государственный совѣтъ имѣлъ въ виду отмѣнить это средство дознанія истины, *девять членовъ* не находятъ никакого основанія подать голосъ за отмѣну повальнаго обыска, и потому полагаютъ принять слѣдующія правила.

Повальный обыскъ производится, когда для разъясненія дѣла окажется необходимымъ имѣть свѣдѣніе о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни обвиняемаго.

Въ качествѣ обыскныхъ допрашиваются преимущественно лица, имѣвшія частыя сношенія съ обвиняемымъ, или жившія съ нимъ въ одномъ мѣстѣ. Число ихъ, гдѣ это возможно, должно быть не менѣе 12-ти.

Обыскные люди допрашаваются порознь и безъ присяги.

При допросѣ обыскныхъ людей не должны находиться ни самъ обвиняемый, ни лица, принадлежащія къ его семейству.

Обвиняемому предоставляется предъявлять о недружбѣ или предубѣжденіи обыскныхъ людей и опровергать ихъ показанія, для чего допросъ, снятый съ обыскныхъ людей всегда прочитывается обвиняемому.

Возраженія обвиняемаго о недружбѣ или предубѣжденіи обыскныхъ людей надлежитъ изслѣдовать по правиламъ, предписаннымъ о возраженіяхъ противъ показаній свидѣтелей.

Раздѣляя вышеизложенныя соображенія, одинъ членъ (Буцковскій) долгомъ считаетъ присовокупить къ нимъ, что, по его мнѣнію, обыскные люди должны быть допрашиваемы подъ присягой, согласно существующему нынѣ порядку, такъ какъ они не могутъ быть требуемы въ судъ, для подтвержденія своихъ показаній присягою въ судебномъ засѣданіи подобно другимъ свидѣтелямъ, а между тѣмъ показанія ихъ нерѣдко имѣютъ важное въ дѣлѣ значеніе.

Мнѣніе большинства. *Одиннадцать членовъ (Александровъ, Гольтгоеръ, М. Зарудный, Зубовъ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Принцъ, Розинъ и Чемадуровъ)*, приступая къ изложенію своего мнѣнія по вопросу о повальномъ обыскѣ, считаютъ нужнымъ прежде всего оговорить, что они признаютъ неудобнымъ входить при семъ случаѣ, въ сужденіе о томъ, какіе изъ поступковъ прежней жизни подсудимаго и въ какой мѣрѣ могутъ усиливать наказаніе его за судимое преступленіе, ибо разрѣшеніе сего

вопроса принадлежитъ собственно къ уголовному кодексу, а не къ уставу судопроизводства.

При разсмотрѣніи въ коммисіи проекта о предварительныхъ слѣдствіяхъ всѣ согласились въ томъ, что иногда, *для разъясненія дѣла*, необходимо собрать точныя свѣдѣнія о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни обвиняемаго, и что нынѣшнія постановленія о повальномъ обыскѣ до того неудовлетворительны, что оные не могутъ быть перенесены въ новый уставъ. Разномысліе послѣдовало единственно по вопросу: нужно ли, для собранія сихъ свѣдѣній, установлять особый обрядъ судопроизводства, соотвѣтствующій нынѣшнему повальному обыску?

Въ статьѣ 227-й проекта постановлено, что при производствѣ предварительнаго слѣдствія, судебный слѣдователь обязанъ съ полнымъ безпристрастіемъ приводить въ извѣстность какъ обстоятельства, уличающія обвиняемаго, такъ и обстоятельства, его оправдывающія. *Одинадцать членовъ* полагаютъ, что при этой статьѣ едва ли нужны какія либо особенныя правила о собраніи свѣдѣній, касающихся занятій, связей и образа жизни подсудимаго. Когда *для объясненія дѣла* окажутся нужными такія свѣдѣнія, то судебный слѣдователь, на основаніи приведенной статьи, можетъ и обязанъ собрать оныя. Указывать ему, отъ кого и какимъ порядкомъ онъ долженъ собирать эти свѣдѣнія, было бы крайне неудобно, ибо порядокъ собранія этихъ свѣдѣній, также какъ и всякихъ другихъ свѣдѣній *къ объясненію дѣла*, зависитъ отъ разныхъ обстоятельствъ, которыхъ заранѣе предусмотрѣть невозможно. Кромѣ того, опредѣляя въ законѣ особый способъ собиранія свѣдѣній о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни подсудимаго, можно стѣснить слѣдователя въ правѣ употреблять для сего другіе, въ данномъ случаѣ можетъ быть гораздо проще и надежнѣе способы, а съ другой стороны доставить ему предлогъ ограничиться однимъ указаннымъ способомъ, пренебрегая другими, ближе соотвѣтствующими цѣли. Такъ, постановляя, что вышеозначенныя свѣдѣнія собираются посредствомъ допроса окольныхъ-ли жителей, какъ нынѣ дѣлается, или же, какъ полагаютъ *девять членовъ*, допросомъ лицъ, имѣвшихъ частыя сношенія съ обвиняемымъ, или жившихъ съ нимъ въ одномъ мѣстѣ, мы бы издали правила неудовлетворительныя или неполныя. Иногда о занятіяхъ или связяхъ, которыя могутъ *объяснить*

производимое дѣло, не знаютъ ни окольные люди, ни тѣ, съ которыми обвиняемый жилъ или обыкновенно имѣлъ сношенія, и слѣдователю необходимо обращаться за сими свѣдѣніями къ другимъ лицамъ, отъ коихъ, по соображеніи извѣстныхъ ему обстоятельствъ, онъ можетъ получить таковыя; иногда ему нужно будетъ сперва развѣдать и разузнать о томъ, отъ кого ближе всего получить тѣ, о прежней жизни обвиняемаго, свѣдѣнія, которыя могутъ объяснить дѣло. Столь же неудобно постановить, что эти свѣдѣнія собираются посредствомъ допроса, ибо для удостовѣренія о прежнихъ занятіяхъ обвиняемаго можетъ представиться необходимымъ осмотрѣть какіе либо предметы и даже предпринять выемку оныхъ, а для обнаруженія связей его, пересмотрѣть переписку его или иныя бумаги.

Желаніе удержать въ новомъ уставѣ повальный обыскъ, въ томъ или другомъ видѣ, вызвало необходимость придумать для него особыя формы. Вмѣсто нынѣшняго раздѣленія обыска на малый и большой, девять членовъ предполагаютъ постановить, что число допрашиваемыхъ при обыскѣ должно быть, гдѣ это возможно, не менѣе 12-ти. Далѣе прибавляются правила, что обыскные люди допрашиваются безъ присяги, и что при семъ допросѣ не должны находиться ни самъ обвиняемый, ни лица, принадлежащія къ его семейству.

Большинство находитъ что, всѣ подобныя правила, какъ не вызываемыя необходимостію и основанныя единственно на томъ предположеніи, будто бы свѣдѣнія о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни обвиняемаго, нужныя для объясненія дѣла, должны быть собираемы инымъ порядкомъ, нежели всякія другія къ объясненію дѣла свѣдѣнія,—будутъ неудобны и нерацiональны. Правило о допросѣ, *гдѣ это возможно,* 12 лицъ, по неопредѣлительности своей, не имѣетъ положительнаго значенія, а основываясь на количественномъ исчисленіи, вводитъ формальную оцѣнку такихъ обстоятельствъ, которыя, какъ *объясняющія дѣло,* могутъ быть приняты въ соображеніе при рѣшеніи о степени вины подсудимаго. Такое правило, по мнѣнію противорѣчило бы выраженному въ основныхъ положеніяхъ началу объ отмѣнѣ теоріи формальныхъ доказательствъ. Постановленіе, что обыскные люди допрашиваются безъ присяги, съ одной стороны лишнее, ибо, по общему правилу, слѣдователь допрашиваетъ всѣхъ безъ присяги, за исключеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ случаевъ; съ другой же

стороны это постановленіе не можетъ быть безусловное, потому, что свѣдѣнія, объясняющія производимое дѣло, могутъ быть иногда такъ важны и такъ необходимы для уразумѣнія онаго, они могутъ касаться такаго факта или вопроса, безъ разъясненія коего и самое дѣло не можетъ быть рѣшено, и въ такомъ случаѣ необходимо, чтобъ эти свѣдѣнія были повѣрены и даже подтверждены присягою. Очевидно, что и къ нимъ можетъ относиться исключительное правило закона, допускающее иногда и въ предварительномъ слѣдствіи приводъ допрашиваемыхъ къ присягѣ. Наконецъ воспрещеніе находиться, при допросѣ обыскныхъ людей, обвиняемому едва ли не противорѣчитъ общему правилу ст. 403 проекта, на основаніи коего свидѣтели допрашиваются *первоначально, если окажется нужнымъ*, не при обвиняемомъ и лицахъ, прикосновенныхъ къ дѣлу. Большинство не видитъ никакого основанія воспрещать безусловно обвиняемому находиться при повальномъ обыскѣ, когда ему разрѣшается быть при допросѣ прямыхъ по дѣлу свидѣтелей.

Смотря на тѣ свѣдѣнія о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни подсудимаго, которыя *необходимы для разрѣшенія дѣла*, какъ на обстоятельства, имѣющія нѣкоторую связь съ симъ дѣломъ, *одиннадцать членовъ* признаютъ невозможнымъ издавать для собранія этихъ свѣдѣній какія либо особыя правила, въ сущности различныя отъ тѣхъ, какія установляются относительно собранія всякихъ другихъ, нужныхъ по дѣлу свѣдѣній. По мнѣнію ихъ повальный обыскъ, имѣвшій въ свое время значеніе и цѣль, а теперь составляющій одну формальность, затрудняющую производство и не рѣдко болѣе вредную нежели полезную, лучше оставить въ числѣ разныхъ другихъ памятниковъ древняго нашего законодательства, не перенося его въ новый законъ, особливо же въ предлагаемой, нисколько не похожій на *повальный обыскъ* формѣ. Если же предвидится случай, что какой либо слѣдователь, не смотря на выше указанную статью проекта, можетъ усомниться насчетъ порядка собранія свѣдѣній о занятіяхъ, связяхъ и образѣ жизни подсудимаго, *когда они необходимы для разъясненія дѣла*, то лучше прибавить особое правило, что эти свѣдѣнія собираются на общемъ основаніи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О протоколахъ предварительнаго слѣдствія (ст. 413—421).

Въ основныхъ положеніяхъ нѣтъ никакихъ указаній касательно протоколовъ предварительнаго слѣдствія. Вслѣдствіе сего коммисія удержала почти всѣ относящіяся къ настоящему предмету правила наказа судебнымъ слѣдователямъ, съ тѣми лишь измѣненіями, которыхъ требовало согласованіе отмѣтокъ въ протоколахъ съ новымъ порядкомъ судопроизводства. Исключенія изъ этого составляютъ правила о томъ: 1) что постановленія объ основаніяхъ и закопныхъ поводахъ предпринимаемыхъ слѣдственныхъ дѣйствій составляются только въ случаяхъ, именно означенныхъ въ уставѣ, или когда это представится необходимымъ для объясненія распоряженій слѣдователя, и 2) что по просьбѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ слѣдователь выдаетъ имъ копіи съ протоколовъ и постановленій, если не встрѣтитъ къ тому препятствій въ видахъ открытія истины. Правила эти приняты коммисіею по замѣчаніямъ приглашенныхъ къ совѣщаніямъ судебныхъ слѣдователей. Равномѣрно изъ объясненій ихъ коммисія убѣдилась, что веденіе дневной записки о ходѣ слѣдствія, предписываемой наказомъ судебнымъ слѣдователямъ, есть не что иное, какъ безполезное повтореніе того, что ясно изъ самаго содержанія слѣдствія, и обременяетъ лишь слѣдователей излишней и ненужной работою. По этому коммисія единогласно постановила не вводить этой формальности въ новый уставъ о предварительныхъ слѣдствіяхъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О заключеніи слѣдствія (ст. 422—428).

Въ основныхъ положеніяхъ сдѣлано по этому предмету слѣдующее указаніе:

Предварительное слѣдствіе, которое слѣдователь признаетъ оконченнымъ, представляется имъ прокурору окружнаго суда (Осн. пол. ч. II ст. 53).

При развитіи этого правила въ коммисіи возникъ вопросъ не слѣдуетъ ли опредѣлить съ большею точностію, когда слѣдствіе надлежитъ считать оконченнымъ.

Объ опредѣленіи, когда слѣдствіе надлежитъ считать конченнымъ (ст. 422).

Мнѣнія по этому вопросу раздѣлились:

Мнѣніе четырехъ членовъ.

Четыре члена (Есиповичъ, Книримъ, Поповъ, и Турчаниновъ) находятъ, что предварительное слѣдствіе есть основа преданія суду или прекращенія дѣла, а вовсе не окончательный выводъ для судебнаго рѣшенія. Мысль эту необходимо выразить положительно въ уставѣ, потому что иначе предварительное слѣдствіе можетъ обратиться въ нынѣшнее формальное, лишь съ тою разницею, что допросы свидѣтелей будутъ отбираться безъ присяги. Слѣдователь, въ виду правила, предписывающаго ему приводить въ извѣстность всѣ обстоятельства, уличающія или оправдывающія обвиняемаго, не остановится въ дѣйствіяхъ своихъ даже при убѣжденіи въ томъ, что онъ собралъ достаточно матеріала для уясненія вопроса о преданіи обвиняемаго суду или о прекращеніи слѣдствія, но будетъ продолжать изслѣдованіе безъ нужды для дѣла и съ отягченіемъ допрашиваемыхъ лицъ излишними вызовами и допросами.

Въ слѣдствіе сего четыре члена полагали бы постановить, что предварительное слѣдствіе считается конченнымъ, когда судебнымъ слѣдователемъ исполнены всѣ дѣйствія, которыя не могутъ быть произведены судомъ, и собраны всѣ свѣдѣнія, необходимыя для преданія обвиняемаго суду или для прекращенія о немъ дѣла.

За тѣмъ, по мнѣнію четырехъ членовъ, нѣтъ никакой надобности спрашивать обвиняемаго, какъ полагаетъ большинство членовъ: не можетъ ли онъ представить еще чего либо въ свое оправданіе? Съ допущеніемъ гласности и защиты обвиняемаго при предварительномъ слѣдствіи и съ производствомъ почти всѣхъ дѣйствій въ его присутствіи, онъ не можетъ не знать своего положенія и будетъ имѣть полную возможность представить своевременно всѣ свои оправданія, безъ вызова его къ тому особенными вопросами, для предложенія которыхъ слѣдователь долженъ будетъ предпринимать излишнюю поѣздку въ мѣсто содержанія обвиняемаго.

Равномѣрно четыре члена не могутъ согласиться съ предположеніемъ большинства о томъ, чтобы извѣщать участвующихъ въ дѣлѣ лицъ о заключеніи слѣдствія. Въ отношеніи къ наличнымъ изъ

нихъ такое извѣщеніе было бы излишнею формальностію, а въ отношеніи къ отсутствующимъ неумѣстною надъ ними опекою, потому, что гражданскій истецъ и частный обвинитель сами могутъ заботиться о своихъ интересахъ. Кромѣ того такое объявленіе ни къ чему не поведетъ, потому, что дѣло во всякомъ случаѣ должно быть немедленно отослано по принадлежности.

Одинъ членъ Принтцъ, соглашаясь съ предложеннымъ опредѣленіемъ, когда предварительное слѣдствіе должно считать законченнымъ, находитъ однако, что и за этимъ опредѣленіемъ не слѣдуетъ отвергать ни окончательнаго вопроса обвиняемому объ оправдывающихъ его обстоятельствахъ, которыя удобнѣе повѣрить при слѣдствіи предварительномъ, чѣмъ при слѣдствіи судебномъ, ни извѣщенія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ о заключеніи предварительнаго слѣдствія, съ окончаніемъ котораго всѣ объясненія ихъ должны быть обращаемы не къ слѣдователю, но въ судъ.

Мнѣніе большинства.

Одиннадцать членовъ (Буцковскій, Гольтгоеръ, С. Зарудный, М. Зарудный, Ковалевскій, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Принтцъ, Розинъ, Розовъ и Христіановичъ) предъявили слѣдующія соображенія:

Въ настоящемъ проектѣ задача предварительнаго слѣдствія опредѣлена; она состоитъ въ приведеніи въ извѣстность обстоятельствъ, какъ уличающихъ подсудимаго, такъ и оправдывающихъ его (ст. 227). Отсюда непосредственно вытекаетъ, что съ приведеніемъ въ извѣстность всѣхъ этихъ обстоятельствъ оканчивается задача предварительнаго слѣдствія и дѣло должно быть препровождено по принадлежности. Когда же именно должно считать обстоятельства дѣла приведенными въ извѣстность, этого, по разнообразію случаевъ, подлежащихъ изслѣдованію, въ законѣ опредѣлить невозможно и разрѣшеніе этого вопроса въ каждомъ данномъ случаѣ необходимо предоставить соображенію самихъ слѣдователей, тѣмъ болѣе, что только одна практика въ состояніи будетъ указать до какой степени полноты нужно разъяснять дѣло, для безпрепятственнаго рѣшенія его въ нашихъ будущихъ судахъ.

По редакціи пяти членовъ, слѣдователь имѣетъ право не дѣлать допросовъ, потому что они принадлежатъ къ числу такихъ дѣйствій, которыя могутъ быть совершены самимъ судомъ, но какъ вслѣдствіе допросовъ, произведенныхъ судомъ, можетъ встрѣтиться надобность допросить новое

лицо, не выставленное въ числѣ свидѣтелей, то суду придется откладывать свои засѣданія, чѣмъ нарушится главное условіе суда по внутреннему убѣжденію—его непрерывность. Съ другой стороны для преданія суду нужно гораздо меньше обвиняющихъ обстоятельствъ, чѣмъ для осужденія, и можетъ случиться, что предварительное слѣдствіе, совершенно достаточное для преданія обвиняемаго суду, будетъ, не смотря на дополненіе его въ засѣніи суда, неудовлетворительно для постановленія правильнаго о подсудимомъ приговора.

Что же касается окончательнаго вопроса обвиняемому объ оправдывающихъ его обстоятельствахъ и объ извѣщеніи участвующихъ въ дѣлѣ лицъ о заключеніи слѣдствія, то по этимъ предметамъ замѣчанія одного члена представляются тѣмъ болѣе основательными, что невозможно разсчитывать на знаніе законовъ простолюдинами, и потому указаніе, когда и куда они должны обращаться съ своими просьбами и объясненіями не можетъ быть почитаемо излишнею формальностію, а есть мѣра и справедливая и полезная, въ томъ отношеніи, что предупреждаетъ подачу просьбъ и жалобъ не по принадлежности.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ *одинадцать членовъ* полагаютъ постановить слѣдующія правила:

По окончаніи предварительнаго слѣдствія, судебный слѣдователь объявляетъ обвиняемому о всѣхъ обстоятельствахъ, обнаруженныхъ слѣдствіемъ, и спрашиваетъ его: не можетъ ли онъ представить еще чего либо въ свое оправданіе.

Если обвиняемый укажетъ на какія либо новыя обстоятельства, то слѣдователь обязанъ повѣрить тѣ изъ нихъ, которыя могутъ имѣть вліяніе на рѣшеніе дѣла.

По исполненіи сего, слѣдователь объявляетъ всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, что слѣдствіе заключено, и отсылаетъ все производство къ прокурору.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Объ отвѣтственности полиціи и судебныхъ врачей въ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ (ст. 429—437).

Глава эта раздѣлена на два отдѣленія, заключающія въ себѣ правила: 1) объ отвѣтственности поли-

цейскихъ чиновъ, и 2) объ отвѣтственности судебныхъ врачей.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Объ отвѣтственности полицейскихъ чиновъ.

Объ отношеніяхъ полиціи къ судебному вѣдомству въ основныхъ положеніяхъ постановлено слѣдующее правило:

По производству дознаній о преступленіяхъ и проступкахъ, полицейскіе чины состоятъ въ непосредственной зависимости отъ прокурора и увѣдомляютъ его о всѣхъ дознаніяхъ, переданныхъ ими судебнымъ слѣдователямъ (Осн. пол. ч. II ст. 36).

При развитіи этого положенія, коммисія признала необходимымъ изложить, какъ правила о зависимости полицейскихъ чиновъ отъ прокуроровъ, такъ и правила объ отвѣтственности ихъ предъ судебными мѣстами.

Объ отвѣтственности полицейскихъ чиновъ по производству дознаній и принятію первоначальныхъ мѣръ изслѣдованія (ст. 451 и 452).

Имѣя въ виду множество жалобъ, которыя полиція возбуждаетъ своими дѣйствіями по судебной части, коммисія сочла долгомъ обратить вниманіе на причину этого зла и на средства къ его исправленію. Изъ ближайшаго соображенія практическихъ свѣдѣній по этому предмету оказывается, что причина медленности и нерадѣнія полиціи по исполненію судебно-полицейскихъ обязанностей заключается преимущественно въ безотвѣтственности ея, которая происходитъ главнымъ образомъ отъ того, что взысканіямъ за проступки чины полиціи подвергаются не иначе, какъ по усмотрѣнію той административной власти, которой непосредственно подчинены. Доселѣ предписанія и требованія судебныхъ мѣстъ и лицъ исполнялись полицейскими чинами съ крайнею небрежностію, а когда суды и слѣдователи обращались за понужденіями или съ требованіями взысканія къ прямому начальству полиціи—то въ большой части случаевъ, такія требованія оставались безъ удовлетворенія потому, что прямое начальство полиціи, мало интересовавшееся ходомъ дѣла ему посторонняго, заботилось лишь о томъ, чтобы его административныя распоряженія приводились въ исполненіе. Понимая это, чины полиціи дѣлали только то, что интересовало ихъ начальство, которое находя въ нихъ быстрыхъ и точныхъ исполнителей своихъ велѣній, не только не заботи-

лось о томъ, чтобы понуждать ихъ къ исполненію обязанностей судебно-полицейскихъ, по часто какого нибудь становаго пристава, особенно распорядительнаго во взысканіи недоимокъ, покрывало своимъ расположеніемъ, не смотря на запущеніе имъ слѣдственныхъ дѣлъ.

Успѣхъ слѣдственнаго дѣла, почти всегда обусловливается большимъ или меньшимъ содѣйствіемъ полиціи, которая въ большей части случаевъ, первая узнаетъ о преступленіи, и первая приступаетъ либо къ розыску, либо къ слѣдственнымъ дѣйствіямъ, и если она останется въ тѣхъ же неопредѣленныхъ отношеніяхъ къ власти судебной, въ какихъ находится теперь, то сколь бы ни были ясно начертаны ея права и обязанности по производству предварительныхъ слѣдствій, содѣйствіе ея слѣдственному дѣлу будетъ тѣмъ же, какъ и въ настоящее время, т. е. будетъ сопровождаться тѣмъ же произволомъ и тѣми же пререканіями между властями полицейской и судебной.

Такое не нормальное состояніе содѣйствія полиціи судебному дѣлу коммисія признала необходимымъ измѣнить, и нашла, что зла этаго избѣжать возможно будетъ лишь тогда, когда за упущенія и противузаконныя дѣйствія полицейскихъ чиновъ по исполненію ими слѣдственныхъ дѣйствій, наложеніе дисциплинарныхъ взысканій и преданіе суду будутъ зависѣть непосредственно отъ власти судебной.

Противъ такой зависимости нѣкоторые возражаютъ на томъ основаніи, что состоя подъ двумя начальствами, полиція всегда будетъ исполнять предпочтительно распоряженія того изъ нихъ, которое имѣетъ болѣе надъ нею власти, потому что неисполнительность ея обусловливается прежде всего невозможностію сдѣлать все то, что налагаетъ на нее законъ. Возраженіе это имѣетъ нѣкоторую долю правды при теперешнемъ положеніи дѣлъ, но въ будущемъ, когда отъ полиціи отойдетъ не только производство изслѣдованій, а также судъ по маловажнымъ преступленіямъ и исполненіе рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ, она вовсе не будетъ обременена занятіями и остающіяся за нею обязанности судебно-полицейскія должны стать на первомъ планѣ ея служебной дѣятельности. Въ этихъ видахъ отвѣтственность полицейскихъ чиновъ должна быть ясно опредѣлена въ законѣ, и взысканія за упущенія ихъ по слѣдственнымъ дѣйствіямъ должны исходить отъ власти судебной.

Вслѣдствіе сего коммисія признала необходимымъ постановить, что если полицейскіе чины, по производству дознаній или возложенныхъ на нихъ порученій, сдѣлаютъ упущенія или допустятъ безпорядки, то прокуроръ, смотря по важности упущеній и безпорядковъ, или предостерегаетъ только неисправныя лица, или предлагаетъ суду о наложеніи на нихъ дисциплинарныхъ взысканій, или же даетъ предложеніе о преданіи ихъ суду. Но если въ противозаконныхъ дѣйствіяхъ обвиняются не нижніе чины, а чиновники полиціи, то о преданіи ихъ суду мѣстный прокуроръ представляетъ на усмотрѣніе прокурора судебной палаты.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Объ отвѣтственности судебныхъ врачей.

О порядкѣ наложенія взысканія на судебныхъ врачей (ст. 435—437).

О порядкѣ, въ какомъ должны подлежать отвѣтственности судебные врачи, за неисполненіе ими судебно-медицинскихъ обязанностей, въ основныхъ положеніяхъ нѣтъ никакихъ указаній.

При разсмотрѣніи этого вопроса въ коммисіи произошло разногласіе.

Мнѣніе трехъ членовъ.

Три члена (Даневскій, С. Зарудный и Розовъ) заявили слѣдующее мнѣніе:

Въ проектированныхъ правилахъ объ отвѣтственности судебныхъ врачей они недостаточно ограждены отъ неправильныхъ преслѣдованій въ 3-хъ отношеніяхъ.

Во 1-хъ, прокурору предоставляется право начинать преслѣдованіе упущеній и противозаконныхъ дѣйствій врача по всякому поводу, слѣдовательно онъ можетъ начать преслѣдованіе по слухамъ, народной молвѣ, подметнымъ письмамъ и. т. д., а судебныя мѣста будутъ въ обязанности давать такому преслѣдованію надлежащій ходъ.

Во 2-хъ, для изложенія дисциплинарнаго взысканія и преданія суду, мѣста судебныя обязаны истребовать отъ врача объясненіе, а по вопросамъ спеціальнымъ и заключеніе его начальства; по предварительнаго о противозаконномъ поступкѣ изслѣдованія, которымъ только и можетъ быть обезпечена правильность взысканія и преданія суду, не требуется.

Въ 3-хъ, искусственное отдѣленіе упущеній и противозаконныхъ дѣйствій врача отъ вопросовъ спеціальныхъ, даетъ возможность судебнымъ мѣстамъ

не требовать предварительнаго заключенія отъ медицинскаго начальства во всякомъ случаѣ, такъ названнаго слѣдователемъ или прокуроромъ, упущенія или противозаконнаго дѣйствія, и тѣмъ лишаетъ врача одной изъ существенныхъ гарантій къ правильному обсужденію дѣла.

Три члена долгомъ считаютъ обратить особенное вниманіе на послѣднее правило. По мнѣнію ихъ, никакое упущеніе и ни какое дѣйствіе врача, при исполненіи обязанностей по слѣдствію, не можетъ быть отдѣлено отъ спеціальнаго вопроса уже потому, что гдѣ нѣтъ спеціальнаго вопроса, врачъ не приглашается. Даже простая неявка или промедленіе, при изслѣдованіи законныхъ причинъ, между коими главнѣйшимъ образомъ будетъ подлежать обсужденію или случившаяся болѣзнь врача, или исполненіе другихъ столь же важныхъ, но болѣе отвѣтственныхъ и безотлагательныхъ медицинскихъ обязанностей, возбуждаетъ вопросъ о взысканіи только въ случаяхъ, подлежащихъ также медицинскому обсужденію,—именно, когда отъ потери времени предметы изслѣдованія и бывшіе на нихъ знаки измѣнились. Извѣтъ на врача о скрытіи преступленія, какія бы побужденія ему ни были приписываемы, можетъ быть разрѣшенъ правильно не иначе, какъ по предварительномъ разъясненіи путемъ судебно-медицинскаго изслѣдованія, что въ данномъ случаѣ признаки насилія дѣйствительно существовали, и по удостовѣреніи медицинскимъ начальствомъ, что эти признаки въ актѣ осмотра не описаны, или что имъ дано неправильное толкованіе. Небрежность въ исполненіи судебно-медицинскихъ обязанностей со стороны врача тѣмъ болѣе требуетъ предварительнаго мнѣнія медицинскаго начальства.

Искусственное раздѣленіе упущеній и противозаконныхъ дѣйствій врача отъ вопросовъ, спеціальныхъ, предоставляя право и по нынѣ дѣйствующему законодательству (прим. 2 къ ст. 27 уст. врач. Т. XIII и ст. 653 зак. суд. угол. Т. XV) налагать на врачей взысканіе и предавать ихъ суду, безъ предварительнаго заключенія медицинскаго начальства, имѣло прямымъ слѣдствіемъ многочисленные примѣры неправильныхъ взысканій всякаго рода и неправильнаго преданія суду, коихъ легко было бы избѣжать предварительнымъ затребованіемъ простой справки или мнѣнія врачебной управы. Такъ, врача подвергали взысканію за неявку къ слѣдствію въ то время, когда онъ

былъ командированъ къ прекращенію повальныхъ болѣзней, или скотскаго падежа, и доносилъ врачебной управѣ о ходѣ болѣзни еженедѣльно. Врачъ подвергался взысканію за промедленіе прибытія къ слѣдствію, когда былъ задерживаемъ обязанностями по завѣдываемой больницѣ, по освидѣтельствованіямъ безсрочно-отпускныхъ или неспособныхъ военныхъ чиновъ, по поданію помощи умирающимъ, или роженицѣ въ трудныхъ родахъ и т. д. Врачъ подвергался взысканію за небрежность осмотра живаго или мертваго человѣка, когда осмотръ былъ сдѣланъ по правиламъ судебной медицины, но, по не предъявленію отъ слѣдователя врачу опредѣленнаго къ разрѣшенію вопроса, врачъ не зналъ, на что долженъ обратить особенное вниманіе и составленный актъ осмотра не отвѣчалъ въ послѣдствіи сущности дѣла, или не могъ служить отвѣтомъ на судебный вопросъ. Наконецъ врачъ предавался суду за неоткрытіе предполагаемыхъ знаковъ насилія въ трупѣ, или умышленное скрытіе слѣдовъ преступленія, когда изъ признаковъ анатомическихъ первоначальнаго осмотра и по переосвидѣтельствованію въ послѣдствіи, оказывалось, что предполагаемые знаки насилія были не что иное, какъ пятна гнилостнаго разложенія, или посмертные подтеки съ раздутостію тканей и т. п.

Тяжесть неправильнаго преданія суду отнюдь не искупается тѣмъ, что подсудимый будетъ оправданъ. Подсудимость всегда вносится въ формуляръ и кладетъ неизгладимое пятно на доброе имя человѣка и постоянно служитъ препятствіемъ при перемѣнѣ службы, по неизвѣстности поводовъ преданія суду и причинъ оправданія, которыя не вносятся въ формуляръ. Эта тяжесть еще болѣе увеличивается, когда подсудимому прекращается или уменьшается жалованье, запрещается выѣздъ изъ мѣста жительства, или назначается арестъ и тюремное заключеніе. Бывали примѣры подсудимости врачей, гдѣ время преданія суду до оправданія продолжалось 15-ть лѣтъ; врача обязывали не выѣзжать изъ уѣзднаго города, въ которомъ практикой снискать пропитаніе не было возможно, а между тѣмъ лишенный жалованья, онъ подвергался съ семействомъ всѣмъ бѣдствіямъ крайней нищеты.

По симъ соображеніямъ, въ видахъ обезпеченія строгой справедливости и предотвращенія неправильныхъ взысканій и преданія суду врачей, *три члена* полагаютъ: ст. 427 — 437 проекта, какъ допускающія недоразумѣнія въ порядкѣ преслѣ-

дованія упущеній и противозаконныхъ дѣйствій, искусственное отдѣленіе сихъ послѣднихъ отъ вопросовъ спеціальныхъ, и исключеніе важнѣйшей при обсужденіи вопросовъ о взысканіяхъ гарантіи, предварительнаго заключенія медицинскаго начальства, замѣнить слѣдующею: «врачи, за несвоевременное или правиламъ закона и науки несоотвѣтственное исполненіе судебно-медицинскихъ обязанностей, подвергаются окружными судами дисциплинарнымъ взысканіямъ, по истребованіи отъ обвиняемаго объясненія и заключенія губернскаго врачебнаго управленія. Въ случаяхъ, требующихъ удаленія врачей отъ судебно-медицинскихъ обязанностей, или преданія суду, судебныя палаты, по законномъ изслѣдованіи поступка, сообщаютъ о томъ на предварительное заключеніе медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ.

Мнѣніе большинства.

Шестнадцать членовъ (Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Баронъ Врангель, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, М. Зарудный, Книримъ, Ковалевскій, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Розовъ и Чемадуровъ), находятъ, что заявленныя возраженія недостаточно убѣдительны: во 1-хъ, опасеніе, что прокуроръ будетъ возбуждать дѣла объ отвѣтственности судебныхъ врачей, безъ законныхъ къ тому поводовъ, устраняется постановленнымъ въ проектѣ положительнымъ правиломъ, что прокуроръ не долженъ требовать начатія слѣдствія безъ достаточныхъ основаній, но въ сомнительныхъ случаяхъ обязанъ предварительно собрать надлежащія свѣдѣнія посредствомъ негласнаго полицейскаго развѣдыванія (ст. 275). При томъ если бы прокуроръ и возбудилъ неосновательно отвѣтственность врача, то судъ нисколько не будетъ въ обязанности дать дальнѣйшій ходъ такому дѣлу, такъ-какъ предложеніе прокурора для суда необязательно. Во 2-хъ, не означеніе, въ какихъ случаяхъ объ упущеніяхъ и противозаконныхъ дѣйствіяхъ судебныхъ врачей надлежитъ производить предварительное слѣдствіе, объясняется тѣмъ, что проектированныя постановленія объ отвѣтственности судебныхъ врачей составляютъ только изъятія изъ общихъ правилъ, которыя сохраняютъ свою силу во всемъ томъ, въ чемъ изъятій не постановлено, слѣдовательно и въ опредѣленіи тѣхъ случаевъ, когда надлежитъ производить предварительное слѣдствіе. Въ 3-хъ, раздѣленіе отвѣтственности врачей на общую и специ-

альную существуетъ и въ нынѣшнемъ законѣ (свод. Т. XV зак. суд. угол. ст. 653), по которому медицинскіе чиновники, за упущеніе должности, ослушаніе, промедленія и небреженія въ исполненіи начальственныхъ распоряженій, подвергаются взысканіямъ и предаются суду на основаніи общихъ законовъ, но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ по дѣламъ можетъ оказываться необходимость въ знаніи судебной медицины, какъ-то въ случаѣ разномыслія между чиновниками, производившими слѣдствіе и между врачами о родѣ болѣзни, о причинахъ смерти, или же сомнѣнія и неясности въ самыхъ лекарскихъ свидѣтельствахъ, губернскія правленія требуютъ предварительно заключенія врачебной управы. Въ сущности, правило это удержано въ проектированныхъ статьяхъ, съ тѣмъ лишь измѣненіемъ, что нарушеніе врачами своихъ обязанностей по судебной части предоставляется разсмотрѣнію не губернскихъ правленій, но судебныхъ мѣстъ. Превращеніе случаевъ общей отвѣтственности врачей въ отвѣтственность спеціальную повело бы неминуемо къ медленности во взысканіяхъ и къ пререканіямъ властей, а то и другое послужило бы къ послабленію отвѣтственности врачей, къ чему не представляется никакого основанія.

По всѣмъ этимъ доводамъ *шестнадцать членовъ* признали необходимымъ постановить:

1) Что въ случаѣ упущенія или противозаконнаго дѣйствія судебнаго врача, прокуроръ или предлагаетъ суду о наложеніи на виновнаго дисциплинарнаго взысканія, или о преданіи его суду представляетъ прокурору судебной палаты, и

2) Что судебныя мѣста, по истребованіи отъ врача объясненія, а по вопросамъ спеціальнымъ и заключенія отъ его начальства, подвергаютъ его дисциплинарному взысканію или предаютъ суду безъ испрошенія на то согласія медицинскаго вѣдомства.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О порядкѣ обжалованія слѣдственныхъ дѣйствій вообще ст. 438—456.

Въ основныхъ положеніяхъ сдѣлано по настоящему предмету слѣдующее указаніе:

Судъ входитъ въ разсмотрѣніе порядка производства слѣдствія только по жалобамъ частныхъ

лицъ, по представленіямъ слѣдователей и по предложеніямъ прокуроровъ (Осн. пол. ч. II, ст. 53).

Въ развитіе этого положенія въ первомъ отдѣленіи этой главы помѣщены правила, которыми должны руководствоваться участвующія въ дѣлѣ лица въ принесеніи жалобъ на дѣйствія полиціи и слѣдователя, а во второмъ отдѣленіи указанъ точный порядокъ разсмотрѣнія подаваемыхъ жалобъ.

РАЗДѢЛЪ ПЯТЫЙ.

О порядкѣ преданія суду или освобожденія отъ судебнаго преслѣдованія.

Раздѣлъ этотъ состоитъ изъ двухъ главъ, заключающихъ въ себѣ правила: 1) о власти и образѣ дѣйствій прокурора окружнаго суда, и 2) о власти и образѣ дѣйствій судебныхъ мѣстъ и состоящаго при палатѣ прокурора.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О власти и образѣ дѣйствій прокурора окружнаго суда (ст. 457—475).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлены по настоящему предмету слѣдующія правила:

Если прокуроръ окружнаго суда, разсмотрѣвъ предварительное слѣдствіе, по коему кто-либо заподозрѣнъ въ преступленіи или проступкѣ, не влекущемъ за собою лишенія всѣхъ правъ состоянія, или потери особенныхъ правъ и преимуществъ, признаетъ, что оно подлежитъ прекращенію, то предлагаетъ свое мнѣніе на разсмотрѣніе окружнаго суда. Въ случаѣ несогласія суда съ мнѣніемъ прокурора, дѣло переносится въ палату, которая постановляетъ окончательное заключеніе, по выслушаніи мнѣнія прокурора палаты (Осн. пол. ч. II, ст. 54).

Если прокуроръ окружнаго суда, по разсмотрѣніи слѣдствія, найдетъ, что подозрѣваемый долженъ быть преданъ суду, то онъ составляетъ актъ обвиненія (ст. 55).

Въ актѣ обвиненія означаются: существо дѣла,

основанія обвиненія, родъ и видъ преступленія или проступка (ст. 56).

По дѣламъ, подлежащимъ рѣшенію окружнаго суда безъ участія присяжныхъ засѣдателей, прокуроръ передаетъ актъ обвиненія, вмѣстѣ съ подлиннымъ слѣдствіемъ, суду. указывая при томъ, какія лица, по его мнѣнію, должны быть вызваны въ судъ къ судебному слѣдствію (ст. 57).

Если дѣло подлежитъ рѣшенію съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, то актъ обвиненія или мнѣніе о прекращеніи слѣдствія и самое слѣдствіе представляются прокуроромъ окружнаго суда прокурору палаты (ст. 58).

При развитіи приведенныхъ основныхъ положеній, въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) долженъ ли прокуроръ разсматривать предварительное слѣдствіе только съ исключительною цѣлью обвиненія?

2) слѣдуетъ ли предоставить прокурору право обращать дѣло къ дополненію собственною властію?

3) въ правѣ ли прокуроръ собственною властью измѣнить порядокъ подсудности дѣла, пріостановить его производство или же прекратить самое преслѣдованіе обвиняемаго?

4) по какимъ дѣламъ принадлежитъ прокурору право преслѣдовать обвиняемаго на судѣ непосредственнымъ предъявленіемъ обвинительнаго акта?

5) что должно составлять содержаніе обвинительнаго акта и нужно ли въ немъ указывать причины невмѣняемости содѣяннаго въ вину?

6) въ какихъ случаяхъ обвинительный актъ сообщается обвиняемому, для представленія возраженій?

7) можетъ ли прокуроръ останавливать преданіе суду, для совмѣстнаго сужденія всѣхъ преступленій обвиняемаго и всѣхъ его соучастниковъ?

О обязанностяхъ прокурора при разсмотрѣніи предварительныхъ слѣдствій (ст. 457 и 458).

По первому вопросу коммисія находила, что основными положеніями на прокуроровъ возлагается власть обвинительная, т. е. обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ (Осн. пол. ч. II, ст. 4), но имъ же вмѣняется въ обязанность предлагать о прекращеніи такихъ слѣдствій, которыя они признаютъ неподлежащими дальнѣйшему производству (ст. 54 и 58). Изъ этого видно, что на прокурорѣ лежитъ не одна обязанность быть

обвинителемъ, но также и другая — быть блюстителемъ закона. Въ основнымъ положеніяхъ о судоустройствѣ положительно выражено, что къ числу существенныхъ обязанностей прокурора принадлежитъ наблюденіе за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ закона (ч. I ст. 51). Въ качествѣ органа обвинительной власти, прокуроръ пользуется правомъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія. Дѣятельность его идетъ еще дальше: если изъ собранныхъ при предварительномъ слѣдствіи свѣдѣній, прокуроръ удостовѣрится, что привлеченное къ слѣдствію лицо основательно подозрѣвается въ преступленіи, то онъ долженъ продолжать преслѣдованіе такого лица, обвинять его предъ судомъ, объяснять основанія, по коимъ оно оказывается виновнымъ, и стараться изобличить вину его при разсмотрѣніи дѣла въ судѣ. Но если, наоборотъ, послѣ надлежащаго разслѣдованія преступленія, тотъ же прокуроръ придетъ къ убѣжденію въ неосновательности дальнѣйшаго преслѣдованія, то, въ качествѣ блюстителя закона и правосудія, онъ можетъ и долженъ дать заключеніе о прекращеніи преслѣдованія, начатаго имъ въ качествѣ обвинителя.

Опредѣляя власть и образъ дѣйствія прокурора при разсмотрѣніи предварительныхъ слѣдствій, коммисія старалась сохранить этотъ двойственный характеръ прокурорскихъ обязанностей, и при томъ въ такомъ видѣ, чтобы объ обязанности обвинителя и блюстителя закона шли рука объ руку.

О правѣ прокурора обращать дѣла къ дополненію (ст. 459—461).

По второму вопросу коммисія признала, что въ случаѣ неполноты слѣдствія, поставляющей прокурора въ невозможность вывести правильное заключеніе о существѣ дѣла, ему должно предоставить право: или потребовать дополнительныхъ свѣдѣній, или же обратить дѣло къ дополненію.

Предоставленіемъ такого права прокурору будетъ выиграно все то время, какое необходимо для того, чтобы онъ далъ суду предложеніе о дополненіи дѣла, и чтобы судъ постановилъ по этому предмету опредѣленіе.

Впрочемъ, чтобы предотвратить по возможности неправильное обращеніе дѣла къ дополненію, въ проектѣ принятіе этой мѣры обусловлено недостаткомъ существенныхъ свѣдѣній, поставляющимъ прокурора въ невозможность дать заключеніе. Равномѣрно, чтобы не задерживать производства одного дѣла произвольнымъ присоединеніемъ къ нему другихъ производствъ, въ связи съ

нимъ вовсе не находящихся, въ проектѣ постановлено, что обнаруженныя, при изслѣдованіи какого либо преступленія, противозаконныя дѣйствія лицъ, неучаствовавшихъ въ томъ преступленіи, не могутъ быть поводомъ обращенія дѣла къ дополненію, но должны быть предметомъ особыхъ слѣдствій.

Объ ограниченіи власти прокурора по отношенію къ дѣйствіямъ судебнаго свойства (ст. 465).

По третьему вопросу: въ правѣ ли прокуроръ собственною властью измѣнить порядокъ подсудности дѣла, пріостановить производство его или прекратить самое преслѣдованіе обвиняемаго?—коммисія пришла къ заключенію, что означенныя распоряженія не могутъ и не должны входить въ кругъ дѣйствія обвинительной власти, потому что требуютъ судебнаго разсмотрѣнія и рѣшенія, которое впрочемъ постановляется не иначе, какъ по выслушаніи заключенія прокурора. Въ основныхъ положеніяхъ опредѣлительно выражено, что заключеніе прокурора о прекращеніи преслѣдованія предлагается на обсужденіе и разрѣшеніе или окружнаго суда или палаты, смотря по роду дѣла (ч. II, ст. 54 и 58).

О правѣ прокурора преслѣдовать обвиняемаго на судѣ непосредственнымъ предъявленіемъ обвинительнаго акта (ст. 470 и 472).

По четвертому вопросу: по какимъ дѣламъ принадлежитъ прокурору право преслѣдовать обвиняемаго на судѣ—непосредственнымъ предъявленіемъ обвинительнаго акта? мнѣнія въ коммисіи раздѣлились.

Мнѣніе трехъ членовъ.

Три члена (Буцковскій, Кнримъ и Рѣпинскій) предъявили слѣдующія соображенія:

Когда всѣ изысканія предварительнаго слѣдствія окончены, тогда первое дѣйствіе правосудія должно состоять въ томъ, чтобы взвѣсить вѣроятность обвиненія и опредѣлить его законное значеніе для постановленія рѣшенія: или о преданіи обвиняемаго суду, или о прекращеніи возбужденнаго противъ него преслѣдованія. Вопросъ: какому установленію должно быть предоставлено разрѣшеніе этой важной задачи, принадлежитъ къ числу самыхъ спорныхъ въ наукѣ и въ законодательствахъ. Разномысліе по этому предмету имѣетъ главнымъ источникомъ различный взглядъ на то, чему преимущественно установленіе это должно служить огражденіемъ: личной свободѣ, или общественному порядку? Никто не сомнѣвается, что установленіе, облеченное властію преданія суду или освобожденія отъ онаго, должно быть для

гражданъ прибѣжищемъ отъ преслѣдованій, предпринятыхъ противъ нихъ злонамѣренно или только легкомысленно, по опрометчивости обвинителей и слѣдователей, увлекшихся обманчивымъ стеченіемъ обстоятельствъ. Всякому понятно, что выставляя гражданина на позорище публичнаго обвиненія предъ судомъ, наносятъ его честному имени такой тяжкій ударъ, котораго слѣды не всегда изглаживаются и оправданіемъ его на судѣ, тѣмъ болѣе, что преданіе суду нерѣдко отражается на состояніи обвиняемаго и почти всегда стѣсняетъ его свободу. По этому никто и не споритъ противъ того, что въ видахъ огражденія личной свободы преданіе суду должно быть допускаемо только въ тѣхъ случаяхъ, когда собранныя по дѣлу доказательства и улики представляютъ сильное вѣроятіе въ существованіи преступныхъ фактовъ и въ происхожденіи ихъ по винѣ подозрѣваемаго лица. Но далеко не всѣ отдаютъ себѣ ясный отчетъ: въ чемъ означенное установленіе должно ограждать общественный порядокъ? Многіе думаютъ, что для этого достаточно, чтобы оно не оказывало послабленія и потворства обвиняемымъ, и предавало подозрительныхъ лицъ суду, не взирая на ихъ званіе, чины и личныя преимущества. Конечно, это необходимо, но столь же необходимо и то, чтобы преслѣдованія, предпринимаемыя во имя правосудія, не приводили сплошь да рядомъ къ оправданіямъ, которыя колеблютъ довѣріе и уваженіе къ власти, преслѣдовавшей невинныхъ, или почитаемыхъ невинными. Хотя обвиненіе предъ судомъ не всегда можетъ имѣть основаніемъ достовѣрность, которая не достигается иногда и по истощеніи всѣхъ средствъ, представляемыхъ къ открытію истины судебнымъ состязаніемъ сторонъ, однако тѣмъ не менѣе каждое дѣйствіе правосудія должно носить на себѣ отпечатокъ добросовѣстныхъ изысканій и зрѣлаго соображенія. По этому, и въ видахъ общественнаго порядка, обвиненіе предъ судомъ слѣдуетъ допускать лишь тогда, когда можно съ вѣроятностію предвидѣть осужденіе и наказаніе обвиняемаго.

И такъ, съ какой бы точки зрѣнія ни смотрѣли на установленіе, облеченное властію преданія суду или освобожденія отъ онаго, нельзя не признать, что главное его назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы противодѣйствовать увлеченіямъ обвинителей и необдуманнымъ дѣйствіямъ слѣдователей, и что устройство его должно быть таково, чтобы

установленіе это могло дѣйствовать съ надлежащею энергіею и самостоятельно, не подчиняясь ни мѣстному, ни начальственному вліянію.

Очевидно, что всѣмъ указаннымъ условіямъ вполнѣ соотвѣтствуетъ постановленное въ основныхъ положеніяхъ правило, по которому въ важнѣйшихъ дѣлахъ, подлежащихъ рѣшенію съ участіемъ присяжныхъ, какъ преданіе обвиняемаго суду, такъ и прекращеніе о немъ слѣдствія предоставляется исключительно судебной палатѣ. Высокое положеніе этого судилища, которое должно быть составлено изъ опытнѣйшихъ юристовъ, можетъ служить вполнѣ достаточнымъ ручательствомъ, что оно не посадитъ на скамью подсудимыхъ человѣка, обвиняемаго пристрастно или легкомысленно, и не прекратитъ слѣдствія о вѣроятномъ преступникѣ подъ какимъ либо незаконнымъ вліяніемъ.

Не отвергая вышеизложенныхъ доводовъ съ теоретической точки зрѣнія, большинство членовъ коммисіи находитъ, что при обширности округовъ будущихъ судебныхъ палатъ, отдаленность разстояній, на которыя пришлось бы пересылать предварительныя слѣдствія изъ окружныхъ судовъ въ палаты и обратно, и накопленіе этихъ дѣлъ въ палатахъ были бы постояннымъ источникомъ медленности и проволочки въ движеніи уголовныхъ дѣлъ. По этому большинство членовъ коммисіи признаетъ необходимымъ постановить, что обвинительные акты, составленные прокурорами, представляются ими на разсмотрѣніе палатъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ дѣлѣ нѣтъ ни собственнаго признанія подсудимаго, ни показаній свидѣтелей, ни письменныхъ доказательствъ.

Противъ заявленнаго опасенія, что разсмотрѣніе обвинительныхъ актовъ палатами будетъ источникомъ медленности въ движеніи уголовныхъ дѣлъ, можно было бы возразить, что пересылка дѣлъ изъ окружныхъ судовъ въ палаты и обратно не потребуетъ продолжительнаго времени, сколь бы ни были обширны округи палатъ, а накопленіе дѣлъ въ палатахъ, изъ конхъ каждая будетъ состоять изъ нѣсколькихъ департаментовъ, тѣмъ менѣе вѣроятно, что по ничтожному количеству тѣхъ уголовныхъ дѣлъ, по которымъ допускается апелляція, разсмотрѣніе обвинительныхъ актовъ будетъ почти исключительнымъ занятіемъ уголовнаго департамента палаты. За всѣмъ тѣмъ *три члена* и съ своей стороны находятъ, что предварительное раз-

смотрѣніе обвинительныхъ актовъ въ палатѣ, какъ усложняющее уголовное судопроизводство, должно быть ограничено только тѣми случаями, въ которыхъ отмѣна его была бы не безопасна для правосудія. Но въ опредѣленіи этихъ случаевъ *три члена* не раздѣляютъ мнѣнія большинства. Такъ какъ въ уголовныхъ дѣлахъ невозможно опредѣлять силу доказательствъ только съ ихъ формальной стороны, то и не слѣдуетъ предполагать, что обвиненіе не подлежитъ сомнѣнію, когда есть въ виду признаніе обвиняемаго, свидѣтели или письменныя доказательства. Сила каждаго судебнаго доказательства зависитъ отъ многихъ условій, при отсутствіи которыхъ оно не имѣетъ ровно никакого значенія. Отдавать предпочтеніе одному доказательству передъ другимъ можно только по существенному его достоинству, состоящему въ большей его убѣдительности, а не по происхожденію его изъ того или другаго источника познанія. Почему же, при имѣніи въ виду тѣхъ доказательствъ, на которыя указываетъ большинство, предварительное разсмотрѣніе обвинительныхъ актовъ палатою представляется ему излишнею гарантіею? Вѣдь въ то время, когда обвиняемый предается суду, собранныя по дѣлу доказательства ни кѣмъ еще не разсмотрѣны кромѣ прокурора, а удостовѣреніе прокурора, какъ обвинителя, что доказательства достаточны для преданія суду, не можетъ служить удовлетворительною гарантіею для обвиняемаго. Обрядъ преданія суду, какъ объяснено выше, имѣетъ существенное значеніе въ противодѣйствіи увлеченіямъ обвинительной власти, и если отъ самаго прокурора будетъ зависѣть признать имѣющіяся въ дѣлѣ доказательства болѣе или менѣе несомнѣнными и въ слѣдствіе того представить обвинительный актъ на предварительное разсмотрѣніе палаты или не представить, то въ сущности подсудимые не будутъ имѣть никакой гарантіи въ правильномъ преданіи ихъ суду. Притомъ развѣ можно установлять различіе въ порядкѣ судопроизводства, смотря по доказательствамъ, имѣющимся въ дѣлѣ? Такимъ образомъ одинъ обвиняемый пользовался бы гарантіею, доставляемою разсмотрѣніемъ обвинительнаго акта въ палатѣ, а другому обвиняемому, хотя бы онъ подозрѣвался въ одинаковомъ преступленіи, было бы отказываемо въ той же гарантіи. Не очевидно ли, что такое правило отзывается неравенствомъ суда, которое здѣсь тѣмъ

болѣе несправедливо, что поставляется въ зависимость отъ усмотрѣнія обвинителя.

По мнѣнію трехъ членовъ, уменьшенія числа случаевъ предварительнаго разсмотрѣнія обвинительныхъ актовъ въ палатахъ можно достигнуть не лишая никого надлежащихъ гарантій и не нарушая начала равенства суда. Для этого можно было бы принять за правило, что обвинительные акты представляются на предварительное разсмотрѣніе палатъ по жалобамъ обвиняемыхъ. Говорятъ что это ограниченіе ни къ чему не приведетъ, потому что всѣ обвиняемые будутъ подавать жалобы. Къ такому заключенію не представляется надлежащаго основанія. Если въ этомъ положеніи дѣла жалоба обвиняемаго можетъ относиться только къ порядку преданія его суду, то по какимъ побужденіямъ станетъ жаловаться тотъ подсудимый, который нисколько не сомнѣвается въ томъ, что участь его не можетъ быть разрѣшена безъ судебнаго приговора? Не для того ли, чтобы отдалить наказаніе? Но это побужденіе могло имѣть силу только при существованіи тѣлесныхъ наказаній, когда страхъ предстоящаго физическаго страданія побуждалъ многихъ подсудимыхъ изыскивать средства къ отдаленію по возможности времени его наступленія; съ отмѣною же тѣлесныхъ наказаній, такой проволочки дѣла не можетъ желать большинство содержащихся подъ стражею обвиняемыхъ, которымъ очевидно не выгодно длить свое заключеніе сверхъ того, которому они подвергутся по судебнымъ приговорамъ. Токмо тяжкіе преступники, подлежащіе лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, могутъ пожелать отдалить время своей разлуки съ близкими родственниками. Но въ дѣлахъ этого рода не слѣдуетъ противодѣйствовать предварительному разсмотрѣнію обвинительныхъ актовъ въ судебныхъ палатахъ, на томъ основаніи, что въ тяжкихъ преступленіяхъ, напримѣръ въ смертоубійствѣ или насильственномъ похищеніи чужаго имущества, различные виды и степени однородныхъ преступленій разграничиваются весьма тонкими чертами, и потому не легко опредѣляются, а между тѣмъ желательно, чтобы по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ дѣлахъ обвинительные акты представляли сколь возможно точное и согласное съ закономъ опредѣленіе преступленій и виновности предаваемыхъ суду лицъ.

Въ слѣдствіе вышеизложенныхъ соображеній,

три члена полагали бы постановить слѣдующія правила:

1) По дѣламъ, не подлежащимъ суду присяжныхъ, прокуроръ предлагаетъ обвинительные акты свои на разсмотрѣніе окружнаго суда.

2) По дѣламъ, подлежащимъ суду присяжныхъ, обвинительные акты, составленные состоящимъ при окружномъ судѣ прокуроромъ, объявляются обвиняемымъ, которые въ теченіе семи дней отъ вручения имъ копіи съ тѣхъ актовъ могутъ обжаловать ихъ предъ судебною палатою.

3) Жалоба на обвинительный актъ можетъ относиться только къ слѣдующимъ предметамъ: а) къ не точному изложенію въ актѣ обстоятельствъ дѣла, б) къ неучиненію при предварительномъ слѣдствіи, по указаніямъ обвиняемаго, надлежащихъ изысканій, и в) къ непринятію во вниманіе законныхъ причинъ, по которымъ дѣло должно быть прекращено, пріостановлено или соединено съ другимъ дѣломъ.

4) Обжалованный обвинительный актъ вмѣстѣ съ жалобою представляется установленнымъ порядкомъ на разсмотрѣніе судебной палаты.

Мнѣніе четырнадцати членовъ.

Четырнадцать членовъ (М. Зарудный, Зубовъ, Квистъ, Ковалевскій, Любимовъ, Перетцъ, Поповъ, Принцъ, Розинъ, Розовъ, Романовскій, Спасовичъ, Чемадуровъ и Христіановичъ) признаютъ, что разрѣшеніе предложеннаго вопроса зависитъ конечно отъ того значенія, которое можно и должно придавать обряду преданія суду. Если обрядъ этотъ есть пустая форма, или же имѣетъ значеніе гарантіи не цѣлому обществу необходимой, а только отдѣльной личности подсудимаго полезной, то, конечно, право прокурора требовать обвиняемаго къ суду собственною властью, простымъ вызовомъ, слѣдуетъ разширить, какъ полагаетъ большинство членовъ коммисіи, или же по крайней мѣрѣ, согласно мнѣнію трехъ членовъ, выполненіе этого обряда признать не безусловно необходимымъ въ силу закона, а состоящимъ въ зависимости, въ каждомъ данномъ случаѣ, отъ воли и желанія отдѣльной личности подсудимаго. Если же, напротивъ, обрядъ преданія суду имѣетъ значеніе существенное, значеніе гарантіи, цѣлому обществу необходимой, то указанное право прокурора, требовать обвиняемаго къ суду собственною властью, должно или вовсе исключить, или же по возможности ограничить, а самое выполненіе въ судопро-

изводствѣ обряда преданія суду признать безусловно необходимымъ въ силу самаго закона, а не зависящимъ, въ каждомъ данномъ случаѣ, отъ частной воли и желанія отдѣльной личности подсудимаго.

Важность и значеніе всякаго дѣйствія, по привлеченію обвиняемаго къ судебной отвѣтственности сознавались уже и въ дѣйствующемъ законодательствѣ; въ нашихъ законахъ существовали и существуютъ нѣкоторыя общія положенія о порядкѣ привлеченія къ суду; такъ, наши законы постановляютъ: что брать кого либо для допроса и изслѣдованія надлежитъ только въ такомъ случаѣ, когда улики въ преступленіи основаны на обстоятельствахъ, возбуждающихъ сильное подозрѣніе (Свод. Т. XV Зак. Суд. Уг. ст. 100); что улики надлежитъ разсматривать со всевозможною осмотрительностію (ст. 101); что когда улика основана на обстоятельствахъ, возбуждающихъ сильное подозрѣніе, тогда обвиняемаго брать къ слѣдствію, не смотря ни на какія личныя его преимущества (ст. 103); что если противъ кого либо будетъ обвиненіе, не подкрѣпленное сильными уликами, но и не совсѣмъ неуважительное, то, не приступая ко взятію его, надлежитъ чрезъ развѣдываніе, безъ огласки, или иными непредосудительными для обвиняемаго мѣрами, стараться удостовѣриться, есть ли достаточная причина подвергнуть его слѣдствію (ст. 102); наконецъ, что вмѣсто неотысканнаго обвиняемаго, ни подъ какимъ видомъ не брать никого другаго, ибо въ дѣлахъ уголовныхъ всякій долженъ отвѣтствовать за себя самъ (ст. 104).

Общая мысль приведенныхъ постановленій совершенно согласна съ самою строгою справедливостію, не смотря на то однакожъ, ихъ дѣйствіе на практикѣ оказывалось и продолжаетъ оказываться весьма неудовлетворительнымъ и даже противнымъ настоящей ихъ цѣли. Это объясняется, съ одной стороны, тѣмъ, что почти всѣ вышеозначенныя правила изложены въ выраженіяхъ слишкомъ общихъ, въ теоріи достаточно ясныхъ, но не заключающихъ въ себѣ точныхъ и опредѣлительныхъ указаній, а съ другой стороны тѣмъ, что примѣненіе этихъ правилъ и рѣшеніе всѣхъ возникающихъ при этомъ вопросовъ предоставляется по закону личному усмотрѣнію самого слѣдователя.

Подобная неопредѣлительность постановленій о порядкѣ привлеченія обвиняемыхъ къ судебной отвѣтственности давала поводъ къ многимъ безпо-

рядкамъ и злоупотребленіямъ, особенно въ то время, когда производство слѣдствій возлагалось на полицію. Опытъ, почти ежедневный, доказывалъ какъ вредны послѣдствія произвольнаго привлеченія къ отвѣтственности и суду. Всякому извѣстно, какъ часто люди невинные не только привлекались къ уголовнымъ слѣдствіямъ, но даже содержались подъ стражею, доколѣ самое слѣдствіе, или же случай, не доказывали, что они вовсе не причастны къ дѣлу. На сей важный предметъ было не однократно обращаемо вниманіе правительства, но всѣ усилія для предотвращенія сего зла едва ли имѣли какой либо успѣхъ, именно потому, что всѣ и самыя неправильныя въ семъ отношеніи дѣйствія слѣдователей покрывались обширнымъ смысломъ и неопредѣлительностію правилъ о привлеченіи къ суду, а узаконенное при рѣшеніи всѣхъ по этому предмету вопросовъ личное усмотрѣніе слѣдователя, со всевозможными его оттѣнками, было неуловимо для контроля.

При начертаніи основныхъ положеній признано было необходимымъ ограничить, по возможности, произволъ въ привлеченіи кого либо къ уголовному преслѣдованію.

Съ сею цѣлью постановлено, что обвиняемый становится на судъ не прежде, какъ по удостовѣреніи въ установленномъ порядкѣ, что обвиненіе, на него взводимое, не лишено основанія. Далѣе положено, что въ дѣлахъ, болѣе важныхъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, къ преданію суду, касающемуся не только спокойствія, но и самой чести и даже свободы не рѣдко безвинныхъ людей, слѣдуетъ приступать не иначе, какъ по особому постановленію судебной палаты, въ качествѣ камеры обвиненія,—постановленію, долженствующему имѣть мѣсто, по смыслу приведенной 58-й статьи Основ. Пол., всегда и по всѣмъ подобнаго рода дѣламъ—въ силу самаго закона, а не тогда только, когда имѣется въ виду жалоба подсудимаго.

Только по менѣе важнымъ дѣламъ, не затрогивающимъ въ той же мѣрѣ чести, свободы и спокойствія гражданъ и рѣшаемыхъ безъ присяжныхъ, введеніе особеннаго обряда преданія суду представлялось усложняющимъ дѣлопроизводство, безъ особенной пользы, и замедляющимъ отправленіе правосудія, а потому и самый обрядъ этотъ предположено въ основныхъ положеніяхъ (ст. 57-й ч. II) замѣнить простымъ вызовомъ обвиняемаго къ суду отъ лица прокурорской власти, посред-

ствомъ передачи въ судъ обвинительнаго противъ него акта.

Вотъ одно исключеніе, допущенное основными положеніями изъ общаго правила о привлеченіи обвиняемаго къ судебной отвѣтственности, не прежде, какъ по преданіи его суду въ установленномъ порядкѣ.

Исключеніе это, вызванное соображеніями, на большей успѣшности и быстротѣ дѣлопроизводства основанными, оправдывается только тѣмъ, что касается самыхъ маловажныхъ дѣлъ. Распространенное на болѣе важныя дѣла, касающіяся чести и свободы гражданъ, оно дало бы прокурорамъ право безотчетно, по одноличному своему усмотрѣнію, возбуждать и прекращать самыя тяжкія обвиненія, а общество лишило бы по этимъ обвиненіямъ существенной, въ лицѣ обряда преданія суду, гарантіи отъ легкомысленнаго привлеченія къ судебной отвѣтственности.

Подобное разширеніе предѣловъ власти прокурора было бы противно и тому началу, по которому предоставляется прокурору власть возбужденія и преслѣдованія преступленій, безъ уполномочія его на произвольное распоряженіе этимъ преслѣдованіемъ, безъ отдачи ему уголовнаго иска въ полную собственность, и тому соображенію, что по болѣе важнымъ дѣламъ рѣшеніе вопроса: есть ли достаточныя улики, чтобы посадить человѣка на позорную скамью обвиняемыхъ, общество можетъ и должно ожидать не отъ обвинителя и стороны, но отъ безпристрастной камеры обвиненія.

Наконецъ, подобное разширеніе прокурорской власти было бы опасно, потому что какъ бы ни хорошъ былъ выборъ прокуроровъ, но онъ палъ бы на людей; ложный стыдъ, самолюбіе людское помѣшаютъ сознаться въ сдѣланной ошибкѣ, не дозволятъ обвинителю прекратить легкомысленно начатое преслѣдованіе, побудятъ его продолжать неосновательное обвиненіе.

По всѣмъ приведеннымъ соображеніямъ, признавая обрядъ преданія суду существенною гарантіею отъ легкомысленнаго привлеченія къ судебной отвѣтственности, — гарантіею, необходимою, цѣлому обществу, *четырнадцать членовъ* не находятъ возможнымъ выполненіе въ судопроизводствѣ этого обряда дѣлать въ каждомъ данномъ случаѣ условнымъ, зависящимъ отъ воли и желанія отдѣльной личности подсудимаго; равнымъ образомъ они не признаютъ справедливымъ расширять въ

обрядѣ предавія суду власть прокурора обвинителя распространеніемъ опаснаго его права требовать обвиняемаго къ суду по личному своему усмотрѣнію. Въ слѣдствіе сего *четырнадцать членовъ* полагаютъ, въ замѣнъ статей, 463 и 467-й проекта, постановить слѣдующее правило:

Прокуроръ не можетъ собственною властью ни измѣнить порядка подсудности дѣла, хотя бы оно и получило незаконное направленіе, ни прекратить или пріостановить слѣдствія по неосновательности обвиненія или другимъ законнымъ причинамъ, ни предать обвиняемаго суду; но заключеніе свое о томъ предлагаетъ на разсмотрѣніе окружнаго суда, если изслѣдованное преступленіе не подлежитъ суду присяжныхъ, а въ противномъ случаѣ представляетъ на уваженіе судебной палаты, чрезъ состоящаго при ней прокурора.

Мнѣніе большинства.

Пятнадцать членовъ (Баршевскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Баронъ Врангель, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, С. Зарудный, Калачевъ, Крейтеръ, Михалинскій, Плавскій, Ровинскій, Турчаниновъ и Шечковъ), не соглашаясь съ приведенными доводами, приняли на видъ слѣдующія соображенія: преданіе суду составляетъ одно изъ существенныхъ обезпеченій для подсудимаго. Особенно важно оно въ такихъ случаяхъ, когда улики, собранныя противъ подсудимаго неясны и недостаточны. Въ этихъ случаяхъ обсужденіе данныхъ, добытыхъ дознаніемъ и преданіе обвиняемаго суду, или освобожденіе его отъ онаго, не можетъ быть отдано въ руки одного прокурора, который, не смотря на все стараніе придать себѣ спокойный и безпристрастный характеръ, уже по самому существу своей обязанности долженъ склоняться скорѣе къ обвиненію подсудимаго, нежели къ его оправданію. Вотъ почему, по мнѣнію большинства, необходимо, чтобы въ этихъ сомнительныхъ случаяхъ слѣдствіе и самый обвинительный актъ прокурора, разсматривались въ судебной палатѣ, какъ мѣстѣ совершенно сторонниемъ дѣлу, и потому болѣе безпристрастномъ къ подсудимому.

Но если преданіе суду важно и составляетъ существенное обезпеченіе для подсудимаго въ сомнительныхъ случаяхъ его виновности, то въ тѣхъ дѣлахъ, гдѣ противъ обвиняемаго есть положительныя и явныя улики, свидѣтельскія показанія, письменныя доказательства и собственное сознаніе, при существованіи которыхъ преданіе суду

обвиняемаго палатою сомнѣнію подлежать не можетъ, — въ такихъ дѣлахъ передача каждаго слѣдствія съ обвинительнымъ актомъ на разсмотрѣніе судебной палаты, составляла бы совершенно ненужную и замедляющую дѣло формальность, отяготительную для подсудимаго, которому для соблюденія ея необходимо будетъ просидѣть нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ подъ арестомъ, и несправедливую противъ земства, которому придется содержать на свой счетъ и безъ всякой существенной надобности нѣсколько тысячъ лишнихъ арестантовъ и выстроить для нихъ новыя тюрьмы.

По всѣмъ этимъ доводамъ большинство членовъ *полагаетъ*, согласно съ смысломъ и съ цѣлью основныхъ положеній, сохранить обрядъ разсмотрѣнія обвинительнаго акта въ палатѣ и преданія суду обвиняемаго для тѣхъ только сомнительныхъ случаевъ, когда обрядъ этотъ можетъ составить для подсудимаго существенное обезпеченіе, и отстранить преданіе суду, какъ ненужную и замедляющую дѣло формальность, въ тѣхъ случаяхъ, когда слѣдствіемъ открыты противъ подсудимаго явныя улики, при существованіи которыхъ преданіе суду обвиняемаго не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

О содержаніи обвинительнаго акта (ст. 467).

По пятому вопросу коммисія находила, что обвиненіе подозрѣваемаго предъ судомъ равно полезно и необходимо, какъ для разъясненія дѣла суду, такъ и для облегченія самому подсудимому способовъ защиты. Если подсудимый не знаетъ заблаговременно и положительно, въ какихъ дѣйствіяхъ онъ обвиняется и на основаніи какихъ доказательствъ и уликъ, то ему трудно приготовиться къ основательному опроверженію обвиненія даже несправедливаго, между тѣмъ какъ по началу равенства обвиненія и защиты, обвиняемому необходимо дать полную возможность сообразиться съ средствами къ оправданію. Вслѣдствіе сего коммисія признала, что въ обвинительномъ актѣ должны быть непремѣнно означены:

1) званіе, имя, отчество и фамилія обвиняемаго;

2) время и мѣсто совершенія преступленія, на сколько это извѣстно;

3) событіе преступленія, съ указаніемъ признаковъ, которые по закону сообщаютъ ему свойство противозаконнаго дѣянія;

4) сущность доказательствъ и уликъ, собранныхъ по дѣлу противъ обвиняемаго, и

5) опредѣленіе по закону: какому именно преступленію соотвѣтствуютъ признаки разсматриваемаго дѣянія.

Всѣ эти указанія подсудимому имѣть въ виду необходимо. Ему должна быть предоставлена возможность къ опроверженію какъ фактовъ, по которымъ событіе признается преступнымъ и приписывается его дѣянію, такъ и юридическаго опредѣленія этихъ фактовъ.

Разсуждая за тѣмъ о томъ: слѣдуетъ ли упоминать въ обвинительномъ актѣ объ обстоятельствахъ, увеличивающихъ или уменьшающихъ вину и мѣру наказанія, коммисія пришла къ заключенію, что обстоятельства, вліющія только на мѣру, а не на степень наказанія, и не составляющія существенныхъ признаковъ противозаконнаго дѣянія. не должны быть помѣщаемы въ обвинительномъ актѣ, тѣмъ болѣе, что указаніе ихъ значительно затруднило бы составленіе обвинительнаго акта, и не всегда могло бы имѣть надлежащую точность, такъ какъ при предварительномъ слѣдствіи можно и должно довольствоваться собраніемъ существенныхъ о преступленіи свѣдѣній, а подробности дѣла предоставлять раскрытію при слѣдствіи судебномъ.

Объ указаніи въ обвинительномъ актѣ причинъ невмѣняемости содѣяннаго въ вину.

По вопросу: нужно ли въ обвинительномъ актѣ указаніе причинъ невмѣняемости содѣяннаго въ вину? въ коммисіи произошло разногласіе.

Мнѣніе одиннадцати членовъ.

Одиннадцать членовъ (Вилинбаховъ, Баронъ Врангель, М. Зарудный, С. Зарудный, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Розинъ, Розовъ и Чемадуровъ) находятъ, что указаніе причинъ невмѣняемости содѣяннаго въ вину, если таковыя причины въ дѣлѣ находятся, необходимо.

Желательно было бы поставить прокурора не въ положеніе обвинителя, обязаннаго преслѣдовать преступленіе во что бы то ни стало и вопреки его убѣжденію, но сохранить за нимъ характеръ безпристрастнаго блюстителя правосудія.

Было-ли совершено убійство по праву личной обороны, предоставляемому женщинѣ при покушеніи на ея цѣломудріе и честь; имѣло-ли мѣсто преступленіе подъ вліяніемъ непреодолимаго отъ превосходящей силы принужденія, въ припадкѣ умственнаго разстройства, лишающей сознанія болѣзни и т. п.,—все это такого рода обстоятельства, ко-

торыя совершенно уничтожаютъ вмѣняемость содѣяннаго, но не даютъ право прекратить преслѣдованіе, безъ повѣрки на судѣ слѣдствія, безъ суда по существу дѣла. Извѣстно, что прекращается преслѣдованіе по постановленію обвинительной камеры, безъ приговора по существу, только по уваженію такихъ вмѣняемость уничтожающихъ обстоятельствъ, существованіе которыхъ не представляется и не можетъ представляться сомнительнымъ, какъ напримѣръ безуміе отъ рожденія и не прерывающееся сумасшествіе.

Спрашивается, независимо отъ тѣхъ соображеній, о которыхъ упомянуто выше, какая польза выводить на публичный судъ подсудимаго, убившаго человѣка по праву законной обороны, и клеймить его въ обвинительномъ актѣ названіемъ преступнаго убійцы?

Говорятъ, что подобные случаи рѣдки и что невсегда можно, при разсмотрѣніи предварительнаго слѣдствія, уяснить вопросы вмѣненія, объясняемые на судѣ.

Съ этимъ вполнѣ соглашаются одиннадцать членовъ, но не видятъ причины, почему обязывать обвинительную власть утаивать въ обвинительномъ актѣ подобнаго рода обстоятельства, когда они имѣются въ виду и раскрыты положительно?

Полагаютъ, что указаніями подобнаго рода предрѣшится отчасти вопросъ о винѣ подсудимаго, такъ-какъ на судѣ можетъ быть доказано, что право законной обороны въ данномъ случаѣ непримѣнимо. Но и этотъ доводъ неубѣдителенъ, потому что все обвиненіе, въ обвинительномъ актѣ, есть предрѣшеніе вопроса, подлежащаго судебному разсмотрѣнію. Всегда могутъ быть случаи, въ которыхъ судебное слѣдствіе, раскрывая новыя обстоятельства, измѣнятъ выводы обвинительнаго акта. Эти случаи предусмотрѣны во всѣхъ законодательствахъ, предусмотрѣны и разрѣшены и въ нашемъ проектѣ.

Согласно приведеннымъ соображеніямъ *одиннадцать членовъ* полагаютъ, что въ обвинительномъ актѣ, подъ условіемъ его недѣйствительности, должны быть непремѣнно означены, въ числѣ предположенныхъ указаній, и причины невмѣняемости, если онѣ существуютъ.

Мнѣніе большинства. *Двадцать членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, Зубовъ, Калачевъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Макалинскій,*

Принтцъ, Романовскій, Рѣпинскій, Спасовичъ, Ровинскій, Турчаниновъ, Шечковъ и Христіановичъ) находятъ, что причины невмѣняемости подраздѣляются на два рода. Однѣ до того очевидны, что не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что совершенное преступленіе не можетъ быть признано произведеніемъ разумной и свободной воли. Таковы преступленія сумасшедшихъ и малолѣтныхъ дѣтей, недостигшихъ семилѣтняго возраста. Въ этихъ случаяхъ виновники ихъ, по самому закону, избавляются отъ суда. Другія, напротивъ, не имѣютъ далеко такой очевидности и часто заявляются лишь съ цѣлью избѣгнуть заслуженнаго наказанія. Къ этому роду относятся случаи, въ которыхъ ссылаются на временное разстройство разсудка и на болѣзнь, помрачившую сознаніе. Правильное опредѣленіе справедливости ихъ тѣмъ труднѣе, что допускаетъ утвержденіе существованія ихъ почти во всякомъ дѣлѣ. По этому признаніе или не признаніе такого рода причинъ невмѣняемости въ каждомъ данномъ случаѣ во всѣхъ законодательствахъ предоставлено суду. При обсужденіи ихъ, судъ встрѣчаетъ нерѣдко значительныя затрудненія и часто только послѣ долгихъ колебаній произноситъ свое рѣшеніе. Съ этою цѣлью онъ всесторонне вникаетъ въ дѣло, выслушиваетъ призванныхъ свидѣтелей и принимаетъ въ соображеніе показанія свѣдущихъ людей. Можно сказать, что со введеніемъ въ наше уголовное судопроизводство обряда преданія суду, устраняющаго отъ разсмотрѣнія на судѣ всѣ тѣ дѣла, по которымъ не вполнѣ раскрыто событіе преступленія или нѣтъ основательныхъ подозрѣній въ совершеніи его извѣстнымъ лицомъ, главнѣйшая дѣятельность суда обратится къ разрѣшенію вопросовъ подобнаго рода. При такихъ обстоятельствахъ, въ обвинительномъ актѣ прокурора, въ ряду тѣхъ условій, несоблюденіе которыхъ влечетъ за собою недѣйствительность акта, означеніе причинъ невмѣняемости не можетъ имѣть мѣста. Это значило бы возложить на прокурора такую обязанность, которой онъ не имѣлъ бы способа исполнить и которая была бы несовмѣстна съ его положеніемъ, ставя его въ необходимость приводить въ пользу подсудимаго такія средства защиты, которыми самъ онъ, можетъ быть, не воспользовался бы на судѣ. Допустимъ однако, что предположеніе *одиннадцати членовъ* вошло бы въ уставъ уголовнаго судопроизводства. Тогда можетъ случиться, что при оцѣнкѣ предъявленныхъ причинъ невмѣняе-

мости, прокуроръ, руководствуясь своимъ личнымъ воззрѣніемъ, придетъ къ убѣжденію, что вина не подлежитъ вмѣненію обвиняемому; въ глазахъ прокурора, слѣдовательно, исчезнетъ всякое основаніе къ обвиненію,—а между тѣмъ это не освободитъ его отъ представленія обвинительнаго акта, такъ какъ по закону, окончательный приговоръ по вопросу о невмѣняемости предоставленъ суду. Кромѣ того, въ этомъ случаѣ обвинительный актъ прокурора уже не будетъ соотвѣтствовать своему названію и превратится въ актъ оправдательный. Такимъ образомъ судъ сдѣлается одною формальностью, какъ потому, что благопріятный выводъ, сдѣланный обвинительною властью, не можетъ не оказать своего вліянія на судей и въ особенности на присяжныхъ, такъ и потому, что судъ обыкновенно постановляетъ свой приговоръ только въ предѣлахъ заявленнаго прокуроромъ обвиненія. Такимъ образомъ, въ сущности, въ подобныхъ случаяхъ приговоръ суда замѣнится приговоромъ прокурора, что̀ колеблетъ всѣ коренныя начала, принятыя въ основанія уголовнаго судопроизводства. Указываютъ на то, что при отсутствіи правила, предлагаемаго одиннадцатью членами, совершившій убійство по необходимой оборонѣ будетъ судиться наравнѣ съ смертоубійцей. Но такое предположеніе не можетъ быть признано правильнымъ. При изложеніи обстоятельствъ дѣла, прокуроръ будетъ имѣть всегда возможность выяснить, что убійство послѣдовало при необходимой оборонѣ.

Наконецъ нельзя не замѣтить, что по 56 ст. II ч. основныхъ положеній въ актѣ обвиненія должно означаться: существо дѣла, основанія къ обвиненію, родъ и видъ преступленія и проступка. Но причины невмѣняемости служатъ основаніемъ къ оправданію, а не къ обвиненію, и потому на точномъ основаніи приведенной статьи основныхъ положеній не подлежатъ указанію въ обвинительномъ актѣ.

По этимъ соображеніямъ *двадцать членовъ* не сочли возможнымъ согласиться съ предположеніемъ одиннадцати членовъ, чтобы въ обвинительномъ актѣ, подъ условіемъ его недѣйствительности, были означаемы причины невмѣняемости.

О сообщеніи обвинительнаго акта обвиняемому (ст. 473).

По шестому вопросу коммисія пришла къ заключенію, что для доставленія обвиняемому возможности защититься отъ неосновательнаго преданія

суду, необходимо принять за правило, что по тѣмъ дѣламъ, по которымъ судебною палатою постановляются особыя по этому предмету опредѣленія, актъ обвиненія сообщается окружнымъ прокуроромъ въ копіи обвиняемому, для надлежащаго разсмотрѣнія и представленія палатѣ возраженій, по содержанію обвиненія.

Объ изъятіи изъ правила о совмѣстномъ сужденіи всѣхъ преступленій обвиняемаго и всѣхъ его соучастниковъ (ст. 462 и 463).

По седьмому вопросу коммисія находила, что изъ общаго правила о совмѣстномъ сужденіи всѣхъ преступленій обвиняемаго и всѣхъ его соучастниковъ, нельзя не допустить изъятія какъ въ томъ случаѣ, когда по преступленію, совершенному нѣсколькими лицами, нѣкоторыя изъ нихъ еще не отысканы или даже не извѣстны, такъ и въ томъ, когда важнѣйшее изъ преступныхъ дѣяній обвиняемаго изслѣдовано, а для обнаруженія проступка менѣе важнаго и несопряженнаго съ гражданскимъ искомъ, требуется продолжительное время.

Сила уголовнаго закона обусловливается не только правомѣрностію, но также и безотлагательностію наказанія за содѣянное преступленіе. По этому было бы положительно вредно останавливать преданіе суду тѣхъ обвиняемымъ, относительно которыхъ всѣ обстоятельства дѣла приведены въ надлежащую ясность, въ томъ единственно предположеніи, что могутъ быть отысканы или открыты ихъ соучастники. Столь же непозволительно останавливать преданіе суду обвиняемаго въ убійствѣ, для разслѣдованія неповиновенія его полиціи, проживанія безъ паспорта или тому подобнаго маловажнаго проступка,—непозволительно потому, что наказаніе болѣе тяжкое за одно преступленіе исключаетъ наказаніе болѣе легкое за другое преступленіе. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы по одному приведенному выше уваженію можно было, послѣ возбужденія преслѣдованія по болѣе важному преступленію, прекращать или не возбуждать преслѣдованій по другимъ менѣе важнымъ преступленіямъ; но слѣдуетъ единственно то, что если важнѣйшее изъ преступныхъ дѣяній обвиняемаго уже вполнѣ изслѣдовано, то не должно останавливаться въ дальнѣйшемъ направленіи слѣдствія при слѣдующихъ условіяхъ: во 1-хъ, если преслѣдованіе по вновь открытому, менѣе важному преступленію, требуетъ продолжительнаго времени, и во 2-хъ, если это преслѣдованіе не сопряжено съ гражданскимъ искомъ, который конечно долженъ быть удовлетворенъ совершенно независимо отъ со-

ображенія о большей или меньшей строгости личнаго наказанія обвиняемаго.

Не слѣдуетъ думать, что такимъ образомъ подсудимый, оправданный по суду въ болѣе важномъ преступленіи, останется безъ наказанія за преступленіе менѣе важное. Предположеннымъ правиломъ подобная безнаказанность вовсе не освящается и за обвинительною властью, по общимъ положеніямъ устава, остается полное право, по оправданіи подсудимаго по первому обвиненію, преслѣдовать второе.

Согласно приведеннымъ соображеніямъ, коммисія постановила въ проектѣ, что въ означенныхъ выше случаяхъ прокуроръ не долженъ останавливать дальнѣйшаго направленія слѣдствія и преданія суду обвиняемыхъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О власти и образѣ дѣйствій судебныхъ мѣстъ и состоящаго при палатѣ прокурора (ст. 476—491).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлены по настоящему предмету слѣдующія правила:

По полученіи отъ прокурора окружнаго суда слѣдствія съ актомъ обвиненія или мнѣніемъ о прекращеніи дѣла, прокуроръ судебной палаты предлагаетъ это слѣдствіе на разрѣшеніе палаты съ своимъ заключеніемъ (Осн. пол. ч. II ст. 58).

Опредѣленіе палаты о преданіи подозрѣваемаго суду или о прекращеніи слѣдствія препровождается для исполненія къ прокурору окружнаго суда (ст. 59).

Въ случаѣ прекращенія слѣдствія по опредѣленію судебнаго мѣста, освобожденный отъ слѣдствія не можетъ быть по тому же дѣлѣ преданъ суду, безъ особаго опредѣленія палаты (ст. 63).

При развитіи этихъ основныхъ положеній, въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) должны ли судебныя мѣста стѣсняться предложенными отъ прокуроровъ обвинительными актами или заявленіями о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія?

2) въ какомъ порядкѣ должны разсматриваться въ судебной палатѣ производства о преданіи суду или о прекращеніи слѣдствія?

3) какъ надлежитъ поступать, когда въ палатѣ состоится опредѣленіе о преданіи суду такого обвиняемаго, о которомъ прокуроръ окружнаго суда полагалъ прекратить дѣло?

4) должны ли судебныя мѣста, при постановленіи опредѣленія о прекращеніи дѣла, назначать вознагражденіе лицу, неправильно привлеченному къ уголовной отвѣтственности?

5) могутъ ли входить въ законную силу заключенія судебныхъ мѣстъ о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія?

О томъ: стѣсняются ли судебныя мѣста предложеніями прокуроровъ о преданіи суду или о прекращеніи преслѣдованія? (ст. 476, 477, 483—485).

По первому вопросу коммисія остановилась на слѣдующихъ соображеніяхъ: основными положеніями (ст. 57 ч. II) предположено не установлять обряда преданія суду по дѣламъ меньшей важности, подлежащимъ сужденію безъ присяжныхъ засѣдателей, но всю обвинительную по дѣламъ подобнаго рода власть сосредоточить въ лицѣ прокурора.

Прямымъ послѣдствіемъ этого положенія представляются слѣдующіе выводы: а) прокуроръ, передавая обвинительный актъ окружному суду, приступаетъ къ преслѣдованію непосредственно и указываетъ суду, кого онъ привлекаетъ къ отвѣтственности, и б) судъ сохраняетъ за собою одни права, судебной власти свойственныя, но всѣ дѣйствія, до обвиненія или преслѣдованія относящіяся, входятъ въ кругъ вѣдомства одной обвинительной власти, ему не принадлежащей. На этомъ основаніи окружный судъ рѣшитъ вопросъ только о порядкѣ судебнаго преслѣдованія, но обвинительный актъ прокурора обязывается принять къ производству и не вправѣ возбудить преслѣдованіе противъ лицъ, обвинительною властью къ отвѣтственности непривлеченныхъ.

Противный сему образъ дѣйствій со стороны суда былъ бы присвоеніемъ имъ себѣ обвинительной власти прокурора.

Согласно приведеннымъ соображеніямъ, въ проектѣ принято за правило, что окружный судъ ни по обвинительнымъ актамъ прокурора, ни по жалобамъ частнымъ обвинителей, не постановляетъ опредѣленій о преданіи обвиняемыхъ суду, но приступаетъ непосредственно къ производству дѣла порядкомъ, предписаннымъ для приготовительныхъ къ суду распоряженій (ст. 496—502).

Власть окружнаго суда по прекращенію слѣдствій опредѣлена основными положеніями (ч. II ст. 54) въ томъ смыслѣ, что несогласіе окружнаго суда съ мнѣніемъ прокурора, о прекращеніи слѣдствія,

должно быть разрѣшаемо судебною палатою. Такъ какъ съ одной стороны окружному суду не можетъ быть дано право заставить прокурора быть обвинителемъ лица, которое онъ считаетъ невиннымъ, а съ другой нельзя дозволить составленіе обвинительнаго акта тому самому окружному суду, на разсмотрѣніе котораго поступитъ этотъ актъ, то коммисія, удержавъ это правило, не признала нужнымъ дѣлать изъ него какія либо изъятія.

Обращаясь затѣмъ къ судебной палатѣ, коммисія приняла въ соображеніе, что по смыслу 58 и 59 ст. II ч. основн. положеній палатѣ принадлежитъ право постановлять окончательныя опредѣленія о преданіи суду или о прекращеніи слѣдствій, независимо отъ послѣдовавшаго по дѣлу обвинительнаго или оправдательнаго заключенія прокурорской власти. Изъ этого, по мнѣнію коммисіи, слѣдуетъ, что верховная обвинительная власть по преслѣдованію преступленій сосредоточивается въ судебной палатѣ, дѣйствующей по вопросамъ о преданіи суду въ качествѣ камеры обвиненія. Прямымъ послѣдствіемъ такого положенія должно быть признаніе за палатою права не стѣсняться предѣлами обвиненія, указаннаго въ заключеніи прокурора, т. е. права привлеченія къ судебной отвѣтственности не однихъ только лицъ, которыя указаны прокуроромъ, но и всѣхъ тѣхъ, которые признаны будутъ палатою подлежащими отвѣтственности и права не стѣсняться кругомъ тѣхъ преступныхъ дѣйствій, противъ которыхъ возбуждено судебное преслѣдованіе, но возбуждать его и по отношенію къ такимъ дѣйствіямъ, которыя прокуроромъ оставлены безъ преслѣдованія.

Само собою разумѣется, что этимъ правомъ палата можетъ пользоваться не иначе, какъ чрезъ посредство прокуроровъ, но сіи послѣдніе во всякомъ случаѣ обязаны исполнять порученіе, палатою на нихъ возлагаемое, хотя, разумѣется, не стѣснены въ дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ своихъ по преслѣдованію, т. е. ни сколько не обязаны поддерживать на судѣ обвиненіе и вообще отступать отъ собственнаго по дѣлу убѣжденія.

Такимъ образомъ палата, въ качествѣ камеры обвиненія, будетъ имѣть косвенный и небезполезный надзоръ за дѣйствіями власти обвинительной въ отношеніи къ возбужденію уголовныхъ исковъ и самаго ихъ преслѣдованія.

О порядкѣ постановленія По второму вопросу, о порядкѣ постановленія

опредѣленій о преданіи суду или о прекращеніи преслѣдованія (ст. 478—482).

въ судебной палатѣ опредѣленій о преданіи суду или о прекращеніи преслѣдованія, коммисія признала нужнымъ указать, что предварительное слѣдствіе разсматривается въ палатѣ по докладу одного изъ ея членовъ; что затѣмъ прокуроръ палаты читаетъ заключеніе мѣстнаго прокурора, объясняя вмѣстѣ съ тѣмъ свой собственный взглядъ на дѣло и окончательные свои выводы, и что, по выслушаніи доклада, палата приступаетъ къ обсужденію дѣла, въ отсутствіи прокурора.

Для уравновѣшенія по возможности защиты съ обвиненіемъ, коммисія нашла справедливымъ предоставить подсудимому право подать письменныя противъ обвинительнаго акта возраженія, которыя и должны быть разсмотрѣны палатою. Но допущеніе при этомъ присутствія подсудимаго и преній между сторонами представлялось коммисіи и неудобнымъ и безполезнымъ,—неудобнымъ, по отдаленности палаты отъ мѣстъ нахожденія большей части подсудимыхъ, изъ которыхъ содержащихся подъ стражею пришлось бы пересылать двукратно: сначала въ палату, а потомъ въ окружный судъ; безполезнымъ—потому, что личныя объясненія подсудимаго необходимы для разсмотрѣнія дѣла въ существѣ, а не для обсужденія вопроса о преданіи суду, который вездѣ разрѣшается по актамъ предварительнаго слѣдствія и по доводамъ объвинителя.

О случаяхъ преданія суду такихъ лицъ, которыхъ прокуроръ полагалъ освободить отъ преслѣдованія (ст. 488).

По третьему вопросу коммисія вошла въ соображенія о томъ: какъ совмѣстить въ лицахъ прокурорскаго надзора начало іерархическаго подчиненія съ началомъ свободы дѣйствій по совѣсти и убѣжденію.

Вся сила учрежденія прокурорскаго заключается въ его единствѣ, а единство его должно состоять въ томъ, чтобы всѣ органы прокурорскаго надзора дѣйствовали согласно между собою и нераздѣльно.

Le ministère publique est un et est indivisible, вотъ какъ формулируется значеніе этого учрежденія во французскомъ правѣ.

Изъ этого принципа можно вывести заключеніе, что низшіе органы надзора должны дѣйствовать по указаніямъ и руководству высшихъ, такъ, чтобы все учрежденіе представлялось какъ нѣчто цѣлое и единое; но не слѣдуетъ заключать, чтобы эти низшіе органы обязаны были слѣпымъ повиновеніемъ волѣ своего начальства, повиновеніемъ не только въ отношеніи къ принятію тѣхъ или другихъ мѣръ по возбужденію уголовныхъ исковъ

или же ихъ преслѣдованію, но даже и въ отношеніи предъявленія заключеній своихъ къ обвиненію или оправданію подсудимыхъ, т. е. въ отношеніи къ такимъ ихъ обязанностямъ, исполненіе которыхъ должно быть предоставлено вполнѣ ихъ личному убѣжденію. Только съ сохраненіемъ за представителями прокурорскаго надзора свободы дѣйствія по совѣсти и убѣжденію, можно ожидать, что учрежденіе это будетъ сильнымъ и удовлетворитъ своему двоякому призванію быть и обвинителемъ, и блюстителемъ закона.

Съ этой точки зрѣнія въ проектѣ постановлено, что если въ палатѣ состоится опредѣленіе о преданіи суду такого обвиняемаго, о которомъ прокуроръ окружнаго суда полагалъ прекратить дѣло, то прокуроръ палаты можетъ исполненіе обязанностей обвинителя поручить кому либо другому изъ подвѣдомственныхъ ему чиновъ прокурорскаго надзора, или же, въ особенно важныхъ случаяхъ, принять эти обязанности на себя; но онъ не вправѣ требовать, чтобы мѣстный прокуроръ поддерживалъ обвиненіе вопреки своему убѣжденію.

О вознагражденіи лицъ, неправильно привлеченныхъ къ уголовной отвѣтственности.

По четвертому вопросу: должны ли окружный судъ и судебная палата, при постановленіи опредѣленій о прекращеніи дѣла, назначать вознагражденіе лицу, неправильно привлеченному къ уголовной отвѣтственности? послѣдовало въ коммисіи разногласіе.

Мнѣніе меньшинства.

Семь членовъ (*М. Зарудный, Любимовъ, Розинъ, Розовъ, Романовскій, Чемадуровъ и Шечковъ*) находятъ, что привлеченіе къ судебной отвѣтственности есть дѣло немаловажное, дѣло, отъ котораго зависитъ честь и спокойствіе частныхъ лицъ, цѣлыхъ даже семействъ. Хотя преступленіе еще не признано, но самое обвиненіе въ немъ ложится пятномъ позора на обвиняемаго, пятномъ, котораго иногда не въ состояніи стереть ни послѣдующій судъ, ни послѣдующее оправданіе.

Сколько мукъ претерпѣваетъ подсудимый во все время производства надъ нимъ слѣдствія и суда, сколько терзаній и нравственныхъ пытокъ выпадаетъ на его долю, какое разореніе наносится его имуществу, какое страшное лишеніе, лишеніе свободы ожидаетъ его нерѣдко задолго еще до суда.

Въ виду всего этого, нельзя, по мнѣнію семи членовъ, не убѣдиться въ томъ, что какъ должностныя, такъ и частныя лица обязаны, въ дѣлѣ обвиненія

своихъ сограждан, дѣйствовать съ крайнею осторожностью, не теряя изъ виду всю ту грозную тучу бѣдствій, которую они, малѣйшею неосторожностью и легкомысліемъ въ извѣтѣ, доносѣ или объявленіи о преступленіи, могутъ накликать на несчастную голову подсудимаго.

Вотъ почему и наука и извѣстныя законодательства согласны въ томъ, что подсудимый неосновательно, легкомысленно привлеченный къ отвѣтственности, имѣетъ право на матеріальное вознагражденіе за всѣ тѣ страданія, которыя онъ безвинно претерпѣлъ, и сверхъ того имѣетъ право требовать личнаго наказанія тѣхъ, которые были виною его привлеченія.

Нѣтъ сомнѣнія, что подобное вознагражденіе далеко не соотвѣтствуетъ потерямъ подсудимаго, но онъ долженъ довольствоваться имъ, потому что возвратить ему прошедшее не въ силахъ человѣческихъ.

По системѣ французскаго законодательства, между поводами къ возбужденію преслѣдованія различаются dénonciation civique и dénonciation officielle.

Хотя послѣднее извѣщеніе, оффиціальными властями дѣлаемое, почитается законною обязанностью всякой власти, однако требованіе подсудимымъ вознагражденія за неправильное привлеченіе можетъ быть обращено и къ оффиціальной власти, неправильно возбудившей преслѣдованіе, но допускается не иначе, какъ въ особенномъ порядкѣ prise à partie. Этотъ особенный порядокъ проектированъ и въ особомъ отдѣлѣ предлагаемаго устава.

Что же касается до частныхъ лицъ, виновныхъ въ неосмотрительномъ или клеветномъ извѣтѣ или доносѣ, послужившемъ поводомъ къ неосновательному преслѣдованію, то, по мнѣнію семи членовъ, слѣдуетъ налагать на нихъ взысканія вознагражденія за вредъ и убытки, понесенныя подсудимымъ, въ обыкновенномъ судебномъ порядкѣ, при самомъ освобожденіи невиннаго подсудимаго отъ преслѣдованія. Впрочемъ судъ имѣетъ право вопросъ о вознагражденіи отложить, если признаетъ нужнымъ собраніе свѣдѣній и объясненій.

Само собою разумѣется, что опредѣленіе качества доноса, извѣта или обвиненія должно быть предоставлено въ каждомъ данномъ случаѣ усмотрѣнію суда, отъ котораго одного зависѣть будетъ опредѣлить: было ли извѣщеніе легкомысленно или необдуманно, заключало ли въ себѣ клевету или просто ошибку и сообразно сему опредѣлить или отказать въ вознагражденіи.

Согласно приведеннымъ соображеніямъ, *семь членовъ* полагаютъ: послѣ статьи 490 помѣстить особою статьею слѣдующее правило:

При постановленіи опредѣленіи о прекращеніи дѣла, какъ окружный судъ, такъ и судебная палата назначаютъ вознагражденіе за вредъ и убытки лицу, неправильно привлеченному къ уголовной отвѣтственности, когда имѣется въ виду просьба его о томъ или жалоба.

Мнѣніе большинства.

Двадцать четыре члена (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Баронъ Врангель, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, С. Зарудный, Зубовъ, Калачевъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Михалинскій, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Принцъ, Рѣпинскій, Спасовичъ, Ровинскій, Турчаниновъ и Христіановичъ), сознавая вполнѣ всѣ неудобства и всю непріятность положенія тѣхъ лицъ, которыя привлечены къ уголовному слѣдствію, не находятъ однако возможности внести предлагаемую семью членами статью въ проектъ устава. Разслѣдованіе преступныхъ дѣяній, кромѣ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ къ обнаруженію ихъ приступается не иначе какъ по жалобѣ обиженныхъ лицъ, установлено въ видахъ не столько частнаго, сколько общественнаго интереса. Съ этой точки зрѣнія привлеченіе къ уголовному слѣдствію нарушителей общественнаго порядка является общею обязанностію, установленною съ цѣлью оградить безопасность общества, къ составу коего принадлежатъ и привлекаемыя лица. Но эта цѣль не можетъ быть достигнута безъ нѣкотораго безпокойства, а иногда и оскорбительнаго предположенія на счетъ виновности извѣстныхъ лицъ въ содѣяніи какого либо преступнаго дѣйствія, въ которомъ впослѣдствіи они оказываются невиновными. Предварительное слѣдствіе въ большей части случаевъ возбуждается сперва обнаруженіемъ однихъ признаковъ преступленія, на слѣды же виновника его совершенія нападаютъ часто спустя значительное время послѣ того, какъ нѣсколько лицъ было уже призвано къ допросу. Подозрѣніе изъявляется сперва нерѣшительно, и прежде чѣмъ остановится на дѣйствительно виновномъ, оно можетъ коснуться и невиннаго лица, вслѣдствіе одного случайнаго, по повидимому основательнаго совпаденія его поступковъ съ предметомъ разслѣдуемаго преступленія. Изъ этого очевидно, что пока обвинительная власть не получила еще возможности начать преслѣдованіе

въ отношеніи къ извѣстному лицу, привлеченіе къ слѣдствію нельзя еще считать привлеченіемъ къ уголовной отвѣтственности. Напротивъ того опредѣленіе судебнаго мѣста о прекращеніи слѣдствія есть торжественное удостовѣреніе, что никто не подлежитъ ей. При такихъ обстоятельствахъ, не представляется возможнымъ признать за лицами, привлеченными къ слѣдствію то же право на вознагражденіе за вредъ и убытки, какое предоставляется тѣмъ, которые по неправильному предположенію ихъ виновности были подвергнуты уголовному суду. Этого права нельзя предоставить имъ и потому, что угрожая и должностнымъ и частнымъ лицамъ возможностью подвергнуться взысканію въ пользу того, который былъ призванъ къ слѣдствію, законъ обезоружилъ бы какъ тѣхъ, такъ и другихъ въ преслѣдованіи преступныхъ дѣяній и поставилъ бы такимъ образомъ общество въ печальную необходимость терпѣть отъ безнаказанности преступниковъ.

Предложеніе семи членовъ не можетъ быть принято и по той причинѣ, что оно предоставляетъ лицамъ, призваннымъ къ слѣдствію, но не преданнымъ суду, болѣе правъ на вознагражденіе, чѣмъ оправданнымъ подсудимымъ, которые подверглись неосновательно всѣмъ непріятностямъ уголовнаго суда,—и предоставляетъ эти права въ ущербъ правамъ отвѣтчиковъ, которые лишаются всѣхъ способовъ защиты. Дѣйствительно, на основаніи 29 ст. общихъ правилъ уголовнаго судопроизводства, подсудимымъ, оправданнымъ судебнымъ рѣшеніемъ, предоставляется только право на вознагражденіе за вредъ и убытки, отъ неправильнаго привлеченія послѣдовавшіе, но самое присужденіе имъ такого вознагражденія зависитъ отъ обнаруженія на судѣ, посредствомъ судебнаго состязанія сторонъ, недобросовѣстныхъ дѣйствій лица, по извѣщенію или жалобѣ котораго началось дѣло. Между тѣмъ вопросы о прекращеніи слѣдствій предполагается разсматривать въ отсутствіи сторонъ, слѣдовательно, если при этомъ будетъ опредѣляемо и вознагражденіе неосновательно оподозрѣнному, то лицо, къ которому обращено требованіе о вознагражденіи, подвергнется такимъ образомъ взысканію безъ предоставленія ему способовъ къ опроверженію этого требованія, вопреки кореннымъ основамъ правосудія. Если же, для отвращенія сего, вмѣнить въ обязанность судебнымъ мѣстамъ, чтобы они, при разрѣшеніи вопроса о

прекращеніи слѣдствія, разсматривали въ *состязательномъ порядкѣ судопроизводства* и вопросъ о вознагражденіи, то это повлечетъ за собою умедленіе въ самомъ производствѣ дѣлъ по прекращенію слѣдствій и тѣмъ продлитъ то тревожное состояніе, въ которомъ будутъ находиться причастныя къ дѣлу лица до окончательнаго о томъ постановленія суда. При этомъ порядкѣ, иски о вознагражденіи подвергнутся изъятію изъ общихъ правилъ подсудности, а по тѣмъ изъ слѣдствій, прекращеніе которыхъ зависитъ отъ судебной палаты, нарушится и начало о производствѣ каждаго дѣла въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ *двадцать четыре члена* признаютъ невозможнымъ согласиться съ предложеніемъ семи членовъ, вслѣдствіе чего и полагаютъ: предлагаемую статью въ проектъ устава не включать.

О законной силѣ судебныхъ рѣшеній по прекращенію уголовнаго преслѣдованія (ст. 491).

При обсужденіи пятаго вопроса, коммисія приняла во вниманіе слѣдующія соображенія:

По ученію западныхъ законодательствъ, заключенія о прекращеніи уголовнаго преслѣдованія входятъ или не входятъ въ законную силу, смотря по тѣмъ поводамъ, которые послужили основаніемъ къ прекращенію судомъ преслѣдованія.

Если поводы эти основаны на соображеніяхъ по вопросамъ права, напримѣръ, что дѣяніе, въ которомъ обвиняется подсудимый, не составляетъ преступленія, что оно не воспрещено закономъ подъ страхомъ наказанія, что оно покрывается давностью, милостивымъ манифестомъ, рѣшеніемъ, вошедшимъ въ законную силу, и т. д., то подобныя заключенія о прекращеніи преслѣдованія входятъ въ окончательную законную силу. Иначе и быть не можетъ, потому что вопросы права могутъ быть обсуждены вполнѣ и со всѣхъ сторонъ безъ повѣрки слѣдствія на судѣ,—потому что вопросы права въ большей части случаевъ зависятъ не отъ измѣняющихся событій, а отъ незыблемыхъ началъ права.

Напротивъ того, если поводы къ прекращенію дѣла основаны на соображеніяхъ фактическихъ, напримѣръ, что обвиненіе не въ порядкѣ предъявлено или недостаточно доказано, то заключеніе о прекращеніи преслѣдованія не можетъ и не должно входить безусловно въ законную силу; дѣло разсмотрѣно въ томъ видѣ, въ какомъ въ то время представлялось событіе; обвиненіе снято при

тѣхъ только извѣстныхъ обстоятельствахъ, которыя были въ виду суда; рѣшеніе вошло въ законную силу по отношенію только къ тѣмъ обстоятельствамъ и уликамъ, которыя были въ данное время въ виду суда; откроются новыя улики и доказательства вины,—преслѣдованіе можетъ и должно возобновиться.

По мнѣнію коммисіи, этихъ началъ необходимо держаться какъ по вышеприведеннымъ соображеніямъ, такъ и по слѣдующимъ причинамъ: если признать, что рѣшенія о прекращеніи преслѣдованія не могутъ ни въ какомъ случаѣ входить въ законную силу, то это значило бы уничтожить всю пользу обряда предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ въ обвинительной камерѣ; это значило бы оставлять всѣхъ подсудимыхъ, освобожденныхъ отъ преслѣдованія по предварительному разсмотрѣнію дѣла, въ вѣчномъ подозрѣніи, отъ удержанія котораго въ приговорахъ наше законодательство только что отказалось; это повело бы къ тому, что подобное безвыходное подозрѣніе безконечно тяготѣло бы надъ подсудимыми, а опасеніе быть подвергнутымъ повому, съ часу на часъ, преслѣдованію было бы для нихъ тягостнѣе самаго наказанія, къ которому они могли быть присуждены; короче, подобное постановленіе имѣло бы послѣдствіемъ, что никто изъ подсудимыхъ не подчинился бы освобожденію безъ уголовнаго приговора, а потребовалъ бы суда, и самый обрядъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣлъ сдѣлался бы мертвою въ законѣ буквою.

Всѣ эти разсужденія клонятся исключительно къ тому, чтобы показать необходимость того положенія, что рѣшенія судебныхъ мѣстъ о прекращеніи дѣла по причинамъ, на соображеніяхъ права основаннымъ, могутъ и должны входить въ законную силу.

Согласно приведеннымъ соображеніямъ въ проектѣ постановлено, что прекращенныя окончательными опредѣленіями судебныхъ мѣстъ слѣдствія могутъ быть возобновлены не иначе, какъ съ разрѣшенія судебной палаты и только въ тѣхъ случаяхъ, когда причины, по которымъ дѣло было остановлено, окажутся устраненными, или когда откроются новыя улики и доказательства, не бывшія въ виду суда, прекратившаго дѣло.

РАЗДѢЛЪ ШЕСТОЙ.

Объ уголовномъ судопроизводствѣ въ окружныхъ судахъ.

Раздѣлъ этотъ состоитъ изъодиннадцати главъ: 1) о порядкѣ начатія судопроизводства въ окружныхъ судахъ, 2) о приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ, 3) о составѣ присутствія для судебнаго засѣданія и о предъявленіи отводовъ, 4) объ управленіи ходомъ дѣлъ въ судебномъ засѣданіи, 5) о существенныхъ условіяхъ производства дѣлъ въ судебномъ засѣданіи, 6) о дѣйствіяхъ, сопровождающихъ открытіе судебнаго засѣданія, 7) о порядкѣ производства судебнаго слѣдствія, 8) о заключительныхъ преніяхъ по судебному слѣдствію, 9) о постановленіи и объявленіи приговоровъ, 10) о протоколахъ судебнаго засѣданія, и 11) о дѣлахъ, по которымъ обвиняемые уклонились отъ суда.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О порядкѣ начатія судопроизводства въ окружныхъ судахъ (ст. 492—495).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части указаны два способа начатія судопроизводства въ окружныхъ судахъ, а именно:

1) по опредѣленію судебной палаты о преданіи обвиняемаго суду, когда дѣло подлежитъ рѣшенію съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей (Осн. пол. ч. II, ст. 58 и 59), и

2) по обвинительному акту прокурора, предложенному имъ непосредственно окружному суду, когда дѣло подлежитъ рѣшенію безъ участія присяжныхъ засѣдателей (ст. 57).

При развитіи этихъ основныхъ положеній, въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) указанные поводы къ начатію судопроизводства въ окружныхъ судахъ объемлютъ ли всѣ роды дѣлъ?

2) необходимо ли предварительное слѣдствіе

по всѣмъ дѣламъ о преступленіяхъ или проступкахъ?

3) въ какомъ порядкѣ должно быть вчинаемо судопроизводство безъ предварительнаго слѣдствія?

О различныхъ способахъ начатія судопроизводства (ст. 492).

По первому вопросу коммисія находила, что указанные въ основныхъ положеніяхъ два способа начатія судопроизводства въ окружныхъ судахъ объемлютъ главные разряды уголовныхъ дѣлъ, слѣдовательно все то, что могло быть предметомъ основныхъ положеній. Но, при развитіи этихъ положеній нельзя оставить безъ вниманія, что могутъ быть случаи, въ которыхъ дѣла будутъ поступать въ окружный судъ особеннымъ порядкомъ, неподходящимъ ни подъ одинъ изъ означенныхъ поводовъ къ начатію въ томъ судѣ судопроизводства Такіе случаи могутъ встрѣтиться по дѣламъ, которыя законъ дозволяетъ прекращать примиреніемъ сторонъ (т. XV улож. наказ., ст. 171). Хотя, по основнымъ положеніямъ, дѣла этаго рода подсудны мировымъ судьямъ и ихъ съѣздамъ, но подсудность эта можетъ быть окончательною только для преступленій и проступковъ, подвергающихъ наказаніямъ не свыше тѣхъ, коихъ опредѣленіе предоставляется мировымъ учрежденіямъ; всѣ же прочія дѣла означеннаго рода, по которымъ отвѣтственность можетъ восходить до наказаній, соединенныхъ съ ограниченіемъ или лишеніемъ правъ состоянія и даже до наказаній уголовныхъ (т. XV улож. наказ. ст. 171, 2031, 2047 прим., 2084, 2085 прим., 2087—2089, 2094 прим., 2099, 2100, 2102 прим., 2113, 2114, 2116, 2117 прим., 2197, 2201 и 2206 прим.), должны быть разсматриваемы мировыми судьями только въ видахъ склоненія обвинителя и обвиняемаго къ примиренію. Если примиреніе состоится, то дѣло оканчивается у мироваго судьи; если же примиренія не послѣдуетъ, то мировой судья, не имѣя власти для опредѣленія другихъ наказаній, кромѣ низшихъ исправительныхъ, не можетъ поступить иначе, какъ передать дѣло, или окружному суду, или судебному слѣдователя, для производства предварительнаго слѣдствія.

Вслѣдствіе сего въ проектѣ постановлено, что судопроизводство въ окружныхъ судахъ можетъ быть начато не только по двумъ означеннымъ выше поводамъ, но также и по жалобѣ частнаго обвинителя, не получившей разрѣшенія у мироваго судьи.

О начатіи судопроизводства, безъ предварительнаго слѣдствія? (ст. 493 и 494).

При обсужденіи втораго вопроса, коммисія приняла во вниманіе, что изысканіе обстоятельствъ дѣла и собраніе доказательствъ къ обличенію или оправданію обвиняемаго несравненно удобнѣе производить на мѣстѣ происшествія, заключающаго въ себѣ преступленіе, нежели въ судѣ, который можетъ находиться въ дальнемъ разстояніи отъ того мѣста. Коллегіальный составъ суда можетъ способствовать лишь зрѣлому обсужденію обстоятельствъ дѣла, а отнюдь не изысканію ихъ, или такъ называемому розыску, успѣхъ котораго весьма часто зависитъ отъ прозорливости слѣдователя и отъ единства, быстроты и даже внезапности въ его дѣйствіяхъ, т. е. отъ такихъ условій, которыя болѣе соотвѣтствуютъ дѣятельности одного распорядительнаго слѣдователя, чѣмъ дѣятельности цѣлаго суда, стѣсненнаго въ своихъ распоряженіяхъ разнообразіемъ взглядовъ членовъ суда на одинъ и тотъ же предметъ и самымъ механизмомъ коллегіальнаго производства. Кромѣ того, производство предварительнаго слѣдствія на судѣ потребовало бы по одному и тому же дѣлу многихъ засѣданій и притомъ не сряду, а по мѣрѣ открывающихся обстоятельствъ. Но такой порядокъ судопроизводства былъ бы крайне неудобенъ и даже вовсе непримѣнимъ къ дѣламъ, подлежащимъ суду присяжныхъ, которые не могутъ быть отвлекаемы на продолжительное время отъ своихъ собственныхъ дѣлъ. Все это убѣждаетъ въ томъ, что задача судебнаго слѣдствія должна состоять только въ повѣркѣ и разъясненіи собранныхъ при предварительномъ слѣдствіи доказательствъ и уликъ. Принимая это положеніе за общее правило, коммисія не могла однако не поставить рядомъ съ нимъ и исключенія, основаннаго на томъ, что въ числѣ подлежащихъ уголовному судопроизводству случаевъ представляются ино-

гда и такіе, въ которыхъ можно обойтись безъ предварительнаго слѣдствія, или по самому свойству дѣла, или по причинѣ представленія, при самомъ возбужденіи обвиненія, надлежащихъ доказательствъ. Начатіе прямо въ судѣ дѣлъ не подлежащихъ суду присяжныхъ, допускается въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже тѣми законодательствами, которыя въ принципѣ признаютъ предварительное слѣдствіе необходимымъ. Практическую пользу такого изъятія изъ общаго правила вѣтъ надобности доказывать: она очевидна. Нетрудно также понять: почему это изъятіе изъ общаго правила не должно быть распространяемо на дѣла, подлежащія суду присяжныхъ. Главными тому основаніями служатъ: во 1-хъ, то, что безъ предварительнаго слѣдствія, самыя положительныя доказательства, при разсмотрѣніи ихъ на судѣ, могутъ потребовать различныхъ изысканій, для которыхъ необходимо будетъ прерывать судебное засѣданіе, въ противность одному изъ самыхъ существенныхъ условій для правильнаго отправленія суда чрезъ присяжныхъ, которые только при непрерывности устнаго слѣдствія могутъ произнести рѣшеніе по совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла, и во 2-хъ, то, что по важнымъ преступленіямъ, предоставленнымъ обсужденію присяжныхъ, должны быть изысканы всѣ обстоятельства, могущія служить подкрѣпленіемъ или разъясненіемъ представленныхъ сторонами доказательствъ, чего можно достигнуть только при производствѣ предварительнаго слѣдствія на мѣстѣ происшествія.

Вслѣдствіе сего въ проектѣ постановлено, что по дѣламъ, подлежащимъ суду присяжныхъ судебному производству предшествуетъ во всякомъ случаѣ предварительное слѣдствіе, а по дѣламъ, рѣшаемымъ безъ участія присяжныхъ, къ судебному производству можетъ быть приступлено и непосредственно, если по представленнымъ отъ сторонъ доказательствамъ или по самому свойству дѣла неокажется надобности въ предварительномъ слѣдствіи.

О порядкѣ начатія судо- По третьему вопросу коммисія находила, что

производства непосредственно (ст. 494 и 495).

уголовное судопроизводство, безъ предварительнаго слѣдствія, можетъ быть начато, или непосредственно въ судѣ, или чрезъ прокурора; но такъ какъ по основнымъ положеніямъ преобразованія судебной части, дѣла, подлежащія рѣшенію безъ участія присяжныхъ, должны быть вчинаемы въ судѣ первой степени неиначе, какъ по обвинительному акту прокурора, то послѣдовательное примѣненіе этого правила къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ нѣтъ надобности въ предварительномъ слѣдствіи, требуетъ, чтобы жалобы и извѣщенія были предъявляемы прокурору, отъ котораго и будетъ зависѣть или предложить суду обвинительный актъ, если представленныя ему доказательства заключаютъ въ себѣ достаточное къ тому основаніе, или обратить жалобу или объявленіе къ предварительному изслѣдованію, или же, наконецъ, отказаться отъ производства уголовнаго иска, съ предоставленіемъ обиженному искать себѣ удовлетворенія порядкомъ гражданскаго судопроизводства. Дозволеніе частнымъ лицамъ представлять доказательства выводимыхъ ими обвиненій непосредственно въ судъ обременило бы судебныя мѣста совершенно излишнимъ производствомъ, состоящимъ въ принятіи жалобъ и объявленій и въ передачѣ ихъ на предварительное разсмотрѣніе прокурора, отъ котораго судъ во всякомъ случаѣ долженъ ожидать обвинительнаго акта, для разсмотрѣнія дѣла, и который можетъ, какъ объяснено выше, по нѣкоторымъ жалобамъ и объявленіямъ вовсе отказаться отъ уголовнаго иска, а по другимъ—признать необходимымъ предварительное слѣдствіе. Что же касается дѣлъ, которыя производятся въ порядкѣ частнаго обвиненія, безъ всякаго участія лицъ прокурорскаго надзора въ уголовномъ искѣ, то мировые судьи, у которыхъ дѣла этого рода вчинаются, могутъ и должны передавать въ окружный судъ жалобы, подкрѣпленныя достаточными доказательствами, когда обжалованныя преступныя дѣянія окажутся принадлежащими къ числу преслѣдуемыхъ закономъ подъ страхомъ такихъ наказаній, опредѣленіе которыхъ выходитъ изъ предѣловъ предоставленной мировымъ судьямъ власти.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ (ст. 496—535).

Относительно приготовительныхъ къ суду распоряженій въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части содержатся слѣдующія правила:

Актъ обвиненія предъявляется судомъ обвиняемому, съ предоставленіемъ ему указать, кого онъ признаетъ нужнымъ вызвать въ судъ къ судебному слѣдствію и кого избираетъ своимъ защитникомъ. Обвиняемому предоставляется просить предсѣдателя суда о назначеніи защитника (Осн. пол. ч. II, ст. 60).

Обвиняемый и его защитникъ могутъ требовать выдачи имъ копіи съ обвинительнаго акта и разсмотрѣть подлинное слѣдствіе въ канцеляріи суда, подъ надлежащимъ надзоромъ (ст. 61).

Вызовъ лицъ, требуемыхъ къ судебному слѣдствію, и всѣ нужныя для открытія засѣданій приготовленія дѣлаются по распоряженію предсѣдателя суда (ст. 62).

Къ открытію каждаго засѣданія для рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, должно быть налицо въ городѣ или мѣстѣ, назначенномъ для судебнаго засѣданія, не менѣе 30 засѣдателей (ст. 80).

При развитіи вышеизложенныхъ основныхъ положеній, коммисія раздѣлила правила о приготовительныхъ къ суду распоряженіяхъ на два отдѣленія: 1) о распоряженіяхъ суда и 2) о распоряженіяхъ предсѣдателя суда.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О распоряженіяхъ суда.

Не всѣ приготовительныя къ суду распоряженія могутъ быть предоставлены единоличной власти предсѣдателя суда. По полученіи каждаго дѣла, судъ прежде всего обязанъ удостовѣриться: 1) подсудно ли оно ему и направлено ли въ законномъ порядкѣ уголовнаго судопроизводства; 2) не слѣдуетъ ли подвергнуть совокупно-

му разсмотрѣнію дѣлъ, имѣющія между собою тѣсную связь, но изслѣдованныя отдѣльно, или, наоборотъ, раздѣльно разсмотрѣть дѣла, соединенныя слѣдователемъ неправильно; 3) нѣтъ ли законныхъ поводовъ къ прекращенію или пріостановленію дѣла; 4) не нужно ли измѣнить принятыхъ слѣдователемъ мѣръ къ воспрепятствованію подсудимымъ уклоняться отъ суда или къ обезпеченію иска о вознагражденіи; 5) не предстоитъ ли надобности въ дополненіи дѣла изысканіемъ обстоятельствъ, требующихъ мѣстнаго изслѣдованія, или истребованіемъ въ судъ какихъ либо доказательствъ; 6) не слѣдуетъ ли открыть судебное засѣданіе на мѣстѣ происшествія, или отсрочить разсмотрѣніе дѣла, по встрѣтившимся препятствіямъ, до слѣдующаго періода засѣданій? Очевидно, что всѣ эти вопросы могутъ быть разрѣшены только властію суда въ законномъ составѣ присутствія, и что до разрѣшенія ихъ, распоряженія предсѣдателя о вызовѣ лицъ, требуемыхъ къ судебному слѣдствію и о назначеніи подсудимымъ защитниковъ были бы преждевременны. По этому коммисія полагаетъ, что окружный судъ по всякому дѣлу, которое не восходило на разсмотрѣніе палаты для преданія обвиняемаго суду, обязанъ прежде всего разсмотрѣть въ распорядительномъ засѣданіи тотъ порядокъ, въ которомъ оно подлежитъ дальнѣйшему производству. Что же касается дѣлъ, по которымъ обвиняемые преданы суду опредѣленіями палаты, то порядокъ подсудности и производства этихъ дѣлъ указанъ уже палатою, и если бы по обстоятельствамъ, не бывшимъ прежде въ виду, оказались необходимыми какія либо измѣненія въ ея опредѣленіи, то судъ долженъ представить о томъ на разрѣшеніе палаты.

Объ опредѣленіи въ какихъ отношеніяхъ дѣло подлежитъ предварительному разсмотрѣнію (ст 496).

Принимая это мнѣніе единогласно, коммисія не могла прійти къ соглашенію лишь въ томъ: слѣдуетъ ли опредѣлить въ какихъ отношеніяхъ дѣло подлежитъ предварительному разсмотрѣнію?

Мнѣніе восьми членовъ.

Восемь членовъ (Буцковскій, Есиповичъ, Зубовъ, Ковалевскій, Розовъ, Романовскій, Спасовичъ и Чемадуровъ) находятъ, что въ законѣ слѣ-

дуетъ означить съ точностію, какіе вопросы о дальнѣйшемъ направленіи и порядкѣ производства дѣла, поступившаго къ судебному разсмотрѣнію, должны быть прежде всего разрѣшены въ распорядительномъ засѣданіи суда. Такое означеніе вопросовъ полезно во многихъ отношеніяхъ: во 1-хъ, оно служитъ къ болѣе точному разграниченію коллегіальной власти суда отъ распорядительной власти его предсѣдателя; во 2-хъ, оно служитъ указаніемъ, на какіе именно предметы судъ долженъ прежде всего обратить вниманіе по каждому вступившему на его разсмотрѣніе дѣлу, и въ 3-хъ, оно заключаетъ въ себѣ такія правила, которымъ настоящее мѣсто здѣсь, а не въ другой части устава. Сюда относятся правила: о случаяхъ соединенія дѣлъ, изслѣдованныхъ отдѣльно, или о раздѣленіи тѣхъ, кои были изслѣдованы совокупно; о томъ, что принятыя при предварительномъ слѣдствіи мѣры къ воспрепятствованію подсудимому уклоняться отъ слѣдствія и суда или къ обезпеченію отыскиваемаго съ него вознагражденія могутъ быть измѣнены до рѣшенія дѣла въ существѣ; о дополненіи предварительнаго слѣдствія, въ чемъ это окажется необходимымъ, не выжидая судебнаго по дѣлу засѣданія; объ открытіи судебнаго засѣданія на мѣстѣ происшествія; о правѣ суда отсрочить разсмотрѣніе дѣла, подлежащаго рѣшенію присяжныхъ, до слѣдующаго періода засѣданій.

При сужденіяхъ, происходившихъ по настоящему предмету въ коммисіи, заявлено было мнѣніе, что не слѣдуетъ означать вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію въ распорядительномъ засѣданіи суда, такъ какъ всѣхъ частныхъ случаевъ невозможно исчислить, а неполное исчисленіе возбуждаетъ недоумѣнія и оказывается болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ.

Восемь членовъ находятъ, что съ этимъ мнѣніемъ трудно было бы согласиться даже и тогда, когда бы здѣсь рѣчь шла дѣйствительно только объ указаніи частныхъ случаевъ, потому что ничто такъ не уясняетъ отвлеченное правило закона, какъ указаніе случаевъ, къ которымъ оно относится. Указаніе это можетъ ввести въ недоумѣніе только при неудовлетворительной редак-

ціи закона, когда то, что приводится въ видѣ примѣра, можетъ быть принято за ограниченіе дѣйствія закона лишь указанными случаями. Но въ предлагаемой восемью членами статьѣ исчисляются не частные случаи. Стоитъ только вникнуть въ смыслъ этой статьи (она помѣщена въ заключеніи меньшинства), чтобы убѣдиться, что каждый ея пунктъ содержитъ въ себѣ общее правило, которое могло бы быть предметомъ особой статьи. Всѣ эти правила соединены къ одной статьѣ единственно для избѣжанія повторенія той мысли, что распоряженія по каждому изъ нихъ могутъ быть сдѣланы только судомъ, который долженъ разсмотрѣть дѣло во всѣхъ этихъ отношеніяхъ до открытія судебнаго слѣдствія. Когда исчисленію отношеній, въ которыхъ дѣло подлежитъ предварительному разсмотрѣнію, предшествуетъ общее указаніе, что судъ разсматриваетъ всѣ вопросы о дальнѣйшемъ направленіи и порядкѣ производства дѣла, то можетъ ли неполнота исчисленія, если бы она и оказалась дѣйствительно, возбудить какія либо сомнѣнія? Родовое понятіе не дѣлается тѣснѣе отъ примѣрнаго указанія его видовъ, хотя бы они и не всѣ были исчислены. Неужели предполагаемая возможность неполноты исчисленія можетъ служить препятствіемъ къ указанію даже тѣхъ отношеній, въ которыхъ дѣло подлежитъ предварительному разсмотрѣнію въ распорядительномъ засѣданіи суда? Если такое опасеніе будетъ служить основаніемъ къ устраненію всѣхъ подробностей въ правилахъ судопроизводства, то, придерживаясь послѣдовательно подобнаго направленія, можно дойти до такихъ отвлеченныхъ правилъ, которыя по темнотѣ ихъ и по широтѣ предоставляемаго ими произвола будутъ только повидимому уставомъ судопроизводства, а въ сущности окажутся равносильными отсутствію всякаго устава.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ *восемь членовъ* полагали бы включить въ проектъ слѣдующую статью:

При предварительномъ разсмотрѣніи дѣла, судъ разрѣшаетъ всѣ возникающіе, по собственному его усмотрѣнію или по заявленіямъ сторонъ, вопросы относительно дальнѣйшаго напра-

вленія дѣла и порядка его производства, какъ-то:

1) о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе другаго судебнаго мѣста въ установленномъ порядкѣ подсудности;

2) о прекращеніи или пріостановленіи дѣла по законнымъ къ тому поводамъ;

3) о совокупномъ разсмотрѣніи дѣлъ, по которымъ обвиняются нѣсколько лицъ въ одномъ и томъ же преступленіи или въ преступныхъ дѣйствіяхъ, имѣющихъ существенную связь, или же различныя преступныя дѣйствія приписываются одному и тому же лицу;

4) о раздѣльномъ разсмотрѣніи дѣлъ, по которымъ преслѣдуются совокупно нѣсколько лицъ за разныя преступныя дѣйствія, неимѣющія между собою существенной связи;

5) объ измѣненіи принятыхъ при предварительномъ слѣдствіи мѣръ къ пресѣченію подсудимому способовъ уклоняться отъ суда, или къ обезпеченію иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ;

6) о обращеніи дѣла къ дополненію по обстоятельствамъ, требующимъ мѣстнаго изслѣдованія, или объ истребованіи въ судъ какихъ либо документовъ или вещественныхъ доказательствъ;

7) о вызовѣ такихъ свидѣтелей, которые допрошены подъ присягою, при предварительномъ слѣдствіи, и въ обыкновенныхъ случаяхъ освобождаются отъ явки въ судъ (ст. 399 и 578);

8) объ открытіи судебнаго засѣданія на мѣстѣ происшествія, заключающаго въ себѣ важное преступленіе;

9) о разсмотрѣніи дѣла, подлежащаго суду присяжныхъ, не въ ближайшемъ, но въ слѣдующемъ за тѣмъ періодѣ засѣданій, по встрѣтившимся препятствіямъ къ судебному слѣдствію.

Мнѣніе большинства. *Восемнадцать членовъ (Баршевскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Даневскій, Зарудный, Калачевъ, Квистъ, Книримъ, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Принтцъ, Ровинскій, Ртищинскій, и Шечковъ)* находятъ, что для точнаго разграниченія коллегіальной власти суда отъ распорядительной власти его предсѣдателя,

необходимо взять основаніемъ общее правило, что собственно власть судебная принадлежитъ суду, а предсѣдателю предоставляются, въ видѣ изъятія изъ сего общаго правила, тѣ только распоряженія, которыя именно опредѣлены закономъ.

Съ этой точки зрѣнія въ проектѣ уголовнаго судопроизводства всѣ распоряженія, предоставляемыя по закону лично предсѣдателю, исчислены съ надлежащею подробностію и точностію. За тѣмъ въ подробномъ исчисленіи случаевъ, разрѣшеніе коихъ подлежитъ суду, не представляется уже никакой необходимости, тѣмъ болѣе, что полное исчисленіе всѣхъ этихъ случаевъ невозможно, а неполное непремѣнно возбудитъ на практикѣ недоумѣнія и затрудненія и, что̀ всего важнѣе, возбудитъ столкновенія и антагонизмъ между предсѣдателемъ и судомъ. Этого столкновенія не можетъ быть, если предѣлы власти предсѣдателя въ законѣ обозначены съ точностію, а разрѣшеніе всѣхъ остальныхъ случаевъ предоставлено суду. Напротивъ, если, кромѣ того, и самые случаи, подлежащіе разрѣшенію суда, будутъ также исчислены, то на практикѣ непремѣнно возникнетъ такой случай, который не войдетъ ни въ опредѣленный въ законѣ кругъ дѣйствія распорядительной власти предсѣдателя, ни въ указанный тамъ же кругъ дѣйствія коллегіальной власти суда, и разрѣшеніе коего по сему самому и судъ и предсѣдатель могутъ себѣ присвоивать. Отсюда неизбѣжность столкновенія этихъ властей и очевидный вредъ для дѣла.

Посему и имѣя въ виду, что въ особенности на первое время необходимо, въ видахъ предупрежденія подобной вредной неурядицы и столь опаснаго непорядка въ отправленіи правосудія, строго разграничить распорядительную власть предсѣдателя отъ коллегіальной власти суда, *восемнадцать членовъ* полагаютъ ограничиться постановленіемъ, что всѣ распоряженія, выходящія изъ предѣловъ предоставленной предсѣдателю судебной власти, и всѣ постановленія по спорамъ и пререканіямъ сторонъ по производству дѣла могутъ исходить только отъ суда.

О порядкѣ призыва при- Къ числу приготовительныхъ дѣйствій, кото-

сяжныхъ къ судебнымъ засѣданіямъ (ст. 499 и 500).

рыя могутъ быть предоставлены только суду, принадлежитъ и распоряженіе о томъ, чтобы къ открытію судебныхъ засѣданій по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, было на лицо въ судѣ неменѣе 30-ти засѣдателей. Основныя положенія, указывая на это распоряженіе, не предрѣшаютъ вопроса о томъ: какимъ порядкомъ по очереднымъ спискамъ присяжнымъ призываются къ судебнымъ засѣданіямъ 30-ть засѣдателей? (Осн. пол. ч. I ст. 36). Имѣя въ виду, что общепринятый способъ призыва присяжныхъ къ періодическимъ судебнымъ засѣданіямъ есть вынутіе судомъ жребія по списку очередныхъ присяжныхъ, коммисія находила, что принятіе этого порядка у насъ тѣмъ болѣе необходимо, что по основнымъ положеніямъ число засѣдателей, призываемыхъ на весь періодъ судебныхъ засѣданій, можетъ быть не болѣе 30-ти, а при такомъ маломъ числѣ лицъ, изъ которыхъ долженъ быть избираемъ по каждому дѣлу комплектъ 12-ти присяжныхъ, всегда оставалось бы сомнѣніе въ безпристрастіи суда присяжныхъ, призываемыхъ къ періодическимъ засѣданіямъ не по жребію, а по назначенію со стороны какой либо власти, потому-что представлялся бы возможнымъ подборъ лицъ съ извѣстнымъ направленіемъ.

Относительно порядка призыва присяжныхъ засѣдателей коммисіи предлежало разрѣшить еще слѣдующіе вопросы:

1) при открытыхъ ли дверяхъ присутствія слѣдуетъ вынимать жребій очереднымъ засѣдателямъ, призываемымъ къ участію въ рѣшеніи дѣлъ?

2) за сколько времени до открытія судебныхъ засѣданій надлежитъ вынимать жребій очереднымъ засѣдателямъ?

3) можно ли ограничиться призывомъ только 30-ти лицъ, или необходимо присоединить къ нимъ еще нѣсколько запасныхъ засѣдателей?

О гласномъ вынутіи жребія присяжнымъ, призываемымъ къ судебнымъ засѣданіямъ (ст. 499 и 500).

Хотя преждевременное оглашеніе лицъ, призываемыхъ къ судебнымъ засѣданіямъ въ качествѣ присяжныхъ, открываетъ подсудимымъ и ихъ родственникамъ возможность ходатайства у присяжныхъ засѣдателей, но съ другой стороны и

негласное вынутіе жребія призываемымъ засѣдателямъ непредставляетъ надлежащихъ гарантій въ томъ, что они дѣйствительно призываются по жребію, а это обстоятельство подрываетъ довѣріе къ суду присяжныхъ. Первое условіе неблагопріятно обвиненію, второе неблагопріятно защитѣ. Выбирая изъ этихъ двухъ золъ меньшее, коммисія неусомнилась отдать предпочтеніе гласному вынутію жребія предъ негласнымъ, въ томъ вниманіи, что сохраненіе тайны вынутія жребія присяжнымъ, которые должны быть извѣщены о призывѣ ихъ заблаговременно, представляется неудобоисполнимымъ, и во всякомъ случаѣ неможетъ служить основаніемъ къ отступленію отъ начала гласности въ ущербъ довѣрію къ суду присяжныхъ, котораго существенное преимущество и состоитъ собственно въ томъ, что онъ представляется судомъ наиболѣе независимымъ отъ обвинительной власти и наиболѣе ограждающимъ защиту подсудимыхъ.

За сколько времени до открытія засѣданій надлежитъ вынимать жребій очереднымъ засѣдателямъ? (ст. 499 и 500).

Въ государствахъ, гдѣ существуетъ учрежденіе присяжныхъ, вынутіе въ судѣ жребія очереднымъ присяжнымъ происходитъ обыкновенно не задолго до открытія періода ихъ засѣданій, а именно въ теченіе срока отъ 8 до 15 дней. Принимая во вниманіе, что по огромному пространству Россіи и относительно малому народонаселенію ея, наши судебные округи не могутъ быть не обширны, и что средства сообщенія внутри нашихъ уѣздовъ весьма затруднительны, коммисія признала что у насъ вынутіе жребія очереднымъ засѣдателямъ, призываемымъ къ участію въ рѣшеніи дѣлъ, должно происходить по крайней мѣрѣ за три недѣли до открытія каждаго періода ихъ засѣданій, дабы они могли получить повѣстку о призывѣ заблаговременно, распорядиться своими домашними дѣлами, запастись средствами на проѣздъ и проживаніе въ городѣ, въ теченіе всего періода засѣданій, и прибыть въ судъ къ назначенному времени.

О призывѣ къ засѣданіямъ, сверхъ очередныхъ, еще запас-

По основнымъ положеніямъ, къ открытію судебныхъ засѣданій съ присяжными должно быть

ныхъ засѣдателей (*ст. 499 и 500*).

на лицо *не менѣе* 30-ти засѣдателей. Употребленное здѣсь слово «*не менѣе*» ясно указываетъ, что основныя положенія неотвергали необходимость призыва запасныхъ засѣдателей, сверхъ 30-ти комплектныхъ, но не опредѣлили только ихъ числа, предоставляя это разработкѣ устава уголовнаго судопроизводства. Предусматривая возможность случаевъ неявки кого либо изъ вызванныхъ засѣдателей, коммисія приняла за правило, что для отвращенія задержки въ открытіи судебныхъ засѣданій слѣдуетъ вызывать, сверхъ 30-ти комплектныхъ, еще 6 запасныхъ засѣдателей.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О распоряженіяхъ предсѣдателя суда.

Согласно съ основными положеніями, единоличной власти предсѣдателя суда могутъ быть предоставлены слѣдующія проготовительныя къ суду распоряженія:

1) предъявленіе обвинительныхъ актовъ подсудимымъ;

2) утвержденіе избранныхъ подсудимыми защитниковъ и назначеніе имъ защиты отъ суда;

3) приведеніе въ извѣстность, кого стороны признаютъ нужнымъ вызвать къ судебному слѣдствію и призывъ ихъ, въ судъ;

4) предоставленіе участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ способовъ къ разсмотрѣнію подлиннаго производства по предварительному слѣдствію;

5) назначеніе дѣлъ къ слушанію въ судебныхъ засѣданіяхъ и оглашеніе о томъ объявленіями;

6) сообщеніе подсудимымъ именнаго списка судей и прокурора, а по дѣламъ, подлежащимъ суду присяжныхъ,— и списка засѣдателей, призванныхъ къ судебнымъ засѣданіямъ.

При развитіи основныхъ положеній по означеннымъ предметамъ, коммисія остановилась на вопросахъ, имѣющихъ преимущественно практическое значеніе, а именно:

1) какъ должны происходить приготовительныя къ суду дѣйствія по дѣламъ, назначеннымъ къ слушанію не въ мѣстѣ постояннаго пребыванія окружнаго суда?

2) можно ли назначать отъ суда защитниковъ

всѣмъ подсудимымъ, которые о томъ просятъ, и не слѣдуетъ ли въ нѣкоторыхъ случаяхъ назначать такихъ защитниковъ независимо отъ просьбы подсудимыхъ?

3) слѣдуетъ ли опредѣлить въ законѣ, въ чемъ должны состоять приготовленія къ защитѣ?

4) можно ли допустить неограниченный вызовъ къ судебному слѣдствію всѣхъ тѣхъ лицъ, о допросѣ которыхъ на судѣ стороны предъявятъ свои требованія?

О приготовительныхъ дѣйствіяхъ по дѣламъ, назначеннымъ къ слушанію не въ мѣстѣ постояннаго пребыванія суда (ст. 506, 507, 515, 516 и 525).

Сколь недовѣрчиво ни смотрѣли бы на отчеты, которые доселѣ были представляемы отъ нашихъ судебныхъ мѣстъ, во всякомъ случаѣ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ самыхъ многолюдныхъ уѣздахъ нашихъ, за исключеніемъ только столичныхъ, число дѣлъ, которыя по новымъ правиламъ подсудности подлежать будутъ вѣдомству окружныхъ судовъ, слишкомъ незначительно для того, чтобы учреждать особый окружный судъ на каждый уѣздъ. Кромѣ того издержки на содержаніе новыхъ судебныхъ мѣстъ, по условіямъ, необходимымъ для удовлетворительной организаціи ихъ, такъ возвысятся противъ нынѣшняго штатнаго положенія, что самое введеніе въ дѣйствіе новаго судоустройства представляется возможнымъ только подъ условіемъ значительнаго сокращенія числа существующихъ нынѣ коллегіальныхъ судовъ. Наконецъ нельзя оставить безъ вниманія, что учрежденіе судебныхъ мѣстъ въ захолустьяхъ, гдѣ жизнь сопряжена съ неудобствами и лишеніями всякаго рода, служило бы постояннымъ препятствіемъ къ привлеченію на судебныя должности опытныхъ юристовъ, которыми дорожатъ и въ центрахъ развитія общественной жизни, и еще болѣе препятствовало бы привлеченію къ судебнымъ мѣстамъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые въ захолустьяхъ не находили бы средствъ къ существованію, потому что количество и цѣнность гражданскихъ исковъ зависятъ отъ степени развитія производительности, порождающей столкновенія въ имущественныхъ правахъ и споры о нихъ. Все это заставляетъ предполагать, что законодательная власть силою вещей поставлена будетъ въ необходимость ограничиться

учрежденіемъ въ каждой губерніи одного, двухъ или, много, трехъ окружныхъ судовъ. Съ другой стороны не менѣе настоятельная необходимость побуждаетъ къ тому, чтобы по уголовнымъ дѣламъ судебныя засѣданія происходили ближе къ тѣмъ мѣстамъ, откуда будутъ вызываемы требуемыя къ судебному слѣдствію лица и присяжные засѣдатели, для сокращенія по возможности путевыхъ издержекъ и потери времени на переѣзды. Хотя вызываемыхъ къ судебному слѣдствію свидѣтелей и свѣдущихъ людей предполагается вознаграждать, за путевыя ихъ издержки, на счетъ виновныхъ, но вознагражденію этому не можетъ быть данъ размѣръ вполнѣ удовлетворительный, по той причинѣ, что, за несостоятельностію бо́льшей части подсудимыхъ, оно упадетъ всею своею тяжестію на казну. То же самое можно сказать и о вознагражденіи за путевыя издержки присяжныхъ засѣдателей, съ тою лишь разностію, что оно во всякомъ случаѣ будетъ обращаемо не на счетъ виновныхъ, а на земскіе сборы, и должно быть весьма умѣреннымъ, чтобы не обременить общество. По этому казенный, общественный и частный интересы одинаково требуютъ сокращенія по возможности разстояній, на которыя будутъ вызываемы въ судъ свидѣтели, свѣдущіе люди и присяжные засѣдатели. Очевидно, что столь противоположныя условія, какъ сокращеніе числа судовъ и близость судебныхъ засѣданій, могутъ совмѣщаться лишь тогда, когда при учрежденіи малаго числа судовъ въ большомъ составѣ, каждый судъ будетъ открывать періодически судебныя засѣданія во всѣхъ уѣздахъ своего округа, отправляя для сего въ объѣздъ одно изъ присутствій, входящихъ въ его составъ. Эту именно комбинацію коммисія имѣла въ виду при начертаніи порядка приготовительныхъ къ суду распоряженій. Вслѣдствіе того коммисія признала невозможнымъ принять у насъ за правило, что подсудимые, взятые подъ стражу при предварительномъ слѣдствіи, препровождаются, по окончаніи этого слѣдствія, въ находящуюся при окружномъ судѣ тюрьму. Судебное засѣданіе по дѣлу уголовному можетъ быть открыто и не въ мѣстѣ постояннаго пребыванія суда, а въ томъ

уѣздѣ, гдѣ производилось предварительное слѣдствіе по этому дѣлу. Препровожденіе арестантовъ сначала отъ мѣста производства предварительнаго слѣдствія до резиденціи суда, а потомъ обратно въ тотъ уѣздный городъ, гдѣ назначены судебныя засѣданія, было бы напраснымъ отягощеніемъ ихъ участи, сопряженнымъ съ излишними издержками. Такая пересылка арестантовъ не можетъ быть установлена только для того, чтобы отобрать отъ нихъ свѣдѣнія, кого они избираютъ своими защитниками и какихъ свидѣтелей признаютъ нужнымъ вызвать къ судебному слѣдствію. Свѣдѣнія эти, по мнѣнію коммиссіи, должны быть отбираемы отъ наличныхъ арестантовъ предсѣдателемъ или однимъ изъ членовъ суда, а отъ арестантовъ, содержащихся не въ мѣстѣ пребыванія суда, чрезъ мѣстнаго мироваго судью. Чтоже касается подсудимыхъ, состоящихъ на свободѣ, то отъ нихъ самихъ зависитъ: явиться въ судъ лично, для представленія своихъ объясненій, или сообщить на письмѣ требуемыя отъ нихъ свѣдѣнія. Въ виду того же порядка періодическихъ судебныхъ засѣданій поуѣздамъ, коммисія признала нужнымъ постановить, что разсмотрѣніе сторонами подлинныхъ дѣлъ допускается какъ въ мѣстѣ постояннаго пребыванія суда, такъ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ судебныя засѣданія временно открываются, для чего каждое дѣло, за недѣлю до его слушанія въ судебномъ засѣданіи, доставляется туда, гдѣ засѣданіе это предполагается открыть, а также и подсудимые, содержащіеся подъ стражею, препровождаются къ тому же сроку въ тюрьму того города, гдѣ судъ надъ ними долженъ происходить, если они содержались прежде въ другомъ мѣстѣ.

О назначеніи подсудимымъ защитниковъ (ст. 508—512).

Относительно назначенія защитниковъ, коммиссія находила, что подсудимымъ должно быть предоставлено право избирать себѣ защитниковъ по своему усмотрѣнію какъ изъ присяжныхъ повѣренныхъ, такъ и изъ другихъ лицъ, коимъ законъ не воспрещаетъ ходатайства по чужимъ дѣламъ, но просьбы подсудимыхъ о назначеніи имъ защитниковъ отъ суда должны быть удовлетворяемы только въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло

подлежитъ суду присяжныхъ, или когда подсудимый, по малолѣтству, недостаточному развитію умственныхъ способностей, дряхлости, увѣчью или какимъ либо недугамъ, не въ состояніи самъ себя защитить. О распространеніи пособія въ защитѣ далѣе этихъ предѣловъ не можетъ быть и рѣчи въ настоящее время, когда еще неизвѣстно, какъ приметься и разовьется у насъ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ и будутъ ли желающіе поступать кандидатами на судебныя должности; за недостаткомъ же какъ тѣхъ, такъ и другихъ, придется назначать защитниковъ изъ чиновниковъ канцеляріи, которые не могутъ постоянно заниматься защитою подсудимыхъ безъ упущенія своихъ прямыхъ обязанностей.

О назначеніи защитниковъ независимо отъ просьбы о томъ подсудимыхъ.

По вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли по дѣламъ, подлежащимъ суду присяжныхъ, назначать подсудимымъ защитниковъ независимо отъ ихъ просьбы, когда они не избрали себѣ защитниковъ или избрали такихъ, которые не имѣютъ надлежащихъ свѣдѣній для правильной защиты, въ коммисіи произошло разногласіе:

Мнѣніе десяти членовъ.

Десять членовъ (Буцковскій, Зубовъ, Ковалевскій, Любимовъ, Перетцъ, Поповъ, Розовъ, Романовскій, Спасовичъ и Чемадуровъ) находятъ, что по дѣламъ, неподлежащимъ суду присяжныхъ, нѣтъ особенной надобности заботиться о томъ, чтобы подсудимый имѣлъ защитника: судьи юристы не нуждаются въ томъ, чтобы имъ указывали, какія обстоятельства служатъ къ оправданію подсудимаго, или по крайней мѣрѣ къ ослабленію силы выведеннаго противъ него обвиненія; они не увлекутся обвинительною рѣчью прокурора и, имѣя въ виду, что подсудимый сталъ на судъ безъ защитника, обратятъ особенное вниманіе на всѣ обстоятельства, подтверждающія или подкрѣпляющія его показанія, и примутъ, такъ сказать, на себя его защиту предъ своею совѣстью. Такимъ естественно представляется образъ дѣйствій добросовѣстныхъ судей юристовъ, которые, стараясь замѣнить самодѣятельностію своею безмолвіе или слабость защиты, скорѣе могутъ увлечься собственными доводами въ пользу подсудимаго, чѣмъ доводами

обвинителя. Совсѣмъ не тѣ послѣдствія можетъ имѣть слабость защиты на судѣ предъ присяжными засѣдателями. Нѣтъ сомнѣнія, что присяжные могутъ быть лучшими судьями по фактическимъ вопросамъ: во 1-хъ, потому, что они судятъ безъ всякихъ общихъ предубѣжденій, которыя не рѣдко образуются у судей-практиковъ, вслѣдствіе спеціальнаго занятія уголовными дѣлами; во 2-хъ, потому, что они судятъ безыскуственно, съ житейской точки зрѣнія, отъ чего судъ ихъ есть отголосокъ мнѣнія большинства добросовѣстныхъ людей и, по справедливости, почитается судомъ общественной совѣсти, и въ 3-хъ, потому, что они, какъ избранники общества, пользующіеся его довѣріемъ, могутъ быть свободнѣе въ своихъ рѣшеніяхъ, какъ отъ вліянія обвинительной власти, такъ и отъ той угодливости, къ которой иногда прибѣгаютъ люди, непользующіеся довѣріемъ общества, но бѣгающіе за популярностію. Не смотря на всѣ эти достоинства суда присяжныхъ, онъ можетъ дѣйствовать правильно лишь подъ условіемъ тщательнаго предъ нимъ разбора всѣхъ обстоятельствъ дѣла, какъ тѣхъ, которыя обличаютъ подсудимаго, такъ и тѣхъ, которыя его оправдываютъ. Мало того: на правильность рѣшенія присяжныхъ имѣетъ большое вліяніе равновѣсіе между обвиненіемъ и защитою. Не трудно понять, отъ чего это происходитъ. Для правильнаго обсужденія усмотрѣнныхъ и сгруппированныхъ данныхъ, необходимъ только здравый умъ. Но для того, чтобы между множествомъ различныхъ явленій и признаковъ подмѣтить и принять въ особенное вниманіе именно тѣ, которые имѣютъ существенное значеніе, нужны и опытность и спеціальныя свѣдѣнія. Извѣстно, что спеціалисту бросаются въ глаза тѣ самые явленія или признаки, которыхъ вовсе не замѣчаютъ люди, мало знакомые съ предметомъ наблюденія. Не то ли самое представляется и въ уголовныхъ дѣлахъ. Присяжнымъ, обсуждающимъ разобранныя и сгруппированныя обстоятельства дѣла, можетъ быть всякій честный человѣкъ съ здравымъ смысломъ, но какъ обвинителю, такъ и защитнику, для разбора и сгруппированія обстоятельствъ, поддерживающихъ обвиненіе или защи-

ту, нужны и юридическія свѣдѣнія и опытность въ дѣлахъ. Если бы предъ присяжными происходило судебное слѣдствіе, безъ заключительныхъ преній сторонъ, то весьма вѣроятно, что нѣкоторыя обстоятельства, имѣющія существенное въ дѣлѣ значеніе, были бы вовсе не замѣчены неопытными присяжными, которые можетъ быть обратили бы все свое вниманіе на обстоятельства несущественныя или даже побочныя. Кромѣ того неопытные присяжные едва ли были бы въ состояніи сгруппировать съ одной стороны обстоятельства, поддерживающія обвиненіе, а съ другой обстоятельства, подкрѣпляющія защиту, и потому не могли бы противопоставить обвиненіе защитѣ и вывести правильное заключеніе. Еще неблагопріятнѣе для правосудія были бы такія предъ присяжными пренія, въ которыхъ обвиненіе поддерживалъ бы, въ лицѣ прокурора, опытный и свѣдущій юристъ, а защита лежала бы на самомъ подсудимомъ, который даже и въ томъ случаѣ, когда имѣетъ кое-какія свѣдѣнія, не всегда можетъ воспользоваться ими, будучи удрученъ своимъ положеніемъ и не имѣя возможности сохранить спокойствіе духа, необходимое для успѣха въ какомъ бы то ни было спорѣ. Какихъ же послѣдствій можно ожидать отъ заключительныхъ преній въ тѣхъ случаяхъ, когда самъ подсудимый и избранный имъ защитникъ неграмотны и до того не развиты, что не въ состояніи не только спорить съ юристомъ, но даже и понимать его? Сколько бы ни старался прокуроръ сохранить въ своихъ объясненіяхъ характеръ безпристрастія, но самое назначеніе его быть обличителемъ преступленія неминуемо сдѣлаетъ его одностороннимъ. По этому прокурорская рѣчь, при безмолвіи или слабости защиты, даетъ обвиненію такую силу, отпоръ которой неопытные присяжные едва ли найдутъ въ собственныхъ своихъ соображеніяхъ, и кончатъ тѣмъ, что увлекутся обвиненіемъ, въ чемъ имъ погрѣшить тѣмъ легче, что вообще люди, мало знакомые съ недостатками человѣческаго правосудія, наклонны къ преувеличенію значенія каждой улики. Видя слабость защиты, присяжные могутъ впасть и въ другую крайность, а именно: не убѣждаться

самыми очевидными доказательствами обвиненія, въ томъ вниманіи, что можетъ быть они были бы опровергнуты при защитѣ, равносильной съ обвиненіемъ. Въ томъ и другомъ случаѣ судъ присяжныхъ послужилъ бы только ко вреду правосудію.

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ *десять членовъ* полагаютъ принять слѣдующее правило:

Если предсѣдатель суда усмотритъ, что избранный подсудимымъ защитникъ по дѣлу, подлежащему суду присяжныхъ, не имѣетъ надлежащихъ свѣдѣній для правильной защиты, то, не устраняя его отъ исполненія принятыхъ имъ на себя обязанностей, назначаетъ подсудимому другаго защитника отъ суда.

Мнѣніе большинства.

Шестнадцать членовъ (Баршевскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуликъ, Даневскій, Есиповичъ, Зарудный, Калачевъ, Квистъ, Книримъ, Крейтеръ, Плавскій, Принцъ, Ровинскій, Рѣпинскій и Шечковъ) находятъ, что предложеніе десяти членовъ построено лишь на томъ основаніи, что въ видахъ соблюденія интересовъ правосудія при разсмотрѣніи дѣла присяжными, необходима равномѣрность силы защиты съ силою обвиненія, и что посему нельзя допускать, чтобы защитникъ подсудимаго былъ неграмотенъ и до того неразвитъ, что не былъ бы въ состояніи не только спорить съ юристомъ-прокуроромъ, но даже и понимать его.

Противъ этого большинство членовъ не можетъ не возразить:

1) что какъ бы желательно ни было, чтобы сила защиты подсудимаго непремѣнно равнялась силѣ обвиненія его, но желаніе это сдвали исполнимо въ большей части случаевъ, такъ какъ и отличныхъ защитниковъ и отличныхъ прокуроровъ будетъ немного, и очень часто будетъ случаться то, что или защитникъ слабѣе прокурора, или, наоборотъ, прокуроръ слабѣе защитника;

2) что посему всѣ тѣ соображенія, которыя приводятъ въ своемъ мнѣніи десять членовъ относительно вредныхъ послѣдствій слабой защиты, въ равной мѣрѣ относятся и до слабости об-

винения; именно: во 1-хъ присяжные, видя слабость обвиненія, могутъ увлечься защитой, что̀ такъ же легко, по свойственному людямъ чувству состраданія и по недовѣрію къ безусловной справедливости всякаго обвиненія, какъ и увлеченіе обвиненіемъ, по наклонности къ преувеличенію значенія каждой улики, и во 2-хъ, видя слабость обвиненія, они могутъ не убѣждаться самыми очевидными доказательствами защиты, въ томъ вниманіи, что можетъ быть они были бы опровергнуты при обвиненіи, равносильномъ съ защитою;

3) что затѣмъ, для уравненія силы защиты съ силою обвиненія, нужно было бы допустить замѣну слабаго обвинителя другимъ, точно также, какъ десять членовъ предлагаютъ допустить замѣну слабаго защитника болѣе сильнымъ; но это невозможно по совершенной непримѣнимости подобнаго правила на практикѣ; коль же скоро нельзя усиливать обвиненія, то и было бы непослѣдовательно давать защитѣ больше силы противъ того, какъ это признаетъ самъ защищаемый;

4) что предположеніе о возможности явленія защитника неграмотнаго и до такой степени неразвитаго, что онъ не въ состояніи былъ бы понимать обвинителя, едвали имѣетъ твердое основаніе, ибо каждый подсудимый очень хорошо сознаетъ всю важность для него способнаго защитника, и слѣдовательно никогда не изберетъ въ защитники такое лице, которое не только не знаетъ законовъ, но и не развито до степени непониманія того, что говоритъ обвинитель, или наконецъ просто неграмотно. Напротивъ того, онъ можетъ избрать такое лице, которое удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ защиты, потому что законъ предоставляетъ ему брать въ защитники не только присяжныхъ повѣренныхъ, т. е. такихъ лицъ, въ знаніи и способности которыхъ служитъ ручательствомъ самое званіе ихъ, но даже и лицъ постороннихъ, которыя, по мнѣнію подсудимаго, обладаютъ большимъ знаніемъ и большими способностями, чѣмъ присяжные повѣренные. Если же подсудимый не пріищетъ самъ себѣ защитника, потому ли, что извѣстныя ему лица неспособны защитить его, потому

ли, что онъ не знаетъ къ кому обратиться съ просьбою о защитѣ его, то ему стоитъ только воспользоваться предоставляемымъ ему правомъ на назначеніе ему защитника отъ суда;

5) что за тѣмъ устраненіе защитника, выбраннаго самимъ подсудимымъ, было бы какою то опекою надъ послѣднимъ, и кромѣ того не всегда бы удовлетворяло требованіямъ справедливости;

6) что хотя предлагаемое десятью членами правило вызвано желаніемъ помочь подсудимому, но на практикѣ оно можетъ обратиться во вредъ подсудимому, потому что оно даетъ предсѣдателю безапелляціонное право устранить, подъ видомъ неспособности, вполнѣ способнаго защитника, съ цѣлію осудить подсудимаго;

и 7) что трудно даже представить себѣ, какимъ образомъ будетъ производиться защита одного подсудимаго двумя защитниками, не приготовившимися, не сговорившимися въ средствахъ и способахъ защиты, и что будетъ дѣлать судъ, если, напримѣръ, одинъ защитникъ будетъ противорѣчить другому въ своихъ выводахъ и доказательствахъ?

По всѣмъ симъ основаніямъ *шестнадцать членовъ* не могутъ согласиться на принятіе предлагаемаго десятью членами правила.

О допущеніи защитниковъ къ объясненіямъ наединѣ съ подсудимыми арестантами (ст. 513).

При обсужденіи тѣхъ средствъ, которыя должны быть предоставлены защитникамъ для приготовленія себя къ защитѣ, въ коммисіи произошло разногласіе по вопросу: можно ли всѣмъ защитникамъ, безъ исключенія, дозволять объясняться наединѣ съ подсудимыми, содержащимися подъ стражею?

Мнѣніе десяти членовъ.

Десять членовъ. (Баршевскій, Буцковскій, Есиповичъ, Зубовъ, Ковалевскій, Поповъ, Принцъ, Романовскій, Спасовичъ и Чемадуровъ), не отвергая необходимости объясненій между подсудимымъ, содержащимся подъ стражею, и избраннымъ имъ защитникомъ, находятъ однако, что объясненій *наединѣ* не слѣдуетъ разрѣшать въ тѣхъ случаяхъ, когда есть поводы сомнѣваться въ благонадежности избраннаго подсудимымъ

защитника. Легко можетъ случиться, что подсудимый изберетъ себѣ въ защитники необнаруженнаго предварительнымъ слѣдствіемъ сообщника или пособника своего, а такое лицо, конечно, употребитъ всѣ усилія для того, чтобы содѣйствовать побѣгу подсудимаго или избавить его отъ отвѣтственности всякими неправдами. Кромѣ того, даже лицо, не участвовавшее въ преступленіи подсудимаго, но по своей дурной нравственности склонное къ беззаконіямъ, не задумается надъ тѣмъ, чтобы, за извѣстную плату или даже изъ одного сочувствія къ арестанту, принять на себя роль переметчика между довѣрителемъ своимъ и участниками его или тѣми свидѣтелями, которыхъ подсудимый подговорилъ или намѣренъ подговорить къ ложному въ пользу его показанію. Подсудимые берутся подъ стражу для пресѣченія имъ способовъ не только къ побѣгу, но и къ противодѣйствію мѣрамъ, принимаемымъ для открытія истины. Понятно, что послѣдняя цѣль не можетъ быть достигнута, если подсудимые получатъ возможность противодѣйствовать открытію истины чрезъ подозрительныхъ лицъ, избранныхъ ими въ защитники. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что объясненіе между подсудимымъ и его защитникомъ *съ глазу на глазъ* не есть необходимое для защиты условіе. Оно нужно только для откровеннаго признанія подсудимаго предъ своимъ защитникомъ, а такое признаніе можетъ быть полезно для защиты лишь при необыкновенномъ стеченіи обстоятельствъ, когда, напримѣръ, подсудимый обвиняется не въ томъ преступленіи, которое онъ дѣйствительно совершилъ, или когда обвиненіе, неподлежащее сомнѣнію, преувеличено въ слѣдствіе какой либо ошибки; но въ большей части случаевъ признаніе, сдѣланное подсудимымъ втайнѣ своему защитнику, поставляетъ только сего послѣдняго въ затруднительное положеніе и лишаетъ защиту той силы, которую ей придаетъ возможность для защитника сомнѣваться въ винѣ подсудимаго.

Принимая во вниманіе, что въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда объясненіе подсудимаго съ своимъ защитникомъ *наединѣ* дѣйствительно пред-

ставляется необходимымъ, содержащійся подъ стражею подсудимый можетъ воспользоваться неотъемлемо принадлежащимъ ему правомъ перемѣнить защитника, признаннаго неблагонадежнымъ, а если дѣло подлежитъ суду присяжныхъ, то и просить о назначеніи ему защитника отъ суда, *десять членовъ* не считаютъ съ своей стороны возможнымъ распространять безусловно и во что бы ни стало средства защиты, но полагаютъ, что въ видахъ благоразумной осторожности полезно было бы постановить слѣдующее правило:

Вмѣстѣ съ распоряженіемъ о допущеніи защитниковъ къ исполненію ихъ обязанностей, предсѣдатель суда разрѣшаетъ имъ объясниться наединѣ съ подсудимыми, содержащимися подъ стражею, если не встрѣчаетъ къ тому препятствій. Въ такомъ разрѣшеніи не можетъ быть отказано защитнику, принадлежащему къ числу присяжныхъ повѣренныхъ или чиновъ судебнаго вѣдомства.

Мнѣніе большинства.

Шестнадцать членовъ (Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Даневскій, Зарудный, Калачевъ, Квистъ, Книримъ Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Ровинскій, Розовъ, Рѣпинскій и Шечковъ), не соглашаясь съ мнѣніемъ меньшинства, напротивъ того полагаютъ, что обвиняемымъ должно принадлежать неотъемлемо право объясниться наединѣ съ избранными ими защитниками.

Коренной недостатокъ нынѣ дѣйствующаго уголовнаго судопроизводства заключается въ томъ, что оно основано на началѣ *слѣдственномъ* или *инквизиціонномъ* и что вслѣдствіе этого оно видитъ *въ каждомъ, обвиняемомъ въ преступленіи, виновнаго въ этомъ преступленіи*, что оно не пренебрегаетъ никакими средствами, чтобы уличить его, чтобы добиться его осужденія. Для устраненія недостатковъ слѣдственнаго судопроизводства въ настоящее время предположено ввести судопроизводство *обвинительное*, которое признаетъ каждаго невиннымъ доколѣ по суду не доказано противное и которое стремится по возможности къ равенству стороны обвиняющей и стороны обвиняемой. Полное равенство

едва ли достижимо, потому что государство, принимающее на себя обвиненіе въ лицѣ прокурора, располагаетъ гораздо большими средствами, нежели частное лицо, обвиняемое въ преступленіи. Къ тому же это равенство уже нарушается тѣмъ, что по многимъ преступленіямъ признается необходимымъ подвергать обвиняемыхъ содержанію подъ стражею, что, конечно, стѣсняетъ ихъ въ средствахъ защиты. Итти еще далѣе и запрещать обвиняемымъ, содержащимся подъ стражею, объясненія наединѣ съ ихъ защитниками, признаваемыми предсѣдателемъ суда по чему то неблагонадежными, значило бы возвратиться къ слѣдственному процессу.

Очень часто могутъ быть случаи, что обвиняемый въ какомъ либо преступленіи (быть можетъ невинный) долженъ сообщить своему защитнику такія подробности событія, которыя онъ не можетъ или даже не долженъ объявить публично. Предположимъ себѣ, напримѣръ, что кто либо схваченъ въ мѣстѣ совершенія убійства. На самомъ дѣлѣ онъ невиненъ въ преступленіи и находился въ мѣстѣ его совершенія случайно, но онъ не можетъ объявить каждому, для какой цѣли онъ находился въ данномъ мѣстѣ, потому что этимъ самымъ онъ повредилъ бы чести или интересамъ посторонняго лица. Очевидно, что подобные случаи могутъ встрѣтиться. Ставить обвиняемаго въ трудное положеніе человѣка, борющагося между своими и чужими интересами, было бы крайне несправедливо. Подобное положеніе можетъ повести даже къ осужденію невиннаго.

Опасенія меньшинства членовъ едва ли основательны. Трудно себѣ предположить, чтобы обвиняемый избралъ себѣ въ защитники человѣка, участвовавшаго въ преступленіи и подлежащаго наказанію. Участникъ въ преступленіи конечно предпочтетъ скрыться отъ грозящаго ему наказанія и не захочетъ итти въ судъ и тѣмъ самымъ подвергать себя явной опасности. Что касается побѣга арестантовъ, то для предупрежденія его, безъ сомнѣнія, нужны другія средства, а не запрещеніе защитнику объясниться наединѣ съ обвиняемымъ. Для этого необходимо хорошее устройство мѣстъ заключенія и бдитель-

ность стражи. Наконецъ обвиняемый можетъ сноситься съ соучастниками преступленія и подговаривать свидѣтелей независимо отъ словесныхъ объясненій съ своимъ защитникомъ, посредствомъ тайной передачи ему письменныхъ инструкцій, посредствомъ условленныхъ знаковъ и пр.

Объ опредѣленіи въ чемъ должны состоять приготовленія къ защитѣ (ст. 514).

Коммисія не могла прійти къ соглашенію и по вопросу: слѣдуетъ ли опредѣлить въ чемъ должны состоять приготовленія къ защитѣ?

Мнѣніе тринадцати членовъ.

Тринадцать членовъ (Баршевскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Зарудный, Калачевъ, Квистъ, Книримъ, Крейтеръ, Перетцъ, Поповъ, Ровинскій и Рѣпинскій) полагаютъ правило объ обязанностяхъ защитника исключить изъ проекта по слѣдующимъ причинамъ:

1) указывать въ законѣ, что защитникъ не долженъ давать подсудимому совѣтовъ, клонящихся къ закрытію истины, значитъ преподавать ему правило, что онъ долженъ вести себя честно; но подобныя правила не должны имѣть мѣста въ законѣ. Законъ долженъ содержать въ себѣ лишь опредѣленіе того или другаго права или формы, въ которой право можетъ проявляться или защищаться, а наставленія о добропорядочномъ поведеніи, о честномъ и вѣрномъ исполненіи своего долга и, вообще, о нравственныхъ дѣйствіяхъ могутъ быть лишь предметомъ наказовъ и предписаній, и то въ такомъ только случаѣ, когда они относятся до лицъ служащихъ. Наконецъ нельзя не замѣтить, что подобныя правила, даже и недѣйствительны: потому, во 1-хъ, что и при существованіи ихъ въ законѣ, нѣтъ ручательства, чтобы они дѣйствительно исполнялись,—такъ, напримѣръ, нельзя ручаться, чтобы, не смотря на запрещеніе, защитникъ не присовѣтывалъ подсудимому дѣйствовать или говорить такимъ образомъ, чтобы слова или дѣйствія его были направлены къ сокрытію истины; и во 2-хъ, что установляя эти правила, надо установить и правила объ отвѣтственности за ихъ нарушеніе; если же не установить послѣд-

нихъ, то законъ не будетъ имѣть свей, такъ называемой, санкціи, и слѣдовательно можно-будетъ совершенно безнаказанно не исполнять его; и

2) указывать въ законѣ, что защитникъ подсудимаго обязанъ тщательно изучать порученное ему дѣло, и что онъ долженъ обращать вниманіе на все то, что можетъ служить основаніемъ къ облегченію участи подсудимаго, было бы точно также какимъ то нравственнымъ наставленіемъ, тѣмъ менѣе имѣющимъ значеніе, что на то и дается подсудимому защитникъ, чтобы защитить его предъ судомъ, а защитить его, либо можно только тщательно изучивъ защищаемое дѣло и обративъ вниманіе на все то, что можетъ облегчить участь обвиняемаго.

Мнѣніе большинства.

Тринадцать членовъ (Буцковскій, Даневскій, Есиповичъ, Зубовъ, Ковалевскій, Любимовъ, Плавскій, Принцъ, Розовъ, Романовскій, Спасовичъ, Чемадуровъ и Шечковъ) находятъ, что если бы защитниками подсудимыхъ могли быть одни присяжные повѣренные, которымъ должно быть вполнѣ извѣстно, въ чемъ должны состоять приготовленія къ защитѣ, то и въ такомъ даже случаѣ опредѣленіе закономъ обязанностей защитниковъ было бы полезно, потому что защитникъ можетъ нарушить свои обязанности умышленно, а для привлеченія его за это къ отвѣтственности необходимо, чтобы обязанности его были опредѣлены закономъ. Но защитниками могутъ быть не одни присяжные повѣренные, а всѣ лица, коимъ законъ не воспрещаетъ ходатайства по чужимъ дѣламъ; изъ числа же всей суммы полноправныхъ лицъ только весьма не многіе имѣютъ юридическія свѣдѣнія, а огромное большинство состоитъ изъ людей необразованныхъ, которыхъ опасно было бы оставить безъ руководства, имѣющаго обязательную силу закона. Для нихъ необходимо указать въ законѣ, что защита юридическая не есть защита во что бы ни стало, и что если съ одной стороны защитникъ не долженъ быть ни въ какомъ случаѣ обличителемъ своего довѣрителя и открывать то, что сообщено ему подсудимымъ втайнѣ, то съ другой стороны онъ не долженъ

быть и укрывателемъ его преступленія, — не долженъ ни совѣтами, ни дѣйствіями своими способствовать закрытію или искаженію истины. При сужденіяхъ, происходившихъ по настоящему предмету въ коммиссіи, было заявлено мнѣніе, что опредѣленіе обязанностей защитника неумѣстно въ законѣ, какъ такое наставленіе, которое не можетъ быть почитаемо обязательнымъ, потому что для него нѣтъ въ законѣ соотвѣтствующей санкціи. Большинство членовъ не убѣждается этимъ возраженіемъ. Защитникъ подсудимаго находится не въ такомъ естественномъ положеніи, которое подразумѣвалось бы само собою и не нуждалось бы ни въ какихъ опредѣленіяхъ закона. Напротивъ того, положеніе защитника совершенно искусственное, созданное законодательствами, усвоившими себѣ начала гласнаго и состязательнаго судопроизводства. Въ дѣйствіяхъ защитника должны совмѣщаться обязанности его къ подсудимому съ общими гражданскими обязанностями къ государству, а эти два рода обязанностей такъ расходятся между собою, что увлеченіе въ томъ или другомъ направленіи можетъ исказить совершенно характеръ судебнаго защитника и сдѣлать изъ него или укрывателя преступленія, или обличителя того самаго лица, которое ввѣрило ему защиту свою. Послѣдствія односторонняго направленія въ дѣйствіяхъ защитниковъ столь вредны для правосудія, что приведеніе въ равновѣсіе лежащихъ на нихъ обязанностей не можетъ быть предоставлено произволу, но должно быть установлено закономъ. Что же касается уголовной санкціи этого закона, то мѣсто ей не въ уставѣ судопроизводства, а въ уложеніи о наказаніяхъ, которое, конечно, будетъ пересмотрѣно вслѣдъ за судебнымъ преобразованіемъ, для опредѣленія въ систематическомъ порядкѣ наказаній за нарушеніе всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя возлагаются на должностныхъ и частныхъ лицъ новыми правилами судопроизводства и судоустройства.

На вышеизложенныхъ основаніяхъ *тринадцать членовъ* полагаютъ постановить слѣдующее правило: защитникъ подсудимаго не долженъ ни открывать того, что сообщено ему довѣрителемъ

его втайнѣ, ни способствовать своими совѣтами или дѣйствіями закрытію истины. Прямая его обязанность состоитъ въ изученіи дѣла по актамъ слѣдствія и по объясненіямъ съ подсудимымъ, и въ предъявленіи своевременно всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя могутъ служить законною защитою подсудимаго.

О вызовѣ въ судъ свидѣтелей по требованіямъ сторонъ (ст. 517—520).

Касательно вызова къ судебному слѣдствію тѣхъ лицъ, о допросѣ которыхъ на судѣ стороны предъявятъ свои требованія, коммисія находила, что безусловное уравненіе по этому предмету правъ прокурора и подсудимаго не возможно по той причинѣ, что отношенія ихъ къ дѣлу не во всемъ между собою сходны. Прокуроръ есть обличитель преступленія во имя закона, видамъ котораго осужденіе невиннаго еще болѣе противно, чѣмъ оправданіе виновнаго. По этому цѣлью всѣхъ дѣйствій прокурора должно быть не обвиненіе, но исключительно раскрытіе истины, въ чемъ бы она ни состояла—въ виновности или невинности подсудимаго. Правда, прокуроръ является на судъ какъ обвинитель, но онъ составляетъ обвинительный актъ и поддерживаетъ во время судебнаго слѣдствія обвиненіе не для того, чтобы добиться во чтобы ни стало осужденія обвиняемаго, но единственно для того, чтобы опредѣлительнымъ указаніемъ всѣхъ представляющихся въ дѣлѣ поводовъ и основаній къ обвиненію дать возможность объяснить ихъ съ точки зрѣнія защиты, и даже вовсе устранить, если они могутъ быть опровергнуты. Чѣмъ не опредѣлительнѣе обвиненіе, тѣмъ затруднительнѣе оправданіе. Чѣмъ менѣе полноты въ обвинительныхъ доводахъ прокурора, тѣмъ болѣе останется не разъясненныхъ судебнымъ состязаніемъ поводовъ и основаній къ обвиненію, которые могутъ подѣйствовать на судей, во вредъ подсудимому, всею кажущеюся на первый взглядъ и не оспоренною никѣмъ, силою обличенія. Въ слѣдствіе того, прокуроръ обязанъ выставить всѣ представляющіяся въ дѣлѣ противъ подсудимаго доказательства и улики, но имѣя въ виду, что конечная цѣль его дѣйствій есть раскрытіе истины, онъ не долженъ представлять дѣло въ одностороннемъ видѣ, дабы при защитѣ, не равно-

сильной съ обвиненіемъ, не ввести судей въ заблужденіе. Дѣйствуя такимъ образомъ, прокуроръ обязанъ требовать къ судебному слѣдствію всѣхъ свидѣтелей, которыхъ показанія могутъ служить къ раскрытію истины, а не тѣхъ исключительно, свидѣтельствомъ которыхъ подкрѣпляется обвиненіе. Только одно желаніе устранить всякій поводъ къ сомнѣнію въ одностороннемъ направленіи дѣла можетъ побудить къ предоставленію подсудимымъ права дополнять списокъ свидѣтелей, требуемыхъ прокуроромъ къ судебному слѣдствію. Но само собою разумѣется, что прокуроръ, какъ блюститель закона и общественныхъ интересовъ, не станетъ требовать свидѣтелей по обстоятельствамъ побочнымъ или не идущимъ къ предмету обвиненія, дабы не запутать дѣла и не обременить никого вызовами въ судъ, безъ дѣйствительной въ томъ нужды. Не таковы отношенія подсудимаго къ дѣлу. Даже невинный подсудимый, въ своемъ естественномъ стремленіи оправдаться всѣми зависящими отъ него способами, не станетъ различать существенныхъ обстоятельствъ дѣла отъ несущественныхъ, но пожелаетъ, конечно, подкрѣпить свидѣтельскими показаніями какъ тѣ, такъ и другія обстоятельства. Что же сказать о подсудимыхъ, желающихъ скрыть свою вину? Такіе подсудимые употребляютъ обыкновенно всѣ средства, чтобы запутать дѣло и затруднить правосудіе, и странно было бы думать, что они не употребятъ во зло права вызова въ судъ свидѣтелей, если оно будетъ ни чѣмъ неограничено. По этимъ соображеніямъ коммисія признала, что прокурору не можетъ быть отказано въ вызовѣ свидѣтелей, указанныхъ имъ въ обвинительномъ актѣ или въ особомъ требованіи, предъявленномъ предсѣдателю суда во время приготовительныхъ къ суду распоряженій. Равномѣрно не можетъ быть отказано подсудимому и гражданскому истцу или частному обвинителю, за исключеніемъ случаевъ, въ законѣ опредѣленныхъ, въ вызовѣ свидѣтелей, сдѣлавшихъ показанія при предварительномъ слѣдствіи; но домогательства ихъ о вызовѣ новыхъ свидѣтелей предсѣдатель суда долженъ разрѣшать смотря по основательности представляемыхъ къ тому причинъ и по важности

обстоятельствъ, подлежащихъ разъясненію. Впрочемъ коммисія считала справедливымъ допустить, что если участвующее въ дѣлѣ лицо, въ теченіе недѣли отъ объявленія ему объ отказѣ въ вызовѣ указанныхъ имъ свидѣтелей, заявитъ, что оно принимаетъ вызовъ ихъ на свой счетъ, то предсѣдатель суда можетъ распорядиться о вызовѣ этихъ свидѣтелей на счетъ просителя, или предоставить ему пригласить ихъ въ судъ отъ себя, по добровольному съ ними соглашенію.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О составѣ присутствія для судебнаго засѣданія и о предъявленіи отводовъ (ст. 536—551).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части содержится по настоящему предмету только одно положительное правило, опредѣляющее, что засѣданія окружнаго суда, для рѣшенія дѣлъ, должны состоять не менѣе, какъ изъ трехъ членовъ (основн. полож. ч. I ст. 24). Впрочемъ изъ положенія, возлагающаго на предсѣдателя суда направленіе допросовъ и преній (ч. II ст. 68), очевидно, что изъ трехъ судей одинъ долженъ исполнять обязанности предсѣдателя, а изъ положенія о томъ, что предварительное слѣдствіе повѣряется и дополняется на судѣ, при участіи прокурора въ допросахъ и преніяхъ (ст. 6 и 66—70), слѣдуетъ заключить, что присутствіе прокурора необходимо въ судебномъ засѣданіи. Точно такимъ же образомъ, изъ предначертаннаго основными положеніями устнаго порядка судопроизводства, нарушеніе котораго служитъ основаніемъ къ отмѣнѣ даже окончательнаго приговора (ст. 104), можно вывести заключеніе, что въ судебномъ засѣданіи долженъ находиться и секретарь или его помощникъ, для внесенія всего происходящаго въ засѣданіи въ протоколъ, который долженъ служить удостовѣреніемъ, что установленные формы и обряды судопроизводства соблюдены.

О случаяхъ выбытія лицъ, необходимыхъ для судебнаго засѣданія (ст. 537—539).

При развитіи основныхъ положеній въ отношеніи къ составу присутствія, коммисія признала, что съ установленіемъ устнаго порядка судопроизводства необходимо принять за правило возобновленіе судебнаго слѣдствія, по случаю выбытія кого либо изъ трехъ наличныхъ судей, до окончательнаго разсмотрѣнія дѣла. Если основаніемъ рѣшенія должно служить не предварительное, но судебное слѣдствіе, то само собою разумѣется, что вновь прибывшій въ присутствіе судья можетъ принять участіе въ рѣшеніи не прежде, какъ по возобновленіи предъ нимъ прерваннаго судебнаго слѣдствія. Но отлучка изъ присутствія прокурора, по мнѣнію коммисіи, не должна прерывать судебнаго засѣданія, если онъ замѣнилъ себя кѣмъ либо изъ чиновъ прокурорскаго надзора. Прокуроръ не рѣшаетъ дѣла, но только разъясняетъ его обстоятельства и участвуетъ въ заключительныхъ преніяхъ, а въ исполненіи этихъ обязанностей, для избѣжанія затрудненій, нельзя не установить, по примѣру иностранныхъ законодательствъ, нѣкоторой солидарности между чинами прокурорскаго надзора. За всѣмъ тѣмъ прокуроръ можетъ требовать возобновленія дѣйствій, происходившихъ въ засѣданіи, безъ представителя прокурорскаго надзора. Не подлежитъ также сомнѣнію, что въ случаѣ отлучки секретаря, судебное засѣданіе можетъ быть продолжаемо лишь по замѣнѣ его другимъ лицомъ, такъ какъ протоколъ засѣданія не долженъ быть составляемъ заочно.

Объ отводѣ судей отъ участія въ сужденіи дѣла (ст. 540—547).

Объ отводѣ судей отъ участія въ сужденіи дѣла въ основныхъ положеніяхъ не упоминается не потому, чтобы признаваемо было возможнымъ лишить участвующихъ въ дѣлѣ лицъ этой необходимой гарантіи, но единственно потому, что не предполагалось дѣлать существенныхъ измѣненій въ основаніяхъ отвода. Въ этихъ видахъ коммисія, при опредѣленіи причинъ отвода, ограничилась только изложеніемъ съ бо́льшею точностію и полнотою существующаго закона, согласно съ новыми началами судопроизводства. При этомъ, имѣя въ виду, что отводъ можетъ быть предъявленъ тогда, когда вызываемыя къ судеб-

ному слѣдствію лица сдѣлали затраты на прибытіе или уже прибыли въ тотъ городъ, гдѣ судебное засѣданіе открывается, коммисія нашла, что подача жалобы на опредѣленіе суда объ отводѣ не должна останавливать дальнѣйшаго хода дѣла, а за тѣмъ и отдѣльная подача ея до рѣшенія дѣла была бы совершенно излишнею перепискою, потому что разрѣшеніе этой частой жалобы высшимъ судомъ послѣдовало бы, въ бо̀льшей части случаевъ, послѣ рѣшенія окружнымъ судомъ дѣла въ существѣ. Вслѣдствіе того коммисія признала нужнымъ постановить, что опредѣленія по заявленіямъ объ отводѣ могутъ быть обжалованы токмо вмѣстѣ съ приговорами по существу дѣла.

О предоставленіи прокурору права отводить судей (ст. 540).

По вопросу: слѣдуетъ ли предоставить право отводить судей не только подсудимымъ и гражданскимъ истцамъ или частнымъ обвинителямъ, но также и прокурорамъ, въ коммисіи произошло разногласіе:

Мнѣніе восьми членовъ.

Восемь членовъ (Бычковъ, Зарудный, Книрим̀ъ, Любимовъ, Перетцъ, Поповъ, Принцъ и Спасовичъ) предъявили слѣдующее мнѣніе:

Во всемъ проектѣ уголовнаго судопроизводства проводилась та мысль, чтобы по возможности уравновѣсить средства обвиненія со средствами защиты, слѣдствіемъ чего и было то, что обвинитель и обвиняемый считаются и именуются сторонами. Посему въ правѣ отвода судей, предоставленном̀ъ одной сторонѣ, подсудимому, не должно быть отказано и другой сторонѣ, представляющей интересы общества, прокурору. Говорятъ, что подсудимый, блюдя свои интересы, самъ отведетъ того судью, который долженъ быть отведенъ, но едвали это справедливо, такъ-какъ легко случиться можетъ или то, что подсудимый вовсе не знаетъ, что у него есть поводъ къ отводу, или еще чаще то, что ему неизвѣстно самое право отвода. Такіе случаи наиболѣе вѣроятны въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ безъ участія присяжныхъ, потому-что по дѣламъ этого рода подсудимымъ не полагается назначать защитниковъ, которые могли бы ихъ руководить, а сами подсудимые изъ простолюдиновъ съ правомъ

отвода вовсе незнакомы, и можно съ увѣренностію сказать, что они не будутъ имъ пользоваться, въ слѣдствіе чего въ рѣшеніи дѣлъ нерѣдко будутъ принимать участіе судьи, которыхъ можно заподозрить въ пристрастіи. Указываютъ на то, что отводъ, предъявленный прокуроромъ, ставитъ его въ щекотливое положеніе относительно отводимаго имъ судьи. Но едва ли возможно жертвовать истиной и законными интересами общества только потому, что прокуроръ, въ данномъ случаѣ, станетъ въ щекотливое положеніе къ судьѣ, который, будучи, напримѣръ, родственникомъ подсудимаго, можетъ рѣшить дѣло несправедливо. Прокуроръ не долженъ заботиться исключительно объ интересахъ одного общества, котораго онъ представителемъ; напротивъ того, прокуроръ долженъ быть не только обвинителемъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и блюстителемъ закона. По этому, узнавъ о томъ, что судья, напримѣръ, наслѣдникъ подсудимаго, и можетъ чрезъ осужденіе его воспользоваться его имуществомъ, прокуроръ долженъ имѣть право потребовать отвода такого судьи въ интересѣ истины и закона. Положимъ, что воспользовавшись такимъ правомъ, прокуроръ дѣйствительно станетъ въ щекотливое положеніе относительно недобросовѣстнаго судьи, если судья зналъ о тѣхъ отношеніяхъ, которыя онъ долженъ былъ считать поводомъ къ устраненію себя отъ дѣла, но не заявилъ о томъ и былъ устраненъ по требованію прокурора. Но въ этомъ случаѣ весьма желательно, чтобы прокуроръ обнаружилъ недобросовѣстный поступокъ судьи и преслѣдовалъ его установленнымъ порядкомъ. Если прокурору не будетъ предоставлено право отвода, то онъ, узнавъ, напримѣръ, что судья находится въ отношеніяхъ дружбы съ подсудимымъ и не устраняетъ себя самъ, долженъ будетъ молчать, не смотря на то, что въ слѣдствіе того дѣло рѣшается несправедливо. Онъ тогда сдѣлается попустителемъ преступленія, котораго преслѣдованіе онъ обязанъ будетъ начать немедленно по совершеніи его, не будучи вмѣстѣ съ тѣмъ вправѣ предотвратить, какъ самое совершеніе его, такъ и вредныя его послѣдствія.

На основаніи этихъ соображеній, *восемь чле-*

новъ полагаютъ предоставить не только подсудимому, но и прокурору право отводить судей.

Мнѣніе большинства.

Восемнадцать членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Вилинбаховъ, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, Зубовъ, Калачевъ, Квистъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Плавскій, Ровинскій, Розовъ, Романовскій, Рѣпинскій, Чемадуровъ и Шечковъ) находятъ, что законными причинами отвода судей служатъ существующія между отводимымъ судьею и подсудимымъ или лицемъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія, родственныя или иныя особенныя отношенія, по которымъ можно сомнѣваться, что судья сохранитъ безпристрастіе. Понятно по этому, что право отвода предоставляется тѣмъ именно лицамъ, которыхъ отношенія къ отводимому судьѣ почитаются законными причинами его отвода, т. е. подсудимымъ, съ одной стороны, и лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія, съ другой, будутъ ли послѣдніе частными обвинителями или только гражданскими истцами. Это такія лица, которыя наиболѣе заинтересованы въ отводѣ, которымъ ближе всѣхъ извѣстны причины отвода и для которыхъ удобнѣе, чѣмъ для другихъ, доказать дѣйствительное существованіе такихъ причинъ. Но личныя отношенія между судьями и прокуроромъ не могутъ имѣть никакого вліянія на рѣшеніе дѣла, потому что прокуроръ ограждаетъ въ уголовномъ дѣлѣ не собственные свои интересы, но общіе всѣмъ благомыслящимъ людямъ интересы государства и общества. Впрочемъ сами члены коммисіи, признающіе необходимымъ предоставить прокурору право отводить судей, не полагаютъ принимать причинами отвода личныя отношенія между прокуроромъ и судьями. Если же прокуроръ долженъ предъявлять отводъ противъ судей только по отношеніямъ сихъ послѣднихъ къ подсудимымъ или потерпѣвшимъ отъ преступленія, которые по этимъ причинамъ сами имѣютъ право предъявить отводъ, то къ чему же послужитъ это двойное съ каждой стороны заявленіе отвода, отъ прокурора и отъ частнаго лица? Каждое участвующее въ дѣлѣ частное лицо знаетъ, въ какихъ отношеніяхъ оно состоитъ съ тѣмъ или другимъ судьею, и собираетъ свѣдѣнія

только объ отношеніяхъ судьи къ противной сторонѣ. Но прокуроръ, если на него возложено будетъ предъявленіе отводовъ, долженъ будетъ розыскивать отношенія каждаго судьи ко всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, и собирать доказательства существованія такихъ отношеній, потому что отводъ судьи допускается только по доказательствамъ его законной причины. Какое страшное обремененіе прокурора, на котораго и безъ того возлагаются весьма трудныя обязанности. Кромѣ того, право отвода потому только и есть право, а не обязанность, что тотъ, кому оно принадлежитъ, можетъ, по своему усмотрѣнію, воспользоваться имъ, или не воспользоваться. Подсудимый или потерпѣвшій отъ преступленія, зная, что существуетъ родственная или иная связь между его противникомъ и судьею, можетъ однако не предъявить отвода, если по личнымъ качествамъ судьи вполнѣ вѣритъ его безпристрастію. Но можетъ ли прокуроръ руководствоваться подобными соображеніями? Въ его глазахъ всѣ члены суда заслуживаютъ довѣрія, и если бы частныя причины отвода могли быть устраняемы общею причиною довѣрія къ судьѣ, основанною на личныхъ его качествахъ, то прокуроръ никогда бы и непредъявлялъ отвода. Ясно, что частныя причины отвода могутъ имѣть значеніе для прокурора только съ ихъ формальной стороны. По всякой формальной причинѣ къ отводу, которая подсудимому или потерпѣвшему отъ преступленія не внушаетъ въ дѣйствительности никакого подозрѣнія, прокуроръ долженъ будетъ предъявлять отводъ. Такое правило, обративъ право отвода въ обязанность для прокурора, умножитъ, безъ всякой пользы, число отводовъ и затруднитъ составленіе присутствій. Наконецъ, нельзя не замѣтить, что предъявленіе отвода однимъ должностнымъ лицомъ противъ другаго, стоящаго въ служебной іерархіи въ уровень съ нимъ, если еще не выше его, есть дѣйствіе весьма щекотливое для достоинства судьи. Предъявленіемъ отводовъ прокуроръ неминуемо навлечетъ на себя непріязнь судей и между ними возникнутъ личности, всегда вредныя для пользы службы. Хотя основными положеніями установленъ отводъ присяжныхъ

засѣдателей съ одной стороны прокуроромъ, а съ другой подсудимымъ, но между отводомъ присяжныхъ и отводомъ судей нѣтъ дѣйствительной аналогіи. Во первыхъ, по дѣламъ, заключающимъ въ себѣ искъ о вознагражденіи за вредъ, причиненный преступленіемъ, гражданскій истецъ не допускается къ отводу присяжныхъ, обсужденію которыхъ искъ его не подлежитъ, и потому, если бы по этимъ дѣламъ прокуроръ не имѣлъ права отводить присяжныхъ, то отводъ ихъ былъ бы одностороннимъ, и между присяжными могли бы находиться такія лица, которымъ трудно было бы сохранить безпристрастіе по родственнымъ и дружескимъ связямъ съ подсудимымъ или по непріязни ихъ къ потерпѣвшему отъ преступленія лицу. Во вторыхъ, прокуроръ отводитъ присяжныхъ преимущественно не по отношеніямъ ихъ къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, но по недостаточной ихъ благонадежности вообще, т. е. по причинѣ, не имѣющей никакого примѣненія къ постояннымъ судьямъ, которые должны быть лучшими общественными дѣятелями. Въ третьихъ, прокуроръ отводитъ присяжныхъ, безъ объясненія причинъ, слѣдовательно предъявленіе такого отвода не требуетъ отъ него ни особеннаго розыска, ни собранія доказательствъ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ *восемнадцать членовъ*, признавая съ своей стороны, что предоставленіе прокурорамъ права отводить судей было бы во всѣхъ отношеніяхъ мѣрою безусловно вредною, полагаютъ постановить слѣдующее правило:

Подсудимымъ, частнымъ обвинителямъ и гражданскимъ истцамъ дозволяется, по законнымъ причинамъ, отводить судей отъ участія въ сужденіи дѣла.

Объ отводѣ прокурора (ст. 584—550).

Вопросъ о томъ, можетъ ли быть отводимъ прокуроръ отъ исполненія своихъ обязанностей, коммисія разрѣшила отрицательно, на томъ основаніи, что прокуроръ не рѣшаетъ дѣла, что заключеніе его необязательно для суда, и что обвинительные выводы его могутъ быть опровергаемы защитою, имѣющею во всѣхъ преніяхъ послѣднее слово. Впрочемъ коммисія не отверга-

ла того, что существованіе между прокуроромъ и участвующими въ дѣлѣ лицами тѣхъ отношеній, по которымъ дозволяется отводить судей, можетъ имѣть вліяніе на дѣйствія прокурора и сообщить имъ характеръ пристрастія, несообразный съ важностію прокурорскихъ обязанностей. По этому коммисія признала нужнымъ постановить, что прокуроръ долженъ устранять себя отъ участія въ производствѣ подобныхъ дѣлъ, а если бы онъ сего не исполнилъ, то заявленіе о томъ со стороны подсудимаго или гражданскаго истца предсѣдатель суда обязанъ сообщить на усмотрѣніе прокурора судебной палаты, не останавливая дѣла въ дальнѣйшемъ его ходѣ и не считая по этому случаю дѣйствій прокурора неимѣющими законной силы.

Объ отводѣ секретаря (ст. 551).

Въ отношеніи къ секретарю, непринимающему никакого участія не только въ рѣшеніи дѣла, но даже и въ преніяхъ на судѣ, коммисія находила, что хотя онъ и обязанъ устранить себя отъ письмоводства по такому дѣлу, въ которомъ участвуютъ лица, состоящія съ нимъ въ близкомъ родствѣ, дружбѣ или непріязни, однако неисполненіе имъ этой обязанности не уничтожаетъ законной силы судебныхъ дѣйствій, записанныхъ имъ въ протоколъ, достовѣрность коего не опровергается.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Объ управленіи ходомъ дѣлъ въ судебномъ засѣданіи (ст. 552—558).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлены по настоящему предмету слѣдующія правила:

Наблюденіе за скоростію и правильностію дѣлопроизводства въ каждомъ судебномъ мѣстѣ и охраненіе порядка въ засѣданіяхъ суда возлагается на его предсѣдателя или первоприсутствующаго (Осн. пол. ч. I ст. 57).

Направленіе допросовъ и преній, для надлежащаго разъясненія дѣла, принадлежитъ предсѣдателю суда (ч. II ст. 68).

Имѣя въ виду, что наблюденіе за охраненіемъ внѣшняго порядка въ судебныхъ засѣданіяхъ принадлежитъ къ внутреннему устройству судебныхъ мѣстъ, опредѣляемому ихъ учрежденіемъ, коммисія находила, что въ уставѣ уголовнаго судопроизводства должны быть помѣщены только частныя правила объ управленіи ходомъ дѣлъ въ засѣданіи уголовнаго суда и о мѣрахъ, ограждающихъ правильное отправленіе уголовнаго правосудія. Помѣщеніе этихъ правилъ въ уставѣ уголовнаго судопроизводства необходимо не только для полноты этаго устава, но также и для точнѣйшаго опредѣленія границъ тѣхъ правъ, коими пользуются лица, участвующія въ преніяхъ на судѣ.

О предѣлахъ власти предсѣдателя суда въ управленіи ходомъ дѣлъ (ст. 558).

Развивая основныя положенія въ этихъ видахъ, коммисія находила, что надлежитъ съ точностію опредѣлить, какія распоряженія и мѣры по управленію ходомъ дѣла въ судебномъ засѣданіи могутъ быть предоставлены единоличной власти предсѣдателя суда, и какія должны быть принимаемы не иначе, какъ по постановленіямъ цѣлаго присутствія суда. Охраненіе внѣшняго порядка судопроизводства, направленіе допросовъ и преній на судѣ, предоставленіе подсудимому всѣхъ законныхъ средствъ къ оправданію, принятіе мѣръ противъ стачки допрашиваемыхъ лицъ, наблюденіе, чтобы присяжные воспользовались всѣми способами къ обстоятельному разсмотрѣнію дѣла, разъясненіе имъ всего для нихъ непонятнаго и огражденіе ихъ отъ опасности постановленія рѣшенія подъ неблагопріятнымъ для правосудія внѣшнимъ вліяніемъ,—все это несомнѣнно принадлежитъ единоличной власти предсѣдателя суда. Направляя ходъ дѣла къ тому порядку, который наиболѣе способствуетъ раскрытію истины, предсѣдатель можетъ даже распорядиться, чтобы судебное слѣдствіе, въ отношеніи къ каждому изъ соучастниковъ въ одномъ и томъ же преступленіи, производилось отдѣльно, съ сохраненіемъ однако общей связи дѣла. Но далѣе этихъ предѣловъ власть предсѣдателя суда не должна простираться. Дополненіе дѣла, измѣненіе даннаго ему направленія, отступленіе отъ общаго порядка, доз-

воляемое закономъ въ крайнихъ случаяхъ, и все, что въ порядкѣ производства дѣла оспаривается сторонами, требуетъ постановленія суда. Равномѣрно исключительно отъ суда зависитъ наложеніе законныхъ взысканій за неисполненіе его требованій, и привлеченіе къ отвѣтственности за противозаконныя дѣйствія, совершаемыя въ его присутствіи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О существенныхъ условіяхъ производства уголовныхъ дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ (ст. 559—572).

Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ система уголовнаго судопроизводства преобразована по раціональнымъ началамъ, соотвѣтствующимъ современнымъ потребностямъ обществъ, существенными условіями производства уголовныхъ дѣлъ въ судѣ признаются обыкновенно: 1) гласность суда, устность суда, 3) судебное состязаніе сторонъ и 4) непрерывность суда.

Ни одно изъ этихъ условій не отвергнуто и основными положеніями преобразованія судебной части въ Россіи. Такъ, о гласности положительно постановлено, что засѣданія суда, кромѣ случаевъ, именно указаннымъ въ законѣ, происходятъ публично (Осн. полож. ч. II ст. 7). Устность суда опредѣляется правиломъ о повѣркѣ предварительнаго слѣдствія въ судѣ отобраніемъ показаній отъ подсудимаго, свѣдущихъ людей, свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ ст. 66). Въ отношеніи къ судебному состязанію принято за правило, что для полнаго, по возможности, разъясненія обстоятельствъ, служащихъ къ оправданію или обвиненію подсудимаго, предоставляется принимать участіе въ допросахъ и преніяхъ на судѣ прокурору, подсудимымъ, ихъ защитникамъ и лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія (ст. 68). Что же касается непрерывности суда, то она подразумѣвается изъ принятаго основными положеніями начала внутренняго убѣжденія судей, основаннаго на совокупности обстоятельствъ,

обнаруженныхъ предъ ними судебнымъ слѣдствіемъ (ст. 8). Впрочемъ правило о непрерывности суда не всѣми принимается безусловно.

При развитіи основныхъ положеній о существенныхъ условіяхъ производства уголовныхъ дѣлъ въ судѣ, коммисіи предлежало опредѣлить, въ отношеніи къ каждому изъ этихъ условій какія изъятія изъ общихъ правилъ о немъ могутъ и должны быть допущены, для устраненія тѣхъ неудобствъ, съ которыми сопряжено безграничное проведеніе всякаго начала, не смотря на представляющіяся къ тому препятствія и затрудненія. Въ слѣдствіе происходившихъ въ коммисіи сужденій по этому предмету, возникли слѣдующіе вопросы:

1) слѣдуетъ ли допускать закрытіе дверей судебнаго засѣданія въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе заключается въ распространеніи вредныхъ ученій?

2) при закрытіи дверей засѣданія, надлежитъ ли удалять изъ присутствія всѣхъ постороннихъ слушателей, безъ исключенія?

3) нужно ли опредѣлять въ законѣ, какими правами пользуются стороны при судебномъ состязаніи?

4) можно ли принять у насъ правило непрерывности суда и какъ оно должно быть постановлено?

О гласности по дѣламъ, заключающимъ въ себѣ распространеніе вредныхъ ученій (ст. 559).

По первому вопросу коммисія находила, что если бы судъ служилъ первоначальнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственнымъ мѣстомъ оглашенія вредныхъ ученій, то гласное обсужденіе преступленій этого рода дѣйствительно могло бы произвести нѣкоторый соблазнъ въ средѣ присутствующихъ лицъ. Но вредныя ученія подвергаются разсмотрѣнію суда уже въ то время, когда они успѣли болѣе или менѣе проникнуть въ общество двумя только возможными къ тому путями—словесною пропагандою или чрезъ печатное слово. Распространители ихъ являются предъ судомъ не для своего торжества, но для обличенія проповѣданной или лжи. По этому въ открытомъ обсужденіи этихъ преступленій крайне ошибочно было бы видѣть способъ ихъ ра-

спространенія, и, вслѣдствіе того, выставлять гласный судъ школою нравственнаго разврата. Самымъ дѣйствительнымъ оружіемъ противъ вредныхъ ученій будетъ всегда не тщательное ихъ сокрытіе въ тайнѣ, а обличеніе здравою критикою. Съ этой точки зрѣнія, приговоръ суда есть таже критика, но болѣе еще вліятельная, такъ какъ она исходитъ отъ имени законной и всѣми уважаемой власти, которая, порицая самое ученіе, вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ и отвѣтственность лицъ, его распространявшихъ. Необходимо, чтобы такая критика суда, выражаемая въ его приговорѣ, происходила гласно, какъ гласно совершались самыя преступленія. Тайный судъ способенъ только дать вредному ученію большее, противъ дѣйствительности, значеніе; онъ можетъ совершенно неправильно навести на мысль, что общество страшится его и признаетъ себя безсильнымъ для гласнаго его обсужденія. Любопытство и стремленіе познать преслѣдуемыя теоріи являются только при келейномъ разборѣ этихъ преступленій. Если же отнять у нихъ столь привлекательные и заманчивые аттрибуты таинственности, то они сдѣлаются столь же ненавистными какъ и другія, имъ подобныя злодѣянія. Исключеніе гласности имѣетъ, вообще, ту вредную сторону, что лишая подсудимаго одного изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ защиты, можетъ поколебать въ народѣ довѣріе къ правильности судебныхъ приговоровъ. Въ преступленіяхъ, столь явно совершающихся и могущихъ оказать не одно мѣстное, но и общее зло, особенно важно не подавать даже и повода къ нареканіямъ противъ справедливыхъ судебныхъ рѣшеній.

По этимъ соображеніямъ, вполнѣ убѣждаясь въ томъ, что по дѣламъ о распространеніи вредныхъ ученій гласное обличеніе и осужденіе виновнымъ полезнѣе, чѣмъ во всякихъ другихъ дѣлахъ, коммисія не признала нужнымъ допускать въ отношеніи къ дѣламъ этого рода какое либо изъятіе изъ общаго правила о гласности судопроизводства.

О дозволеніи нѣкоторымъ лицамъ остаться въ судѣ, не

По второму вопросу коммисія находила, что если неограниченное допущеніе публики къ слу-

смотря на закрытіе дверей засѣданія для публики (ст. 561).

шанію судебнаго изслѣдованія по предметамъ непристойнымъ или соблазнительнымъ можетъ имѣть вредное на общественную нравственность вліяніе, то, съ другой стороны, совершенное устраненіе гласности въ производствѣ нѣкоторыхъ дѣлъ было бы вмѣстѣ съ тѣмъ и устраненіемъ самой надежной гарантіи въ соблюденіи по этимъ дѣламъ установленнаго порядка и въ усердномъ исполненіи судьями, присяжными засѣдателями, прокурорами и защитниками подсудимыхъ лежащихъ на нихъ обязанностей. Въ слѣдствіе этого, убѣждаясь, что слушаніе дѣла при закрытыхъ дверяхъ должно быть не совершеннымъ устраненіемъ всякой гласности, но только ограниченіемъ ея, коммисія признала полезнымъ принять существующее во многихъ германскихъ законодательствахъ правило, что закрытіе дверей судебнаго засѣданія не препятствуетъ нѣкоторымъ лицамъ, по ихъ званію или по особенному отношенію къ подсудимому или терпѣвшему отъ преступленія, находиться при слушаніи дѣла. Правило это коммисія полагала бы формулировать слѣдующимъ образомъ:

По объявленіи опредѣленія суда о закрытіи дверей засѣданія, публика немедленно удаляется, за исключеніемъ очередныхъ присяжныхъ засѣдателей, хотя бы они и не входили въ составъ присутствія, и лицъ, принадлежащихъ къ судебному вѣдомству или къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ. Сверхъ того, по желанію подсудимаго и потерпѣвшаго отъ преступленія, могутъ быть оставлены въ залѣ засѣданія родственники ихъ и друзья, не болѣе впрочемъ какъ по три лица съ той и другой стороны.

Объ опредѣленіи правъ, коими пользуются стороны при судебномъ состязаніи (ст. 568—570).

По третьему вопросу мнѣнія раздѣлились:

Мнѣніе семи членовъ.

Семь членовъ (Баршевскій, Гуринъ, С. Зарудный, Калачевъ, Квистъ, Ровинскій и Рѣпинскій) полагаютъ достаточнымъ указать, что прокуроръ или частный обвинитель съ одной стороны, а подсудимый или его защитникъ съ другой

пользуются одинаковыми правами въ судебномъ состязаніи между собою, и затѣмъ не исчислять правъ, которыми пользуются стороны при судебномъ состязаніи, потому въ особенности, что полное опредѣленіе этихъ правъ невозможно, а не полное послужитъ только къ лишенію тѣхъ и другихъ лицъ такихъ правъ, которыя должны имъ принадлежать по закону. Притомъ же права эти или сами собою подразумѣваются, или же опредѣляются въ другихъ статьяхъ проекта. Такимъ образомъ, напримѣръ, само собою разумѣется правило, что каждая сторона, въ подтвержденіе своихъ показаній, имѣетъ право представлять доказательства, или ссылаться на нихъ, потому что бездоказательная защита или обвиненіе не имѣли бы никакого значенія, а также что сторона имѣетъ право опровергать доводы и соображенія противной стороны, потому что иначе не можетъ быть и *состязанія*. За тѣмъ право сторонъ отводить свидѣтелей или свѣдущихъ людей опредѣляется въ 630 и 639 статьяхъ проекта, право предлагать свидѣтелямъ вопросы въ 654 ст., право возражать противъ ихъ показаній въ 657 ст., и т. д.

Изъ этого видно, что всѣ правила, изложенныя въ 4-хъ пунктахъ ст. 568 и имѣющія практическое значеніе, опредѣлены уже въ другихъ статьяхъ проекта; если же ихъ повторить въ особой статьѣ, имѣющей исключительно теоретическое значеніе, то на практикѣ это будетъ имѣть одно послѣдствіе: подсудимые могутъ быть лишены другихъ правъ, коихъ законодатель не предвидѣлъ. По этому *семь членовъ*, считая, что четыре пункта ст. 568 представляются не только излишними, но даже опасными и вредными для дѣла, полагаютъ ихъ исключить изъ проекта.

Мнѣніе большинства.

Двадцать членовъ (Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Даневскій, Есиповичъ, М. Зарудный, Зубовъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Принтцъ, Розовъ, Романовскій, Спасовичъ, Чемадуровъ и Шечковъ) находятъ, что одно указаніе на равенство правъ, коими пользуются всѣ участвующія въ дѣлѣ стороны въ судебномъ состязаніи

ихъ между собою, не опредѣляетъ еще, въ чемъ заключаются ихъ права. Изъ этого указанія видно только то, что, дозволивъ одной сторонѣ какой либо способъ разъясненія дѣла, нельзя воспретить противной сторонѣ воспользоваться тѣмъ же способомъ, для достиженія ея цѣли. Но въ чемъ состоятъ способы или средства, коими каждая сторона имѣетъ право пользоваться для разъясненія дѣла съ своей точки зрѣнія, о томъ вопросъ остается неразрѣшеннымъ. Между тѣмъ понятно, что вопросъ этотъ долженъ быть разрѣшенъ опредѣлительно въ уставѣ уголовнаго судопроизводства; иначе стороны не будутъ знать, что онѣ могутъ и чего не могутъ требовать, а разрѣшеніе судомъ этихъ требованій, лишенное законнаго основанія, будетъ представляться судейскимъ произволомъ. Неопредѣлительность закона въ этомъ отношеніи можетъ имѣть послѣдствіемъ, или предъявленіе неосновательныхъ требованій и жалобъ, или неупотребленіе сторонами всѣхъ законныхъ способовъ къ судебному состязанію, по невѣдѣнію ихъ или по неразрѣшенію ихъ судомъ. Кромѣ того, отсюда неминуемо произойдетъ неравномѣрное удовлетвореніе требованій сторонъ по разнымъ дѣламъ, подрывающее силу закона и довѣріе къ судебной власти. Во всемъ уставѣ уголовнаго судопроизводства едва ли можно найти какое либо положеніе, которое требовало бы большей опредѣлительности, чѣмъ правило о средствахъ судебнаго состязанія.

По вышеизложеннымъ соображеніямъ *двадцать членовъ* полагаютъ выразить опредѣлительно, что каждой сторонѣ предоставляется:

1) представлять, въ подтвержденіе своихъ показаній, доказательства или просить о собраніи ихъ судомъ;

2) отводить по законнымъ причинамъ свидѣтелей и свѣдущихъ людей, предлагать имъ, съ разрѣшенія предсѣдателя суда, вопросы, возражать противъ свидѣтельскихъ показаній и требовать, чтобы свидѣтели были передопрошены въ присутствіи или въ отсутствіи другъ друга;

3)дѣлать замѣчанія и давать объясненія по каждому дѣйствію, происходящему на судѣ;

4) опровергать доводы и соображенія противной стороны.

О постановленіи правила относительно непрерывности суда (ст. 571 и 572).

По четвертому вопросу также произошло разномысліе:

Мнѣніе семи членовъ.

Семь членовъ (Баршевскій, Вилинбаховъ, Гуринъ, С. Зарудный, Книрим, Ровинскій и Рѣпинскій) находятъ, что начало непрерывности суда, весьма увлекательное въ теоріи, можетъ на практикѣ привесть къ вреднымъ послѣдствіямъ, если только оно будетъ облечено въ форму закона. Какъ всѣ теоретическія начала, непрерывность суда можетъ имѣть мѣсто въ юридическихъ изслѣдованіяхъ о принципахъ уголовнаго судопроизводства, и весьма основательно указывается учеными, какъ идеалъ, къ которому законодательство должно стремиться въ будущемъ. Но обращать это начало въ законъ, въ настоящее время, весьма опасно. Изъ 572-й статьи видно, что отъ суда зависитъ,— остановивъ судебное засѣданіе для истребованія какихъ либо доказательствъ или свѣдѣній,— 1) *или* перейти къ другимъ очереднымъ дѣламъ, 2) *или* затребовать доказательства и ожидать ихъ доставленія. *Въ первомъ случаѣ* судебное слѣдствіе по остановленному дѣлу должно вновь производиться съ самаго начала, *а во второмъ случаѣ* судъ обязывается, оставаясь въ полномъ присутствіи, ничего не дѣлать до полученія затребованныхъ свѣдѣній.

Осуждать такимъ образомъ судъ на бездѣйствіе можно въ такомъ только случаѣ, если дѣло идетъ о свѣдѣніи, которое можно получить чрезъ нѣсколько минутъ, и кажется, что даже и члены, имѣющіе въ виду обратить правило о непрерывности суда въ законъ, не думаютъ, чтобы судъ могъ оставаться въ такомъ положеніи цѣлый день или болѣе. Если дѣло идетъ о нѣсколькихъ минутахъ, въ теченіи коихъ судъ съ присяжными засѣдаетъ въ полномъ присутствіи и ожидаетъ доставленія затребованныхъ доказательствъ или свѣдѣній, то нѣтъ никакой надобности такое правило обращать въ законъ; это будетъ исполняться само собою. Если же по

правилу о непрерывности суда, обращенному въ законъ, судъ имѣетъ право заставить присяжныхъ ожидать недѣлю или даже два или три дня, то такое право суда можетъ сдѣлаться весьма опаснымъ орудіемъ для стѣсненія присяжныхъ.

Если, напримѣръ, оказалась надобность по какому нибудь дѣлу, разсмотрѣніе коего продолжается въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ, въ такихъ свѣдѣніяхъ, которыя могутъ быть доставлены на другой и даже на третій день, то ничто не мѣшаетъ суду, въ свободный промежутокъ времени, разсмотрѣть другія дѣла, не требующія много времени, но требующія можетъ быть бо̀льшей поспѣшности. Идея непрерывности суда заключается въ идеѣ порядка въ засѣданіяхъ и въ дѣйствіяхъ судебныхъ мѣстъ и лицъ вообще: ибо не будетъ у насъ никакого порядка, если дѣла будутъ разсматриваться съ перерывами, одно за другимъ въ нѣсколько пріемовъ. Порядокъ требуетъ, чтобы дѣло предложенное къ слушанію присяжнымъ, продолжалось при тѣхъ же присяжныхъ. При существованіи дѣйствительнаго порядка въ засѣданіяхъ и самый случай, что судъ затребовалъ свѣдѣнія и потомъ, ничего не дѣлая, ожидалъ бы ихъ доставленія, невозможенъ. Вообще ст. 571 и 572, относящіяся до непрерывности суда и облекающія отвлеченное теоретическое начало въ положительный законъ, представляются не только излишними, но, по самому своему намѣренію предвидѣть всевозможныя случайности обыденной жизни, даже опасными и вредными для дѣла, и потому *семь членовъ* полагали бы ихъ изъ проекта исключить.

Мнѣніе большинства.

Девятнадцать членовъ (Буцковскій, Бычковъ, Даневскій, Есиповичъ, М. Зарудный, Зубовъ, Кириминъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Принцъ, Розовъ, Романовскій, Спасовичъ, Чемадуровъ и Шечковъ) находятъ, что понятіе о непрерывности суда, въ томъ смыслѣ, какой ему придаютъ нѣкоторыя иностранныя законодательства, не заключаетъ того стѣснительнаго условія, что судъ не можетъ быть прерванъ по встрѣтившимся къ продолженію его препятствіямъ или для собранія

какихъ либо дополнительныхъ свѣдѣній. Единственное условіе, которое заключается въ этомъ понятіи, состоитъ въ томъ, что судъ не долженъ смѣшивать разсмотрѣніе одного дѣла съ разсмотрѣніемъ другаго. Прервавъ судебное засѣданіе по какому либо дѣлу и обратившись къ разсмотрѣнію другаго дѣла, судъ можетъ приступить къ рѣшенію перваго изъ нихъ не иначе, какъ по возобновленіи судебнаго слѣдствія съ самаго начала, не смотря на то, что часть его была уже произведена при первоначальномъ разсмотрѣніи дѣла. Условіе это есть необходимое слѣдствіе рѣшенія дѣлъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на разсмотрѣніи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Если судьи и присяжные засѣдатели должны произносить рѣшеніе по тому впечатлѣнію, которое произвела на нихъ совокупность всѣхъ обстоятельствъ, разобранныхъ предъ ними на судебномъ слѣдствіи, то очевидно, что для сохраненія силы и цѣлостности этого впечатлѣнія, судебное слѣдствіе должно быть производимо или непрерывно, въ буквальномъ смыслѣ слова, или только съ небольшими промежутками, во время которыхъ судьи и присяжные не должны обращаться къ разсмотрѣнію другихъ дѣлъ, дабы не отвлекать своего вниманія отъ начатаго уже ими судебнаго слѣдствія. Разсмотрѣніе въ перебивку нѣсколькихъ дѣлъ не только ослабило и раздробило бы впечатлѣніе по каждому изъ нихъ, но сверхъ того, могло бы имѣть послѣдствіемъ смѣшеніе обстоятельствъ одного дѣла съ обстоятельствами другаго. Если даже составъ присутствія присяжныхъ будетъ возобновляемъ жребіемъ для каждаго дѣла, то и въ такомъ случаѣ нѣкоторое число присяжныхъ можетъ войти въ составъ нѣсколькихъ присутствій, и для нихъ разсмотрѣніе дѣлъ въ перебивку было бы очевиднымъ затрудненіемъ въ ясномъ и отчетливомъ уразумѣніи каждаго дѣла въ особенности.

По вышеизложеннымъ соображеніямъ *девятнадцать членовъ* полагаютъ принять слѣдующее правило:

Если судъ признаетъ необходимымъ пріостановить судебное засѣданіе, для истребованія дополнительныхъ доказательствъ или свѣдѣній, то:

или переходитъ къ другимъ очереднымъ дѣламъ и, по доставленіи затребованныхъ доказательствъ или свѣдѣній, производитъ судебное слѣдствіе по остановленному дѣлу съ самаго начала,

или, неразсматривая въ судебномъ засѣданіи другихъ дѣлъ, ожидаетъ доставленія затребованныхъ доказательствъ или свѣдѣній и, по полученіи ихъ, продолжаетъ судебное слѣдствіе съ того дѣйствія, на которомъ оно остановилось.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О дѣйствіяхъ, сопровождающихъ открытіе судебнаго засѣданія (ст. 573—615).

Глава эта раздѣляется на два отдѣленія, заключающія въ себѣ правила: 1) объ открытіи судебнаго засѣданія вообще, и 2) объ открытіи судебнаго засѣданія съ присяжными. Послѣднее отдѣленіе объемлетъ правила: а) о составѣ присутствія присяжныхъ и приводѣ ихъ къ присягѣ, и б) о объясненіи присяжнымъ ихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ

Объ открытіи судебнаго засѣданія вообще.

Къ дѣйствіямъ, коими сопровождается открытіе судебнаго засѣданія по всѣмъ дѣламъ вообще, принадлежатъ:

1) призывъ подсудимаго въ залу засѣданія и удостовѣреніе въ его самоличности;

2) прочтеніе списка вызванныхъ къ судебному слѣдствію свидѣтелей, приведеніе въ извѣстность: всѣ ли они прибыли въ судъ, и наложеніе взысканій на тѣхъ изъ нихъ, которые не явились, безъ представленія законныхъ къ тому препятствій;

3) выслушаніе объясненій сторонъ о томъ, можно ли производить судебное слѣдствіе въ отсутствіи неявившихся свидѣтелей, и постановленіе опредѣленія: или о безотлагательномъ производствѣ судебнаго слѣдствія, или объ отсроч-

кѣ судебнаго засѣданія, съ принятіемъ мѣръ къ истребованію неявившихся свидѣтелей;

4) наставленіе, даваемое предсѣдателямъ суда защитникамъ подсудимыхъ.

О вышеозначенныхъ дѣйствіяхъ въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части вовсе не упоминается, потому что они сами собою подразумѣваются изъ принятаго порядка судебнаго слѣдствія. Относительно только одного изъ этихъ дѣйствій, а именно наставленія защитникамъ подсудимыхъ, въ коммисіи произошло разномысліе:

О наставленіи предсѣдателя суда защитнику подсудимаго.

Мнѣніе десяти членовъ.

Десять членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Даневскій, Есиповичъ, Зубовъ, Ковалевскій, Принцъ, Розовъ, Романовскій и Шечковъ) находятъ, что защита подсудимаго должна имѣть свои границы, переступать которыя защитнику нельзя дозволить; иначе, вмѣсто содѣйствія къ оправданію невиннаго или къ облегченію участи виновнаго, заслуживающаго снисхожденія, защитникъ можетъ сдѣлаться прямымъ укрывателемъ преступленія и будетъ противодѣйствовать обличенію и наказанію виновнаго употребленіемъ для того противозаконныхъ средствъ. Защитникъ долженъ знать, что онъ не замѣняетъ собою подсудимаго и не можетъ ни самъ за него отвѣчать, ни внушать ему отвѣтовъ, но обязанъ только представлять на усмотрѣніе суда все то, что въ существѣ дѣла или въ порядкѣ его производства можетъ объяснено быть въ пользу подсудимаго, или служить огражденіемъ права защиты. Такъ какъ границы защиты опредѣляются юридическими понятіями, чуждыми большинству тѣхъ лицъ, которыя могутъ быть защитниками подсудимыхъ, то едва ли есть основаніе отвергать, что границы эти должны быть опредѣлены закономъ, и что правило, относительно образа дѣйствій защитниковъ на судѣ, слѣдуетъ поставлять имъ на видъ, при самомъ открытіи судебнаго засѣданія? Такой мѣры предупрежденія не почитаютъ излишнею даже законодательства тѣхъ государствъ, въ которыхъ защитниками подсудимыхъ могутъ быть только люди образованные. Конечно, порядокъ

судопроизводства не долженъ заключать въ себѣ никакихъ излишнихъ формальностей, но излишнимъ можно считать поставленіе на видъ обязанностей защитниковъ только присяжнымъ повѣреннымъ, какъ опытнымъ юристамъ, а не другимъ лицамъ, принимающимъ на себя защиту, потому что у насъ нѣтъ никакой возможности расчитывать на то, чтобы защитниками подсудимыхъ были только лица, понимающія вполнѣ свои права и обязанности.

По вышеизложеннымъ соображеніямъ *десять членовъ* признаютъ нужнымъ принять слѣдующее правило:

Если избранный подсудимымъ защитникъ не принадлежитъ къ числу присяжныхъ повѣренныхъ, то предсѣдатель суда предупреждаетъ его, что онъ не долженъ ни отвѣчать на предлагаемые самому подсудимому вопросы, ни внушать ему отвѣтовъ, но обязанъ представлять на усмотрѣніе суда, съ надлежащимъ уваженіемъ къ закону, все то, что въ существѣ дѣла или въ порядкѣ его производства можетъ объяснено быть въ пользу подсудимаго, или служить огражденіемъ права защиты.

Мнѣніе большинства.

Шестнадцать членовъ (Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Зарудный, Калачевъ, Квистъ, Книримъ, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Ровинскій, Рѣпинскій, Спасовичъ и Чемадуровъ) не приняли предлагаемаго десятью членами правила по слѣдующимъ причинамъ:

Нѣтъ никакой необходимости предупреждать защитника, что онъ не долженъ отвѣчать на предлагаемые самому подсудимому вопросы, потому что какое бы слабое право онъ не имѣлъ на названіе юриста, все же онъ знаетъ, что если спрашиваютъ не его, то не онъ и долженъ отвѣчать; да, наконецъ, если бы онъ нарушилъ это правило, то предсѣдатель на первомъ же словѣ его остановитъ по предоставленному ему на то праву. То же самое должно сказать и въ отношеніи предупрежденія защитника о не внушеніи подсудимому отвѣтовъ. Что же касается до обязанности защитника представлять на усмотрѣніе суда, съ надлежащимъ уваженіемъ къ

закону, все то, что въ существѣ или въ порядкѣ производства можетъ быть объяснено въ пользу подсудимаго, или служить огражденіемъ права защиты, то эта обязанность выражена уже въ 678—680 статьяхъ и повторять это правило нѣтъ основанія, а напоминать о ней защитнику при самомъ открытіи засѣданія нѣтъ никакого повода, такъ какъ защитникъ долженъ знать свои обязанности; если же онъ уклонится отъ нихъ, то предсѣдатель, по 552-й ст., обязанъ о томъ напомнить.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ

Объ открытіи судебнаго засѣданія съ присяжными.

По дѣламъ, подлежащимъ суду присяжныхъ, открытіе судебнаго засѣданія сопровождается, сверхъ вышеозначенныхъ, еще нѣкоторыми другими дѣйствіями, о которыхъ въ основныхъ положеніяхъ постановлены слѣдующія общія правила:

Къ открытію каждаго засѣданія для рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, должно быть на лицо въ городѣ или мѣстѣ, назначенномъ для засѣданія, не менѣе 30-ти засѣдателей (Осн. пол. ч. II ст. 80).

За неявку по вызову въ засѣданіе безъ указанныхъ въ законѣ причинъ, судъ, вызывающій присяжныхъ засѣдателей, подвергаетъ неявившихся взысканію, которое должно быть опредѣлено закономъ. Взысканіе сіе увеличивается за повтореніе неявки (ч. I ст. 38).

Предъ разсмотрѣніемъ каждаго дѣла, составленные для засѣданія списки засѣдателей предъявляются прокурору и подсудимому (ч. II ст. 81).

Присяжные засѣдатели могутъ быть отводимы какъ прокуроромъ, такъ и подсудимымъ, безъ означенія причинъ отвода (ст. 28).

Прокуроръ можетъ отвести не болѣе 6-ти засѣдателей. Подсудимому, а если подсудимыхъ нѣсколько, то всѣмъ имъ вмѣстѣ, предоставляется отвести столько засѣдателей, чтобы изъ общаго числа 30-ти, остались не менѣе 18-ти (ст. 83 и 84).

Изъ числа неотведенныхъ назначается по

жребію, для рѣшенія дѣла, 12-ть засѣдателей, которые избираютъ изъ среды себя старшаго (ст. 85).

Назначенные по жребію засѣдатели приводятся, въ самомъ судѣ, къ присягѣ въ правдивомъ и внимательномъ исполненіи своихъ обязанностей; при чемъ приводящее къ присягѣ духовное лицо объясняетъ имъ важность сихъ обязанностей (ст. 86).

Въ соображеніяхъ, послужившихъ основаніемъ вышеизложенныхъ положеній, государственный совѣтъ, между прочимъ, замѣтилъ, что при составленіи устава судопроизводства необходимо сообразить, какія мѣры, съ цѣлію огражденія присяжныхъ отъ личнаго мщенія и сторонннхъ вліяній, слѣдуетъ принять для предупрежденія открытія или сообщенія голоса, поданнаго тѣмъ или другимъ изъ присяжныхъ, при обсужденіи вины или невинности подсудимаго.

При развитіи основныхъ положеній объ открытіи судебнаго засѣданія съ присяжными, въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда, изъ приглашенныхъ къ судебному засѣданію 36 засѣдателей, явится въ судъ менѣе 30 лицъ?

2) не слѣдуетъ ли, при самомъ опущеніи въ урну билетовъ съ именами присяжныхъ, допускать устраненіе ихъ по законнымъ причинамъ, независимо отъ того отвода, который производится въ опредѣленномъ размѣрѣ и безъ объясненія причинъ, при вынутіи билетовъ изъ урны?

3) необходимо ли допускать отводъ присяжныхъ засѣдателей не только со стороны подсудимаго, но также и со стороны прокурора?

4) не слѣдуетъ ли назначать къ присутствованію, сверхъ 12 присяжныхъ, еще 2 запасныхъ, на случай выбытія кого либо изъ комплектныхъ присяжныхъ прежде рѣшенія дѣла?

5) какъ надлежитъ поступать, когда при составленіи присутствія присяжныхъ замѣчено будетъ отступленіе отъ установленнаго порядка?

6) можно ли предоставить одному и тому же присутствію присяжныхъ разсмотрѣніе нѣсколькихъ дѣлъ?

7) слѣдуетъ ли требуемую отъ присяжныхъ

засѣдателей присягу относить только къ добросовѣстному разсмотрѣнію и рѣшенію ими дѣла, или надлежитъ распространить ее и на сохраненіе тайны ихъ совѣщаній?

8) можно ли допустить приведеніе присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ предсѣдателемъ суда, когда въ мѣстѣ судебнаго засѣданія не окажется духовнаго лица того исповѣданія, къ коему принадлежитъ кто либо изъ присяжныхъ?

9) не слѣдуетъ ли принять за правило, что духовное лицо, приводящее присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, внушаетъ имъ святость клятвеннаго обѣщанія, а предсѣдатель суда объясняетъ имъ права, обязанности и отвѣтственность ихъ?

10) должно ли предупреждать присяжныхъ о послѣдствіяхъ нарушенія ими своихъ обязанностей?

О случаяхъ прибытія въ судъ менѣе 30-ти засѣдателей (ст. 583).

Обсуждая первый вопросъ, коммисія находила, что если къ судебному засѣданію съ присяжными явится менѣе 30 засѣдателей, то недостающее до этого комплекта число лицъ должно быть вызвано по жребію изъ запасныхъ засѣдателей того города, гдѣ засѣданіе происходитъ; но такъ какъ эта мѣра сопряжена съ потерею времени и съ излишнимъ задержаніемъ при судѣ вызванныхъ къ судебному слѣдствію лицъ, то прежде вызова по жребію запасныхъ засѣдателей, слѣдуетъ предложить сторонамъ: не признаютъ ли онѣ возможнымъ принять уменьшенный списокъ наличныхъ присяжныхъ. Принимая за основаніе къ составленію по жребію присутствія присяжныхъ уменьшенный списокъ наличныхъ засѣдателей, каждая сторона изъявляетъ тѣмъ самымъ согласіе и на сокращеніе числа предоставленныхъ ей отводовъ соразмѣрно уменьшенію списка.

Объ отводѣ присяжныхъ по законнымъ причинамъ (ст. 582 и 589).

По второму вопросу въ коммисіи произошло разногласіе.

Мнѣніе одиннадцати членовъ.

Одиннадцать членовъ (Есиповичъ, Зубовъ, Ковалевскій, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, По-

повъ, Розовъ, Романовскій, Спасовичъ и Чемадуровъ) находятъ, что одно изъ самыхъ важныхъ условій хорошаго суда присяжныхъ состоитъ въ предоставленіи сторонамъ возможно широкаго права отвода ихъ. Хотя присяжные и назначаются жребіемъ, но для полнаго довѣрія къ правильности ихъ приговора, этого еще недостаточно: необходимо, чтобы и обвиненіемъ и защитою они признаны были за судей безпристрастныхъ. Иначе произносимое ими рѣшеніе не можетъ считаться вполнѣ справедливымъ и окончательнымъ. Посему въ отношеніи присяжныхъ засѣдателей, общія законныя причины къ отводу судей были бы далеко неполны. Есть множество поводовъ, коихъ ни опредѣлить, ни даже предвидѣть заранѣе было бы не возможно, а они между тѣмъ должны служить основаніемъ къ устраненію многихъ лицъ отъ участія въ постановленіи уголовнаго приговора, рѣшающаго вопросъ о чести и дальнѣйшей судьбѣ подсудимаго.

Въ этихъ видахъ, статья 82 основныхъ положеній предоставляетъ какъ прокурору, такъ и подсудимому отводить присяжныхъ засѣдателей, безъ означенія причинъ отвода.

Правило это не должно устранять положительнаго права самихъ присяжныхъ отказаться отъ участія въ разсмотрѣніи дѣла, а также права сторонъ отводить присяжныхъ по законнымъ причинамъ къ отводу судей, какъ напр. по случаю близкаго родства, явной вражды, подкупа и т. п. Равнымъ образомъ, оно не должно лишать стороны возможности отводить тѣ лица, которыя, по закону, не могутъ быть присяжными засѣдателями, какъ то: сумасшедшихъ, опороченныхъ судомъ, занимающихъ должности, несовмѣстныя съ исполненіемъ обязанности присяжнаго и т. д. Конечно, всѣ такія лица не должны быть вносимы въ списки присяжныхъ засѣдателей; но, во первыхъ, при составленіи списковъ возможна ошибка, а во вторыхъ, даже послѣ составленія ихъ, нѣкоторыя изъ означенныхъ въ нихъ лицъ могутъ сойти съ ума, подвергнуться уголовному приговору, или занять должность, несовмѣстную съ обязанностію присяжнаго засѣдателя. Неужели же подобные

случаи должны стѣснять, предоставленное подсудимому, столь важное право отвода? Стѣсненіе это будетъ особенно чувствительно тогда, когда подсудимыхъ нѣсколько и каждому изъ нихъ предоставится отвести, безъ предъявленія причинъ, не болѣе двухъ, а иногда и одного засѣдателя.

Вотъ основанія, по которымъ справедливость требуетъ не лишать стороны возможности устранять присяжныхъ и по законнымъ причинамъ. Но, сверхъ того, это необходимо для упрощенія производства.

Незаконный составъ присутствія присяжныхъ засѣдателей признается у насъ, какъ и вездѣ, поводомъ къ отмѣнѣ постановленнаго ими приговора. Если подсудимые лишены будутъ права мотивированнаго отвода, то сами они, естественно, не будутъ ограничивать своего права отводить присяжныхъ, безъ предъявленія причинъ, и оставятъ въ составѣ присутствія лицо, неимѣющее права быть присяжнымъ, а въ случаѣ осужденія, воспользуются этимъ, для подачи кассаціонной жалобы.

Могутъ сказать, что подобные случаи будутъ весьма рѣдки; но по этой именно причинѣ не представляется затрудненія дать сторонамъ право устраненія присяжныхъ и по законнымъ поводамъ.

На основаніи сихъ соображеній *одиннадцать членовъ* полагали бы постановить слѣдующія правила:

а) до опущенія въ урну каждаго билета, предсѣдатель суда провозглашаетъ значущееся на билетѣ имя. При этомъ какъ самъ засѣдатель, такъ и стороны могутъ объявить о законныхъ препятствіяхъ къ исполненію названнымъ лицомъ обязанностей присяжнаго;

б) законными препятствіями къ исполненію обязанностей присяжнаго признаются: 1) неимѣніе засѣдателемъ тѣхъ качествъ, коими обусловливается способность быть присяжнымъ вообще, и 2) особенныя его къ сторонамъ отношенія, при которыхъ онъ не можетъ почитаться безпристрастнымъ въ дѣлѣ судьею; и

в) по объявленію о законныхъ препятствіяхъ къ исполненію обязанностей присяжнаго, судъ

не производитъ никакихъ изслѣдованій и справокъ, но ограничивается отобраніемъ отзыва по этому предмету отъ наличныхъ засѣдателей, и разрѣшаетъ представившійся случай по своему усмотрѣнію.

Мнѣніе большинства.

Пятнадцать членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Даневскій, Зарудный, Калачевъ, Квистъ, Книрим, Крейтеръ, Принтцъ, Ровинскій, Рѣпинскій и Шечковъ) находятъ, что если допустить двойной отводъ сторонами присяжныхъ засѣдателей, сначала не ограниченный въ числѣ, но по законнымъ причинамъ, а потомъ ограниченный въ числѣ, но безъ объясненія причинъ, то отсюда произойдутъ весьма важныя затрудненія, состоящія въ пріостановкѣ судебнаго слѣдствія по каждому дѣлу на все время, потребное для разсмотрѣнія и повѣрки доказательствъ дѣйствительнаго существованія законныхъ причинъ къ отводамъ, и въ излишнемъ удержаніи, въ теченіе всего этого времени, при судѣ присяжныхъ засѣдателей и вызванныхъ къ судебному слѣдствію лицъ, а такое положеніе, при незначительномъ вознагражденіи, которое они могутъ получить за ихъ издержки, было бы для нихъ крайне обременительно, и возвысило бы судебныя издержки, которыя обращаются на казну какъ въ случаѣ оправданія подсудимыхъ, такъ и въ случаѣ несостоятельности признанныхъ виновными. Кромѣ того, задержка въ производствѣ дѣлъ имѣла бы послѣдствіемъ, или увеличеніе продолжительности періодическихъ засѣданій къ отягощенію присяжныхъ, или умноженіе числа періодовъ времени, на которые присяжные приглашаются къ судебнымъ засѣданіямъ, что потребовало бы количества присяжныхъ, несоразмѣрнаго съ народонаселеніемъ и съ тою разборчивостію, которая необходима при избраніи присяжныхъ изъ народа, стоящаго на низкой степени цивилизаціи. Если, для устраненія всѣхъ этихъ затрудненій, принять за правило, что для повѣрки дѣйствительности причинъ отвода, судъ не производитъ никакихъ розысканій и справокъ, а ограничивается выслушаніемъ по каждому отводу объясненій самаго отводимаго лица и другихъ

наличныхъ засѣдателей, то въ большей части случаевъ невозможно будетъ удостовѣриться такимъ образомъ въ дѣйствительномъ существованіи причинъ отвода, тѣмъ болѣе, что присяжные приглашаются въ судъ по жребію не изъ одного околодка, а изъ цѣлаго уѣзда, и могутъ вовсе не знать другъ друга. Въ слѣдствіе этого судъ вынужденъ будетъ, или отвергать дѣйствительныя причины отвода, въ подрывъ праву, установленному закономъ, или принимать на вѣру каждый отводъ, отъ чего съ увеличеніемъ числа отводовъ увеличатся и затрудненія въ составленіи того списка засѣдателей, изъ котораго избираются по жребію 12-ть присяжныхъ. Подсудимый можетъ объявлять вымышленныя причины отвода какъ для устраненія изъ списка присяжныхъ людей, извѣстныхъ своими строгими правилами нравственности, такъ и просто для того, чтобы открыть себѣ возможность подобрать присяжныхъ, по своему усмотрѣнію. Присяжныхъ засѣдателей не слѣдуетъ, конечно, допускать къ исполненію ихъ обязанностей въ такомъ дѣлѣ, по которому имъ трудно сохранить безпристрастіе, по отношеніямъ ихъ къ подсудимому или къ потерпѣвшему отъ него лицу. Но цѣль эта можетъ быть достигнута: во 1-хъ, постановленіемъ самимъ присяжнымъ въ обязанность заявлять предъ судомъ о существованіи такихъ отношеній, а во 2-хъ,—предначертаннымъ въ основныхъ положеніяхъ отводомъ, безъ объясненія причинъ. Такъ какъ присяжные призываются въ судъ для разсмотрѣнія не одного, а всѣхъ тѣхъ дѣлъ, которыя назначены къ слушанію въ извѣстный періодъ засѣданій, то имъ нѣтъ существенной пользы заявлять вымышленныя причины къ устраненію себя отъ засѣданія по какому нибудь одному дѣлу, да такое заявленіе и не безопасно при наличности сторонъ, которыми оно можетъ быть опровергнуто. Впрочемъ, если бы судъ и усомнился въ истинѣ сдѣланнаго присяжнымъ засѣдателемъ заявленія и, въ слѣдствіе того, не исключилъ бы его изъ списка, то и за тѣмъ заявленіе это можетъ быть принято въ соображеніе сторонами, при отводѣ ими присяжныхъ безъ объясненія тому причинъ. Трудно предполагать, чтобы изъ числа 30-ти

присяжныхъ, вызванныхъ въ судъ по жребію, могло оказаться состоящихъ въ особенныхъ отношеніяхъ къ подсудимому или къ потерпѣвшему отъ преступленія болѣе того числа лицъ, которое стороны могутъ отвести, безъ объясненія причинъ.

На основаніи вышеизложенныхъ соображеній, *пятнадцать членовъ*, не признавая нужнымъ устанавливать двойной отводъ присяжныхъ, полагаютъ принять слѣдующія правила:

Засѣдатель, явившійся ко времени открытія засѣданія, но имѣющій законныя причины къ отлучкѣ или къ устраненію себя отъ рѣшенія дѣла, по отношеніямъ его къ подсудимому или къ потерпѣвшему отъ преступленія, можетъ быть уволенъ судомъ отъ засѣданія.

Для составленія присутствія присяжныхъ по жребію, предсѣдатель суда опускаетъ билеты съ именами засѣдателей въ урну, перемѣшиваетъ ихъ и потомъ вынимаетъ по одному, провозглашая вынутое имя и предъявляя билетъ сначала прокурору или частному обвинителю, а потомъ подсудимому. При этомъ стороны могутъ предъявить отводъ, безъ объясненія его причины.

О необходимости отвода присяжныхъ прокуроромъ (ст. 590).

По третьему вопросу одинъ членъ *(Ровинскій)* предъявилъ особое мнѣніе слѣдующаго содержанія:

Мнѣніе одного члена.

По тому значенію, которое придано прокурору проектомъ уголовнаго судопроизводства, и о которомъ говорено уже въ мнѣніи большинства по вопросу о преданіи суду, не слѣдуетъ предоставлять прокурору права отводить присяжныхъ, безъ объясненія причинъ. Право это должно принадлежать одному подсудимому, который, по исключительности своего положенія, не всегда въ состояніи облечь свой отводъ въ законныя формы. Прокуроръ, какъ защитникъ общественныхъ интересовъ, какъ лице, поставленное правительствомъ для охраненія закона, долженъ дѣйствовать съ большимъ спокойствіемъ; онъ можетъ отводить присяжныхъ, но указавъ въ точности причину отвода. Безъ этого правила, прокуроръ потеряетъ тотъ спокойный и правдивый

характеръ, который желали ему придать составители проекта, и обратится во французскаго прокурора, преслѣдователя и обвинителя подсудимаго во что бы ни стало. Да и кто запретитъ прокурору узнать заранѣе характеръ присяжныхъ, и затѣмъ отвести тѣхъ, которые показались ему наклонными къ оправданію подсудимыхъ вообще, и оставить однихъ крутыхъ и строгихъ преслѣдователей преступленія. На этомъ основаніи, прокуроръ долженъ имѣть право отводить присяжныхъ только по тѣмъ причинамъ, по которымъ дозволено отводить судей. Принятіе этого правила доставитъ новое обезпеченіе подсудимому, которому придется можетъ быть еще долгое время выдерживать на судѣ неравную борьбу съ прокуроромъ безъ защитника; оно поведетъ, кромѣ того, къ значительному облегченію присяжной повинности для народа, ибо на отводъ прокурора не нужно будетъ вызывать лишнихъ шесть присяжныхъ, что и составитъ на 44 губерніи, считая по каждому уѣзду четыре засѣданія въ годъ, какъ это принято большинствомъ членовъ въ отдѣленіи судоустройства, экономіи до 11.000 присяжныхъ (несчитая столицъ), т. е. избавитъ 11.000 человѣкъ отъ совершенно безполезной траты времени и расходовъ. При этомъ списокъ присяжныхъ можетъ быть сообщаемъ подсудимому передъ засѣданіемъ, съ тѣмъ, чтобы онъ въ тоже время объявлялъ имена тѣхъ, кого желаетъ изъ списка выключить. Вмѣстѣ съ тѣмъ публичное вынутіе жребіевъ изъ урны, на которое потребуется не мало времени,—изъ судебныхъ дѣйствій можетъ быть выпущено, и судъ начнется прямо съ объявленія именъ присяжныхъ, назначенныхъ для суда, и съ чтенія прокурорскаго обвиненія. На этихъ же основаніяхъ слѣдовало бы предоставить прокурору дѣлать заключеніе о наказаніи, слѣдующемъ подсудимому, въ концѣ обвинительнаго акта, а не дѣлать изъ судебнаго дѣйствія, каково назначеніе наказанія, новаго особаго диспута между прокуроромъ и подсудимымъ или его защитникомъ. Прокуроръ обвиняетъ, преступникъ защищается, присяжные произносятъ приговоръ, судъ назначаетъ наказаніе,—и заставлять прокурора указывать суду въ этомъ

случаѣ на статьи закона, нѣтъ никакой надобности.

Мнѣніе большинства.

Двадцать пять членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, Зарудный, Зубовъ, Калачевъ, Квистъ, Книрим, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Принтцъ, Розовъ, Романовскій, Рѣпинскій, Спасовичъ, Чемадуровъ и Шечковъ) не признали возможнымъ согласиться съ особымъ мнѣніемъ, заявленнымъ однимъ членомъ, по слѣдующимъ причинамъ:

Во 1-хъ, составъ присяжныхъ представлялъ бы только односторонніе гарантіи, если бы отводъ ихъ предоставленъ былъ одному подсудимому, который, конечно, отводилъ бы лицъ, расположенныхъ дружелюбно къ потерпѣвшему отъ преступленія, и удерживалъ бы состоящихъ въ дружескихъ связяхъ съ нимъ самимъ и во враждебныхъ съ его противникомъ, а такимъ образомъ присутствіе присяжныхъ могло бы составиться изъ лицъ, отъ которыхъ нельзя ожидать безпристрастія, по особеннымъ отношеніямъ ихъ къ подсудимому или къ потерпѣвшему отъ преступленія.

Во 2-хъ, съ какою бы осмотрительностію ни составлялся годовой списокъ очередныхъ присяжныхъ, во всякомъ случаѣ нельзя надѣяться, чтобы составители его имѣли вѣрныя и подробныя свѣдѣнія о сотняхъ людей, внесенныхъ въ этотъ списокъ. Несравненно легче собрать такія свѣдѣнія о небольшомъ числѣ лицъ, призываемыхъ по жребію къ судебнымъ засѣданіямъ. По этому прокуроръ, которому за три недѣли до открытія судебныхъ засѣданій будетъ извѣстно, на кого изъ засѣдателей палъ жребій, можетъ собрать о нихъ справки и отвести тѣхъ засѣдателей, которые окажутся по собраннымъ свѣдѣніямъ неблагонадежными, въ чемъ нельзя не видѣть одной изъ существенныхъ гарантій правильной организаціи суда присяжныхъ.

Въ 3-хъ, хотя при изданіи основныхъ положеній не могли быть предусмотрѣны всѣ вопросы, возбуждаемые подробнымъ ихъ развитіемъ, но по однимъ экономическимъ соображеніямъ не слѣдуетъ отступать отъ основнаго положенія,

огряждающаго пользы государства и общества, и имѣющаго несомнѣнно тотъ смыслъ, что присяжные засѣдатели могутъ быть отводимы какъ подсудимымъ, такъ и прокуроромъ.

О назначеніи къ присутствованію запасныхъ засѣдателей (ст. 592, 593, 596 и 597).

По четвертому вопросу коммисія находила, что присутствіе присяжныхъ, состоящее изъ необходимаго, для дѣйствительности ихъ рѣшенія, комплекта 12 лицъ, легко можетъ разстроиться за выбытіемъ кого либо изъ присяжныхъ по болѣзни или иной причинѣ, препятствующей исполненію его обязанностей. Въ такомъ случаѣ, съ назначеніемъ новаго присяжнаго, на мѣсто выбывшаго до рѣшенія дѣла, нужно было бы возобновлять судебное слѣдствіе съ самаго начала и повторять происходившія уже пренія. Но повтореніе судебнаго слѣдствія весьма тягостно для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, для свидѣтелей и даже для самихъ судей, сопряжено съ потерею времени и съ излишними судебными издержками, а что важнѣе всего, оно ослабляетъ вниманіе къ дѣлу и торжественность установленныхъ формъ и обрядовъ. Во избѣжаніе возобновленія слѣдствія по случаю выбытія кого либо изъ присяжныхъ, коммисія признала нужнымъ постановить, что по вынутіи жребія 12 засѣдателямъ, составляющимъ присутствіе присяжныхъ, вынимается жребій 2 запаснымъ засѣдателямъ, которые находятся въ судебномъ засѣданіи вмѣстѣ съ комплектными присяжными и, за выбытіемъ кого либо изъ сихъ послѣднихъ, поступаютъ въ комплектъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ имена ихъ были вынуты по жребію.

О способахъ возстановленія порядка, нарушеннаго при составленіи присутствія присяжныхъ (ст. 598 и 599).

По пятому вопросу въ коммисіи произошло разногласіе:

Мнѣніе восьми членовъ.

Восемь членовъ (Баршевскій, Вилинбаховъ, Гуринъ, Зарудный, Квистъ, Принцъ, Ровинскій и Рѣпинскій) находятъ, что постановлять правило, какъ надлежитъ поступать, когда при составленіи присутствія присяжнымъ сдѣлано будетъ отступленіе отъ установленнаго порядка, оказывается излишнимъ по слѣдующимъ причинамъ:

1) Говорить въ уставѣ о возстановленіи пред-

сѣдателемъ нарушеннаго порядка не представляется основанія, такъ какъ само собою разумѣется, что если порядокъ нарушенъ, то онъ и долженъ быть возстановленъ, и тѣмъ болѣе, что въ уставѣ судоустройства должно быть сказано вообще объ обязанности предсѣдателя наблюдать за сохраненіемъ порядка въ судѣ и всѣхъ установленныхъ правилъ.

2) Точно также не представляется основанія говорить въ уставѣ о томъ, что предсѣдатель объявляетъ во всеуслышаніе о происшедшемъ отступленіи отъ установленныхъ правилъ составленія присутствія присяжныхъ, такъ какъ во 1-хъ, составленіе присутствія присяжныхъ будетъ производиться гласно, и слѣдовательно и измѣненіе составившагося присутствія будетъ произведено гласнымъ же образомъ, въ виду и подсудимаго и обвинителя, и во 2-хъ, если и допустить мысль, что, при несуществованіи этого правила, предсѣдатель можетъ дозволить себѣ тайно сдѣлать распоряженіе о перемѣнѣ состава присутствія присяжныхъ, то все таки подобное распоряженіе не останется тайною, ибо и обвинитель и подсудимый тотчасъ же замѣтятъ происшедшую перемѣну и затѣмъ, слѣдовательно, могутъ потребовать объясненія оной, а если не удовлетворятся этимъ объясненіемъ, то и потребовать возстановленія прежняго состава; при неудовлетвореніи же того или другаго изъ этихъ требованій, за ними останется право просить о кассаціи рѣшенія, постановленнаго внѣ законнаго порядка.

3) Правило объ отложеніи разсмотрѣнія дѣла до слѣдующаго періода засѣданія въ томъ случаѣ, если не послѣдуетъ обоюднаго согласія, какъ подсудимаго, такъ и прокурора или частнаго обвинителя, на вынутіе новаго жребія; весьма вредно въ томъ отношеніи: а) что напримѣръ если частный обвинитель хочетъ продлить тяжесть положенія обвиняемаго, отъ нахожденія его подъ судомъ и, быть можетъ, подъ стражей, то ему стоитъ только отказать въ своемъ согласіи на вынутіе новаго жребья и тогда желаніе его исполнится: разсмотрѣніе дѣла будетъ отложено до слѣдующаго періода, и б) что если подсудимый, боясь наказанія, пожелаетъ отдалить

его, то сказаннымъ правиломъ дается ему одно изъ средствъ къ этому, т. е. онъ можетъ заставить судъ отложить разсмотрѣніе дѣла до слѣдущаго періода засѣданій неизъявленіемъ съ своей стороны согласія на вынутіе новаго жребія.

По симъ основаніямъ *восемь членовъ* полагаютъ статьи 598 и 599 исключить изъ проекта.

Мнѣніе большинства.

Восемнадцать членовъ (Буцковскій, Бычковъ, Даневскій, Есиповичъ, Зубовъ, Калачевъ, Кнпримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Розовъ, Романовскій, Спасовичъ, Чемадуровъ и Шечковъ) находятъ, что при составленіи присутствія присяжныхъ всякое отступленіе отъ установленнаго порядка и всякая ошибка имѣютъ по своимъ послѣдствіямъ столь важное значеніе, что способы возстановленія порядка или исправленія ошибки не могутъ быть предоставлены на усмотрѣніе суда и тѣмъ менѣе предсѣдателя, но должны быть опредѣлены закономъ. Если по каждому изъ этихъ поводовъ судъ будетъ имѣть право уничтожать дѣйствительность вынутаго жребія и производить его вновь, то образовавшееся такимъ образомъ присутствіе присяжныхъ не будетъ представлять никакихъ гарантій въ томъ, что на составъ его не имѣлъ вліянія предсѣдатель суда, отъ котораго зависитъ соблюденіе порядка и недопущеніе ошибокъ при вынутіи жребія присяжнымъ. Кромѣ того, при возобновленіи жребія, каждая сторона будетъ имѣть въ виду первоначальные отводы и можетъ отводить тѣхъ засѣдателей, къ которымъ противная сторона заявила уже свое довѣріе, и, наоборотъ, удерживать тѣхъ, которые противною стороною были отводимы, а такія комбинаціи, какъ основанныя только на противодѣйствіи одною стороною другой, а не на дѣйствительныхъ поводахъ къ подозрѣнію, могутъ препятствовать правильному составу присутствія присяжныхъ. По вышеизложеннымъ соображеніямъ *восемнадцать членовъ* полагаютъ постановить слѣдующія правила:

Когда при составленіи присутствія присяжныхъ замѣчено будутъ отступленіе отъ установленныхъ для сего правилъ, или окажется какая либо ошибка, то предсѣдатель суда объявляетъ

о томъ во всеуслышаніе, и немедленно возстановляетъ нарушенный порядокъ, если это возможно, безъ вынутія новаго жребія.

Къ вынутію новаго жребія, по случаю замѣченной ошибки въ прежнемъ, предсѣдатель суда приступаетъ не иначе, какъ по обоюдному согласію на то подсудимаго и прокурора или частнаго обвинителя. Если такого согласія не послѣдуетъ, то судъ отлагаетъ разсмотрѣніе дѣла до слѣдующаго періода засѣданій.

О предоставленіи одному и тому же присутствію присяжныхъ разсмотрѣнія нѣсколькихъ дѣлъ (ст. 600).

По шестому вопросу въ коммисіи также произошло разногласіе:

Мнѣніе десяти членовъ.

Десять членовъ (Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Даневскій, Зарудный, Крейтеръ, Розовъ, Спасовичъ и Чемадуровъ) находятъ, что предоставленіе одному и тому же присутствію присяжныхъ рѣшенія нѣсколькихъ дѣлъ сряду, безъ вынутія по каждому дѣлу особаго жребія, есть коренное измѣненіе не въ образѣ дѣйствія, но въ самой идеѣ суда присяжныхъ, отличающагося отъ постояннаго суда именно тѣмъ, что присутствіе присяжныхъ составляется изъ представителей общества по жребію, *для каждаго дѣла въ особенности*, при широкомъ правѣ отвода, предоставленномъ сторонамъ. Поэтому обращеніе суда присяжныхъ въ постоянное присутствіе для нѣсколькихъ дѣлъ не можетъ не ослабить тѣхъ преимуществъ, которыя имѣютъ судъ присяжныхъ предъ судомъ постояннымъ. Напрасно думаютъ, что стороны не лишатся никакихъ гарантій, если мѣра эта будетъ принимаема не иначе, какъ съ ихъ согласія. Подсудимый, которому сдѣлано предложеніе принять состоявшееся по предъидущему дѣлу присутствіе присяжныхъ, безъ вынутія новаго жребія, имѣетъ въ виду: во 1-хъ, что этого желаютъ судьи, какъ для сокращенія продолжительности засѣданія, такъ и для скорѣйшаго разрѣшенія дѣлъ, назначенныхъ къ слушанію въ извѣстный періодъ времени, отъ чего зависитъ скорѣйшее возвращеніе судей въ мѣсто постояннаго пребыванія суда изъ тѣхъ уѣздовъ, гдѣ за-

сѣданія открываются временно; во 2-хъ, что того же желаютъ и присяжные засѣдатели, которые еще болѣе судей заинтересованы въ сокращеніи періода засѣданій, и въ 3-хъ, что отказываясь отъ принятія прежняго присутствія присяжныхъ, подсудимый изъявляетъ тѣмъ недовѣріе къ лицамъ, изъ коихъ многіе могутъ поступить въ составъ новаго присутствія, и безпокоитъ остальныхъ, которые при большемъ довѣріи его къ присяжнымъ были бы свободны отъ присутствія въ теченіе цѣлаго дня. Зная все это, едва ли подсудимый дерзнетъ требовать вынутія жребія новому присутствію присяжныхъ, потому что можетъ, не безъ причинъ, опасаться навлечь на себя неудовольствіе тѣхъ лицъ, отъ которыхъ зависитъ рѣшеніе его участи. Законъ, предоставляющій подсудимому такую гарантію, которою онъ не можетъ пользоваться, даруетъ мертворожденное право—право, существующее только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности. Впрочемъ, если бы подсудимые не требовали вынутія жребія новому присутствію присяжныхъ дѣйствительно потому, что они имѣютъ искреннее довѣріе къ присяжнымъ, рѣшавшимъ предшествовавшія дѣла, то и въ такомъ случаѣ подобной сдѣлки не слѣдовало бы допускать, собственно для огражденія правосудія. Удержаніе присяжныхъ въ засѣданіи, для рѣшенія нѣсколькихъ дѣлъ сряду, должно имѣть неминуемымъ послѣдствіемъ, что присяжные будутъ разсматривать послѣднее дѣло далеко не съ тѣмъ вниманіемъ, съ какимъ они разсматривали первое, и станутъ путаться въ своихъ соображеніяхъ, смѣшивая обстоятельства одного дѣла съ обстоятельствами другаго. Такое положеніе присяжныхъ тѣмъ опаснѣе для правосудія, что они, въ большей части случаевъ, не въ состояніи были бы вкравшуюся въ ихъ понятія сбивчивость разъяснить разсмотрѣніемъ письменнаго производства, если бы даже оно и находилось у нихъ подъ рукою, по той простой причинѣ, что большинство ихъ конечно будетъ состоять изъ людей необразованныхъ или даже неграмотныхъ. Это опасеніе такъ серьезно, что едва ли можно пренебречь имъ изъ одного желанія сократить продолжительность засѣданій.

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ *десять членовъ* не считаютъ возможнымъ принять за правило, что присяжные, избранные для рѣшенія одного дѣла, могутъ оставаться присяжными и по другимъ дѣламъ, назначеннымъ къ слушанію въ томъ же засѣданіи, безъ вынутія новаго жребія, если стороны изъявятъ на то свое согласіе.

Мнѣніе большинства.

Шестнадцать членовъ (Баршевскій, Есиповичъ, Зубовъ, Калачевъ, Квистъ, Книримъ, Ковалевскій, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Принтцъ, Ровинскій, Романовскій, Рѣпинскій и Шечковъ) находятъ, что предоставленіе одному и тому же присутствію присяжныхъ разсмотрѣнія нѣсколькихъ дѣлъ сряду, безъ вынутія по каждому изъ нихъ особаго жребія, нисколько не влечетъ за собою кореннаго измѣненія идеи суда присяжныхъ.—Существенное отличіе суда присяжныхъ отъ суда постояннаго заключается не въ составленіи для каждаго дѣла особаго присутствія присяжныхъ, при широкомъ правѣ отвода, но въ произнесеніи приговора представителями общества. Право отвода составляетъ конечно одно изъ обезпеченій для подсудимаго, но въ сущности оно остается одинаково непоколебимымъ и при порядкѣ, предлагаемомъ большинствомъ членовъ.

Соглашаясь принять тотъ же самый составъ присяжныхъ, подсудимый отказывается тѣмъ отъ предоставленнаго ему права отвода, какъ нерѣдко онъ откажется отъ него и при вынутіи жребія, когда не будетъ имѣть причинъ подозрѣнія на кого либо изъ присяжныхъ.—Такимъ образомъ настоящій вопросъ не имѣетъ того важнаго значенія, на которое указываютъ десять членовъ, и сводится къ вопросу объ удобствѣ. Въ этомъ отношеніи, какъ заявляютъ и десять членовъ, предлагаемая большинствомъ мѣра поведетъ къ значительному сокращенію времени судебныхъ засѣданій и самыхъ сессій, и, слѣдовательно, уменьшитъ время отлучки присяжныхъ изъ своихъ мѣстъ жительства и отъ постоянныхъ своихъ занятій. Практическая польза этого правила сдѣлается еще болѣе несомнѣнна, если принять во вниманіе, что у насъ по значитель-

нымъ разстояніямъ, по малонаселенности и по относительно небольшому числу лицъ, способныхъ нести обязанности присяжныхъ, особенно желательно облегчить тягости этой новой повинности. Нельзя предположить, чтобы подсудимый, если онъ имѣетъ причины подозрѣнія на одного изъ присяжныхъ, отказался бы отъ своего права просить о перемѣнѣ ихъ состава изъ одного опасенія раздражить тѣмъ судей и присяжныхъ. При довѣріи къ суду, такое опасеніе не можетъ имѣть мѣста. Противъ предлагаемой большинствомъ мѣры возражаютъ еще тѣмъ, что присяжные будто бы не въ состояніи съ одинаковымъ вниманіемъ рѣшить нѣсколько дѣлъ къ ряду. Но при такомъ предположеніи слѣдовало бы вообще запретить и по жребію призывать одного и того же присяжнаго къ разрѣшенію нѣсколькихъ дѣлъ въ одно засѣданіе. Если же небояться какъ въ этомъ, такъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда производство дѣла займетъ безъ перерыва цѣлое, а иногда и нѣсколько засѣданій, утомить вниманіе присяжныхъ, то тѣмъ менѣе можно предположить такое утомленіе въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжные будутъ имѣть нѣкоторый отдыхъ въ теченіи того времени, которое пройдетъ между произнесеніемъ ими приговора по одному и началомъ судебнаго слѣдствія по другому дѣлу. Задача присяжныхъ въ этихъ случаяхъ будетъ легче уже по той причинѣ, что въ одно засѣданіе могутъ быть разрѣшены только нѣсколько такихъ дѣлъ, обстоятельства которыхъ ясны и несложны, такъ что обсужденіе ихъ не потребуетъ отъ присяжныхъ напряженнаго вниманія.

На основаніи этихъ соображеній и имѣя въ виду, что подобное правило существуетъ съ 1845 г. въ Пруссіи, и, сколько извѣстно, не вызвало тамъ никакихъ опасныхъ послѣдствій, *шестнадцать членовъ* полагаютъ установить, что присяжные, вызванные для рѣшенія перваго дѣла, съ согласія сторонъ могутъ оставаться присяжными и по другимъ дѣламъ, назначеннымъ къ разсмотрѣнію въ томъ же засѣданіи, безъ вынутія новаго жребія.

О распространеніи присяги засѣдателей на сохраненіе тайны ихъ совѣщаній.

По седьмому вопросу послѣдовали то же разныя мнѣнія:

Мнѣніе пяти членовъ.

Пять членовъ (Даневскій, Есиповичъ, Квистъ, Поповъ и Шечковъ) объяснили нижеслѣдующее:

Одинъ изъ важнѣйшихъ интересовъ каждаго благоустроеннаго общества заключается, безъ сомнѣнія, въ томъ, чтобъ уголовныя дѣла рѣшались, безъ всякаго посторонняго вліянія на судей, чтобъ судьи, при постановленіи приговоровъ, отъ которыхъ зависятъ свобода, честь и жизнь гражданъ, руководствовались только справедливостью, закономъ и своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ, а не тѣмъ, чего хотятъ или не хотятъ тѣ или другія посторонніе лица. Такого результата современныя законодательства стараются достигнуть, ставя судей въ положеніе самостоятельное и независимое, дѣлая ихъ несмѣняемыми. Но такой способъ не приложимъ къ присяжнымъ, которые, по самому назначенію своему, являются въ судъ только временно, рѣшаютъ нѣсколько дѣлъ и опять возвращаются въ ту среду, изъ которой вышли на самый короткій срокъ. Возвращаясь въ эту среду, послѣ произнесенія нѣсколькихъ приговоровъ, они могутъ опасаться самыхъ гибельныхъ для себя послѣдствій отъ ненависти и мести тѣхъ, противъ кого произнесли они приговоры, или отъ родственниковъ и друзей осужденныхъ ими преступниковъ, если симъ послѣднимъ будетъ извѣстно, кто именно произнесъ роковое *виноватъ*. Возможность такой ненависти и такой мести не подлежитъ никакому сомнѣнію нетолько въ нашемъ народѣ, но и въ другихъ гораздо болѣе развитыхъ обществахъ. Какой же свободы въ мнѣніяхъ можно ожидать отъ присяжныхъ, когда они, произнося обвинительное *да* противъ преступника, должны опасаться, что этимъ вызовутъ ненависть и месть противъ себя, своей семьи и своего имущества? Боязнь нашего народа навлечь на себя мщеніе преступника, за выдачу его полиціи или суду, до того извѣстна, что распространяться о ней было бы совершенно излишне. Этою боязнію объясняется то, что извѣстный всему околодку и тягостный для него конокрадъ,

или иной воръ, спокойно продолжаетъ свое ремесло, а попавши случайно подъ слѣдствіе, почти всегда одобряется ненавидящими его, но страшащимися его мести окольными жителями. Эта же боязнь заставитъ и присяжныхъ засѣдателей оправдывать самыхъ отъявленныхъ негодяевъ, если присяжные не будутъ убѣждены въ томъ, что тайна поданныхъ ими голосовъ будетъ сохранена ненарушимо.

Въ необходимости сохраненія этой тайны никто изъ членовъ коммисіи не возбуждалъ сомнѣнія; напротивъ коммисія долго старалась пріискать такой способъ подачи голосовъ, который сдѣлалъ бы даже невозможнымъ обнаруженіе того, кто изъ присяжныхъ далъ какое мнѣніе; но старанія коммисіи не могли въ этомъ случаѣ увѣнчаться успѣхомъ, потому что такой способъ рѣшительно невозможенъ, такъ какъ присяжнымъ нельзя приступать къ подачѣ голосовъ, какимъ бы способомъ ни было, безъ предварительнаго между собою совѣщанія, при которомъ невозможно скрыть, кто какого мнѣнія.

Неуспѣвъ пріискать такой способъ подачи голосовъ, которымъ можно было бы скрыть мнѣніе каждаго изъ присяжныхъ, коммисія нашла необходимымъ назначить штрафъ отъ 10 руб. до 100, за оглашеніе поданныхъ присяжными голосовъ; но и это средство едвали можно считать вполнѣ достаточнымъ, ибо подобныя разглашенія будутъ дѣлаться всегда втайнѣ и открыть виновныхъ въ нихъ почти никогда не удастся. Слѣдовательно и это средство не можетъ служить для присяжныхъ вѣрнымъ ручательствомъ въ томъ, что тайна поданныхъ ими голосовъ не будетъ нарушена.

Остается одно средство, употребляемое уже нѣкоторыми законодательствами, напримѣръ женевскимъ, требовать отъ присяжныхъ клятвы въ томъ, что они сохранятъ тайну о голосахъ, поданныхъ ими.

Противъ этого средства были заявлены только три возраженія: 1) что подобная клятва относится не къ существу обязанностей присяжныхъ рѣшить дѣло добросовѣстно, а къ предмету второстепенному; 2) что подобная клятва не удержитъ отъ нарушенія ея того, кто не убѣжденъ

въ святости присяги вообще, и 3) что требованіе подобной клятвы поведетъ къ клятвопреступленію.

Противъ перваго изъ этихъ возраженій нельзя не замѣтить, что сохраненіе въ тайнѣ голосовъ, поданныхъ присяжными, составляетъ такую существенную для нихъ обязанность, безъ исполненія которой нельзя надѣяться отъ нихъ и добросовѣстныхъ, свободныхъ приговоровъ, но можно ожидать только приговоровъ, постановленныхъ подъ вліяніемъ страха и боязни мести отъ лицъ, подлежащихъ осужденію.

Второе возраженіе о томъ, что клятва неудержитъ отъ нарушенія ея того, кто не вѣритъ ея святости, въ равной степени относилось бы и къ клятвѣ, требуемой отъ присяжныхъ въ томъ, что они рѣшатъ дѣло добросовѣстно; но къ счастію это возраженіе нигдѣ не считается достаточнымъ для того, чтобъ отмѣнить вовсе присягу, по относительно ничтожному числу тѣхъ личностей, которыя имѣли несчастіе разрушить въ себѣ вѣру въ Бога и убѣдиться въ возможности призывать напрасно Его имя въ свидѣтельство и подтвержденіе того, чего они не намѣрены исполнять. У насъ это возраженіе имѣетъ еще менѣе значенія, нежели гдѣ бы то ни было.

Третье возраженіе, что подобная клятва можетъ быть поводомъ къ клятвопреступленію, едвали необходимо и опровергать, потому, что допустивъ, на основаніи его, отмѣну присяги, можно было бы доказывать, что слѣдуетъ отмѣнить всѣ законы, нарушеніе которыхъ можетъ вести къ преступленію. А какъ нарушеніе важнѣйшихъ законовъ, безъ которыхъ невозможно существованіе никакого человѣческаго общества, составляетъ самыя тяжкія преступленія, то по этой теоріи пришлось бы прежде всего отмѣнить именно тѣ законы, безъ которыхъ жить невозможно.

Такимъ образомъ, не находя другаго средства обезпечить ненарушимость тайны подачи голосовъ присяжными, безъ которой нельзя ожидать ни свободы въ мнѣніяхъ присяжныхъ, ни правильности въ ихъ приговорахъ, *пять членовъ* полагаютъ необходимымъ постановить, что присяжные засѣдатели, вмѣстѣ съ клятвеннымъ обѣ-

щаніемъ рѣшить дѣло по совѣсти, даютъ клятву и въ томъ, что ими будетъ ненарушимо сохранена тайна о голосахъ, поданныхъ присяжными.

Мнѣніе большинства.

Двадцать одинъ членъ (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Зарудный, Зубовъ, Калачевъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Принтцъ, Ровинскій, Розовъ, Романовскій, Рѣпинскій, Спасовичъ и Чемадуровъ) находятъ, что хотя принятіе присяги можетъ удержать отъ нарушенія тѣхъ обязанностей, въ соблюденіи коихъ дано клятвенное обѣщаніе, однако средство это не должно быть употребляемо безразлично, для огражденія ненарушимости всякаго рода обязанностей. Святость присяги требуетъ, чтобы она только при явной въ томъ необходимости противопоставлялась житейскимъ расчетамъ и соблазнамъ, надъ которыми преобладаніе ея несомнѣнно лишь у людей крѣпкихъ вѣрою. Распространяя употребленіе присяги, для побужденія гражданъ къ исполненію ихъ обязанностей, законодатель вмѣстѣ съ тѣмъ распространялъ бы и случаи усугубленія одного беззаконія другимъ и при томъ такимъ, которое имѣетъ самое разрушительное вліяніе на нравственность человѣка. Понятно по этому, что употребленіе присяги должно быть, по возможности, ограничено только тѣми случаями, когда по внѣшней сторонѣ дѣйствій, исполняемыхъ подъ присягою, невозможно удостовѣриться, исполнилъ ли человѣкъ свои обязанности добросовѣстно, т. е. когда никакая другая санкція, кромѣ религіозной, невозможна. Въ такомъ именно положеніи находятся присяжные. Существо ихъ обязанностей состоитъ во внимательномъ разсмотрѣніи дѣла и въ рѣшеніи его по совѣсти. Но ни степень вниманія къ дѣлу, ни добросовѣстность рѣшенія не имѣютъ никакого внѣшняго мѣрила на судѣ присяжныхъ, которые не приводятъ основаній своему мнѣнію и постановляютъ его исключительно по внутреннему своему убѣжденію, не стѣсняясь никакою теоріею доказательствъ. Слѣдовательно, въ исполненіи присяжными своего долга можетъ служить гарантіею только религіозная санкція.

Не должно однако изъ этого выводить, что присягою слѣдуетъ укрѣплять исполненіе всѣхъ обязанностей присяжнаго. Желательно, чтобы присяжные не разглашали тайны ихъ совѣщаній, т. е. кѣмъ изъ нихъ голосъ поданъ въ пользу подсудимаго и кѣмъ противъ него. Но нарушеніе этой тайны можетъ быть обнаружено и доказано, почему и огражденіемъ ей могутъ служить обыкновенныя мѣры взысканія или наказанія. Укрѣпленіе присягою соблюденія такого правила, нарушеніе котораго только въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ причинить вредъ, уронило бы святость присяги и, сверхъ общаго зла, происходящаго отъ распространенія присяги, имѣло бы то вредное послѣдствіе, что такимъ образомъ вовлекались бы въ клятвопреступленіе люди честные, но невоздержные на языкъ. Для простолюдина засѣданіе въ судѣ съ властію присяжнаго будетъ такимъ необыкновеннымъ въ его жизни событіемъ, что едва ли можно надѣяться, чтобы онъ, по возвращеніи къ домашнему очагу, не проронилъ лишняго словечка на нескромные вопросы его семейныхъ.

По вышеизложеннымъ соображеніямъ *двадцать одинъ членъ* не признаютъ возможнымъ распространить присягу, требуемую отъ присяжныхъ, на сохраненіе тайны ихъ совѣщаній.

О случаяхъ привода засѣдателей къ присягѣ не духовнымъ лицомъ, но предсѣдателемъ суда (ст. 606).

По восьмому вопросу коммисія находила, съ одной стороны, что нѣтъ никакого основанія устранять лицъ неправославнаго исповѣданія отъ исполненія обязанностей присяжныхъ засѣдателей по дѣламъ, не заключающимъ въ себѣ преступленій противъ вѣры, а съ другой, что нѣтъ возможности имѣть подъ рукою священнослужителей иностранныхъ исповѣданій во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будутъ происходить судебныя засѣданія съ присяжными. По этому нельзя недопустить, чтобы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ неокажется духовнаго лица иностраннаго исповѣданія, къ коему принадлежатъ присяжные, приводилъ ихъ къ присягѣ предсѣдатель суда. Форма присяги для лицъ иностранныхъ исповѣданій должна быть согласована съ догматами и обрядами ихъ вѣры, по сношеніи объ этомъ министра юстиціи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающимъ дѣлами иностранныхъ исповѣданій.

О внушеніи присяжнымъ со стороны духовнаго лица, приводящаго ихъ къ присягѣ, святости клятвеннаго обѣщанія (ст. 603).

По девятому вопросу коммисія замѣтила, что духовное лицо, приводящее присяжныхъ засѣдателей къ присягѣ, можетъ и должно внушить имъ святость клятвеннаго обѣщанія; но едва ли можно возложить на него объясненіе присяжнымъ ихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности. Такое объясненіе не принадлежитъ къ числу религіозныхъ наставленій, приличныхъ священнослужителю, и можетъ быть сдѣлано удовлетворительнѣе предсѣдателемъ суда, которому судебный порядокъ болѣе извѣстенъ, чѣмъ священнику и который долженъ наблюдать, чтобы присяжные пользовались своими правами, и исполняли свои обязанности.

О объясненіи предсѣдателемъ суда присяжнымъ ихъ правъ, обязанностей и отвѣтственности (ст. 609, 613 и 614).

По десятому вопросу коммисія признала полезнымъ предупреждать присяжныхъ, что они не должны ни отлучаться изъ залы засѣданія, ни входить въ какія либо сношенія съ участвующими въ дѣлѣ лицами или съ свидѣтелями, подъ страхомъ подвергнуться, за отступленіе отъ этого правила, устраненію отъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія дѣла и денежному взысканію отъ 10 до 100 руб., а если устраненіе присяжнаго остановитъ ходъ дѣла, то и платежу издержекъ, отъ сего происшедшихъ. Но коммисія не могла придти къ соглашенію на счетъ необходимости предупреждать присяжныхъ объ исполненіи другихъ ихъ обязанностей.

О предупрежденіи присяжныхъ о послѣдствіяхъ явнаго невниманія ихъ къ дѣлу.

Такъ, относительно приглашенія присяжныхъ къ внимательному разсмотрѣнію дѣла, въ коммисіи произошли разныя мнѣнія:

Мнѣніе двѣнадцати членовъ.

Двѣнадцать членовъ (Буцковскій, Зубовъ, Ковалевскій, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Принтцъ, Розовъ, Романовскій, Спасовичъ и Чемадуровъ) находятъ, что большинство народонаселенія, изъ котораго будутъ избираемы нами присяжные, стоитъ на такой низкой степени цивилизаціи, что ни наставленіе, какъ присяжные должны исполнять свои обязанности, ни предупрежденіе ихъ о послѣдствіяхъ нарушенія этихъ обязанностей, не можетъ быть почитаемо излишнимъ. Наши русскіе простолюдины, и въ осо-

бенности неграмотные, такъ мало еще привыкли къ сосредоточенію вниманія на одномъ предметѣ и, вообще, къ умственному труду, что имъ нужно будетъ употреблять особенныя усилія, чтобы на скамьѣ присяжныхъ слѣдить внимательно за дѣломъ и не развлекаться внѣшнею обстановкою публичнаго засѣданія или разговорами о посторонннихъ предметахъ. Между тѣмъ рѣшеніе дѣла по совѣсти требуетъ глубокаго вниканія во всѣ его обстоятельства, почему разсѣянность присяжныхъ можетъ имѣть самыя пагубныя послѣдствія для правосудія. Кромѣ того, случаи явнаго невниманія присяжныхъ, обнаружившіеся публично, неминуемо подорвутъ довѣріе къ этому учрежденію. Для предупрежденія подобныхъ случаевъ, нельзя даже считать достаточнымъ одного наставленія, даваемаго присяжнымъ при открытіи судебнаго засѣданія. Предсѣдатель суда долженъ зорко слѣдить за дѣйствіями присяжныхъ и обращать ихъ къ порядку всякій разъ, когда замѣтитъ невниманіе ихъ къ дѣлу; при недѣйствительности же этой мѣры, ему остается только прервать на время засѣданіе съ отнесеніемъ на счетъ виновныхъ тѣхъ издержекъ, которыя причинены будутъ вызваннымъ въ судъ лицамъ отсрочкою засѣданія. Нѣтъ сомнѣнія, что напоминанія предсѣдателя суда окажутся дѣйствительнѣе, когда при самомъ открытіи засѣданія поставлены будутъ присяжнымъ на видъ всѣ послѣдствія невнимательнаго исполненія ими своихъ обязанностей. При этомъ не излишне будетъ указать присяжнымъ, что они должны изучать дѣло исключительно по производимому предъ ними судебному слѣдствію, а не по какимъ либо другимъ источникамъ.

По вышеизложеннымъ соображеніямъ *одиннадцать членовъ* полагаютъ, что въ число правилъ, кои поставляются на видъ присяжнымъ при открытіи судебнаго засѣданія, надлежитъ включить и нижеслѣдующія:

Присяжные засѣдатели обязаны тщательно разсматривать обстоятельства дѣла по производимому предъ ними судебному слѣдствію, и терпѣливо вникать въ объясненія сторонъ, сколь бы они ни были продолжительны.

Если предсѣдатель суда замѣтитъ невниманіе присяжныхъ къ дѣлу, то приглашаетъ ихъ къ порядку, а если эта мѣра окажется недѣйствительною, то прерываетъ засѣданіе или откладываетъ его до слѣдующаго дня. Подавшіе поводъ къ отсрочкѣ засѣданія подвергаются платежу происшедшихъ отъ того издержекъ для вызванныхъ къ суду лицъ.

Мнѣніе большинства.

Четырнадцать членовъ (*Баршевскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Даневскій, Зарудный, Калачевъ, Квистъ, Книримъ, Крейтеръ, Поповъ, Ровинскій, Рѣпинскій и Шечковъ*), нисколько не отвергая ни того, что присяжные засѣдатели обязаны тщательно разсматривать обстоятельства дѣла и терпѣливо вникать въ объясненія сторонъ, ни того, что предсѣдатель, въ случаѣ замѣченнаго невниманія ихъ, приглашаетъ къ порядку и даже откладываетъ засѣданіе,—признаютъ однакоже неудобнымъ включать подробныя правила о семъ въ уставъ судопроизводства, который долженъ опредѣлить одно главнѣйшее, а не вмѣщать въ себѣ такія правила, которыя относятся лишь къ порядку исполненія общихъ законовъ. Достаточно общаго правила, что предсѣдатель объясняетъ присяжнымъ ихъ права и обязанности. Нѣтъ сомнѣнія, что предсѣдатель, обязанный охранять въ судѣ предписанный законами и наказами порядокъ по дѣлопроизводству вообще, и при разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ, не упуститъ сдѣлать присяжнымъ напоминаніе о вниманіи и пригласить къ порядку, если замѣтитъ противное, и даже закрыть и отсрочить засѣданіе въ случаѣ чрезвычайномъ; но помѣщеніе правилъ о семъ въ уставѣ, съ одной стороны, наполнило бы его статьями излишними, которыя сами по себѣ разумѣются и могутъ быть приличны развѣ въ подробныхъ наказахъ, а съ другой—оно и неблаговидно: законодатель, установляя судъ присяжныхъ, какъ бы заблаговременно объявляетъ уже и недовѣріе къ нимъ, не ожидаетъ отъ нихъ ни вниманія, ни порядка.

По сему *четырнадцать членовъ* полагаютъ не включать въ проектъ предлагаемыхъ меньшинствомъ правилъ.

О предупрежденіи присяжныхъ на счетъ сохраненія тайны ихъ совѣщаній (ст. 615).

Относительно предупрежденія присяжныхъ о неразглашеніи ими тайной подачи голосовъ, по которымъ состоялось ихъ рѣшеніе, и о наложеніи взысканія на лица, нарушившія эту тайну, въ коммисіи также произошло разномысліе:

Мнѣніе восьми членовъ.

Восемъ членовъ (Бычковъ, Зарудный, Калачовъ, Книрим̀ъ, Крейтеръ, Ровинскій, Рѣпинскій и Шечковъ) находятъ, что правило о сохраненіи тайны совѣщаній присяжныхъ, и кто изъ нихъ былъ за и кто противъ подсудимаго, выставляется необходимымъ для защиты присяжныхъ отъ мести родственниковъ или близкихъ подсудимому людей, или даже самого подсудимаго, за подачу голоса противъ него. Но опасеніе такой мести едвали имѣетъ твердое основаніе. Если месть эта возможна противъ присяжныхъ, то она точно также должна бы быть возможна и противъ судей, рѣшающихъ дѣло безъ присяжныхъ, однако не признано нужнымъ помѣстить въ проектѣ правило, что голоса судей по дѣлу должны оставаться втайнѣ. Послѣдствія же рѣшенія судей могутъ быть тяжелѣе для подсумаго рѣшенія присяжныхъ, и потому скорѣе вызвать месть съ его стороны, напр. для простолюдина тяжелѣе просидѣть годъ въ мѣстѣ заключенія, чѣмъ быть ограниченнымъ въ правахъ состоянія и высидѣть три мѣсяца. Точно также месть должна бы быть возможною и въ отношеніи къ мировымъ судьямъ, т. е. такимъ судьямъ, тяжесть рѣшенія которыхъ подсудимые не могутъ приписать никому другому, какъ именно извѣстнымъ имъ лицамъ; однако противъ этой мести не постановляется въ уставѣ судопроизводства никакихъ правилъ.

Кромѣ того, если подсудимый захочетъ мстить присяжному, за поданное противъ него мнѣніе, то ему не трудно доискаться и того, кто именно далъ это мнѣніе: ибо если и будетъ существовать правило 615 статьи, то все же нельзя ручаться, чтобы оно не могло быть нарушено, и чтобы тайна совѣщаній присяжныхъ не была разсѣяна, такъ какъ съ одной стороны весьма не легко будетъ обнаружить, кто именно изъ 12 присяжныхъ, бывшихъ въ засѣданіи, нарушилъ эту тайну, а съ другой установляемый статьею

штрафъ вовсе не такъ значителенъ, чтобы платящій его не могъ быть вознагражденъ вдесятеро, или болѣе разъ, за рѣшимость свою ему подвергнуться.

По симъ основаніямъ *восемь членовъ* полагаютъ ст. 615, о сохраненіи тайны поданныхъ присяжными голосовъ, изъ проекта исключить.

Мнѣніе большинства.

Восемнадцать членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Вилинбаховъ, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, Зубовъ, Квистъ, Ковалевскій, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Принцъ, Розовъ, Романовскій, Спасовичъ и Чемадуровъ) находятъ, что тайная подача голосовъ присяжными, когда дѣло рѣшено ими не единогласно, не должна быть разглашаема какъ для огражденія присяжныхъ, подавшихъ голосъ противъ подсудимаго, отъ мести со стороны его и ближайшихъ его родственниковъ или друзей, такъ и для огражденія самаго правосудія отъ постановленія присяжными рѣшенія подъ страхомъ такой мести. Необходимость сохраненія тайны поданныхъ присяжными голосовъ невозможно отвергать у насъ на Руси, гдѣ есть въ виду столько примѣровъ, что самые отъявленные злодѣи непредавались въ руки правосудія единственно изъ опасенія съ ихъ стороны мести. Если же тайну эту необходимо сохранить, то не подлежитъ сомнѣнію, что для достиженія этой цѣли должны быть приняты надлежащія мѣры: во 1-хъ, мѣра предупредительная, состоящая въ объясненіи присяжнымъ, при самомъ открытіи ихъ засѣданія, что они обязаны сохранять тайну ихъ совѣщаній, подъ страхомъ подвергнуться взысканію за ея нарушеніе, а во 2-хъ, мѣра карательная, состоящая въ наложеніи денежнаго взысканія на лица, уличенныя въ разглашеніи тайной подачи голосовъ присяжными. Не подвергать присяжныхъ взысканію за нарушеніе ими тайны ихъ голосовъ, значило бы оставить ее безъ всякаго огражденія. Подвергать присяжныхъ взысканію, за нарушеніе этой тайны, но не предупреждать ихъ о томъ значило бы подставлять имъ ловушку. Сохраненіе тайны поданныхъ голосовъ не можетъ быть почитаемо такою естественною обязанностію, которая сама собою разумѣется, а на

знаніе всѣхъ законовъ присяжными невозможно расчитывать въ томъ состояніи общества, при которомъ оказывается необходимымъ призывать къ исполненію обязанностей присяжныхъ даже лица, незнающія грамоты.

По вышеизложеннымъ соображеніямъ *восемнадцать членовъ* полагаютъ, что въ число правилъ, поставляемыхъ присяжнымъ на видъ, при открытіи ихъ засѣданія, должно быть включено и нижеслѣдующее:

Присяжные засѣдатели обязаны сохранять тайну ихъ совѣщаній и не объявлять никому, какіе голоса поданы были въ пользу или противъ подсудимаго. Нарушеніе этого правила подвергаетъ виновнаго денежному взысканію, опредѣленному въ 614-й статьѣ (отъ 10 до 100 рублей).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О порядкѣ производства судебнаго слѣдствія (ст. 616—668).

Порядокъ судебнаго слѣдствія въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части опредѣляется слѣдующими правилами:

Судебное засѣданіе по каждому дѣлу начинается чтеніемъ обвинительнаго акта (осн. пол. ч. II ст. 65).

Обнаруженныя при предварительномъ слѣдствіи доказательства повѣряются и дополняются въ судѣ: 1) разсмотрѣніемъ подлинныхъ протоколовъ объ осмотрахъ, выемкахъ, обыскахъ и другихъ письменныхъ и вещественныхъ доказательствъ, и 2) отобраніемъ показаній отъ подсудимаго, свѣдущихъ людей, свидѣтелей и участвующихъ въ дѣлѣ лицъ (ст. 66).

Свѣдущіе люди и свидѣтели, прежде допроса ихъ, приводятся къ присягѣ въ засѣданіи суда, по установленному вѣроисповѣданіемъ каждаго изъ нихъ обряду (ст. 67).

Прокурору, какъ обвинителю, противопоставляется защитникъ подсудимаго. Для полнаго, по возможности, разъясненія обстоятельствъ, служащихъ къ оправданію или обвиненію подсуди-

маго, предоставляется принимать участіе въ допросахъ и преніяхъ на судѣ прокурору, подсудимымъ, защитникамъ ихъ и лицамъ, потерпѣвшимъ отъ преступленія (ст. 68).

При развитіи вышеозначенныхъ основныхъ положеній, въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) когда подсудимый признается въ совершеніи преступленія согласно съ указаніями обвинительнаго акта, то слѣдуетъ ли продолжать судебное слѣдствіе, или можно непосредственно перейти къ заключительнымъ преніямъ?

2) надлежитъ ли дѣлать подробный допросъ подсудимому, несознающему своей вины?

3) можетъ ли судъ производить какое либо дополнительное изслѣдованіе, для повѣрки протоколовъ объ осмотрахъ и освидѣтельствованіяхъ?

4) должно ли приводить къ присягѣ всѣхъ свѣдущихъ людей, предъ начатіемъ ими осмотра или освидѣтельствованія на судѣ?

5) не слѣдуетъ ли отмѣнить формальныя ограниченія способности быть свидѣтелемъ, и допускать къ свидѣтельству и такія лица, которыя не могутъ быть допрошены подъ присягою?

6) не полезно ли будетъ примѣнить къ нашему судопроизводству принятый нѣкоторыми иностранными законодательствами порядокъ, такъ называемаго, перекреснаго допроса свидѣтелей?

7) Слѣдуетъ ли читать на судѣ актъ повальнаго обыска?

О случаяхъ, когда судебное слѣдствіе, за признаніемъ подсудимаго, не продолжается (ст. 619 и 620).

По первому вопросу коммисія приняла во вниманіе, что продолженіе судебнаго слѣдствія, не смотря на сдѣланное подсудимымъ признаніе, согласное съ указаніями обвинительнаго акта, было бы, въ бо́льшей части случаевъ, напрасною потерею времени и безполезнымъ отягощеніемъ положенія подсудимаго. Каковъ бы ни былъ подсудимый, ему во всякомъ слу́чаѣ нелегко отрѣшиться отъ себялюбивыхъ расчетовъ, для сознанія своей вины, и справедливость требуетъ, чтобы это нравственное страданіе человѣка, котораго раскаяніе вызываетъ снисхожденіе къ его винѣ, не было усугубляемо позоромъ публичнаго изслѣдованія его преступленія. Изслѣдовать то, чего не оспариваетъ подсудимый, повинившійся

въ своемъ преступленіи, позволительно только тогда, когда есть какое либо сомнѣніе на счетъ искренности или полноты признанія. По этому коммисія полагала, что признаніе подсудимаго, согласное съ указаніями обвинительнаго акта, освобождаетъ судъ отъ разсмотрѣнія другихъ доказательствъ, если продолженія слѣдствія не потребуетъ никто изъ участвующихъ въ преніяхъ и въ самомъ рѣшеніи дѣла.

О принятіи за правило, что подсудимому, несознающему своей вины, подробнаго допроса не дѣлается. (ст. 618, 621 и 622).

По второму вопросу коммисія находила, что съ принятіемъ за основаніе уголовныхъ приговоровъ не теорію доказательствъ, но внутреннее убѣжденіе судей, нѣтъ никакой надобности домогаться собственнаго признанія подсудимаго, который и при запирательствѣ его можетъ быть признанъ виновнымъ, если не представитъ ни какихъ основательныхъ опроверженій противъ обвинительныхъ уликъ. Допрашивать подсудимаго о подробностяхъ такого преступленія, въ которомъ онъ не сознается, для того, чтобы ловить его на словахъ, приводить въ смущеніе и затруднять ему дальнѣйшія объясненія, нетолько излишне, но и не сообразно съ назначеніемъ суда, который не долженъ противопоставлять себя ни одной изъ сторонъ, но обязанъ только доставить возможность каждой изъ нихъ разъяснить дѣло. Предсѣдатель суда, производя вымогательный допросъ, принимаетъ на себя характеръ обличителя, вступаетъ съ подсудимымъ въ состязаніе и невольно приходитъ въ раздраженіе, когда послѣдній обходитъ его доводы или отвѣчаетъ однимъ отрицаніемъ, которое при одностороннемъ взглядѣ на дѣло, принимается обыкновенно за упорство въ запирательствѣ. Признавая такое положеніе предсѣдателя небезопаснымъ для правосудія, въ особенности по дѣламъ, подлежащимъ суду присяжныхъ, которые всегда и вездѣ находились болѣе или менѣе подъ вліяніемъ предсѣдателя суда, коммисія признала необходимымъ постановить: во 1-хъ, что подсудимому, несознающему своей вины, дальнѣйшаго допроса не производится, но по разсмотрѣніи каждаго доказательства, предсѣдатель суда спрашиваетъ его, не имѣетъ ли онъ какихъ либо возраженій, и во 2-хъ, что молчаніе под-

судимаго на какой либо вопросъ не можетъ быть поводомъ настояній для побужденія его къ отвѣту, и не должно быть принимаемо за сознаніе имъ своей вины.

О дополнительномъ изслѣдованіи для повѣрки протоколовъ объ осмотрахъ и освидѣтельствованіяхъ (ст. 625—651).

По третьему вопросу, коммисія разсуждала, что принятое основными положеніями начало судебнаго состязанія сторонъ не исключаетъ самодѣятельности суда въ уголовномъ судопроизводствѣ и не обязываетъ его рѣшать дѣла только по тѣмъ даннымъ, которыя предъявлены сторонами, но требуетъ единственно того, чтобы по всѣмъ свѣдѣніямъ, относящимся къ дѣлу, сторонамъ предоставлена была возможность судебнаго состязанія. Задача уголовнаго суда есть открытіе въ каждомъ дѣлѣ безусловной истины. Въ стремленіи къ этой цѣли, судъ уголовный не можетъ принимать въ уваженіе желанія сторонъ,—ни того, что самъ подсудимый не хочетъ оправдывать свою невинность, ни того, что самъ обвинитель потворствуетъ виновному. По этому, если стороны не предъявили всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, которыя должны служить данными для основательнаго разрѣшенія уголовнаго дѣла, то судъ не можетъ удовлетвориться одними ихъ заявленіями, но обязанъ потребовать дополнительныхъ свѣдѣній. Если судъ признаетъ протоколъ осмотра неимѣющимъ законной достовѣрности или надлежащей полноты, а повѣрку осмотра возможною, то онъ властенъ поручить одному изъ своихъ членовъ или судебныхъ слѣдователей произвести новый осмотръ установленнымъ порядкомъ. Въ чрезвычайныхъ случаяхъ, для мѣстнаго осмотра и вообще для ближайшаго удостовѣренія въ событіи, заключающемъ въ себѣ важное преступленіе, судъ можетъ даже выѣзжать на мѣсто преступленія и открывать тамъ судебное засѣданіе. Равномѣрно судъ можетъ, для объясненія освидѣтельствованія, произведеннаго при предварительномъ слѣдствіи, вызвать въ свое засѣданіе тѣхъ, кто производилъ это освидѣтельствованіе, и потребовать отъ нихъ обстоятельнаго отчета въ ихъ дѣйствіяхъ. Нельзя также возбранить суду назначеніе новаго освидѣтельствованія или испытанія чрезъ избранныхъ имъ самимъ или указанныхъ сторонами

свѣдущихъ людей, съ тѣмъ, чтобы они производили свои дѣйствія, на сколько это возможно, въ засѣданіи суда. За представленіемъ свѣдущими людьми ихъ заключенія, имъ могутъ быть предложены вопросы не только судьями или присяжными засѣдателями, но также и сторонами, на основаніи состязательнаго порядка судопроизводства.

О приводѣ къ присягѣ свѣдущихъ людей (ст. 630).

По четвертому вопросу въ коммисіи произошло разногласіе:

Мнѣніе двухъ членовъ.

Два члена (С. Зарудный и Розовъ) объявили слѣдующее мнѣніе:

По ст. 630, свѣдущіе люди, предъ начатіемъ осмотра и освидѣтельствованія, приводятся къ присягѣ. Форма присяги для свѣдущихъ людей не проектируется, и потому неизвѣстно, въ чемъ они присягаютъ предъ осмотромъ и освидѣтельствованіемъ указанныхъ предметовъ. Если свѣдущіе люди обязываются присягать въ томъ, что они будутъ разсматривать и изслѣдовать предметъ по правиламъ науки, искусства или ремесла; то ни одинъ свѣдущій человѣкъ не въ состояніи присягнуть по совѣсти, что всѣ правила науки, искусства или ремесла ему извѣстны, и не можетъ напередъ опредѣлить, что есть въ наукѣ, или найдется въ запасѣ его свѣдѣній, такое правило, которое можетъ быть приложено къ разрѣшенію даннаго случая. Если свѣдущіе люди должны присягать въ томъ, что они будутъ разсматривать и изслѣдовать предметъ по крайнему разумѣнію, на сколько имъ извѣстны наука, искусство или ремесло, то такая присяга, не гарантируя истины, будетъ прямымъ противорѣчіемъ тому коренному началу, по которому присяжное показаніе признается болѣе достовѣрнымъ, чѣмъ безприсяжное. Если свѣдующіе люди будутъ присягать въ томъ, что обѣщаютъ изслѣдовавъ предметъ «по совѣсти», т. е. не скрывать того, что увидятъ, не разсуждать пристрастно о дѣлѣ, и прилагать всѣ усилія и извѣстные имъ лучшіе способы къ открытію истины, то въ этомъ смыслѣ присяга будетъ излишняя для всѣхъ добросовѣстныхъ свѣдущихъ людей, безполезна для людей противоположнаго

свойства, и не предотвратитъ со стороны ихъ ни злаго умысла, ни небреженія въ исполненіи своего долга. Злой умыселъ и небреженіе всего дѣйствительнѣе могутъ быть предотвращены публичностью суда и слѣдствія, отводомъ свѣдущихъ людей сторонами, предложеніемъ вопросовъ, назначеніемъ повѣрки и переосвидѣтельствованія, и отвѣтственностію по законамъ. Присяга поэтому едва ли въ состояніи сама по себѣ оказать какую либо пользу правосудію; но, возмущая совѣсть религіознаго человѣка страшной клятвой, способна стѣснить свободу всесторонняго обсужденія о предметѣ, и удержать отъ подробностей разъясненія передъ судомъ, изъ боязни погрѣшить передъ истиной. Вредъ присяги, принимаемой свѣдущими людьми, еще важнѣе можетъ отразиться на убѣжденіи присяжныхъ, кои, не довольно понимая сущность предмета изслѣдованій, нравственно обязываются принять за истину всякую ошибку въ изслѣдованіи и заключеніи присягнувшаго свѣдущаго лица, и довѣрчиво, безъ строгаго анализа обстоятельствъ, будутъ постановлять неправильный приговоръ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе опредѣляется преимущественно показаніемъ свѣдущихъ людей.

Въ виду сихъ соображеній, и не уклоняясь отъ требованія ст. 67 осн. пол., *два члена* полагаютъ, по крайней мѣрѣ, не распространять присягу за предѣлы нынѣ дѣйствующихъ законоположеній, на тѣхъ изъ свѣдущихъ людей, кои состоятъ въ государственной службѣ, и принимали присягу на ревностное и добросовѣстное отправленіе своихъ обязанностей. Это тѣмъ болѣе необходимо, что нѣкоторые изъ свѣдущихъ людей, какъ врачи и фармацевты, по точному смыслу ст. 630 проекта, принуждены будутъ принимать присягу нѣсколько разъ въ одно засѣданіе суда. Къ неудобствамъ и даже невозможности приводить къ присягѣ на судѣ всѣхъ свѣдущихъ людей относится еще и то обстоятельство, что нѣкоторые роды осмотровъ и изслѣдованій, какъ напр. микроскопическіе, производятся со всей Россіи особымъ экспертомъ, состоящимъ при медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, и въ настоя-

щее время, по рѣдкости такихъ экспертовъ и по дороговизнѣ пріобрѣтенія средствъ для подобныхъ изслѣдованій, еще не представляется возможности правильнаго производства ихъ на мѣстѣ. Химическія изслѣдованія дѣлаются въ губернскихъ городахъ мѣстными фармацевтами, подъ надзоромъ членовъ врачебныхъ управъ; но повѣрка всякаго изслѣдованія, производство изслѣдованія въ затруднительныхъ случаяхъ и переизслѣдованіе совершаются также особымъ экспертомъ, состоящимъ при медицинскомъ департаментѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, по присылаемымъ осадкамъ разложенія, или останкамъ отъ предметовъ изслѣдованія на мѣстѣ.

Мнѣніе большинства.

Двадцать четыре члена (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, М. Зарудный, Зубовъ, Квистъ, Кипримъ, Косалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Принцъ, Романовскій, Ровинскій, Рѣпинскій, Спасовичъ, Чемадуровъ и Шечковъ) находятъ, что и по дѣйствующимъ нынѣ законамъ, эксперты, предъ начатіемъ ими осмотра и освидѣтельствованія, приводятся къ присягѣ, если не состоятъ въ государственной службѣ (п. 44 прилож. къ ст. 2 четвертаго продолж. XV т. свод. зак. № 2). Форма клятвеннаго обѣщанія одинакова какъ для свидѣтелей, такъ и для экспертовъ, и хотя она не помѣщена въ сводѣ законовъ, однако общеизвѣстна въ практикѣ (*). Существо этой присяги состоитъ въ обѣщаніи показать самую сущую правду, не наровя ни въ какую сторону. Было бы излишне распространяться о томъ, что присяга экспертовъ составляетъ полезную для правосудія гарантію. Чтобы убѣдиться въ этомъ, не

(*) Форма клятвеннаго обѣщанія: «Я нижеподписавшійся, обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ, предъ Святымъ его Евангеліемъ и Животворящимъ Крестомъ Господнимъ, въ томъ, что по дѣлу, по которому я во свидѣтельство призванъ и спрашиванъ буду, покажу самую сущую правду, не наровя ни въ какую сторону, ни для вражды, дружбы, родства, корысти, ниже страха ради сильныхъ лицъ, но такъ какъ предъ Богомъ и Судомъ его страшнымъ въ томъ отвѣтъ дать могу; въ чемъ мнѣ Господь Богъ душевно и тѣлесно да поможетъ. Въ заключеніе же сей моей клятвы цѣлую слова и Крестъ Спасителя моего. Аминь.

для чего прибѣгать къ теоретическимъ доводамъ, а стоитъ только обратить вниманіе на то, что присяга экспертовъ есть общепринятый въ европейскихъ законодательствахъ обрядъ, и что еще недавно наше законодательство въ наказѣ судебнымъ слѣдователямъ утвердило этотъ обрядъ, не смотря на то, что прежними законами онъ не былъ установленъ положительно. По этому вопросъ можетъ быть только о томъ, слѣдуетъ ли приводить къ присягѣ экспертовъ, состоящихъ въ государственной службѣ, когда они призываются къ показаніямъ на судѣ. Доселѣ такіе эксперты не были приводимы къ присягѣ не потому, чтобы присяга была излишнею для достовѣрности ихъ показаній, но собственно потому, что требованіе присяги отъ врачей, во всѣхъ случаяхъ судебно-медицинскихъ осмотровъ и освидѣтельствованій, сопряжено было бы съ тѣми затрудненіями, на которыя указываетъ меньшинство членовъ, да оно и не представлялось необходимымъ, при существовавшемъ порядкѣ ревизіи каждаго медицинскаго акта врачебною управою, а сомнительныхъ изъ нихъ и медицинскимъ совѣтомъ. Но положеніе, противъ котораго возражаетъ меньшинство, устанавливаетъ присягу экспертовъ не для тѣхъ повседневныхъ случаевъ, въ которыхъ они будутъ призываемы къ предварительному слѣдствію, а единственно для тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, въ которыхъ они будутъ призываемы къ суду, для переосвидѣтельствованія вновь сомнительнаго предмета. Съ отмѣною ревизіи каждаго врачебнаго свидѣтельства въ различныхъ инстанціяхъ медицинскаго управленія,—ревизіи, соединенной съ проволочкою времени и несогласной съ духомъ основныхъ положеній, допускающихъ ревизію, вообще, только по жалобамъ и протестамъ, судебные врачи не будутъ имѣть надъ собою того постояннаго контроля, подъ которымъ они состоятъ нынѣ, и потому въ сомнительныхъ случаяхъ удостовѣренія ихъ должны находиться по крайней мѣрѣ подъ религіозною санкціею.

Въ слѣдствіе сихъ соображеній, не находя достаточнаго основанія къ установленію какого либо изъятія изъ принятаго въ основныхъ по-

ложеніяхъ правила (Осн. пол. ч. II ст. 67), *двадцать четыре члена* полагали бы удержать во всеи силѣ то положеніе, что свѣдущіе люди, предъ начатіемъ ими осмотра или освидѣтельствованія на судѣ, приводятся къ присягѣ.

О допущеніи къ свидѣтельству такихъ лицъ, которыя не могутъ быть допрошены подъ присягою (ст. 641—647).

По пятому вопросу коммисія находила, что при существующей у насъ нынѣ въ уголовномъ судопроизводствѣ теоріи формальныхъ доказательствъ, недающей никакой силы ни показаніямъ свидѣтелей, которыя по своимъ недостаткамъ, или отношеніямъ къ подсудимымъ, или же по прикосновенности къ дѣлу, не могутъ быть допрошены подъ присягою (т. XV зак. суд. угол. ст. 213—222, 329 и 334), ни уликамъ или признакамъ въ совершеніи преступленія (ст. 313 и 341), устраненіе отъ свидѣтельства недостовѣрныхъ свидѣтелей имѣетъ по крайней мѣрѣ то основаніе, что показанія такихъ лицъ не могутъ сами по себѣ служить доказательствомъ. Но удержаніе этого правила, при новомъ порядкѣ судопроизводства, было бы совершенно несообразно съ кореннымъ его началомъ, полагающимъ въ основаніе уголовныхъ приговоровъ не теорію доказательствъ, но внутреннее убѣжденіе судей, которому элементами могутъ служить всякія свѣдѣнія, выдерживающія критическій разборъ, независимо отъ формы или количества показаній. Хотя, и при новомъ порядкѣ судопроизводства, судья не можетъ не принимать въ соображеніе личныхъ качествъ свидѣтеля, но онъ долженъ это дѣлать не à priori, не на томъ основаніи, что люди того или другаго рода почитаются недостовѣрными свидѣтелями вообще, а опредѣляя въ каждомъ данномъ случаѣ достовѣрность свидѣтеля, по полученнымъ о немъ свѣдѣніямъ и по отличительнымъ признакамъ правдивости его показанія. По этому слѣдовало бы, не устраняя никого отъ свидѣтельства, предоставить благоразумію судей опредѣленіе значенія каждаго показанія соотвѣтственно степени его достовѣрности. Изъятіе изъ этого правила можетъ быть допущено только для тѣхъ случаевъ, когда свидѣтель, по своимъ душевнымъ или тѣлеснымъ недостаткамъ, немогъ познать свидѣтельствуемаго предмета, или же когда показаніе его противъ

подсудимаго было бы нарушеніемъ тайны, ввѣренной свидѣтелю такого званія, въ которомъ онъ можетъ приносить пользу обществу лишь при надлежащемъ довѣріи къ его скромности. По послѣдней изъ приведенныхъ причинъ, не должны быть допускаемы къ свидѣтельству: 1) священники въ отношеніи къ признанію, сдѣланному имъ на исповѣди или при подачѣ духовной помощи; 2) защитники подсудимыхъ,—въ отношеніи къ объясненіямъ ихъ довѣрителей, при совѣщаніяхъ съ ними о средствахъ защиты, и 3) врачи, акушеры и повивальныя бабки—въ отношеніи къ тайнѣ, сообщенной имъ при исполненіи обязанностей ихъ званія. Равномѣрно, въ видахъ огражденія ненарушимости семейственнаго союза, составляющаго основу всякаго общежитія, не слѣдуетъ требовать свидѣтельства отъ лицъ, состоящихъ съ подсудимымъ въ супружествѣ или въ родствѣ по прямой линіи, а также отъ его родныхъ братьевъ и сестеръ; но они могутъ быть допущены къ показаніямъ, если сами себя не устранятъ отъ свидѣтельства. За этими исключеніями, всякое лицо можетъ быть допрошено въ качествѣ свидѣтеля; отводъ, предъявленный какою либо стороною, долженъ служить поводомъ не къ устраненію отводимаго лица отъ свидѣтельства, а только къ недопущенію его до присяги. Впрочемъ нѣкоторые свидѣтели ни въ какомъ случаѣ не должны быть допрашиваемы подъ присягою. Такъ, лица, состоящія съ подсудимыми въ означенныхъ выше семейственныхъ узахъ, не могутъ быть допущены къ присягѣ по принятому ими на себя свидѣтельству, хотя бы и небыло предъявлено противъ нихъ никакого отвода. Какъ бы ни была велика ихъ рѣшимость дать безпристрастное показаніе, но чувство любви, связывающее ихъ съ подсудимымъ, можетъ противъ воли ихъ подавить требованіе совѣсти. Законъ не долженъ ни кого ставить въ положеніе, угрожающее явною опасностію клятвопреступленія. На томъ же основаніи не должны быть допускаемы къ присягѣ, для подкрѣпленія своихъ показаній, частные обвинители и гражданскіе истцы, какъ участвующія въ дѣлѣ лица, домогающіяся приговора въ свою пользу. Равномѣрно не могутъ быть

допрашиваемы подъ присягою малолѣтные, ни въ какомъ случаѣ, а несовершеннолѣтніе, недостигшіе 17-ти лѣтъ и слабоумные въ томъ лишь случаѣ, когда они признаны будутъ судомъ недостаточно развитыми для пониманія святости и важности клятвеннаго обѣщанія. Наконецъ должны быть освобождены отъ присяги, какъ священнослужители и монашествующіе христіанскихъ исповѣданій, такъ и лица, принадлежащія къ исповѣданіямъ и вѣроученіямъ, не допускающимъ присяги. За тѣмъ всѣ остальныя лица могутъ быть допущены къ свидѣтельству подъ присягою, если противъ нихъ не предъявлено отвода, основаннаго на одной изъ исчисленныхъ въ проектѣ причинъ сомнѣнія въ достовѣрности свидѣтельства. Эти общія причины недовѣрія, потому именно, что онѣ общія, а не конкретныя, могутъ быть совершенно устранены въ нѣкоторыхъ случаяхъ личными качествами свидѣтеля. Если сторона, которая могла бы сдѣлать отводъ, по какой либо законной причинѣ, не предъявляетъ его, имѣя довѣріе къ извѣстнымъ ей личнымъ качествамъ свидѣтеля, то нѣтъ достаточнаго основанія не допускать такого свидѣтеля къ присягѣ.

При устномъ производствѣ судебнаго слѣдствія въ засѣданіи суда, основательность или неосновательность отвода надлежитъ опредѣлять только по представленнымъ сторонами доказательствамъ и по отзывамъ отводимыхъ лицъ, безъ производства какихъ либо изысканій о причинахъ отвода; иначе каждое судебное засѣданіе прерывалось бы для учиненія подобныхъ изысканій, въ которыхъ не будетъ особенной надобности, если принять за правило, что въ сомнительныхъ случаяхъ отводимыя лица допрашиваются безъ присяги.

О принятіи способа перекреснаго допроса свидѣтелей (ст. 654—659).

По шестому вопросу коммисія находила, что въ уголовномъ судопроизводствѣ перекрестный допросъ свидѣтеля обѣими сторонами есть одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ къ обращенію вниманія его на все то, что въ извѣстныхъ ему обстоятельствахъ по предмету его свидѣтельства можетъ служить не только къ обвиненію, но и къ защитѣ, или, на оборотъ, не

только къ защитѣ, но и къ обвиненію. По вопросамъ, сдѣланнымъ свидѣтелю сторонами, сначала съ одной изъ этихъ точекъ зрѣнія, а потомъ съ другой, онъ по необходимости долженъ высказать все то, что замѣтилъ или что припоминаетъ, безъ всякаго односторонняго направленія, которое едва ли возможно выдержать послѣдовательно, при перекрестномъ допросѣ, если каждой сторонѣ предоставлено будетъ право предлагать свидѣтелю вторичные вопросы, въ разъясненіе отвѣтовъ, данныхъ имъ на вопросы противной стороны. Впрочемъ, по мнѣнію коммисіи, перекрестный допросъ, при всей его цѣлесообразности, можетъ принести несомнѣнную пользу только тогда, когда употребляется дополнительнымъ средствомъ къ свободному изложенію свидѣтелемъ своего показанія. Разсказъ свидѣтеля, состоящій единственно изъ отвѣтовъ на данные ему вопросы, не можетъ имѣть ни той связи, ни той послѣдовательности, которыя необходимы для яснаго уразумѣнія его показанія. Кромѣ того, свидѣтель, тѣснимый со всѣхъ сторонъ разными вопросами, можетъ самъ запутаться въ отвѣтахъ, и внести съ свои показанія сомнительную сбивчивость, которая притакомъ порядкѣ допроса можетъ происходить и не отъ лживости свидѣтеля. На этомъ основаніи коммисія положили постановить: 1) что допросъ начинается предложеніемъ свидѣтелю разсказать все извѣстное ему по дѣлу; 2) что по изложеніи свидѣтелемъ своего показанія, ему предлагаются вопросы сначала тою стороною, которая на него сослалась, а потомъ противною стороною; 3) что каждая сторона можетъ предложить свидѣтелю вторичные вопросы въ разъясненіе отвѣтовъ, данныхъ на вопросы противной стороны, и 4) что если по вопросамъ сторонъ предметъ показанія не вполнѣ объясненъ, то предсѣдатель или члены суда, или же присяжные засѣдатели могутъ предложить свидѣтелю вопросы дополнительные.

О случаяхъ, когда актъ повальнаго обыска читается на судѣ.

По седьмому вопросу въ коммисіи произошло то же разногласіе, какое послѣдовало относительно пользы повальнаго обыска. Тѣ члены коммисіи, которые признаютъ полезнымъ удержать повальный обыскъ и при новомъ порядкѣ судопро-

изводства, не считаютъ безусловно необходимымъ, чтобы актъ такого обыска былъ разсматриваемъ въ судебномъ засѣданіи по всякому дѣлу. По мнѣнію ихъ, собираемыя посредствомъ повальнаго обыска свѣдѣнія о образѣ жизни, связяхъ, поведеніи и характерѣ подсудимаго нужны преимущественно для направленія изысканій предварительнаго слѣдствія. Но для рѣшенія дѣла свѣдѣнія эти необходимы только въ тѣхъ случаяхъ, когда въ совершеніи преступленія подсудимымъ нѣтъ прямыхъ удостовѣреній, а существуютъ однѣ улики, на силу которыхъ не могутъ не имѣть вліянія свѣдѣнія о томъ, велъ ли подсудимый честную или порочную жизнь, или же когда нужно опредѣлить побужденія къ преступленію, которое не всегда совершается по злобѣ или корыстолюбію, а вызывается иногда жестокими или оскорбительными поступками того лица, противъ котораго оно предпринято, или неимѣніемъ средствъ къ пропитанію и работѣ. По этому члены коммисіи, стоящіе за повальный обыскъ, полагали выразить къ законѣ, что актъ обыска читается въ судебномъ засѣданіи лишь по требованію сторонъ, и что возраженія противъ этого акта не останавливаютъ ни въ какомъ случаѣ судебнаго слѣдствія, но только принимаются въ соображеніе, при рѣшеніи дѣла. Члены противнаго мнѣнія объ обыскѣ признаютъ это правило не нужнымъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

О заключительныхъ преніяхъ по судебному слѣдствію (ст. 669—685).

Пренія на судѣ могутъ возникать въ теченіе всего производства судебнаго слѣдствія по каждому предмету, на который стороны представляютъ свои объясненія, замѣчанія или возраженія. Но когда всѣ доказательства и улики, собранныя при предварительномъ слѣдствіи, разсмотрѣны и повѣрены на судѣ, тогда сторонамъ остается только вывести заключеніе свое о томъ, въ какомъ видѣ представляется обвиненіе по су-

дебному слѣдствію. Вотъ почему пренія о томъ сторонъ названы въ проектѣ заключительными.

Въ основныхъ положеніяхъ заключительныя пренія опредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Пренія на судѣ состоятъ: изъ обвинительной рѣчи прокурора, изъ объясненій отыскивающаго вознагражденія за вредъ и убытки, или его повѣреннаго, и изъ защиты, произносимой самимъ обвиняемымъ или его защитникомъ (Осн. Пол. ч. II ст. 69).

Члены суда (а въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, и сіи послѣдніе) могутъ требовать разъясненій, а прокуроръ представить изустно тѣ объясненія, кои онъ признаетъ нужнымъ еще добавить; но послѣднее слово въ преніяхъ на судѣ принадлежитъ всегда обвиняемому или его защитнику (ст. 70).

По окончаніи преній на судѣ, предсѣдатель излагаетъ вкратцѣ существо дѣла и представленныя въ пользу и противъ обвиняемаго доказательства, объясняетъ присяжнымъ засѣдателямъ правила о силѣ приведенныхъ доказательствъ и законы, относящіеся къ опредѣленію свойства разсматриваемаго преступленія, и напоминаетъ имъ, что при постановленіи рѣшенія они должны остерегаться всякаго увлеченія въ обвиненіи или въ оправданіи подсудимаго (ст. 71 и 87).

При развитіи вышеизложенныхъ основныхъ положеній, въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) долженъ ли прокуроръ въ обвинительной рѣчи предлагать мнѣніе свое о наказаніи подсудимаго, и обязанъ ли онъ во всякомъ случаѣ поддерживать обвинительный актъ?

2) какого рода объясненія можетъ представлять гражданскій истецъ?

3) можетъ ли защитникъ подсудимаго представлять соображенія свои о примѣненіи къ дѣлу законовъ?

4) изложеніе существа дѣла въ краткомъ словѣ предсѣдателя должно ли завершать пренія по всѣмъ родамъ дѣлъ, не исключая и тѣхъ, которыя не подлежатъ суду присяжныхъ?

5) когда предсѣдатель суда долженъ излагать

свое краткое слово, прежде или послѣ постановленія по дѣлу вопросовъ?

О содержаніи обвинительной рѣчи прокурора (ст. 671—674).

По первому вопросу коммисія находила, что содержаніе обвинительной рѣчи прокурора по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, опредѣляется предметами, подлежащими обсужденію присяжныхъ. Прокуроръ долженъ изложить предъ присяжными существенныя обстоятельства обвиненія и заключеніе свое о свойствѣ и степени вины подсудимаго, не касаясь соображеній о наказаніи, которому подсудимый подлежитъ. Прежде рѣшенія присяжныхъ о винѣ подсудимаго, не можетъ быть и рѣчи о наказаніи его, потому что опредѣленіе вины или невинности подсудимаго не слѣдуетъ поставлять въ зависимость отъ большей или меньшей строгости наказанія, ему угрожающаго. Не прежде, какъ по постановленіи присяжными рѣшенія о винѣ, судъ долженъ выслушать заключеніе прокурора и объясненіе подсудимаго или его защитника относительно примѣненія законовъ о наказаніи. Но по дѣламъ, въ которыхъ опредѣленіе о винѣ и наказаніи постановляется въ одномъ рѣшеніе и одною и тою же властію, а именно по дѣламъ, рѣшаемымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, прокуроръ въ обвинительной рѣчи обязанъ изложить заключеніе свое не только о винѣ подсудимаго, но также и о наказаніи, которому онъ подлежитъ по закону. Прокуроръ долженъ указать въ обвинительной рѣчи всѣ обстоятельства, навлекающія подозрѣніе на подсудимаго, чтобы предоставить ему возможность обстоятельнаго оправданія, но онъ не обязанъ поддерживать обвинительный актъ, опровергнутый судебнымъ слѣдствіемъ, и если не убѣждается въ виновности подсудимаго, то можетъ и долженъ заявить о томъ суду, по совѣсти.

О содержаніи объясненій гражданскаго истца (ст. 676 и 677).

По второму вопросу коммисія считала неподлежащимъ сомнѣнію, что даже по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ уголовный искъ поддерживается оффиціальнымъ обвинителемъ, — прокуроромъ, независимо отъ иска гражданскаго, производимаго потерпѣвшимъ отъ преступленія, а именно

по дѣламъ, которыя не дозволяется прекращать примиреніемъ сторонъ, гражданскій истецъ можетъ объяснять и доказывать всѣ тѣ дѣйствія и обстоятельства, отъ опредѣленія которыхъ зависятъ его требованія, но онъ не долженъ касаться уголовной отвѣтственности подсудимаго, какъ составляющей предметъ особаго уголовнаго иска со стороны прокурора. Гражданскій искъ не подлежитъ разсмотрѣнію присяжныхъ засѣдателей, почему въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ съ ихъ участіемъ, гражданскій истецъ объясненія свои о убыткахъ и доказательства, на которыхъ основано требованіе его о вознагражденіи, долженъ представлять по постановленіи присяжными рѣшенія.

О содержаніи защитительной рѣчи (ст. 678 и 680).

По третьему вопросу коммисія находила, что стороны имѣютъ неотъемлемое право на представленіе объясненій по всѣмъ предметамъ судебнаго рѣшенія, которое въ существѣ своемъ, какъ извѣстно, есть только выводъ изъ событія и относящагося къ нему закона. По этому защитнику подсудимаго нельзя возбранить представленіе соображеній о примѣненіи къ дѣлу закона, но по дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, онъ не долженъ, въ преніяхъ предъ присяжными, входить въ обсужденіе предметовъ, не подлежащихъ ихъ рѣшенію, слѣдовательно не долженъ касаться примѣненія закона о наказаніи, которое опредѣляется не присяжными, а судомъ. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы защитникъ подсудимаго не могъ представить соображеній своихъ о примѣненіи тѣхъ законовъ, коими опредѣляется свойство и достовѣрность разсматриваемаго дѣянія, или по которымъ подсудимый, въ случаѣ его осужденія, можетъ быть признанъ заслуживающимъ снисхожденія.

О краткомъ словѣ предсѣдателя суда (ст. 684 и 685).

По четвертому вопросу коммисія разсуждала, что изложеніе существа дѣла въ краткомъ словѣ предсѣдателя суда необходимо только для присяжныхъ засѣдателей, изъ которыхъ большинство будетъ состоять, безъ сомнѣнія, изъ людей, не имѣющихъ не только юридическихъ свѣдѣній, но даже и общаго образованія. Понятно, что такихъ присяжныхъ опасно допускать къ поста-

новленію рѣшенія подъ впечатлѣніемъ болѣе или менѣе натянутыхъ доводовъ сторонъ, безъ указанія предсѣдателемъ суда, не причастнымъ никакому одностороннему направленію: въ чемъ дѣйствительно состоятъ существенныя обстоятельства дѣла, какое юридическое значеніе имѣютъ представленныя въ пользу и противъ подсудимаго доказательства, и какими законами опредѣляются свойства разсматриваемаго дѣянія. Но есть ли какая либо надобность въ подобныхъ объясненіяхъ предсѣдателя по дѣламъ, рѣшаемымъ безъ участія присяжныхъ? Очевидно, что члены суда, будучи такими же юристами, какъ и самъ предсѣдатель, и имѣя возможность ознакомиться съ предварительнымъ слѣдствіемъ по письменному производству, не нуждаются вовсе въ объясненіяхъ предсѣдателя, тѣмъ болѣе, что онъ можетъ изложить свой взглядъ на дѣло, во время совѣщанія съ членами, при постановленіи рѣшенія. По этому, находя, что по дѣламъ, не подлежащимъ разсмотрѣнію присяжныхъ, изложеніе предсѣдателемъ суда въ краткомъ словѣ существа дѣла было бы излишнею формальностію, сопряженною съ потерею времени и съ напраснымъ обремененіемъ предсѣдателя, коммисія положила принять за правило, что онъ произноситъ краткое слово только по дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей.

О томъ: должно ли краткое слово предсѣдателя слѣдовать непосредственно за преніями сторонъ?

По пятому вопросу однимъ членомъ (*Принцемъ*) заявлено слѣдующее особое мнѣніе:

Мнѣніе одного члена.

Воззрѣнія на необходимость и существо произносимаго предсѣдателемъ краткаго слова далеко неодинаковы въ различныхъ государствахъ западной Европы. Во Франціи résumé предсѣдателя ограничивается группировкою фактовъ судебнаго слѣдствія и происходившихъ въ засѣданіи дебатовъ. Въ Англіи, гдѣ институтъ присяжныхъ получилъ полное и самостоятельное развитіе, группировка фактовъ судебнаго слѣдствія не составляетъ существенной принадлежности краткаго слова и часто даже не имѣетъ мѣста. Тамъ

предсѣдатель по преимуществу обращаетъ вниманіе присяжныхъ на тѣ обстоятельства дѣла, которыя, по его мнѣнію, имѣютъ особое значеніе, оцѣниваетъ имѣющіяся въ виду доказательства, указываетъ на относительную ихъ важность и, главное, объясняетъ присяжнымъ всѣ тѣ законныя опредѣленія, познаніе которыхъ имъ необходимо, для правильнаго обсужденія представляющагося вопроса. Наконецъ нѣкоторыя законодательства, какъ напр. брауншвейгское и бельгійское, совершенно обходятся безъ résumé предсѣдателя, признавая его излишнимъ.

Въ отношеніи постановки вопросовъ, существуетъ такое же разнообразіе. Въ Англіи, Сѣверной Америкѣ и въ Баваріи предлагается присяжнымъ къ разрѣшенію одинъ только вопросъ—виновенъ ли подсудимый въ томъ преступленіи, которое обозначено въ обвинительномъ актѣ. Во Франціи и въ законодательствахъ, придерживающихся французскаго образца, число вопросовъ, предлагаемыхъ присяжнымъ неограничено и зависитъ отъ усмотрѣнія суда.

При разрѣшеніи присяжными одного только вопроса—о винѣ или невинности подсудимаго, все равно—будетъ ли краткое слово произноситься до или послѣ предложенія этого вопроса. Время произнесенія краткаго слова не имѣетъ существеннаго значенія также и въ тѣхъ законодательствахъ, гдѣ задача предсѣдателя ограничивается группировкою фактовъ слѣдствія и происходившими предъ присяжными преніями сторонъ. Но тамъ, гдѣ къ обязанности предсѣдателя, какъ предположено въ проектѣ, отнесено и объясненіе присяжнымъ законовъ, относящихся до свойства разсматриваемаго преступленія, и правилъ объ относительномъ значеніи имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ, гдѣ предлагается присяжнымъ не одинъ, а нѣсколько вопросовъ, и гдѣ постановленіе ихъ зависитъ не отъ предсѣдателя, а принадлежитъ суду, тамъ время произнесенія краткаго слова получаетъ существенное значеніе. Не зная тѣхъ вопросовъ, которые будутъ предложены на разрѣшеніе присяжныхъ, предсѣдатель не будетъ имѣть для объясненій своихъ опоры; онъ не будетъ знать, на какія обстоятельства обратить особое вниманіе при-

сяжныхъ и какія именно законныя опредѣленія слѣдуетъ объяснить имъ. Весьма возможно, что онъ упуститъ разъяснить присяжнымъ много такихъ обстоятельствъ и вопросовъ, которые впослѣдствіи будутъ предложены судомъ на ихъ разрѣшеніе. Можетъ даже легко случиться и то, что краткое слово вовсе не будетъ соотвѣтствовать этимъ вопросамъ. При произнесеніи предсѣдателемъ краткаго слова до постановки вопросовъ, члены суда будутъ поставлены въ самое неблагопріятное положеніе. Управленіе ходомъ судебнаго слѣдствія и преніями сторонъ предоставлено предсѣдателю. Польза присутствія членовъ суда начинаетъ проявляться только при постановкѣ вопросовъ. Но если они будутъ постановляемы послѣ краткаго слова, то и здѣсь имъ предстоитъ только согласиться съ предсѣдателемъ, дабы не подорвать его авторитета предъ присяжными и не уронить значенія суда. Что касается до самихъ присяжныхъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что объясненія предсѣдателя имѣютъ на приговоръ ихъ большое и весьма полезное вліяніе. Съ этою именно цѣлью résumé принятъ всѣми почти законодательствами. Но не можетъ подлежать со мнѣнію и то, что присяжные совершенно растеряются, если предложенные имъ вопросы не будутъ соотвѣтствовать тѣмъ объясненіямъ, которыя даны имъ предсѣдателемъ. Самыя пренія о вопросахъ, послѣ произнесенія краткаго слова, поведутъ къ тому, что предсѣдатель, всею силою своего вліянія, станетъ противиться постановленію тѣхъ изъ нихъ, которые не истекаютъ изъ его рѣчи, а такое стремленіе окажетъ пагубное вліяніе на правосудіе и, во всякомъ случаѣ, усилитъ еще болѣе и безъ того весьма значительное тяготѣніе предсѣдателя надъ всѣми лицами, принимающими участіе въ постановленіи судебнаго приговора. Независимо отъ этого, пренія о вопросахъ и необходимое для того время, въ большей части случаевъ, разрушатъ все впечатлѣніе краткаго слова, которое вслѣдствіе сего превратится въ одну пустую и вредную формальность, усложняющую только процессъ. Наконецъ, принятіе французской системы постановки дробныхъ вопросовъ угрожаетъ еще и тѣмъ, что заключительныя

пренія сторонъ получатъ у насъ тоже развитіе какъ во Франціи, гдѣ все стремленіе прокурора и защитника направлено къ распаленію страстей возбужденіемъ съ одной стороны жалости, а съ другой ненависти къ подсудимому, безъ всякаго почти отношенія къ доказательствамъ, собраннымъ слѣдствіемъ. При такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, краткое слово принесетъ не благодѣтельныя, а гибельныя послѣдствія.

Неотрицая пользы объясненій предсѣдателя, особенно при недостаточной подготовкѣ нашихъ присяжныхъ къ исполненію предстоящихъ имъ важныхъ обязанностей и, вообще, по малому еще распространенію у насъ юридическихъ знаній, одинъ членъ признаетъ весьма поучительнымъ примѣръ Женевскаго законодательства, которое не смотря на предоставленіе предсѣдателю, при произнесеніи краткаго слова, далеко менѣе обширной задачи въ сравненіи съ возлагаемой проектомъ на предсѣдателей будущихъ нашихъ окружныхъ судовъ, установляетъ, что краткое слово излагается по окончательномъ предложеніи вопросовъ. Весьма полезно было бы туже систему принять и въ нашемъ судопроизводствѣ; она одна можетъ дать всѣмъ лицамъ, принимающимъ участіе въ постановленіи уголовнаго приговора, правильное и независимое положеніе, соотвѣтствующее истинной цѣли правосудія. Тогда вмѣсто стремленія распалить страсти, возбудить негодованіе или жалость къ подсудимому, заключительныя пренія прокурора и защитника будутъ направлены къ подготовленію правильной постановки вопросовъ. Члены суда пріобрѣтутъ полную свободу въ дѣятельномъ по этому предмету участіи, безъ всякаго ущерба авторитету предсѣдателя. Самъ предсѣдатель получитъ необходимую основу для своей рѣчи и избѣжитъ неправильныхъ и ненужныхъ объясненій, облегчивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предлежащую присяжнымъ задачу. Краткое слово не будетъ уже пустымъ и излишнимъ обрядомъ. Значеніе и цѣль его, заключающіяся въ томъ, чтобы подготовить присяжныхъ къ выполненію важной, лежащей на нихъ въ отношеніи къ обществу и подсудимому, обязанности, будутъ для всѣхъ очевидны.

Говорятъ, что существующій въ Женевѣ порядокъ произнесенія предсѣдателемъ краткаго слова не можетъ быть принятъ за образецъ для такого обширнаго государства, какъ наше отечество. Это замѣчаніе было бы вполнѣ справедливо, если бы настоящій вопросъ состоялъ въ зависимости отъ поземельнаго пространства. Но при чисто юридическомъ его свойствѣ, новѣйшее Женевское законодательство можетъ быть поучительнѣе всякаго другаго. Пренебрегать имъ не слѣдуетъ уже потому, что основаніемъ Женевскому закону послужилъ французскій, и слѣдовательно, принятыя въ немъ измѣненія представляются улучшеніями, добытыми путемъ опыта. Полагаютъ, что порядокъ, существующій въ Женевѣ, не принятъ никакимъ другимъ законодательствомъ. Напротивъ того, во всѣхъ законодательствахъ, гдѣ на разрѣшеніе присяжныхъ предлагается одинъ только вопросъ, въ сущности, соблюдается таже самая система. Приводятъ, что вопросы, подлежащіе разрѣшенію присяжныхъ, должны истекать изъ краткаго слова, а не оно изъ вопросовъ. По мнѣнію одного члена, ни вопросы, ни краткое слово не могутъ истекать другъ изъ друга. Они должны истекать изъ судебнаго слѣдствія и преній сторонъ, и если признать, что вопросы должны истекать изъ краткаго слова, то пришлось бы придти къ убѣжденію, что все судебное слѣдствіе и пренія участвующихъ въ дѣлѣ лицъ не болѣе какъ обряды, безъ которыхъ можно бы обойтись безъ ущерба для правосудія. Наконецъ возражаютъ, что при произнесеніи предсѣдателемъ краткаго слова, послѣ постановленія вопросовъ вліяніе его будетъ слишкомъ сильно и даже опасно. Было уже замѣчено выше, что въ тѣхъ странахъ, а въ томъ числѣ и въ Англіи, гдѣ на разрѣшеніе присяжныхъ предлагается одинъ только вопросъ, краткое слово имѣетъ тоже вліяніе, какъ и при предлагаемой однимъ членомъ системѣ. Но въ этихъ то законодательствахъ вліяніе предсѣдателя, всѣми сознаваемое, считается особенно благотворнымъ. Если возможны здѣсь злоупотребленія со стороны предсѣдателя во вредъ общества или подсудимаго, то они одинаково возможны и тамъ, гдѣ краткое слово пред-

шествуетъ постановкѣ вопросовъ. Лучшимъ тому доказательствомъ служитъ Франція, гдѣ résumé предсѣдателя нерѣдко является страшнымъ орудіемъ противъ подсудимаго, въ слѣдствіе ловкой группировки фактовъ судебнаго слѣдствія. Вообще, едва ли справедливо, при обсужденіи какого либо предположенія, исходить изъ точки зрѣнія возможности злоупотребленій. Они возможны всегда и вездѣ и изъ опасенія ихъ можно было бы отрицать и всѣ тѣ условія, которыя признаны существенными для правосудія, какъ напр. устность, гласность, защита и т. п.

Въ подкрѣпленіе всѣхъ вышеприведенныхъ доводовъ одинъ членъ считаетъ не безполезнымъ сослаться въ такомъ важномъ вопросѣ на авторитетъ Миттермайера, посвятившаго разъясненію его значительное число страницъ въ своемъ сочиненіи: die Gesetzgebung und Rechtsübung über Strafverfahren. Erlangen. 1856.

Вотъ что говоритъ Миттермайеръ, послѣ тщательнаго и подробнаго разсмотрѣнія правилъ о постановкѣ вопросовъ, существующихъ въ различныхъ законодательствахъ: дѣлая выводъ изъ вышеизложенныхъ наблюденій, нельзя отрицать, что было бы болѣе цѣлесообразно оставить французскую систему дробныхъ вопросовъ и принять англійскую, упростивъ вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе обвинительнаго акта, направивъ судебное слѣдствіе и приговоръ присяжныхъ только на то преступленіе, въ которомъ кто либо обвиняется, и давъ краткому слову предсѣдателя надлежащее значеніе. Принятіе англійской системы имѣло бы тѣ выгоды, что присяжнымъ легче было бы слѣдовать внушенію своей совѣсти и избѣгнуть принужденій и заблужденій, возможныхъ при искусной постановкѣ вопросовъ по французской системѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ устранились бы жалобы на произволъ предсѣдателя, равно какъ продолжительные споры о вопросахъ и просьбы, оставляемыя часто безъ уваженія, объ отмѣнѣ рѣшеній по этому поводу. Если же сохранить ту систему, по которой присяжные обязаны отвѣчать на нѣсколько предложенныхъ имъ вопросовъ, то существенно необходимо или принять брауи-

швейгскій законъ (*), или постановить, какъ это предписано 58 ст. женевск. закона, чтобы вопросы предлагались до краткаго слова предсѣдателя, чтобы тѣмъ дать ему возможность связать съ ними свои объясненія.

На основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній, *одинъ членъ* полагаетъ, что въ дѣлахъ, рѣшаемыхъ при участіи присяжныхъ засѣдателей, предсѣдатель долженъ приступать къ произнесенію краткаго слова не прежде, какъ по постановленіи судомъ вопросовъ, подлежащихъ разрѣшенію присяжныхъ.

Мнѣніе большинства.

Двадцать пять членовъ (*Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, Зарудный, Зубовъ, Калачевъ, Квистъ, Кнримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Розовъ, Ровинскій, Романовскій, Рѣпинскій, Спасовичъ, Чемадуровъ и Шечковъ*) не согласились съ вышеизложеннымъ мнѣніемъ на томъ основаніи, что краткое слово предсѣдателя суда для того, чтобы оно достигало своей цѣли, должно быть вѣрнымъ изображеніемъ существа дѣла и происходившаго между сторонами судебнаго состязанія, а едва ли оно можетъ быть такимъ, когда предсѣдатель задался уже извѣстными вопросами. Въ этомъ случаѣ предсѣдатель, если вопросы постановлены согласно съ его взглядомъ на дѣло, будетъ пренаравливать свое слово къ вопросамъ и наводить присяжныхъ на отвѣты, такъ что собственно рѣшать дѣла будетъ одинъ предсѣдатель; если же вопросы постановлены судомъ несогласно съ мнѣніемъ предсѣдателя, то онъ въ объясненіяхъ своихъ невольно выкажетъ несообразность вопросовъ съ дѣломъ, и такимъ образомъ можетъ парализировать постановленіе суда. Кромѣ того коммисія не могла не замѣтить, что самый порядокъ изложенія основныхъ положеній довольно

(*) Въ брауншвейгскомъ законодательствѣ вопросы первоначально предлагаетъ прокуроръ въ своей заключительной рѣчи, защитнику подсудимаго принадлежитъ право возражать противъ нихъ и предлагать съ своей стороны новые вопросы. За тѣмъ, какъ прокурору, такъ и защитнику предоставляется предъявить новыя замѣчанія, окончательное же формулированіе вопросовъ зависитъ отъ суда.

ясно указываетъ на послѣдовательность установляемыхъ ими судебныхъ дѣйствій и, между прочимъ, на то, что краткое слово предсѣдателя суда должно предшествовать постановленію по дѣлу вопросовъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

О постановленіи и объявленіи приговоровъ (ст. 686—769).

Глава эта состоитъ изъ пяти отдѣленій, заключающихъ въ себѣ правила: 1) о постановленіи вопросовъ для рѣшенія дѣлъ, 2) о соображеніи судебныхъ доказательствъ, 3) о порядкѣ постановленія приговоровъ безъ участія присяжныхъ, 4) о порядкѣ постановленія приговоровъ съ участіемъ присяжныхъ, и 5) о порядкѣ объявленія приговоровъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О постановленіи вопросовъ для рѣшенія дѣлъ.

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части, для постановленія вопросовъ указаны слѣдующія общія правила:

Постановленію приговора должно предшествовать разсмотрѣніе вопросовъ: 1) о дѣйствительности событія, подавшаго поводъ къ обвиненію; 2) о виновности или невинности подсудимаго по всѣмъ предметамъ обвиненія; 3) о примѣненіи къ его винѣ законовъ о наказаніяхъ, и 4) о вознагражденіи за вредъ, нанесенный преступленіемъ или проступкомъ (Осн. пол. ч. II ст. 72).

Предсѣдатель суда вручаетъ старшему присяжному засѣдателю письменные вопросы: 1) о дѣйствительности событія, подавшаго поводъ къ обвиненіямъ, и 2) о винѣ или невинности подсудимаго по предметамъ обвиненія. Вопросы сіи, до передачи ихъ присяжнымъ, прочитываются публично (ст. 88).

При развитіи этихъ основныхъ положеній, въ коммисіи возбуждены были пренія о томъ: 1) исключительно ли обвинительный актъ дол-

женъ служить основаніемъ вопросъ; 2) по какимъ предметамъ вопросы должны быть постановляемы; 3) при какомъ возрастѣ подсудимаго надлежитъ постановлять вопросъ: съ разумѣніемъ или безъ разумѣнія онъ дѣйствовалъ, и 4) слѣдуетъ ли выслушивать объясненія сторонъ по постановленнымъ вопросамъ?

Объ основаніяхъ, на которыхъ постановляются вопросы для рѣшенія дѣла (ст. 687 и 688).

Принимая во вниманіе, что обвинительный актъ составляется по предварительному слѣдствію, при повѣркѣ котораго на судѣ обстоятельства дѣла могутъ измѣниться, и что во всякомъ случаѣ основаніемъ приговора должно служить слѣдствіе судебное, т. е. то, что судьи и присяжные засѣдатели видѣли и слышали и въ чемъ могли убѣдиться непосредственно и наглядно, коммисія признала, что и основаніемъ вопросовъ должны служить не только выводы обвинительнаго акта, но также судебное слѣдствіе и заключительныя пренія, въ чемъ они развиваютъ, дополняютъ или измѣняютъ тотъ актъ. Конечно, если судебное слѣдствіе усиливаетъ степень уголовной отвѣтственности, предусмотрѣнной въ обвинительномъ актѣ, то рѣшеніе дѣла необходимо отложить, чтобы не лишить возможности обвинителя зрѣло обдумать и формулировать обвиненіе, а подсудимаго—приготовиться къ защитѣ; но было бы крайне неудобно требовать дополненія или измѣненія обвинительнаго акта и пересмотра дѣла по поводу каждаго обвиненія, не предусмотрѣннаго въ обвинительномъ актѣ, и обнаруженнаго лишь судебнымъ слѣдствіемъ. По мнѣнію коммисіи, такое обвиненіе должно подлежать безотлагательному разрѣшенію, если оно относится къ дѣйствію, которымъ сопровождалось выведенное въ обвинительномъ актѣ преступленіе, или хотя и къ отдѣльному дѣйствію, но къ такому, которое не можетъ увеличить степень наказанія, опредѣленнаго въ законѣ за главное преступленіе подсудимаго.

О предметахъ, по которымъ постановляются вопросы (ст. 689—690).

Опытъ иностранныхъ законодательствъ, употреблявшихъ различныя системы постановки вопросовъ, для рѣшенія дѣлъ присяжными, убѣждаетъ въ томъ, что если съ одной стороны

дробленіе вопросовъ, для послѣдовательнаго разбора разсматриваемаго дѣла, затрудняетъ присяжныхъ, приводитъ ихъ къ сбивчивымъ или несогласнымъ между собою отвѣтамъ и даже можетъ дать въ выводѣ не то, что хотѣли сказать присяжные, то съ другой стороны сжатіе всего дѣла въ одинъ вопросъ, виноватъ или невиноватъ, можетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣть послѣдствіемъ признаніе подсудимаго виновнымъ въ такомъ преступленіи, котораго событіе или вмѣняемость сомнительны, а несомнѣнно только то, что предполагаемое преступленіе, если оно дѣйствительно совершилось, было дѣяніемъ подсудимаго. Кромѣ того, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда надлежитъ разрѣшить, сопровождалось ли преступленіе особенными обстоятельствами, увеличивающими или уменьшающими степень виновности подсудимаго, нельзя ограничиться однимъ вопросомъ потому, что на вопросъ о виновности можно отвѣчать утвердительно, а на вопросъ объ особенныхъ обстоятельствахъ—отрицательно. По этому коммисія нашла нужнымъ постановить, что основные вопросы: совершилось ли преступленіе, было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и должно ли быть вмѣнено ему въ вину, соединяются въ одинъ сложный вопросъ о виновности подсудимаго, когда ни кѣмъ не возбуждено сомнѣнія ни въ томъ, что преступленіе дѣйствительно совершилось, ни въ томъ, что оно должно быть вмѣнено подсудимому въ вину, если, признано будетъ его дѣяніемъ; въ случаѣ же какого либо сомнѣнія по тому или другому изъ этихъ вопросовъ, они постановляются отдѣльно. Сверхъ того, если въ дѣлѣ выведены особенныя обстоятельства, увеличивающія или уменьшающія степень виновности, то о томъ постановляется особый вопросъ.

О вопросѣ: съ разумѣніемъ ли дѣйствовалъ подсудимый (ст. 694).

На основаніи существующихъ у насъ законовъ (свод. т. XV улож. наказ. ст. 149 и 150; зак. суд. угол. ст. 752), судъ только тогда постановляетъ вопросъ, съ разумѣніемъ ли дѣйствовалъ малолѣтный, когда ему не болѣе четырнадцати лѣтъ. Между тѣмъ въ бо́льшей части иностранныхъ законодательствъ принято за

правило, что такой вопросъ долженъ быть постановляемъ о всякомъ подсудимомъ, недостигшемъ 16-ти лѣтъ. Принимая во вниманіе, что въ Россіи, какъ по суровости климата въ наибольшей части занимаемаго ею пространства, такъ и по недостатку средствъ у большинства народонаселенія къ воспитанію дѣтей, малолѣтные не только не ранѣе, но, вообще, позже развиваются, чѣмъ въ западныхъ государствахъ, коммисія признала справедливымъ вмѣнить въ обязанность нашимъ судамъ, чтобы они вопросъ о томъ, съ разумѣніемъ ли дѣйствовалъ подсудимый, постановляли о каждомъ несовершеннолѣтнемъ, недостигшемъ 17-ти лѣтъ. Въ необходимости этого правила коммисія тѣмъ болѣе убѣждается, что при учрежденіи у насъ совѣстныхъ судовъ, имъ былъ предоставленъ *совѣстный* и *милосердный* разборъ дѣлъ о всѣхъ несовершеннолѣтнихъ, недостигшихъ 17-ти лѣтъ, и что до этого именно возраста несовершеннолѣтніе признаются нашимъ законодательствомъ подлежащими опекѣ, не по чему иному, какъ по недостаточности ихъ развитія.

О выслушаніи объясненій сторонъ по постановленнымъ вопросамъ (ст. 697—699).

Выше объяснено было, какое вліяніе на рѣшеніе дѣла можетъ имѣть болѣе или менѣе правильная постановка вопросовъ. Хотя порядокъ постановки вопросовъ долженъ быть опредѣленъ законами, нарушеніе которыхъ можетъ быть предметомъ апелляціонной или кассаціонной жалобы, но эта гарантія, какъ сопряженная со всѣми невыгодами исправленія ошибокъ въ судопроизводствѣ послѣ рѣшенія дѣла, не устраняетъ необходимости другой, современной постановкѣ вопросовъ, гарантіи, которою предупреждались бы, по мѣрѣ возможности, поводы къ жалобамъ и пересмотру дѣлъ, по причинѣ неправильной постановки вопросовъ. Самою дѣйствительною гарантіею въ этомъ отношеніи можетъ служить предъявленіе постановленныхъ вопросовъ сторонамъ и выслушаніе по этому предмету ихъ объясненій. Это только частное примѣненіе того общаго правила, что за охраненіемъ порядка, коимъ ограждаются права сторонъ, не можетъ быть болѣе зоркаго наблюдателя, какъ сами стороны. Отсюда коммисія

вывела заключеніе, что вопросы, постановленные судомъ, должны быть прочтены вслухъ и исправлены или дополнены по тѣмъ отъ сторонъ замѣчаніямъ, которыя судъ признаетъ уважительными. Прп этомъ коммисія, по примѣру иностранныхъ законодательствъ, признала нужнымъ указать, что судъ не можетъ отказать подсудимому въ постановленіи вопроса объ одной изъ причинъ, по коимъ или содѣянное не вмѣняется въ вину, или же наказаніе уменьшается или вовсе отмѣняется, если причина эта принадлежитъ къ числу предусмотрѣнныхъ въ законѣ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О соображеніи судебныхъ доказательствъ.

О судебныхъ доказательствахъ въ основныхъ положеніяхъ принято слѣдующее начало:

Теорія доказательствъ, основанная единственно на ихъ формальности, отмѣняется. Правила о силѣ судебныхъ доказательствъ должны служить только руководствомъ при опредѣленіи виновности или невинности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при производствѣ слѣдствія и суда (Осн. пол. ч. II ст. 8).

О обязательной силѣ правилъ о доказательствахъ (ст. 700 и 701).

При развитіи этого начала, въ коммисіи произошло разномысліе какъ относительно того, обязательны ли для судей и присяжныхъ засѣдателей правила о доказательствахъ, такъ и относительно подробности ихъ изложенія.

Мнѣніе одиннадцати членовъ.

Одиннадцать членовъ (Бычковъ, Гурнчъ, Даневскій, Есиповичъ, С. Зарудный, Калачевъ, Перетцъ, Плавскій, Розовъ, Рѣпинскій и Шечковъ) предъявили слѣдующее мнѣніе:

Въ силу приведенной 8-й статьи основныхъ положеній, заключающей въ себѣ одно изъ самыхъ важныхъ основаній предпринимаемой судебной реформы, совѣсть судей, при постановленіи уголовныхъ приговоровъ, не будетъ уже скована заранѣе предусмотрѣнными въ законѣ

формальными условіями, подъ которыя крайне трудно и почти невозможно подводить всѣ встрѣчающіеся въ жизни случаи, разнообразные до безконечности. На будущее время сила того или другаго изъ представленныхъ по дѣлу доказательствъ должна опредѣляться не закономъ, а убѣжденіемъ судей и присяжныхъ. Но, для правильнаго развитія этой статьи, необходимо прежде всего разъяснить настоящее ея значеніе.

Въ первой ея части сказано: *теорія* доказательствъ, основанная *единственно на ихъ формальности, отмѣняется.*

Въ дѣйствующихъ у насъ законахъ уголовнаго судопроизводства собственно о *теоріи* доказательствъ ничего не упоминается, и самое выраженіе *теорія доказательствъ* имѣетъ научное, а не законное значеніе; но есть нѣкоторыя статьи, которыя обыкновенно причисляются *къ теоріи законныхъ или формальныхъ доказательствъ.*

При внимательномъ изслѣдованіи нашего уголовнаго судопроизводства, къ теоріи законныхъ доказательствъ надлежитъ отнести слѣдующія статьи т. XV ч. II зак. угол. судопр.: 306, 307, 308, 309, 313, 314, 315, 316, 323, 329, 330, 331, 332, 333, 336, 339, 340, 343 и 344—348. Всѣ эти статьи должно считать, по точному смыслу статьи 8 основныхъ положеній, отмѣненными. Онѣ не могутъ имѣть мѣста ни въ самомъ проектѣ, ни въ приложеніи къ нему и, вообще, ни въ какой законодательной формѣ. Онѣ могутъ быть предметомъ частныхъ изслѣдованій, періодическихъ сочиненій и комментаріевъ, весьма полезныхъ въ силу своей необязательности и весьма вредныхъ въ законодательной формѣ, ибо развитіе подобныхъ правилъ есть дѣло убѣжденія, дѣло частнаго воззрѣнія, а никакъ не закона, который для всѣхъ долженъ быть одинъ и тотъ же.

Но, по мнѣнію одиннадцати членовъ, изъ сего еще вовсе не слѣдуетъ, что въ проектѣ не должно быть рѣшительно никакихъ обязательныхъ правилъ о доказательствахъ. Напротивъ того, и на будущее время необходимо сохранить и даже развить всѣ тѣ изъ дѣйствующихъ правилъ, которыя никогда и ни кѣмъ

не причислялись къ теоріи *законныхъ или формальныхъ доказательствъ*, и безъ коихъ и весь уставъ уголовнаго судопроизводства не имѣлъ бы практическаго значенія. Къ такимъ правиламъ принадлежатъ слѣдующія: никто не можетъ быть присужденъ къ наказанію, безъ точныхъ доказательствъ или явныхъ уликъ въ преступленіи (ст. 304). Личный осмотръ, учиненный на мѣстѣ преступленія и удостовѣряющій въ дѣйствительномъ онаго событіи, имѣетъ такую же силу какъ и свидѣтельство достовѣрныхъ лицъ, когда не будетъ предъявлено достаточныхъ причинъ къ его опроверженію (ст. 327) и т. п.

Другія изъ нынѣшнихъ правилъ имѣютъ цѣлію предупрежденіе неправильныхъ приговоровъ. Сюда относятся слѣдующія: признаніе подсудимаго признается доказательствомъ: 1) когда оно учинено добровольно, 2) когда оно учинено въ судебномъ мѣстѣ передъ судьею, 3) когда оно совершенно сходно съ происшедшимъ дѣйствіемъ, и 4) когда показаны при томъ такія обстоятельства дѣйствія, по которымъ о достовѣрности и истинѣ онаго сомнѣваться невозможно (ст. 317). Показанія свидѣтелей вовсе не имѣютъ силы, когда они основаны не на личномъ удостовѣреніи свидѣтелей, но по слуху отъ другихъ (ст. 334). Свидѣтельства, данныя на письмѣ, не прежде признаются на судѣ дѣйствительными, какъ когда тотъ, кто ихъ представляетъ, въ судѣ за правдивыя объявитъ и на то присягу учинитъ (ст. 335). Правила эти вполнѣ благодѣтельныя, ибо если, съ одной стороны, законъ не можетъ стѣснять совѣсти судей и предписывать имъ, чѣмъ именно они должны убѣждаться, то съ другой стороны, для избѣжанія неправосудія и увлеченія, законъ долженъ сказать рѣшительно, чего онъ не признаетъ доказательствомъ и чѣмъ судья предубѣждаться не долженъ. Мысль эта, въ основаніи своемъ, принята коммисіею единогласно, ибо въ статьѣ 640-й выражено положительно, что къ свидѣтельству не могутъ быть допускаемы безумные, сумасшедшіе и вообще лица, которыя по своимъ душевнымъ или тѣлеснымъ недостаткамъ не могли познать предмета свидѣ-

тельства. Выходя изъ этого же начала, одиннадцать членовъ полагаютъ, что точно также необходимо запрещеніе принимать въ основаніе приговора признаніе подсудимаго, не согласное съ обстоятельствами дѣла, или свидѣтельство, основанное только на слухахъ, догадкѣ и т. п., или же осуждать подсудимаго вслѣдствіе свѣдѣній о дурномъ его поведеніи, не имѣющемъ прямаго отношенія къ разсматриваемому преступленію. Утверждать противное значило бы отвергать тѣ истины, которыя добыты вѣковыми опытами и признаны наукою за начала, ограждающія справедливое рѣшеніе дѣлъ. Безъ нихъ уголовное правосудіе будетъ всегда шатко, невѣрно и опасно. Подобная система опредѣленія въ законѣ самыхъ основныхъ правилъ о доказательствахъ существуетъ въ Англіи и устраняетъ тамъ столь часто встрѣчаемыя во Франціи пышныя и длинныя рѣчи, въ которыхъ прокуроры и защитники говорятъ иногда не столько о существѣ дѣла, сколько стараются растрогать сердце судей и присяжныхъ описаніемъ обстоятельствъ, къ дѣлу почти неидущихъ, какъ напр. семейныхъ отношеній, воспитанія, репутаціи обвиняемаго или обвинителя и т. п.

Разсматривая составленный большинствомъ проектъ необязательнаго наставленія о судебныхъ доказательствахъ, нельзя не убѣдиться въ томъ, что отступленіе отъ многихъ изъ нихъ можетъ имѣть чрезвычайно важныя юридическія послѣдствія. Достаточно взять хотя бы 1-ю статью, въ которой сказано, что для постановленія приговора о винѣ или невинности подсудимаго надлежитъ привести въ извѣстность: 1) совершилось ли преступленіе; 2) было ли оно дѣяніемъ подсудимаго и 3) должно ли оно быть вмѣнено ему въ вину. Конечно эту статью скорѣе можно принять за опредѣленіе слѣдствія, чѣмъ за правило о доказательствахъ, ибо именно задача слѣдствія и есть: приведеніе въ извѣстность указанныхъ въ этой статьѣ обстоятельствъ; судья же долженъ судить о томъ, что уже приведено въ извѣстность. Но, очевидно, что въ этой статьѣ предполагалось постановить то коренное правило уголовнаго судопроизводства, что нельзя никого признать виновнымъ, если

не приведены въ извѣстность означенныя въ ней обстоятельства. Разсматривая эту статью въ семъ настоящемъ ея значеніи, трудно не видѣть въ ней одного изъ важнѣйшихъ постановленій уголовнаго судопроизводства. Спрашивается, что будетъ, если бы обнаружилось, что судьи признали подсудимаго виновнымъ, не смотря на то, что фактъ преступленія не приведенъ въ совершенную извѣстность, или же что они не приняли во вниманіе обстоятельства, по коимъ преступленіе не вмѣняется въ вину? Такое рѣшеніе не оспоримо подлежитъ отмѣнѣ. Подобные сему вопросы и отвѣты можно сдѣлать и по статьямъ 6, 7, 8, 10, 11, 15 и многимъ другимъ. По мнѣнію одиннадцати членовъ, едва ли можетъ быть какое либо сомнѣніе въ томъ, что правила, несоблюденіе коихъ можетъ имѣть послѣдствіемъ ничтожность судебнаго рѣшенія, должны быть помѣщены въ положительномъ законѣ.

По сему одиннадцать членовъ полагаютъ, что правила о судебныхъ доказательствахъ не могутъ быть отнесены къ наставленію, но должны войти въ составъ самаго устава уголовнаго судопроизводства.

Независимо отъ сего, правила о доказательствахъ, составляемыя преимущественно для присяжныхъ засѣдателей, должны, по возможности, быть практичны и удобопонятны. Въ семъ отношеніи проектъ наставленія оказывается не вполнѣ удовлетворительнымъ. Слѣдующія замѣчанія по нѣсколькимъ изъ статей проекта объяснятъ взглядъ одиннадцати членовъ на этотъ предметъ.

1) Статья 2-я, по отвлеченности своей, не ясна и не практична. Она весьма похожа на нынѣшнее опредѣленіе *доказательства совершеннаго* (Т. XV зак. угол. ст. 305), и едва ли даже не идетъ еще далѣе. Если судья долженъ принимать за истину только то, въ чемъ онъ убѣжденъ до такой степени, *что не можетъ признать вѣроятнымъ ничего иного*, то онъ никогда не найдетъ истины, ибо вѣроятностямъ почти нѣтъ предѣловъ. Судьѣ не столько нужны разсужденія о вѣроятностяхъ, сколько убѣжденія въ томъ, что подсудимый совершилъ преступленіе, и если онъ въ томъ *убѣдился*, то ни-

какія вѣроятности не должны останавливать въ признаніи подсудимаго виновнымъ.

2) Статья 4-я не имѣетъ никакого примѣненія; она только повторяетъ перечисленіе доказательствъ, сдѣланное уже въ раздѣлѣ о предварительномъ слѣдствіи.

3) Статьи 6 и 8 суть не что иное, какъ повтореніе, только въ обратномъ смыслѣ, статей 5 и 7, причемъ это повтореніе не полно и неопредѣлительно, такъ что отъ сего могутъ возникнуть сомнѣнія. Такъ, напримѣръ, если слѣдователь произвольно нарушить правило о томъ, что участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ дозволяется присутствовать при осмотрѣ (проекта ст. 280), или отступить отъ сдѣланнаго въ проектѣ указанія, кто долженъ быть приглашаемъ въ понятые къ осмотру (ст. 284), то развѣ это не будетъ существеннымъ недостаткомъ осмотра, уничтожающимъ его достовѣрность. По 4-му пункту разсматриваемой 6-й статьи, осмотръ признается недостовѣрнымъ, когда понятыми сдѣланы возраженія по существеннымъ обстоятельствамъ дѣла. Едва ли однакожъ можно присвоивать такую силу всякому возраженію понятыхъ, хотя бы и явно неосновательному. Нѣтъ сомнѣнія, что означенная 6-я статья можетъ дать поводъ и къ разнымъ другимъ недоразумѣніямъ. По этому, кажется, что послѣ сказаннаго въ статьѣ 5-й: *по существующимъ правиламъ* и въ ст. 7-й *установленнымъ порядкомъ*, всякія разъясненія въ обратномъ смыслѣ совершенно излишни и даже сбивчины.

3) Статья 9-я крайне не практична. Какимъ образомъ можно будетъ требовать отъ большей части нашихъ присяжныхъ засѣдателей основательныхъ соображеній *о степени свѣдѣній* или *искусства каждаго* изъ экспертовъ.

4) Статья 12-я остановитъ не одного изъ присяжныхъ засѣдателей, а можетъ быть и коронныхъ судей, которые сдвали дадутъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какія обстоятельства признавать *побочными*.

Можно бы сдѣлать не мало подобныхъ замѣчаній и по многимъ другимъ статьямъ проекта наставленія, особливо же въ главѣ о доказательствахъ посредствомъ уликъ. Почти вся эта гла-

ва состоитъ изъ перечисленій и примѣровъ; но перечисленія эти не полны и не могутъ быть полны, а слѣдовательно представятъ разныя недоразумѣнія; примѣры же ни въ какомъ случаѣ не могутъ имѣть мѣста въ законѣ.

На основаніи этихъ соображеній, *одиннадцать членовъ* полагаютъ включить въ проектъ слѣдующую главу о судебныхъ доказательствахъ:

1. Судьи и присяжные засѣдатели опредѣляютъ вину или невинность подсудимаго по внутреннему убѣжденію, основанному на обсужденіи въ совокупности всѣхъ обстоятельствъ дѣла. При семъ однакожъ наблюдаются слѣдующія правила.

2. Подсудимый признается невиннымъ, доколѣ противное не будетъ доказано. Всякое сомнѣніе о винѣ или о степени виновности подсудимаго объясняется въ его пользу.

3. Никто не можетъ быть признанъ виновнымъ въ преступленіи, если нѣтъ положительнаго удостовѣренія въ томъ, что сіе преступленіе дѣйствительно совершено.

4. Освидѣтельствованія и осмотры, не требующіе особыхъ техническихъ знаній, почитаются достовѣрными, когда они произведены установленными властями и съ соблюденіемъ предписанныхъ на то правилъ.

5. Предметъ, для точнаго изслѣдованія котораго необходимы особенныя свѣдѣнія или опытность въ какой либо наукѣ, искусствѣ или ремеслѣ, не почитается дознаннымъ до истребованія о немъ мнѣнія свѣдущихъ людей въ установленномъ порядкѣ.

6. Собственное признаніе подсудимаго не принимается въ уваженіе:

а) когда оно несогласно съ обстоятельствами дѣла;

б) когда оно вынуждено насиліемъ, угрозами, обѣщаніями, ухищреніями и тому подобными мѣрами.

7. Признаніе подсудимаго можетъ имѣть силу доказательства только по тѣмъ обстоятельствамъ, къ коимъ оно положительно относится.

8. Признаніе подсудимаго не можетъ быть принято за основаніе обвинительнаго приговора, если, кромѣ этаго признанія, нѣтъ ина-

го удостовѣренія въ томъ, что преступленіе дѣйствительно совершилось.

9. Показанія свидѣтелей не принимаются въ уваженіе:

а) когда показаніе основано лишь на догадкѣ, предположеніи, или на слухѣ отъ другихъ;

б) когда свидѣтель имѣетъ такіе тѣлесные или умственные недостатки, при которыхъ онъ не могъ имѣть яснаго представленія о предметѣ свидѣтельства;

в) когда оно вынуждено насиліемъ, угрозами, обѣщаніями, ухищреніями и тому подобными мѣрами;

г) когда оно не согласно съ обстоятельствами дѣла.

10. Письменный документъ можетъ имѣть силу доказательства лишь тогда, когда нѣтъ сомнѣнія, что онъ вышелъ изъ рукъ писавшаго его лица въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ представленъ къ дѣлу.

11. Сознаніе подписи подъ документомъ не составляетъ доказательства въ сознаніи всего документа и не устраняетъ отзыва объ употребленіи подписи во зло.

12. Актъ или протоколъ, составленный въ присутственномъ мѣстѣ или у должностнаго лица установленнымъ порядкомъ, почитается достовѣрнымъ въ отношеніи ко всѣмъ дѣйствіямъ и обстоятельствамъ, о коихъ присутственное мѣсто или должностное лицо свидѣтельствуетъ по личному удостовѣренію, доколѣ противное не будетъ доказано.

13. Свидѣтельство о преступленіи, сдѣланное въ частной перепискѣ или бумагѣ, поданной въ присутственное мѣсто или должностному лицу, не прежде признается дѣйствительнымъ, какъ по подтвержденіи свидѣтелемъ своего показанія на допросѣ въ судѣ.

14) Уликою признается всякое обстоятельство, изъ котораго можно вывести заключеніе или о событіи преступленія, или о винѣ подозрѣваемаго лица.

15) Тѣ только улики могутъ быть приняты во вниманіе при рѣшеніи дѣла, которыя имѣютъ несомнѣнную связь съ предметомъ сужденія.

Одинъ членъ (Перетцъ), соглашаясь съ пред-

начертанными выше правилами, полагаетъ дополнить ихъ постановленіемъ, что ни собственное признаніе подсудимаго, ни показаніе свидѣтелей не принимается въ уваженіе, если оно сдѣлано не на судѣ, а при предварительномъ слѣдствіи, безъ присутствія при томъ постороннихъ лицъ.

Въ заключеніе, *одиннадцать членовъ* считаютъ неизлишнимъ объяснить, что всѣ остальныя за тѣмъ изъ предлагаемыхъ большинствомъ правилъ о доказательствахъ не могутъ, по мнѣнію ихъ, быть изданы въ какой либо законодательной формѣ, потому что, не смотря на сдѣланное въ статьѣ 701 предостереженіе о необязательности ихъ, правила эти, если они будутъ утверждены, хотя бы въ видѣ наставленія, могли бы приниматься у насъ, по старой и глубоко укоренившейся привычкѣ, за нѣчто непреложное, освященное закономъ. Тѣмъ не менѣе эти или подобныя имъ правила могутъ, не безъ пользы, быть изданы не въ формѣ закона, а въ видѣ частнаго наставленія или комментарія къ изложеннымъ въ уставѣ правиламъ о судебныхъ доказательствахъ.

Мнѣніе большинства.

Семнадцать членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Вилинбаховъ, Баронъ Врангель, М. Зарудный, Зубовъ, Квистъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Поповъ, Принцъ, Ровинскій, Романовскій, Спасовичъ и Чемадуровъ) находятъ, что основаніемъ уголовнаго приговора о винѣ или невинности подсудимаго можетъ быть: или положительный законъ—такъ называемая теорія законныхъ доказательствъ, или законъ нравственный—совѣсть, или внутреннее убѣжденіе судей. По началу теоріи законныхъ доказательствъ, судьи не могутъ ни обвинить подсудимаго, когда не открыто требуемыхъ закономъ доказательствъ, ни оправдать его, когда такія доказательства обнаружены. По началу внутренняго убѣжденія, отъ судей требуется только то, чтобы они постановили приговоръ по совѣсти, основываясь не на теоретическихъ умозрѣніяхъ, а на томъ убѣжденіи, къ которому привело ихъ тщательное соображеніе всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ совокупности. Доселѣ ни наука, ни положительныя законодательства не могли открыть

ни чего промежуточнаго между этими двумя началами. Принявъ за коренное начало правосудія, что судьи должны постановлять приговоры о винѣ или невинности подсудимыхъ по внутреннему своему убѣжденію, законодательная власть не можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ предписывать какія либо правила на счетъ тѣхъ условій, при которыхъ судьи обязаны считать себя убѣжденными или неубѣжденными? Убѣжденіе не предписывается: дѣйствія судьи по производству дѣла могутъ и должны находиться подъ повелѣніемъ закона, но убѣжденіе не знаетъ другихъ законовъ, кромѣ указаній разума и внушеній совѣсти. По этому постановленіе обязательныхъ правилъ объ условіяхъ, при которыхъ судьи должны считать себя убѣжденными или не убѣжденными, было бы равносильно отрицанію самаго начала, что они должны постановлять приговоры по внутреннему своему убѣжденію. Правила о доказательствахъ, сколь бы они ни представлялись вѣрными á priori, не могутъ быть почитаемы непреложными въ примѣненіи ко всѣмъ случаямъ многообразной дѣйствительности. Никакимъ правиломъ, въ какой бы полной и обдуманной формѣ оно ни было постановлено, нельзя замѣнить живаго воззрѣнія на то, что справедливо или истинно въ каждомъ данномъ случаѣ. Вообще означенныя два начала представляются столь несовмѣстными одно съ другимъ, что никакая попытка къ сліянію ихъ не можетъ быть успѣшною. Разрѣшенія этой задачи одиннадцать членовъ полагаютъ достигнуть удержаніемъ изъ теоріи доказательствъ только самыхъ общихъ правилъ. Чтобы доказать неосуществимость такого предположенія, разсмотримъ нѣкоторыя изъ тѣхъ правилъ, которыя въ мнѣніи одиннадцати членовъ почитаются едва ли не самыми обязательными для судей. По одному изъ этихъ правилъ, никто не можетъ быть признанъ виновнымъ въ преступленіи, если нѣтъ положительнаго удостовѣренія въ томъ, что это преступленіе дѣйствительно совершено. Въ такомъ неопредѣленномъ видѣ, правило это ничѣмъ не обязываетъ судью, потому-что обусловливается положительностію удостовѣренія, на счетъ которой не дается никакихъ указаній. Нѣтъ сомнѣнія, что и при

дѣйствіи этого правила судья будетъ судить о положительности удостовѣренія по своему личному усмотрѣнію. Не находя удостовѣренія въ томъ, что преступленіе совершилось, судья, конечно, не обвинитъ подсудимаго въ этомъ преступленіи, по той простой причинѣ, что обвинить въ совершеніи того, что самъ судья признаетъ несовершившимся, значитъ утверждать и отрицать въ одно и тоже время существованіе преступленія,—значитъ мыслить нелѣпость. Спрашивается: можно ли вводить въ уставъ судопроизводства такое правило, которое принадлежитъ къ кореннымъ законамъ мышленія, соблюдаемымъ безсознательно всякимъ здравомыслящимъ человѣкомъ? Такое правило не только для закона, но даже и для наставленія не годится. Правда, что разсматриваемому правилу можно дать болѣе опредѣленный видъ, постановивъ, что никто не можетъ быть осужденъ за преступленіе, котораго составъ или внѣшняя оболочка (corpus delicti) не обнаруживаются ни въ какихъ вещественныхъ уликахъ; напримѣръ, никто не можетъ быть обвиненъ въ убійствѣ или въ подлогѣ, если нѣтъ на лицо тѣла убитаго или поддѣльнаго акта, или же, по крайней мѣрѣ, если нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтелей, видѣвшихъ то тѣло или тотъ актъ. Въ такомъ видѣ это правило, конечно, могло бы найти мѣсто въ уставѣ уголовнаго судопроизводства; но на столько ли оно непреложно справедливо, чтобы принять его за правило безусловно обязательное? Развѣ нѣтъ случаевъ, въ которыхъ освобожденіе отъ наказанія подсудимаго, успѣвшаго истребить вещественные слѣды преступленія, но уличаемаго всею совокупностію обстоятельствъ дѣла, или даже и собственнымъ его признаніемъ, было бы явнымъ неправосудіемъ? Можетъ ли законодательная власть провозгласить за безусловно обязательное такое правило, которое было бы патентомъ на безнаказанность за всѣ преступленія, которыхъ вещественные слѣды истреблены преступниками. По другому правилу, признаваемому меньшинствомъ членовъ коммисіи непреложнымъ, собственное признаніе подсудимаго или показаніе свидѣтелей, несогласное съ обстоятельствами дѣла, не принимается въ уваженіе. Правило это

еще болѣе находится въ зависимости отъ такихъ условій, которыхъ не возможно опредѣлить въ законѣ съ надлежащею подробностію и точностію, но которыя должны быть опредѣляемы конкретно въ каждомъ данномъ случаѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что признаніе подсудимаго или показаніе свидѣтелей, не согласное съ самымъ существомъ дѣла, не можетъ служить основаніемъ къ осужденію обвиняемаго, да оно и не есть признаніе или показаніе по тому предмету, который выставленъ обвиненіемъ, потому-что существенно отъ него различествуетъ. Но можно ли отвергать безусловно признаніе, несогласное съ такими обстоятельствами, которыя не измѣняютъ существа преступленія? Не очевидно ли, что здѣсь все зависитъ какъ отъ степени несогласія признанія съ обстоятельствами дѣла, такъ и отъ значенія тѣхъ обстоятельствъ, въ которыхъ оказывается противорѣчіе. Далѣе, по правилу, почитаемому однимъ членомъ вполнѣ обязательнымъ, собственное признаніе подсудимаго и показаніе свидѣтелей не должны быть принимаемы въ уваженіе, если они сдѣланы при предварительномъ слѣдствіи, безъ присутствія посторонихъ лицъ. Но если признаніе, сдѣланное подсудимымъ при предварительномъ слѣдствіи, не возбуждаетъ никакого сомнѣнія въ законномъ способѣ его отобранія и не только не опровергнуто на судѣ, но напротивъ того подтверждается всѣми обстоятельствами дѣла; если показаніе свидѣтелей, которое за смертію или по другимъ причинамъ не могли быть передопрошены на судѣ, имѣетъ всѣ признаки правдивости и точности: то неужели потому только, что постороннія лица не пожелали быть слушателями допросовъ, произведенныхъ слѣдователемъ, судьи не должны вѣрить тому, въ чемъ они нисколько не сомнѣваются? Развѣ такое насиліе совѣсти совмѣстно съ опредѣленіемъ вины или невинности подсудимаго по внутреннему убѣжденію судей или присяжныхъ? Развѣ это не есть та же теорія доказательствъ, которая отмѣнена основными положеніями, какъ основанная на одной формальности? Приведемъ еще примѣръ. По правилу, признаваемому одиннадцатью членами непреложнымъ, не принимается въ уваженіе показаніе

такого свидѣтеля, который по своимъ тѣлеснымъ недостаткамъ не могъ имѣть яснаго представленія о предметѣ свидѣтельства. Если бы могъ существовать человѣкъ, лишенный всѣхъ чувствъ, то, конечно, онъ былъ бы неспособенъ къ свидѣтельству, потому что не имѣлъ бы никакихъ средствъ для наблюденія и показанія. Но лицо, лишенное какого нибудь одного чувства, находится не въ томъ положеніи. Извѣстно, какъ природа вознаграждаетъ потерю одного чувства изощреніемъ другаго, какъ слѣпой посредствомъ слуха и осязанія разпознаетъ предметы, усматриваемые обыкновенно зрѣніемъ, а глухой, по движенію губъ говорящаго человѣка, угадываетъ произносимыя имъ слова. Не ужели слѣдуетъ отвергнуть свидѣтельство такого увѣчнаго, потому только, что онъ увѣчный, хотя бы показаніе его носило на себѣ печать достовѣрности и оправдывало невиннаго. Только при разсмотрѣніи судомъ даннаго случая можно опредѣлить, позволительно ли или не позволительно основываться на показаніи такого свидѣтеля. Не станемъ продолжать разбора далѣе. Очевидно, что за исключеніемъ логическихъ аксіомъ, объясненіе которыхъ представляется совершенно излишнимъ, ни одного изъ правилъ о силѣ доказательствъ въ уголовныхъ дѣлахъ нельзя признать непреложно справедливымъ во всѣхъ случаяхъ разнообразной до безконечности дѣйствительности, по той простой причинѣ, что невозможно вмѣстить въ форму закона всѣхъ тѣхъ условій и оттѣнковъ, отъ которыхъ зависитъ сила доказательства въ каждомъ данномъ случаѣ. Если это такъ, то можно ли предписывать какія либо обязательныя для судей правила о силѣ доказательствъ, въ явное противорѣчіе принятому законодательствомъ началу внутренняго убѣжденія судей? Еще менѣе возможно постановленіе такихъ правилъ для присяжныхъ, которые не отдаютъ отчета въ основаніяхъ своего мнѣнія, и рѣшенія которыхъ не подлежатъ ни апелляціи, ни ревизіи. Хороша обязательность правилъ, которыхъ исполненіе не только не подкрѣпляется никакою санкціею, но даже и не можетъ быть повѣряемо!

Одиннадцать членовъ находятъ подтвержденіе

своего мнѣнія въ томъ соображеніи, что приговоръ, въ которомъ не соблюдены правила о доказательствахъ, подлежитъ будтобы неоспоримо отмѣнѣ, изъ чего слѣдуетъ, что правила эти должны имѣть силу закона. Если здѣсь разумѣется кассаціонная отмѣна приговора, то замѣчаніе это невѣрно, потому что опредѣленіе силы собранныхъ по дѣлу доказательствъ есть разрѣшеніе дѣла въ самомъ существѣ его, а въ кассаціонномъ порядкѣ дѣла не разрѣшаются по существу, слѣдовательно несоблюденіе правилъ о силѣ доказательствъ не можетъ быть послѣдствіемъ кассаціонной отмѣны приговора. Если же здѣсь разумѣется апелляціонная отмѣна приговора, то и въ такомъ случаѣ означенное замѣчаніе не точно, потому что судъ апелляціонный также, какъ и судъ первой степени, долженъ опредѣлять вину или невинность подсудимаго по внутреннему убѣжденію судей, для котораго правила о доказательствахъ могутъ служить только руководствомъ, а не основаніемъ.

Одиннадцать членовъ, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, ссылаются, на англійское судопроизводство. Въ Англіи законы обращаютъ вниманіе преимущественно на достовѣрность источниковъ судейскаго убѣжденія, т. е. на порядокъ собранія и на принятіе или непринятіе извѣстныхъ доказательствъ. Въ этихъ видахъ тамъ не допускаются свидѣтельства по наслышкѣ и вообще менѣе достовѣрные источники убѣжденія, при существованіи болѣе достовѣрныхъ, свидѣтели подвергаются двойному такъ сказать испытанію, сперва подъ вліяніемъ торжественнаго обряда присяги, а потомъ подъ дѣйствіемъ перекреснаго допроса ихъ обвинителемъ и обвиняемымъ, и устраняется все, что не идетъ прямо къ дѣлу, или что можетъ внушить опасное для правосудія предубѣжденіе. Но за тѣмъ опредѣленіе собственно силы судебныхъ доказательствъ предоставляется совѣсти прясяжныхъ. Хотя практикою выработаны и приведены въ систему извѣстныя правила о доказательствахъ, на примѣненіе которыхъ къ данному случаю судья обращаетъ вниманіе присяжныхъ и даже требуетъ отъ нихъ новаго совѣщанія, когда находитъ приговоръ ихъ несогласнымъ съ доказательствами;

но присяжные вольны слѣдовать или неслѣдовать объясненіямъ и совѣтамъ судьи. Тутъ нѣтъ ничего обязательнаго. Въ такомъ точно смыслѣ коммисіею принято единогласно правило о недопущеніи нѣкоторыхъ свидѣтелей къ допросу. Но правило это относится къ порядку собранія доказательствъ, а не къ опредѣленію ихъ силы. Если не различать эти два рода правилъ, изъ которыхъ первыя могутъ и должны быть обязательными, то конечно можетъ показаться, что англійскіе законы насилуютъ совѣсть присяжныхъ; между тѣмъ извѣстно, что въ Англіи нѣчто подобное теоріи доказательствъ существуетъ только въ отношеніи къ нѣкоторымъ преступленіямъ, а именно къ государственной измѣнѣ и клятвопреступленію, для доказательства которыхъ требуется не менѣе двухъ свидѣтелей; вообще же въ англійскомъ правѣ, освященныя судебною практикою правила о доказательствахъ, имѣютъ значеніе лишь предостереженій отъ тѣхъ взглядовъ, которые могутъ ввесть въ заблужденіе присяжныхъ.

Семнадцать членовъ вовсе не одобряютъ французскую систему всевѣдѣнія присяжныхъ, основаннаго на безотчетныхъ впечатлѣніяхъ и не нуждающагося будто бы ни въ какомъ руководствѣ для правильнаго опредѣленія силы доказательствъ. Напротивъ того, поставленіе въ виду судей и присяжныхъ засѣдателей такихъ правилъ, которыя юридическою наукою и судебною практикою признаются въ бо́льшей части случаевъ вѣрными и справедливыми, совершенно необходимо, для предупрежденія легкомысленныхъ и не зрѣлыхъ рѣшеній. Но правила эти, по мнѣнію семнадцати членовъ, должны быть постановлены не для стѣсненія совѣсти судей и присяжныхъ засѣдателей въ оправданіи или обвиненіи подсудимаго по внутреннему ихъ убѣжденію, а единственно для облегченія имъ тщательнаго соображенія обстоятельствъ дѣла, т. е. правила о доказательствахъ должны быть постановлены не въ видѣ обязательныхъ предписаній, а въ видѣ инструкціи или наставленія. Уполномочивъ судей и присяжныхъ засѣдателей на опредѣленіе вины или невинности подсудимаго по внутреннему ихъ убѣжденію, законодатель-

ная власть можетъ дѣйствовать на нихъ въ этомъ отношеніи только путемъ убѣжденія, т. е. наставленіемъ, а не повелѣніемъ.

Въ означенномъ выше смыслѣ, а не въ какомъ либо другомъ, постановлена статья основныхъ положеній, возбудившая разномысліе (осн. пол. ч. II ст. 8). Это явствуетъ не только изъ соображеній, бывшихъ въ виду государственнаго совѣта, при изданіи основныхъ положеній, но даже изъ самаго текста разсматриваемаго положенія. Въ первой части этого положенія сказано: теорія доказательствъ, основанная единственно на ихъ формальности, отмѣняется. Помнѣнію одиннадцати членовъ положеніе это отмѣняетъ не теорію доказательствъ вообще, а только правила о доказательствахъ, основанныхъ на одной формальности. Противъ этого можно замѣтить, что если и допустить такое различіе въ правилахъ о доказательствахъ, невысказанное въ разсматриваемомъ положеніи и довольно шаткое въ своихъ основаніяхъ, то все таки изъ этого не слѣдуетъ, что теорія доказательствъ должна имѣть силу закона, а не наставленія для судей и присяжныхъ. Во второй части положенія, въ которой собственно и говорится о значеніи теоріи доказательствъ, постановлено: «правила о силѣ судебныхъ доказательствъ должны служить только руководствомъ при опредѣленіи вины или невинности подсудимыхъ по внутреннему убѣжденію судей». Изъ этихъ словъ, по видимому, одиннадцать членовъ выводятъ заключеніе объ оставленіи основными положеніями неприкосновенными нѣкоторыхъ обязательныхъ о доказательствахъ правилъ, имѣющихъ силу закона, а не одного наставленія. Вотъ съ этимъ-то заключеніемъ никакъ нельзя согласиться: во 1-хъ потому, что такое толкованіе основнаго положенія доводитъ его, какъ объяснено выше, до противорѣчія самому себѣ,—до невозможнаго въ исполненіи требованія, чтобы судьи рѣшали дѣла по внутреннему своему убѣжденію, но убѣждались не иначе, какъ по правиламъ закона, а во 2-хъ потому, что слова «только руководствомъ» явно противопоставлены обязательному исполненію закона. Руководствуетъ инструкція или настав-

леніе, а законъ повелѣваетъ,—различіе это, кажется, довольно ясно.

И такъ, по точному разуму основныхъ положеній, правила о силѣ доказательствъ должны служить только руководствомъ въ тщательномъ соображеніи обстоятельствъ дѣла, но самое опредѣленіе вины или невинности подсудимаго не можетъ имѣть другаго основанія, кромѣ внутренняго убѣжденія судей или присяжныхъ засѣдателей. Изъ этого слѣдуетъ, что правила о доказательствахъ, соотвѣтственно назначенію, данному имъ основными положеніями, должны имѣть надлежащую полноту, дабы они были не указаніемъ только того, что само собою разумѣется, но дѣйствительнымъ руководствомъ при обсужденій спорныхъ и сомнительныхъ случаевъ. Мало того, правила эти должны заключать въ себѣ объясненіе отвлеченныхъ понятій не только ихъ опредѣленіемъ, но и примѣрами. Это въ особенности необходимо въ отношеніи къ теоріи уликъ, которую не легко ясно уразумѣть и которая представляетъ не безопасный, но вмѣстѣ съ тѣмъ самый преобладающій способъ доказательства, при рѣшеніи дѣлъ по внутреннему убѣжденію судей.

Одиннадцать членовъ обращаютъ особенное вниманіе на то, что правила о доказательствахъ составляются преимущественно для присяжныхъ, и потому должны быть, по возможности, практичны и удобопонятны. Что правила о доказательствахъ составляются преимущественно для присяжныхъ, въ томъ позволительно усомниться. Правила эти, въ сущности, суть не что иное, какъ логическіе законы мышленія, развитые въ примѣненіи ихъ къ судопроизводству и приведенныя въ систему. Эта самая отвлеченная часть законовъ о судопроизводствѣ. Изложить правила о доказательствахъ такъ популярно, чтобы они были доступны каждому присяжному непосредственно, безъ всякихъ объясненій и толкованій со стороны судей, это такая трудная задача, которая нигдѣ, сколько намъ извѣстно, не разрѣшена удовлетворительно. Даже въ Англіи, какъ упомянуто выше, правила о доказательствахъ объясняются присяжнымъ въ наставленіи судьи. У насъ тѣмъ менѣе можно надѣяться на

общедоступное изложеніе правилъ о доказательствахъ, что большинство нашихъ присяжныхъ будетъ состоять изъ людей мало образованныхъ и неграмотныхъ. Во всякомъ случаѣ попытка популярнаго изложенія этихъ правилъ можетъ быть сдѣлана юристами, но вовсе несвойственна законодательству. Въ основныхъ положеніяхъ ясно сказано, что въ каждомъ дѣлѣ правила о силѣ доказательствъ, приведенныхъ въ пользу и противъ обвиняемаго, объясняетъ присяжнымъ засѣдателямъ предсѣдатель суда (осн. пол. ч. II ст. 87). Понятно послѣ того, что правила о доказательствахъ должны быть составлены преимущественно для судей, которые обязаны будутъ объяснять ихъ присяжнымъ болѣе или менѣе элементарно, примѣняясь въ каждомъ случаѣ къ степени умственнаго развитія присяжныхъ. За всѣмъ тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что при изложеніи руководства судьямъ слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на практичность и удобопонятность правилъ о доказательствахъ. Но развѣ можно достигнуть этой цѣли исключеніемъ изъ проекта о доказательствахъ всѣхъ объясненій, опредѣленій и примѣровъ? Развѣ этимъ самымъ судьи не будутъ лишены того руководства, которое должно быть дано имъ по основнымъ положеніямъ. Дѣйствительно, какимъ руководствомъ можетъ служить предлагаемое одиннадцатью членами общее опредѣленіе, что уликою признается всякое обстоятельство, изъ котораго можно вывести заключеніе или о событіи преступленія, или о виновности подозрѣваемаго лица.—Да развѣ это не разумѣется само собою? Подобное опредѣленіе годится только для полноты изложенія правилъ объ уликахъ, и такое именно значеніе оно имѣетъ въ проектѣ большинства. Но когда оно сопровождается, какъ въ проектѣ меньшинства, лишь такимъ же общимъ и очевиднымъ правиломъ, что тѣ только улики могутъ быть принимаемы во вниманіе, которыя имѣютъ несомнѣнную связь съ предметомъ сужденія, то невольно задаешь себѣ вопросъ: не лучше ли просто положиться на здравый смыслъ судей и присяжныхъ засѣдателей, чѣмъ предлагать имъ столь общія и ничего необъясняющія опредѣленія? Меньшинство членовъ

дошло до этого результата въ томъ убѣжденія, что указаніе уликъ не можетъ быть полно, и потому дастъ поводъ къ недоразумѣніямъ, и что, вообще, примѣры не могутъ имѣть мѣста въ законѣ. Но съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно согласиться. Нынѣшній законъ объ уликахъ погрѣшаетъ тѣмъ, что онъ выдаетъ примѣры за исключительныя улики и не обнимаетъ всѣхъ категорій уликъ. При общихъ правилахъ объ уликахъ, перечисленіе ихъ всѣхъ вовсе не нужно, если бы это и было возможно. Когда ясно указано, что приводимыя улики суть только примѣры, то никакого недоразумѣнія быть не можетъ. Ни одно законодательство, сколько намъ извѣстно, при начертаніи правилъ объ уликахъ, не избѣгало примѣровъ, потому что иначе правила эти были бы отвлеченны и неудобопонятны. Въ подтвержденіе этого можно сослаться на законодательства австрійское, прусское, виртембергское и другія.

Одиннадцать членовъ, желая объяснить взглядъ свой на правила о доказательствахъ, представляютъ замѣчанія на нѣкоторыя статьи составленнаго по этому предмету проекта. Такъ, 2-ю статью проекта они находятъ неясною, непрактичною и весьма похожею на нынѣшнее опредѣленіе совершеннаго доказательства (Свод. т. XV зак. суд. угол. ст. 305). Чтобы повѣрить это замѣчаніе, стоитъ только сравнить нынѣшній законъ съ проектированнымъ. Въ 305 ст. зак. суд. угол. постановлено: доказательства виновности почитаются совершенными, когда они исключаютъ всякую возможность къ показанію невинности подсудимаго. Во 2-й статьѣ проекта сказано: судьи и присяжные должны принимать за истину только то, въ чемъ они убѣждены въ такой степени, что по предмету ихъ сужденія не могутъ признать вѣроятнымъ ничего инаго. Различіе между этими статьями такое же, какое между возможнымъ и вѣроятнымъ. Сфера возможнаго несравненно обширнѣе сферы вѣроятнаго. Невѣроятное нерѣдко оказывается возможнымъ, а невозможное исключаетъ всякую вѣроятность. По этому когда совершенство доказательства обусловливается съ отрицательной стороны *невозможностію* противополож-

наго, то достовѣрность становится почти недосягаемою, потому, что логическая возможность противоположнаго всегда остается. Напротивъ того, когда убѣдительность доказательства обусловливается съ отрицательной стороны *невѣроятностію* противоположнаго, то достовѣрность дѣлается вполнѣ доступною, потому что невѣроятнымъ почитается только то, что несогласно съ естественнымъ порядкомъ вещей и обыкновеннымъ ходомъ событій. Извѣстный криминалистъ Миттермайеръ опредѣляетъ уголовно-юридическую достовѣрность такъ: она есть то состояніе сознанія, при которомъ основанія за (pro) не ослабляются никакими дѣйствительными или *вѣроятными* основаніями противъ (contra). Одиннадцать членовъ, замѣчая, что при условіи, указанномъ въ проектированной статьѣ, невозможно открыть истину, потому что вѣроятностямъ почти нѣтъ предѣловъ, находятъ, что если судья убѣдился въ виновности подсудимаго, то никакія вѣроятности не должны останавливать его въ признаніи этой виновности. Противъ этого можно возразить, что вѣроятностямъ почти нѣтъ предѣловъ только на пути къ истинѣ, а не ко лжи, которая всегда болѣе или менѣе невѣроятна и сама себя изобличаетъ. Кажется, не подлежитъ сомнѣнію, что если оправданія подсудимаго представляютъ какую либо вѣроятность, то онъ не можетъ быть осужденъ. Убѣждаться по доказательствамъ, собраннымъ слѣдствіемъ, не принимая въ расчетъ вѣроятность оправданій подсудимаго, значитъ судить односторонне, и обвинять во что бы ни стало. Изъ всего этого оказываатся, что разсматриваемая статья заключаетъ въ себѣ совершенно вѣрное и простое понятіе, почему и не можетъ быть признана неясною или непрактичною. Необходимость этой статьи видна изъ того, что она имѣетъ прямымъ назначеніемъ возстановить истинное понятіе о убѣдительности доказательства,—понятіе не точно выраженное въ нынѣшнемъ законѣ, почти неисполнимомъ и крайне стѣснительномъ для совѣсти судей.

Далѣе одиннадцать членовъ замѣчаютъ, что статья 4-я проекта наставленія судьямъ и присяжнымъ не имѣетъ никакого примѣненія, пото-

му что повторяетъ только перечисленіе доказательствъ, сдѣланное уже въ раздѣлѣ о предварительномъ слѣдствіи. Противъ этого можно возразить, что во всѣхъ кодексахъ, удержавшихъ теорію доказательствъ въ томъ или другомъ видѣ, въ главѣ о доказательствахъ дѣлается имъ перечисленіе, не смотря на то, что въ правилахъ о предварительномъ слѣдствіи упоминается о доказательствахъ разнаго рода. Такое перечисленіе составляетъ такъ называемую переходную статью, не безполезную для полноты и ясности изложенія.

Одиннадцать членовъ указываютъ, что за статьями 5 и 7 проекта, въ которыхъ достовѣрность судебнаго осмотра и заключенія свѣдущихъ людей поставлена въ зависимость отъ соблюденія при этомъ предписанныхъ правилъ и установленнаго порядка, оказываются излишними статьи 6 и 8, въ которыхъ говорится, какіе недостатки осмотра уничтожаютъ его достовѣрность и при какихъ условіяхъ заключеніе свѣдущихъ людей можетъ имѣть силу доказательства. На это слѣдуетъ объяснить, что почти всѣ законодательства, при начертаніи порядка совершенія актовъ или судебныхъ дѣйствій, различаютъ главныя правила, нарушеніе коихъ влечетъ за собою ничтожность акта или судебнаго дѣйствія, отъ правилъ меньшей важности, несоблюденіе коихъ не имѣетъ такихъ послѣдствій. Въ раздѣлѣ о предварительномъ слѣдствіи установлены подробныя правила относительно порядка осмотровъ, освидѣтельствованій и отобранія мнѣній отъ свѣдущихъ людей, и на эти именно правила сдѣлана ссылка въ статьяхъ 5 и 7. Но порядокъ, предписанный нѣкоторыми изъ этихъ правилъ, будучи полезнымъ, не можетъ однако быть признанъ необходимымъ для достовѣрности означенныхъ слѣдственныхъ дѣйствій. По этому статьи 6 и 8, указывающія, соблюденіемъ какихъ правилъ обусловливается достовѣрность осмотровъ или освидѣтельствованій и сила заключенія свѣдущихъ людей, тѣмъ менѣе могутъ почитаться безполезнымъ повтореніемъ, что изъ указанныхъ въ этихъ статьяхъ условій, одни составляютъ необходимый для оцѣнки доказательствъ выводъ изъ правилъ предварительнаго

слѣдствія, а другія, относящіяся не къ внѣшнему порядку, вовсе и не встрѣчаются въ тѣхъ правилахъ. Будутъ ли правила о доказательствахъ изданы въ видѣ обязательнаго закона, или въ видѣ наставленія, имѣющаго только нравственную силу, во всякомъ случаѣ слѣдуетъ различать въ этихъ правилахъ порядокъ, представляющійся необходимымъ для достовѣрности слѣдственныхъ дѣйствій, отъ порядка, только полезнаго для ясности дѣла. На возраженіе о неполнотѣ и неточности указанныхъ въ проектѣ условій достовѣрности осмотра, можно замѣтить: во 1-хъ, что нарушеніе слѣдователемъ правила, дозволяющаго участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ находиться при осмотрахъ, не должно уничтожать достовѣрность осмотра, такъ-какъ присутствіе этихъ лицъ при осмотрахъ не признается необходимымъ и слѣдователь не обязанъ ни вызывать ихъ, ни выжидать ихъ прибытія (проекта статья 280); во 2-хъ, что еще менѣе позволительно считать ничтожнымъ осмотръ по одному тому обстоятельству, что понятымъ былъ, вмѣсто хозяина дома или лавки, его сынъ, прикащикъ или работникъ, такъ-какъ предположенное правило, указывающее кто долженъ быть приглашаемъ въ понятые (ст. 284), разрѣшаетъ слѣдователю приглашать и другихъ лицъ, пользующихся довѣріемъ, и въ 3-хъ, что возраженія понятыхъ по существеннымъ обстоятельствамъ осмотра, въ бо́льшей части случаевъ, въ виду которыхъ и предначертаны необязательныя правила о доказательствахъ, не могутъ не уничтожать достовѣрности осмотра, и не безопасно было бы требовать для этого, чтобы понятые подкрѣпляли свои возраженія доказательствами; чѣмъ могутъ доказать понятые, что слѣдователь вписалъ въ актъ осмотра небывалое обстоятельство?

Въ 9-й статьѣ проекта сказано: при разногласіи между собою свѣдущихъ людей, принимается въ соображеніе степень свѣдѣній или искусства каждаго изъ нихъ. Въ сомнительныхъ случаяхъ, отдается предпочтеніе тому мнѣнію, которое болѣе благопріятно для подсудимаго. Одиннадцать членовъ находятъ эту статью крайне непрактичною, потому что нельзя требовать отъ большей

части нашихъ присяжныхъ засѣдателей основательныхъ соображеній о степени свѣдѣній или искусства каждаго изъ экспертовъ. Противъ этого можно возразить, что объ извѣстности, какою пользуется экспертъ, присяжнымъ можетъ и должно быть сообщаемо предсѣдателемъ суда. Не только присяжные, но и сами судьи не въ состояніи повѣрить по многимъ предметамъ основательность выводовъ эксперта, и если бы не слѣдовало принимать въ соображевіе авторитетовъ, то не для чего было бы и прибѣгать къ столь употребительной въ судопроизводствѣ повѣркѣ дѣйствій одного эксперта дѣйствіями другаго, болѣе извѣстнаго по своимъ познаніямъ или искусству. Притомъ принимать въ соображеніе не значитъ принимать за истину. Вообще, статья эта тѣмъ менѣе можетъ поставить кого либо въ затрудненіе, что въ ней указано, какъ поступать въ сомнительныхъ случаяхъ.

Въ 12-й статьѣ проекта сказано: противорѣчіе подсудимаго самому себѣ и несогласіе его показанія съ достовѣрными свѣдѣніями тогда только уничтожаютъ силу его признанія, когда относятся къ существеннымъ, а не къ побочнымъ обстоятельствамъ дѣла. Одиннадцать членовъ замѣчаютъ, что статья эта остановитъ не одного изъ присяжныхъ, а можетъ быть и коронныхъ судей, которые едвали дадутъ себѣ ясный отчетъ въ томъ, какія обстоятельства признавать существенными и какія побочными. Противъ этого достаточно сказать, что различать обстоятельства существенныя и побочныя столь естественно и столь необходимо при разборѣ каждаго дѣла, что едва ли можно предполагать какія либо затрудненія въ такомъ простомъ разборѣ обстоятельствъ дѣла. Притомъ подобное правило существуетъ уже въ Прусскомъ уставѣ, по которому признаніе ослабляется ложнымъ указаніемъ побочныхъ обстоятельствъ и вовсе теряетъ свою силу, когда окажется ложнымъ одно изъ главныхъ обстоятельствъ, въ немъ указанныхъ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, не убѣждаясь сдѣланными замѣчаніями на проектъ наставленія судьямъ и присяжнымъ, *семнадцать членовъ* не признаютъ нужнымъ измѣнять этотъ проектъ въ существѣ, и полагали

бы издать его въ приложеніи къ уставу уголовнаго судопроизводства, а въ самомъ уставѣ оставить по этому предмету только слѣдующія статьи:

Судьи и присяжные засѣдатели должны опредѣлять вину или невинность подсудимаго по внутреннему своему убѣжденію, основанному на обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла въ совокупности.

Правила о доказательствахъ, объясненныя въ приложенномъ при семъ наставленіи, постановляются не для стѣсненія совѣсти судей и присяжныхъ засѣдателей въ оправданіи или обвиненіи подсудимаго по внутреннему ихъ убѣжденію, но единственно для облегченія имъ тщательнаго соображенія обстоятельствъ дѣла.

Приложенное къ этимъ статьямъ наставленіе судьямъ и присяжнымъ засѣдателямъ раздѣляется на шесть главъ, заключающихъ въ себѣ правила: 1) о судебныхъ доказательствахъ вообще; 2) о доказательствѣ посредствомъ осмотра и удостовѣренія свѣдущихъ людей; 3) о доказательствѣ, основанномъ на признаніи подсудимаго; 4) о доказательствѣ посредствомъ свидѣтелей; 5) о письменныхъ доказательствахъ и 6) о доказательствѣ посредствомъ уликъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О порядкѣ постановленія приговоровъ безъ участія присяжныхъ.

Въ основныхъ положеніяхъ постановлены по настоящему предмету слѣдующія правила:

Предъ разрѣшеніемъ вопроса о примѣненіи законовъ о наказаніи, судъ выслушиваетъ заключеніе прокурора и объясненіе подсудимаго или его защитника (Осн. пол. ч. II ст. 73).

Если при рѣшеніи дѣла голоса судей раздѣлятся на два или болѣе мнѣнія, то за основаніе приговора принимается то мнѣніе, которое соединяетъ въ себѣ наиболѣе голосовъ; при равенствѣ ихъ отдается предпочтеніе тому мнѣнію, которое принято предсѣдателемъ суда, а если мнѣнія раздѣлились такъ, что голосъ предсѣдателя не можетъ дать перевѣса, то тому изъ равносильныхъ по числу голосовъ мнѣній, кото-

рое снисходительнѣе къ участи подсудимаго ст. 74).

Приговоръ можетъ быть только или осуждающій, или оправдывающій подсудимаго. Оставленіе въ подозрѣніи не допускается (ст. 9).

Судъ опредѣляетъ наказаніе на точномъ основаніи законовъ, но ему предоставляется право, по обстоятельствамъ, уменьшающимъ вину подсудимаго, смягчать наказаніе одною или двумя степенями, переходя притомъ и къ ближайшему роду наказаній, если въ законѣ пѣтъ степени ниже назначенной за противозаконное дѣяніе, а также ходатайствовать предъ Императорскимъ Величествомъ о помилованіи преступника, признаваемаго достойнымъ Монаршаго милосердія (ст. 75).

Сущность постановленнаго приговора провозглашается немедленно въ публичномъ засѣданіи суда, если сей послѣдній не признаетъ необходимымъ отложить совѣщаніе и объявленіе приговора до другаго засѣданія (ст. 76).

При развитіи этихъ положеній, возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) всегда ли приговоръ суда можетъ быть только осуждающій или оправдывающій?

2) имѣетъ ли право оправданный подсудимый требовать вознагражденія за неосновательное привлеченіе его къ суду?

3) можетъ ли оправданный подсудимый требовать вознагражденія въ томъ случаѣ, когда въ неправильномъ его преслѣдованіи никто не обвиняется? и

4) необходимо ли, чтобы вознагражденіе гражданскому истцу или подсудимому было опредѣляемо совмѣстно съ приговоромъ объ уголовной отвѣтственности послѣдняго?

О различныхъ родахъ приговоровъ (ст. 707).

При разрѣшеніи уголовныхъ дѣлъ могутъ представиться слѣдующіе три рода случаевъ:

во 1-хъ, дѣяніе, въ коемъ былъ обвиняемъ подсудимый, можетъ быть признано недоказаннымъ, не подлежащимъ вмѣненію или не воспрещеннымъ подъ страхомъ наказанія: во всѣхъ этихъ случаяхъ подсудимый долженъ быть почитаемъ оправданнымъ;

во 2-хъ, подсудимый можетъ быть признанъ изобличеннымъ въ такомъ преступномъ дѣяніи,

которое вмѣняется ему въ вину и отъ отвѣтственности за которое онъ не можетъ быть освобожденъ: въ этомъ случаѣ подсудимый почитается осужденнымъ;

въ 3-хъ, подсудимый можетъ быть признанъ изобличеннымъ въ такомъ преступномъ дѣяніи, которое покрывается давностію, милостивымъ манифестомъ или иною законною причиною прекращенія дѣла: въ этихъ случаяхъ подсудимаго нельзя считать ни оправданнымъ, ни осужденнымъ, но надлежитъ признавать освобожденнымъ отъ наказанія.

На этомъ основаніи, коммисія раздѣлила приговоры на три рода: на оправдывающіе, осуждающіе и освобождающіе отъ наказанія.

О вознагражденіи подсудимаго за неосновательное привлеченіе его къ суду (ст. 714—717).

Въ основныхъ положеніяхъ вовсе не упоминается о вознагражденіи подсудимаго за неосновательное привлеченіе его къ суду. Въ слѣдствіе сего коммисія обратилась къ разсмотрѣнію существующихъ нынѣ по этому предмету правилъ, изъ коихъ одни относятся къ дѣйствіямъ частныхъ лицъ, а другія къ дѣйствіямъ лицъ должностныхъ. По существующимъ законамъ, всякій обязанъ доводить до свѣдѣнія надлежащаго начальства объ извѣстныхъ ему признакахъ учиненнаго преступленія, не подвергаясь отвѣтственности въ случаѣ, когда преступленіе не будетъ доказано (свод. Т. XV зак. суд. угол. ст. 36); но явное обвиненіе кого либо въ преступленіи, называемое доносомъ, должно, быть основано на точныхъ доказательствахъ, и если окажется ложнымъ, то подвергаетъ доносчика какъ личному наказанію, такъ и взысканію вознагражденія за причиненные его дѣяніемъ вредъ и убытки (т. X зак. гражд. ст. 644 и 645; т. XV улож. наказ. ст. 1206 и зак. суд. уголов. ст. 44, 48 и 55). Какой доносъ надлежитъ признавать ложнымъ, о томъ въ законѣ нѣтъ точнаго опредѣленія, но сдѣлано однако указаніе на разнорѣчіе въ извѣтахъ, на употребленіе средствъ къ вовлеченію начальства въ заблужденіе и на то, что доносъ не почитается лживымъ, если обвиняемый оставленъ въ подозрѣніи или освобожденъ единственно по недостатку доказательствъ вины, а равно и въ томъ

случаѣ, когда въ разныхъ судахъ были различные о справедливости или несправедливости извѣта приговоры (т. XV улож. наказ. ст. 1206 и 1207; зак. суд. угол. ст. 59). По существующимъ законамъ о должностныхъ лицахъ, чиновникъ, который, производя слѣдствіе, съ намѣреніемъ не соблюдаетъ предписанныхъ правилъ и формъ, или приметъ какія либо противозаконныя мѣры, не только подвергается за это наказанію, въ законахъ опредѣленному, но обязанъ, сверхъ того, вознаградить за причиненные имъ убытки и вредъ (т. X зак. гражд. ст. 677 и т. XV улож. наказ. ст. 471). Прокуроры и стряпчіе должны предъявлять доношенія и уголовные иски только тогда, когда имѣютъ на оные ясныя доказательства или сильныя улики; имъ не ставится въ вину, если доношенія ихъ не во всѣхъ частяхъ окажутся справедливыми; но если они обвиняемаго ни въ чемъ не уличатъ и весь доносъ ихъ найденъ будетъ неправымъ, хотя и неумышленнымъ, то они не должны оставаться безъ взысканія. За умышленное вчиненіе неправильнаго уголовнаго иска, прокуроры и стряпчіе подвергаются платежу всѣхъ проторей и убытковъ и наказанію, опредѣленному за лживый доносъ (т. XV зак. суд. угол. ст. 64—67). Примѣняя приведенные законы къ новому порядку судопроизводства, коммисія приняла во вниманіе, что положенное въ основаніе этого порядка обвинительное начало не могло бы имѣть надлежащаго дѣйствія, если бы обвинитель подвергался взысканію во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый не осужденъ, тѣмъ болѣе, что доводы, достаточные для привлеченія обвиняемаго къ суду, могутъ оказаться недостаточными для его осужденія, и что за недопущеніемъ въ уголовныхъ приговорахъ оставленія подсудимаго въ подозрѣніи, невозможно различать, освобождается ли обвиняемый отъ суда какъ оправданный, или только какъ недостаточно изобличенный. По этому коммисія пришла къ убѣжденію, что судъ долженъ опредѣлять оправданному подсудимому вознагражденіе лишь въ томъ случаѣ, когда признаетъ, что лицо, къ которому обращенъ искъ о вознагражденіи, дѣйствовало недобросовѣстно, искажая обстоятельства проис-

шествія, дѣлая ложныя показанія или подговаривая къ тому другихъ, или же употребляя какія нибудь иныя незаконныя или предосудительныя средства къ обвиненію. По мнѣнію коммисіи оправданный подсудимый не лишается права просить вознагражденія и съ судебнаго слѣдователя или прокурора, если можетъ доказать, что они дѣйствовали пристрастно, притѣснительно, безъ законнаго повода или основанія, или же, вообще, недобросовѣстно; но просьбы такого рода должны быть приносимы не окружному суду, а судебной палатѣ въ порядкѣ, установленномъ для взысканій съ должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства.

О вознагражденіи такого подсудимаго, который былъ правильно привлеченъ къ дѣлу, но по суду оправданъ.

По вопросу о томъ, можетъ ли оправданный подсудимый требовать вознагражденія въ томъ случаѣ, когда въ неправильномъ его преслѣдованіи никто не обвиняется, въ коммисіи произошли разныя мнѣнія:

Мнѣніе восьми членовъ.

Восемь членовъ (Вилинбаховъ, С. Зарудный, Любимовъ, Перетцъ, Поповъ, Принтцъ, Розовъ и Романовскій) находятъ, что большая часть подсудимыхъ принадлежитъ къ классу народа, трудами рукъ добывающаго себѣ и семьѣ своей средства къ существованію. Привлеченіе къ уголовному преслѣдованію всякаго, а въ особенности человѣка, котораго насущный хлѣбъ обусловливается личнымъ трудомъ его, есть безспорно зло, избѣжать котораго въ томъ случаѣ, когда преслѣдованіе основано на уликахъ, нѣтъ никакой возможности. Зло это дѣлается справедливымъ возмездіемъ, когда подозрѣніе обращается въ совершившійся фактъ, и обвиняемый признается виновнымъ;—оно можетъ быть оправдано даже и въ томъ случаѣ, когда привлеченіе имѣетъ послѣдствіемъ лишеніе свободы на продолжительное время. Но когда привлеченнымъ къ уголовному преслѣдованію оказывается невинный, имѣвшій несчастіе подвергнуться преслѣдованію, или даже и лишенію свободы, по стеченію неотразимыхъ обстоятельствъ, то зло это уже не представляется необходимымъ, но дѣлается несправедливостію. Легко представить себѣ ту нравственную пытку, которую придется вынести

честному человѣку въ то время, когда призовутъ его къ слѣдствію, когда въ публичномъ засѣданіи станутъ обвинять его въ преступленіи, котораго онъ не совершалъ, когда онъ вынужденъ долгое время просидѣть въ заперти, окруженный людьми, иногда болѣе чѣмъ безнравственными. Такая пытка невыносима, это ясно, но этой бѣдѣ помочь едва-ли можетъ кто либо, тѣмъ болѣе не во власти правительства вознаградить тѣ нравственныя страданія, которыя вынесъ невинный; но кромѣ этого, оправданный подсудимый, въ большей части случаевъ, черезъ долговременное заключеніе приходитъ въ совершенное раззореніе, и семья его, на долгое время потерявшая единственную поддержку, подъ часъ бываетъ вынуждена протянуть руку за подаяніемъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ возмездіе дѣлается необходимымъ. Что нельзя оставить безъ пособія и поддержки такую вопіющую бѣду, объ этомъ никто спорить не станетъ; но говорятъ, что это дѣло не правительства, а общества и его благотворительныхъ учрежденій. Мысль эта, конечно, справедлива: кому ближе должна бы быть участь и положеніе гражданина, какъ не обществу, въ средѣ котораго онъ живетъ, тѣмъ болѣе, что по поводу огражденія интересовъ общества пострадалъ подсудимый. Но при этомъ слѣдовало бы принять во вниманіе, что у насъ несуществуетъ еще тѣхъ спеціальныхъ учрежденій, которыя имѣли бы задачею оказывать пособіе такимъ нуждающимся; да если бы подобное благотворительное общество и существовало, то не всякій зналъ бы гдѣ оно, какъ къ нему обратиться, а главное то, что многихъ стѣсняла бы необходимость идти и просить помощи у кого бы то ни было. Чѣмъ чище и честнѣе натура нуждающагося, тѣмъ труднѣе было бы ему отправиться искать пособія; нашлись бы такіе (и это были бы лучшіе), которые рѣшились бы скорѣе претерпѣть всякаго рода лишенія и нужду, чѣмъ протянуть руку. Вотъ почему справедливое возмездіе не должно быть поставлено въ зависимость отъ необходимости просить его. Интересы невинно пострадавшаго должны быть подъ чьею либо опекою, о нихъ долженъ кто либо заботиться, не потому только, что того ищетъ по-

страдавшій, а поточу, что этого требуетъ, кромѣ состраданія, и самая справедливость. Кому же вѣрнѣе оцѣнить необходимость такой помощи, какъ не суду, въ рукахъ котораго было дѣло, кому ближе о томъ начать ходатайство, какъ не тѣмъ лицамъ, коими было ведено незаслуженное преслѣдованіе, и кому болѣе приличествуетъ оказать эту помощь, какъ не верховному правительству. Полагаютъ, что правительству слишкомъ дорого обошлась бы эта благотворительность, но такое опасеніе едвали основательно, такъ какъ дѣла подобнаго рода, по исключительному свойству своему, возникать будутъ весьма рѣдко.

По симъ соображеніямъ *восемь членовъ* полагаютъ постановить:

Суду предоставляется ходатайствовать предъ Императорскимъ Величествомъ о вознагражденіи оправданнаго подсудимаго даже и въ томъ случаѣ, когда въ неправильномъ его преслѣдованіи никто не можетъ быть признанъ виновнымъ, если такой подсудимый, въ теченіе производства о немъ дѣла, содержался продолжительное время подъ стражею.

Мнѣніе большинства. *Двадцать членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Баронъ Врангель, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, М. Зарудный, Зубовъ, Калачевъ, Квистъ, Книрим, Ковалевскій, Крейтеръ, Плавскій, Ровинскій, Рѣпинскій, Спасовичъ, Чемадуровъ и Шечковъ)* находятъ, что никто не можетъ быть преданъ суду безъ явныхъ уликъ въ томъ преступленіи, въ которомъ онъ обвиняется. Если выведенныя по дѣлу улики окажутся на судѣ недостаточно убѣдительными для осужденія обвиняемаго, то во всякомъ случаѣ изъ этого не слѣдуетъ, чтобы онъ имѣлъ право на вознагражденіе за нахожденіе подъ судомъ. Когда подозрѣніе на подсудимаго возбуждено злонамѣренными или, по крайней мѣрѣ, недобросовѣстными дѣйствіями извѣтчика, обвинителя или слѣдователя, то само собою разумѣется, что виновные въ такихъ дѣйствіяхъ обязаны вознаградить причиненные ими оправданному подсудимому вредъ и убытки. Но подозрѣніе можетъ имѣть источникомъ и дѣйствительную винов-

ность подсудимаго, хотя бы она не на столько была выяснена слѣдствіемъ, чтобы подозрѣніе обратилось въ убѣжденіе. Не ужели только потому, что подсудимый умѣлъ покрыть тайною совершенное имъ преступленіе или истребить слѣды его, слѣдуетъ допустить требованіе имъ вознагражденія съ тѣхъ лицъ, которыя справедливо его преслѣдовали, но не могли изобличить, по несовершенству человѣческаго правосудія. Такимъ образомъ обворованный не только не получилъ бы удовлетворенія за похищенную у него собственность, но еще долженъ былъ бы заплатить вознагражденіе вору, за то, что обезпокоилъ его своею справедливою жалобою. Конечно, восемь членовъ имѣли въ виду не эти случаи, а только тѣ, въ которыхъ подсудимый можетъ навлечь на себя подозрѣніе единственно по несчастному для него стеченію обстоятельствъ. Но человѣческое правосудіе судитъ только по наружности; оно не въ состояніи различать безошибочно, отъ чего происходитъ недостаточность доказательствъ: отъ дѣйствительной ли невинности подсудимаго, навлекшаго на себя подозрѣніе своими неосмотрительными или двусмысленными дѣйствіями, или отъ виновности, окруженной тайною и искусно замаскированной. Впрочемъ, если бы и была возможность различать всѣ эти оттѣнки, то и въ такомъ случаѣ не представлялось бы основанія къ назначенію вознагражденія тѣмъ изъ освобожденныхъ отъ суда лицъ, которыя были преслѣдуемы по законнымъ поводамъ и установленнымъ порядкомъ. Всякій, въ силу своихъ гражданскихъ обязанностей, долженъ дать отвѣтъ въ тѣхъ нарушеніяхъ общественнаго порядка, въ которыхъ онъ навлекъ на себя подозрѣніе. На случаи, въ которыхъ подозрѣніе это навлечено на подсудимаго лишь несчастнымъ для него стеченіемъ обстоятельствъ, нельзя смотрѣть иначе, какъ на тѣ несчастія, которымъ человѣкъ нерѣдко подвергается или въ слѣдствіе несовершенствъ его природы и общественнаго устройства, или въ слѣдствіе неисповѣдимыхъ судебъ верховнаго промысла. Случаи эти требуютъ не возстановленія справедливости дѣйствіемъ правосудія, но уврачеванія неизбѣж-

наго въ мірѣ зла мѣрами благотворительности. Когда никто не можетъ быть обвиненъ ни въ неправильномъ возбужденіи, ни въ неправильномъ производствѣ уголовнаго иска, то вознагражденіе оправданному подсудимому могло бы быть назначено только изъ казны. Но надо имѣть совершенную увѣренность въ невинности подсудимаго, чтобы обращать удовлетвореніе его на тѣхъ непричастныхъ дѣлу гражданъ, изъ чьихъ податей и повинностей образуются казенныя суммы, тѣмъ болѣе, что вообще щедрость на счетъ казны позволительна только тогда, когда государственное казначейство въ состояніи удовлетворять, безъ затрудненія, всѣ необходимыя государственныя потребности, не обременяя гражданъ налогами, а такого цвѣтущаго состоянія наше казначейство можетъ достигнуть не прежде, какъ по развитіи всѣхъ производительныхъ силъ государства.

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ *двадцать членовъ*, несоглашаясь съ предположеніемъ о назначеніи вознагражденія оправданнымъ подсудимымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда преслѣдованіе ихъ происходило по законнымъ поводамъ и установленнымъ порядкомъ, полагаютъ съ своей стороны, что вознагражденіе такихъ подсудимыхъ должно быть предметомъ не государственныхъ расходовъ, но общественной благотворительности, приводимой въ дѣйствіе благотворительными обществами.

О порядкѣ, въ которомъ вознагражденіе присуждается (ст. 718).

Обращаясь за симъ къ вопросу о порядкѣ назначенія вознагражденія гражданскому истцу или подсудимому, коммисія находила, что при устномъ и гласномъ судопроизводствѣ провозглашеніе приговора должно слѣдовать непосредственно за судебнымъ слѣдствіемъ и заключительными преніями,—иначе публикѣ, являющейся въ судъ для слушанія дѣлъ, было бы затруднительно слѣдить за ходомъ ихъ отъ начала до конца и удостовѣряться въ справедливости приговоровъ, а, при затруднительности публичнаго контроля надъ судебными дѣйствіями, гласность суда недостигала бы своей цѣли. Между тѣмъ нельзя не предвидѣть случаевъ, въ которыхъ иска о вознагражденіи невозможно будетъ раз-

рѣшить въ одинъ пріемъ, безъ собранія дополнительныхъ доказательствъ и назначенія новаго судебнаго засѣданія. По этому коммисія положила постановить, что если судъ, по предмету требуемаго какою либо стороною вознагражденія, признаетъ необходимымъ собрать дополнительныя свѣдѣнія или произвести подробный расчетъ убыткамъ въ присутствіи сторонъ, то неостанавливаясь постановленіемъ приговора, отлагаетъ разрѣшеніе собственно гражданскаго иска, возложивъ, буде нужно, производство по этому предмету на одного изъ своихъ членовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

О порядкѣ постановленія приговоровъ съ участіемъ присяжныхъ.

Въ основныхъ положеніяхъ постановлены по этому предмету слѣдующія правила:

Присяжные засѣдатели разрѣшаютъ предложенные имъ чрезъ старшаго вопросы по большинству голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ, дается преимущество тому мнѣнію, которое оправдываетъ подсудимаго (Осн. пол. ч. II ст. 89).

Присяжные засѣдатели могутъ къ отвѣтамъ своимъ на вопросы присовокупить, что подсудимый, по обстоятельствамъ дѣла, заслуживаетъ снисхожденія (ст. 90).

По собраніи голосовъ, старшій засѣдатель возвращаетъ предсѣдателю суда вопросы съ отвѣтами присяжныхъ (ст. 91).

Рѣшеніе присяжныхъ произносится ими и провозглашается предсѣдателемъ въ томъ же засѣданіи суда (ст. 9).

Если рѣшеніемъ присяжныхъ, подсудимый признанъ заслуживающимъ снисхожденія, то судъ долженъ уменьшить слѣдующее ему по закону наказаніе одною степенью, а если усмотритъ въ дѣлѣ особыя обстоятельства, уменьшающія вину, то двумя степенями. Въ случаяхъ особенной важности, судъ можетъ ходатайствовать о помилованіи преступника (ст. 93).

Если судъ признаетъ единогласно, что рѣшеніемъ присяжныхъ осужденъ невинный, то постановляетъ о передачѣ дѣла на разсмотрѣніе

новаго состава присяжныхъ засѣдателей, рѣшеніе которыхъ признается во всякомъ случаѣ окончательнымъ (ст. 9).

При развитіи вышеприведенныхъ основныхъ положеній, въ коммисіи возбуждены были слѣдующіе вопросы:

1) при отправкѣ присяжныхъ въ особую комнату для совѣщаній, нужно ли снабжать ихъ какими либо документами изъ письменнаго производства?

2) должны ли присяжные подавать свои голоса явно, на словахъ, или тайно, на письмѣ?

3) могутъ ли присяжные ограничить значеніе отвѣта на предложенный имъ вопросъ или инымъ образомъ выразить свое мнѣніе, не вполнѣ соотвѣтствующее постановленному вопросу?

4) при какомъ числѣ голосовъ, данныхъ противъ подсудимаго, слѣдуетъ считать его осужденнымъ?

5) можетъ ли судъ во всякомъ случаѣ подвергнуть дѣло вторичному разсмотрѣнію, при новомъ составѣ присяжныхъ, если признаетъ подсудимаго неправильно осужденнымъ?

О сообщеніи присяжнымъ нѣкоторыхъ документовъ (ст. 733).

По первому вопросу въ коммисіи произошло разногласіе:

Мнѣніе десяти членовъ.

Десять членовъ (Бычковъ, Вилинбаховъ, Даневскій, Есиповичъ, С. Зарудный, Калачевъ, Любимовъ, Розовъ, Рѣпинскій и Шечковъ) предъявили слѣдующее мнѣніе:

Вопросъ о томъ, могутъ-ли присяжные, удаляясь въ особо назначенную для нихъ комнату для постановленія приговора, взять съ собою какіе-либо документы, разрѣшается многими иностранными законодательствами утвердительно. Такъ, напримѣръ, въ Женевскомъ уставѣ постановлено, что предсѣдатель передаетъ старшему изъ присяжныхъ вопросы вмѣстѣ съ обвинительнымъ актомъ и протоколами, свидѣтельствующими о проступкѣ, и другими документами процесса, кромѣ письменныхъ показаній свидѣтелей и подсудимыхъ. Въ уставѣ Нью-Іоркскаго уголовнаго судопроизводства сказано, что присяжные, удаляясь для сужденія по дѣлу, могутъ взять протоколы и документы, представленные въ доказательство,

кромѣ показаній свидѣтелей и такихъ частныхъ документовъ, которые судъ признаетъ неподлежащими отобранію отъ лицъ, которымъ они принадлежатъ.

Десять членовъ находятъ, что при введеніи и у насъ суда присяжныхъ, нѣтъ достаточнаго основанія лишать ихъ права взять съ собою, для соображенія при постановленіи приговора, акты осмотровъ и обысковъ и вещественныя доказательства, ибо хотя противъ этого и было заявлено возраженіе, что не всѣ присяжные будутъ грамотные люди, почему тѣ изъ нихъ, которые не умѣютъ читать, могутъ быть введены въ заблужденіе грамотнымъ, который прочтетъ имъ въ актѣ не то, что написано; но это возраженіе, неговоря уже о томъ, что основано на невѣроятномъ и преднамѣренномъ искаженіи акта, не можетъ имѣть достаточной силы и потому, что не одинъ же грамотный будетъ между двѣнадцатью присяжными, а потому если бы одинъ грамотный и вздумалъ обмануть безграмотныхъ, прочитавъ имъ не то, что написано, то обманъ его будетъ сейчасъ же обнаруженъ другими грамотными присяжными. Если же присяжнымъ не дозволить брать съ собою упомянутые акты, то они, въ случаѣ сомнѣнія о точномъ содержаніи сихъ актовъ, которое можетъ быть имъ часто необходимо по описанію мѣстности, гдѣ совершилось преступленіе, по означенію или очерку расположенія комнатъ и т. п., должны будутъ возвращаться въ засѣданіе суда и требовать поясненій отъ предсѣдателя, при чемъ не можетъ быть отказано и сторонамъ въ правѣ дать свои объясненія, а въ слѣдствіе этого будутъ безпрестанно возобновляться препія, которыя, вмѣсто разъясненія дѣла, могутъ только запутать и усложнить его до безконечности.

Что касается обвинительнаго актэ, то онъ, по мнѣнію десяти членовъ, не можетъ быть вручаемъ присяжнымъ, ибо врученіе его одного, безъ письменнаго возраженія на него со стороны подсудимаго, нарушило бы равенство между сторонами, такъ какъ предъ глазами присяжныхъ оставалось бы одно обвиненіе, безъ противоположнаго ему оправданія.

По симъ соображеніямъ *десять членовъ* полагаютъ постановить, что присяжнымъ могутъ быть вручены, по ихъ требованію, акты осмотровъ и обысковъ, съ приложеніемъ вещественныхъ доказательствъ.

Мнѣніе большинства.

Семнадцать членовъ (Баршевскій, Буцковскій, бар. Врангель, М. Зарудный, Зубовъ, Квистъ, Кнримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Принцъ, Ровинскій, Романовскій, Спасовичъ и Чемадуровъ) находятъ, что при устномъ порядкѣ судопроизводства всѣ акты предварительнаго слѣдствія повѣряются на судѣ и выясняются состязаніемъ сторонъ, которое въ дѣлахъ, разсматриваемыхъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, завершается краткимъ словомъ предсѣдателя, обязаннаго указать какъ существо дѣла, такъ и истинный смыслъ слѣдственныхъ актовъ. Послѣ такихъ объясненій, врученіе присяжнымъ засѣдателямъ какихъ либо актовъ предварительнаго слѣдствія можетъ принести весьма сомнительную пользу и даже не безопасно въ тѣхъ случаяхъ, когда первоначальное значеніе актовъ измѣнилось при слѣдствіи судебномъ, потому что такимъ образомъ послѣднее впечатлѣніе оставалось бы не за судебнымъ слѣдствіемъ, которое должно служить основаніемъ приговора, но за слѣдствіемъ предварительнымъ, доставляющимъ лишь одинъ грубый матеріалъ, очищаемый на судѣ. У насъ передача какихъ либо актовъ предварительнаго слѣдствія присяжнымъ была бы тѣмъ болѣе опасна, что большинство нашихъ присяжныхъ едва ли будетъ имѣть достаточное образованіе, для самостоятельной ихъ оцѣнки. Въ присутствіи присяжныхъ, состоящемъ частію изъ такъ называемыхъ письменныхъ людей, а частію изъ людей неграмотныхъ, вліяніе первыхъ сдѣлается неотразимымъ, коль скоро они будутъ вооружены какими либо письменными документами. Извѣстно, какое значеніе придаютъ наши простолюдины каждой писанной строкѣ, независимо отъ ея содержанія. Вообще, трудно представить себѣ возможность диспута между такими присяжными, изъ которыхъ одни, въ подкрѣпленіе своего мнѣнія, предъявляютъ документъ, недо-

ступный для другихъ. Говорятъ, что не слѣдуетъ лишать присяжныхъ возможности имѣть подъ рукою нѣкоторые акты слѣдствія, основываясь на одномъ невѣроятномъ предположеніи, что средство это можетъ быть употреблено во зло грамотными присяжными. Дай Богъ, чтобы это предположеніе дѣйствительно оказалось невѣроятнымъ. Но какъ законодательству несвойственны никакія оптимистическія иллюзіи, то оно и не можетъ пренебрегать никакими мѣрами, ограждающими отъ злоупотребленій устанавливаемый имъ порядокъ. Кромѣ того, врученіе документовъ предварительнаго слѣдствія тѣмъ присяжнымъ, которые въ состояніи ими пользоваться, опасно не только въ томъ предположеніи, что такимъ образомъ можетъ быть усилено вліяніе недобросовѣстныхъ дѣйствій, но также и въ предположеніи неправильнаго, хотя и добросовѣстаго толкованія тѣхъ самыхъ актовъ, которыхъ смыслъ установленъ судебными преніями. Наконецъ, ко всему этому можно присовокупить, что если будетъ постановлено о передачѣ актовъ слѣдствія присяжнымъ, то нѣкоторые изъ нихъ, расчитывая на возможность прочесть акты, были бы менѣе внимательными къ происходящему на судѣ слѣдствію. Указываютъ на то, что по нѣкоторымъ уставамъ уголовнаго судопроизводства, какъ-то Женевскому и Нью-Іоркскому, присяжнымъ передаются протоколы предварительнаго слѣдствія, за исключеніемъ содержащихъ въ себѣ показанія свидѣтелей. Но какое значеніе имѣетъ это указаніе на иностранныя законодательства, когда рядомъ съ нимъ можно поставить другое, ему противоположное? Такъ, по Брауншвейгскому уставу, вопросы передаются присяжнымъ безъ всякихъ другихъ документовъ, но имъ дозволяется требовать, чтобы секретарь прочелъ имъ нѣкоторые акты. Такъ, въ Прусскомъ уставѣ о передачѣ присяжнымъ какихъ либо актовъ слѣдствія вовсе не упоминается, но сказано только, что если при рѣшеніи вопросовъ, имъ предложенныхъ, они встрѣтятъ какія либо сомнѣнія, то могутъ требовать объясненій отъ предсѣдателя. Наконецъ выводятъ, что возвращеніе присяжныхъ въ засѣданіе суда, для приведенія на память или изъясненія

имъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ дѣла, потребовало бы возобновленія преній между сторонами и могло бы запутать и усложнить производство дѣла. Противъ этого можно замѣтить, что напоминая или объясняя присяжнымъ нѣкоторыя обстоятельства дѣла, предсѣдатель суда не выходитъ изъ предѣловъ тога краткаго слова, которымъ завершается состязаніе сторонъ и послѣ котораго не можетъ быть допущено никакихъ преній, а потому и опасеніе запутать и усложнить производство дѣла не имѣетъ достаточнаго основанія. Въ Англіи, если присяжные во время совѣщанія увидятъ нужду въ судьѣ, вслѣдствіе своихъ несогласій насчетъ содержанія показаній, или вслѣдствіе сомнѣній насчетъ какого нибудь юридическаго пункта, то они возвращаются изъ совѣщательной комнаты въ залу засѣданій и въ присутствіи обвинителя и обвиняемаго излагаютъ свои сомнѣнія, а судья даетъ имъ необходимыя объясненія. Равномѣрно по Виртембергскому и Баденскому уставамъ присяжные, встрѣчая при совѣщаніяхъ какія либо сомнѣнія, возвращаются въ присутствіе суда и требуютъ отъ судей нужныхъ объясненій. Почему же порядокъ, существующій въ нѣкоторыхъ государствахъ съ очевидною пользою для дѣла, и представляющій одно изъ дѣйствительнѣйшихъ ограждевій безпристрастія присяжныхъ, можетъ породить у насъ какія-то особенныя затрудненія, тогда какъ онъ наиболѣе соотвѣтствуетъ той степени цивилизаціи, на которой стоитъ наше общество и при которой исключеніе изъ числа присяжныхъ всѣхъ неграмотныхъ лицъ было бы нетолько несправедливо, но даже и невозможно.

По этимъ соображеніямъ *семнадцать членовъ* коммисіи полагаютъ постановить, что никакія акты изъ письменнаго производства присяжнымъ не передаются, но предсѣдатель суда предувѣдомляетъ ихъ, что если они пожелаютъ выяснить какое либо обстоятельство въ дѣлѣ, то могутъ возвратиться для сего въ залу засѣданія.

О порядкѣ подачи голосовъ присяжными (ст. 735—738).

Относительно порядка подачи голосовъ присяжными, коммисія находила, что коллегіальный составъ присутствія присяжныхъ не имѣлъ бы

никакого значенія, если бы они подавали голоса безъ всякаго совѣщанія между собою. Присяжные должны произносить приговоры не подъ вліяніемъ безотчетныхъ впечатлѣній, но по зрѣломъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла, а для этого нетолько совѣщанія, но и диспуты между ними необходимы. Если это такъ, то возможно ли, чтобы присяжные, совѣщаясь и споря между собою, не обнаружили другъ передъ другомъ своихъ мнѣній? При такомъ порядкѣ рѣшенія дѣлъ, подача голосовъ можетъ быть тайною только по видимому, а не въ дѣйствительности. Это неудачное изобрѣтеніе французскаго законодательства есть не что иное, какъ маскарадъ, въ которомъ всѣ замаскированные знаютъ другъ друга. Кромѣ того, употребляемый во Франціи способъ тайной подачи голосовъ посредствомъ надписей, дѣлаемыхъ присяжными на данныхъ имъ билетахъ, былъ бы совершенно неудобенъ у насъ, при предполагаемомъ допущеніи въ составъ присутствія присяжныхъ неграмотныхъ лицъ, которыя по необходимости должны были бы обращаться, для сдѣланія надписи на выданныхъ имъ билетахъ, къ грамотнымъ своимъ товарищамъ и, слѣдовательно, не могли бы соблюсти даже и по наружности тайну подачи голоса. Что же касается тайной балотировки голосовъ шарами, то она представляетъ много шансовъ ошибочнаго означенія голоса и, вообще, слишкомъ ненадежна для того, чтобы ввѣрить ей рѣшеніе участи подсудимаго. Вслѣдствіе сего коммисія положила принять за правило, что голоса отъ присяжныхъ отбираются словесно старшиною ихъ, который, сосчитавъ вслухъ голоса утвердительные и отрицательные, означаетъ противъ каждаго вопроса послѣдовавшее рѣшеніе.

О выраженіяхъ, въ которыхъ присяжные разрѣшаютъ предложенные имъ вопросы (ст. 739 и 740).

Рѣшеніе каждаго вопроса должно состоять, по мнѣнію коммисіи, изъ утвердительнаго «да» или отрицательнаго «нѣтъ», съ присовокупленіемъ того слова, въ которомъ заключается сущность отвѣта. Такъ на вопросы: совершалось ли преступленіе? Виноватъ ли подсудимый? Съ предумышленіемъ ли онъ дѣйствовалъ?—Утвердительные отвѣты должны быть: Да, совершил-

лось.—Да, виноватъ.—Да, съ предумышленіемъ. Но въ тѣхъ случаяхъ, когда присяжные признаютъ, что однимъ утвержденіемъ или отрицаніемъ невозможно выразить съ точностію ихъ мнѣнія, то они могутъ дать надлежащее значеніе отвѣту прибавленіемъ къ установленнымъ выраженіямъ нѣкоторыхъ словъ, напр. «Да, виноватъ, но безъ предумышленія».

О числѣ голосовъ, необходимыхъ для обвинительнаго приговора присяжныхъ (ст. 741).

По вопросу о томъ: при какомъ числѣ голосовъ, данныхъ противъ подсудимаго, онъ долженъ быть почитаемъ осужденнымъ, въ коммиссіи произошло разномысліе:

Мнѣніе семи членовъ.

Семь членовъ (Баршевскій, Есиповичъ, Ковалевскій, Плавскій, Поповъ, Принцъ и Шечковъ) объявили слѣдующее мнѣніе:

Вопросъ о томъ, какое большинство голосовъ необходимо для постановленія приговоровъ присяжными, составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ по отношенію къ присяжнымъ и рѣшается какъ теоріею, такъ и практикою различно. Въ Англіи и Сѣверно-Американскихъ штатахъ всегда требовалось и теперь требуется, для всякаго приговора присяжныхъ, какъ оправдательнаго, такъ обвинительнаго, единогласное рѣшеніе; во Франціи, Женевѣ и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ требуется простое большинство голосовъ. Впрочемъ Франція дошла до этого правила послѣ длиннаго ряда колебаній и перемѣнъ: въ 1791 году, при введеніи въ это государство института присяжныхъ, признано было необходимымъ, чтобъ обвиненіе было произносимо не менѣе, какъ десятью голосами изъ двѣнадцати, а оправданіе могло быть опредѣлено не болѣе, какъ тремя голосами изъ тогоже числа присяжныхъ. Эта система оказалась на практикѣ ведущею къ безнаказанности преступленій, почему и была замѣнена требованіемъ единогласнаго рѣшенія присяжныхъ, съ тѣмъ однакожъ, что ежели присяжные въ 24 часа не согласятся между собою на какое-либо единогласное рѣшеніе, то приговоръ постановляется по простому большинству голосовъ. Въ 1808 году постановлено, что при равномъ раздѣленіи голосовъ принимается мнѣніе благопріятное для подсудимаго,

но если осужденіе произнесено по простому большинству семи голосовъ противъ пяти, то присяжные должны объявить объ этомъ суду, который въ такомъ случаѣ обязанъ приступить къ разсмотрѣнію вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, и тогда окончательное рѣшеніе уже постановляется по большинству голосовъ судей въ соединеніи съ голосами присяжныхъ. Недостатокъ этой системы заключается очевидно въ томъ, что ею почти совершенно уничтожается принципъ института присяжныхъ и обязанности ихъ переносятся на постоянныхъ судей, почему и эта система не могла удержаться, а была замѣнена, наконецъ, дѣйствующимъ донынѣ общимъ правиломъ, что присяжные постановляютъ свои приговоры по простому большинству голосовъ.

Этотъ краткій очеркъ развитія института присяжныхъ во Франціи показываетъ, что практикою уже доказана несостоятельность всякой другой системы постановленія рѣшеній присяжными, кромѣ системы простаго большинства голосовъ. Требовать для постановленія обвинительнаго приговора не менѣе 8, или 10 голосовъ изъ 12, значитъ—возвращаться къ той системѣ, которая признана уже на опытѣ ведущею къ безнаказанности преступниковъ. Требовать, чтобъ присяжные постановляли свои приговоры единогласно, съ тѣмъ однакожъ, что когда они не согласятся на единогласный приговоръ въ теченіи извѣстнаго числа часовъ, то могутъ постановить рѣшеніе и по большинству голосовъ, значитъ не довѣрять большинству голосовъ, и допускать его только потому, что надо рѣшить дѣло хотя какъ нибудь. Вводить такую систему, которая могла бы навести на мысль, что законодатель считаетъ возможнымъ рѣшать *какъ нибудь* уголовныя дѣла, касающіяся жизни, чести или свободы гражданъ, не только невозможно, но и не безопасно для общественнаго спокойствія. Самое меньшее зло отъ этой системы была бы напрасная и совершенно безполезная трата времени, назначеннаго закономъ для единогласнаго соглашенія присяжныхъ, ибо они, зная, что могутъ, послѣ извѣстнаго срока, постановить рѣшеніе и не единогласно, а по большинству

голосовъ, никогда не пришли бы къ единогласію, особенно у насъ, гдѣ въ числѣ присяжныхъ непремѣнно будутъ такія лица, которыя, въ слѣдствіе добродушной русской природы, будутъ считать несчастнымъ всякаго преступника и никогда не произнесутъ ни противъ кого осуждающаго приговора.

Слѣдовательно не подлежитъ сомнѣнію, что ни одна изъ означенныхъ системъ принята быть не можетъ.

Затѣмъ остаются только двѣ системы: единогласнаго рѣшенія и рѣшенія по большинству голосовъ. Первая система, принятая въ Англіи и въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, едвали можетъ быть введена въ другомъ какомъ-либо государствѣ, въ которомъ общее элементарное образованіе, а также нравственныя и юридическія понятія распространены не такъ ровно между всѣми классами общества, какъ въ этихъ двухъ странахъ, населенныхъ англо-саксонскимъ племенемъ, отличающимся особенною практичностію и какою-то необыкновенною способностію къ своеобразной общественной жизни. Но кромѣ того, что не всегда, и даже очень рѣдко учрежденіе, родившееся и выросшее у одного народа, можетъ быть перенесено со всѣми своими оттѣнками къ другому народу, нельзя не замѣтить, что въ особенности требованіе отъ присяжныхъ единогласнаго рѣшенія было бы у насъ сочтено насиліемъ для совѣсти и самымъ рѣзкимъ опроверженіемъ того основнаго начала вводимаго въ Россіи уголовнаго судопроизводства, въ которомъ постановлено, что судьи должны произносить приговоры по внутреннему убѣжденію, такъ какъ при необходимости рѣшить дѣло единогласно нѣкоторые присяжные должны были бы произнести приговоръ не по внутреннему убѣжденію, а по тому, что такъ хотятъ рѣшить ихъ товарищи. Притомъ требованіе отъ присяжныхъ, чтобъ они постановляли единогласные приговоры, менѣе всякой другой системы ограждаетъ интересы общества и безопасность подсудимаго, ибо часто такое требованіе можетъ поставить судьбу приговора присяжныхъ въ зависимость отъ настойчивости, или даже упрямства одного изъ нихъ, который

рѣшится, по какой-либо причинѣ, заставить своихъ товарищей, посредствомъ продолжительнаго и подъ конецъ невыносимаго томленія, отказаться отъ принятаго ими по внутреннему убѣжденію мнѣнія и сдаться на его предложеніе.

Все это убѣждаетъ въ невозможности отступить отъ начала, принятаго основными положеніями судебной реформы, что присяжные рѣшаютъ продолженные имъ вопросы по большинству голосовъ и что въ случаѣ равенства голосовъ дается преимущество тому мнѣнію, которое оправдываетъ подсудимаго. А потому *семь членовъ* полагаютъ повторить въ проектѣ устава уголовнаго судопроизводства буквально 89 статью II части основныхъ положеній.

Мнѣніе десяти членовъ.

Десять членовъ (Бычковъ, Вилинбаховъ, С. Зарудный, Калачевъ, Книримъ, Любимовъ, Перетцъ, Розовъ, Романовскій и Чемадуровъ), по важности разсматриваемаго вопроса, отъ правильнаго разрѣшенія котораго зависитъ исходъ преобразованія всего уголовнаго судопроизводства, признали нужнымъ представить по этому предмету слѣдующія подробныя соображенія:

Вопросъ о числѣ голосовъ, необходимыхъ для осужденія подсудимаго, различными законодательствами разрѣшается весьма разнообразно. Въ Англіи, Ирландіи, на островѣ Мальтѣ, въ Сѣверной Америкѣ и даже въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи принято начало единогласія присяжныхъ. Въ защиту этого начала приводятъ, что имъ только устраняется вполнѣ всякое сомнѣніе въ справедливости приговора и внушается общее довѣріе къ рѣшеніямъ, постановляемымъ какъ бы цѣлымъ обществомъ. При отсутствіи законной теоріи доказательствъ, одно лишь единодушіе присяжныхъ можетъ служить вѣрною порукою въ томъ, что судьба обвиняемаго рѣшается не произвольно. Съ одной стороны начало единогласія, болѣе нежели всякое другое, способствуетъ къ совѣстливому разсмотрѣнію присяжными вопроса, предложеннаго ихъ суду, а съ другой общая отвѣтственность присяжныхъ даетъ приговору ихъ чрезвычайную нравственную силу. Вѣковой опытъ Англіи служитъ до-

казательствомъ возможности единогласія, такъ какъ случаи, въ коихъ оно не могло быть достигнуто, вообще чрезвычайно рѣдки: по статистическимъ свѣдѣніямъ, они являются неболѣе одного раза въ періодъ времени отъ пяти до десяти лѣтъ.

Защитники начала единогласія приводятъ также, что задача присяжныхъ есть достиженіе справедливаго приговора, основаннаго на полномъ убѣжденіи въ достовѣрности признаваемаго ими событія; что полная достовѣрность выражается только единогласнымъ приговоромъ присяжныхъ; что *двухъ* справедливыхъ рѣшеній объ *одномъ* событіи быть не можетъ, ибо нравственный приговоръ, какъ свидѣтельство безусловной правды, по самому существу своему, не терпитъ разнорѣчій; что если въ рѣшеніи нравственныхъ вопросовъ возможны недоумѣнія, они, при искреннемъ желаніи убѣдиться, легко уступаютъ соглашенію; что отсутствіе согласія всегда есть признакъ незрѣлости убѣжденія и поверхностности совѣщанія; что рѣшительная неуступчивость въ мнѣніи можетъ быть плодомъ только крайняго отупѣнія, или же полнаго равнодушія къ важнѣйшимъ въ мірѣ вопросамъ, и въ обоихъ случаяхъ есть признакъ неспособности быть судьею; что по этому признавать разнорѣчивый приговоръ за достаточный значило бы утверждаться на случайныхъ мнѣніяхъ; что допускать возможность такихъ приговоровъ, значило бы сомнѣваться въ способности присяжныхъ, или даже поощрять ихъ къ постыдному равнодушію о судьбѣ ближняго; что, наконецъ, въ особенности, основываться при этомъ на большинствѣ голосовъ значило бы совершенно забыть нравственный характеръ присяжныхъ, окончательно отказаться отъ внутренней правды, принести ее въ жертву чистому произволу, плохо закрытому множественностью голосовъ, и сдѣлать изъ суда лотерею, гдѣ вопросъ о жизни или смерти рѣшается простымъ математическимъ уравненіемъ.

При всей убѣдительности этихъ доводовъ, противъ нихъ возражаютъ, что не рѣдко единогласіе бываетъ вынужденное и основанное не на внутреннемъ убѣжденіи, а на необходимости

единодушнаго приговора и, слѣдовательно, на насиліи; что меньшинство должно иногда подчиниться большинству, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напротивъ того, меньшинство упорное и настойчивое заставляетъ и другихъ покориться несправедливому мнѣнію.

Противники начала единогласія присяжныхъ возбуждали въ послѣднее время въ Англіи разныя предложенія по этому предмету. Но не смотря на всѣ ихъ возраженія, ни юристы, ни общественное мнѣніе, ни сколько не сомнѣвались въ необходимости удержать начало единогласія; да и предложенія клонились не къ отмѣнѣ закона о единогласіи, а только къ разрѣшенію вопроса: какъ поступать, когда въ теченіе двѣнадцати часовъ присяжные не придутъ къ соглашенію, и притомъ не по уголовнымъ, а по гражданскимъ дѣламъ. Послѣ долгихъ споровъ и преній, принято было только, что въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ прибѣгать къ обычаю, дозволяющему судьѣ распускать присяжныхъ и передать дѣло на обсужденіе новаго ихъ состава. Причиною такого постояннаго стремленія удержать начало единогласія даже по гражданскимъ дѣламъ было опасеніе, чтобы отъ дѣлъ гражданскихъ новое правило не перешло и къ уголовнымъ, тогда какъ, по мнѣнію англійскихъ юристовъ, всеобщее и безграничное довѣріе къ ихъ суду основано главнымъ образомъ на томъ, что, при единогласномъ приговорѣ двѣнадцати гражданъ, осужденіе невиннаго почти невозможно.

Весьма важнымъ разъясненіемъ настоящаго вопроса можетъ служить законодательство Франціи, которое, какъ кажется, рѣшилось испытать на себѣ всѣ практическія послѣдствія различныхъ системъ разрѣшенія спорнаго вопроса, ибо оно, со времени введенія суда присяжныхъ и до настоящей поры, представляетъ въ этомъ отношеніи рядъ постоянныхъ колебаній.

Закономъ 16—29 сентября 1791 года требовалось большинство десяти голосовъ противъ двухъ. Правило это перешло и въ кодексъ 3-го брюмера IV года республики.

Законъ 19 фрюктидора V-го года установилъ начало единогласія присяжныхъ; но въ тѣхъ

случаяхъ, когда оно не могло быть достигнуто въ теченіе сутокъ, допускалъ простое большинство голосовъ.

Закономъ 8-го брюмера VI-го года признана также необходимость единогласія присяжныхъ; въ случаѣ же недостиженія его въ теченіе 24-хъ часовъ, подсудимый признавался невиннымъ.

Кодексомъ 1808-го года допущено простое большинство голосовъ. Но при семи только осуждающихъ голосахъ присяжныхъ, приговоръ поступалъ на разсмотрѣніе суда и утверждался, въ случаѣ одобренія его, двумя судьями изъ пяти. На основаніи декрета 24-го мая 1821 года, такіе приговоры признавались дѣйствительными единственно при утвержденіи ихъ большинствомъ судей, т. е. по крайней мѣрѣ десятью голосами (7-ми присяжныхъ и 3 судей) противъ семи.

Законъ 4-го мая 1831 года установилъ большинство двухъ третей голосовъ присяжныхъ (восьми противъ четырехъ).

Декретомъ 9 сентября 1835 года возстановлено простое большинство (семи противъ пяти).

Законъ 6—8 марта 1848 года требовалъ большинства трехъ четвертей голосовъ (девяти противъ трехъ).

Законъ 18 октября 1848 года возвратился къ большинству двухъ третей.

Наконецъ, декретомъ 9 іюня 1853 года принято снова признаваемое достаточнымъ и до сихъ поръ простое большинство голосовъ.

За неимѣніемъ оффиціальныхъ статистическихъ свѣдѣній ранѣе двадцатыхъ годовъ нынѣшняго вѣка, нельзя судить съ достовѣрностью о вліяніи первыхъ изъ означенныхъ выше перемѣнъ на число оправдывающихъ и осуждающихъ приговоровъ. Но съ этого времени изъ 1.000 подсудимыхъ оправдывалось:

При дѣйствіи закона 1821 г. (10 голосовъ противъ 7)	около 320.
При дѣйствіи закона 1831 г. (8 голосовъ противъ 4)	отъ 325 до 369.
При дѣйствіи закона 1835 г. (7 голосовъ противъ 5)	отъ 259 до 283.
При дѣйствіи закона 1845 г. 8) голосовъ противъ 4)	около 303.

При дѣйствіи закона 1853 г. (7 голосовъ противъ 5) } отъ 243 до 250 (*).

Цифры эти показываютъ, что разница одного голоса присяжныхъ увеличивала во Франціи число осуждаемыхъ невсегда одинаково и что вообще измѣненіе цифры большинства присяжныхъ на практикѣ никогда не имѣло послѣдствіемъ соразмѣрнаго измѣненія числа обвинительныхъ приговоровъ. Такъ, въ первый разъ переходъ отъ 8-ми къ 7-ми голосамъ возвысилъ число уголовныхъ приговоровъ, на тысячу подсудимыхъ, 66-ю и даже 86-ю, а во второй разъ только 53-мя. И это понятно: измѣненіе числа осуждаемыхъ не зависитъ единственно отъ требуемаго закономъ числа голосовъ присяжныхъ, но также и отъ устройства полиціи, удовлетворительности производства слѣдствій, настроенія общественнаго мнѣнія, а главное отъ сознанія въ обществѣ важности закона и необходимости безусловнаго его исполненія. Доказательствомъ сего служитъ то, что въ Англіи, при неизмѣнномъ требованіи единогласія присяжныхъ, въ 1820 году оправдывалось, изъ тысячи, 313 подсудимыхъ, а въ 1857 г. только 245; въ Брауншвейгѣ же, при существованіи того же правила, оправдывалось изъ ста подсудимыхъ лишь около 20 человѣкъ (**), т. е. менѣе, нежели во Франціи при простомъ большинствѣ голосовъ.

Посему изъ опыта французскаго законодательства трудно выводить какое либо положительное заключеніе. Это было бы даже опасно, ибо хотя приведенныя выше свѣдѣнія и указываютъ намъ иногда на увеличеніе числа осуждающихъ приговоровъ, но никто не можетъ знать, сколько а дѣлѣ преступниковъ избавлялось отъ наказанія при дѣйствіи одного закона, и не наказывались ли люди невинные при дѣйствіи другаго?

Во всякомъ случаѣ къ французскому законодательству о числѣ голосовъ, необходимыхъ для постановленія осуждающаго приговора, примѣняются вполнѣ извѣстныя слова президента кассаціоннаго суда Беранже, что драгоцѣнное учрежденіе суда присяжныхъ подвергалось в

(*) Béranger. Répression pénale, T. I, p. 258—260; M. Block, statistique comparée, T. I, p. 140.

(**) M. Block. Statistique comparée, T. I, p. 153; Mittermayer, Strafverfahren. s. 567.

Франціи безконечнымъ истязаніямъ, для подчиненія его видамъ постоянно смѣнявшихся правительствъ и требованіямъ политическихъ партій.

Въ Пруссіи, при постановленіи присяжными приговора простымъ большинствомъ голосовъ, вопросъ о винѣ или невинности подсудимаго рѣшается судомъ. Этотъ порядокъ представляетъ однако весьма важное неудобство: судъ присяжныхъ перестаетъ быть окончательнымъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ значительно ослабляется нравственная сила его приговоровъ, такъ какъ присяжные должны всегда объявлять, сколько голосовъ подано въ пользу подсудимаго и сколько противъ него.

Въ Шотландіи допускается также простое большинство голосовъ (восьми изъ пятнадцати). Но въ этой странѣ кромѣ отвѣтовъ: «виновенъ» или «невиненъ» допускается еще и третій: «не доказано (not proven)», который хотя и влечетъ за собою совершенно тѣже послѣдствія, какъ приговоръ оправдывающій, но употребляется присяжными въ тѣхъ случаяхъ, когда есть сомнѣніе о винѣ подсудимаго. Изъ оффиціальныхъ свѣдѣній видно, что въ Шотландіи на 36 оправдывающихъ приговоровъ бываетъ 224 приговора освобождающихъ отъ наказанія по недостаточности доказательствъ (*).

Всѣ остальныя затѣмъ изъ наиболѣе извѣстныхъ европейскихъ законодательствъ признаютъ необходимымъ большинство двухъ третей голосовъ присяжныхъ (восьми изъ двѣнадцати).

Если не требовать единодушнаго приговора, то, по мнѣнію 10 членовъ, правило это болѣе другихъ удовлетворяетъ условіямъ правосудія. Съ одной стороны, противники начала единогласія доказываютъ, что оно приводитъ иногда къ подачѣ голосовъ противъ убѣжденія и что упорство, хотя бы одного изъ присяжныхъ, препятствуетъ постановленію справедливаго рѣшенія; съ другой же стороны защитники единогласіяне безъ основанія думаютъ, что простое большинство голосовъ представляетъ для справедливости приговоровъ гарантію далеко недостаточную.

Присяжные имѣютъ право требовать всякихъ

(*) Mittermayer, Englisches, Nordamerikanisches und Schottisches Strafvertahren. s. 480.

разъясненій, передопроса свидѣтелей и вторичнаго разсмотрѣнія всѣхъ имѣющихся по дѣлу доказательствъ. Если при всемъ этомъ пять человѣкъ изъ двѣнадцати сомнѣваются въ винѣ подсудимаго, то какъ не признать такого сомнѣнія уважительнымъ?

Замѣтимъ, что если одинъ изъ семи присяжныхъ, обвиняющихъ подсудимаго, перейдетъ къ другому мнѣнію, то подсудимый оправдывается. Возможно ли, при обратномъ условіи, рѣшить утвердительно вопросъ о томъ: быть или не быть человѣку, признать ли его невиннымъ въ позорномъ преступленіи, или же, напротивъ того, покрыть его вѣчнымъ стыдомъ, оторвать навсегда отъ родины и семейства и уравнять съ людьми, достойными одного презрѣнія? Нельзя упускать изъ виду, какъ легко образуется простое большинство голосовъ: весьма часто въ началѣ совѣщанія они дѣлятся поровну, и въ такомъ случаѣ измѣненіе мнѣнія однимъ только присяжнымъ, человѣкомъ перѣшительнымъ и неимѣющимъ твердыхъ убѣжденій, могло бы составить окончательный приговоръ, отъ котораго зависитъ честь и вся будущность цѣлаго семейства.

И такъ, переходъ одного присяжнаго къ мнѣнію противной стороны измѣняетъ силу приговора и рѣшеніе дѣла поставляется въ зависимость отъ одного лица.

Отсюда ясно, что правило о простомъ большинствѣ голосовъ, лишая приговоръ присяжныхъ той достовѣрности, которая должна въ немъ выражаться, ослабляетъ значеніе суда присяжныхъ въ глазахъ всего общества и не можетъ служить достаточною порукою, что дѣла не будутъ рѣшаться имъ легкомысленно.

Хотя статьею 94-ю основныхъ положеній суду предоставляется передать дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ засѣдателей, но это допускается только тогда, когда судъ *признаетъ единогласно* невинность подсудимаго. Очевидно, что благодѣтельное это правило не распространится на тѣ случаи, когда самъ судъ будетъ лишь сомнѣваться въ правильности приговора присяжныхъ.

Русскій народный, обычный судъ—*міръ* рѣшаетъ дѣла всегда единогласно. Самое слово

это показываетъ, что тутъ не можетъ быть разномыслія. Міръ положилъ, міръ рѣшилъ и противъ приговоровъ его нѣтъ возраженія.

Дѣйствующіе у насъ законы придаютъ также особенное значеніе единогласію или большинству двухъ третей голосовъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отъ рѣшенія вопроса зависитъ въ большей или меньшей степени судьба человѣка, не довѣряя въ подобныхъ случаяхъ простому большинству голосовъ.

По статьѣ 340-й законовъ о судопроизводствѣ уголовномъ, основанной на соборномъ уложеніи Царя Алексѣя Михайловича, изъ показаній обыскныхъ людей, бо̀льшая половина обыскныхъ голосовъ имѣетъ перевѣсъ надъ мѐньшею, исключая, если на очной ставкѣ мѐньшая половина уличитъ въ лживомъ показаніи бо̀льшую.

По статьѣ 127-ой учрежденія правительствующаго сената, дѣла въ департаментахъ сената рѣшатся окончательно не иначе, какъ *единогласно*. На основаніи же статей 139 и 140-ой, въ общемъ собраніи дѣла рѣшатся окончательно по большинству голосовъ, каковымъ признаются *двѣ трети* оныхъ.

Статьею 128-ою законовъ о состояніяхъ дворянству предоставлено право исключать изъ собраній своихъ дворянина, который опороченъ судомъ, или хотя бы онъ и судимъ не былъ, но котораго явный и безчестный поступокъ всѣмъ извѣстенъ. Такое исключеніе можетъ послѣдовать не иначе, какъ по общему постановленію дворянскаго собранія, принятому или *единогласно*, или не менѣе какъ *двумя третями* всего собранія.

На основаніи статьи 612-ой устава о казенныхъ селеніяхъ, приговоръ объ удаленіи порочныхъ государственныхъ крестьянъ долженъ быть постановленъ съ согласія *всѣхъ* подписавшихся подъ нимъ выборныхъ.

По статьѣ 311-ой устава о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій, приговоръ объ удаленіи порочнаго мѣщанина изъ общества можетъ имѣть законную силу тогда̀ лишь, когда состоится по большинству *двухъ третей* присутствовавшихъ въ собраніи членовъ.

По статьѣ 334-ой того же устава, крестьяне

всѣхъ наименованій и вѣдомствъ, оставленные въ подозрѣніи по преступленіямъ, влекущимъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, ссылаются въ Сибирь, когда не менѣе *двухъ третей* голосовъ, участвующихъ въ сельскомъ сходѣ не согласятся оставить ихъ на мѣстѣ.

Наконецъ, по статьѣ 54-ой общаго положенія 19 Февраля 1861 года, для рѣшенія на сельскомъ или волостномъ сходѣ сколько нибудь важныхъ дѣлъ, а въ томъ числѣ и дѣлъ объ удаленіи порочныхъ крестьянъ изъ общества и о представленіи ихъ въ распоряженіе правительства, требуется согласіе не менѣе *двухъ третей* всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ.

Изъ сего видно, что какъ при рѣшеніи дѣлъ въ сенатѣ, такъ и относительно общественныхъ приговоровъ, представляющихъ зародышъ нашего суда присяжныхъ, простое большинство голосовъ донынѣ не допускалось, между тѣмъ нельзя жаловаться, чтобы общества были слишкомъ снисходительны при пользованіи предоставленнымъ имъ правомъ удаленія порочныхъ людей.

На этомъ основаніи, десять членовъ считаютъ необходимымъ, въ видахъ достиженія справедливости рѣшеній, сохранить и въ отношеніи къ присяжнымъ правило о постановленіи осуждающихъ приговоровъ большинствомъ не менѣе двухъ третей голосовъ.

При обсужденіи этого вопроса въ общемъ собраніи коммисіи, заявлена была мысль о допущеніи начала единогласія присяжныхъ, но съ тѣмъ, что если въ теченіе двухъ часовъ соглашенія не послѣдуетъ, то рѣшеніе постановляется простымъ большинствомъ голосовъ. Трудно оспаривать важныя преимущества единогласныхъ приговоровъ; но если допустить, что единогласіе не безусловно необходимо, то невозможно согласиться, чтобы въ тѣхъ именно случаяхъ, когда, по сомнительности представленныхъ доказательствъ, ни одна изъ сторонъ, послѣ долгихъ преній, не признаетъ возможнымъ отступить отъ своего убѣжденія, участь подсудимаго рѣшалась перевѣсомъ одного только голоса.

На основаніи всѣхъ сихъ соображеній и имѣя въ виду, что въ статьѣ 89-ой основныхъ положе-

ній хотя и говорится, что присяжные рѣшаютъ вопросъ о винѣ или невинности по большинству голосовъ, но не сказано, по простому ли, или по относительному,—*десять членовъ* полагаютъ постановить, что при разрѣшеніи предложенныхъ присяжнымъ вопросовъ, осужденіе обвиняемаго должно быть произносимо не иначе, какъ большинствомъ двухъ третей всѣхъ голосовъ, а именно восемью голосами.

Мнѣніе большинства.

Десять членовъ (*Буцковскій*, *Баронъ Врангель*, *Гуринъ*, *Даневскій*, *Квистъ*, *Крейтеръ*, *Ровинскій*, *Рѣпинскій*, *Спасовичъ* и *Шубинъ*) находятъ, что вопросъ собственно о томъ, при какомъ числѣ голосовъ, данныхъ противъ подсудимаго, надлежитъ считать его осужденнымъ, ясно разрѣшенъ государственнымъ совѣтомъ. Соединенные департаменты законовъ и гражданскихъ дѣлъ постановили: «принять и въ отношеніи къ присяжнымъ засѣдателямъ общій, дѣйствующій у насъ законъ, о рѣшеніи дѣлъ *по простому* большинству голосовъ, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ равенства голосовъ было даваемо преимущество тому мнѣнію, которое оправдываетъ подсудимаго». Общее собраніе государственнаго совѣта въ журналѣ своемъ положительно выразило, что оно «вполнѣ соглашается съ мнѣніемъ соединенныхъ департаментовъ, чтобы присяжные засѣдатели разрѣшали предложенные имъ вопросы о винѣ или невинности подсудимаго по большинству голосовъ, и чтобы въ случаѣ равенства голосовъ было даваемо преимущество тому мнѣнію, которое оправдываетъ подсудимаго». Хотя общее собраніе государственнаго совѣта не буквально повторило слова соединенныхъ департаментовъ, но за указаніемъ, что оно вполнѣ соглашается съ департаментами, за опредѣленіемъ, какъ поступать при равенствѣ голосовъ и за неозначеніемъ не только положительно, но и какимъ бы то ни было намекомъ, чтобы оно признавало простое большинство голосовъ недостаточнымъ, невозможно сомнѣваться въ томъ, что и общее собраніе государственнаго совѣта не разумѣло инаго большинства, кромѣ безусловнаго, при которомъ только и требуетъ особаго опредѣленія случай раздѣленія голосовъ по ровну. Независимо отъ сего, съ предположеніемъ о постановле-

нiи присяжными обвинительныхъ приговоровъ не иначе, какъ по большинству двухъ третей голосовъ, нельзя согласиться потому, что оно нарушаетъ всякое равновѣсiе между гарантiями общественной и личной безопасности. По этому предположенiю, если при 7-ми голосахъ, признающихъ виновность подсудимаго, 5-ть голосовъ найдутъ его невиновнымъ, то подсудимаго надлежитъ считать оправданнымъ. Спрашивается: можно ли почитать приговоромъ 12-ти присяжныхъ такое рѣшенiе, которое противно мнѣнiю 7-ми изъ нихъ? Понятно, что разрѣшенiе вопросовъ административныхъ или законодательныхъ можно поставлять въ зависимость отъ условнаго большинства двухъ третей или трехъ четвертей голосовъ. Здѣсь споръ идетъ о томъ: оставить или измѣнить существующiй порядокъ. Сколь бы ни были несомнѣнны преимущества новаго порядка, но вредъ, происходящiй собственно отъ частыхъ колебанiй установленнаго порядка внушаетъ благоразумную осторожность прибѣгать къ измѣненiю его лишь при крайней въ томъ надобности, когда всѣ или почти всѣ сознаютъ настоятельную потребность перемѣны. Но есть ли какое либо основанiе смотрѣть съ той же точки зрѣнiя на рѣшенiе вопросовъ судебныхъ? Если безусловное большинство присяжныхъ признаетъ подсудимаго виновнымъ, то нельзя же считать его невиннымъ ради того только, чтобы не слишкомъ много произносить обвинительныхъ приговоровъ, хотя бы обвинялись дѣйствительно виновные. Въ уголовномъ процессѣ, какъ и въ гражданскомъ есть двѣ стороны, и не позволительно склонять искусственно вѣсы правосудiя на одну сторону, въ какихъ бы то ни было видахъ, несовмѣстныхъ съ справедливостiю. Говорятъ, что обвинитель для доказательства своего уголовнаго иска имѣетъ болѣе средствъ, нежели обвиняемый—для опроверженiя обвиненiя. Но это замѣчанiе едва-ли можетъ быть признано основательнымъ: для обвиненiя необходимы положительныя доказательства, а для оправданiя достаточно того, чтобы доказательства обвинителя не имѣли надлежащей силы, или чтобы сильныя, по видимому, доказательства ослаблялись вѣроятностiю возраженiй обиняемаго.

Этимъ различіемъ условій обвиненія и оправданія вполнѣ уравновѣшивается нѣкоторое неравенство средствъ обвинителя и обвиняемаго въ собраніи доказательствъ, и за тѣмъ все, что можно допустить въ пользу обвиняемаго, не должно выходить изъ предѣловъ того справедливаго положенія, что при равенствѣ голосовъ осуждающихъ и оправдывающихъ, дѣло почитается рѣшеннымъ оправданіемъ подсудимаго. Въ гражданскомъ процессѣ отъ отвѣтчика требуется болѣе, чѣмъ отъ подсудимаго въ уголовномъ процессѣ, но между тѣмъ никому не приходитъ на мысль постановить для гражданскаго процесса такое правило, что истецъ можетъ выиграть тяжбу только въ томъ случаѣ, когда въ пользу его окажется двѣ трети голосовъ судей. Всякому бросается въ глаза, что если изъ 12-ти голосовъ, 7 даны въ пользу истца и только 5 въ пользу отвѣтчика, то было бы вопіющею несправедливостію отказать истцу въ искѣ. Почему же необходима другая мѣра для правосудія уголовнаго? Не слѣдуетъ забывать, что съ уголовнымъ искомъ въ большей части случаевъ сопрягается и искъ гражданскій, разрѣшеніе котораго зависитъ отъ того, будетъ ли подсудимый признанъ по уголовному иску виноватымъ или невиноватымъ. Законодательство впало бы въ явное противорѣчіе, если бы приняло для разрѣшенія гражданскаго иска различное большинство, смотря по тому, соединяется или не соединяется онъ съ искомъ уголовнымъ. Такимъ образомъ для опредѣленія вознагражденія за убытки, причиненные гражданскимъ правонарушеніемъ, достаточно было бы безусловнаго большинства голосовъ, а для опредѣленія вознагражденія за убытки, причиненные преступленіемъ, необходимо было бы, чтобы основаніе иска, состоящее въ преступномъ правонарушеніи, признано было двумя третями голосовъ. Неужели истецъ, потерпѣвшій оскорбленіе, насиліе, поврежденіе въ здоровьѣ или увѣчье, имѣетъ меньшее право на удовлетвореніе, чѣмъ тотъ, кто понесъ только одни убытки, безъ вреда для его личности. Странное правосудіе! Законодательство впало бы еще въ большее противорѣчіе, если бы установило собственно для разрѣшенія уголовнаго иска различное большинство голосовъ: двѣ тре-

ти голосовъ для присяжныхъ и безусловное большинство для судей. Чѣмъ объяснить такое различіе въ правилахъ судопроизводства по однороднымъ дѣламъ?—Если тѣмъ, что суду присяжныхъ подлежатъ болѣе важныя преступленія, то это невѣрно, потому что основными положеніями отъ суда присяжныхъ изъяты государственныя преступленія, за которыя исключительно, въ уложеніи о наказаніяхъ, опредѣляется смертная казнь. Притомъ для осужденія, въ чемъ бы оно ни состояло, необходима полная юридическая достовѣрность, и если законодательство постановитъ, что доказательства должно считать достаточными для осужденія только тогда, когда изъ числа присяжныхъ, разматривавшихъ дѣло, по крайней мѣрѣ двѣ трети сознаютъ себя убѣжденными, то можетъ ли оно, безъ явнаго нарушенія справедливости, предписать вмѣстѣ съ тѣмъ, что по дѣламъ, разсматриваемымъ безъ участія присяжныхъ, дозволяется считать достаточными для осужденія и такія доказательства, которыми убѣждается только безусловное большинство судей. Принятіе для большинства голосовъ различныхъ правилъ, въ отношеніи къ судьямъ и присяжнымъ, нельзя оправдать тѣмъ соображеніемъ, что судьи заслуживаютъ болѣе довѣрія чѣмъ присяжные. Напротивъ того, судъ присяжныхъ вводится именно потому, что въ обсужденіи вины или невинности подсудимыхъ онъ представляетъ для нихъ болѣе гарантій, чѣмъ постоянный судъ. Невозможно также объяснить это различіе правилъ тѣмъ, что на рѣшенія присяжныхъ нѣтъ апелляціи, а на рѣшенія постояннаго суда она допускается. Хотя на рѣшенія присяжныхъ нѣтъ апелляціи, но судьямъ предоставлено право во всякомъ случаѣ, когда они признаютъ, что подсудимый неправильно осужденъ присяжными, подвергнуть дѣло пересмотру при новомъ составѣ присяжныхъ. Повѣрка обвинительныхъ приговоровъ присяжныхъ судьями юристами есть самая дѣйствительная и надежная гарантія возможной невинности подсудимаго, тогда какъ предлагаемое правило о постановленіи присяжными обвинительныхъ приговоровъ иначе, какъ по большинству двухъ третей голосовъ, можетъ только узаконить безнаказанность и потвор-

ство преступникамъ. Смѣло можно сказать, что если суду присяжныхъ вмѣнено будетъ въ обязанность почитать оправданнымъ всякаго подсудимаго, въ пользу котораго подано не менѣе 5-ти голосовъ изъ 12-ти, то отмѣна существующей нынѣ теоріи формальныхъ доказательствъ не принесетъ никакой пользы. Какъ при дѣйствіи этой теоріи оставляемы были въ подозрѣніи сотни такихъ подсудимыхъ, въ виновности которыхъ судьи были убѣждены, такъ и при дѣйствіи правила, воспрещающаго присяжнымъ постановлять обвинительные приговоры иначе, какъ по усиленному большинству двухъ третей голосовъ, освобождаемы будутъ отъ суда сотни такихъ подсудимыхъ, которыхъ безусловное большинство присяжныхъ признавало виновными. Хотя при требованіи отъ присяжныхъ единогласныхъ рѣшеній одинъ голосъ, несогласный съ прочими, останавливаетъ постановленіе приговора, но какъ одинъ голосъ останавливаетъ не только осужденіе, а также и оправданіе подсудимаго, то, понятно, что требованіе отъ присяжныхъ единогласія не нарушаетъ равновѣсія между гарантіями личной и общественной безопасности, тогда какъ не можетъ быть и рѣчи о такомъ равновѣсіи при дѣйствіи правила, по которому 5-ти голосамъ, даннымъ въ пользу подсудимаго, отдается предпочтеніе предъ 7-ю голосами, данными противъ него. Вообще законъ, требующій отъ присяжныхъ единогласія и предписывающій отпускать ихъ и замѣнять новыми, когда есть вѣроятность, что они не сойдутся, какъ это установлено нѣкоторыми законодательствами сѣверной Америки, имѣетъ много неоспоримыхъ достоинствъ, не смотря на всѣ его практическія неудобства. Требованіе отъ присяжныхъ единогласія побуждаетъ ихъ къ тщательному изслѣдованію дѣла, такъ какъ они знаютъ, что ни въ какомъ случаѣ немогутъ отдѣлаться однимъ заявленіемъ своего мнѣнія, но должны будутъ поддерживать его въ диспутѣ съ своими товарищами. При этомъ всякое сомнѣніе, на которое обращаютъ вниманіе одинъ или нѣсколько присяжныхъ, по необходимости, дѣлается предметомъ совѣщанія. Единогласіе придаетъ приговору присяжныхъ болѣе нравственной силы и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливаетъ и въ присяж-

ныхъ чувство отвѣтственности предъ народомъ, слабѣющее при другой системѣ приговоровъ. Кромѣ того, единогласіе устраняетъ тѣ подрывающія довѣріе къ правосудію протестаціи одного присяжнаго противъ приговора, которые такъ часты въ странахъ, гдѣ довольствуются большинствомъ голосовъ. Наконецъ нельзя незамѣтить, что единогласіе въ рѣшеніяхъ свойственно характеру нашего народа, который съ давнихъ временъ руководствуется началомъ единогласія въ дѣламъ мірскаго управленія.

По этимъ соображеніямъ, *десять членовъ* не могутъ вполнѣ согласиться ни съ однимъ изъ заявленныхъ прочими членами мнѣній. Для того, чтобы присяжные, при рѣшеніи дѣлъ по большинству голосовъ, поступали, на сколько это возможно, такимъ же образомъ, какъ они дѣйствуютъ при требованіи отъ нихъ единогласія, *десять членовъ* полагали бы принять слѣдующее правило:

Присяжные должны склонять свои мнѣнія къ единогласному рѣшенію. Въ случаѣ разногласія, они остаются въ комнатѣ, назначенной для совѣщаній, не менѣе двухъ часовъ. Если и затѣмъ разномысліе не устранится, то предложенные присяжнымъ вопросы разрѣшаются по большинству голосовъ, а при раздѣленіи ихъ по ровну, вопросъ почитается рѣшеннымъ въ пользу подсудимаго.

О передачѣ дѣла на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ (ст. 748 и 749).

По вопросу: во всякомъ ли случаѣ судъ можетъ передать дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ, въ коммисіи произошло разногласіе:

Мнѣніе восьми членовъ.

Восемь членовъ (Баршевскій, Бычковъ, Вимнбаховъ, Гуринъ, С. Зарудный, Квистъ, Ровинскій и Рамановскій) объявили слѣдующее мнѣніе:

Дозволеніе коронным судьямъ уничтожать единогласные приговоры присяжныхъ, должно значительно ослабить довѣріе и уваженіе къ новому учрежденію. Дозволеніе это имѣетъ нравственное основаніе въ тѣхъ случаяхъ, когда приговоръ, обвиняющій невиннаго, объявленъ присяжными по большинству голосовъ. Въ такомъ случаѣ коронные судьи, присоединяясь едино-

гласно къ меньшинству присяжныхъ, оправдывающему подсудимаго, тѣмъ самымъ какъ бы составляютъ новое большинство. При такомъ явномъ признакѣ неправильности приговора,—уничтоженіе его и предоставленіе дѣлъ на рѣшеніе новаго состава присяжныхъ,—совершенно естественно и справедливо. Но дозволеніе коронным судьямъ уничтожать обвинительные приговоры, постановленные присяжными единогласно, не имѣетъ того нравственнаго основанія; оно явно подрываетъ силу присяжнаго суда и отдаетъ его въ руки коронныхъ судей, не представляя въ сущности никакого обезпеченія въ томъ, что новый составъ присяжныхъ, рѣшеніе котораго признается во всякомъ случаѣ окончательнымъ, рѣшитъ дѣло правильнѣе прежняго состава и въ особенности, если при этомъ новые присяжные измѣнятъ по большинству голосовъ прежній единогласный приговоръ и не смотря на это не подчинятся желанію коронныхъ судей.

По этимъ соображеніямъ *восемь членовъ* полагаютъ 748 статью проекта изложить такъ:

Если судъ признаетъ единогласно, что приговоромъ присяжныхъ, объявленнымъ по большинству голосовъ, обвиненъ невинный, то таковой приговоръ считается недѣйствительнымъ, и дѣло подвергается вторичному изслѣдованію при новомъ составѣ присяжныхъ.

Единогласно постановленный приговоръ присяжныхъ ни въ какомъ случаѣ уничтоженію подлежать не можетъ; но судьямъ предоставляется просить осужденному такимъ приговоромъ Всемилостивѣйшаго помилованія.

Мнѣніе большинства.

Восемнадцать членовъ (Буцковскій, Даневскій, Есиповичъ, М. Зарудный, Зубовъ, Кнримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Перетцъ, Плавскій, Поповъ, Принцъ, Розовъ, Рѣпинскій, Спасовичъ, Чемадуровъ и Шечковъ) находятъ, что въ основныхъ положеніяхъ не предусмотрѣно никакого изъятія изъ общаго правила о томъ, что судъ можетъ передать дѣло на разсмотрѣніе новаго состава присяжныхъ, если признаетъ, что рѣшеніемъ первыхъ присяжныхъ осужденъ невинный. Едва ли можно полагать, чтобы развитію основныхъ положеній предоставлено было установленіе изъятій изъ такого правила, которое составляетъ

коренное начало новаго порядка судопроизводства, опредѣляющее самый важный пунктъ отношеній суда къ присяжнымъ засѣдателямъ. Независимо отъ того, трудно согласиться и съ самымъ существомъ мнѣнія, что судъ не можетъ обратить дѣло къ вторичному разсмотрѣнію послѣ единогласнаго рѣшенія присяжныхъ. Мнѣнія судей нельзя почитать непреложнымъ потому только, что оно дано ими единогласно; если бы это было такъ, то не слѣдовало бы ни въ дѣлахъ гражданскихъ, ни въ дѣлахъ уголовныхъ, разсматриваемыхъ безъ участія присяжныхъ, допускать апелляцію на единогласное рѣшеніе суда, а между тѣмъ такого правила, сколько намъ извѣстно, ни одно законодательство не установило безусловно. Въ Англіи всѣ приговоры постановляются присяжными единогласно, но тѣмъ не менѣе несправедливыя осужденія, хотя рѣдко, однако все таки случаются. Они происходятъ какъ отъ предубѣжденія, которое всегда возбуждается ложью подсудимаго, такъ и отъ того, что присяжные обманываются иногда силою нѣкоторыхъ показаній или не вполнѣ оцѣниваютъ оправдательныя доказательства. По этому въ Англіи судья имѣетъ право изслѣдовать справедливость рѣшенія присяжныхъ, и если находитъ, что они постановили приговоръ, не согласный съ доказательствами, то обращаетъ на это ихъ вниманіе и требуетъ новаго совѣщанія. По французскимъ законамъ, если судъ убѣдится, что присяжные ошиблись въ самомъ существѣ дѣла, то объявляетъ рѣшеніе его пріостановленнымъ и отсылаетъ его въ слѣдующее засѣданіе, для рѣшенія новыми присяжными. Если эта гарантія признается необходимою въ государствахъ, которыя стоятъ во главѣ европейской цивилизаціи и славятся своимъ судебнымъ порядкомъ, то можно ли считать ее излишнею у насъ? На этихъ основаніяхъ, *восемнадцать членовъ* полагаютъ удержать во всей силѣ слѣдующее основаное положеніе: если судъ единогласно признаетъ, что рѣшеніемъ присяжныхъ подсудимый неправильно осужденъ, то обстоятельства дѣла подвергаются вторичному изслѣдованію при новомъ составѣ присяжныхъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЯТОЕ

О объявленіи приговоровъ.

Въ основныхъ положеніяхъ порядокъ объявленія приговоровъ опредѣляется слѣдующимъ правиломъ: протоколъ приговора, по подписаніи членами суда, объявляется подсудимому, и съ сего времени исчисляется для него срокъ на обжалованіе приговора (Осн. пол. ч. II, ст. 77).

Объ упрощеніи порядка объявленія приговоровъ (ст. 764—769).

При развитіи этого основнаго положенія, коммисія обратила особенное вниманіе на то, что при введеніи устнаго порядка судопроизводства, требующаго, чтобы въ судѣ находились на лицо участвующія въ дѣлѣ лица или ихъ уполномоченные, необходимо устранить какъ особые вызовы въ судъ для объявленія приговора, сопряженные съ излишнею перепискою и потерею времени, такъ и разновременное объявленіе приговора участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, отъ чего происходятъ различныя затрудненія въ дальнѣйшемъ движеніи дѣла. Въ этихъ видахъ коммисія положила постановить: 1) что при провозглашеніи сущности приговора, предсѣдатель суда назначаетъ день и часъ, когда протоколъ приговора будетъ прочитанъ при открытыхъ дверяхъ присутствія; 2) что въ назначенное время, вмѣстѣ съ прочтеніемъ означеннаго протокола, выдаются копіи съ него участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, если они о томъ просили, и объясняется имъ, въ какой срокъ и въ какомъ порядкѣ выслушанный приговоръ можетъ быть обжалованъ, и 3) что за тѣмъ состоявшійся приговоръ почитается объявленнымъ всѣмъ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ, хотя бы они и не явились къ слушанію протокола. Кромѣ того, имѣя въ виду, что, при временныхъ засѣданіяхъ не въ мѣстѣ постояннаго пребыванія суда, было бы весьма неудобно удерживать для одного объявленія приговоровъ цѣлое присутствіе суда тамъ, гдѣ всѣ дѣла, назначенныя къ слушанію, уже разрѣшены, коммисія признала полезнымъ принять за правило, что приговоръ объявляется въ присутствіи предсѣдателя или одного изъ членовъ суда, прокурора и секретаря.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

О протоколахъ судебныхъ засѣданій (ст. 770—779).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части, въ отношеніи къ протоколамъ судебныхъ засѣданій, не постановлено никакихъ правилъ.

При устномъ порядкѣ судопроизводства, протоколы судебныхъ засѣданій должны заключать въ себѣ всѣ данныя для разрѣшенія апелляціонныхъ и кассаціонныхъ жалобъ. Соотвѣтственно этому назначенію, протоколъ судебнаго засѣданія по дѣламъ, разсматриваемымъ съ участіемъ присяжныхъ, долженъ заключать въ себѣ удостовѣреніе въ соблюденіи тѣхъ правилъ судопроизводства, нарушеніе коихъ можетъ быть поводомъ кассаціонной отмѣны приговора, а для того всѣ дѣйствія, происходившія на судѣ, надлежитъ въ протоколъ вносить въ той именно послѣдовательности, въ какой они происходили, съ указаніемъ какъ замѣчаній и возраженій сторонъ, такъ и постановленныхъ судомъ частныхъ рѣшеній по возбужденнымъ вопросамъ о порядкѣ производства дѣла; но нѣтъ никакой надобности прописывать показанія и объясненія, относящіяся не къ порядку производства, а къ самому существу такихъ дѣлъ, на рѣшенія которыхъ апелляціи не допускается. Напротивъ, по дѣламъ, разсматриваемымъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, въ протоколъ судебнаго засѣданія должны быть вносимы, сверхъ того, и объясненія по существу, въ чемъ они несогласны съ значащимся въ протоколахъ предварительнаго слѣдствія, а также показанія лицъ, спрошенныхъ въ первый разъ на судѣ, потому что рѣшенія по этимъ дѣламъ могутъ подлежать апелляціонному пересмотру въ самомъ ихъ существѣ. Имѣя въ виду, что главнымъ источникомъ медленности въ производствѣ дѣлъ служитъ требованіе высшимъ судомъ отъ низшаго различныхъ объясненій, коммисія обратила особенное вниманіе на то, чтобы протоколамъ судебныхъ засѣданій придать полноту и достовѣрность, необходимыя для устраненія пово-

довъ къ требованію какихъ либо объясненій о порядкѣ производства того дѣла, на рѣшеніе котораго принесена апелляціонная или кассаціонная жалоба. Въ слѣдствіе сего коммисія признала нужнымъ постановить:

1) что составленный протоколъ прочитывается въ засѣданіи суда, исправляется или дополняется по замѣчаніямъ сторонъ и самихъ судей, скрѣпляется секретаремъ и подписывается судьями;

2) что если замѣчаніе сторонъ или самихъ судей, относительно неточнаго изложенія въ протоколѣ какого либо дѣйствія или даннаго на судѣ показанія, оспаривается, то въ томъ же протоколѣ, предъ подписью судей, означаются: во первыхъ, кѣмъ и по какому предмету сдѣлано замѣчаніе, и во вторыхъ, предъявленное противъ него возраженіе, и

3) что формы и обряды судопроизводства, о соблюденіи коихъ нѣтъ удостовѣренія въ протоколѣ судебнаго засѣданія, признаются нарушенными.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

О дѣлахъ, по которымъ обвиняемые уклонились отъ суда (ст. 780—788).

Основными положеніями преобразованія судебной части не опредѣляется порядокъ производства дѣлъ объ отсутствующихъ обвиняемыхъ.

О непроизводствѣ заочнаго суда объ уголовной отвѣтственности отсутствующаго обвиняемаго (ст. 786—788).

Хотя по дѣйствующимъ нынѣ законамъ (свод. т. XV зак. угол. суд. ст. 121, 127—129 и 513), побѣгъ преступника не прекращаетъ уголовнаго суда, а только наказаніе, приговоромъ опредѣленное, отлагается до поимки бѣжавшаго, но правило это едва ли можетъ быть удержано при новомъ порядкѣ судопроизводства, котораго отличительное свойство состоитъ именно въ замѣнѣ заглазнаго суда по письменному производству судомъ устно-состязательнымъ, предоставляющимъ подсудимому возможность судебнаго состязанія съ обвинителемъ. Правда, что во Франціи и нѣкоторыхъ другихъ государствахъ, усвоившихъ себѣ фран-

цузскую систему судопроизводства, на ряду съ судомъ устно-состязательнымъ для наличныхъ подсудимыхъ, существуетъ заочный судъ для укрывающихся отъ правосудія. Но приговоръ заочнаго суда, въ отношеніи къ личности осужденнаго, исполняется только фиктивно прибитіемъ выписки изъ приговора къ позорному столбу, и уничтожается въ силу закона по явкѣ или задержанію осужденнаго, надъ которымъ въ такомъ случаѣ судъ начинается снова обыкновеннымъ порядкомъ, а если въ теченіе установленнаго для давности срока осужденный не явится и не будетъ задержанъ, то состоявшійся о немъ приговоръ погашается давностію. Можно ли, ради достиженія такихъ результатовъ, насиловать правосудіе производствомъ заочнаго суда, не представляющаго никакихъ гарантій въ справедливости приговора? Не говоря о неудобствѣ двойнаго разсмотрѣнія дѣла, нельзя оставить безъ вниманія, что всякое неправильное осужденіе по заочному суду, обнаруженное по явкѣ подсудимаго производствомъ надъ нимъ обыкновеннаго суда, колеблетъ довѣріе къ правосудію и въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть непоправимо. Если осужденный заочно, по злонамѣренному или неосновательному обвиненію, умретъ прежде полученія возможности явиться къ суду и оправдать свою невинность, то незаслуженный имъ позоръ останется вѣчнымъ пятномъ на его имени и будетъ источникомъ постояннаго огорченія для его семейства. Нечего и говорить о томъ, что въ заочномъ судѣ не могутъ принимать участія присяжные, въ отношеніи къ которымъ немыслимо ни избраніе ихъ по жребію, безъ предоставленія подсудимому права отвода, ни производство суда по письменному производству. Вотъ почему въ Англіи, гдѣ по всѣмъ уголовнымъ дѣламъ, кромѣ заключающихъ въ себѣ маловажные проступки, судъ присяжныхъ почитается необходимою гарантіею правосудія, судъ заочный не допускается, но для побужденія обвиняемаго къ явкѣ принимаются самыя энергическія мѣры, какъ-то: конфискація его имущества и объявленіе его изъятымъ изъ покровительства закона. Нѣтъ сомнѣнія, что въ томъ случаѣ, когда съ искомъ уго-

ловнымъ сопряженъ и искъ гражданскаго истца, за причиненные ему вредъ и убытки, несправедливо было бы откладывать удовлетвореніе его до того времени, пока подсудимый заблагоразсудитъ явиться къ суду, или пока будетъ отысканъ и задержанъ; искъ гражданскій не имѣетъ такой неразрывной связи съ искомъ уголовнымъ, чтобы нельзя было разсмотрѣть его отдѣльно. Въ слѣдствіе сего коммисія признала единогласно, что не слѣдуетъ производить заочнаго суда въ отношеніи къ уголовной отвѣтственности отсутствующаго обвиняемаго.

О порядкѣ разсмотрѣнія дѣла объ отсутствующемъ обвиняемомъ, въ отношеніи къ иску о вознагражденіи (ст. 786—788).

Но коммисія не могла прійти къ соглашенію въ отношеніи къ мѣрамъ, которыя надлежитъ принимать какъ для побужденія обвиняемаго къ явкѣ, такъ и для удовлетворенія имъ гражданскаго истца.

Мнѣніе девяти членовъ.

Девять членовъ (С. Зарудный, Любимовъ, Плавскій, Поповъ, Принцъ, Розовъ, Спасовичъ, Чемадуровъ и Шубинъ) объявили слѣдующее мнѣніе:

Коммисія единогласно пришла къ тому справедливому убѣжденію, что осужденіе кого бы то ни было не можетъ имѣть мѣста въ томъ случаѣ, когда обвиняемаго нѣтъ на лицо; но по вопросу о томъ, какой судъ обязанъ разсматривать, въ данномъ случаѣ; дѣло по отношенію къ иску гражданскому лица, потерпѣвшаго отъ преступленія, произошло разномысліе: большинство постановило правила, которыя обязываютъ судъ уголовный принять мѣры къ охраненію имущества отсутствующаго подсудимаго, за тѣмъ разсмотрѣть дѣло по отношенію къ иску гражданскому, наконецъ и назначить изъ имущества его вознагражденіе. Меньшинство же полагаетъ, что все это дѣло не суда уголовнаго, а гражданскаго. Судъ уголовный, будучи вынужденъ постановить опредѣленіе о томъ, слѣдуетъ ли истцу присудить вознагражденіе, будетъ поставленъ въ необходимость опредѣлить прежде всего вину или невинность подсудимаго, такъ какъ этимъ въ дѣлахъ уголовныхъ обусловливается гражданская отвѣтственность, чего онъ, за отсутствіемъ подсудимаго, неможетъ исполнить основательно, по однимъ лишь дово-

дамъ противной стороны. Если предоставить суду уголовному право имѣть сужденіе о винѣ или невинности подсудимаго, то это значитъ допустить заочное рѣшеніе, которое тщательно обошла коммисія при составленіи сего устава. Если при этомъ судъ уголовный будетъ постановлять заочное рѣшеніе по правиламъ, установленнымъ для гражданскихъ дѣлъ, то онъ приметъ на себя вовсе не свойственную ему обязанность суда гражданскаго, чего слѣдуетъ избѣгать, и что возможно допустить только въ крайнихъ случаяхъ, когда прямымъ послѣдствіемъ осужденія подсудимаго является вознагражденіе причиненнаго преступленіемъ его вреда или убытковъ. Если судъ уголовный, не касаясь вовсе вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, будетъ разрѣшать вопросъ лишь о томъ: слѣдуетъ ли истцу требуемое вознагражденіе, то нѣтъ никакого основанія юрисдикцію суда гражданскаго переносить на судъ уголовный, а гораздо правильнѣе и естественнѣе, чтобы подобные вопросы разрѣшались тѣмъ судомъ, коего вѣдѣнію они подлежатъ. Пусть истецъ обратится къ суду гражданскому; путемъ этимъ будетъ возстановлено нарушенное право его, а между тѣмъ судъ уголовный не будетъ вынужденъ рѣшать вопросы чисто гражданскаго свойства, не подлежащіе его вѣдѣнію въ общемъ порядкѣ. Это ни сколько не будетъ стѣснительно для истца, который можетъ доказывать въ гражданскомъ судѣ свои права совершенно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ судѣ уголовномъ. Конечно къ числу доказательствъ по дѣламъ гражданскимъ не относятся такъ называемыя улики, но и въ дѣлахъ уголовныхъ улики тогда только принимаются въ уваженіе, когда онѣ доказаны или осмотромъ, или показаніями свидѣтелей, или письменными доказательствами, т. е. тѣми именно способами удостовѣренія, которыя принимаются за доказательство и по дѣламъ гражданскимъ.

По симъ соображеніямъ *девять членовъ* полагаютъ постановить:

Если въ теченіе шести мѣсяцевъ послѣ публикаціи о сыскѣ, обвиняемый не явится и не будетъ отысканъ, то судъ постановляетъ опредѣленіе:

отложить дѣло впредь до явки или задержанія обвиняемаго, а когда съ дѣломъ соединяется гражданскій искъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ истцу отыскивать вознагражденіе въ судѣ гражданскомъ.

Мнѣніе большинства.

Семнадцать членовъ (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Баронъ Врангель, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, Калачевъ, Квистъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Ровинскій, Романовскій, Рѣпинскій и Шечковъ) находятъ, что если по уголовному дѣлу, по которому обвиняемый уклоняется отъ слѣдствія и суда, предъявленъ гражданскій искъ о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные приписываемымъ ему преступленіемъ, то тотъ же судъ, въ который поступило предварительное изслѣдованіе объ этомъ преступленіи и отъ котораго сдѣланы были распоряженія о сыскѣ обвиняемаго, долженъ разрѣшить и гражданскій искъ лица, потерпѣвшаго отъ преступленія. Главными основаніями иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ, должны служить доказательства о томъ: 1) что событіе преступленія дѣйствительно совершилось; 2) что оно было дѣяніемъ именно того лица, противъ котораго предъявленъ искъ, и 3) что преступленіе это имѣло тѣ вредныя для истца послѣдствія, на которыя онъ указываетъ. Очевидно, что доказательства по всѣмъ этимъ предметамъ находятся въ томъ предварительномъ слѣдствіи, которое было произведено о событіи, подавшемъ поводъ съ обвиненію. Не подлежитъ также сомнѣнію, что доказательства эти, какъ относящіяся къ предметамъ уголовнаго дѣла, должны быть обсуждены по началамъ уголовнаго судопроизводства, т. е. не съ формальной ихъ стороны, а въ ихъ существенной силѣ, опредѣляемой исключительно внутреннимъ убѣжденіемъ судей; иначе нѣкоторые предметы, которые были бы доказаны на судѣ уголовномъ, останутся не доказанными на судѣ гражданскомъ, тѣмъ болѣе, что въ систему доказательствъ, установленныхъ для суда гражданскаго, вовсе не входятъ улики, составляющія преобладающее доказательство на судѣ уголовномъ. Говорятъ, что между этими способами доказательства иска нѣтъ никакой разни-

цы, потому что улики обнаруживаются тѣми же средствами удостовѣренія, которыя принимаются за доказательства и по дѣламъ гражданскимъ. Но въ этомъ-то и заключается различіе между двумя способами иска, что улика доказанная имѣетъ значеніе только на судѣ уголовномъ и не можетъ быть принята въ уваженіе на судѣ гражданскомъ. При томъ въ дѣйствующихъ законахъ положительно опредѣлено, что вознагражденіе опредѣляется за убытки и потери, болѣе или менѣе непосредственно отъ преступленія происшедшія, смотря по свойству и степени злаго умысла, и что отвѣтственность въ этомъ отношеніи соучастниковъ соразмѣряется съ степенью ихъ участія въ преступленіи, почему къ гражданскому суду обращаются лишь иски и вознагражденія за вредъ и убытки, послѣдовавшіе отъ дѣяній, непризнаваемыхъ преступленіями и проступками (Свод. т. X, ч. I, зак. гражд. ст. 644—652, 675 и 689). Какое же можетъ быть основаніе къ отступленію отъ этихъ правилъ въ настоящемъ случаѣ? Обязывать потерпѣвшее отъ преступленія лицо начинать снова порядкомъ гражданскаго судопроизводства тотъ искъ, который предъявленъ имъ при предварительномъ слѣдствіи по уголовному дѣлу, значило бы не только возлагать на него тягость двойнаго вчинанія дѣла и издержки, сопряженныя съ представленіемъ въ копіяхъ слѣдственныхъ протоколовъ, содержащихъ въ себѣ доказательства его иска, но во многихъ случаяхъ значило бы лишить его тѣхъ средствъ къ доказательству своего иска, которыми онъ могъ бы воспользоваться на судѣ уголовномъ.

По симъ соображеніямъ *семнадцать членовъ* находя, что было бы въ высшей степени несправедливо, по случаю уклоненія обвиняемаго отъ суда, стѣснять лицо, пострадавшее отъ его преступленія, въ принадлежащихъ ему правахъ, полагали бы съ своей стороны постановить:

1) что одновременно съ принятіемъ мѣръ относительно сыска обвиняемаго, судъ дѣлаетъ распоряженіе о обезпеченіи предъявленнаго по дѣлу иска о вознагражденіи за вредъ и убытки, причиненные преступленіемъ;

2) что если, въ теченіе шести мѣсяцевъ по-

слѣ публикаціи о сыскѣ, обвиняемый не явится и не будетъ отысканъ, то судъ, отложивъ сужденіе объ уголовной его отвѣтственности впредь до явки или задержанія его, разсматриваетъ дѣло только въ отношеніи къ вознагражденію лица, потерпѣвшаго отъ преступленія;

3) что, въ случаѣ признанія иска о вознагражденіи уважительнымъ, судъ назначаетъ истцу вознагражденіе изъ имущества отсутствующаго обвиняемаго.

Въ дополненіе вышеизложенныхъ соображеній, *три члена* (*Буцковскій*, *Есиповичъ* и *Рѣпинскій*) объяснили, что никакія мѣры, принимаемыя къ сыску обвиняемаго, не достигнутъ своей цѣли, если онъ не лишится возможности пользоваться и распоряжаться своимъ имуществомъ сообразно съ своими видами на обезпеченіе себѣ укрывательства отъ правосудія. Такъ, по крайней мѣрѣ, смотрятъ на этотъ предметъ иностранныя законодательства, изъ которыхъ по англійскому все имѣніе укрывающагося подсудимаго конфискуется до явки его на призывъ судьи, а по французскому — на имущество такого подсудимаго налагается секвестръ до постановленія приговора, и если укрывающійся окажется по суду виновнымъ, то секвестръ замѣняется мѣрами, принимаемыми въ отношеніи къ имуществу безвѣстно-отсутствующихъ.

Руководствуясь этими примѣрами, *три члена* полагали бы въ предположеніяхъ большинства сдѣлать измѣненіе въ томъ смыслѣ, что одновременно съ принятіемъ мѣръ относительно сыска обвиняемаго, судъ налагаетъ запрещеніе на все недвижимое и арестъ на движимое его имущество, а при постановленіи опредѣленія о пріостановленіи дѣла, впредь до явки или задержанія обвиняемаго, распоряжается о взятіи его имущества въ опекунское управленіе по правиламъ, постановленнымъ въ отношеніи къ безвѣстно-отсутствующимъ.

РАЗДѢЛЪ СЕДЬМОЙ.

О способахъ обжалованія рѣшеній.

Раздѣлъ этотъ состоитъ изъ пяти главъ, заключающихъ въ себѣ правила: 1) общія, 2) объ отзывахъ и протестахъ на приговоры неокончательные, 3) о частныхъ жалобахъ и протестахъ на дѣйствія и постановленія окружнаго суда, 4) о жалобахъ и протестахъ на окончательные приговоры и 5) о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія правила (*ст. 789—792*).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части, относительно способовъ обжалованія рѣшеній по уголовнымъ дѣламъ, постановлены слѣдующія общія правила:

Каждое дѣло рѣшится не болѣе какъ въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ (Осн. пол. ч. II ст. 11).

Разсмотрѣніе судебныхъ приговоровъ по силѣ самаго закона, порядкомъ ревизіоннымъ, отмѣняется (ст. 13).

Противъ всѣхъ приговоровъ, постановленныхъ судомъ въ первой судебной инстанціи, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, допускаются отзывы подсудимыхъ и лицъ, потерпѣвшихъ отъ преступленія, равно какъ и протесты прокурора (ст. 95).

Приговоры, постановленные судомъ во второй инстанціи, или хотя и въ первой, но съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, считаются окончательными (ст. 96 и 97).

Окончательные судебные приговоры могутъ быть отмѣняемы только въ особомъ порядкѣ кассаціи (ст. 14).

Отдѣльно отъ отзывовъ могутъ быть подаваемы только жалобы на медленность и на дѣйствія,

требующія безотлагательнаго исправленія (ст. 102).

Въ проектъ общихъ правилъ о способахъ обжалованія рѣшеній по уголовнымъ дѣламъ комисія внесла вполнѣ вышеизложенныя основныя положенія; за исключеніемъ постановленныхъ въ статьяхъ 11 и 13, какъ заключающихъ въ себѣ не правила судопроизводства, но указанія, какъ правила эти должны быть составлены.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Объ отзывахъ и протестахъ на приговоры неокончательные (ст. 793—827).

Въ основныхъ положеніяхъ приняты по настоящему предмету слѣдующія правила:

Прокуроры могутъ подавать протесты лишь на приговоры, несогласные съ ихъ заключеніями, и только по тѣмъ дѣламъ, въ коихъ преслѣдованіе преступника производится независимо отъ жалобы частныхъ лицъ (Осн. пол. ч. II ст. 98).

Отзывы подсудимыхъ и другихъ, участвующихъ въ дѣлѣ лицъ могутъ быть дѣлаемы письменно или словесно, лично или чрезъ защитниковъ (ст. 99).

Протесты и отзывы должны быть поданы въ судъ, постановившій приговоръ, не позже, какъ въ двухнедѣльный срокъ (ст. 100).

При разсмотрѣніи дѣлъ по отзывамъ и протестамъ, свидѣтели и свѣдущіе люди требуются въ судъ для передопроса тогда только, когда судъ или подавшій протестъ прокуроръ признаютъ это нужнымъ, или же когда объ этомъ будутъ просить подсудимые, или прикосновенные къ дѣлу, и судъ не встрѣтитъ особыхъ препятствій къ удовлетворенію ихъ просьбы (ст. 101).

При ревизіи приговора, наказаніе подсудимому не можетъ быть увеличено, когда не было объ этомъ протеста со стороны прокурора (ст. 111).

Всѣ правила, изложенныя во второй главѣ седьмаго раздѣла составляютъ не что иное, какъ

развитіе приведенныхъ основныхъ положеній. Глава эта раздѣлена на два отдѣленія, изъ коихъ въ первомъ помѣщены правила, относящіяся къ порядку подачи апелляціонныхъ отзывовъ и протестовъ, а во второмъ правила о порядкѣ ихъ разсмотрѣнія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О порядкѣ подачи апелляціонныхъ отзывовъ и протестовъ.

Въ первомъ отдѣленіи второй главы объяснено, какія лица имѣютъ право подавать отзывы и протесты на не окончательные приговоры по уголовнымъ дѣламъ, куда, въ какой формѣ и въ какіе сроки они могутъ быть подаваемы, кто извѣщается о подачѣ означенныхъ отзывовъ и протестовъ, кому выдаются съ нихъ копіи и, наконецъ, какое вліяніе имѣетъ подача ихъ на исполненіе обжалованныхъ приговоровъ.

О правѣ подачи отзывовъ и протестовъ (ст. 793—798).

При указаніи, какія лица имѣютъ право отзыва на неокончательные уголовные приговоры, коммисія нашла необходимымъ опредѣлить и тѣ ограниченія, которыя должны быть въ отношеніи къ этому праву постановлены. Ограниченія эти основаны коммисіею на томъ значеніи, какое имѣютъ въ уголовномъ дѣлѣ разныя участвующія въ немъ лица. На этомъ основаніи коммисія признала, что подсудимый имѣетъ право апелляціоннаго отзыва по всѣмъ предметамъ дѣла, до него относящимся; что равнымъ съ нимъ правомъ апелляціи пользуется и частный обвинитель въ дѣлахъ, которыя по закону могутъ быть прекращаемы примиреніемъ сторонъ, но что онъ не можетъ просить болѣе того, о чемъ ходатайствовалъ на судѣ; что гражданскій истецъ и всѣ тѣ, съ коихъ должно быть взыскано вознагражденіе за причиненные преступленіемъ или проступкомъ вредъ, убытки или обиду, имѣютъ право отзыва только противъ опредѣленія о вознагражденіи, и что за малолѣтныхъ, несовершеннолѣтнихъ, и вообще лицъ, лишенныхъ возможности поль-

зоваться своими правами, отзывы могутъ быть подаваемы ихъ родителями, супругами, опекунами, попечителями, или тѣми, у кого они находятся на воспитаніи или попеченіи. Что касается до протестовъ прокурора, то коммисія признала нужнымъ положительно выразить, что они могутъ быть подаваемы лишь на тѣ неокончательные приговоры, которые не согласны съ данными прокуроромъ заключеніями, и только по тѣмъ предметамъ, по которымъ его требованія не уважены судомъ.

О послѣдствіяхъ подачи отзыва или протеста въ отношеніи къ исполненію приговора (ст. 809—811).

По вопросу о томъ: должно ли исполнять приговоръ, не смотря на подачу отзыва или протеста, коммисія находила, что по предмету уголовной отвѣтственности подсудимаго исполненіе приговора необходимо пріостанавливать, впредь до разрѣшенія поданнаго отзыва или протеста, такъ какъ невозможно допустить наказаніе такого подсудимаго, который можетъ быть признанъ высшимъ судомъ невиннымъ, или подлежащимъ не тому наказанію, которое опредѣлено ему судомъ первой степени. Если же отзывъ поданъ только по предмету вознагражденія, то нѣтъ препятствія исполнять приговоръ объ уголовной отвѣтственности, которая высшимъ судомъ, безъ отзыва и протеста, измѣнена быть не можетъ. Изъ этихъ общихъ правилъ коммисія признала нужнымъ сдѣлать изъятіе лишь на тѣ случаи, когда приговоромъ суда присуждается къ содержанію подъ стражею подсудимый, находившійся дотолѣ на свободѣ, или же, на оборотъ, когда судомъ постановлено объ освобожденіи подсудимаго изъ подъ стражи. Въ первомъ случаѣ, подсудимый, по мнѣнію коммисіи, можетъ остаться на свободѣ не иначе, какъ по представленіи суду залога или поручительства (ст. 476—380) въ томъ, что онъ явится для исполненія надъ нимъ приговора, а во второмъ случаѣ онъ долженъ быть немедленно освобожденъ, не смотря на поданный отзывъ или протестъ. Если и при предварительномъ слѣдствіи отъ суда зависитъ возвратить подсудимому свободу, которой лишилъ его слѣдователь, то тѣмъ болѣе это должно зависѣть отъ суда, послѣ разсмотрѣнія и обсужденія всѣхъ обстоятельствъ дѣла и послѣ оцѣнки

всего раскрытаго и предварительнымъ и судебнымъ слѣдствіемъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О порядкѣ разсмотрѣнія апелляціонныхъ отзывовъ и протестовъ.

Во второмъ отдѣленіи второй главы изложены правила, относящіяся къ производству и разсмотрѣнію дѣлъ въ судебныхъ палатахъ по отзывамъ и протестамъ на неокончательные приговоры окружныхъ судовъ; здѣсь говорится о порядкѣ назначенія дѣла къ докладу, о назначеніи подсудимому защитника, о самомъ докладѣ дѣла, о преніяхъ между сторонами и о рѣшеніи палатою дѣла.

О вызовѣ въ судебную палату участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, свидѣтелей и свѣдущихъ людей (ст. 817 и 818).

Въ основныхъ положеніяхъ нѣтъ опредѣлительнаго правила о томъ, слѣдуетъ ли требовать въ судебную палату непремѣнно личной явки подсудимаго и другихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ? При разрѣшеніи этого вопроса, коммисія приняла въ соображеніе, что при огромныхъ разстояніяхъ, которыя будутъ отдѣлять судебныя палаты отъ окружныхъ судовъ, требованіе личной явки подсудимыхъ и другихъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ въ палату было бы чрезвычайнымъ для нихъ обремененіемъ, въ особенности для подсудимыхъ арестантовъ, которые такимъ образомъ должны были бы по этапу пройти нѣсколько сотъ верстъ, несмотря на то, что присутствіе подсудимыхъ въ апелляціонномъ судѣ, какъ это признано уже нѣкоторыми иностранными законодательствами (*), въ большей части случаевъ не представляется необходимымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммисія признала, что въ случаѣ желанія подсудимаго и вообще участвующихъ въ дѣлѣ лицъ присутствовать при докладѣ дѣла въ палатѣ, имъ не должно быть въ этомъ отказываемо; а равно не можетъ быть

(*) Въ Нью-Іоркскомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства именно постановлено: the defendant need not personally appear in the appellate coust, т. е. подсудимый не обязанъ лично являться въ апелляціонный судъ.

воспрещено и самой палатѣ вытребовать ихъ для передопросовъ или другихъ судебныхъ дѣйствій, при которыхъ присутствіе участвующихъ въ дѣлѣ лицъ признано ею необходимымъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ коммисія признала нужнымъ постановить: во 1-хъ, что подсудимые, и другія лица, участвующія въ дѣлѣ, требуются въ судебную палату лишь тогда, когда палата признаетъ это необходимымъ, или когда стороны о томъ просятъ и къ удовлетворенію ихъ просьбы не встрѣтится особыхъ препятствій, и во 2-хъ, что неприбытіе участвующихъ въ дѣлѣ лицъ къ докладу не останавливаетъ разсмотрѣнія дѣла, при слушаніи котораго отзывъ отсутствующаго апеллятора долженъ быть прочитанъ вполнѣ.

Что касается до требованія въ палату свидѣтелей и свѣдущихъ людей, то въ этомъ отношеніи коммисія въ точности руководствовалась постановленнымъ въ основныхъ положеніяхъ правиломъ, по которому означенныя лица могутъ быть истребованы въ судебную палату какъ по просьбѣ сторонъ, такъ и по собственному усмотрѣнію палаты. Составъ палаты изъ опытнѣйшихъ юристовъ можетъ служить ручательствомъ, что она будетъ пользоваться этимъ средствомъ токмо въ случаяхъ крайней необходимости, когда безъ передопроса свидѣтелей и свѣдущихъ людей окажется невозможнымъ разъяснить сомнительныя обстоятельства дѣла.

О предѣлахъ, въ которыхъ палата разсматриваетъ дѣла по отзывамъ и протестамъ (ст. 824—826).

Руководствуясь тѣмъ началомъ, по которому дѣла изъ одной инстатціи должны переходить въ другую не ревизіоннымъ порядкомъ, а въ слѣдствіе отзывовъ или протестовъ, коммисія признала нужнымъ постановить, что палата разсматриваетъ дѣло въ предѣлахъ отзыва или протеста. Само собою разумѣется, что если дѣла переходятъ въ высшую инстанцію не иначе, какъ въ слѣдствіе отзывовъ или протестовъ, то они и не могутъ разсматриваться высшею инстанціею по другимъ предметамъ, кромѣ означенныхъ въ тѣхъ отзывахъ или протестахъ. Изъ того же начала коммисія вывела заключеніе, что при пересмотрѣ приговора по отзыву подсудимаго, опредѣленное ему наказаніе можетъ

быть отмѣнено или уменьшено, но назначеніе вновь или увеличеніе наказанія допускается только въ томъ случаѣ, когда объ этомъ былъ протестъ прокурора или отзывъ частнаго обвинителя. Заключеніе это составляетъ только развитіе правила, постановленнаго по этому предмету въ основныхъ положеніяхъ (ч. II, ст. 111).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О частныхъ жалобахъ и протестахъ (ст. 828—840).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части, о частныхъ жалобахъ по уголовнымъ дѣламъ постановлено слѣдующее правило:

«Отдѣльно отъ отзывовъ могутъ быть подаваемы только жалобы на медленность и на дѣйствія, требующія безотлагательнаго исправленія, какъ то: на неправильное принятіе мѣръ для воспрепятствованія подозрѣваемому уклоняться отъ слѣдствія и суда, на неправильное опредѣленіе подсудности дѣла, необезпеченіе иска о вознагражденіи и отказъ въ принятіи отзыва» (Осн. пол. ч. II ст. 102).

Въ развитіе этого правила составлена третья глава седьмаго раздѣла, которая подраздѣлена на два отдѣленія.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О порядкѣ подачи частныхъ жалобъ и протестовъ.

Въ первомъ отдѣленіи третьей главы исчислены всѣ предметы, по которымъ дозволяется приносить частныя жалобы, опредѣленъ порядокъ и срокъ подачи ихъ и означено вліяніе, какое могутъ онѣ имѣть на обжалованное опредѣленіе.

О предметахъ, по которымъ допускаются частныя жалобы и протесты (ст. 828).

При обсужденіи предметовъ, по которымъ частныя жалобы и протесты могутъ быть приносимы, коммисія находила, что кромѣ случаевъ, указанныхъ въ основныхъ положеніяхъ, нельзя недопустить частныхъ жалобъ и протестовъ: во 1-хъ, по опредѣленію порядка уголовнаго обвиненія, оффиціальнаго или частнаго; во 2-хъ, по наложенію взысканій за неявку въ судъ присяжныхъ засѣдателей, свидѣтелей, свѣдущихъ людей и другихъ лицъ, и въ 3-хъ, по исполненію судебныхъ приговоровъ. Причины тому очевидны. Правильное опредѣленіе порядка уголовнаго обвиненія такъ важно, что если не допустить частныхъ жалобъ и протестовъ на распоряженія по этому предмету до постановленія судомъ приговора по существу дѣла, то это имѣло бы нерѣдко послѣдствіемъ уничтоженіе всего производства и состоявшагося уголовнаго приговора, а именно: во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приговоръ постановленъ по дѣлу, возбужденному не въ установленномъ порядкѣ уголовнаго преслѣдованія, прокуроромъ вмѣсто частнаго обвинителя, или симъ послѣднимъ вмѣсто прокурора.

Распоряженія суда о наложеніи взысканій за неявку въ судъ присяжныхъ засѣдателей, свидѣтелей, свѣдущихъ людей и другихъ лицъ не имѣютъ ничего общаго съ существомъ уголовнаго дѣла, по которому означенныя лица призывались въ судъ, и слѣдовательно, нѣтъ никакого основанія требовать, чтобы жалобы или протесты по этому предмету были подаваемы не прежде, какъ по постановленіи приговора по существу уголовнаго дѣла. Что же касается распоряженій по исполненію судебнаго приговора, то ихъ и невозможно иначе обжаловать какъ частнымъ порядкомъ; недопускать же вовсе жалобъ по этому предмету было бы несправедливо.

О срокѣ для принесенія частныхъ жалобъ и протестовъ (ст. 829).

Срокъ для принесенія частныхъ жалобъ и протестовъ назначенъ коммисіею двухъ-недѣльный потому, что для подачи апелляціонныхъ отзывовъ и протестовъ установленъ основными положеніями такой же срокъ; однообразіе же сроковъ упрощаетъ судопроизводство и дѣлаетъ порядокъ его болѣе общеизвѣстнымъ.

О послѣдствіяхъ частныхъ жалобъ и протестовъ въ отношеніи къ исполненію обжалованныхъ опредѣленій (ст. 830).

Относительно вліянія, какое подача частныхъ жалобъ должна имѣть на исполненіе обжалованныхъ опредѣленій, коммисія разсуждала, что если предписано будетъ останавливать исполненіе по всякому опредѣленію, на которое принесена частная жалоба, то собственно для достиженія этой цѣли и будутъ подаваться частныя жалобы; но могутъ быть случаи, когда самъ судъ признаетъ, въ слѣдствіе поданной ему частной жалобы, необходимымъ остановить исполненіе обжалованнаго опредѣленія. Въ слѣдствіе сего коммисія положила постановить, что подача жалобы или протеста на частное опредѣленіе не останавливаетъ исполненія его, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда признаетъ это необходимымъ самъ судъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О порядкѣ разсмотрѣнія частныхъ жалобъ и протестовъ.

О постановленіи и исполненіи частныхъ опредѣленій (ст. 836 и 837).

По отдѣленію о порядкѣ разсмотрѣнія частныхъ жалобъ и протестовъ, коммисія остановилась лишь на слѣдующихъ вопросахъ:

1) въ какихъ предѣлахъ частныя опредѣленія должны быть постановляемы?

2) какъ надлежитъ поступать, когда обстоятельства дѣла, служившія основаніемъ частнаго опредѣленія, измѣнятся?

Имѣя въ виду, что предрѣшеніе дѣла частнымъ опредѣленіемъ можетъ привести къ немаловажнымъ затрудненіямъ, въ особенности если оно послѣдовало отъ высшаго въ порядкѣ подчиненія судебнаго мѣста, коммисія находила, что при разсмотрѣніи частныхъ жалобъ и протестовъ, палата должна ограничиваться лишь разрѣшеніемъ возбужденныхъ вопросовъ, не касаясь самаго существа дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ коммисія признала, что если по рѣшеніи палатою частной жалобы или протеста, откроются новыя обстоятельства, измѣняющія направленіе дѣла, то окружный судъ въ дальнѣйшемъ про-

изводствѣ обязанъ сообразоваться съ настоящимъ положеніемъ дѣла, доводя только до свѣдѣнія палаты о тѣхъ причинахъ, по которымъ онъ вынужденъ былъ отступить отъ ея распоряженій. Такое изъятіе изъ общаго порядка представлялось коммисіи необходимымъ для отвращенія затрудненій въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ. Такъ, напримѣръ: если жалоба подсудимаго на неправильное заключеніе его подъ стражу уважена палатою, а между тѣмъ во время разсмотрѣнія этой жалобы открылись обстоятельства, по которымъ подсудимый непремѣнно долженъ быть взятъ подъ стражу, то освобожденіе его по предписанію палаты, могло бы имѣть послѣдствіемъ побѣгъ его и остановку въ дальнѣйшемъ производствѣ дѣла.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О жалобахъ и протестахъ на окончательные приговоры (ст. 841—876.)

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлены по настоящему предмету слѣдующія главныя правила:

Правительствующій сенатъ разсматриваетъ, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, окончательные уголовные приговоры: по просьбамъ осужденныхъ и потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ, или по протестамъ и представленіямъ лицъ, коимъ ввѣренъ прокурорскій надзоръ (осн. пол. ч. II ст. 103).

Поводами къ отмѣнѣ (кассаціи) приговора могутъ быть только:

1) нарушеніе существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства;

2) явное нарушеніе прямаго смысла закона и неправильное толкованіе его, при опредѣленіи преступленія и рода наказанія, и

3) вновь открытыя обстоятельства, обнаруживающія невинность осужденнаго или подложность доказательствъ, на которыхъ основанъ приговоръ (ст. 101).

Жалобы на то, что судъ не смягчилъ наказанія, принимаются только въ томъ случаѣ, когда при рѣшеніи дѣла присяжными было признано, что подсудимый заслуживаетъ снисхожденія (ст. 105).

Просьбы, протесты и представленія объ отмѣнѣ (кассаціи) приговоровъ, по поводу нарушенія законовъ (ст. 104 п. 1 и 2), подаются суду, постановившему приговоръ, въ двухъ-недѣльный срокъ (ст. 106).

Правительствующій сенатъ, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, постановляетъ рѣшеніе по изложеніи дѣла однимъ изъ сенаторовъ и по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора (ст. 108).

Послѣдствіемъ отмѣны рѣшенія кассаціонными департаментами правительствующаго сената должно быть обращеніе дѣла къ новому рѣшенію, но уже не въ тотъ судъ, коего приговоръ признанъ недѣйствительнымъ, а въ другой равной степени, который обязанъ, въ изъясненіи точнаго разума закона, подчиниться сужденіямъ кассаціонныхъ департаментовъ. Жалобы противъ постановленнаго на семъ основаніи вторымъ судомъ рѣшенія ни въ какомъ случаѣ не допускаются (ст. 109).

Рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената публикуются во всеобщее свѣдѣніе, для руководства къ единообразному истолкованію и примѣненію законовъ (ст. 110).

При пересмотрѣ, въ кассаціонномъ порядкѣ, приговора окончательнаго, наказаніе подсудимому не можетъ быть увеличено, когда не было объ этомъ протеста со стороны прокурора (ст. 111).

Всѣ вышеприведенныя основныя положенія развиты коммисіею въ трехъ отдѣленіяхъ настоящей главы.

Въ первомъ изъ этихъ отдѣленій изложены правила о порядкѣ подачи кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ, во второмъ—о поводахъ къ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ, въ третьемъ—о порядкѣ разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

О порядкѣ подачи кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ.

Объ ограниченіяхъ въ правѣ подачи кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ (ст. 841—845).

Приступая къ обсужденію кассаціоннаго порядка отмѣны приговоровъ, коммисія признала необходимымъ принять за общее правило, что кассаціонныя жалобы могутъ быть допускаемы только тогда, когда приносящій жалобу никакимъ другимъ способомъ не могъ обжаловать рѣшеніе, почитаемое имъ неправильнымъ. На основаніи этого общаго правила не только всѣ тѣ ограниченія, которыя установлены для подачи отзывовъ и протестовъ на неокончательные приговоры, должны относиться и къ кассаціоннымъ жалобамъ и протестамъ на приговоры окончательные, но сверхъ того слѣдуетъ принять за правило, что кто не подавалъ отзыва или протеста противъ неокончательнаго приговора окружнаго суда, тотъ не можетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ окончательнаго опредѣленія судебной палаты, которымъ тотъ приговоръ утвержденъ, потому что не воспользовавшійся правомъ апелляціи противъ неокончательнаго приговора окружнаго суда, призналъ уже тѣмъ самымъ правильность такого приговора, и, слѣдовательно, не имѣетъ права опровергать его, послѣ утвержденія его палатою. Если же опредѣленіемъ судебной палаты измѣненъ приговоръ окружнаго суда, то объ отмѣнѣ ея опредѣленія могутъ просить всѣ участвующія въ дѣлѣ стороны, не исключая и тѣхъ, кои не предъявляли возраженій въ апелляціонномъ порядкѣ.

Сверхъ того, коммисія признала нужнымъ положительно выразить, что каждая участвующая въ дѣлѣ сторона можетъ просить объ отмѣнѣ приговора по поводу нарушенія правилъ, постановленныхъ въ огражденіе ея правъ, а не правъ противной стороны. Это ограниченіе необходимо для устраненія поводовъ къ подачѣ кассаціонныхъ жалобъ такими лицами, которыхъ права не подверглись никакому нарушенію или стѣсненію.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

О поводахъ къ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ.

Объ опредѣленіи поводовъ къ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ (ст. 848—850).

При обсужденіи правилъ о поводахъ къ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ, въ коммиссіи произошло разногласіе по вопросу о томъ: нарушеніе какихъ существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства должно быть признаваемо поводомъ кассаціи?

Мнѣніе восьми членовъ.

По этому вопросу *восемь членовъ (Буцковскій, Вилинбаховъ, Книрим, Крейтеръ, Любимовъ, Романовскій, Рѣпинскій и Спасовичъ)* находятъ, что къ числу самыхъ капитальныхъ недостатковъ существующаго у насъ нынѣ порядка судопроизводства какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго, принадлежитъ многочисленность судебныхъ инстанцій, чрезъ которыя проходятъ дѣла до окончательнаго ихъ вершенія. Многочисленность инстанцій была главнымъ источникомъ той безконечной волокиты, которая лишала правосудіе надлежащей силы, не доставляя никакихъ особенныхъ гарантій справедливости рѣшеній, зависящей отъ способностей, юридическихъ свѣдѣній, прилежанія и безпристрастія судей, а не отъ болѣе или менѣе высокаго ихъ положенія. Не мало было примѣровъ, что палата отмѣняла приговоръ уѣзднаго суда, департаментъ сената возстановлялъ этотъ приговоръ, а общее собраніе сената утверждало рѣшеніе палаты. Чтобы положить конецъ такому нераціональному порядку судопроизводства, основными положеніями преобразованія судебной части постановлено, что каждое дѣло рѣшится не болѣе какъ въ двухъ судебныхъ инстанціяхъ, но окончательные приговоры могутъ быть отмѣняемы, въ особомъ порядкѣ кассаціи, въ случаяхъ явнаго нарушенія закона или формъ и обрядовъ судопроизводства столь существенныхъ, что безъ соблюденія ихъ невозможно признать приговоръ въ силѣ судебнаго рѣшенія (Осн. пол. ч. II ст. 11, 14 и 104; ч. III ст. 11, 13 и 74). Изъ этого видно, что по основнымъ

положеніямъ не всякое нарушеніе порядка судопроизводства можетъ быть поводомъ кассаціи, и что обобщеніе этихъ поводовъ, для распространенія ихъ объема, вовсе было бы не въ духѣ основныхъ положеній, которыми никогда не предполагалось сдѣлать изъ кассаціоннаго сената 3-ю судебную инстанцію, или дать такой же просторъ жалобамъ кассаціоннымъ, какой предоставляется апелляціоннымъ жалобамъ. Если бы это было такъ, то учрежденіе кассаціоннаго сената, вмѣсто пользы, принесло бы существенный вредъ, потому что въ такомъ случаѣ каждое дѣло, въ которомъ есть какой либо поводъ жаловаться на нарушеніе порядка судопроизводства или закона, разсматривалось бы, кромѣ двухъ судебныхъ инстанцій, въ кассаціонномъ сенатѣ, а если бы поводъ къ жалобѣ дѣйствительно оказался основательнымъ, то, сверхъ того, пересматривалось бы, въ существѣ, по опредѣленію сената, въ судѣ равной степени съ постановившимъ обжалованный приговоръ. Но какъ и этотъ судъ можетъ постановить приговоръ, не устраняющій поводовъ къ жалобамъ, то за тѣмъ дѣло вновь разсматривалось бы въ кассаціонномъ сенатѣ и, по опредѣленію его, пересматривалось бы въ существѣ въ третьемъ судѣ равной степени съ постановившимъ первоначально обжалованный приговоръ. Нельзя ручаться, что и третій судъ, въ который передано будетъ дѣло, постановитъ безукоризненный приговоръ, слѣдовательно нельзя не предвидѣть возможности начатія вновь той же процедуры. Такимъ образомъ дѣло можетъ продолжаться, въ буквальномъ смыслѣ слова, безъ конца. Наша нынѣшняя волокита представляется ничтожною въ сравненіи съ тою, которая неминуемо окажется, если кассація установлена будетъ по неопредѣленнымъ или широкимъ поводамъ къ жалобамъ. Вообще, кассаціонный порядокъ отмѣны окончательныхъ приговоровъ имѣетъ смыслъ только при допущеніи такой отмѣны по самымъ очевиднымъ и существеннымъ нарушеніямъ порядка судопроизводства или закона, по такимъ нарушеніямъ, при которыхъ приговоръ, по словамъ основныхъ положеній, не можетъ имѣть силы судебнаго рѣшенія. Нѣтъ сомнѣнія, что

такія нарушенія могутъ быть лишь рѣдкими явленіями въ практикѣ судовъ, имѣющихъ удовлетворительное устройство, почему и повтореніе ихъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ почти немыслимо. Съ другой стороны, съ ограниченіемъ поводовъ къ отмѣнѣ окончательныхъ приговоровъ, откроется возможность сосредоточить каждый разрядъ дѣлъ въ одномъ кассаціонномъ департаментѣ сената, а этимъ только способомъ и можно достигнуть главной цѣли кассаціи—единства въ толкованіи законовъ и единообразнаго порядка судопроизводства. Напротивъ того, съ расширеніемъ или обобщеніемъ поводовъ кассаціи они будутъ представляться почти въ каждомъ дѣлѣ, и притомъ въ одномъ и томъ же дѣлѣ неоднократно, потому что незначительныя погрѣшности въ порядкѣ судопроизводства и ошибки въ примѣненіи законовъ, неотличающихся опредѣлительностію и точностію, всегда возможны и при удовлетворительномъ устройствѣ судебныхъ мѣстъ. Не очевидно ли, что это будетъ постояннымъ источникомъ проволочки въ дѣлахъ, которыя такимъ образомъ въ большей части случаевъ будутъ проходить чрезъ три судебныя мѣста и, сверхъ того, чрезъ кассаціонный сенатъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, при повтореніи кассаціи, одно и тоже дѣло будетъ разсматриваться въ четырехъ, пяти, шести судебныхъ мѣстахъ или еще болѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при большомъ числѣ дѣлъ въ кассаціонномъ сенатѣ, необходимо будетъ совершенно однородныя дѣла разсматривать въ разныхъ департаментахъ, отъ чего произойдетъ разнообразное толкованіе закона, слѣдовательно главная цѣль кассаціи останется недостигнутою. Въ такомъ случаѣ несравненно полезнѣе было бы, не учреждая кассаціоннаго сената, оставить сенатъ судебный, какъ третью апелляціонную инстанцію. По крайней мѣрѣ тогда было бы извѣстно, что дѣла могутъ проходить только чрезъ три судебныя инстанціи, а не чрезъ неопредѣленное ихъ число. Говорятъ, что отказать въ пересмотрѣ дѣла по поводу нарушенія порядка судопроизводства или закона, каково бы это нарушеніе ни было, все равно что отказать въ справедли-

вости. Противъ этого можно сказать, что нѣтъ большей несправедливости, какъ отказъ въ правосудіи, а открыть путь къ безконечной волокитѣ дѣла все равно, что отказать въ правосудіи, или еще хуже, потому что безконечные процессы разоряютъ въ концъ тяжущихся и подсудимыхъ. Кромѣ того, развѣ можно ручаться за то, что изъ двухъ судовъ равной степени, тотъ, которому кассаціонный сенатъ передаетъ дѣло, постановитъ болѣе справедливое рѣшеніе, чѣмъ первый судъ. Конечно, онъ не впадетъ въ ту ошибку, которая была поводомъ отмѣны приговора, но по существу дѣла, неподлежащему кассаціонному контролю, рѣшеніе его можетъ быть еще болѣе несправедливымъ.

По этимъ соображеніямъ, признавая точное и подробное означеніе поводовъ кассаціи необходимымъ условіемъ успѣха въ предпринимаемомъ судебномъ преобразованіи, *восемь членовъ полагаютъ* постановить, что къ числу нарушеній существенныхъ формъ и обрядовъ относятся:

1) возбужденіе дѣла и преслѣдованіе обвиняемаго неподлежащею обвинительною властію;

2) производство дѣла не въ указанномъ порядкѣ подсудности;

3) производство дѣла вопреки законныхъ поводовъ къ прекращенію его;

4) лишеніе подсудимаго средствъ защиты;

5) незаконный составъ присутствія суда или присяжныхъ засѣдателей;

6) несоблюденіе общихъ правилъ о гласности, устности и непрерывности суда;

7) недопущеніе кого либо изъ лицъ, участвующихъ въ дѣлѣ, къ судебному состязанію или стѣсненіе его въ средствахъ сего состязанія;

8) постановленіе судомъ приговора безъ означенія основаній принятаго рѣшенія;

9) постановленіе приговора, несогласнаго съ рѣшеніемъ присяжныхъ или основаннаго на такомъ ихъ рѣшеніи, которое выражено сбивчиво, неясно или заключаетъ въ себѣ явное противорѣчіе.

Мнѣніе большинства.

Восемнадцать членовъ (Баршевскій, Бычковъ, Баронъ Врангель, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ,

С. Зарудный, *Калачевъ*, *Квистъ*, *Ковалевскій*, *Плавскій*, *Поповъ*, *Принцъ*, *Ровинскій*, *Розовъ*, *Чемадуровъ*, *Шечковъ и Шубинъ*), соглашаясь въ существѣ съ мнѣніемъ восьми членовъ о необходимости ограничить по возможности случаи отмѣны уголовныхъ приговоровъ, находятъ, что возбудившій разногласіе вопросъ разрѣшается по существу своему буквальнымъ содержаніемъ ст. 104 ч. II основныхъ положеній, въ коей сказано:

Поводами къ отмѣнѣ (кассаціи) приговора могутъ быть только:

1) нарушеніе существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства;

2) явное нарушеніе прямаго смысла закона и неправильное толкованіе его при опредѣленіи преступленія и рода наказанія, и

3) вновь открытыя обстоятельства, обнаруживающія невинность осужденнаго или подложность доказательствъ, на которыхъ основанъ приговоръ.

Разногласіе, возникшее въ коммисіи, относится не къ существу предмета, а къ подробностямъ его развитія. Сколь ни желательно ограничить случаи отмѣны уголовныхъ приговоровъ точнымъ опредѣленіемъ явнаго нарушенія законовъ и существенныхъ формъ судопроизводства; но цѣль эта донынѣ еще никѣмъ не достигнута и предложеніе восьми членовъ не разрѣшаетъ этой задачи удовлетворительно.

Составляя только видоизмѣненіе статьи 849 проекта, предложеніе восьми членовъ не имѣетъ однако той опредѣлительности и точности въ означеніи случаевъ отмѣны приговоровъ, которую всѣ члены коммисіи желали бы установить въ неуклонное руководство мѣстъ судебныхъ.

Такимъ образомъ первые три пункта, предложенные восьмью членами, составляютъ простое измѣненіе редакціи первыхъ двухъ пунктовъ ст. 849 проекта, а пунктъ 4-й редакціи восьми членовъ имѣетъ весьма широкое значеніе. Въ этомъ пунктѣ сказано: что къ числу нарушеній существенныхъ формъ и обрядовъ относится *лишеніе подсудимаго средствъ защиты;* но подсудимый можетъ считать что его лишили средствъ защи-

ты во многихъ и весьма различныхъ случаяхъ, напримѣръ: когда ему отказали въ избраніи защитника, котораго онъ хотѣлъ избрать, когда избранному имъ защитнику не дозволили объяснится съ нимъ наединѣ, когда предсѣдатель не дозволилъ подсудимому, или его защитнику, продолжать защитительную рѣчь въ томъ топѣ, въ которомъ они призывали для себя полезнымъ, когда судъ не вытребовалъ для допроса, или передопроса свидѣтеля, указываемаго подсудимымъ и т. д. и т. д.

На основаніи 4 пункта предлагаемой восьмью членами статьи, все это должно служить поводомъ кассаціи, и слѣдовательно предложеніе это не достигаетъ цѣли ограниченія случаевъ отмѣны уголовнаго приговора точнымъ и опредѣлительнымъ ихъ означеніемъ. Тоже самое можно сказать о 6 и 7 пунктахъ, содержащихъ въ себѣ равнымъ образомъ общія правила, подъ которые можетъ подойти не мало случаевъ, не указанныхъ съ желаемою точностію и опредѣлительностію.

Строго говоря, въ предложеніи восьми членовъ повторяется, въ отрицательной и потому менѣе опредѣленной формѣ, тоже самое, что сказано и въ ст. 849 проекта въ утвердительной формѣ, слѣдовательно разногласіе въ результатѣ своемъ сводится, какъ выше уже замѣчено, собственно къ редакціи, тѣмъ болѣе, что въ существѣ разногласія и быть не могло, такъ какъ всѣ члены коммисіи единогласно признаютъ необходимость въ точности исполнить ст. 104 ч. II основныхъ положеній, о допущеніи кассаціи судебныхъ рѣшеній только въ случаяхъ явнаго нарушенія закона или формъ и обрядовъ судопроизводства, столь существенныхъ, что безъ соблюденія ихъ невозможно признать приговоръ въ силѣ судебнаго рѣшенія.

Сознавая, что полное и точное исчисленіе всѣхъ формъ судопроизводства, ограждающихъ право судебной защиты, не возможно, а не полное и не точное поведетъ къ развитію формализма въ однихъ случаяхъ на счетъ другихъ и дастъ полную возможность прикрыть формою всякую неправду, восемнадцать членовъ полагаютъ, что принятая единогласно коммисіею ст. 867 проекта

отстранить всѣ неудобства неизбѣжной неопредѣлительности общихъ выраженій.

Въ этой статьѣ сказано:

«При обсужденіи кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ, сенатъ приступаетъ къ отмѣнѣ окончательнаго приговора не иначе, какъ убѣдившись въ томъ, что предъявленныя къ тому причины могли въ данномъ случаѣ дѣйствительно стѣснить права той стороны, которая жалуется или протестуетъ, и имѣть на послѣдовавшій приговоръ существенное вліяніе.

Это правило вполнѣ удовлетворяетъ приведенному выше требованію основныхъ положеній о кассаціи приговоровъ тогда только, когда они постановлены съ нарушеніемъ существенныхъ формъ и обрядовъ, ибо нельзя не признать существенною такой формы, нарушеніе которой въ данномъ случаѣ имѣло такое вліяніе на послѣдовавшій приговоръ, что безъ этого нарушенія онъ могъ бы состояться совсѣмъ въ другомъ смыслѣ. Удовлетворяя въ точности основнымъ положеніямъ, это правило устраняетъ даже необходимость исчислять то, что исчислить невозможно.

Въ слѣдствіе сего, признавая возможнымъ означить только общую характеристику тѣхъ существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, нарушенія которыхъ могутъ быть поводами кассаціи окончательныхъ уголовныхъ приговоровъ, и при томъ въ положительной, а не въ отрицательной формѣ, *восемнадцать членовъ* не усматриваютъ необходимости дѣлать въ редакціи ст. 849 какія либо измѣненія и потому полагаютъ оставить ее безъ всякой перемѣны.

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТІЕ.

О порядкѣ разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ.

О предоставленіи участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ являться въ сенатъ безъ предварительнаго вызова (ст. 858 и 859).

Обсудивъ порядокъ разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ въ правительствующемъ сенатѣ, коммисія признала необходимымъ, постановить, что никто изъ участвующихъ въ дѣлѣ не вызывается къ слушанію онаго въ

сенатѣ, но никому изъ нихъ не воспрещается присутствовать при докладѣ, не исключая и содержащихся подъ стражею въ мѣстѣ пребыванія сената. Правило это основывается на томъ, что ежели въ судебной палатѣ личная явка участвующихъ въ дѣлѣ не считается обязательною, то тѣмъ менѣе можетъ быть она обязательна въ правительствующемъ сенатѣ. Но при этомъ казалось невозможнымъ оставить осужденнаго безъ защитника, по крайней мѣрѣ по важнѣйшимъ уголовнымъ дѣламъ, такъ какъ назначать защитниковъ по всѣмъ дѣламъ, безъ исключенія, не было бы никакой возможности по недостатку присяжныхъ повѣренныхъ; назначать же защитниками въ сенатѣ другія лица едвали удобно. По этимъ соображеніямъ комиссія постановила, что если осужденный къ лишенію всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ не избралъ себѣ защитника, то ему назначается таковой изъ присяжныхъ повѣренныхъ.

О томъ, когда сенатъ выслушиваетъ заключеніе оберъ-прокурора (ст. 861 и 864).

При разсмотрѣніи правилъ о докладѣ дѣла въ сенатѣ, произошло разногласіе о томъ: когда оберъ-прокуроръ даетъ свое заключеніе по возбужденному въ сенатѣ дѣлу о кассаціи уголовнаго приговора?

Мнѣніе шести членовъ.

По этому вопросу шесть членовъ (*Баронъ Врангель, Есиповичъ, Зарудный, Ковалевскій, Плавскій и Принцъ*) находятъ, что правильное разрѣшеніе этого вопроса потому особенно важно, что оно имѣетъ тѣсную связь съ тѣмъ значеніемъ, которое оберъ-прокуроръ получитъ въ кассаціонномъ судѣ. если онъ будетъ имѣть значеніе обвинителя, то, конечно, онъ долженъ вступать въ пренія съ подсудимымъ, или его защитникомъ, опровергать представляемыя ими соображенія и, вообще, повторять въ кассаціонномъ судѣ дѣйствія, исполненныя уже прокурорами окружнаго суда или судебной палаты въ сихъ послѣднихъ мѣстахъ, и потому, какъ лицо, дѣйствующее односторонне, въ видахъ обвинительнаго начала, долженъ высказать всѣ свои

соображенія до постановленія вопросовъ; если же онъ будетъ имѣть значеніе представителя закона, равно безпристрастнаго и къ обвиняющей и къ обвиняемой сторонѣ, то онъ долженъ дать свое заключеніе не прежде, но послѣ постановленія вопросовъ, ибо заключеніе есть собственно отвѣтъ на вопросъ, а не матеріалъ для вопроса. Но какая же необходимость въ томъ, чтобы оберъ-прокуроръ кассаціоннаго суда былъ такимъ же обвинителемъ, какъ прокуроръ окружнаго суда? Обязанности обвинителей, съ постановленіемъ окончательнаго приговора по уголовному дѣлу, уже выполнены: подсудимый судился, о немъ состоялся приговоръ; если этотъ приговоръ дошелъ до кассаціоннаго суда, то вовсе не для того, чтобъ опять повторить обвиненіе подсудимаго, но для того, чтобъ возбудить вопросъ: не нарушены ли формы и обряды судопроизводства, не сдѣлано ли явнаго отступленія отъ прямаго смысла закона? Здѣсь обвинителю уже дѣлать нечего, здѣсь начинаются дѣйствія истолкователя закона, хранителя его святости и ненарушимости. Обвиненіе въ кассаціонномъ судѣ не имѣло бы никакой цѣли, никакого значенія, потому что кассаціонный судъ не можетъ входить въ разсмотрѣніе того: виноватъ или невиноватъ подсудимый; онъ не можетъ ни оправдать, ни осудить его, онъ долженъ только разрѣшить вопросъ о соблюденіи формъ и обрядовъ судопроизводства, или о правильности примѣненія и истолкованія закона; факты дѣла—вина или невинность подсудимаго—внѣ его компетенціи; а если онъ не можетъ ни осудить, ни оправдать, то зачѣмъ же установлять при немъ органъ обвиненія въ лицѣ оберъ-прокурора? Но, кромѣ того, что признаніе за оберъ-прокуроромъ кассаціоннаго суда характера обвинительнаго было бы излишнее и безполезно, оно было бы вредно въ высшей степени потому, что совершенно парализировало бы дѣйствія оберъ-прокурора, какъ истолкователя закона. Будучи поставленъ въ необходимость входить въ состязаніе съ подсудимымъ, или его защитникомъ, онъ невольно увлекался бы не естественнымъ для него антагонизмовъ, и по свой-

ственному каждому человѣку, вступающему съ кѣмъ нибудь въ споръ, желанію побѣдить своего противника, дѣлался бы одностороннимъ и пристрастнымъ и такимъ образомъ компрометировалъ бы и свое значеніе и свое призваніе истолкователя закона.

Все это убѣждаетъ въ необходимости, при начертаніи проекта судопроизводства въ кассаціонномъ судѣ, избѣгать постановленія такихъ правилъ, которыя могли бы совершенно измѣнить характеръ одного изъ главныхъ дѣятелей этого суда—оберъ-прокурора. Къ числу такихъ правилъ относится, безъ сомнѣнія, и то, которое поставило бы его въ необходимость вступать въ пренія съ подсудимымъ, или его защитникомъ, а потому это правило и не можетъ быть допущено, какъ это разумѣлось и основными положеніями уголовнаго судопроизводства, въ которыхъ (ст. 108) именно сказано, что сенатъ постановляетъ рѣшеніе по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, даннаго на предложенный вопросъ, а не послѣ состязанія съ противною стороною, возбудившею тотъ вопросъ; иначе сенату, въ противность приведенной 108 ст. основныхъ положеній, пришлось бы рѣшать вопросы безъ заключенія оберъ-прокурора.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ *шесть членовъ полагаютъ*, что оберъ-прокуроръ кассаціоннаго суда долженъ предлагать сенату свое заключеніе по дѣлу не прежде, но послѣ постановленія сенатомъ вопросовъ.

Мнѣніе большинства.

Двадцать членовъ (*Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Даневскій, Калачевъ, Квистъ, Книримъ, Крейтеръ, Любимовъ, Поповъ, Ровинскій, Розовъ, Романовскій, Рѣпинскій, Спасовичъ, Чемадуровъ, Шечковъ и Шубинъ*) находятъ, что состязательный порядокъ судопроизводства, какъ признано уже и наукою и положительными законодательствами, доставляетъ наиболѣе средствъ къ правильному обсужденію дѣла, и есть необходимое условіе устности на судѣ. Вотъ почему въ проектѣ устава уголовнаго судопроизводства, по началамъ, принятымъ въ основныхъ положеніяхъ преобразованія

судебной части, судебное состязаніе сторонъ постановлено однимъ изъ существенныхъ условій производства уголовныхъ дѣлъ въ судебныхъ засѣданіяхъ. Едва ли есть какое либо основаніе отступать отъ этого начала при установленіи порядка судопроизводства въ кассаціонномъ сенатѣ? Хотя сенатъ, въ качествѣ кассаціоннаго суда, не можетъ ни въ какомъ случаѣ разрѣшать вопраса о винѣ или невинности подсудимаго, но обсужденію его будутъ подлежать другіе существенные въ дѣлѣ вопросы, а именно всѣ вопросы, относящіеся къ законному опредѣленію свойства преступленія и соотвѣтствующаго ему наказанія (Осн. пол. ч. II, ст. 104). Понятно. что если, при разсмотрѣніи этихъ вопросовъ въ низшемъ судѣ, обѣ стороны представляли свои доводы, то и къ поддержанію этихъ доводовъ въ кассаціонномъ сенатѣ должны быть допущены обѣ же стороны, а для этого обвинительная власть должна имѣть и въ сенатѣ своего представителя, которымъ можетъ быть только оберъ-прокуроръ. Даже при разсмотрѣніи вопросовъ, относящихся къ порядку судопроизводства, не слѣдуетъ отвергать состязаніе сторонъ въ сенатѣ, потому что каждая изъ нихъ можетъ смотрѣть съ свойственной ей точки зрѣнія на значеніе тѣхъ дѣйствій, кои въ жалобѣ подсудимаго или въ протестѣ прокурора представляются какъ нарушеніе существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, и сопоставленіе этихъ взглядовъ не только не можетъ повредить, но должно значительно способствовать правильному разрѣшенію означенныхъ вопросовъ.

И такъ, если оберъ-прокуроръ можетъ и долженъ быть представителемъ обвительной власти въ уголовномъ департаментѣ кассаціоннаго сената, то неподлежитъ сомнѣнію, что онъ долженъ участвовать только въ разъясненія дѣла въ качествѣ одной изъ сторонъ, а не въ разрѣшеніи постановленныхъ сенатомъ вопросовъ, въ качествѣ какого-то истолкователя законовъ. Для правильнаго разрѣшенія дѣла какъ въ судебныхъ мѣстахъ, такъ и въ кассаціонномъ сенатѣ, весьма полезно имѣть въ виду мнѣнія сторонъ по каждому предмету жалобы или протеста, но

назначать судебнымъ мѣстамъ и даже кассаціонному сенату наставниковъ, въ качествѣ истолкователей законовъ, было бы несообразно съ достоинствомъ судебныхъ мѣстъ вообще и верховнаго судилища въ особенности.

Опасаются, что если оберъ-прокуроръ будетъ входить въ судебное состязаніе съ подсудимымъ или его защитникомъ, то онъ сдѣлается односторонним или даже пристрастнымъ. Это опасеніе имѣло бы важное значеніе, если бы оберъ-прокуроръ кассаціоннаго сената участвовалъ въ самомъ рѣшеніи дѣла подобно нынѣшнимъ оберъ-прокурорамъ сената. Но когда оберъ-прокуроръ будетъ давать заключеніе только въ качествѣ представителя обвинительной власти—обвинительной во имя закона, а не во что бы ни стало,—то односторонность его можетъ повредить только ему самому, а не дѣлу, потому что неминуемо обнаружится при судебномъ состязаніи и не ускользнетъ отъ вниманія тѣхъ опытныхъ юристовъ, которымъ предполагается предоставить рѣшеніе дѣлъ въ кассаціонномъ сенатѣ. Для дѣла несравненно опаснѣе предложеніе, чтобы оберъ-прокуроръ давалъ свое заключеніе не прежде, но послѣ постановленія по дѣлу вопросовъ. Такимъ образомъ, во первыхъ, вопросы были бы постановляемы въ то время, когда дѣло еще не выяснено судебнымъ состязаніемъ, а во вторыхъ, объясненія оберъ-прокурора не подлежали бы никакимъ возраженіямъ съ противной стороны и послѣднее слово предоставлялось бы не защитѣ подсудимаго, а обвиненію, вопреки правилу, положительно выраженному въ основныхъ положеніяхъ. Притомъ въ положеніяхъ этихъ вовсе не опредѣлено, когда оберъ-прокуроръ даетъ свое заключеніе, прежде или послѣ постановленія по дѣлу вопросовъ, а сказано только, что сенатъ постановляетъ рѣшеніе по изложеніи дѣла однимъ изъ сенаторовъ и по выслушаніи заключенія оберъ-прокурора (Осн. пол. ч. II ст. 108).

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, *двадцать членовъ* полагали бы принять слѣдующія правила:

Послѣ изложенія дѣла сенаторомъ, оберъ-прокуроръ представляетъ свое заключеніе объ осно-

вательности приведенныхъ въ жалобѣ или протестѣ доводовъ къ отмѣнѣ окончательнаго приговора.

По выслушаніи заключенія оберъ-прокурора, участвующія въ дѣлѣ лица могутъ сами, или чрезъ своихъ повѣренныхъ и защитниковъ, представить сенату всѣ объясненія, которыя сочтутъ необходимыми для огражденія своихъ правъ.

За представленіемъ всѣхъ объясненій сторонами, сенаторъ, докладывающій дѣло, предлагаетъ проектъ вопросовъ о предметехъ, подлежащихъ разрѣшенію.

Оберъ-прокуроръ и лица, участвующія въ дѣлѣ могутъ обратить вниманіе сената и на другіе, кромѣ предложенныхъ сенаторомъ, вопросы.

Объ ограниченіи случаевъ отмѣны окончательныхъ приговоровъ (ст. 867).

Имѣя въ виду, что отмѣна приговора не только отдаляетъ окончаніе дѣла, но и требуетъ вызова въ судъ вновь свидѣтелей, свѣдущихъ людей и всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, комисія находила, что мѣра эта, какъ сопряженная съ большими практическими затрудненіями и съ увеличеніемъ судебныхъ издержекъ, падающихъ въ бо́льшей части случаевъ на счетъ казны, должна быть принимаема лишь тогда, когда сенатъ убѣдится, что причины, по которымъ просятъ объ отмѣнѣ приговора, могли въ данномъ случаѣ дѣйствительно стѣснить права той стороны, которая жалуется или протестуетъ, и имѣть на послѣдовавшій приговоръ существенное вліяніе.

О разсмотрѣніи въ палатахъ, а не въ сенатѣ, кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ, относящихся къ неправильному опредѣленію наказанія.

При обсужденіи порядка разсмотрѣнія кассаціонныхъ жалобъ и протестовъ, въ коммисіи возбужденъ былъ вопросъ: не полезнѣе ли будетъ, чтобы разсмотрѣніе жалобъ и протестовъ, имѣющихъ предметомъ неправильное опредѣленіе наказанія происходило не въ сенатѣ, а въ судебныхъ палатахъ?

Мнѣніе двухъ членовъ.

Два члена (Ровинскій и Рѣпинскій) заявили по этому предмету слѣдующее мнѣніе:

Такъ какъ наказаніе назначается судьями, а не присяжными, то жаловаться на это назначеніе слѣдуетъ судебной палатѣ, а не кассаціон-

ному сенату. Какая надобность уничтожать рѣшеніе и повторять вновь все производство и пренія «съ того дѣйствія, которое послужило поводомъ кассаціи» изъ того только, что неправильно назначено наказаніе? Судебная палата измѣнитъ его и обратитъ дѣло къ исполненію въ окружный судъ или мировой съѣздъ по принадлежности. Принятіе такого порядка въ обжалованіи рѣшеній окружнаго суда тѣмъ болѣе возможно, что въ числѣ кассаціонныхъ поводовъ, принятыхъ большинствомъ членовъ, находится достаточное число такихъ, которые имѣютъ апелляціонной характеръ. При этомъ условіи для назначенія наказанія и для управленія всѣми судебными дѣйствіями въ засѣданіяхъ съ присяжными было бы весьма достаточно (и для сохраненія бо̀льшаго порядка въ судѣ полезно) отряжать одного члена окружнаго суда вмѣсто трехъ,—не прикомандировывая къ нему даже и мировыхъ судей.

Мнѣніе большинства.

Двадцать четыре члена (*Баршевскій*, *Буцковскій*, *Бычковъ*, *Вилинбаховъ*, *Баронъ Врангель*, *Гуринъ*, *Даневскій*, *Есиповичъ*, *Зарудный*, *Калачевъ*, *Квистъ*, *Книримъ*, *Ковалевскій*, *Крейтеръ*, *Любимовъ*, *Плавскій*, *Поповъ*, *Принтцъ*, *Розовъ*, *Романовскій*, *Спасовичъ*, *Чемадуровъ*, *Шечковъ* и *Шубинъ*) находятъ, что тѣ изъ заявленныхъ двумя членами предположеній, которыя касаются порядка кассаціи, несогласны съ принятыми въ основныхъ положеніяхъ началами, по которымъ окончательные приговоры окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ могутъ быть отмѣняемы однимъ сенатомъ, и не только по нарушенію существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, но также и по незаконному опредѣленію преступленія и рода наказанія (Осн. пол. ч. II, ст. 103—105). Притомъ предположенія эти подрываютъ въ самой основѣ учрежденіе кассаціоннаго сената, которое по уголовному судопроизводству токмо тогда и можетъ принести существенную пользу, когда будетъ охранителемъ единообразнаго и точнаго примѣненія уложенія о наказаніяхъ къ виновности подсудимыхъ, признанной присяжными или судомъ. Вслѣдствіе се-

го *двадцать четыре* члена не признали возможнымъ сдѣлать какія либо измѣненія по этому предмету въ проектѣ.

О послѣдствіяхъ отмѣны окончательныхъ приговоровъ (ст. 870 и 871).

При развитіи основнаго положенія о послѣдствіяхъ кассаціи, коммисія нашла необходимымъ постановить, что въ случаѣ отмѣны приговора, дѣло обращается въ другой судъ, соотвѣтствующій тому, приговоръ коего отмѣненъ или *въ тотъ же судъ*, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ дѣло было разсмотрѣно другимъ присутствіемъ суда. Этимъ условіемъ вполнѣ удовлетворяется цѣль, бывшая въ виду при постановленіи правила о обращеніи дѣла въ другой судъ, а между тѣмъ достигается важное практическое удобство—рѣшеніе дѣла судомъ, ближайшимъ къ участвующимъ въ дѣлѣ лицамъ и свидѣтелямъ, которые должны быть вызваны въ судъ.

Сверхъ того, при развитіи того же основнаго положенія коммисія признала полезнымъ постановить, что если приговоръ отмѣняется потому, что подсудимый осужденъ за дѣйствіе, не воспрещенное подъ страхомъ наказанія, или потому, что онъ былъ судимъ не смотря на существованіе законныхъ поводовъ для прекращенія дѣла, то сенатъ самъ можетъ сдѣлать распоряженіе о прекращеніи дѣла и объ освобожденіи подсудимаго отъ преслѣдованія, не передавая дѣла въ другой судъ, который на основаніи указа сената ничего инаго не могъ бы сдѣлать, а между тѣмъ участь подсудимаго, безъ всякой необходимости, была бы отягощена продолженіемъ дѣла, для соблюденія одной лишь формальности.

По вопросу о взысканіи съ судей, постановившихъ неправильный приговоръ.

За тѣмъ въ коммисіи былъ возбужденъ вопросъ: какія послѣдствія должна имѣть отмѣна приговора для судей, ковхъ приговоръ отмѣненъ? По этому вопросу произошло разногласіе:

Мнѣніе шести членовъ.

Шесть членовъ (*Буцковскій*, *Баронъ Врангель*, *Есиповичъ*, *Любимовъ*, *Романовскій* и *Чемадуровъ*) находятъ, что нарушеніе существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства обыкновен-

но происходитъ если не отъ умышленной, то по крайней мѣрѣ отъ грубой ошибки судей, а при отправленіи правосудія грубая ошибка, сдѣланная тѣми, кому ввѣряются важнѣйшіе интересы общества и частныхъ лицъ, столь предосудительна и можетъ имѣть такія вредныя послѣдствія, что не должна оставаться безъ преслѣдованія, если не всегда, то по крайней мѣрѣ въ большей части случаевъ, правильная оцѣнка коихъ можетъ быть сдѣлана каждый разъ высшимъ судомъ.

По симъ соображеніямъ *шесть членовъ* полагаютъ постановить, что по опредѣленію объ отмѣнѣ окончательнаго приговора судьи, виновные въ нарушеніяхъ существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, могутъ быть подвергнуты дисциплинарнымъ взысканіямъ, или преданы суду, съ обращеніемъ на нихъ, по усмотрѣнію сената, судебныхъ издержекъ, причиненныхъ отмѣною приговора.

Мнѣніе большинства.

Двадцать членовъ (*Баршевскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Даневскій, С. Зарудный, Калачевъ, Квистъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Плавскій, Поповъ, Принтцъ, Ровинскій, Розовъ, Рѣпинскій, Спасовичъ, Шечковъ и Шубинъ*) не убѣдились вышеизложеннымъ мнѣніемъ на томъ основаніи, что судьи могутъ и должны подлежать отвѣтственности лишь за умышленныя неправильныя дѣйствія и не добросовѣстные поступки, а не за ошибки и недоразумѣнія, для исправленія коихъ установляются доступные всякому способы обжалованія судебныхъ рѣшеній; допустить противное этому правило, значило бы посягнуть на свободу судейскихъ мнѣній и независимость суда, безъ которой судъ не можетъ ни быть защитникомъ страждущихъ, ни служить охраною личной свободы гражданъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О возобновленіи уголовныхъ дѣлъ (ст. 877—855).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлены по настоящему предмету слѣдующія правила:

Поводами къ отмѣнѣ приговора могутъ быть вновь открытыя обстоятельства, обнаруживающія невинность осужденнаго или подложность доказательствъ, на которыхъ основанъ приговоръ (Осн. пол. ч. II, ст. 104 п. 3).

Просьбы и представленія о пересмотрѣ приговоровъ по вновь открытымъ обстоятельствамъ (ст. 104 п. 3) принимаются во всякое время, не смотря ни на протеченіе давности, ни на смерть осужденнаго (ст. 107).

При развитіи означенныхъ основныхъ положеній коммисія признала необходимымъ, указавъ причины, по коимъ могутъ быть дѣла возобновляемы, въ огражденіе подсудимыхъ отъ неправильнаго осужденія, принять мѣры и противъ того, чтобы преступники не могли быть оправдываемы въ слѣдствіе новыхъ съ ихъ стороны преступленій, совершенныхъ именно съ тою цѣлію, чтобъ достигнуть оправданія, посредствомъ злонамѣреннаго обмана, такъ какъ безнаказанность, достигнутая посредствомъ подлога, подкупа свидѣтелей и тому подобныхъ преступныхъ дѣйствій, противорѣчила бы самымъ основнымъ началамъ справедливости. Если уваженіе къ неприкосновенности и ненарушимости судебнаго приговора требуетъ, чтобъ подсудимый, оправданный судомъ, былъ освобожденъ навсегда отъ уголовнаго преслѣдованія по дѣлу, по коему ни слѣдствіемъ, ни судомъ не было открыто достаточныхъ доказательствъ и уликъ, то совсѣмъ противоположное требованіе возникаетъ въ томъ случаѣ, когда открытыя во время производства дѣла улики и доказательства были искажены подсудимымъ посредствомъ подлога, подкупа свидѣтелей и тому подобныхъ преступныхъ дѣйствій, совершенныхъ для того, чтобъ ввести судъ въ обманъ. Оставлять безъ пересмотра приговоры, постановленные въ слѣд-

ствіе такихъ преступныхъ дѣйствій, значило бы открыть путь преступникамъ къ продолженію ихъ злодѣяній на самомъ судѣ.

Въ слѣдствіе такого убѣжденія коммисія признала нужнымъ постановить, что если окончательнымъ приговоромъ подсудимый оправданъ или присужденъ, вмѣсто уголовнаго наказанія, къ исправительному, безъ лишенія или ограниченія правъ состоянія, то возобновленіе дѣла по обстоятельствамъ, его уличающимъ, или увеличающимъ его виновность, можетъ быть допущено въ томъ случаѣ, когда означенный приговоръ былъ послѣдствіемъ подлога, подкупа свидѣтелей и тому подобныхъ преступныхъ дѣйствій.

Въ заключеніе этой главы постановлены правила, опредѣляющія порядокъ подачи и удовлетворенія просьбъ о возобновленіи дѣлъ, послѣдствія отмѣны приговоровъ для осужденныхъ и порядокъ слѣдствія и суда по возобновленнымъ дѣламъ. При этомъ коммисія находила, что впредь до окончательнаго рѣшенія возобновленныхъ сенатомъ дѣлъ было бы несправедливо оставлять осужденныхъ въ томъ положеніи, въ какое они были поставлены приговорами, отмѣненными сенатомъ, но слѣдуетъ облегчать участь ихъ во всемъ, что не препятствуетъ принятію мѣръ противъ того, чтобъ они не скрылись.

РАЗДѢЛЪ ВОСЬМОЙ.

Объ исполненіи приговоровъ по дѣламъ уголовнымъ.

Настоящій раздѣлъ подраздѣляется на четыре главы: 1) о вступленіи приговоровъ въ законную силу; 2) о обязанностяхъ разныхъ властей по исполненію приговоровъ; 3) о порядкѣ исполненія приговоровъ, и 4) о возмѣщеніи судебныхъ издержекъ по уголовнымъ дѣламъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О вступленіи приговоровъ въ законную силу (ст. 886—829).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлены по настоящему предмету слѣдующія правила:

Никто не можетъ быть наказанъ за преступленія или проступки, подлежащіе вѣдомству судебныхъ мѣстъ, не бывъ присужденъ къ наказанію приговоромъ надлежащаго суда, вошедшимъ въ законную силу (Осн. пол. ч. II ст. 1).

Приговоръ, постановленный судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, считается окончательнымъ (ст. 97).

Приговоры, постановленные судомъ во второй инстанціи, считаются окончательными (ст. 96).

Окончательные судебные приговоры могутъ быть отмѣняемы только въ особомъ порядкѣ кассаціи (ст. 14).

Окончательные приговоры, прежде обращенія ихъ къ исполненію, представляются на Высочайшее усмотрѣніе министромъ юстиціи:

1) когда дворяне, чиновники и священнослужители всѣхъ степеней духовной іерархіи присуждаются къ наказанію, соединенному съ

лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ;

2) когда кто либо присуждается къ лишенію ордена или другаго знака отличія, Высочайше пожалованнаго, или такого, на ношеніе котораго послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и

3) когда судебное мѣсто ходатайствуетъ о смягченіи подсудимымъ наказаній въ размѣрѣ, выходящемъ изъ предѣловъ предоставленной суду власти, или о помилованіи преступника (ст. 112).

На точномъ основаніи вышеизложенныхъ положеній, коммисіею предначертаны общія правила о томъ, при какихъ условіяхъ приговоры различнаго рода вступаютъ въ законную силу. Но какъ послѣдствіемъ вступленія приговора въ законную силу есть обращеніе его къ исполненію, то коммисія, сверхъ того, признала необходимымъ разрѣшить слѣдующіе вопросы:

1) если въ дѣлѣ нѣсколько подсудимыхъ, а жалоба или протестъ относится только къ одному изъ нихъ, то приговоръ, въ отношеніи ко всѣмъ прочимъ, слѣдуетъ ли считать вошедшимъ въ законную силу?

2) если приговоръ по нѣсколькимъ преступленіямъ подсудимаго, не имѣющимъ между собою существенной связи, обжалованъ или протестованъ въ отношеніи только къ одному преступленію, то можно ли считать такой приговоръ вошедшимъ въ законную силу въ отношеніи къ другимъ преступленіямъ того же подсудимаго, и

3) какія послѣдствія влечетъ за собою обжалованіе приговора въ отношеніи гражданскаго иска.

О вступленіи въ законную силу приговора, обжалованнаго или протестованнаго въ отношеніи не ко всѣмъ подсудимымъ (ст. 888).

По первому вопросу произошло разногласіе.

Мнѣніе двѣнадцати членовъ.

Двѣнадцать членовъ (Баронъ Врангель, Даневскій, С. Зарудный, Калачевъ, Квистъ, Кнримъ, Плавскій, Романовскій, Рѣпинскій, Чемадуровъ, Шечковъ и Шубинъ) находятъ, что

если приговоръ, постановленный о нѣсколькихъ подсудимыхъ, обжалованъ или протестованъ только въ отношеніи къ одному или нѣкоторымъ изъ нихъ, то, касательно всѣхъ прочихъ, его нельзя считать вошедшимъ въ законную силу, съ того самаго времени, когда истекъ установленный срокъ на подачу отзыва или жалобы со стороны осужденныхъ, или протеста со стороны прокурора, потому что такой порядокъ былъ бы сопряженъ съ важными практическими неудобствами. Очень не рѣдко можетъ случиться, что при новомъ разсмотрѣніи дѣла, вслѣдствіе отзыва или жалобы со стороны осужденныхъ или протеста со стороны прокурора, принесшіе жалобу подсудимые будутъ совершенно оправданы, или же будутъ подвергнуты наказанію, менѣе строгому, нежели то, которое было имъ опредѣлено прежнимъ приговоромъ. Въ такомъ случаѣ если признать приговоръ въ отношеніи тѣхъ, которые его необжаловали, вошедшимъ въ законную силу, то соучастники въ одномъ и томъ же преступленіи подвергнутся не уравнительному наказанію, и участь нѣкоторыхъ изъ нихъ будетъ отягощена свыше мѣры ими содѣяннаго, единственно потому, что они не приносили отзыва или жалобы.

Если съ одной стороны желательно не колебать ненарушимости приговоровъ, вошедшихъ въ законную силу; если необходимо всѣми мѣрами поддерживать принципъ: «res judicata pro veritate habetur», то съ другой стороны, еще желательнѣе и еще необходимѣе, чтобы никто не былъ подвергаемъ наказанію свыше мѣры содѣяннаго имъ преступленія, и чтобы законное возмездіе было соразмѣрно его винѣ.

Посему *двѣнадцать членовъ* полагаютъ постановить, что часть приговора, вошедшаго въ законную силу, не должна быть обращаема къ исполненію до разрѣшенія жалобы или протеста по другой части, если какъ та, такъ и другая относятся къ соучастникамъ въ одномъ и томъ же преступленіи.

Мнѣніе большинства.

Тринадцать членовъ (*Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Гуринъ, Есиповичъ, Крейтеръ, Любимовъ, Поповъ, Поинтцъ, Ровинскій, Розовъ и Спасовичъ*) находятъ, что право обжалованія приговора принадлежитъ въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ участникамъ въ преступленіи. Точно также и прокурору принадлежитъ право предъявить протестъ противъ всѣхъ частей приговора, несогласныхъ съ его заключеніемъ. По этому, неподача въ установленный срокъ по какой либо части приговора, ни жалобы со стороны обвиненнаго, ни протеста со стороны прокурора, равносильна заявленію согласія обѣихъ сторонъ на эту часть приговора, которая и должна быть обращена къ исполненію, какъ вошедшая въ законную силу. Когда обѣ стороны, и обвинитель, и обвиняемый, подчинились добровольно приговору, то на счетъ неправильности его не можетъ быть никакого законнаго предположенія, которое могло бы служить основаніемъ остановки исполненія. Противное тому правило не только имѣло бы послѣдствіемъ накопленіе арестантовъ въ тюрьмахъ, но и было бы несправедливо потому, что время, проведенное подсудимыми подъ стражею до вступленія приговора о нихъ въ законную силу, не зачитается имъ въ срокъ наказанія. Если изъ десяти подсудимыхъ, девять подчинились приговору, а одному вздумалось подать затѣйливую жалобу, то можно ли допустить, чтобы жалоба эта была поводомъ къ излишнему заключенію тѣхъ девяти подсудимыхъ, которые въ принесеніи ея вовсе не участвовали? По закону, нынѣ дѣйствующему (свод. Т. XV зак. суд. угол. ст. 410), губернаторъ, представляя дѣло на ревизію сената, предлагаетъ уголовной палатѣ исполнить приговоръ въ тѣхъ отдѣльныхъ онаго частяхъ, на которыя онъ, по предоставленному ему закономъ праву, изъявилъ свое согласіе. Если такое правило дѣйствовало при существованіи тѣлесныхъ наказаній, въ отношеніи къ которымъ неправильность исполненнаго приговора невозможно исправить, то едвали есть какое либо практическое основаніе къ измѣненію этого правила въ то время, когда тѣлесныя наканія отмѣнены.

Конечно могутъ быть случаи, гдѣ жалоба или отзывъ одного подсудимаго, въ случаѣ признанія ихъ уважительными, потребовали бы измѣненія приговора, въ смыслѣ болѣе благопріятномъ для прочихъ соучастниковъ въ преступленіи, но и тогда приговоръ, ими не обжалованный, не можетъ потерять своей силы иначе, какъ въ особомъ порядкѣ судопроизводства, установленномъ для возобновленія уголовныхъ дѣлъ. Въ предначертанныхъ коммисіею на этотъ предметъ правилахъ, случаи подобнаго рода не только предусмотрѣны, но даже установленъ порядокъ, опредѣляющій какъ поступать тогда, когда приговоры уже исполнены (ст. 854, 875 и 877—885). По этому приводимые меньшинствомъ доводы не могутъ вести къ установленію какого либо исключенія изъ общаго правила о вступленіи приговоровъ въ законную силу. Тѣмъ менѣе возможно допустить это исключеніе по поводу протеста прокурора въ отношеніи только къ нѣкоторымъ изъ подсудимыхъ, такъ какъ по основнымъ положеніямъ, «ни при ревизіи неокончательнаго приговора, ни при пересмотрѣ въ кассаціонномъ порядкѣ приговора окончательнаго, наказаніе подсудимому не можетъ быть увеличено, когда не было объ этомъ протеста со стороны прокурора (Осн. Пол. ч. II ст. 111)». Очевидно, что за симъ удержаніе исполненія по неопротестованнымъ частямъ приговора не можетъ имѣть никакихъ послѣдствій въ отношеніи къ симъ частямъ приговора, но только повлечетъ за собою излишнее содержаніе подъ стражею осужденныхъ.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, *тринадцать членовъ* признали необходимымъ принять за правило, что если приговоръ, постановленный о нѣсколькихъ подсудимыхъ, обжалованъ или протестованъ токмо въ отношеніи къ одному или нѣкоторымъ изъ нихъ, то касательно всѣхъ прочихъ подсудимыхъ онъ почитается вошедшимъ въ законную силу съ того самаго времени, когда истекъ установленный срокъ на подачу отзыва или жалобы со стороны осужденныхъ, или протеста со стороны прокурора.

О вступленіи въ законную силу приговора, обжалованнаго или протестованнаго въ отношеніи не ко всѣмъ преступленіямъ подсудимаго (ст. 889).

По второму вопросу коммисія пришла къ единогласному заключенію, что при сужденіи кого либо по нѣсколькимъ преступленіямъ, неимѣющимъ между собою существенной связи, отзывъ, жалоба или протестъ въ отношеніи къ одному преступному дѣянію не можетъ лишить законной силы рѣшенія, постановленнаго въ отношеніи къ другому; но какъ въ этихъ случаяхъ наказаніе подсудимому назначается по правиламъ о совокупности преступленій, то по невозможности опредѣлить той мѣры наказанія, которой долженъ подвергнуться осужденный, впредь до воспослѣдованія окончательнаго приговора о всѣхъ преступныхъ его дѣяніяхъ въ совокупности, приговоръ не долженъ быть приводимъ въ исполненіе и по тѣмъ частямъ, по которымъ не послѣдовало ни жалобы, ни протеста.

О вступленіи въ законную силу приговора, обжалованнаго только въ отношеніи къ гражданскому иску (ст. 890).

По третьему вопросу коммисія находила, что гражданскій искъ, проистекающій изъ преступленія или проступка, зависитъ отъ рѣшенія уголовнаго иска, и составляетъ только одно изъ послѣдствій признанія на уголовномъ судѣ событія преступленія и виновности въ немъ подсудимаго; но уголовный искъ въ дѣлахъ, неимѣющихъ никакого отношенія къ опредѣленію личныхъ или имущественныхъ правъ, ни сколько не зависитъ отъ иска гражданскаго. На этомъ основаніи коммисія признала, что приговоръ, обжалованный только въ отношеніи къ гражданскому иску, почитается вступившимъ въ законную силу во всѣхъ частяхъ, незаключающихъ въ себѣ рѣшенія сего иска.

О представленіи приговоровъ на Высочайше усмотрѣніе (ст. 891 и 892).

Затѣмъ, опредѣляя случаи, когда уголовные приговоры должны быть представляемы на Высочайшее усмотрѣніе, прежде обращенія ихъ къ исполненію, коммисія приняла во вниманіе, что на окончательные приговоры допускаются жалобы и протесты въ кассаціонномъ порядкѣ, при чемъ не только отдѣльныя части рѣшенія, но и весь приговоръ можетъ быть отмѣненъ съ передачею дѣла на разсмотрѣніе другаго суда. По этому, чтобы на практикѣ не возникало предположенія о необходимости представлять на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества при-

говоры, которые хотя постановлены окончательно, но не вошли въ законную силу, а также для того, чтобы могущее, по Высочайшему усмотрѣнію, послѣдовать смягченіе наказанія являлось какъ дѣйствіе Монаршаго милосердія, а не въ видѣ утвержденія приговора въ порядкѣ ревизіонномъ, коммисія, при развитіи основныхъ положеній по этому предмету, признала необходимымъ выразить опредѣлительно, что на Высочайшее усмотрѣніе, въ указанныхъ законами случаяхъ, уголовные приговоры представляются не прежде, какъ по вступленіи ихъ въ законную силу.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О обязанностяхъ разныхъ властей по исполненію приговоровъ (ст. 893—902).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части по настоящему предмету сдѣлано только одно указаніе, состоящее въ слѣдующемъ постановленіи:

При исполненіи уголовныхъ приговоровъ соблюдаются существующіе нынѣ общія о семъ правила (осн. пол. ч. II ст. 153).

При развитіи этого указанія, коммисія находила, что начало, здѣсь выраженное, состоитъ въ зависимости отъ другихъ предначертанныхъ основными положеніями началъ, принятыхъ въ основаніе преобразованія судебной части, и потому можетъ имѣть только тотъ смыслъ, что существующія нынѣ общія правила объ исполненіи уголовныхъ приговоровъ оставляются въ своей силѣ во всемъ томъ, въ чемъ они соотвѣтствуютъ вновь установленнымъ правиламъ судопроизводства и судоустройства.

Остановившись на этомъ предположеніи, коммисія признала, что вслѣдствіе установленія новыхъ началъ подсудности и судоустройства не можетъ остаться безъ измѣненія прежній порядокъ передачи приговоровъ къ исполненію изъ одного присутственнаго мѣста въ другое, а равно и наблюденіе за исполненіемъ приговоровъ,

возложенное на различныя власти, независящія другъ отъ друга, должно быть сосредоточено, по возможности, въ вѣдомствѣ той власти, которой оно наиболѣе свойственно. По дѣйствующимъ законамъ (Свода Т. XV Зак. Угол. Суд. ст. 505 и 506), исполненіе окончательныхъ приговоровъ въ тѣхъ частяхъ, которыя выходятъ изъ круга непосредственныхъ дѣйствій суда, возлагается на губернскія правленія, если приговоры послѣдовали въ правительствующемъ сенатѣ или въ судѣ второй степени. Въ этихъ случаяхъ и наблюденіе за точнымъ и немедленнымъ приведеніемъ въ дѣйствіе такихъ приговоровъ лежитъ на обязанности и отвѣтственности губернскихъ правленій. Но по окончательнымъ приговорамъ, постановленнымъ въ судахъ первой степени, исполненіе предоставляется непосредственно полиціи подъ наблюденіемъ губернскихъ правленій. Сверхъ того за точнымъ исполненіемъ приговоровъ должны наблюдать какъ сами судебныя мѣста, такъ и чины прокурорскаго надзора (Зак. Суд. Угол. ст. 506 и 507). Въ настоящее время всѣ дѣла по важнѣйшимъ преступленіямъ восходятъ на ревизію уголовныхъ палатъ и правительствующаго сената, а въ уѣздныхъ судахъ и магистратахъ поставляются окончательные приговоры только по маловажнымъ преступленіямъ. По этому распредѣленіе исполненія между губернскими правленіями и полиціею находится въ соотвѣтствіи съ большею или меньшею важностію дѣлъ и съ строгостію опредѣленныхъ въ приговорахъ наказаній. Но по основнымъ положеніямъ преобразованія судебной части окончательные приговоры по тяжкимъ уголовнымъ преступленіямъ должны быть постановляемы въ окружныхъ судахъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, а въ судебныя палаты будутъ восходить апелляціоннымъ порядкомъ токмо дѣла по менѣе важнымъ преступленіямъ; сенатъ же, съ преобразованіемъ его въ верховный кассаціонный судъ, вовсе не будетъ разсматривать уголовныхъ дѣлъ въ существѣ. Отсюда видно, что нынѣшнее распредѣленіе исполненія приговоровъ между губернскими правленіями и полиціею вовсе не подходитъ къ новому порядку судопроизводства и должно быть съ нимъ согласовано. Равномѣрно

не можетъ быть оставлено за губернскими правленіями и наблюденіе за исполненіемъ уголовныхъ приговоровъ, потому что такое вмѣшательство губернскихъ правленій въ дѣла судебныя было бы несогласно съ принятымъ въ основныхъ положеніяхъ началомъ отдѣленія судебной власти отъ административной. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы наблюденіе за исполненіемъ уголовныхъ приговоровъ надлежало возложить непосредственно на судебныя мѣста. Это наблюденіе съ ихъ стороны и въ настоящее время было только номинальнымъ и вовлекало судебныя мѣста въ переписку, совершенно безплодную, а съ преобразованіемъ судебной части, въ планъ котораго входитъ сокращеніе числа судебныхъ мѣстъ и, слѣдовательно, размѣщеніе ихъ на разстояніяхъ, болѣе отдаленныхъ, они будутъ имѣть еще менѣе средствъ къ своевременному и дѣйствительному наблюденію за исполненіемъ своихъ приговоровъ, которое часто будетъ производиться въ весьма дальнихъ отъ нихъ разстояніяхъ. Изъ всѣхъ указанныхъ въ существующихъ законахъ средствъ наблюденія за исполненіемъ уголовныхъ приговоровъ, только одно наблюденіе прокурорское можно призвать соотвѣтствующимъ предпринимаемому судебному преобразованію. Въ тѣхъ государствахъ, гдѣ существуетъ учрежденіе прокурорское, наблюденіе за исполненіемъ уголовныхъ приговоровъ возлагается обыкновенно на прокуроровъ, на томъ основаніи, что власть, преслѣдующая во имя закона преступниковъ, должна наблюдать и за тѣмъ, чтобы осужденіе ихъ не оставалось безъ послѣдствій, но чтобы они подвергались опредѣленной имъ законной карѣ безотлагательно и согласно съ точнымъ смысломъ состоявшихся о нихъ судебныхъ приговоровъ. При ограниченіи занятій прокуроровъ токмо дѣлами судебнаго вѣдомства и преимущественно дѣлами уголовными, такое наблюденіе со стороны прокуроровъ и ихъ товарищей представляется вполнѣ возможнымъ, и устранитъ необходимость значительной переписки между судами и полицейскими мѣстами, тѣмъ болѣе тягостной, что мѣсто нахожденія окружныхъ судовъ не вездѣ будетъ совпадать съ мѣстомъ пребыванія губернскихъ правленій, рас-

поряжающихся ссылкою осужденныхъ преступниковъ по назначенію. Кромѣ того, какъ окружные суды по дѣламъ уголовнымъ будутъ открывать временныя засѣданія въ различныхъ мѣстностяхъ своего округа, гдѣ, въ ожиданіи исполненія приговоровъ, и будетъ содержаться больная часть осужденныхъ, то сосредоточеніе въ рукахъ прокуроровъ распоряженій по приведенію въ дѣйствіе приговоровъ доставитъ еще ту несомнѣнную пользу, что во всѣхъ этихъ мѣстахъ исполненіе будетъ ввѣрено лицамъ, на которыхъ можно вполнѣ положиться. Впрочемъ, само собою разумѣется, что всѣ затрудненія или препятствія къ приведенію приговоровъ въ исполненіе должны восходить чрезъ прокуроровъ на разрѣшеніе судебныхъ мѣстъ, до свѣдѣнія которыхъ прокуроры обязаны доводить и о дѣйствительномъ исполненіи каждаго уголовнаго приговора.

Вслѣдствіе этихъ соображеній коммисія признала нужнымъ постановить, что всѣ распоряженія по исполненію приговоровъ, выходящія изъ круга непосредственныхъ дѣйствій суда, сосредоточиваются въ рукахъ прокурора, который на этотъ конецъ получаетъ по каждому обвинительному приговору копію съ протокола и требуетъ исполненія отъ губернскихъ правленій и полицейскихъ или другихъ властей, по принадлежности.

ГЛАВА ТРЕТІЯ.

О порядкѣ исполненія приговоровъ (*ст. 903—926*).

При развитіи сдѣланнаго въ основныхъ положеніяхъ указанія, что при исполненіи уголовныхъ приговоровъ должны быть соблюдаемы существующія нынѣ общія о семъ правила, коммисія, входя въ подробное обсужденіе порядка исполненія приговоровъ, остановилась на слѣдующихъ вопросахъ:

1) когда надлежитъ приступать къ исполненію оправдательныхъ приговоровъ, постановляемыхъ присяжными засѣдателями?

2) не подлежитъ-ли на будущее время отмѣнѣ публичное исполненіе приговоровъ надъ осужденными въ каторжную работу или на поселеніе?

3) съ какого времени должно исчислять срокъ наказанія для приговоренныхъ къ каторжной работѣ и къ ссылкѣ на поселеніе или на житье?

4) должно-ли беременныхъ и кормящихъ грудью женщинъ освобождать отъ работъ въ мѣстахъ ссылки и заключенія.

О времени исполненія приговоровъ основанныхъ на рѣшеніи присяжныхъ оправдывающемъ подсудимыхъ (ст. 904).

По первому вопросу коммисія приняла на видъ, что оправдательные приговоры присяжныхъ признаются окончательными и могутъ подлежать отмѣнѣ въ кассаціонномъ порядкѣ только вслѣдствіе протеста прокурора на несоблюденіе существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства. Но такъ какъ прокуроръ всѣ замѣчанія свои, относительно порядка судопроизводства, обязанъ предъявлять суду, который не можетъ рѣшить ни одного вопроса по этому предмету, не выслушавъ предварительно заключенія прокурора, то случаи кассаціонныхъ протестовъ по поводу нарушенія существенныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства могутъ быть лишь весьма рѣдкимъ или чрезвычайнымъ явленіемъ. По этому, едвали было бы сообразно съ видами человѣколюбія отлагать исполненіе оправдательныхъ приговоровъ присяжныхъ, впредь до вступленія ихъ въ законную силу, по одному предположенію о возможной отмѣнѣ ихъ въ порядкѣ кассаціи. Такое пріостановленіе оправдательныхъ приговоровъ можетъ только поколебать ту силу и то нравственное значеніе, которыя вообще имѣютъ приговоры присяжныхъ въ глазахъ общества. По этимъ основаніямъ и руководствуясь примѣромъ иностранныхъ законодательствъ, коммисія пришла къ заключенію, что приговоръ присяжныхъ, оправдывающій подсудимаго, долженъ быть исполненъ при самомъ провозглашеніи существа его въ томъ судебномъ засѣданіи, въ коемъ онъ постановленъ, и оправданный, находившійся подъ стражею, тогда же долженъ получить свободу, если не состоитъ подъ обвиненіемъ по другому какому либо преступленію, по которому долженъ содержаться подъ стражею.

О публичности наказаній (ст. 911—913).

По второму вопросу коммисія обратила вниманіе на то, что за состоявшимся, послѣ обнародованія основныхъ положеній преобразованія судебной части, Высочайшимъ указомъ 17 апрѣля 1863 года, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній чрезъ палачей и наложенія клеймъ, обрядъ публичнаго исполненія приговора надъ осужденными въ каторжную работу и на поселеніе заключается лишь въ позорномъ поѣздѣ осужденнаго на площадь, гдѣ читается приговоръ суда, и въ выставленіи его у позорнаго столба. Въ настоящее время обрядъ этотъ имѣетъ не маловажное значеніе, служа для общества единственнымъ проводникомъ послѣдствій карающаго правосудія. Но со введеніемъ публичности на судѣ и той торжественности, въ которую облекаются формы и обряды гласнаго судопроизводства вообще и суда съ присяжными въ особенности, исполненіе вышеозначеннаго обряда теряетъ свое значеніе. Составляя только окончаніе той драмы, которая происходила на судѣ публично, обрядъ этотъ представитъ народу одно праздное зрѣлище, безъ всякаго поучительнаго значенія. Мало того: послѣ потери своего устрашающаго характера, обрядъ этотъ можетъ подѣйствовать даже вредно на массу народонаселенія, представляя ей позоръ какъ бы единственнымъ наказаніемъ за тяжкія злодѣянія. Конечно, чѣмъ менѣе подавлено въ осужденномъ нравственное чувство, чѣмъ менѣе онъ преступникъ по ремеслу, тѣмъ положеніе его, при исполненіи этого обряда, будетъ мучительнѣе. Но для большей части осужденныхъ, а именно для всѣхъ тѣхъ, которые при совершеніи своихъ злодѣяній или руководились одними животными побужденіями, или успѣли убить въ себѣ всякое нравственное чувство, позорный обрядъ не имѣетъ никакого значенія. Такимъ образомъ этотъ обрядъ отягощаетъ участь только тѣхъ осужденныхъ, которые принадлежатъ къ классу людей болѣе образованныхъ, которыхъ нравственныя силы будутъ и безъ того глубоко потрясены публичнымъ изслѣдованіемъ на судѣ ихъ вины и для которыхъ въ мѣстѣ ссылки наказаніе, по непривычкѣ къ работамъ, окажется гораздо чувствительнѣе. Наконецъ сохраненіе этого

обряда, во всѣхъ установленныхъ нынѣ случаяхъ, уничтожаетъ всякое различіе въ исполненіи наказанія надъ приговоренными къ ссылкѣ на поселеніе и въ каторжныя работы, сравнительно съ тѣми, которые осуждены на политическую смерть. Въ сущности въ послѣднемъ случаѣ исполняется тотъ же самый обрядъ, тогда какъ наказаніе политическою смертью установлено для случаевъ, выходящихъ изъ общаго ряда преступленій, и служитъ замѣною смертной казни. Въ этихъ соображеніяхъ коммисія признала справедливымъ сохранить публичность обряда совершенія наказанія только для смертной казни и политической смерти.

О томъ, съ какою времени исчисляются сроки наказаній (ст. 918).

По третьему вопросу о томъ: съ какого времени слѣдуетъ считать срокъ работъ ссыльно-каторжныхъ и поселенцевъ и безотлучнаго пребыванія въ назначенномъ мѣстѣ ссылаемыхъ на житье въ Сибирь или другія отдаленныя губерніи, коммисія находила, что въ дѣйствующихъ нынѣ узаконеніяхъ исчисленіе сроковъ наказаній установлено различно, смотря потому, присуждается ли виновный къ ссылкѣ или къ наказанію другаго рода. Такъ, для осужденныхъ въ каторжную работу, на поселеніе или на житье какъ въ Сибирь, такъ и въ другія отдаленныя губерніи, сроки наказанія считаются со времени вступленія въ работу и прибытія въ мѣсто поселенія или жительства; для назначенныхъ же въ арестантскія роты и въ рабочій домъ, время проведенное, по объявленіи приговоровъ, въ тюремномъ заключеніи зачисляется въ опредѣленный приговоромъ срокъ содержанія въ ротѣ или въ рабочемъ домѣ, въ размѣрѣ, опредѣленномъ въ статьяхъ 85 и 86 уложенія о наказаніяхъ.

Къ такому различію въ исчисленіи сроковъ наказаній нѣтъ правильнаго основанія. Если справедливо зачитать въ срокъ наказанія время содержанія осужденныхъ въ тюрьмѣ послѣ объявленія имъ приговоровъ, то справедливо это въ одинаковой мѣрѣ какъ въ отношеніи осужденныхъ къ содержанію въ арестантскихъ ротахъ и рабочихъ домахъ, такъ и въ отношеніи приговоренныхъ къ ссылкѣ, которымъ однако не зачитается ни это время, ни проведенное въ пути къ

мѣсту назначенія. Между тѣмъ лишенія и страданія, переносимыя преступниками въ пути, какъ это доказываютъ собранныя о томъ и имѣющіяся въ виду государственнаго совѣта свѣдѣнія, превышаютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ самое наказаніе. Многіе изнемогаютъ подъ однимъ ихъ бременемъ и не мало такихъ, которые дѣлаются неспособными потомъ къ работамъ. Тягости слѣдованія въ Сибирь становятся еще чувствительнѣе при мысли, что всѣ перенесенныя бѣдствія не составляютъ наказанія, которое еще впереди, и даже не будутъ приняты ни въ какой расчетъ. Правда, что на устраненіе бѣдствій, претерпѣваемыхъ арестантами во время доставленія ихъ къ мѣсту назначенія, обращено уже вниманіе правительства и сдѣланы нѣкоторыя измѣненія къ лучшему устройству способовъ пересылки и перевозки арестантовъ, но и за всѣмъ тѣмъ пересылка для нихъ всегда будетъ соединена съ большими лишеніями, и по огромности разстояній, потребуетъ значительнаго времени. По этому зачисленіе этого времени въ срокъ положеннаго подсудимому наказанія было бы вполнѣ справедливою мѣрою, тѣмъ болѣе, что въ соображенія законодателя, конечно, не входило усилить этимъ способомъ самое наказаніе. Наконецъ, нельзя не принять во вниманіе, что Высочайшимъ указомъ 17 Апрѣля 1863 года сроки содержанія въ арестантскихъ ротахъ и прочихъ мѣстахъ заключенія значительно сокращены, а время каторжныхъ работъ, поселенія и безотлучнаго пребыванія ссыльныхъ въ назначенныхъ мѣстахъ жительства осталось безъ измѣненія. Если, не смотря на сокращеніе сроковъ наказаній, удержано въ силѣ правило, по которому время нахожденія въ тюрьмѣ для приговоренныхъ къ содержанію въ арестантскихъ ротахъ и въ рабочихъ домахъ зачитается въ срокъ наказанія, со дня объявленія приговора, то исчисленіе наказанія съ того же времени для каторжныхъ, ссыльно-поселенцевъ и ссылаемыхъ на житье соотвѣтствовало бы вполнѣ духу вышеприведеннаго всемилостивѣйшаго указа 17 Апрѣля 1863 года.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ коммисія признала необходимымъ принять за правило, что всѣ сроки наказанія, какъ-то: сроки работъ ссыльно-

каторжныхъ и поселенцевъ, безотлучнаго пребыванія въ назначенномъ мѣстѣ ссылаемыхъ на житье въ Сибирь или другія отдаленныя губерніи и содержанія въ арестантскихъ ротахъ, въ рабочемъ и смирительномъ домахъ или крѣпости, считаются для лицъ, содержавшихся во время суда подъ стражею, со дня вступленія приговора въ законную силу, съ зачисленіемъ времени проведеннаго ими послѣ того въ тюремномъ заключеніи и въ пути къ мѣсту назначенія.

О облегченіи наказательныхъ работъ женщинамъ беременнымъ или кормящимъ грудью младенцевъ (ст. 920).

По четвертому вопросу: слѣдуетъ ли женщинъ беременныхъ и кормящихъ грудью освобождать отъ арестантскихъ работъ, произошло разногласіе.

Мнѣніе трехъ членовъ.

Четыре члена (С. Зарудный, Любимовъ, Розовъ и Рѣпинскій) признаютъ такое освобожденіе безусловно необходимымъ, по слѣдующимъ соображеніямъ: утробный или кормящійся грудью младенецъ составляетъ до того неразрывную часть матери, что нарушеніе какого бы то ни было отправленія въ организмѣ послѣдней отражается всегда большимъ или меньшимъ вредомъ на развитіе и питаніе младенца. Не представляется никакой возможности удовлетворить правосудію надъ виновной матерью, не допустивъ въ тоже время неправосудія въ отношеніи къ невинному младенцу, особенно въ виду свойства арестантскихъ работъ и того надзора, который имѣется въ ссылкѣ и мѣстахъ заключенія. Арестантскія работы, кромѣ тяжести не по силамъ женщины, продолжительнаго напряженія мышцъ при изнурительномъ положеніи тѣла, кромѣ случайныхъ толчковъ, ушибовъ и паденія, уже тѣмъ вредны для утробнаго или питаемаго грудью младенца, что онѣ обязательны и не допускаютъ ни прекращенія работъ по желанію беременной женщины, ни отлучки съ работъ по надобности кормленія и дѣтскаго ухода. Наблюдать за состояніемъ беременной женщины или груднаго младенца, опредѣлять свойство и родъ работы, часы отдохновенія, время кормленія и потребности ухода за младенцемъ, въ настоящее время для арестантокъ не кому. При мѣстахъ заключенія, а еще болѣе ссылки и каторжныхъ

работъ, врачебнаго наблюденія не существуетъ, за недостаткомъ врачей вообще и особенно въ сибирскомъ краѣ, и невозможно требовать чтобы врачъ городовой или уѣздный, хотя и обязанный подавать пособіе заболѣвающимъ арестантамъ, но исправляющій многочисленныя другія обязанности въ обширномъ кругѣ дѣйствія по разстоянію, ежедневно находился при арестантахъ во время исполненія ими работъ. Смотрители тюремъ, начальники арестантскихъ ротъ и наблюдательная стража за отправленіемъ работъ сами не въ состояніи опредѣлять ни времени, ни мѣры, въ какой потребно облегченіе для предупрежденія вреда беременной женщинѣ или питаемому ею младенцу и, сверхъ того, не отличаются той внимательностію и человѣколюбіемъ, какія потребны въ этомъ дѣлѣ.

При такихъ условіяхъ, мысль о предупрежденіи вреда для беременныхъ женщинъ и грудныхъ дѣтей на практикѣ несовмѣстна съ исполненіемъ арестантскихъ работъ, и законъ обязательной работы для беременныхъ и кормящихъ грудью повлечетъ за собою въ примѣненіи всѣ вредныя послѣдствія, которыхъ тѣмъ необходимѣе для правосудія должно избѣгать, что отправленія работъ угрожаютъ вредомъ здоровью, не столько вообще самой беременной или кормящей грудью, сколько вредомъ и опасностью жизни утробному или питаемому грудью младенцу. Возраженія, что крестьянскія женщины при исполненіи полевыхъ и другихъ работъ благополучно рождаютъ и выкармливаютъ дѣтей; что освобожденіемъ арестантокъ отъ работъ было бы несправедливо ставить преступницъ въ лучшее положеніе, чѣмъ въ какомъ находятся крестьянки-матери; что сами врачи иногда назначаютъ беременнымъ, съ цѣлью сохраненія здоровья, движеніе и нѣкоторыя работы; что наконецъ освобожденіе арестантокъ отъ работъ по причинѣ беременности или кормленія грудью послужитъ побужденіемъ къ разврату, изъ желанія постоянно находиться въ томъ или другомъ состояніи,—не имѣютъ достаточныхъ основаній въ пользу узаконенія арестантскихъ работъ для беременныхъ и кормящихъ грудью. Правда, бываютъ примѣры благополучнаго разрѣшенія отъ

бремени крестьянскихъ женщинъ среди полевыхъ работъ и рожденія дѣтей, способныхъ къ жизни и продолжающихъ дальнѣйшее развитіе; но неизвѣстно, сколько отъ тяжелыхъ работъ бываетъ выкидышей, недоносковъ, мертво-рожденныхъ, уродовъ и не разрѣшившихся отъ бремени женщинъ; за недостаткомъ врачей и врачебнаго пособія сельскому населенію, статистика не выработала данныхъ, спеціально относящихся къ разрѣшенію этого важнаго вопроса, но уже представила общіе выводы, что у насъ вообще цифра смертности въ дѣтскомъ возрастѣ не имѣетъ себѣ равной. При томъ беременныя и кормящія грудью крестьянскія женщины находятся въ другомъ отношеніи къ своимъ работамъ, чѣмъ арестантки; первыя сами распоряжаются выборомъ занятій и отдохновеніемъ—руководясь чувствомъ усталости или нездоровья, а послѣднія должны подчиняться приказаніямъ непреклоннаго исполнителя требованій закона; крестьянка, идущая на работу, или беретъ дитя съ собою, ухаживаетъ за нимъ и кормитъ, когда это нужно, или оставляетъ дома на попеченіе близкихъ родныхъ и теплаго чувства; арестантка же, высылаемая на работу, принуждена оставить свое дитя, кому приведется, и дитя это не только не обезпечено уходомъ, но даже и пищею. По этому положеніе арестантки матери не только не лучше сравнительно съ крестьянской женщиной, но вполнѣ безотрадно и мучительно, не говоря уже о лишеніи свободы, удаленіи отъ родины, семейства и т. д., потерь ничѣмъ невознаградимыхъ и удовлетворяющихъ правосудію, если оно требуетъ возмездія за всякое преступленіе. Что касается назначенія врачами беременнымъ и кормящимъ грудью движенія или работы, то ни одинъ врачъ, ни въ какомъ періодѣ беременности или кормленія грудью, не предпишетъ такой арестантской работы, какъ ношеніе дровъ, стирка бѣлья, подниманіе горшковъ, выкачиваніе и ношеніе воды, земляныя работы и т. д., не смотря при томъ на температуру воздуха и ни на какую погоду, и если въ исправительныхъ и пенитенціарныхъ тюрьмахъ Европы работаютъ арестанты и даже охотно работаютъ, то ихъ работа, при лучшихъ гигіеническихъ

условіяхъ помѣщенія и содержанія, совершается по инструкціи, принаровленной къ возрасту, полу и состоянію здоровья, подъ непосредственнымъ и постояннымъ наблюденіемъ директоровъ коими иногда бываютъ врачи. Наконецъ опасеніе поощренія къ разврату арестантокъ изъ желанія пріобрѣсть беременность и продолжить кормленіе грудью, чтобы освободиться отъ работъ, представляется напраснымъ въ виду того, что злоупотребленіемъ половаго отправленія уничтожается способность и даже возможность беременности (примѣръ тому публичныя женщины), а съ начатою беременностію прекращается отдѣленіе молока и кормленіе грудью.

По симъ соображеніямъ *четыре члена* полагаютъ постановить слѣдующее правило: какъ въ ссылкѣ, такъ и въ мѣстахъ заключенія вообще, женщины беременныя и питающія грудью младенцевъ освобождаются отъ работъ.

Мнѣніе большинства. *Двадцать два члена (Баршевскій, Буцковскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Баронъ Вранель, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, Калачевъ, Квистъ, Книримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Плавскій, Поповъ, Принтцъ, Ровинскій, Романовскій, Спасовичъ, Чемадуровъ, Шечковъ, Шубинъ)* не считаютъ возможнымъ установить въ законѣ безусловное воспрещеніе употреблять въ работы арестантокъ беременныхъ и питающихъ грудью младенцевъ. Такое воспрещеніе дѣйствительно поставило-бы женщинъ арестантокъ въ гораздо лучшее положеніе противъ большей части не запятнавшихъ себя преступленіями женщинъ, которыя не только въ крестьянскомъ, но и въ другихъ сословіяхъ не рѣдко вынуждаются домашними обстоятельствами къ весьма тягостнымъ работамъ какъ во время беременности, такъ и въ періодъ кормленія грудью младенцевъ. Говорятъ, что исполненіе ими работъ не имѣетъ принудительнаго характера. Но развѣ нужда, необходимость имѣть для себя и для своего семейства средства пропитанія, не есть самое сильное нравственное принужденіе, котораго не испытываютъ арестантки, обезпеченныя въ первыхъ потребностяхъ жизни и имѣющія къ ихъ услугамъ и госпиталь и докто-

ра. Указываютъ, что арестантки почти лишены медицинской помощи, но несомнѣнно, что у нихъ такая помощь гораздо ближе подъ руками, нежели у большей части народонаселенія. При каждомъ мѣстѣ заключенія и при заводахъ, на которыхъ работаютъ ссыльно-каторжныя женщины, есть медики или фельдшера, которыхъ почти нѣтъ въ селахъ и деревняхъ.

Впрочемъ важнѣе всего то, что предполагаемое правило способно развить до высшихъ размѣровъ стремленіе къ разврату и можетъ послужить источникомъ къ неисчислимымъ злоупотребленіямъ. Оно подастъ лѣнивымъ самый благопріятный поводъ избѣгать работъ подъ предлогомъ развивающейся беременности, а извѣстно, какъ трудно распознать признаки справедливой и ложной беременности. Опасеніе подвергнуться отвѣтственности за неосвобожденіе отъ работъ, заставитъ лицъ, которымъ порученъ надзоръ за арестантками, увольнять отъ работъ и тѣхъ, у которыхъ признаки беременности весьма сомнительны. Хитростямъ и уловкамъ нельзя предвидѣть здѣсь конца и всѣ онѣ будутъ имѣть цѣлью сдѣлать приговоръ суда на дѣлѣ недѣйствительнымъ. Большинство членовъ не отвергаетъ необходимости оградить жизнь утробныхъ и питаемыхъ грудью младенцевъ отъ опасностей, соединенныхъ съ особеннымъ положеніемъ ихъ матерей—арестантокъ, но для этой цѣли вовсе не требуется совершеннаго послабленія наказанія самимъ осужденнымъ женщинамъ и введенія въ наказательную систему такихъ льготъ, которыми не пользуется большинство честныхъ гражданъ, не запятнавшихъ себя преступленіями. Въ особыхъ наказахъ, принадлежащихъ къ уставамъ о содержащихся подъ стражею и о ссыльныхъ, могутъ быть предписаны подробныя правила о назначеніи работъ для беременныхъ и кормящихъ грудью женщинъ, смотря по степени беременности, состоянію здоровья матери младенца и возрасту сего послѣдняго; могутъ быть опредѣлены тѣ работы, на которыя не должны быть вовсе употребляемы беременныя или кормящія грудью женщины; могутъ быть означены облегченія въ урокахъ и указаны тѣ случаи, въ которыхъ такія женщины должны подлежать

даже совершенному отъ работъ освобожденію въ теченіе извѣстнаго времени. Но, въ видѣ общаго правила, въ уставѣ уголовнаго судопроизводства слѣдуетъ выразить только ту мысль, что въ ссылкѣ и въ мѣстахъ заключенія женщинамъ беременнымъ или кормящимъ грудью младенцевъ работы облегчаются въ такой мѣрѣ, въ какой это необходимо для предупрежденія вреда самой женщинѣ или питаемому ею младенцу.

О справочныхъ книгахъ изъ обвинительныхъ приговоровъ.

При происходившихъ въ коммисіи преніяхъ объ исполненіи приговоровъ, возбужденъ былъ вопросъ о необходимости составленія изъ обвинительныхъ приговоровъ справочныхъ по уголовнымъ дѣламъ книгъ. По этому вопросу мнѣнія раздѣлились:

Мнѣніе четырехъ членовъ. Четыре члена *(Буцковскій, Любимовъ, Романовскій и Спасовичъ)* предъявили слѣдующее мнѣніе:

По уложенію о наказаніяхъ, къ числу обстоятельствъ, увеличивающихъ вину и наказаніе, принадлежатъ, и повтореніе тогожъ преступленія или учиненіе другаго послѣ суда и наказанія за первое, и впаденіе въ новое преступленіе, когда прежнее, не менѣе важное, было прощено виновному въ слѣдствіе общаго милостиваго манифеста, или по особому Монаршему снисхожденію (свод. т. XV улож. наказ. ст. 143). Въ случаѣ, когда законъ не назначаетъ именно наказанія за повтореніе тогожъ преступленія, или же за учиненіе онаго въ третій или четвертый разъ и т. д., судъ назначаетъ всегда самую высшую мѣру наказанія за то преступленіе, или за повтореніе онаго, или же за учиненіе въ третій разъ опредѣленнаго (ст. 144).

Для приведенія въ дѣйствіе закона о повтореніи преступленій возлагается на судъ учиненіе справокъ, между прочимъ, о порокахъ подсудимыхъ и взысканіяхъ, коимъ они подвергались (зак. угол. суд. ст. 293). Въ приговорѣ по каждому дѣлу судъ обязанъ озна-

чить: были ли въ его виду, въ числѣ обстоятельствъ, увеличивающихъ вину подсудимаго, свѣдѣнія о повтореніи имъ преступленія (ст. 357). На основаніи приведенныхъ законовъ, справка о томъ, не былъ ли обвиняемый прежде подъ судомъ и наказаніемъ, производится обыкновенно только въ дѣлахъ того суда, въ который слѣдствіе о немъ поступило. Изъ общепринятаго порядка составляютъ исключеніе только тѣ случаи, въ которыхъ при самомъ слѣдствіи сдѣлано было указаніе на прежнюю судимость обвиняемаго. Въ этихъ случаяхъ требуется копія съ приговора изъ того суда, которымъ обвиняемый былъ прежде судимъ, и если неизвѣстно съ точностію мѣсто или время постановленія приговора, то о приведеніи въ извѣстность прежней судимости обвиняемаго происходитъ иногда продолжительная переписка.

Изъ вышеизложеннаго видно, что законъ объ увеличеніи наказанія за повтореніе преступленій примѣняется у насъ случайно. Если обвиняемый въ преступленіи, совершенномъ имъ не въ первый разъ, судится въ томъ же судѣ, которымъ онъ былъ прежде осужденъ, то наказаніе ему увеличивается, а когда онъ судится во второй или третій разъ, но не въ томъ судѣ, гдѣ прежде былъ судимъ, то въ большей части случаевъ законъ о повтореніи преступленій оставляется безъ всякаго примѣненія. Чтобы убѣдиться, къ какой неуравнительности въ наказаніяхъ и, слѣдовательно, къ какой несправедливости приводитъ неустройство способа собранія справокъ, стоитъ только обратить вниманіе на то, что по нѣкоторымъ преступленіямъ повтореніе преступнаго дѣянія не только увеличиваетъ степень или даже родъ наказанія, но и возводитъ иногда законную кару отъ денежнаго взысканія до наказанія уголовнаго, состоящаго въ лишеніи всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе или въ каторжныя работы (Улож. наказ. ст. 207, 354, 676, 838, 839, 1201, 1337, 1343, 1999, 2227, 2228, 2232—2234, 2238, 2257, 2262—2264 и 2273). Нельзя безъ ужаса подумать, что при существующей нынѣ неурядицѣ въ собраніи справокъ, изъ двухъ подсудимыхъ одинаково виновныхъ, одинъ, по случаю

скрытія прежней своей судимости, подвергается только денежному взысканію, а другой который не хотѣлъ или не могъ ее скрыть, приговаривается къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе, или же одинъ присуждается къ заключенію въ смирительномъ домѣ на одинъ годъ, а другой подвергается лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на шесть лѣтъ (ст. 838 и 839). Одно изъ двухъ: или законъ объ увеличеніи наказанія по поводу повторенія преступленія долженъ быть отмѣненъ, или слѣдуетъ принять безотлагательно правильную систему собранія справокъ. Нѣтъ сомнѣнія, что изъ этой дилеммы можно выйти только послѣднимъ способомъ, потому что, если законъ о повтореніи преступленій и будетъ введенъ въ болѣе тѣсные предѣлы, то все таки, въ существѣ своемъ, онъ сохранитъ надлежащую силу для обузданія людей, преклонныхъ къ злу.

Во Франціи, до 1850 года, для справокъ о рѣшенныхъ уголовныхъ дѣлахъ, принятъ былъ слѣдующій порядокъ:

Секретари судовъ исправительныхъ и судовъ ассизныхъ обязаны были вносить, въ алфавитномъ порядкѣ, въ особый реестръ имя, фамилію, занятіе, возрастъ и мѣсто жительства каждаго лица, приговореннаго къ исправительному тюремному заключенію (emprisonement correctionel) или къ наказанію болѣе тяжкому. Реестръ этотъ содержалъ въ себѣ, сверхъ того, краткія свѣдѣнія (notice sommaire) изъ каждаго дѣла и обвинительнаго приговора. Каждые три мѣсяца копіи съ этихъ реестровъ посылались секретарями къ министрамъ юстиціи и внутреннихъ дѣлъ, у которыхъ велся въ той же формѣ общій реестръ (code d' instruction criminelle art. 600—602).

Въ 1850 году, во Франціи введенъ новый порядокъ собранія свѣдѣній о рѣшенныхъ дѣлахъ, отличающійся отъ прежняго тѣмъ: 1) что свѣдѣнія эти собираются въ каждомъ окружномъ судѣ (tribunal civil) не изъ однихъ его рѣшеній, но вообще изъ всѣхъ опредѣленій, относящихся къ лицамъ, которыя по мѣсту рожденія принадлежатъ къ округу суда; 2) что свѣдѣнія эти

объемлютъ не только приговоры уголовные и исправительные (en matière correctionnelle), но также дисциплинарныя мѣры и опредѣленія о несостоятельности, и 3) что свѣдѣнія эти излагаются не въ реестрахъ, но на особыхъ билетахъ или ярлыкахъ, которые чрезъ каждыя двѣ недѣли представляются генералъ-прокурорамъ, а отъ нихъ разсылаются по секретарствамъ тѣхъ судовъ, гдѣ они должны быть хранимы. Такимъ образомъ о каждомъ подсудимомъ всѣ справки требуются изъ секретарства того суда, въ округѣ котораго онъ числится по мѣсту рожденія.

Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что означенный выше порядокъ собранія справокъ бы бы неудобенъ въ Россіи, гдѣ по громадности разстояній между судами различныхъ краевъ Имперіи и по неудовлетворительнымъ средствамъ сообщенія, какъ распредѣленіе свѣдѣній о рѣшенныхъ дѣлахъ по мѣстамъ, откуда осужденные происходятъ родомъ, такъ и самое требованіе справокъ съ одного конца государства на другой, суть такія средства, которыя потребовали бы сложнаго механизма для ихъ примѣненія и во всякомъ случаѣ приводимы были бы въ дѣйствіе съ большою потерею времени, слѣдовательно замедляли бы постоянно ходъ уголовныхъ дѣлъ.

По условіямъ нашего быта, намъ нужно, чтобы справочныя книги о рѣшенныхъ уголовныхъ дѣлахъ находились подъ руками у прокуроровъ и судей, и чтобы сношенія по этому предмету производимы были токмо въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый отрицаетъ тождество свое съ тѣмъ лицомъ, которое въ справочныхъ книгахъ значится подъ признаками, опредѣляющими его личность, а для этого по уголовнымъ дѣламъ надлежитъ установить систему справокъ на подобіе той, которая существуетъ для справокъ по дѣламъ гражданскимъ о запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ на имѣнія. Говорятъ, что составленіе справочныхъ книгъ потребуетъ значительнаго увеличенія канцелярій судебныхъ мѣстъ и большихъ расходовъ. Но едва ли это такъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ коммисіею въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, тамъ производилось весьма не много такихъ дѣлъ, которыя при новомъ порядкѣ

судопроизводства подсудны были бы окружнымъ судамъ: въ Псковской губерніи 284, а въ Новгородской 478. Если въ этихъ губерніяхъ будетъ только по два окружныхъ суда, то на каждый изъ нихъ придется: въ Псковской губерніи около 150, а въ Новгородской около 240 дѣлъ. Если по этимъ дѣламъ двѣ трети приговоровъ будутъ обвинительныя, то каждый судъ внесетъ въ справочную книгу краткихъ статей изъ тѣхъ приговоровъ: въ Псковской губерніи около ста, а въ Новгородской—около 150 въ теченіе года. Это такъ не трудно, что объ увеличеніи канцелярій собственно для этихъ занятій не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что при устномъ порядкѣ судопроизводства канцеляріи судебныхъ мѣстъ вовсе не будутъ обременены занятіями. Что же касается расхода на печатаніе справочныхъ книгъ, то при краткости статей, въ нихъ помѣщаемыхъ, расходъ этотъ не можетъ быть значительнымъ.

По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ *четыре члена* полагали бы принять слѣдующія правила:

1) о всѣхъ вошедшихъ въ законную силу *обвинительныхъ* приговорахъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ составляются краткія статьи, въ коихъ означаются:

а) судъ, постановившій приговоръ;

б) званіе, имя, отчество, фамилія или прозвище, лѣта, занятія или ремесло и мѣсто постояннаго жительства подсудимаго;

в) преступное дѣяніе, за которое онъ былъ судимъ, и

г) сущность приговора, съ указаніемъ времени, когда онъ постановленъ.

2) Мировые съѣзды составляютъ краткіе статьи изъ своихъ обвинительныхъ приговоровъ только по дѣламъ о кражѣ, мошенничествѣ и тому подобныхъ преступленіяхъ, за которыя подсудимые приговорены къ заключенію въ рабочемъ домѣ.

3) Мировые съѣзды и судебныя палаты, по истеченіи каждаго мѣсяца, а окружные суды, по закрытіи каждаго періода судебныхъ засѣданій, препровождаютъ въ сенатскую типографію краткія статьи изъ обвинительныхъ приго-

воровъ, за подписью предсѣдателя и прокурора или его товарища.

4) По краткимъ статьямъ изъ обвинительныхъ приговоровъ въ сенатской типографіи составляется, въ теченіе каждой трети года, особая книга съ алфавитнымъ указателемъ осужденныхъ лицъ. Книга эта печатается въ числѣ экземпляровъ, соотвѣтствующемъ числу мировыхъ съѣздовъ, окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, и разсылается въ эти мѣста безъ замедленія.

5) При производствѣ слѣдствія о каждомъ обвиняемомъ, прокуроръ или его товарищъ обязанъ навести по книгамъ обвинительныхъ приговоровъ справку: не былъ ли обвиняемый прежде сего осужденъ и наказанъ за какое либо преступленіе.

6) Когда по справкѣ окажется прежняя судимость обвиняемаго, то краткая статья изъ обвинительнаго приговора ему предъявляется, и если онъ утвердитъ свое тождество съ наказаннымъ лицомъ, то затѣмъ никакихъ дальнѣйшихъ справокъ не производится, а въ противномъ случаѣ прокуроръ или его товарищъ приводитъ это обстоятельство въ извѣстность посредствомъ надлежащихъ съ кѣмъ слѣдуетъ сношеній. Такимъ же образомъ надлежитъ поступать и въ томъ случаѣ, когда будетъ въ виду какое либо указаніе на то, что обвиняемый былъ судимъ послѣ составленія послѣдней книги о обвинительныхъ приговорахъ.

Мнѣніе большинства.

Двадцать два члена (Баршевскій, Бычковъ, Вилинбаховъ, Баронъ Врангель, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, Зарудный, Калачевъ, Квистъ, Кнримъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Плавскій, Поповъ, Принцъ, Ровинскій, Розовъ, Рѣпинскій, Чемадуровъ, Шечковъ и Шубинъ) не отвергая извѣстной доли пользы отъ предлагаемаго порядка, находятъ однако что онъ далеко не соотвѣтствуетъ практическимъ потребностямъ и былъ бы скорѣе стѣснительнымъ, чѣмъ полезнымъ.

Съ перваго взгляда на предлагаемыя справочныя книги нельзя не замѣтить, что составленіе ихъ потребуетъ много труда и большихъ расходовъ. Нелегко исполнить требованіе, чтобы

о всѣхъ обвинительныхъ приговорахъ окружныхъ судовъ, палатъ и мировыхъ съѣздовъ (по приговорамъ, осуждающимъ къ рабочему дому) были составляемы *краткія* статьи, и что бы въ теченіи каждой трети года въ сенатской типографіи печатались книги обвинительныхъ приговоровъ, съ алфавитнымъ указателемъ, разсылаемыя во всѣ палаты, окружные суды и мировые съѣзды. Для исполненія этого требованія необходимо было бы прежде всего усилить комплектъ канцелярій при судебныхъ мѣстахъ и учредить особыя отдѣленія при сенатской типографіи. Уваженія эти были бы, конечно, второстепенныя, если бы отъ предлагаемыхъ мѣръ можно было ожидать дѣйствительно полезныхъ послѣдствій. Между тѣмъ всѣ эти расходы и весь этотъ трудъ привели бы на дѣлѣ къ весьма неважнымъ результатамъ, по слѣдующимъ причинамъ:

1) Если заводить такіе реестры, то необходимо, чтобы они были полные; иначе будетъ таже неуравнительность наказаній, на которую указываетъ меньшинство. Предлагаемые же реестры не будутъ полны даже относительно тѣхъ дѣлъ, при которыхъ повтореніе имѣетъ наибольшее вліяніе на степень наказанія, а именно по дѣламъ о кражѣ. Бо́льшая часть ихъ будетъ производиться у мировыхъ судей, не восходя вовсе до мироваго съѣзда, если не послѣдуетъ отзыва на приговоръ судьи; но это, вѣроятно, будетъ весьма часто при рѣшеніи дѣлъ почти вслѣдъ за совершеніемъ преступныхъ дѣйствій и при очевидности и убѣдительности только что собранныхъ доказательствъ. Требовать же и отъ мировыхъ судей представленія подобныхъ свѣдѣній было бы, разумѣется, невозможно.

2) При рѣшеніи мировыми судьями многихъ весьма важныхъ дѣлъ, для справедливости приговоровъ слѣдовало бы доставлять имъ также экземпляры реестровъ; иначе желаемая уравнительность наказаній все таки не будетъ достигаема.

3) Приводимые примѣры, что въ случаѣ повторенія нѣкоторыхъ преступныхъ дѣйствій, влекущихъ за собою въ первый разъ денежныя

взысканія, а въ послѣдующіе разы даже ссылку на поселеніе, убѣждаютъ равнымъ образомъ въ безполезности такихъ реестровъ, ибо въ нихъ не предполагается вовсе вносить рѣшенія, присуждающія къ денежнымъ взысканіямъ. Притомъ едва ли желательно установлять столь сложную процедуру, главное для достиженія въ этихъ случаяхъ непомѣрной строгости наказанія. Самимъ правительствомъ признана уже необходимость пересмотра дѣйствующаго уголовнаго закона, и въ этихъ видахъ Высочайше повелѣно потребовать отъ предсѣдателей уголовныхъ палатъ и прокуроровъ практическихъ замѣчаній на уложеніе о наказаніяхъ 1845 года.

4) Чрезъ три или четыре года, не говоря уже о болѣе продолжительномъ періодѣ времени, справочныя книги, особенно если составлять ихъ совершенно полными, достигнутъ весьма большаго числа и громадныхъ объемовъ, а вслѣдствіе того руководствоваться ими будетъ въ высшей степени затруднительно, чтобы не сказать невозможно. По этому предписываемыя справки обратятся въ одну пустую и неисполнимую формальность.

5) Подлежитъ еще сомнѣнію, будутъ ли эти книги вѣрнѣе всѣхъ другихъ нынѣшнихъ оффиціальныхъ отчетовъ и не поведутъ ли онѣ весьма часто къ постановленію несправедливыхъ по излишней своей строгости приговоровъ, несравненно болѣе опасныхъ, нежели упущеніе изъ виду повторенія преступленія.

6) При изобиліи у нашего простаго народа именныхъ фамилій, будутъ возникать постоянныя сомнѣнія: тотъ ли это Петръ Ивановъ, или Василій Петровъ? Самъ подсудимый, разумѣется, будетъ отпѣкиваться, необходимы будутъ письменныя справки, но какъ и онѣ не всегда помогутъ дѣлу, то придется пересылать подсудимаго, можетъ быть въ отдаленнѣйшіе края Россіи, для удостовѣренія въ его тождествѣ съ тѣмъ лицомъ, которое въ книгѣ значится совершившимъ преступленіе.

На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, *двадцать два члена* не признаютъ удобнымъ установлять предлагаемые реестры. Однако изъ этого

еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы правило о повтореніи должно было обратиться въ мертвую букву; напротивъ того оно будетъ примѣняться во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда самъ подсудимый, или полиція, или судебный слѣдователь, или кто либо изъ свидѣтелей, или присяжныхъ, или же прокуроръ, или наконецъ сами судьи удостовѣрятъ о прежней винѣ подсудимаго. Однимъ словомъ, правило о повтореніи будетъ имѣть у насъ тоже значеніе, какъ и во многихъ другихъ европейскихъ государствахъ, которыми, не смотря на значительно мѣньшее ихъ пространство, подобные реестры признаны неудобными.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О возмѣщеніи судебныхъ издержекъ по уголовнымъ дѣламъ (ст. 927—949).

Въ основныхъ положеніяхъ преобразованія судебной части постановлены по настоящему предмету слѣдующія правила:

Всѣ расходы по уголовнымъ дѣламъ производятся изъ суммъ, состоящихъ въ распоряженіи правительства. Одни изъ нихъ, впослѣдствіи, взыскиваются съ виновныхъ; другіе принимаются окончательно на счетъ упомянутыхъ суммъ правительства (Осн. Пол. ч. II ст. 154).

Съ виновныхъ взыскиваются слѣдующіе расходы:

1) деньги на прогоны и содержаніе въ пути лицъ, отряжаемыхъ для слѣдственныхъ дѣйствій;

2) вознагражденіе свѣдущихъ людей, свидѣтелей и другихъ лицъ, когда они призываются къ слѣдствію и суду вдали отъ мѣста ихъ жительства;

3) издержки на храненіе и пересылку вещей, служащихъ къ изслѣдованію происшествія и на припечатаніе въ вѣдомостяхъ, и

4) издержки на матеріалы и на производство химическихъ и техническихъ изслѣдованій при уголовномъ слѣдствіи (ст. 155).

Когда преступленіе или проступокъ учинены нѣсколькими лицами, то платежъ употребленныхъ на производство дѣла издержекъ распредѣляется между участниками, по усмотрѣнію суда, сообразно съ мѣрою вины и степенью ихъ участія въ ней. Зачинщики и главные виновные отвѣтствуютъ во взносѣ слѣдующихъ съ нихъ суммъ всѣ совокупно (ст. 156).

Всѣ дѣла по преступленіямъ и проступкамъ производятся на простой бумагѣ, безъ взысканія какихъ либо пошлинъ (ст. 157).

При развитіи приведенныхъ основныхъ положеній, коммисія остановилась на слѣдующихъ вопросахъ:

1) слѣдуетъ ли назначать вознагражденіе свидѣтелямъ и свѣдущимъ людямъ, призываемымъ къ слѣдствію и суду въ мѣстѣ ихъ жительства;

2) въ какихъ размѣрахъ должны быть взыскиваемы съ виновныхъ отнесенныя на ихъ счетъ издержки;

3) въ теченіи какого срока участвующія въ дѣлѣ лица имѣютъ право просить о вознагражденіи ихъ, и откуда и изъ какихъ суммъ оно должно выдаваться;

4) какой порядокъ слѣдуетъ установить въ опредѣленіи и взысканіи судебныхъ издержекъ?

О вознагражденіи свидѣтелей и свѣдущихъ людей, призываемыхъ къ слѣдствію или суду въ мѣстѣ ихъ жительства (ст. 928).

По первому вопросу произошло въ коммисіи разногласіе.

Мнѣніе четырехъ членовъ.

Четыре члена (Бычковъ, Книримъ, Рѣпинскій и Розовъ) заявили, что по ст. 927, съ лицъ, приговоренныхъ къ платежу судебныхъ издержекъ, взыскиваются деньги на вознагражденіе свѣдущихъ людей и свидѣтелей, призываемыхъ къ слѣдствію и суду не въ мѣстѣ ихъ жительства. По ст. 287, 292 и 393 означенныя лица, за неявку къ слѣдствію, будутъ ли они приглашены въ мѣстѣ ихъ жительства или внѣ онаго,

подвергаются одинаково отвѣтственности: свѣдущіе люди денежному взысканію наравнѣ съ понятыми отъ 50 коп. до 25 рублей, а свидѣтели отъ 50 коп. до 50 рублей, и затѣмъ послѣ вторичной повѣстки послѣдніе подвергаются еще приводу. Явиться къ слѣдствію или въ судъ свѣдущему лицу и свидѣтелю, вообще, менѣе обременительно на мѣстѣ жительства, чѣмъ внѣ онаго; но явка со стороны свѣдущихъ лицъ и свидѣтелей требуется немедленная по полученіи повѣстки и въ срокъ, а могущая произойти потеря ихъ частныхъ интересовъ, за неожиданнымъ востребованіемъ суда, не только не вознаграждается, но и не освобождаетъ отъ взысканія (ст. 339 и 393); призывъ свидѣтеля и свѣдущаго лица можетъ быть неоднократный при слѣдствіи и, сверхъ того, въ засѣданіе суда, а трата времени и труда, особенно при исполненіи обязанностей экспертами (какъ при производствѣ измѣреній, сложныхъ счетовъ, химико-микроскопическихъ изслѣдованій), можетъ быть значительная; наконецъ, въ числѣ экспертовъ и свидѣтелей найдется много людей такого состоянія и положенія, что для нихъ всякая потеря времени равняется лишенію средствъ къ дневному пропитанію. По сему справедливость и даже интересы правосудія требуютъ, чтобы свѣдущіе люди и свидѣтели сохранили право на вознагражденіе, когда призываются къ слѣдствію и суду и въ мѣстѣ ихъ жительства, и тѣмъ самымъ первые поощрялись къ неторопливому и тщательному исполненію поручаемаго дѣла, а послѣдніе не вынуждались, изъ-за невознаграждаемой потери времени, уклоняться отъ свидѣтельства. Затрудненія касательно правильности опредѣленія мѣры вознагражденія по качеству труда и количеству потери времени, могутъ быть удовлетворительно разрѣшаемы на практикѣ особымъ въ каждомъ случаѣ опредѣленіемъ, по усмотрѣнію суда. Затѣмъ, имѣя въ виду общій законъ о вознагражденіи, свѣдущіе люди и свидѣтели почтутъ себя удовлетворенными и въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда судъ откажетъ имъ въ вознагражденіи по несостоятельности лицъ, приговоренныхъ къ платежу судебныхъ издержекъ. По симъ соображеніямъ *четыре члена* полага-

ютъ постановить, что свѣдущимъ людямъ и свидѣтелямъ дозволяется просить вознагражденія, хотя бы они призваны были къ слѣдствію или въ судъ и въ мѣстѣ ихъ жительства.

Мнѣніе большинства.

Двадцать два члена (Баршевскій, Буцковскій, Вилинбаховъ, Баронъ Вранель, Гуринъ, Даневскій, Есиповичъ, Зарудный, Калачевъ, Квистъ, Ковалевскій, Крейтеръ, Любимовъ, Плавскій, Поповъ, Принтцъ, Ровинскій, Романовскій, Спасовичъ, Чемадуровъ, Шечковъ и Шубинъ) не признали возможнымъ согласиться съ вышеизложеннымъ мнѣніемъ. Въ обширномъ смыслѣ, подъ вознагражденіемъ свѣдущихъ людей, свидѣтелей и другихъ лицъ, призываемыхъ къ слѣдствію и суду, можно дѣйствительно подразумѣвать не только возмѣщеніе сдѣланныхъ ими тратъ на путевыя и другія издержки, бывшія послѣдствіемъ вызова требуемыхъ къ слѣдствію или суду лицъ, но также вознагражденіе за потерю времени и отвлеченіе отъ домашнихъ занятій.—При обсужденіи вопроса о томъ, слѣдуетъ ли по дѣламъ уголовнымъ опредѣлять вознагражденіе послѣдняго рода, нельзя оставить безъ вниманія, что государство, ограждая уголовнымъ правосудіемъ интересы всего общества, вправѣ требовать отъ частныхъ лицъ нѣкотораго съ ихъ стороны содѣйствія, обнаруживающагося преимущественно въ показаніяхъ при слѣдствіи и судѣ, въ качествѣ свидѣтелей или свѣдущихъ людей.—Интересы частныхъ лицъ, хотя и посредственно, но такъ сильно затронуты въ обузданіи нарушителей общественной безопасности и въ возстановленіи попранныхъ ими правъ, что на обязанность свидѣтельствовать нельзя смотрѣть только съ экономической точки зрѣнія, какъ на трудъ, за который должно заплатить или само государство, или лица, признанныя виновными. Вознагражденіе призываемыхъ лицъ, за потерю времени и отвлеченіе отъ ихъ занятій, невозможно и потому, что при одинаковой обязанности всѣхъ лицъ содѣйствовать правительству въ обнаруженіи преступленій не представляется возможности установить одинаковую норму такого вознагражденія. Та плата, которая съ избыткомъ удовлетворила-бы поденщика, земледѣльца, ремесленника,

немогла-бы вознаградить и въ малой долѣ купца, ученаго или государственнаго мужа, за отвлеченіе отъ ихъ дѣлъ. Да и какъ опредѣлить цѣнность того, что не подлежитъ, по большей части, вещественной оцѣкѣ.—На этихъ основаніяхъ, только издержки одной первой категоріи, т. е. путевыя и на дневное довольствіе внѣ мѣста жительства подлежатъ вознагражденію со стороны казны или обвиненныхъ. Однѣ эти издержки, по отдаленности нашихъ разстояній, по значительному числу совершающихся у насъ преступленій и по отсутствію, въ большей части случаевъ, возможности взыскать ихъ съ виновныхъ лицъ, падутъ не малымъ бременемъ на казну, доселѣ незнавшую подобныхъ расходовъ. Свидѣтели и свѣдущія лица, призываемыя къ слѣдствію и суду въ мѣстѣ ихъ жительства, не отрываются на долгое время отъ своихъ занятій, и не дѣлаютъ никакихъ экстренныхъ затратъ на пустыя издержки и свое дневное довольствіе, которымъ они пользуются у себя въ домѣ. По этому назначеніе имъ вознагражденія было-бы явною *несправедливостью* въ отношеніи тѣхъ, которые обречены на всѣ эти неудобства и издержки, и не можетъ быть оправдано дѣлаемою четырьмя членами ссылкою на неправильность въ противномъ случаѣ одинаковаго размѣра взысканія съ свидѣтелей и свѣдущихъ людей, за неявку по призыву, къ слѣдствію или суду. Взысканіе за неявку, по требованію слѣдователя или суда, установлено на другихъ совершенно основаніяхъ; но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что чѣмъ съ меньшими затрудненіями сопряжена неявка, тѣмъ размѣръ штрафа, сообразно съ средствами неявившагося, долженъ быть значительнѣе.

По этимъ соображеніямъ и на точномъ основаніи 155-й ст. основныхъ положеній, въ которой положительно выражено, что вознагражденіе свѣдущихъ людей, свидѣтелей и другихъ лицъ назначается только въ случаяхъ, когда они призываются къ слѣдствію и суду вдали отъ мѣста ихъ жительства, большинство членовъ не признало нужнымъ распространять это правило, и потому положило выразить въ уставѣ, что съ лицъ, приговоренныхъ къ платежу судебныхъ из-

держекъ, взыскивается, между прочимъ, вознагражденіе свѣдущихъ людей, свидѣтелей и другихъ лицъ, призываемыхъ къ слѣдствію и суду не въ мѣстѣ ихъ жительства.

О размѣрѣ взысканія судебныхъ издержекъ (ст. 929—933).

По второму вопросу о размѣрѣ взысканія издержекъ, коммисія признала возможнымъ войти здѣсь въ разсмотрѣніе только тѣхъ издержекъ, которыя неопредѣлены въ другихъ законоположеніяхъ. По этой причинѣ коммисія не коснулась здѣсь опредѣленія количества прогонныхъ и суточныхъ денегъ судебнымъ чинамъ, отряжаемымъ для слѣдственныхъ дѣйствій, такъ какъ предметъ этотъ разсмотрѣнъ и опредѣленъ въ проектѣ устава учрежденія судебныхъ мѣстъ. Въ этой главѣ признано необходимымъ упомянуть только о томъ, что медицинскіе чины, въ случаѣ призыва ихъ для судебно-медицинскихъ изслѣдованій не въ мѣстѣ ихъ пребыванія, получаютъ деньги на прогоны и содержаніе въ пути по чину или классу, соотвѣтствующему ученой степени, наравнѣ съ чиновниками, командируемыми по дѣламъ службы. Но коммисія не сочла себя компетентною для опредѣленія платы за реагенціи, необходимыя при судебно-химическихъ изслѣдованіяхъ, и потому ограничилась заявленіемъ въ уставѣ, что эта плата производится по особой таксѣ, установленной медицинскимъ совѣтомъ. Въ отношеніи издержекъ на укупорку и пересылку веществъ, подлежащихъ судебно-химическому изслѣдованію, а также на пересылку другихъ вещественныхъ знаковъ преступленія, коммисія тоже не сочла возможнымъ установить какую-либо норму, но постановила правиломъ, что расходы по этимъ статьямъ уплачиваются по мѣстнымъ цѣнамъ употребленныхъ для сего матеріаловъ, рабочихъ и подводъ. Такимъ образомъ коммисія остановилась преимущественно на опредѣленіи размѣра вознагражденія свѣдущимъ людямъ, свидѣтелямъ и другимъ постороннимъ дѣлу лицамъ, когда они призываются къ слѣдствію и суду. При обсужденіи этого предмета, коммисія приняла во вниманіе, что вознагражденіе всѣхъ вышеозначенныхъ лицъ, за путевыя издержки и дневное довольствіе, должно быть установлено, безъ всякаго соображенія съ расходами, которые по этому предмету сдѣ-

лали тѣ или другія лица, смотря по болѣе или менѣе усвоеннымъ ими привычкамъ комфорта и роскоши. Размѣръ вознагражденія постороннихъ лицъ, призываемыхъ къ слѣдствію и суду, долженъ быть единообразный и при томъ на столько умѣренный, чтобы дать только людямъ вполнѣ недостаточнымъ, принадлежащимъ преимущественно къ низшему классу народонаселенія, возможность прибыть къ мѣсту вызова, не подвергаясь разорительнымъ издержкамъ. На этомъ основаніи, коммисія признала достаточнымъ опредѣлить такое вознагражденіе выдачею по 10-ти копѣекъ на каждую версту пути, совершаемаго къ мѣсту вызова и обратно, съ тѣмъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда вызовъ дѣлается по направленію желѣзной дороги, прогонныя деньги замѣнялись платою за проѣздъ въ мѣстахъ низшаго класса. Исчисленіе прогонныхъ денегъ должно производиться по дорожнику, издаваемому отъ почтоваго вѣдомства, а тамъ, гдѣ нѣтъ дорогъ почтовыхъ, по составленнымъ мѣстными начальствами табелямъ о взаимныхъ разстояніяхъ между городами, мѣстечками и посадами, селами и деревнями. Размѣръ суточныхъ денегъ опредѣленъ коммисіею въ 25 копѣекъ, какъ вполнѣ достаточный для неприхотливаго пропитанія людей простаго званія.

О порядкѣ предъявленія требованій о вознагражденіи свидѣтелей и свѣдущихъ людей (ст. 936 и 937).

По третьему вопросу о томъ, въ теченіи какого срока вышеозначенныя лица имѣютъ право просить о вознагражденіи, и откуда и изъ какихъ суммъ оно должно быть выдаваемо, коммисія нашла, что, съ окончаніемъ производства каждаго дѣла, должны быть приведены въ извѣстность всѣ судебныя издержки, какъ для означенія ихъ въ приговорѣ, такъ и для опредѣленія, какія изъ нихъ слѣдуетъ принять на счетъ казны и какія возмѣстить съ виновныхъ. На этомъ основаніи, срокъ для предъявленія требованій о вознагражденіи опредѣляется самъ собою — временемъ объявленія приговора, такъ что тѣ, которые не предъявили требованія до этого срока, должны быть почитаемы отказавшимися отъ своего права. Выдача вознагражденія, по мнѣнію коммисіи, должна производиться

судомъ даже и въ случаяхъ, когда она слѣдуетъ лицамъ, призываемымъ къ предварительному слѣдствію. Предоставленіе слѣдователямъ выдавать вознагражденіе отъ себя непосредственно повлекло-бы необходимость ввѣрить въ ихъ распоряженіе особыя на это суммы, въ храненіи и въ отчетности которыхъ они встрѣтили бы значительныя затрудненія по роду своей службы, требующей частаго перемѣщенія съ одной мѣстности на другую. Съ тѣмъ вмѣстѣ потребовалось бы установить за ними особый контроль, что повело бы къ увеличенію, безъ всякаго отношенія къ отправленію правосудія, издержекъ на судебное вѣдомство.—На расходы какъ по этому, такъ и по другимъ предметамъ, вызываемымъ производствомъ уголовныхъ дѣлъ, слѣдуетъ ассигновать въ распоряженіе судебныхъ мѣстъ особыя примѣрныя суммы, въ израсходованіи которыхъ должны быть представляемы отчеты установленнымъ порядкомъ.

О порядкѣ опредѣленія судебныхъ издержекъ (ст. 944 и 947).

По четвертому вопросу, относительно порядка опредѣленія и взысканія судебныхъ издержекъ коммисія признала, что въ уголовномъ приго[во]рѣ опредѣленіе о судебныхъ издержкахъ имѣ[ет] второстепенное значеніе, по чему подроб[ный] ихъ расчетъ не можетъ имѣть въ немъ мѣс[та].— Такой расчетъ, будучи нерѣдко сопряженъ съ дробнымъ и сложнымъ исчисленіемъ, могъ бы замедлить изготовленіе уголовнаго приговора, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда къ слѣдствію и суду призвано было значительное число лицъ и необходимы были судебно-медицинскія изслѣдованія и пересылка вещественныхъ доказательствъ. По этимъ причинамъ коммисія признала за лучшее постановить, что въ судебномъ приговорѣ означается только: на кого именно обращается возмѣщеніе судебныхъ издержекъ, въ какой постепенности и какая часть ихъ падаетъ на каждаго изъ осужденныхъ; подробное же исчисленіе издержекъ, съ указаніемъ, на какіе предметы онѣ употреблены, дѣлается въ особомъ опредѣленіи, которое постановляется по объявленіи приговора. Сообразно съ такимъ порядкомъ установленъ коммисіею и способъ обжалованія состоявшихся по этому предмету

опредѣленій. Какъ опредѣленіе о томъ, кто долженъ нести судебныя издержки, входитъ въ составъ судебнаго приговора, то и не можетъ быть опровергаемо иначе, какъ вмѣстѣ съ самымъ приговоромъ, а отдѣльныя жалобы, въ частномъ порядкѣ, могутъ быть допущены только на невѣрность или неправильность расчета. Частныя жалобы этого рода должны быть приносимы, на общемъ основаніи, въ двухнедѣльный срокъ со времени предъявленія сдѣланнаго расчета чрезъ судебнаго пристава лицамъ, присужденнымъ къ платежу издержекъ, или тѣмъ, къ коимъ поступило имущество осужденныхъ преступниковъ.

О порядкѣ взысканія судебныхъ издержекъ (ст. 948 и 949).

Въ порядкѣ взысканія судебныхъ издержекъ, коммисія признала нужнымъ предусмотрѣть тотъ случай, когда на одно и тоже лицо обращено и возмѣщеніе судебныхъ издержекъ и вознагражденіе за причиненные его преступленіемъ вредъ, убытки или обиды. При столкновеніи этихъ двухъ взысканій на одномъ лицѣ, вознагражденію частнаго вреда, убытка или обиды должно отдать предпочтеніе согласно съ постановленнымъ въ уложеніи о наказаніяхъ общимъ правиломъ (ст. 67), объ удовлетвореніи частныхъ исковъ о вознагражденіи прежде судебнаго денежнаго взысканія въ пользу казны.

Равномѣрно коммисія нашла неизлишнимъ упомянуть и о томъ случаѣ, когда возмѣщеніе судебныхъ издержекъ отнесено на такое лицо, которое впослѣдствіи умерло. Принявъ во вниманіе, что до вступленія приговора въ законную силу, присужденное къ такому взысканію лицо имѣетъ право принести жалобу, по которой можетъ послѣдовать измѣненіе или совершенная отмѣна постановленнаго о немъ приговора, коммисія признала, что возмѣщеніе издержекъ съ умершихъ лицъ можетъ имѣть мѣсто только въ томъ случаѣ, когда смерть послѣдовала по вступленіи приговора въ законную силу. Въ такомъ случаѣ взысканіе налагается на оставшееся послѣ умершаго имущество.